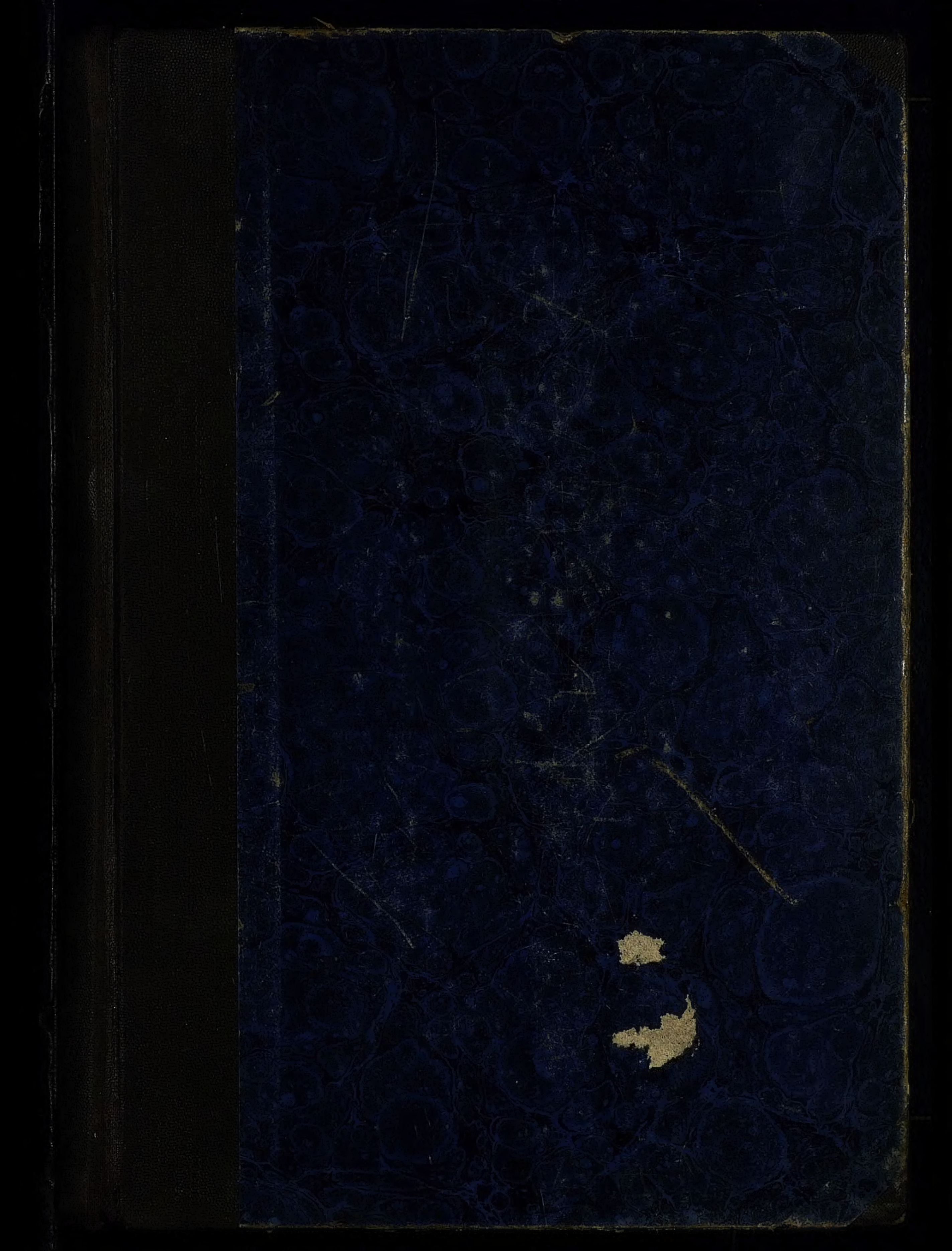

О „Словѣ" — Пиксановъ

Жив. стр. 158-164.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LV.

1915.

ЯНВАРЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

(См. на 3-й стр. обл.).

Отдѣлъ по народному образованію.

Отзывы о книгахъ:

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ по классической филологіи.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го января).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра (тел. 83—17). Иногородніе могутъ подписываться въ почтовыхъ отдѣленіяхъ или вносить деньги въ мѣстныя казначейства (въ § 22, ст. 14 государственныхъ доходовъ) при заявленіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ квитанція, полученная изъ казначейства, высылается въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ Петроградѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу — **16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1876, 1882, 1887, 1900, 1902 — 1909, 1911 — 1914 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „**Журналѣ**" съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ „**Извѣстія по народному образованію**" съ приложеніемъ „**Справочной книги по низшему образованію**". „**Извѣстія**" воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „**Журнала**", но „**Справочная книга**" составляетъ совершенно отдѣльное отъ „**Журнала**" изданіе. Цѣна „**Извѣстій**" составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу — 4 р.

За прежніе годы „**Извѣстія**" имѣются за 1904 — 1909, 1911 — 1914 гг.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ,

ЧАСТЬ LV.

1915.

ЯНВАРЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (19-го марта 1914 года). *Объ учрежденіи при Миргородскомъ, Полтавской губерніи, высшемъ начальномъ училищѣ десяти стипендій Имени Императора Александра I Благословеннаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-день марта 1914 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Миргородскомъ, Полтавской губерніи, высшемъ начальномъ училищѣ, въ ознаменованіе 100-лѣтняго юбилея Отечественной войны 1812 г., десяти стипендій Имени Императора Александра I Благословеннаго.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 20-го ноября 1914 года, № 320, ст. 2959).

2. (19-го марта 1914 года). *Объ учрежденіи при Орловской Николаевской женской гимназіи на средства города Орла двухъ стипендій, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день марта 1914 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Орловской Николаевской женской гимназіи на средства города Орла двухъ стипендій, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“.

(Тамъ же, ст. 2960).

3. (19-го марта 1914 года). *Объ учрежденіи при Ядринской женской гимназіи стипендіи въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра на-

1*

роднаго просвѣщенія, въ 19-й день марта 1914 г., Высочайше соизволилъ на утвержденіе при Ядринской женской гимназіи стипендіи въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 2961).

4. (19-го марта 1914 года). *Объ учрежденіи при Острожской мужской гимназіи на средства Острожскаго уѣзднаго земства двухъ стипендій, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день марта 1914 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Острожской мужской гимназіи на средства Острожскаго уѣзднаго земства двухъ стипендій, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“.

(Тамъ же, ст. 2962).

5. (19-го марта 1914 года). *О присвоеніи выдаваемой изъ собраннаго служащими Рижской гимназіи Императора Николая I капитала стипендіи-преміи наименованія: „Въ память посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ Рижской гимназіи Императора Николая I, 4-го іюля 1910 года“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день марта 1914 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе выдаваемой изъ собраннаго служащими Рижской гимназіи Императора Николая I капитала стипендіи-преміи наименованія: „Въ память посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ Рижской гимназіи Императора Николая I, 4-го іюля 1910 года“.

(Тамъ же, ст. 2963).

6. (26-го мая 1914 года). *О сохраненіи за преобразованнымъ въ полноправное реальнымъ училищемъ, содержимымъ единовѣрческимъ братствомъ при Никольской церкви въ Петроградѣ, Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 26-й день мая 1914 г., Высочайше соизволилъ на сохраненіе за преобразованнымъ въ полноправное реальнымъ училищемъ, содержимымъ единовѣрческимъ братствомъ при Ни-

кольской церкви въ Петроградѣ, Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 2964).

7. (26-го мая 1914 года). *О примѣненіи къ проектируемой къ открытію въ гор. Несвижѣ, Минской губ., женской гимназіи дѣйствія Положенія 26-го мая 1869 года.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 26-й день мая 1914 года, Высочайше соизволилъ на примѣненіе къ проектируемой къ открытію въ гор. Несвижѣ, Минской губ., женской гимназіи дѣйствія Положенія 26-го мая 1869 года.

(Тамъ же, ст. 2965).

8. (1-го августа 1914 года). *О присвоеніи Семипалатинской учительской семинаріи Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 1-й день августа 1914 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Семипалатинской учительской семинаріи Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 7-го ноября 1914 г., № 306, ст. 2858).

9. (22-го августа 1914 года). *О присвоеніи Ардатовской женской гимназіи наименованія: „Женская гимназія, учрежденная въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ Ардатовскимъ уѣзднымъ земствомъ и городомъ Ардатовымъ, Нижегородской губерніи“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 22-й день августа 1914 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Ардатовской женской гимназіи наименованія: „Женская гимназія, учрежденная въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ Ардатовскимъ уѣзднымъ земствомъ и городомъ Ардатовымъ, Нижегородской губерніи“.

(Тамъ же, ст. 2859).

II. РАСПОРЯЖЕНІЕ, ОБЪЯВЛЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

1. *Объ открытіи гидротехническаго отдѣленія при среднемъ строительно техническомъ училищѣ Товарищества Московскихъ инженеровъ и педагоговъ.*

При среднемъ строительно-техническомъ училищѣ Товарищества Московскихъ инженеровъ и педагоговъ, уставъ коего распубликованъ въ ст. 1903, № 217 Собранія узаконеній и распоряженій правительства за 1912 годъ, открыто, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, гидротехническое отдѣленіе. (Донесено 6-го іюня 1914 г.).

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 28-го ноября 1914 г., № 320, ст. 2996).

III. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ.

1. (4-го ноября 1914 года). *О дополнительномъ отпускѣ средствъ изъ казны на содержаніе Московскаго промышленнаго въ память двадцатипятилѣтія Царствованія Императора Александра II училища, Калязинскаго низшаго механико-техническаго училища имени Н. М. Полежаева и Рыбинскаго низшаго механико-техническаго училища имени М. Е. Комарова.*

Совѣтъ министровъ полагалъ, на основаніи ст. 87 основныхъ государственныхъ законовъ (св. зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1915 году на содержаніе Московскаго промышленнаго въ память двадцатипятилѣтія Царствованія Императора Александра II училища—*пятнадцать тысячъ* рублей, Калязинскаго низшаго механико-техническаго училища имени Н. М. Полежаева—*три тысячи восемьсотъ шестьдесятъ пять* рублей и Рыбинскаго низшаго механико-техническаго училища имени М. Е. Комарова—*двѣ тысячи пятьсотъ* рублей, въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ на ту же надобность согласно Высочайше утвержденнымъ: 14-го марта 1894 года и 5-го ноября 1901 года штатамъ первыхъ двухъ изъ названныхъ учебныхъ заведеній (собр. узак. 1894 г., ст. 489 и 1901 г., ст. 2502) и 23-го мая 1896 года мнѣнію государственнаго совѣта объ учрежденіи послѣдняго (собр. узак., ст. 1182).

Государь Императоръ, въ 4-й день ноября 1914 г., на положеніе совѣта министровъ Высочайше соизволилъ.

(*Собр. узак. и распор. прав.*, 18-го ноября 1914 года, № 315, ст. 2917).

2. (14-го ноября 1914 года). *Объ отпускѣ средствъ изъ казны на выдачу вознагражденія за особые труды чинамъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія.*

Государь Императоръ, въ 14-й день ноября 1914 года, по положенію совѣта министровъ, Высочайше соизволилъ: на основаніи статьи 87 основныхъ государственныхъ законовъ (св. зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), отпустить въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія на издержки по выдачѣ вознагражденія чинамъ центральнаго управленія за особые труды въ 1914 году дополнительный кредитъ въ *шестьдесятъ пять тысячъ* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ ожидаемыхъ сбереженій отъ назначеній по №№ 191 и 192 государственной росписи расходовъ на тотъ же годъ.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 29-го ноября 1914 г., № 323, ст. 3035).

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(24-го ноября 1914 года, № 82). По Императорскому клиническому институту великой княгини Елены Павловны. *Награждаются* орденами: *св. Станислава I-й степени*—профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай *Петровъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени—профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонидъ *Блуменау*.

Св. Анны 2-й степени—сверхштатный ассистентъ, статскій совѣтникъ Максиміліанъ *Гржибовскій*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу, сверхштатному ассистенту, неимѣющему чина, Эдмунду *Збороміирскому*—время вольнонаемныхъ занятій въ томъ же институтѣ, съ 6-го января 1910 по 12-е декабря 1911 года.

Награждается орденомъ св. Станислава 1-й степени—почетный попечитель Московской гимназіи имени И. А. Медвѣдниковыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай *Цвѣтковъ*.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать на 6-е декабря 1914 года нижепоименованныхъ лицъ за отличное

усердіе и особые труды по министерству народнаго просвѣщенія орденами: *св. Анны: второй степени:* воспитателя, изъ платы по найму, Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта московскаго дворянства, отставного статскаго совѣтника Василія *Добрянскаго* и старосту церкви при пансіонѣ Рязанской первой гимназіи потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя *Москвина* и *третьей степени:* старосту церкви Ташкентскаго реальнаго училища имени св. Николая, отставного титулярнаго совѣтника Александра *Овсянникова* и учителя Баньковскаго начальнаго училища, Московскаго уѣзда, отставного губернскаго секретаря Василія *Семенова* и *святаго Станислава: второй степени:* преподавателя гимнастики Карачевской учительской семинаріи, отставного подполковника Андрея *Побѣдоносцева*, состоящаго при лазаретѣ Петроградской Ларинской гимназіи, лѣкарскаго помощника, отставного титулярнаго совѣтника Ивана *Липунскаго*, почетныхъ блюстителей сельскихъ двухклассныхъ училищъ: Терешковскаго, Волынской губерніи, потомственнаго дворянина Владиміра *Давидовича* и Малаховскаго, министерства народнаго просвѣщенія, Ржевскаго уѣзда, личнаго почетнаго гражданина Прокопія *Прохорова* и *третьей степени:* вольнонаемнаго писца канцеляріи управленія Оренбургскаго учебнаго округа, отставного титулярнаго совѣтника Алексѣя *Савицкаго*, почетнаго смотрителя Бугульминской низшей ремесленной школы, отставного губернскаго секретаря Николая *Андреевскаго*, дворянъ: письмоводителя при секретарѣ учебнаго комитета Императорскаго Московскаго техническаго училища Александра *Гомолицкаго*, служащихъ по письменной части: въ канцеляріи правленія Императорскаго Петроградскаго университета Михаила *Фокина* и въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ того же университета Семена *Гурчина*, завѣдывающаго Голенскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Черниговской губерніи, Ивана *Клечановскаго* и учителей училищъ: Борецкаго одноклhistoriaснаго сельскаго, Волынской губерніи, Ѳеодора *Лазаренко-Дидковскаго* и Хотивлянскаго земскаго начальнаго, Черниговской губерніи, Василія *Домарчука* и предсѣдателя попечительнаго совѣта Ядринской женской гимназіи, окончившаго курсъ Императорскаго Казанскаго университета съ дипломомъ первой степени Зиновія *Таланцева*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на пожалованіе къ 6-му декабря 1914 года корреспондентовъ Николаевской Главной

физической обсерваторіи: отставного губернскаго секретаря Константина *Никитина*, потомственнаго почетнаго гражданина Георгія *Яковлева*, личнаго почетнаго гражданина Александра *Балабанова* и учителя-завѣдывающаго Глѣбовскимъ двухклассньмъ училищемъ министерства народнаго просвѣщенія, потомственнаго почетнаго гражданина Сергѣя *Масленникова* и начальницы Казанской Ксеніинской женской гимназіи, дочери чиновника Александры *Романовой*, за отлично-усердную и полезную ихъ дѣятельность, *подарками отъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени.*

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы къ 6-му декабря 1914 г. *медалями съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ: золотыми, на лентахъ: Андреевской*: членъ попечительнаго совѣта Царицынской Маріинской первой женской гимназіи, купецъ Александръ *Серебряковъ*, начальница Саратовской первой женской гимназіи Эмилія *Ульрихъ*, преподаватель древнееврейскаго языка и закона еврейской вѣры въ Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ Илья *Лазаревъ*, почетный блюститель Нижегородскаго Минина-Пожарскаго одноклассннаго приходскаго женскаго училища, купецъ Сергѣй *Ермолаевъ*, учитель начальнаго при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ училища Моисей *Юновичъ*, учитель приготовительнаго класса начальнаго при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ училища Эммануилъ *Пассъ*, секретарь предсѣдательницы общества школьныхъ вакаціонныхъ колоній, крестьянинъ Михаилъ *Талакинъ* и швейцары: при зданіи центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія, потомственный почетный гражданинъ Николай *Степановъ* и Вышневолоцкаго реальнаго училища, личный почетный гражданинъ Степанъ *Прокушевъ; Александровской*: членъ попечительнаго совѣта Измаильской женской гимназіи, потомственный почетный гражданинъ Александръ *Копчевъ*, начальницы женскихъ гимназій: Золотоношской, дворянка Марія *Семичева*, Череповецкой Маріинской, дворянка Зинаида *Востинская*, Пермской Маріинской, вдова статскаго совѣтника Татьяна *Ташихина*, Рижской Тайловой, дочь купца Людмила *Тайлова* и Владимірской земской, дворянка Александра *Ромейкова*, воспитательница пансіона той же гимназіи, дочь коллежскаго секретаря Анна *Александрова*, учительница Владимірской земской женской гимназіи Елизавета *Волкова*, почетный блюститель Нижегородскаго Сергіевскаго

двухкласснаго приходскаго женскаго училища, купецъ Григорій *Ермолаевъ*, попечитель Васильевскаго двухкласснаго земскаго училища, Рыбинскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Василій *Жеребцовъ*, членъ попечительнаго совѣта Людмилинской женской учительской семинаріи, потомственный почетный гражданинъ Егоръ *Борманъ*, состоящій въ качествѣ помощника Московскаго уѣзднаго предводителя дворянства, изъ крестьянъ, Яковъ *Жуковъ*, завѣдывающіе училищами: мужскимъ трехкласснымъ элементарнымъ при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ Петроградѣ Александръ *Бокъ* и Ивановскимъ двухкласснымъ земскимъ имени Цуриковыхъ, Павелъ *Бенедиктовъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: двухклассными министерства народнаго просвѣщенія: Вильгортскимъ, Иванъ *Поповъ*, Красновидовскимъ при инвалидномъ для желѣзнодорожныхъ служащихъ домѣ Императора Александра II, Можайскаго уѣзда, Александръ *Каревъ*, Кулебакскимъ, Ардатовскаго уѣзда, Порфирій *Щегловъ* и Дросковскимъ, Малоархангельскаго уѣзда, Александръ *Рудневъ*, Рыбинскимъ четвертымъ мужскимъ начальнымъ Александръ *Солонцевъ*, Давыдовскимъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Алексѣй *Ширяевъ* и Ликсненскимъ народнымъ, Витебской губерніи, Ѳома *Шипулъ* и начальною школою при Владимірской исправительной колоніи Андрей *Шмелевъ*, учитель практической школы при Рязанской Александровской учительской семинаріи Константинъ *Демиловъ*, учителя училищъ: начальныхъ: Петровско-Мясницкаго мужского въ городѣ Москвѣ— Митрофанъ *Кульковъ*, Міусскаго шестого мужского въ гор. Москвѣ— Иванъ *Чеховъ*, Фокинскаго, Васильскаго уѣзда, Яковъ *Виноградовъ*, Егорьевскаго уѣзда: Иванцевскаго — Иванъ *Покровскій* и Круговскаго — Василій *Пуновъ*, Царицынскаго, Московскаго уѣзда, Иванъ *Шухвастовъ*, Богородицкаго, Трубчевскаго уѣзда, Андрей *Сафроновъ*, Ольховскаго, Епифанскаго уѣзда, Сергѣй *Сахаровъ*, Нижегородскаго уѣзда: Ефимьевскаго—Иванъ *Бѣляевскій* и Бурцевскаго—Александръ *Преображенскій*, Ольховскаго—Николай *Соколовъ*, Дмитровскаго уѣзда: Надеждинскаго—Николай *Шатровъ*, Синьковскаго — Григорій *Чванкинъ*, Озерецкаго — Михаилъ *Синельщиковъ*, Орубьевскаго—Николай *Муравьевъ* и Тарусовскаго — Гавріилъ *Кореневскій*, Николо-Березовскаго, Солигаличскаго уѣзда, Николай *Лебедевъ*, бывшій учитель Ярославецкаго начальнаго училища, Черниговской губерніи, Петръ *Новиченко*, учителя училищъ: начальнаго образцоваго при Полоцкой Кульневской учительской семинаріи Григорій *Дѣдовиковъ*, Нестерков-

скаго, Петроградской губерніи, земскаго — Александръ *Смородинъ*, приходскихъ: Александровскаго—Гавріилъ *Доброчаевъ*, Рязанскаго перваго—Александръ *Пановъ*, Петровскаго, Великолуцкаго уѣзда, Иванъ *Ершовъ*, двухклассныхъ, министерства народнаго просвѣщенія: Инякинскаго, Спасскаго уѣзда, Иванъ *Федотьевъ* и Лузгаринскаго, Егорьевскаго уѣзда, Несторъ *Тимковъ*, учительница Карцевскаго земскаго училища, Кашинскаго уѣзда, Ольга *Носова*, бывшій староста церкви при Екатеринбургскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ, потомственный почетный гражданинъ Петръ *Телѣгинъ*, вахтеръ при департаментѣ общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, запасный рядовой Ѳеодоръ *Шевелевъ*, швейцаръ Владимірской мужской гимназіи, отставной фельдфебель Иванъ *Бородулинъ* и служителя: департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, мѣщанинъ Александръ *Кожарскій* и Петроградской Покровской женской гимназіи, крестьянинъ Егоръ *Вересовъ*, и *серебряной, на Владимірской лентѣ:* почетный членъ Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II, потомственная дворянка Марія *Забѣлина*, вольнотрудящаяся при Императорской публичной библіотекѣ, дворянка Іозефина *Старкъ*, занимающіяся письмоводствомъ: въ канцеляріи Императорскаго россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III, дворянка Елизавета *Ляпунова*, и въ библіотекѣ того же музея, дворянка Ольга *Вейцлеръ*, староста церкви Вологодской Имени Императора Александра I Благословеннаго гимназіи, потомственный почетный гражданинъ Даніилъ *Варакинъ*, начальницы женскихъ гимназій: частной Ежовой въ Москвѣ — Любовь *Ежова*, частной Римской-Корсаковой въ Твери—Анна *Римская-Корсакова*, частной Смольяниновой въ гор. Костромѣ — Юлія *Смольянинова*, Псковской Маріинской—Софія *Тубенталь*, Московской частной Приклонской—Марія *Приклонская*, Гжатской Александровской—Ольга *Изюмская*, Нарвской—Элеонора *Сильницкая*, начальница Пермской женской учительской семинаріи Клавдія *Степанова*, учительницы женскихъ гимназій: Боровичской—Антонина *Модестова*, Ельнинской — Елизавета *Терентьева*, Череповецкой Маріинской—Анна *Кудрявая*, Великолуцкой: Аделаида *Онигирская* и Эмилія *Каллась*, Владимірской земской, Елена *Рангъ*, Брянской, Екатерина *Виноградова*, Глуховской, Наталія *Миславская*, частной Гельбигъ въ Москвѣ, Эмилія *Гельбигъ*, частной Римской-Корсаковой въ Твери: Вѣра *Сомовичъ* и Людмила *Никитина*, Рыбинской Маріинской: Ольга *Соколова* и Серафима *Коновалова*, приготовительнаго класса той же гимна-

зіи, Елизавета *Семковская*, надзирательница частной женской гимназіи Гельбигъ въ Москвѣ Марія *Куликова*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Ярославской Маріинской, Клавдія *Скульская*, Елецкой, Софія *Вознесенская* и Рыбинской Маріинской: Анеля *Сѣмашко* и Александра *Царевская*, исполняющая обязанности, изъ платы по найму, учительницы Ярославской Маріинской женской гимназіи Надежда *Бакиновская*, исполняющая обязанности, изъ платы по найму, классной надзирательницы, той же гимназіи, Елизавета *Львова*, почетные члены Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II: дворянки: Татьяна *Галкина* и Екатерина *Клетнова*, почетная попечительница Бедрицкаго двухклассснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Мещовскаго уѣзда, вдова статскаго совѣтника Екатерина *Рагозина*, попечитель Цингалинскаго и Филинскаго сельскихъ начальныхъ училищъ, Тобольскаго уѣзда, крестьянинъ Ѳеодоръ *Кулешовъ*, завѣдывающій Острожскимъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ, Волынской губерніи, личный почетный гражданинъ Танхумъ *Жебинъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: Вѣтринскимъ начальнымъ, Мологскаго уѣзда, Иванъ *Виноградовъ* и Васильевскимъ начальнымъ земскимъ, того же уѣзда, Дмитрій *Лебедевъ*, завѣдующіе училищами: двухклассными: Романовскимъ, Волынской губерніи, Евменій *Петриченко*, Ровенскимъ еврейскимъ казеннымъ начальнымъ, Лейба (Ицхокъ-Лейбъ) *Библеръ*, Шумскимъ сельскимъ, Волынской губерніи, Иванъ *Довгалюкъ* и Оштинскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Лодейнопольскаго уѣзда, Ириней *Поповъ* и одноклассснымъ министерства народнаго просвѣщенія товарищества мануфактуры Н. Н. Коншина, Алексѣй *Галкинъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: начальными: Архангельскимъ, Ветлужскаго уѣзда, Александръ *Сѣкованов*ъ и Рыбинскаго уѣзда: Орлово-Чесменскимъ, Евгеній *Колачевскій* и Болобановскимъ, Алексѣй *Виноградовъ*, Троице-Нерльскимъ двухклассснымъ, Калязинскаго уѣзда, Иванъ *Галактіоновъ*, министерства народнаго просвѣщенія двухклассными: Порѣчскимъ, Гродненской губерніи, Сергѣй *Идоловичъ*, Зашугемскимъ, Солигаличскаго уѣзда, Николай *Колосовъ*, Русско-Камешкирскимъ, Кузнецкаго уѣзда, Михаилъ *Поддуевъ*, Паданскимъ, Повѣнецкаго уѣзда, Георгій *Щипицинъ*, Самаровскимъ сельскимъ, Тобольскаго уѣзда, Семенъ *Сѣрковъ*, Тоншаевскимъ сельскимъ, Ветлужскаго уѣзда, Евгеній *Заборскій*, Песочинскимъ, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Сильвестръ *Соколовъ* и Глѣбовскимъ, Рыбинскаго уѣзда, Сергѣй *Масленниковъ* и Пневскимъ одноклассснымъ, Духовщинскаго уѣзда, Нико-

лай *Леденцовъ*, учитель практической школы при Рязанской Александровской учительской семинаріи Илья *Воробьевъ*, учитель и воспитатель начальной школы Владимірской исправительной колоніи Иванъ *Крыловъ*, учителя училищъ: начальныхъ: Звенигородскаго уѣзда: Луцынскаго, Дмитрій *Поповъ*, Локотенскаго, Павелъ *Флоренцовъ* и Рубцовскаго, Александръ *Гиляровъ*, Калязинскаго уѣзда: Семендяевскаго, Владиміръ *Виноградовъ* и Пеньевскаго, Григорій *Алимовъ*, Арзамасскаго уѣзда: Гавриловскаго, Христофоръ *Петровъ* и Шатковскаго, Петръ *Селедкинъ*, Ново-Александровскаго, Лукояновскаго уѣзда, Александръ *Милотворскій*, Тереховскаго, Спасскаго уѣзда, Степанъ *Ракчеевъ*, Епифанскаго уѣзда: Бахметьевскаго, Арсеній *Тюринъ* и Бобриковскаго, Василій *Макѣевъ*, Чернорѣченскаго перваго, Сапожковскаго уѣзда, Дмитрій *Пушкаревъ*, Егорьевскаго уѣзда: Низковскаго—Владиміръ *Мореевъ*, Трофимовскаго—Андрей *Чамкинъ* и Селиванихловскаго—Дмитрій *Егоровъ*, Касимовскаго уѣзда: Мелеховскаго—Василій *Рогожкинъ*, Копоновскаго—Василій *Вересинъ* и Дмитріевскаго мужского—Иванъ *Жидковъ*, Юсуповскаго, Буйскаго уѣзда, Андрей *Семеновскій*, Юрьевскаго, Мышкинскаго уѣзда, Владиміръ *Чистяковъ*, Старо-Демкинскаго, Петровскаго уѣзда, Евгеній *Смирновъ* и Ветхаловскаго, Полтавской губерніи, Харлампій *Дубяга*, Бальбиновскаго народнаго, Витебской губерніи, Прохоръ *Муравскій*, начальныхъ народныхъ: Ямского, Переславскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Богословскій*, Княгининскаго уѣзда: Крутецкаго—Александръ *Милоновъ* и Наумовскаго—Дмитрій *Бутурлинъ*, земскихъ: Псковскаго уѣзда, Щемерицкаго—Григорій *Федоровъ*, Горско-Каменскаго—Павелъ *Смирновъ* и Аристовскаго—Петръ *Эксцельсонъ* и Красновскаго перваго, Каргопольскаго уѣзда, Василій *Ленинъ*, земскихъ начальныхъ: Прокшинскаго, Ярославской губерніи, Александръ *Семеновскій*, Черниговской губерніи: Тупичевскаго—Даніилъ *Варлыгинъ* и Церковищскаго—Петръ *Смѣльницкій*, одноклассныхъ сельскихъ: Барсуковскаго, Медынскаго уѣзда, Іоакимъ *Малиновскій* и Волынской губерніи: Баглайскаго—Алексѣй *Новосадскій*, Лановецкаго—Романъ *Касьянчукъ* и Немиринецкаго—Яковъ *Панченко*, приходскихъ: Касимовскаго четвертаго—Александръ *Алексѣевъ*, Александровскаго—Алексѣй *Лебедевъ*, Арзамасскаго, Кирилло-Меѳодіевскаго мужского—Дмитрій *Корниловъ* и Егорьевскаго перваго мужского—Яковъ *Филяновъ* и министерства народнаго просвѣщенія: Сухловскаго, Порховскаго уѣзда, Павелъ *Ивановъ*, одноклассныхъ сельскихъ: Какинскаго, Сергачскаго уѣзда, Иванъ *Бѣлозеровъ* и Черсвятскаго, Витебской губерніи, Николай *Пучковскій* и

двухклассныхъ: при ст. „Рязань", Рязанско-Уральской желѣзной дороги,—Иванъ *Бушукинъ*, Дмитріево-Погостинскаго, Егорьевскаго уѣзда, Егоръ *Максимовъ*, Ѳедотьевскаго, Спасскаго уѣзда, Владиміръ *Васильевъ*, Раненбургскаго уѣзда: Истобенскаго—Давидъ *Дубининъ* и Зенкинскаго—Варѳоломей *Кондратьевъ*, Путятинскаго, Сапожковскаго уѣзда, Илья *Красновъ*, Оштинскаго министерства народнаго просвѣщенія, Лодейнопольскаго уѣзда, Петръ *Петрушинъ* и Печерскаго, Псковскаго уѣзда, Михаилъ *Шкоковъ*, учительницы училищъ: начальныхъ: Владимірскаго уѣзда: Улыбышевскаго—Наталія *Соколова* и Ундольскаго—Марія *Знаменская* и Карабановскаго, Александровскаго уѣзда, Марія *Титова*, третьяго приходскаго женскаго въ гор. Великомъ Устюгѣ — Юлія *Постникова* и Бѣшковичскаго, Порховскаго уѣзда, Анна *Большакова*, вольнонаемные писцы канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа: отставной старшій писарь Болеславъ *Горскій* и отставной писарь унтеръ-офицерскаго званія Александръ *Букатый*, экономъ Рязанской Александровской учительской семинаріи, изъ платы по найму, личный почетный гражданинъ Василій *Хаустовъ*, счетоводъ при бухгалтеріи Императорскаго Московскаго техническаго училища, личный почетный гражданинъ Иванъ *Никитинъ*, помощница письмоводителя и бухгалтера Усачевскаго Чернявскаго женскаго училища, дочь полковника Александра *Угрюмова*, вдова потомственнаго почетнаго гражданина Анна *Попова*, курьеры: департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, крестьянинъ Иванъ *Гуровъ* и Императорскаго Московскаго университета, отставной рядовой Александръ *Лавровъ*, швейцары гимназій: Рижской Александровской, отставной рядовой Антонъ *Ремейко* и Московской четвертой, крестьянинъ Иванъ *Гуровъ*, служителя: департамента народнаго просвѣщенія, крестьянинъ Иванъ *Сафроновъ* и архива Министерства народнаго просвѣщенія, запасный канониръ Иванъ *Бурлаковъ*, Императорскаго Московскаго университета: отставной старшій писарь унтеръ-офицерскаго званія Захаръ *Михайловъ*, цеховой Даніилъ *Савостьяновъ* и отставной батарейный закройщикъ Илья *Тимофеевъ*, гимназій: Московской третьей, отставной стрѣлокъ Максимъ *Медвѣдевъ* и Петроградской частной женской Стеблинъ-Каменской, крестьянинъ Василій *Андреевъ* и Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища изъ мѣщанъ, Павелъ *Заваринъ* и ночной дядька при Московской четвертой гимназіи, крестьянинъ Андрей *Шашковъ*, и *для ношенія на груди: золотой на Аннинской лентѣ:* служащая по найму, въ канцеляріи Императорскаго Московскаго уни-

верситета, вдова капитана Евгенія *Статкевичъ*, переписчица канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дворянка Марія фонъ-*Клугенъ*, пожизненный почетный членъ Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II, княгиня Екатерина *Святополкъ - Четвертинская*, занимающаяся письмоводствомъ при хранителяхъ Императорскаго россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III, дочь отставного подполковника Елена *Городцова*, почетная попечительница Юрьевецкой женской имени А. С. Пушкина гимназіи, жена статскаго совѣтника Елизавета *Грибунина*, членъ-казначей попечительнаго совѣта Царицынской первой Маріинской женской гимназіи, крестьянинъ Александръ *Зайцевъ*, врачъ и преподавательница гигіены Рижской женской гимназіи Тайловой, дворянка Анна *Кизельбашъ*, писецъ канцеляріи Петроградской седьмой гимназіи, крестьянинъ Николай *Киселевъ*, учредительница и начальница Луганской женской гимназіи Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, жена потомственнаго дворянина Екатерина *Чвалинская*, начальницы женскихъ гимназій: Кирилловской—Анна *Олферьева*, Вятской второй—Фелицата *Черкасова*, Ковельской Пироговой—Юлія *Пирогова*, Одоевской—Александра *Соболева*, Ковровской—Александра *Масальская*, Новоторжской—Прасковья *Балавенская*, Пермской Александровской—Надежда *Клингбергъ*, частной Корсунской въ гор. Ярославлѣ — Ольга *Корзюкова*, Бердянской, учр. Сахановой—Элеонора *Саханева*, Одесской, учр. Александровой—Екатерина *Александрова*, Измаильской—Марія *Кузина*, Ярославской Маріинской—Марія *Горошкова*, Жиздринской К. Александровской—Клавдія *Александровская* и частной Гельбигъ въ Москвѣ—Лидія *Панфилова*, бывшая начальница Чебоксарской женской гимназіи Софія *Эннатская*, учительница частныхъ гимназіи и реальнаго училища Юргенсона въ Петроградѣ Октавія *Садковская*, учительницы женскихъ гимназій: Кирилловской — Надежда *Фростъ*, Кронштадтской Александринской—Софія *Парчевская*, Холмской—Валентина *Палибина*, Юхновской—Надежда *Колумбъ*, Елизавета *Конюшкова* и Варвара *Уклонская*, частной Смольяниновой въ гор. Костромѣ: Анна *Яковлева*, Людмила *Горская* и Надежда *Захарова*, частной Ежовой въ Москвѣ: Софія *Пеккольдъ* и Марія *Иванова*, Бѣльской—Ольга *Клонская*, частной Саловой въ Калугѣ—Наталія *Лебедянцева*, Ярославской Маріинской — Марія *Зыкова*, бывшая учительница женской гимназіи Брюхененко въ Москвѣ Надежда *Руссіянова*, учительницы женскихъ гимназій: общества преподавателей въ Москвѣ: Варвара

Шереметевская, Ольга *Простатинова* и Елизавета *Селю*, Гжатской Александровской—Марія *Микулина* и Антонина *Михайлова*, Ревельской—Екатерина *Вальхъ*, Нарвской—Евгенія *Струйская*, Новгородской Николаевской—Любовь *Дьякова*, Глуховской—Софія *Балабанъ*, Серпуховской Николаевской—Елизавета *Попова*, Брянской—Марія *Шестакова* и Екатерина *Могилевцева*, Сергіево-Посадской—Варвара *Шляхтина*, Кашинской Маріинской—Надежда *Сахарникова* и Елизавета *Сахарникова*, учительницы приготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій: Глуховской — Марія *Тельгина*, Нижегородской Маріинской—Вѣра *Серебровская*, частной Гельбигъ въ Москвѣ—Варвара *Гельбигъ*, Скопинской—Анна *Дьяконова* и Вятской второй—Клавдія *Ухова*, воспитательница Павлово-Посадской женской гимназіи—Елена *Каменская*, классная надзирательница и учительница въ приготовительномъ классѣ частной женской гимназіи Римской-Корсаковой въ Твери—Екатерина *Лебедевская*, классная надзирательница и учительница той же гимназіи—Варвара *Ильченко*, надзирательницы женскихъ гимназій: Кологривской—Софія *Богдановичъ* и Софія *Петрова*, и Серпуховской Николаевской—Лидія *Степанова*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Ревельской—Эмма *Куликовская* и Анна *Гильдебрандъ*, Казанскихъ: третьей—Анна *Абрютина* и второй—Елизавета *Краснопольская*, Череповецкой Маріинской—Евгенія *Комаровская*, Новоторжской—Марія *Торочкова*, Пермской Маріинской—Любовь *Дубенская*, частной Травниковой въ Москвѣ—Тамара *Гаврилова* и Марія *Рябинина*, Орловской Николаевской—Неонила *Анненкова*, Псковской Маріинской—Татьяна *Кретъ* и Анна *Овсянникова*, Старорусской—Лидія *Швиндтъ*, Ярославской Маріинской—Надежда *Пѣтунина*, Елизавета *Мальцева* и Ольга *Иванова*, Рижской Тайловой—Евлампія *Тайлова*, Карачевской—Софія *Нечаева* и Александра *Маккавѣева*, Глуховской—Марія *Мечкова* и Нарвской—Зельма *Блумбергъ*, и. об. эконома пансіона Полтавской гимназіи Императора Александра I, запасный унтеръ-офицеръ Иванъ *Чмуракъ*, почетная попечительница Новоржевской женской прогимназіи, дворянка Ольга *Елагина*, учительницы: Костромской женской учительской семинаріи—Вѣра *Маралина* и частнаго учебнаго заведенія 3-го разряда Рѣзвой-Чагиной въ Петроградѣ—Анна *Гусятникова*, потомственная почетная гражданка Вѣра *Рябушинская*, землевладѣлица Ананьевскаго уѣзда, баронесса Екатерина фонъ-*Медемъ*, землевладѣлица Ананьевскаго уѣзда, жена потомственнаго дворянина Надежда *Мартыновская*, обучающій гимнастикѣ и военному строю въ Корчевскомъ высшемъ начальномъ учи-

лищѣ, отставной старшій унтеръ-офицеръ Степанъ *Слѣпневъ*, попечители начальныхъ училищъ: Плиткинскаго, Даниловскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ Василій *Гороховъ* и Байракскаго, Полтавской губерніи, казакъ Иванъ *Власенко*, Казачье-Лагерскаго 1-го народнаго, Днѣпровскаго уѣзда, крестьянинъ Моисей *Ильинъ* и Бурцевскаго земскаго, Нижегородскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Лаврентьевъ*, членъ строительной комиссіи по постройкѣ зданій Людмилинской школы и семинаріи и Мринской ремесленной школы, казакъ Семенъ *Алексѣенко*, бывшій попечитель Шемякинскаго начальнаго училища, Боровскаго уѣзда, мѣщанинъ Иванъ *Потемкинъ*, почетныя блюстительницы училищъ: двухклассныхъ женскихъ приходскихъ: Ананьевскаго, жена потомственнаго дворянина Софія *Корвинъ-Павловская*, Нижегородскаго четвертаго—Юлія *Ногесъ* и Измаильскаго Александровскаго, жена потомственнаго почетнаго гражданина, Александра *Филиппова*, и министерства народнаго просвѣщенія: Любашевскаго одноклассного, Ананьевскаго уѣзда, жена потомственнаго дворянина Марія *Любинская* и Ганчештскаго двухкласснаго, Кишиневскаго уѣзда, дворянка Марія *Манукбей*, попечительницы училищъ: Ображеевскаго двухкласснаго и Богдановскаго народнаго, Полтавской губерніи, дворянка Надежда *Ушинская*, начальныхъ: Яблонскаго, Арзамасскаго уѣзда, дворянка Ольга *Штевенъ*, Васильевско-Арсеньевскаго Елецкаго уѣзда, дворянка Елизавета *Арсеньева*, Ялтинскаго Имени Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, жена статскаго совѣтника Вѣра *Гвоздевичъ* и Золотовскаго рудничнаго, Славяносербскаго уѣзда, жена коллежскаго регистратора Анна *Кошелева* и земскихъ начальныхъ: Войсковаго, Екатеринославскаго уѣзда, вдова генералъ-маіора Ольга *Леонова* и Ягодинскаго, Нижегородскаго уѣзда, вдова коллежскаго совѣтника Марія *Гейнце*, учительница и классная надзирательница Рижскаго городского Маріинскаго женскаго училища Наталія *Бренгуль*, завѣдывающій Колодненскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ, Волынской губерніи, Авксентій *Герусъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: начальными: Кузнецкимъ городскимъ 4-мъ мужскимъ — Григорій *Соловьевъ*, Тютнярскимъ, Кузнецкаго уѣзда, Павелъ *Левицкій*, Романово-Борисоглѣбскимъ на Борисоглѣбской сторонѣ—Дмитрій *Ульяновскій*, Старо-Андреевскимъ, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Петръ *Лавровъ* и двухклассными: Калужскимъ желѣзнодорожнымъ—Александръ *Казаковъ*, Гродненскимъ еврейскимъ народнымъ—Яковъ *Ниселовскій* и Славянскимъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Павлоградскаго уѣзда, Пантелеймонъ

Богачъ, учителя училищъ: приходскихъ: Егорьевскихъ мужскихъ: перваго—Александръ *Сотсковъ* и Григорій *Мухинъ* и второго—Иванъ *Алендровъ* и Новоржевскаго министерства народнаго просвѣщенія—Петръ *Мининъ*, министерства народнаго просвѣщенія: двухклассныхъ: Лузгаринскаго, Егорьевскаго уѣзда, Федотъ *Шмелевъ*, Ново-Еголдаевскаго, Ряжскаго уѣзда, Василій *Гавриловъ*, при ст. „Рязань", Московско-Казанской ж. д.—Илья *Сычевъ*, Елховскаго, Нижегородскаго уѣзда, Павелъ *Ладъевъ* и Пологскаго, Духовщинскаго уѣзда, Иванъ *Михайловъ* и одноклассныхъ: Кудрино-Новосельскаго, Александровскаго уѣзда, Иванъ *Лазунскій* и товарищества мануфактуръ Н. Н. Коншина—Михаилъ *Качашкинъ*, одноклассныхъ сельскихъ: Шмырецкаго, Волынской губерніи, Стефанъ *Соколовскій* и Пушкинскаго, Медынскаго уѣзда, Алексѣй *Ивановъ*, начальныхъ: Протопоповскаго, двухкласснаго, Коломенскаго уѣзда, Константинъ *Рыкуновъ* и одноклассныхъ, Коломенскаго уѣзда: Берняковскаго—Иванъ *Рысинъ*, Ачкасовскаго—Тимофей *Дмитріевъ* и Озерскаго мужского—Михаилъ *Морозовъ*, начальныхъ: Князевскаго, Петровскаго уѣзда, Яковъ *Волковъ*, Двинскаго 1-го мужского, Витебской губерніи, Алексѣй *Климентьевъ*, Егорьевскаго Хлудовскаго фабричнаго—Петръ *Озерскій*, Егорьевскаго уѣзда: Анохинскаго—Семенъ *Сатариновъ* и Сухановскаго—Дмитрій *Артюхинъ*, Маріинскаго женскаго въ гор. Звенигородѣ—Дмитрій *Смирновъ*, Рязанскаго уѣзда: Константиновскаго—Иванъ *Власовъ* и Аграфенино-Пустынскаго—Максимъ *Филимошкинъ*, Павловскаго, Троицегородскаго, Горбатовскаго уѣзда, Александръ *Чертовиковъ*, Николо-Залѣсскаго, Солигаличскаго уѣзда, Анатолій *Бирюлевъ*, Касимовскаго уѣзда: Лощининскаго—Иванъ *Ивановъ* и Ибердусскаго—Иванъ *Аксеновъ*, Сасыкинскаго, Спасскаго уѣзда: Александръ *Точилинъ*, Дмитровскаго уѣзда: Гришинскаго—Михаилъ *Смирновъ* и Жуковскаго—Георгій *Елецкій* и Соломенскаго при заводѣ фирмы Громова и К°, Олонецкой губерніи, Иванъ *Алексѣевъ* и Шиповскаго земскаго, Островскаго уѣзда, Андрей *Никитинъ*, б. учитель Баничскаго начальнаго училища, Черниговской губерніи, Ѳеодоръ *Понырко*, завѣдывающія приходскими училищами: Вознесенскимъ двухкласснымъ женскимъ въ гор. Ярославлѣ Елизавета *Протасьева*, Кіевскими городскими: № 55—Софія *Вержбицкая* и № 32—Василиса *Славинская*, учительницы-завѣдывающія училищами: приходскими: Медынскимъ женскимъ—Юлія *Хитрово*, Невельскимъ 3-мъ женскимъ—Фогинія *Журавская*, Рыбинскимъ 1-мъ мужскимъ—Елизавета *Березовская*, гор. Самары: седьмымъ женскимъ—Валентина *Са*-

винова, седьмымъ смѣшаннымъ — Ольга *Буркова,* двадцатымъ смѣшаннымъ—Наталія *Кузнецова* и вторымъ мужскимъ—Марія *Аккеръ,* Пороховскимъ въ гор. Казани смѣшаннымъ—Ольга *Ронгинская* и Павлоградскимъ женскимъ городскимъ—Раиса *Федорова,* городскими начальными: Луганскимъ—Анастасія *Коломацкая* и Казанскими: седьмымъ — Александра *Спиридонова,* десятымъ — Марія *Гребенщикова,* пятнадцатымъ—Юлія *Переверзева,* двадцать шестымъ имени Гоголя—Лидія *Бѣлорусова,* семнадцатымъ—Олимпіада *Сахарова* и восемнадцатымъ—Евдокія *Чистякова,* двухклассными женскими: Сергіево-Посадскимъ—Лидія *Кочерыгина,* вторымъ города Самары—Марія *Ѳедосеева* и приходскими: Романово-Борисоглѣбскимъ—Александра *Успенская* и Солигаличскимъ Александровскимъ—Александра *Березовская,* начальными: Константиновскимъ, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Лариса *Кедрова,* Ветлужскаго уѣзда: Поляшовскимъ—Марія *Копосова,* Кругляцкимъ—Лидія *Софійская,* Подгорнымъ—Варвара *Ильинская,* Ильинскимъ—Анастасія *Шарова* и Потѣшихскимъ—Надежда *Ликвентова,* Поповскимъ, Рыбинскаго уѣзда, Евгенія *Орлова,* земскими начальными: Романово-Борисоглѣбскимъ—Ольга *Казанская,* Духовщинскаго уѣзда: Пречистенскимъ—Марія *Волонцевичъ* и Александровскимъ—Анна *Кочановская,* Мологскимъ женскимъ, что въ Заручьѣ,—Варвара *Морева* и Мологскаго уѣзда: Боронишинскимъ—Екатерина *Епифанова* и Ягорбскимъ—Анна *Срѣтенская,* учительницы училищъ: Николо-Тютчевскаго, Кашинскаго уѣзда, Марія *Головина,* Александровскаго уѣзда: Аѳанасьевскаго—Анна *Романова,* Махринскаго—Анна *Сѣкавина,* Карабановскаго—Марія *Двойневская,* Андреевско-Туркинскаго—Александра *Гагельстромъ* и Круглышевскаго—Анна *Березина,* Кекинскаго фабричнаго, въ гор. Ростовѣ,—Ольга *Тарелкина,* Петрозаводскаго Александровскаго заводскаго женскаго—Анна *Аврамова,* Усачевско-Чернявскаго женскаго: Ольга *де-Маке* и Любовь *Лебедева,* начальныхъ: Ростовскаго уѣзда: Фатьяновскаго—Анна *Боброва,* Дорцовскаго—Софія *Аграколянская* и Борисовскаго—Елизавета *Мельникова,* Ярославскаго уѣзда: Курбскаго—Марія *Сферина,* Новоленскаго—Анна *Кудрявцева,* Ставотинскаго — Параскева *Ландышева,* Стогинскаго—Анна *Троицкая,* Карачихскаго—Вѣра *Діанина* и Богословскаго—Александра *Пѣвницкая,* въ городѣ Ярославлѣ: Духовскихъ: мужского—Анна *Пѣтунина* и женскаго—Анна *Александровичъ,* при фабрикѣ товарищества Ярославской большой мануфактуры: Елизавета *Ландышева* и Марія *Петрова,* Петровскаго 3-го женскаго—Наталія *Соколова,* Старо-Славинскаго, Петровскаго уѣзда, Марія *Уколочева,*

Камышинскаго уѣзда: Золотовскаго—Антонина *Рязанова* и Котовскаго—Татьяна *Конюкова*, Дмитровскаго уѣзда: Думинскаго—Евгенія *Сербская* и Подмошскаго—Анна *Новожилова*, Ветлужскаго уѣзда: Печенкинскаго—Ольга *Сироткина* и Глушковскаго—Александра *Орлова*, Буйскаго уѣзда: Костиновскаго—Александра *Селецкая*, Ильинскаго на Шачѣ—Александра *Арсеньева* и Боровского—Ольга *Боброва*, Солигаличскаго уѣзда: Пилятинскаго—Вѣра *Федорова* и Лосевскаго — Марія *Яковлева*, Можайскаго уѣзда: Чепцовскаго—Александра *Багрянова*, Тропаревскаго—Марія *Остроумова* и Тимошинскаго—Марія *Клименкова*, Кромскаго уѣзда: Тросенскаго—Варвара *Владимірцева*, Верхне-Боевскаго—Марія *Тверская*, Зиновьевскаго—Варвара *Пятина* и Зиновьевскаго—Елизавета *Васильевская*, Егорьевскаго Хлудовскаго фабричнаго: Софія *Лаврентьева*, Фаина *Конокотина* и Елена *Сидорова*, Егорьевскаго уѣзда: Парыкинскаго—Марія *Катогогщина*, Спасскаго—Анна *Смирнова*, Тимиревскаго—Варвара *Лебедева*, Колычевскаго—Анастасія *Андронова*, Гавринскаго—Александра *Шарашкина*, Холмовскаго—Антонина *Добросотова* и Низковскаго—Марія *Воробъева*, Касимовскаго уѣзда: Бѣтинскаго—Марія *Тихомирова* и Сосновскаго—Анна *Терновская*, Высоковскаго, Сапожковскаго уѣзда, Любовь *Малютина*, Безводнинскаго женскаго Нижегородскаго уѣзда, Екатерина *Гейнтцъ*, Сырятинскаго, Лукояновскаго уѣзда, Сара *Покровская*, Арзамасскаго уѣзда: Волчихинскаго—Елена *Волкова*, Владиміровскаго—Александра *Воскресенская*, Булдаковскаго—Варвара *Князева*, Абрамовскаго—Варвара *Галкина*, Кержемокскаго—Екатерина *Высоковская*, Собакинскаго—Анна *Алексѣевская*, Пасьяновскаго—Екатерина *Безпалова*, Забѣлинскаго—Анна *Карпова*, Сарминско-Майданскаго—Надежда *Приклонская*, Нижне-Выксунскаго—Надежда *Малышева*, Ичаловскаго—Олимпіада *Серебровская* и Илевскаго женскаго—Юлія *Николаевская*, Епифанскаго уѣзда: Михайловскаго—Марія *Семилѣткина*, Рыхотскаго—Вѣра *Митрополевская*, Хитровщинскаго—Олимпіада *Боженова* и Карачевскаго—Александра *Мерцалова*, Богородскаго уѣзда: Папоротскаго II—Елизавета *Киселева* и Моховскаго—Елизавета *Костомарова*, въ гор. Тулѣ: Тулубьевскаго: Александра *Введенская*, Александра *Нестерова*, Марія *Богоявленская*, Марія *Сухинина*, Ольга *Богданова* и Анна *Литкенсъ* и Чулковскаго—Надежда *Воскобойникова*, Жиздринскаго для дѣтей обоего пола—Ольга *Зайцева*, Владимірскаго уѣзда: Собинскаго—Ида *Штеперъ* и Рождественскаго—Елена *Звѣрева*, Борковскаго, Рязанскаго уѣзда, Марфа *Городкова*, Яузскаго 2-го мужского въ гор. Москвѣ:

Елена *Терешкевичъ* и Неонила *Терешкевичъ*, Георгіевскаго, Васильскаго уѣзда, Ольга *Терновская*, Жиздринскаго уѣзда: Стайковскаго—Марія *Чекрыгина*, Воткинскаго—Надежда *Овсянникова* и Берестнянскаго—Марія *Нестерова*, Калязинскаго уѣзда: Васильевскаго второго—Надежда *Ильинская*, Богородско-Базулинскаго—Прасковья *Кириллова*, Георгіе-Хотчинскаго — Клавдія *Завьялова*, Константиновскаго—Софія *Носова*, Михайловскаго—Анна *Березина*, Никулинскаго—Александра *Лаврова*, Осѣчковскаго—Елизавета *Изразцова*, Скнятинскаго — Марія *Чередѣева*, Стельковскаго — Александра *Преображенская* и Яринскаго—Ольга *Благовѣщенская*, Романово-Борисоглѣбскаго—Елена *Казанцева*, Звенигородскаго уѣзда: Еремѣевскаго—Надежда *Афонская*, Алексѣевскаго начальнаго—Клавдія *Бѣлоусова*, Шараповскаго—Елизавета *Смирнова* и Куритниковскаго—Екатерина *Бѣлоусова*, Московскаго уѣзда: Печатниковскаго—Марія *Яковлева*, Мытищинскаго I—Елизавета *Другова*, Маріинскаго I—Марія *Ключарова* и Семеновскаго—Евгенія *Крылова*, Рязанскаго уѣзда: Рыково-Слободскаго—Анастасія *Алдакушкина*, Екшурскаго—Пелагея *Бокина*, Волынскаго I—Марія *Гусевская* и Аграфенино-Пустынскаго—Александра *Филимошкина*, Любимскаго уѣзда: Козскаго—Анна *Попова*, Хлестовскаго—Марія *Успенская*, Воскресенско-Обнорскаго—Екатерина *Успенская*, Воскресенско-Горскаго—Марія *Лаврова* и Поздѣевскаго—Елизавета *Казанская* и Базарно-Карабулакскаго, Саратовскаго уѣзда, Антонина *Малова*, Яковлевскаго начальнаго народнаго, Княгининскаго уѣзда, Людмила *Орлова*, земскихъ: Васьянскаго—Елизавета *Можжухина*, Каргопольскаго Екатерининскаго женскаго—Лидія *Боголюбова*, Островскаго уѣзда: Ситьково-Поташевскаго—Александра *Григорьева* и Шкилевскаго—Елизавета *Тимофеева*, Морско-Масельскаго, Повѣнецкаго уѣзда, Клавдія *Фигурина*, Замосовскаго, Порховскаго уѣзда, Марія *Дранченко*, Псковскаго уѣзда, Корныхновскаго—Елизавета *Задвинская*, Обижскаго—Наталія *Евдокимова*, Рожницкаго—Лидія *Столыиво*, Смолинскаго—Анна *Эксцельсова*, Харлапковскаго—Елизавета *Куликова*, Шемякинскаго—Марія *Столыиво*, Полтавской губерніи: Бобровникскаго—Марія *Максимовичъ*, перваго Батьковскаго—Серафима *Война*, Власовскаго—Александра *Шнейдеръ*, Опошнянскаго мужского—Александра *Стефановичъ*, Ступковскаго—Екатерина *Манжосъ*, перваго Камышевскаго земскаго, Полтавской губерніи, Дарія *Кошельникова*, Щекотовскаго, Кашинскаго уѣзда, Марія *Сахарова*, Чеканскаго, Бугульминскаго уѣзда, Александра *Никифорова*, начальныхъ земскихъ, Нижегородскаго уѣзда: Ближне-Бо-

рисовскаго: Марія *Иванова* и Серафима *Разумова*, второго Лютенско-Будищскаго земскаго народнаго—Евгенія *Прокоповичъ*, земскихъ начальныхъ: Зѣньковскаго Николаевскаго 2-го образцоваго — Марія *Дмитровская*, Черниговской губерніи: Дроздовицкаго—Александра *Бабичъ* и Комаровскаго—Анастасія *Яновская*, Луганскаго женскаго сельскаго начальнаго, Славяносербскаго уѣзда, Олимпіада *Шимковичъ*, одноклассныхъ начальныхъ: Костинскаго, Медынскаго уѣзда, Елена *Побѣдина*, Коломенскаго уѣзда: Шкинскаго—Марія *Смоленская*, Сандыревскаго—Анна *Соколова*, Лукерьинскаго—Дарья *Цвѣткова*, Городенскаго—Александра *Мазурина*, Садковскаго при фабрикѣ товарищества мануфактуръ И. Демина—Евдокія *Лабзина* и Коломенскихъ женскихъ: пятаго—Вѣра *Гелинкъ*, третьяго—Клавдія *Смирнова* и перваго—Вѣра *Львова*, одноклассныхъ сельскихъ: Чухельскаго, Волынской губерніи, Антонина *Федосьева* и Дороховскаго, Медынскаго уѣзда, Евдокія *Остроглазова*, приходскихъ: Маресевскаго на р. Руднѣ одноклассснаго, Лукояновскаго уѣзда, Марія *Морозова*, женскихъ: Егорьевскихъ: перваго приходскаго—Екатерина *Ершова* и одиннадцатаго—Пелагея *Ершова*, Псковскаго земскаго—Капитолина *Колосова*, Арзамасскаго Кирилло-Меѳодіевскаго—Екатерина *Терновская*, Касимовскаго перваго—Юлія *Лебедева* и Тарусскаго—Лидія *Золотухина*, мужскихъ: Спасскаго—Анна *Розенбергеръ*, Жиздринскаго—Марія *Ушакова* и восьмого города Самары—Александра *Шишканова* и 3-го—4-го смѣшаннаго приходскаго гор. Самары—Анна *Пташкина*, городскихъ начальныхъ: Рижскихъ соединенныхъ на Казачьей улицѣ—Нина *Мочалвина*, Владимірскаго 2-го—Марія *Лупандина* и Казанскихъ: двѣнадцатаго—Глафира *Кузнецова*, двадцать четвертаго—Екатерина *Троянская* и двадцатаго—Александра *Натара*, городскихъ приходскихъ: Великолуцкаго—Елизавета *Ильина*, Кіевскаго № 36—Варвара *Хилинская* и Владимірскаго 3-го—Марія *Говоркова*, двухклассныхъ: при Костромской женской учительской семинаріи—Анна *Зотова*, Христиновскаго желѣзнодорожнаго—Марія *Серединская*, Владимірскаго желѣзнодорожнаго при ст. „Владиміръ": Софія *Шишко* и Александра *Короткова*, Фащевскаго начальнаго земскаго, Славяносербскаго уѣзда, Александра *Незнаева*, Ново-Бурасовскаго начальнаго, Саратовскаго уѣзда, Александра *Головина*, женскихъ приходскихъ: Вознесенскаго въ гор. Ярославлѣ—Александра *Лазовская* и Нѣжинскаго—Іуліанія *Аксютина* и министерства народнаго просвѣщенія: Камено-Никольскаго, Нижегородскаго уѣзда, Анна *Кордатова*, Будскаго, Жиздринскаго уѣзда, Пелагея *Кукушкина*, Личадѣевскаго,

Ардатовскаго уѣзда, Анна *Гусева,* Лузгаринскаго, Егорьевскаго уѣзда, Іуліанія *Шмелева,* Опочининскаго, Мышкинскаго уѣзда, Татьяна *Михѣева* и Веретейскаго, Мологскаго уѣзда, Елена *Николаева,* бывшая учительница Бугульминскаго приходскаго женскаго училища—Анна *Зенъкович,* курьеры: при канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, крестьянинъ Эдуардъ *Маевскій* и Императорскаго Московскаго университета, запасный рядовой Григорій *Жуковъ,* вахтеры: Петроградской 8-й гимназіи, крестьянинъ Иванъ *Безюковъ* и Царскосельскаго реальнаго училища Императора Николая II, крестьянинъ Герасимъ *Петровъ,* швейцары: Рижскаго политехническаго института, запасный старшій унтеръ-офицеръ Анцъ *Понтеръ* (онъ же Бондеръ), гимназій: женской, имени В. П. фонъ-Дервиза въ Москвѣ, запасный унтеръ-офицеръ Николай *Глуховъ,* Владимірской, отставной рядовой Егоръ *Соколовъ,* Троицкой женской, запасный рядовой Ипатій *Шумковъ* и Императорской Александровской Кіевской, крестьянинъ Никита *Нѣмченко* и Одесскаго реальнаго училища св. Павла, изъ казаковъ, Степанъ *Сіора,* служителя: департамента народнаго просвѣщенія, запасный писарь Ефимъ *Святенко,* департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, запасный рядовой Иванъ *Дубицкій,* Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго, крестьянинъ Михаилъ *Петровъ* и Юрьевскаго: запасный рядовой Рудольфъ *Типпо* и изъ крестьянъ Юрій *Тросъ,* гимназій: Петроградскихъ: Ларинской: крестьяне: Доменикъ *Барканъ,* Семенъ *Гавриловъ* и Михаилъ *Осиповъ,* восьмой Степанъ *Юдинъ,* одиннадцатой, крестьянинъ Павелъ *Гавриловъ,* и двѣнадцатой, крестьянинъ Михаилъ *Ивуцъ,* Елецкой: отставной фельдфебель Андрей *Шкаринъ,* отставной унтеръ-офицеръ Михаилъ *Пялинъ* и отставной ефрейторъ Никита *Туркинъ,* Московской 4-й, крестьянинъ Матвѣй *Матвѣевъ,* Владимірской, мѣщанинъ Николай *Смирновъ* и Императорской Александровской Кіевской: отставные унтеръ-офицеры: Лаврентій *Потатурка* и Ефремъ *Ильченко,* реальныхъ училищъ: Троицкосавскаго, Алексѣевскаго, приказный Босинской станицы Иванъ *Гусевъ,* Одесскаго св. Павла, изъ поселянъ, Антонъ *Фридрихъ* и Нижегородскаго Владимірскаго, изъ мѣщанъ, Герасимъ *Козинъ* и 1-го мѣщанскаго казеннаго начальнаго училища гор. Москвы, крестьянинъ Михаилъ *Ермаченковъ,* фельдшерица клиники Императорскаго Московскаго университета, дворянка Александра *Лукина,* мастера: слесарный, Кологривскаго сельско-хозяйственно-техническаго училища Ѳ. В. Чижова, крестьянинъ Михаилъ *Хлѣбниковъ* и Костромского средняго механико-техническаго училища Ѳ. В.

Чижова: модельный, мѣщанинъ Павелъ *Грошевъ*, слесарный, мѣщанинъ Аркадій *Стрекаловъ*, токарный, мѣщанинъ Василій *Смирновъ*, столярный, крестьянинъ Өеофанъ *Лазаревъ*, при электротехнической лабораторіи, мѣщанинъ Константинъ *Воробъевъ* и сборочный, мѣщанинъ Василій *Башковъ*, средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ: столярно-токарный, изъ крестьянъ, Иванъ *Родіоновъ* и слесарный, мѣщанинъ Петръ *Быковъ*, столяръ Московской 4-й гимназіи, мѣщанинъ Демидъ *Клементьевъ*, дворникъ Петроградской Ларинской гимназіи, крестьянинъ Алексѣй *Петровъ* и Наманганскій мѣщанинъ Өеодоръ *Гиндинъ* и *серебряной, на Станиславской лентѣ:* вольнонаемные писцы: канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа: запасный зауряд-чиновникъ, Матвѣй *Никитченко* и крестьянинъ Петръ *Проценко* и Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, крестьянинъ Өеодоръ *Побѣдинскій*, членъ попечительнаго совѣта частной женской гимназіи Головиной въ гор. Даниловѣ, купеческій сынъ Димитрій *Суругчевъ*, начальницы женскихъ гимназій: Вологодской 3-й—Александра *Богословская*, Брюхоненко въ Москвѣ—Марія *Брюхоненко* и частной Травниковой въ Москвѣ—Зинаида *Травникова*, учительницы женскихъ гимназій: Орловской Николаевской: Марія *Воробъева*, Лидія *Головкина* и Моника *Альтгаузенъ*, частной Румянцевой въ Москвѣ: Марія *Сафонова* и Зинаида *Сафонова*, Череповецкой Маріинской: Ксенія *Переславцева* и Наталья *Сташко*, Кронштадтской Александринской: Александра *Никанорова* и Надежда *Каширская*, Старорусской—Александра *Ельчинская*, Петроградской Покровской—Викторія *Племянникова*, Грязовецкой—Іуліанія *Васильева*, Петроградской Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича—Вѣра *Петрова*, Рижской Тайловой—Лидія *Богоносцева*, Глуховской—Елизавета *Верщигора*, частной Травниковой въ Москвѣ—Евгенія *Толченова*, Брянской: Вѣра *Троицкая* и Анна *Исакова*, Кромской: Любовь *Акимова* и Антонина *Жилинская*, Нижегородской Маріинской—Цецилія *Свѣтовидова*, Елецкой — Елена *Гертнеръ*, Измаильской — Луція-Эмма *Гединъ*, Сердобской—Екатерина *Никанорова*, Ковровской—Ольга *Некрасова*, Новоторжской: Серафима *Кисельникова* и Вѣра *Казачкова*, Ельнинской: Надежда *Васильева* и Лидія *Ниголь*, Брюхоненко въ Москвѣ—Лидія *Соколова*, Тульской, учр. Жесминъ, Елена *Лобанова* и Троицкой мужской—Любовь *Софійская*, учительницы приготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій: Ревельской—Юлія *Каллинъ*, Орловской Николаевской—Екатерина *Кречетова* и Череповецкой Ма-

ріинской—Зинаида *Тарасова,* учитель танцевъ частной женской гимназіи Констанъ въ Москвѣ, отставной артистъ балетной труппы Императорскихъ Московскихъ театровъ—Өеодоръ *Остроградскій,* надзирательницы: клиникъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Екатерина *Иловайская* и Юрьевскаго—Марта *Рудисъ* и Новоторжской женской гимназіи—Ольга *Кисельникова,* классныя надзирательницы и учительницы женскихъ гимназій: Новгородской Николаевской: Марія *Богданова* и Юлія *Диде* и частной Саловой въ Калугѣ—Анна *Еремьева,* классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Череповецкой Маріинской—Зоя *Рязанская,* Псковской Маріинской—Марія *Иванова,* Вологодской 3-й—Софія *Попова,* Казанской третьей: Екатерина *Цивилина,* Елизавета *Перимова* и Ольга *Грошева,* Кіевской Жеребцовой—Марія *Жеребцова,* Кашинской Маріинской—Елена *Манухина,* Ярославской Маріинской—Зоя *Парійская,* Брянской: Людмила *Чикина* и Екатерина *Вейландъ,* Осташковской—Марія *Флерова,* Елецкой—Екатерина *Лагутина,* Саратовской 1-й—Марія *Кирхгоферъ* и Московской частной Приклонской—Зинаида *Ундольская,* корреспонденты Николаевской главной физической обсерваторіи: крестьянинъ Филиппъ *Кутьинъ* и мѣщанинъ Зусъ *Эрлихъ,* служащія по письменной части въ канцеляріяхъ: Петроградскаго Императорскаго университета: правленія—дочь коллежскаго ассесора Елена *Братановская* и декана, жена личнаго почетнаго гражданина Татьяна *Короткова,* писецъ правленія Императорскаго Юрьевскаго университета, запасный старшій писарь Илья *Башкировъ,* вольнотрудящійся при Императорской публичной библіотекѣ, мѣщанинъ Борисъ *Ивановъ,* письмоводитель при канцеляріи механическаго отдѣленія Императорскаго Московскаго техническаго училища, сынъ псаломщика Николай *Блохинъ,* писецъ канцеляріи дирекціи народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, изъ мѣщанъ, Иванъ *Ветошниковъ,* дѣлопроизводитель попечительнаго совѣта Измаильской женской гимназіи, житель с. Еникіой Николай *Галюровъ,* счетоводъ при бухгалтеріи Императорскаго Московскаго техническаго училища, мѣщанинъ Иванъ *Чернышевъ,* сынъ отставного коллежскаго регистратора Николай *Болотовъ,* почетные блюстители: Себинской аульной школы, Устькаменогорскаго уѣзда, киргизъ Акатай *Алихановъ* и училищъ: Рижскаго XI начальнаго, мѣщанинъ Өеодоръ *Уткинъ,* Космозерскаго, Петрозаводскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Касьяновъ,* Лозовскаго одноклассного народнаго, Волынской губерніи, гражданинъ гор. Митавы Карлъ-Фридрихъ-Юліусъ *Аутергофъ,* Васильевскаго сельскаго начальнаго, Устькаме-

ногорскаго уѣзда, крестьянинъ Семенъ *Чугаевъ*, двухклассныхъ: Радомысльскаго начальнаго еврейскаго, мѣщанинъ Натанъ *Герценштейнъ*, министерства народнаго просвѣщенія: Каргопольскаго уѣзда: Ловзанскаго, купецъ 2-й гильдіи Кириллъ *Губинскій* и Устьмошскаго, крестьянинъ Василій *Вороновъ*, Калмыцко - Мысовскаго сельскаго, Змѣиногорскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Зайцевъ* и Акимовскаго, Мелитопольскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Павловъ* и Омскаго мужского городского приходскаго Имени Императора Александра II, второй гильдіи купецъ Іоганъ *Бретманъ*, попечители училищъ: начальныхъ городскихъ: Нижегородскаго Кутайсовскаго мужского, купецъ Александръ *Заплатинъ*, Бериславскаго Забалковскаго, мѣщанинъ Иванъ *Ретенко*, Луганскаго 2-го, сельскій обыватель Иванъ *Ляпинъ*, Ильинско-Бѣлынскаго начальнаго, Ростовскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Волковъ* и Мологскаго земскаго, что въ Заручьѣ, 2-й гильдіи купецъ Михаилъ *Поповъ*, сельскихъ начальныхъ: Ишимскаго уѣзда: Дубинскаго, крестьянинъ Францъ *Бичуль* и Ражевскаго, мѣщанинъ Димитрій *Александровъ*, Подгороднянскаго 2-го земскаго начальнаго, Павлоградскаго уѣзда, крестьянинъ Сила *Даценко*, Шелеховскаго земскаго народнаго, Ананьевскаго уѣзда, сынъ купца Адольфъ *Краузъ*, приходскихъ: 1-го Ванновскаго, крестьянинъ Иванъ *Рѣзникъ*, Петропавловскаго: крестьянинъ Димитрій *Боровскихъ* и крестьянинъ Василій *Боровскихъ*, Лижемскаго и Сунскаго земскихъ, Петрозаводскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Неклюдовъ* и Ростовскаго двухкласснаго женскаго приходскаго, первой гильдіи купецъ Петръ *Селивановъ*, членъ совѣта Евпаторійскаго караимскаго ремесленнаго училища имени Соломона Когена, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Соломонъ *Хаджашъ*, почетная блюстительница Нижегородскаго городского двухкласснаго приходскаго имени Баулина училища вдова купца Надежда *Извольская*, попечительницы училищъ: земскихъ начальныхъ: Нижегородскаго уѣзда, Кусаковскаго, жена купца Людмила *Жукова* и Вишенскаго, потомственная почетная гражданка Софія *Карпова* и Угличскаго Маріинскаго женскаго приходскаго, жена купца Екатерина *Жаренова*, завѣдывающая Теофипольскимъ женскимъ одноклассным приходскимъ имени В. И. Стаховской училищемъ, Волынской губерніи, Анна *Блонская*, учительницы Кіевскихъ городскихъ приходскихъ училищъ: № 59 — Лидія *Киселевичъ*, № 55: Марія *Худощенко* и Сусанна *Лазаркевичъ*, № 26—Анастасія *Дудникъ* и № 10—Вѣра *Пашинская*, потомственная почетная гражданка, жена шведскаго подданнаго, русская подданная—Надежда

Гагманъ, личный почетный гражданинъ—Петръ *Постниковъ*, курьеры управленія Рижскаго учебнаго округа: запасные унтеръ-офицеры: Алексѣй *Якимовъ* и Іосифъ *Кузьминъ*, швейцары: Императорскихъ университетовъ: Московскаго: отставной унтеръ-офицеръ Адріанъ *Мишинъ*, отставной рядовой *Головановъ* и крестьяне: Андрей *Пантелеевъ* и Иванъ *Игнатовъ*, Казанскаго: крестьяне: Владиміръ *Васильевъ* и Гарей *Зарифовъ* и Новороссійскаго, крестьянинъ Тимофей *Педанъ*, Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, крестьянинъ Иванъ *Кочергинъ*, гимназій: Оренбургской мужской, отставной музыкантъ унтеръ-офицерскаго званія Павелъ *Чепраковъ*, Московской 4-й, крестьянинъ Василій *Жуковъ*, женскихъ: частной Ржевской въ Москвѣ, крестьянинъ Василій *Строгоновъ*, имени В. П. фонъ-Дервиза, крестьянинъ Иванъ *Фоминъ*, Псковской Маріинской, крестьянинъ Иванъ *Магерскій*, реальныхъ училищъ: Кишиневскаго, крестьянинъ Дмитрій *Хорошевъ* и Кишиневскаго, царанинъ Еремѣй *Мунтянъ*, Императорскаго Московскаго техническаго училища: крестьяне: Илья *Хилковъ* и Тарасъ *Смѣкаловъ* и Костромского химико-техническаго училища Ѳ. В. Чижова, мѣщанинъ Ѳеодоръ *Кардашъ*, дядьки при пансіонахъ гимназій: Уфимской, крестьянинъ Родіонъ *Шерстобитовъ* и Московской 4-й: крестьяне: Михаилъ *Козловъ* и Алексѣй *Кривовъ*, служителя: департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, канониръ Андрей *Борисовъ* и крестьянинъ Андрей *Гурочкинъ*, Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго: мѣщанинъ Андрей *Рихтеръ* и крестьянинъ Тихонъ *Рясинъ*, Московскаго, старшій унтеръ-офицеръ Андрей *Кирпичевъ*, ратникъ ополченія Петръ *Петровъ* и запасный рядовой Семенъ *Абрамовъ*, Юрьевскаго, изъ крестьянъ, Іосифъ *Кліймандъ*, Казанскаго: крестьяне: Валіулла *Файзуллинъ*, Ефимъ *Сяплинъ*, Зарифъ *Валѣевъ* и Леонидъ *Косыгинъ* и Новороссійскаго: крестьяне: Семенъ *Ивановъ* и Леонтій *Петровъ*, канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, крестьянинъ Иванъ *Машталеръ*, комиссіи по международному обмѣну изданій Сергѣй *Ивановъ*, гимназіи при Императорскомъ Петроградскомъ историко-филологическомъ институтѣ, крестьянинъ Иванъ *Шуряковъ* и, изъ мѣщанъ, Василій *Цейтлинъ*, Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая: крестьяне: Петръ *Федотовъ*, Николай *Тихомировъ*, Алексѣй *Федотовъ* и Николай *Мистровъ* и мѣщанинъ Александръ *Кохоревъ*, гимназій: Петроградской Императора Петра Великаго, крестьянинъ Дмитрій *Филипповъ*, частной женской Самгиной въ Москвѣ, изъ крестьянъ, Захаръ *Козловъ*, Ярославской частной мужской Щего-

лева, крестьянинъ Василій *Курочкинъ*, Юрьевской Императора Александра I Благословеннаго: запасные рядовые: Даніилъ *Эрлихъ*, Янъ *Парикъ* и Илья *Николаевъ*, Либавской Николаевской, изъ крестьянъ, Романъ *Кудзелко*, Рижской Александровской, изъ крестьянъ, Осипъ *Боцисъ*, Вятской мужской: потомственный почетный гражданинъ Сергѣй *Поповъ* и старшій унтеръ-офицеръ Павелъ *Сычуговъ*, Императорской Александровской Кіевской: запасный рядовой Михаилъ *Жовтенко* и крестьянинъ Евдокимъ *Золотарь*, Брянской, запасный ротный сигналистъ Гурій *Килинъ*, женской имени В. П. фонъ-Дервиза въ Москвѣ, крестьянинъ Михаилъ *Каретинъ*, Московской 4-й, крестьянинъ Герасимъ *Доморощеновъ*, Пермской Александровской женской, изъ крестьянъ, Осипъ *Никитинъ* и Феодоссійской, крестьянинъ Иванъ *Пивко*, реальныхъ училищъ: Одесскаго св. Павла, изъ поселянъ, Петръ *Бенцъ*, Оренбургскаго: мѣщане: Тимофей *Татьянинъ* и Андрей *Капрановъ*, Нижегородскаго Владимірскаго: крестьянинъ Александръ *Шабановъ*, Филиппъ *Касилинъ*, Кинешемскаго, крестьянинъ Николай *Зайцевъ*, Вольскаго, запасный ефрейторъ Григорій *Уральцевъ*, Вятскаго Александровскаго, крестьянинъ Иванъ *Клабуковъ* и Царскосельскаго Императора Николая II, мѣщанинъ Константинъ *Федоровъ* и крестьянинъ Ѳеодоръ *Бобинъ*, Императорскаго Московскаго техническаго училища: мѣщанинъ Иванъ *Гуринъ* и крестьянинъ Ивлій *Тарасенковъ*, средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ: изъ крестьянъ: Иванъ *Козинъ*, Дмитрій *Козинъ* и Михаилъ *Горбуновъ*, Сорокскаго средняго семиклассняго сельскохозяйственно-техническаго училища, мѣщанинъ Иванъ *Рыбалка*, Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, мѣщанинъ Константинъ *Масловскій*, учительскихъ институтовъ: Виленскаго, изъ мѣщанъ, Иванъ *Перевичъ* и крестьяне: Антонъ *Садовскій* и Иванъ *Богдановъ* и Казанскаго, запасной рядовой Тарасъ *Мартемьяновъ*, Киржачской учительской семинаріи, изъ мѣщанъ, Яковъ *Алексѣевъ*, Старо-Буянской низшей ремесленной школы, Самарскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Адяевъ*, училищъ: высшихъ начальныхъ: Звенигородскаго, крестьянинъ Андрей *Бѣлый*, Самарскаго, крестьянинъ Иванъ *Зининъ*, Гадячскаго городского приходскаго, крестьянинъ Петръ *Макаровъ*, Нижегородскаго Сергѣевскаго начальнаго, изъ крестьянъ, Николай *Ревягинъ* и канцеляріи дирекціи народныхъ училищъ Черниговской губерніи, крестьянинъ Иванъ *Дейнеко*, старшій электрикъ центральной электрической станціи Императорскаго Московскаго техническаго училища, мѣщанинъ

Михаилъ *Кабановъ*, старшій машинистъ той же станціи, мѣщанинъ Константинъ *Дрекаловъ*, переплетный мастеръ Императорской публичной библіотеки, ремесленникъ Василій *Осиповъ*, мастера: средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ: изъ мѣщанъ: литейный—Иванъ *Мокряновъ* и кузнечный—Иванъ *Орловъ* и токарный (по металлу), изъ крестьянъ, Константинъ *Ѳеанасьевъ* и столярный при Оханскомъ городскомъ училищѣ, изъ мѣщанъ, Иванъ *Невѣровъ*, слесарь Елецкой гимназіи, изъ мѣщанъ, Ѳеодоръ *Петровъ*, помощникъ слесарнаго мастера Чернобыльской низшей ремесленной школы, Кіевской губерніи, крестьянинъ Иванъ *Мельниченко*, сидѣлки: клиникъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго: крестьянки: Матрена *Смирнова*, Марія *Сорокина*, Анастасія *Тимофеева*, Марія *Грачева*, Анна *Александрова*, Прасковья *Калмыкова* и Александра *Мишина* и мѣщанка Евфимія *Семенова* и Казанскаго, вдова мѣщанина Анна *Центовская* и жена запаснаго рядового Матрена *Ануфріева* и лазарета Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, крестьянка Ирина *Шелухина*, подрядчикъ-строитель мѣщанинъ Ѳеодоръ *Кузнецовъ*, буфетчикъ при пансіонѣ Уфимской мужской гимназіи, изъ крестьянъ, Иванъ *Уральцевъ*, поваръ при пансіонѣ Уфимской мужской гимназіи, мѣщанинъ Яковъ *Андреяновъ;* дворники: Императорскаго Юрьевскаго университета, изъ крестьянъ, Петръ *Ресто*, женской гимназіи имени В. П. фонъ-Дервиза въ Москвѣ: крестьяне: Феодосей *Старостинъ* и Василій *Мишаковъ* и Петроградскаго учительскаго Императора Александра II института, крестьянинъ Иванъ *Засыпкинъ*, печникъ при Императорскомъ Петроградскомъ историко-филологическомъ институтѣ, изъ крестьянъ, Николай *Лапшинъ*, портной при пансіонѣ Московской 4-й гимназіи крестьянинъ Василій *Васильевъ*, часовщикъ Елецкой гимназіи изъ мѣщанъ Нахманъ-Гилька *Райхинштейнъ*, полотеръ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, крестьянинъ Петръ *Мазятовъ*, поварской помощникъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая крестьянинъ Михаилъ *Макаровъ* и конюхъ домскаго хозяйства Императорскаго Юрьевскаго университета, изъ крестьянъ, Карлъ *Лооритсъ*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія за труды ихъ по народному образованію Всемилостивѣйше пожалованы на 6-е декабря 1914 года, *серебряною медалью, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди, на Алексан-*

дровской лентѣ: по Петроградскому учебному округу: учительница Царскосельскаго реальнаго училища Императора Николая II, Берта *Бартолиціусъ*, преподавательница Кронштадтской Александровской женской гимназіи Александра *Швейко*, завѣдывающій Вахтомскимъ двухкласснымъ земскимъ училищемъ, Каргопольскаго уѣзда, Иванъ *Родичевъ*, учитель-завѣдывающій земскимъ ремесленнымъ пріютомъ для мальчиковъ въ гор. Повѣнцѣ, Павелъ *Харитоновъ*, учителя училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Луговскаго одноклассиаго, Каргопольскаго уѣзда, Александръ *Афанасьевъ* и Салменижскаго, Петрозаводскаго уѣзда, Илья *Степановъ* и земскихъ: Петрозаводскаго уѣзда: Горне-Шелтозерскаго, Николай *Климовъ*, Ивинскаго двухкласснаго, Михаилъ *Яковлевъ* и Лендерскаго, имени Н. В. Гоголя, Повѣнецкаго уѣзда, Александръ *Сазоновъ*, учительницы земскихъ училищъ: Пряжинскаго, Петрозаводскаго уѣзда, Марія *Костина* и Шабалинскаго начальнаго, Анна *Николаевская* и преподаватель ручного труда Ловзанскаго двухкласснаго училища, Каргопольскаго уѣзда, Николай *Кореневъ*; по Московскому учебному округу: учительницы начальныхъ училищъ въ гор. Ярославлѣ: при богоугодномъ заведеніи Ярославскаго губернскаго земства, Клавдія *Виноградова*, мѣщанскаго общества, Лидія *Русинова*, Закоторостльскаго приходскаго, Анна *Александрова*, Закоторостльскаго, Надежда *Федоровская*, Вознесенскаго мужского, Анна *Милкова*, въ память учрежденія государственной думы: Юлія *Добронравина* и Лидія *Рождественская*, Духовскаго мужского, Елизавета *Жильцова*, Духовскаго перваго женскаго, Маргарита *Пажина*, Ильинскаго: Екатерина *Троицкая*, Вѣра *Никитина* и Марія *Рождественская*, Никитскаго, Анна *Сорокина*, Предтеченскаго, Екатерина *Лютивинская* и Тверицкаго: Надежда *Никитина* и Зинаида *Милкова*; учителя начальныхъ училищъ: при исправительномъ пріютѣ, Валеріанъ *Баженовъ* и Норско-Посадскаго, Николай *Палтевскій*, учительницы начальныхъ училищъ Ярославскаго уѣзда: Артемихскаго, Наталія *Воробьева*, Бурмакинскаго, Капитолина *Зызыкина*, Великосельскаго, Антонина *Соколова*, Головинскаго, Марія *Казаринова*, Діево-Городищенскаго, Антонина *Покровская*, Иваньковскаго, Антонина *Мирославская*, Карабихскаго, Александра *Соколова*, Норско-Посадскаго, Екатерина *Кукубовская*, Оринкинскаго, Анна *Мухина*, Селищенскаго, Марія *Назимова*, Халдѣевскаго, Марія *Виноградова*, Шалаевскаго, Надежда *Верховская* и Ширинскаго, Елена *Суханова*, учительница-завѣдывающая Пошехонскимъ начальнымъ училищемъ, Анфиса *Меценатова*,

учительницы Пошехонскаго начальнаго училища: Маргарита *Дмитріева* и Евгенія *Стратилатова*, учительница-завѣдывающая Пошехонскимъ приходскимъ училищемъ—Калерія *Дмитріева*, учительница Николо-Колобовскаго начальнаго училища—Марія *Великосельская*, учительница-завѣдывающая одноклассныиъ училищемъ министерства народнаго просвѣщенія при ст. „Ярославль", Сѣверн. ж. д., Надежда *Акимова*, учительница того же училища—Любовь *Акимова*, учительница двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія при ст. „Ярославль", Сѣверн. ж. д., Лидія *Сперанская*, учителя земскихъ начальныхъ училищъ: Весьегонскаго уѣзда: Березницкаго—Александръ *Бойковъ*, Делидинскаго—Андрей *Горшечниковъ* и Монаковскаго—Николай *Мѣдянниковъ*, Юрьевскаго, Корчевскаго уѣзда, Григорій *Борисоглѣбскій*, учитель-завѣдывающій Кузнецовскимъ приходскимъ училищемъ, того же уѣзда, Иванъ *Носовъ*, учительницы училищъ: Кимрскаго Полежаевскаго—Антонина *Иванова*, земскихъ, Корчевскаго уѣзда: Красновскаго—Надежда *Покровская* и Уразовскаго—Зоя *Фролова*, Елецкихъ приходскихъ: мужскихъ: перваго: Александра *Переверзева*, Надежда *Баранова* и Антонина *Сафонова*, второго—Надежда *Звѣрева* и четвертаго—Екатерина *Харченко*, женскихъ: перваго—Вѣра *Непорожняя*, второго—Антонина *Кирюшина* и восьмого—Александра *Покровская*, начальныхъ, Елецкаго уѣзда: Асламовскаго—Мелитина *Рюрикова*, Бурдинскаго—Ольга *Моргачева*, Войсково-Казинскаго—Александра *Ненашева* и Воронецкаго: Варвара *Булгакова* и Варвара *Остроторская*, учитель Гущино-Колодезскаго начальнаго училища, того же уѣзда, Михаилъ *Мѣшковъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Елецкаго уѣзда: Дерновскаго—Надежда *Исаева* и Дмитріевско-Никитинскаго—Параскева *Бунѣева*, Казацкаго: Вѣра *Дмитріева* и Надежда *Орлова*, Ламско-Паленскаго—Анна *Истомина* и Михайловскаго—Параскева *Голикова*, учитель Мало-Высельскаго начальнаго училища, Елецкаго уѣзда, Алексѣй *Коростелевъ*, учительницы начальныхъ училищъ, Елецкаго уѣзда: Нижне-Воргольскаго—Евпраксія *Салопова*, Ново-Ольшанскаго—Александра *Соколова*, Петрищевскаго—Елена *Волкова*, Рождественскаго—Клавдія *Алексѣева* и Стрѣлецкаго—Ольга *Переверзева;* учителя начальныхъ училищъ, того же уѣзда: Рождественскаго—Николай *Дмитріевъ*, Стрѣлецкаго—Михаилъ *Крюковъ* и Тербунскаго—Илья *Аргуновъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Елецкаго уѣзда: Хмѣльнецкаго—Лидія *Попова* и Чернолѣсскаго—Ольга *Путилина*, Трубчевскаго уѣзда: Богородицкаго—Ольга *Софронова*, Выгоничскаго—Марія *Свят-*

ская, Городецкаго Пушкинскаго — Антонина *Григорьева*, Колычевскаго — Анна *Генерозова*, Селецкаго — Александра *Стефановская*, Уручьенскаго — Александра *Первозванская*, Усошенскаго — Пелагея *Любомудрова* и Филипповичскаго: Екатерина *Гридина* и Анастасія *Камозина*, женскихъ приходскихъ: Трубчевскаго—Марія *Григорьева*, Болховскаго второго Глазковскаго: Марія *Крылова* и Наталія *Первозванская* и Бориловскаго начальнаго, Трубчевскаго уѣзда, Анна *Евреинова*, учителя начальныхъ училищъ: Ратчинскаго, Трубчевскаго уѣзда, Григорій *Рѣпинъ*, Болховскаго уѣзда: Городищенскаго—Василій *Фирсановъ*, Дубово-Рощинскаго—Николай *Заводчиковъ*, Кобылинскаго—Василій *Акимовъ*, Милитинскаго—Афанасій *Тазенковъ*, Столбчанскаго—Антонъ *Астаховъ* и Сорокинскаго—Александръ *Пашанинъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Фатневскаго, Болховскаго уѣзда, Марія *Поликарпова*, Кромскаго уѣзда: Бѣльдяжскаго—Любовь *Воскресенская*, Глинскаго—Анна *Костина*, Добрынскаго—Татьяна *Николаевская*, Каменецкаго — Анна *Бармина*, Кривчиковскаго — Марія *Калинникова*, Муравьевскаго—Марія *Дмитріева*, Павловскаго—Александра *Гостенкова*, Рождественскаго—Евдокія *Кононова*, Сосковскаго — Ольга *Александрійская* и Турейскаго — Анна *Чижова*, учитель-завѣдующій Кутафинскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Кромскаго уѣзда, Дмитрій *Бѣликовъ*, учителя начальныхъ училищъ: Кромскаго уѣзда: Орѣховскаго—Семенъ *Некрасовъ* и Семенковскаго—Михаилъ *Кулагинъ*, Касимовскаго уѣзда: Мордвиновскаго—Θеодоръ *Логиновъ* и Куземкинскаго—Арсеній *Куріановъ* Раненбургскаго уѣзда: Кривополянскаго 2-го—Андрей *Соловьевъ*, и Пиковскаго—Петръ *Скуратовъ*, Кутуковскаго, Спасскаго уѣзда, Козьма *Сырцовъ*, Лузгаринскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Егорьевскаго уѣзда, Степанъ *Балдинъ*, Егорьевскаго Хлудовскаго фабричнаго—Сергѣй *Сидоровъ*, Егорьевскаго 2-го мужского приходскаго—Николай *Соповъ*, Гулынскаго начальнаго, Пронскаго уѣзда, Иванъ *Старшининъ* и Сапожковскаго мужского приходскаго—Александръ *Ивановъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Пексельскаго, Касимовскаго уѣзда, Евдокія *Молчанова*, Мордовскаго, Сапожковскаго уѣзда, Елена *Божко*, Кривополянскаго 1-го, Раненбургскаго уѣзда, Агриппина *Викулина*, Спасскаго уѣзда: Разбердѣевскаго—Валентина *Дружинина* и Мокрицкаго—Лидія *Остроумова*, Егорьевскаго уѣзда: Нечаевскаго—Марія *Клочкова*, Леоновскаго—Марія *Лиличкина*, Мавринскаго—Марія *Шарашкина* и Бобковскаго—Нина *Петровская*, Верейскаго уѣзда: Крым-

скаго — Анна *Митропольская,* Ильинскаго — Екатерина *Кириллова* и Юшковскаго—Варвара *Фирсова,* Верейскаго приходскаго женскаго—Ксенія *Рѣдькина* и Верейскаго пригороднаго—Анна *Прудинина,* учитель того же училища Андрей *Грудининъ,* учитель-завѣдывающій Рогачевскимъ двухкласснымъ училищемъ — Алексѣй *Даниловъ,* учителя начальныхъ училищъ, Дмитровскаго уѣзда: Васильевскаго—Иванъ *Абареновъ,* Степановскаго — Семенъ *Ивановъ,* Троице-Слободского—Иванъ *Кирилловъ* и Левковскаго—Александръ *Новиковъ,* учительницы училищъ: Сергіевопосадскаго двухкласснаго: Марія *Лифанова* и Любовь *Шапошникова,* Вербилковскаго начальнаго — Марія *Шелякина,* учителя начальныхъ училищъ: Волоколамскаго уѣзда: Курьяновскаго—Яковъ *Горькій,* Игнатовскаго—Николай *Семеновскій,* Чубаровскаго—Константинъ *Кунцевичъ* и Егорьевскаго—Евстигней *Пушковъ,* учительницы начальныхъ училищъ: Коломенскаго уѣзда: второго женскаго, въ гор. Коломнѣ: Александра *Казанцева* и Софія *Радугина,* Богородскаго—Александра *Соколова,* Больше-Уваровскаго—Марія *Уварова,* Климовскаго—Александра *Перова* и Леонтьевскаго—Людмила *Прыткова,* учитель Парфентьевскаго начальнаго училища Александръ *Забуринъ,* учительницы начальныхъ училищъ: Коломенскаго уѣзда: Протопоповскаго—Констанція *Смоленская,* Старо-Каширскаго—Надежда *Вакулина* и Хорошевскаго—Елизавета *Успенская,* Можайскаго уѣзда: Борисовскаго—Татьяна *Залѣсская,* Троицкаго—Александра *Страхова* и двухкласснаго при Коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ—Ольга *Радугина,* учительница-завѣдывающая двухкласснымъ при фабрикѣ товарищества мануфактуръ Ѳ. Щербакова училищемъ Ксенія *Землянушнова,* учительница-содержательница частнаго начальнаго въ гор. Коломнѣ училища Маргарита *Депаловичъ,* учитель Княгининскаго приходскаго мужского училища Владиміръ *Колосовъ,* учительница - завѣдующая Княгининскимъ двухкласснымъ приходскимъ женскимъ училищемъ Надежда *Соколовская,* учитель-завѣдывающій Ичалковскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ—Василій *Егоровъ,* учительницы начальныхъ училищъ: Княгининскаго уѣзда: Арбузовскаго—Марія *Никольская,* Инкинскаго — Агнія *Кудрявцева,* Лубянцевскаго — Зинаида *Добровская,* Мармыжевскаго — Марія *Раевская* и Смагинскаго — Екатерина *Грацianова,* Сергачскаго уѣзда: Знаменскаго — Марія *Волкова,* Кошкаровскаго—Ксенія *Лебедева* и Тархановскаго—Софія *Орфелинова,* вѣроучители одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ: Сергачскаго уѣзда: Грибановскаго — Муклимбай *Ризвановъ* и

Пицкаго—Багаутдинъ *Шара-Фетдиновъ*, учителя начальныхъ народныхъ училищъ, Сергачскаго уѣзда: Анастасовскаго—Александръ *Волковъ* и Кошкаровскаго—Николай *Лебедевъ*, учитель Дальне-Константиновскаго начальнаго народнаго училища, Нижегородскаго уѣзда, Алексѣй *Тронинъ*, начальница Иваново-Вознесенской частной женской гимназіи Діомидовской—Параскева *Діомидовская*, учителя сельскихъ начальныхъ училищъ, Ельнинскаго уѣзда: Брынинскаго—Іосифъ *Потемкинъ* и Шиловскаго—Павелъ *Іоакимовъ*, учительницы начальныхъ сельскихъ училищъ, Ельнинскаго уѣзда: Лучесскаго—Марія *Чеботарева* и Асѣевскаго—Татьяна *Волочкова*, учительницы женскихъ гимназій: частной Гельбигъ въ Москвѣ: Ольга *Пауль*, Марія *Невская*, Екатерина *Гавшина*, Екатерина *Соколова* и Терезія-Эмилія *Лапина*, частной женской Л. Д. Ежовой, въ Москвѣ, Серафима *Лорхъ*, Серпуховской Николаевской: Зинаида *Филатьева* и Анастасія *Лазарева*, Сѣвской—Лидія *Воронина*, Одоевской—Надежда *Зеленецкая* и Брянской—Антонина *Шульцъ*, учительница Осташковскаго реальнаго училища—Марія *Бѣлова*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Осташковской—Ольга *Воронова*, Нижегородской Маріинской—Маргарита *Соколова*, Кащинской-Маріинской—Ольга *Чередѣева* и Ярославской Маріинской—Елена *Соболева*, учительница Костромской женской учительской семинаріи Любовь *Цвѣтаева*, учитель Пушкинско-Сокольническаго мужского начальнаго училища въ Москвѣ, Михаилъ *Соколовъ*, учительница Рогачевскаго начальнаго женскаго училища, Дмитровскаго уѣзда, Анна *Бухарева*, учителя училищъ: Весьегонскаго уѣзда: Глебенскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія Василій *Левашевъ*, Рочевскаго—Алексѣй *Архиповъ* и Стрекачевскаго—Михаилъ *Комлевъ*, учительницы сельскихъ начальныхъ училищъ: Тверского уѣзда: Рязановскаго—Анна *Аркадова*, Горско-Дудинскаго—Марія *Звѣрева*, Иванцевскаго—Варвара *Никольская*, Петровскаго—Валентина *Преображенская* и Бурашевскаго—Александра *Москеева*, учителя сельскихъ начальныхъ училищъ, того же уѣзда: Тургиновскаго—Петръ *Преображенскій* и Жуковскаго—Иванъ *Тарасовъ*, учительницы училищъ: Ямского городского начальнаго — Екатерина *Эльмановичъ*, Тверского желѣзнодорожнаго двухкласснаго — Марія *Знаменская*, Бурашевскаго сельскаго начальнаго, Тверского уѣзда, Вѣра *Иванова* и начальныхъ: Весьегонскаго уѣзда: Весьегонскаго Троицкаго — Галина *Богаченко*, Березницкаго — Екатерина *Бойкова*, Б. Алексѣйцевскаго—Евдокія *Цыганова*, Волныцынскаго—Анастасія *Вашукова*, Воробьихскаго — Анна *Рождественская*, Городковскаго —

Любовь *Талызина,* Залужскаго—Ольга *Ефремова,* Кесовскаго—Марія *Спасская,* Коробовскаго—Александра *Меглицкая,* Коробовскаго—Марія *Талызина,* Краснохолмскаго: Клавдія *Спасская* и Серафима *Одинцова,* Парфеньевскаго—Татьяна *Уткина,* Путиловскаго—Анна *Уварова,* Пятницкаго: Надежда *Волкова* и Александра *Головулина,* Рачевскаго—Анна *Архипова,* Сорогожскаго—Александра *Никольская,* Стрекачевскаго—Марія *Комлева,* Сыропятовскаго—Марія *Синицина,* Топалковскаго—Раиса *Никольская,* Турковскаго—Марія *Преображенская,* Филиппцевскаго—Анна *Савина* и Шалимовскаго сельскаго, Тверского уѣзда, Серафима *Воинова,* учитель Будскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища Жиздринскаго уѣзда, Алексѣй *Кукушкинъ,* учительницы начальныхъ училищъ: Жиздринскаго уѣзда: Боровскаго — Анна *Безсонова,* Рѣчицкаго — Марія *Кондрыкинская,* Щигровскаго—Анна *Шумилина,* Дубровскаго—Вѣра *Борщова,* Сукремльскаго — Пелагея *Колесникова,* Ѳоминичскаго — Анна *Попова,* Мещовскаго уѣзда: Ратьковскаго—Александра *Скокова,* Новосельскаго — Анна *Паньшина,* Щетиновскаго — Пелагея *Блистинова,* Щелкановскаго—Елизавета *Брагина,* Матчинскаго—Наталія *Кобелева,* Мошонскаго — Анастасія *Мещерикова* и Щелкановскаго — Екатерина *Смирнова,* учитель завѣдующій Бышковичскимъ двухкласснымъ училищемъ, того же уѣзда, Григорій *Соколовъ,* учительницы начальныхъ училищъ: перваго въ гор. Муромѣ—Анна *Львицына,* второго земскаго въ гор. Муромѣ—Анна *Козьменкова,* Муромскаго уѣзда: перваго Карачаровскаго—Ольга *Матрошихина,* Красненскаго—Варвара *Иванова,* Медоварцевскаго—Екатерина *Иванова,* Новошинскаго—Анна *Кольчугина,* Орловскаго—Любовь *Кремнева,* Монаковскаго—Анна *Щелокова,* Стригинскаго—Анастасія *Савосина,* Новосельскаго—Татьяна *Ухова-Валединская,* Судогодскаго уѣзда: Каменинскаго—Варвара *Аматова* и Судогодскаго женскаго двухкласснаго приходскаго—Елена *Богданова,* учителя начальныхъ училищъ: того же уѣзда: Коробовскаго—Алексѣй *Пчелкинъ,* Максимихинскаго — Василій *Блиновъ,* Житковскаго—Александръ *Александровскій,* Ковровскаго уѣзда: Горюшкинскаго—Дмитрій *Самраковъ,* Пежинскаго—Павелъ *Смирновъ,* Горкинскаго одноклассного министерства народнаго просвѣщенія—Михаилъ *Сокольскій,* Горковскаго—Владиміръ *Ставровскій,* Чернцскаго—Иванъ *Шмелевъ,* Корзинскаго — Евгеній *Черкасовъ* и Ковровскаго приходскаго—Александръ *Панфиловъ,* учительницы училищъ: Ковровскаго уѣзда: Масловскаго—Марія *Агрикова,* начальныхъ: Бѣльковскаго—Елена *Бакина,* Клюшниковскаго—Анна *Баскакова,* Финляндскаго—

Александра *Гармонова*, Брызгаловскаго—Зинаида *Годовикова*, Савинскаго—Марія *Демянская*, Овсяниковскаго—Варвара *Егорова*, Лежневскаго женскаго — Надежда *Елизаровская*, Сергѣйцевскаго — Евдокія *Лазарева*, Хозниковскаго—Екатерина *Лебедева*, Великовскаго—Ольга *Пономарева*, Хотимльскаго—Надежда *Святозерская*, Моклаковскаго—Марія *Соловьева*, Лежневскаго—Анна *Харизоменова*, Таракановскаго—Ольга *Ходулина*, Польковскаго — Аполлинарія *Холуйская*, Корзинскаго—Вѣра *Черкасова*, Хватачевскаго — Наталія *Флерова*, Черницскаго—Елена *Шмелева* и Воскресенскаго—Серафима *Щедрина*, учительницы-завѣдующія: начальными училищами: Колокшинскимъ—Елена *Воскресенская* и Романовской льняной мануфактуры—Ольга *Корсунская*, учительница Романово-Борисоглѣбскаго городского земскаго начальнаго училища—Прасковья *Троицкая*, учитель Романово-Борисоглѣбскаго мужского приходскаго училища Николай *Крашенинниковъ*, учитель-завѣдующій Вауловскимъ начальнымъ училищемъ Василій *Жеребцовъ*, учительница-завѣдующая Савинскимъ начальнымъ училищемъ Ираида *Закедская*, учительницы начальныхъ училищъ: Мышкинскаго уѣзда: Архангельскаго—Александра *Смирнова*, Васильевскаго II—Зинаида *Орлова*, Климатинскаго—Лидія *Исполлатова*, Климатинскаго—Екатерина *Быханова* и Поводневскаго—Екатерина *Рыкунова*, учители начальныхъ училищъ: того же уѣзда: Савинскаго—Николай *Завьяловъ*, Воздвиженскаго—Николай *Куклинскій* и Таралыковскаго — Иванъ *Тихомировъ*, учительницы начальныхъ училищъ Мышкинскаго уѣзда: Николо-Свѣчинскаго — Павла *Попова*, Чернышевскаго—Надежда *Тяпкина*, Шершавинскаго—Ольга *Скворцова* и Шестихинскаго — Александра *Севергина*, учительница-завѣдывающая Мышкинскимъ двухклассным женскимъ приходскимъ училищемъ Марія *Бѣлогостицкая*, учитель-завѣдующій Флоровскимъ двухклассным министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Мышкинскаго уѣзда, Александръ *Соловьевъ*, учителя начальныхъ училищъ: Угличскаго уѣзда: Воскресенскаго — Николай *Теляковскій* и Микляевскаго — Александръ *Виноградовъ*, учительницы начальныхъ училищъ: того же уѣзда: Звенячевскаго—Клавдія *Любомудрова*, Невѣрковскаго—Александра *Чулкова*, Погорѣловскаго—Зинаида *Соболева*, Путчинскаго—Людмила *Мансвѣтова*, Угличскаго женскаго Маріинскаго приходскаго—Юлія *Мо-рева* и Кузнецовскаго—Агапія *Цареградская*, учитель-завѣдующій Никольскимъ двухклассным министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Угличскаго уѣзда, Василій *Розовъ*, учительница Даниловскаго двухкласснаго приходскаго женскаго училища Анна *Смирнова*, учи-

тельница-завѣдующая Даниловскимъ мужскимъ приходскимъ училищемъ Надежда *Соколова*, учительница Воскресенско-Тороповскаго начальнаго училища, Даниловскаго уѣзда, Нина *Гудкова*, учителя начальныхъ училищъ: Даниловскаго уѣзда: Григорьевскаго—Константинъ *Доброхотовъ* и Воскресенско-Блудовскаго—Алексѣй *Поповъ*, учитель-завѣдующій Марковскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Ростовскаго уѣзда, Николай *Соловьевъ*, учительницы училищъ: Ростовскаго 2-го приходскаго женскаго—Елизавета *Великосельская* и Покровско-Мальгинскаго, Ростовскаго уѣзда, Елена *Мальгина*, учителя начальныхъ училищъ: фабричнаго Ростовской льняной мануфактуры—Лавръ *Покровскій* и Александринскаго, Ростовскаго уѣзда, Николай *Сахаровъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Ростовскаго уѣзда: Александринскаго—Софія *Сахарова*, Дарцовскаго—Евгенія *Олейникова*, Захаровскаго—Надежда *Каменская*, Княгининскаго — Варвара *Усачева*, Крутцовскаго — Марія *Лобзина*, Ново-Павловскаго—Зоя *Крылова*, Покровскаго—Анна *Лебедева*, Пречистенскаго—Анна *Куликова*, Сверчковскаго—Марія *Синявина*, Сулотскаго—Анастасія *Бѣлова*, Уткинскаго—Анна *Орлова* и Рыбинскаго 1-го женскаго двухкласснаго приходскаго—Маргарита *Немирова*, учитель-завѣдующій Николо-Задубровскимъ министерскимъ двухкласснымъ училищемъ—Сергѣй *Богачевъ*, учительница-завѣдующая Рыбинскимъ 8-мъ мужскимъ начальнымъ училищемъ—Евгенія *Ершова*, учительницы начальныхъ училищъ, Рыбинскаго уѣзда: Копринскаго—Елизавета *Преображенская*, Орлова-Чесменскаго—Ольга *Крундышева* и Хомутовскаго — Елизавета *Туртыгина*, учитель Барановскаго начальнаго училища, Рыбинскаго уѣзда, Егоръ *Абросимовъ*, учитель-завѣдующій Мологскимъ мужскимъ приходскимъ училищемъ Леонидъ *Назимовъ*, учительницы-завѣдующія училищами: Мологскимъ приходскимъ женскимъ Александровскимъ—Елизавета *Новотѣльнова* и Больше-Новинскимъ начальнымъ, Мологскаго уѣзда, Екатерина *Миролюбова*, учителя-завѣдующіе училищами: Мологскаго уѣзда: Приселковскимъ двухкласснымъ министерскимъ—Дмитрій *Масленниковъ*, Верхне-Никульскимъ начальнымъ земскимъ—Петръ *Никольскій* и Воронскимъ начальнымъ земскимъ — Александръ *Селецкій*, учительницы училищъ того же уѣзда: Верхне-Никульскаго начальнаго земскаго—Екатерина *Никольская* и Копорьевскаго двухкласснаго земскаго—Серафима *Назимова*, учительницы-завѣдующія начальными земскими училищами того же уѣзда: Росскимъ — Анна *Сперанская* и Сысоевскимъ — Лидія *Неустроева*, учитель Ягорбскаго начальнаго училища, Молог-

скаго уѣзда, Василій *Сперанскій*, учителя-завѣдующіе училищами: Сивковскимъ начальнымъ земскимъ, Мологскаго уѣзда, Николай *Богородскій*, Пошехонскаго уѣзда: Александровскимъ двухкласснымъ министерскимъ—Павелъ *Яхонтовъ*, Спасъ-Мяксинскимъ двухкласснымъ министерскимъ—Иванъ *Уаровъ* и Давыдковскимъ начальнымъ—Владиміръ *Полетаевъ*, учительницы-завѣдующія начальными училищами: Пошехонскаго уѣзда: Баркинскимъ—Александра *Добровольская*, Николо-Раменскимъ — Екатерина *Мамонтова* и Ракобольскимъ — Анна *Бѣлоградская*, учителя-завѣдующіе училищами, того же уѣзда: Новленскимъ начальнымъ — Елпидифоръ *Мизеровъ* и Мормужинскимъ двухклассным — Владиміръ *Королевъ*, учительницы-завѣдующія начальными училищами, того же уѣзда: Борисоглѣбскимъ—Марія *Звѣздина*, Дмитріевскимъ 1-мъ — Александра *Реброва*, Дубасовскимъ — Ольга *Розова*, Думинскимъ начальнымъ—Анна *Александрова*, Семеновскимъ—Людмила *Виноградова*, Холмовскимъ—Елизавета *Розова* и Воскресенско-Матковскимъ начальнымъ—Лидія *Драбовская*, учительницы двухклассныхъ училищъ того же уѣзда: Александровскаго министерскаго—Елизавета *Любимова*, Александровскаго—Юлія *Яхонтова* и Мормужинскаго—Анна *Лебедева*; учителя-завѣдующіе училищами Пошехонскаго уѣзда: Ермаковскимъ двухклассным министерскимъ—Иванъ *Колесовъ*, Афанасовскимъ начальнымъ—Павелъ *Предтеченскій*, Дикушскимъ начальнымъ—Василій *Розовъ* и Каменскимъ начальнымъ—Іоганнесъ *Норманъ*, учительницы-завѣдующія начальными училищами того же уѣзда: Кременевскимъ—Марія *Владыченская*, Николо-Панскимъ—Елизавета *Маргаритова*, Пельневскимъ—Анна *Юдина*, Скобѣевскимъ—Лидія *Таева*, Спасъ-Ломскимъ—Анна *Каленова* и Николо-Колобовскимъ начальнымъ—Александра *Проворова*, учительница Николо-Раменскаго начальнаго училища, Пошехонскаго уѣзда, Ольга *Вознесенская*, учителя начальныхъ училищъ Трубчевскаго уѣзда: Юровскаго—Иванъ *Зайцевъ*, Денисовскаго—Николай *Голубевъ*, Горожанскаго—Владиміръ *Спасскій*; по Казанскому учебному округу: учительница Пермяковскаго начальнаго училища Вѣра *Ананьева*, учительницы женскихъ гимназій: Вятской 2-й—Юлія *Шубина* и Казанской 3-й—Людмила *Колычева*, учительница приготовительнаго класса той же гимназіи—Варвара *Кузнецова*, бывшій учитель-завѣдывающій Макаровскимъ двухклассным училищемъ, Балашовскаго уѣзда, Маркъ *Макаровъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: Зубриловскимъ двухклассным, Балашовскаго уѣзда, Николай *Бариновъ*, Репьевскимъ земско-общественнымъ, того же уѣзда, Сергѣй

Королевъ и Кузнецкимъ городскимъ двухклассным мужскимъ Стефанъ *Земсковъ*, учителя начальныхъ училищъ: Камышинскаго уѣзда: Антиповскаго—Михаилъ *Путенковъ*, Гусельскаго—Михаилъ *Кирсановъ*, Елшанскаго — Христофоръ *Шаабъ*, Липско-Озерскаго — Александръ *Шира*, Усть-Залихинскаго—Фридрихъ *Шлотгауэръ*, учитель Голо-Карамышскаго частнаго учебнаго заведенія 3-го разряда, Камышинскаго уѣзда, Фридрихъ *Флицлеръ*, учителя начальныхъ училищъ: Лаптевскаго—Владиміръ *Селезневъ* и Тарлаковскаго, Кузнецкаго уѣзда, Ѳеодоръ *Боголюбовъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Камышинскаго уѣзда, Камышинскаго 1-го женскаго—Лариса *Серебрякова*, Рогаткинскаго — Стефанида *Куликова*, Мирошниковскаго—Татьяна *Ѳеольская*, Петровскихъ женскихъ: перваго—Наталія *Коновалова*, второго—Елена *Трофимова*, Петровскаго уѣзда: перваго Даниловскаго—Надежда *Арміевская*, Ключевскаго—Евгенія *Ермолова*, Спасо-Александровскаго двухкласснаго—Людмила *Смирнова*, Лопатинскаго—Евдокія *Чумакова*, Порзовскаго: Агриппина *Малова* и Татьяна *Морозова*, Трегубовскаго—Марія *Шаньгина*, Старо-Лопатинскаго—Серафима *Гренингъ*, Ивановскаго—Зинаида *Шмарова*, Руднянскаго, Камышинскаго уѣзда, Елена *Крестовоздвиженская*, Балашевскаго желѣзнодорожнаго женскаго — Екатерина *Царапкина* и Саратовскаго женскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго: Людмила *Желубовская* и Людмила *Врашева*; по Харьковскому учебному округу: учителя училищъ: Тамбовской губерніи: пятаго Тамбовскаго городского приходскаго мужского—Илья *Петровъ*, Александровскаго начальнаго, Тамбовскаго уѣзда, Михаилъ *Килинъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Тамбовскаго уѣзда: при Разсказовской фабрикѣ бр. Асѣевыхъ—Елена *Забавникова*, Каменскаго—Пелагея *Угадова*, Рождественскаго—Александра *Николаевская* и женскихъ: двухкласснаго при ст. Тамбовъ Рязанско-Уральской ж. д.—Лидія *Ястребцева* и 3-го Тамбовскаго городского приходскаго—Ольга *Игнатьева*, учителя училищъ: двухклассныхъ: при ст. „Тамбовъ“ Рязанско-Уральской ж. д.: Алексѣй *Алтуховъ* и Иванъ *Горинъ* и Тамбовскихъ городскихъ приходскихъ: второго мужского — Александръ *Зубковъ*, седьмого Алексіевскаго—Константинъ *Аѳанасьевъ* и десятаго мужского — Иванъ *Доброхотовъ*, учительницы училищъ: второго Тамбовскаго городского приходскаго женскаго—Екатерина *Самгина* и начальныхъ: Мордовско-Пимбургскаго, Спасскаго уѣзда, Анна *Попова*, Крюковскаго, Елатомскаго уѣзда, Наталія *Сорокина*, Вышеславцево-Полянскаго, того же уѣзда, Александра *Томилина*, Круглинскаго—Марія *Тихомирова* и Мало-

Пупковскаго народнаго, Козловскаго уѣзда, Екатерина *Минервина*; учителя училищъ: Моршанскаго городского приходскаго мужского—Иванъ *Фетисовъ* и начальныхъ: Козловскаго уѣзда: Верхне-Пулковскаго народнаго—Михаилъ *Леоновъ*, перваго Ново-Юрьевскаго—Василій *Неугодовъ*, Никольскаго народнаго—Яковъ *Борисовъ*, Ново-Никольскаго Вердинскаго народнаго—Андрей *Нестеровъ*, двухкласснаго мужского при ст. „Козловъ I" Рязанско-Уральской ж. д. Семенъ *Челноковъ* и Больше-Избищенскаго народнаго, Лебедянскаго уѣзда, Дмитрій *Мухоротовъ*, учительницы училищъ: двухкласснаго женскаго при ст. „Козловъ I" Рязанско-Уральской ж. д., Евгенія *Мухоротова*, Лебедянскаго приходскаго женскаго — Екатерина *Моршанская*, начальныхъ: Романовскаго народнаго I, Лебедянскаго уѣзда, Софія *Зернова*, Дрязгинскаго, Усманскаго уѣзда, Софія *Склярова*, Песковскаго, того же уѣзда, Лидія *Тихомирова*, Усманскаго приходскаго женскаго — Евгенія *Өеодорова*, учительницы приходскихъ училищъ: Воронежской губерніи: въ гор. Воронежѣ, восьмого—Юлія *Веретенникова*, седьмого—Марія *Мигачева* и шестого—Александра *Постовалова* и двухклассныхъ: второго женскаго—Раиса *Игнатова*, перваго женскаго—Александра *Манькова*, второго Александровскаго женскаго: Анна *Баранова* и Наталія *Андріанова* и перваго Александровскаго женскаго приходскаго: Юлія *Шмейсеръ* и Наталія *Тодорская*; Воронежскаго уѣзда: начальныхъ: Троицкаго—Анна *Агеева*, второго Чижевскаго—Елизавета *Авдѣева*, Ступинскаго перваго—Анна *Чернѣевская*, Подгоренскаго 1-го — Клавдія *Таранкова*, Троицкаго — Ольга *Привалова*, Шиловскаго—Марія *Попова*, второго Придаченскаго—Надежда *Полякова*, Боевскаго—Зинаида *Полянская*, Боевскаго 2-го—Татьяна *Нестерова*, Чижевскаго 1-го—Елизавета *Лебедева*, Троицкаго—Елена *Голубятникова*, Монастырщенскаго 1-го—Варвара *Колесникова*, второго Монастырщенскаго—Вѣра *Коврижкина*, Подгоренскаго 2-го—Варвара *Сѣѣшникова*, Выкрестовскаго—Варвара *Недолужко*, учитель того же училища Иванъ *Недолужко*, учительница Малышевскаго 1-го училища Евгенія *Иванова*, учителя начальныхъ училищъ: Воронежскаго уѣзда: Малышевскаго 1-го—Владиміръ *Ивановъ*, Семилукскаго 2-го—Өеодоръ *Быковъ*, Отроженскаго — Василій *Хрущевъ*, Ивницкаго — Өеодоръ *Студенцовъ*, Костенскаго — Николай *Строителевъ*, Дѣвицкаго 2-го—Петръ *Перепелятниковъ* и Придаченскаго 1-го—Василій *Водолажскій*, учительницы начальныхъ училищъ, Богучарскаго уѣзда: второго Таловскаго—Анна *Маринычъ*, Красноженовскаго—Надежда *Өедотова*, Загребайловскаго—Софія *Протопо-*

пова, Грушевскаго — Евдокія *Кошеленко* и Волоконовскаго — Лидія *Манаенкова,* учителя начальныхъ училищъ, того же уѣзда; Колещатовскаго — Семенъ *Филатовъ,* второго Калачеевскаго — Павелъ *Асотовъ* и Константиновскаго двухклассснаго—Ѳеодоръ *Болговъ;* учительницы начальныхъ училищъ, Валуйскаго уѣзда: Олейниковскаго—Евдокія *Захарова,* Хохловскаго—Дарія *Путилина,* Валуйскаго женскаго: Марія *Олейникова* и Александра *Воротынцева,* Живянскаго—Марія *Инцертова,* Неволинскаго—Елена *Бунакова,* Уразовскаго Соболевскаго—Лариса *Авраменко,* Посоховскаго—Александра *Пелихосова,* Малакѣевскаго—Варвара *Малакѣева* и Казинскаго 1-го—Александра *Кальницкая,* учителя начальныхъ училищъ: Валуйскаго уѣзда: Новоселовскаго—Андрей *Колесниковъ,* Карабановскаго—Пантелеймонъ *Дикаревъ* и Еланско-Колѣнскаго двухклассснаго сельскаго, Новохоперскаго уѣзда, Яковъ *Молеровъ,* учительницы начальныхъ училищъ: Новохоперскаго уѣзда: Верхне-Киричанскаго 1-го—Надежда *Стефановская,* Алферовскаго—Варвара *Степанова,* Калмыковскаго 3-го—Пелагея *Ненахова,* Нижнедѣвицкаго уѣзда: Песковскаго 3-го—Александра *Васильева,* Логовскаго—Нина *Эустратоцовичъ-Шамовская,* Пригородненскаго—Екатерина *Проскурина,* Хохольскаго 1-го—Марія *Попова,* Петровскаго—Прасковья *Владимірцева,* Солдатскаго на-Геросимѣ—Анна *Владимірцева,* Никандровскаго—Екатерина *Бакланова,* Ново-Мѣловскаго—Неонила *Успенская,* Туровскаго 3-го—Анна *Шингарева,* Нижнедѣвицкаго мужского приходскаго—Елена *Татаринова,* Бирюченскаго уѣзда: Бирючковскаго—Анна *Попова,* Землянскаго—Лидія *Машкина* и Ливенскаго—Евфросинія *Троянова,* учителя начальныхъ училищъ: Сине-Липяговскаго, Нижнедѣвицкаго уѣзда, Димитрій *Потаповъ,* Бирюченскаго уѣзда: Шелякинскаго—Арсеній *Гребенниковъ* и Хмызовскаго—Георгій *Бѣленьковъ,* учительницы начальныхъ училищъ: Бобровскаго уѣзда: Щучье-Песковскаго—Марія *Иванова,* Ново-Чегольскаго 1-го, Анна *Снѣсарева,* Никольскаго—Евдокія *Алексѣева,* Средне-Индеецкаго — Вѣра *Язвицкая,* Бутурлиновскаго Преображенскаго мужского—Анна *Иванова,* Бутурлиновскаго Преображенскаго женскаго—Александра *Самбикина,* Бутурлиновскаго министерства народнаго просвѣщенія—Пелагія *Падалка,* Богородско-Голицынскаго, Саранскаго уѣзда, Зиновія *Усова,* Саранскаго женскаго приходскаго—Александра *Гридина,* Саранскаго перваго мужского приходскаго—Анна *Тихомирова,* Софьевскаго, Керенскаго уѣзда, Любовь *Надеждина,* Ростовскихъ-на-Дону городскихъ женскихъ: перваго—Надежда *Гусельщикова,* шестого—Софія *Попова,* седьмого—

Александра *Волохова*, восьмого: Софія *Барсъ* и Марія *Ліонъ*, девятаго—Евгенія *Махновичъ*, десятаго имени Гоголя—Анна *Климентова*, тринадцатаго—Марія *Огнева* и четырнадцатаго—Дарія *Романченко*, Нахичеванскихъ-на-Дону городскихъ: мужского имени Святополкъ-Мирскаго—Лариса *Митропольская*, Маріинскаго—Серафима *Чернозубова* и четвертаго женскаго—Александра *Ѳедорова*, Ростовскихъ-на-Дону: двухклассныхъ приходскихъ: женскаго—Елена *Иванова*, перваго мужского—Екатерина *Волобуева*, городскихъ: шестого мужского—Іуліанія *Данчичъ*, седьмого—Анна *Фатьева*, одиннадцатаго—Вѣра *Будакова* и двѣнадцатаго мужского—Екатерина *Тихонравова*, учителя училищъ: Ростовскаго-на-Дону 8-го городского мужского—Михаилъ *Хмаринъ* и Ясиновскаго рудничнаго начальнаго народнаго, Таганрогскаго округа, Матвѣй *Бударинъ*, учительница Таганрогскаго 3-го Петровскаго приходскаго мужского училища Анна *Доронина*, учитель-завѣдывающій Таганрогскимъ общественнымъ еврейскимъ училищемъ Аронъ *Дворковичъ*, учительница Таганрогскаго 1-го городского приходскаго мужского училища Александра *Гарткевичъ* и учитель Таганрогскаго 6-го городского мужского начальнаго училища Константинъ *Звороно*; по Одесскому учебному округу: учитель въ ремесленномъ отдѣленіи при Оргѣевскомъ высшемъ начальномъ училищѣ Андрей *Охотниковъ*, учителя-завѣдующіе училищами: министерства народнаго просвѣщенія: двухклассными: Аккерманскаго уѣзда: Гасанъ-Батырскимъ—Георгій *Бяновъ*, Пандаклійскимъ—Савва *Миновъ*, Сурско-Михайловскимъ, Екатеринославскаго уѣзда, Алексѣй *Гришковъ*, Фалештскимъ, Бѣлецкаго уѣзда, Александръ *Макаренко*, Фараоновскимъ, Аккерманскаго уѣзда, Михаилъ *Костинъ*, Чійшійскимъ, того же уѣзда, Владиміръ *Беровъ*, Чутулештскимъ, Сорокскаго уѣзда, Павелъ *Жежу* и одноклассными: Дельжилерскимъ, Аккерманскаго уѣзда, Епифаній *Юсипенко*, Кишиневскаго уѣзда: Лопушнянскимъ—Георгій *Барбовъ*, Лозовскимъ—Павелъ *Добробоженко*, Страшенскимъ—Георгій *Друца* и Чумлекіойскимъ, Аккерманскаго уѣзда, Димитрій *Деренжи*, завѣдывающій Хотинскимъ общественнымъ еврейскимъ училищемъ талмудъ-торой—Хаимъ *Вассерманъ*, учителя училищъ: двухклассныхъ: Павлоградскаго уѣзда: при ст. „Лозовая", Южныхъ желѣзныхъ дорогъ, Александръ *Ѳокинъ* и Иванъ *Котъ*, Николаевскаго, Новомосковскаго уѣзда, Кузьма *Рускевичъ*, Ташлыкскаго, Аккерманскаго уѣзда, Николай *Литвиненко*, Болдурештскаго, Кишиневскаго уѣзда, Павелъ *Ивановъ*, одноклассныхъ: Вынаторскаго, Кишиневскаго уѣзда, Георгій *Эверлингъ*, Гиждіенскаго, Бѣлецкаго

уѣзда, Андрей *Лупашко*, перваго Городищскаго, Кишиневскаго уѣзда, Гавріилъ *Лактіоновъ*, Думбровицкаго, Бѣлецкаго уѣзда, Антонъ *Поповичъ*, Дурлештскаго, Кишиневскаго уѣзда, Сергѣй *Гобжила*; Измаильскаго уѣзда: Дракульскаго—Иванъ *Рашковъ* и Жебріенскаго — Николай *Цѣлуйко*, Бѣлецкаго уѣзда: Калугерскаго — Феофанъ *Кициловскій* и Каюченскаго — Мануилъ *Варзарь*, Паланскаго, Аккерманскаго уѣзда, Евфимій *Колосовъ*, Стольниченскаго, Кишиневскаго уѣзда, Константинъ *Дарій*, Чемаширскаго, Измаильскаго уѣзда, Степанъ *Костенко*, Черештскаго, Кишиневскаго уѣзда, Яковъ *Стукаловъ*, Загайканскаго, Бѣлецкаго уѣзда, Иванъ *Руссу*, начальныхъ: Введенскаго, Аккерманскаго уѣзда, Афанасій *Степановъ*, Новомосковскаго уѣзда: Костырскаго — Павелъ *Кукоба*, Елисаветовскаго 1-го—Степанъ *Мутевъ*, Цыпальскаго одноклассного земскаго, Кишиневскаго уѣзда, Елисѣй *Совѣтовъ*, Шабскаго 1-го одноклассного приходскаго, Аккерманскаго уѣзда, Степанъ *Лабунцовъ* и нѣмецкихъ церковно-приходскихъ, того же уѣзда: Гофнунгстальскаго одноклассного—Эдуардъ *Росманъ*, Клястицкаго 2-го—Густавъ *Шеллеръ* и Саратскаго—Трауготъ *Кнауэръ*, учительница Сорокской женской гимназіи имени императрицы Елисаветы Алексѣевны—Анна *Терпигорева*, надзирательница той же гимназіи—Наталія *Киричнова*, учительницы-завѣдывающія училищами: Кайраклійскимъ одноклассным министерства народнаго просвѣщенія, Аккерманскаго уѣзда, Неонила *Деркучевская* и Сорокскимъ одноклассным женскимъ приходскимъ—Вѣра *Мельниченко*, учительницы училищъ: министерства народнаго просвѣщенія: двухклассныхъ: Нижнеднѣпровскаго, Новомосковскаго уѣзда: Анна *Карпинская*, двухклассного на ст. Синельниково, южныхъ ж. д., Павлоградскаго уѣзда, Елена *Гончарова* и одноклассныхъ: Ердекъ-Бурнскаго женскаго, Измаильскаго уѣзда, Софія *Крикопуло*, Мало-Аснашанскаго, Бѣлецкаго уѣзда, Зиновія *Лозановская*, Поповскаго, Аккерманскаго уѣзда, Ольга *Салучай*, Чишме-Варуитскаго женскаго, Измаильскаго уѣзда, Стефанида *Каназирская*, двухклассныхъ приходскихъ: Аккерманскаго, Пасхаловскаго — Анна *Руссова*, Измаильскаго „Александровскаго"—Евдокія *Лукашевичъ*, Бѣлецкаго 1-го приходскаго одноклассного—Евгенія *Платонова*, Одинковскаго начальнаго, Новомосковскаго уѣзда, Анастасія *Прилипко*, Рашковскаго одноклассного сельскаго, Хотинскаго уѣзда, Александра *Палладьева*, Кожушнянскаго одноклассного земскаго, Кишиневскаго уѣзда, Анна *Гаврилахъ*; по Кіевскому учебному округу: учителя народныхъ училищъ: Борятинскаго—Іосифъ *Велькъ* и Теремснскаго 2-го—Петръ *Андру-*

щенко, учительницы начальныхъ училищъ: Иванковскаго двухклассннаго сельскаго—Неонила *Олсхновичъ*, Лютеньскаго—Матрена *Войтенко*, Веприкскаго 2-го — Ксенія *Косяченко*, Лисовскаго — Зинаида *Мойсейченко*, Красно-Лукскаго — Евлампія *Бибикъ*, Цѣнковскаго — Ольга *Фесенко* и Потопихскаго — Марія *Подгаевская*, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Ямпольскимъ—Патрикій *Соколовскій* и Андрушевскимъ—Евстафій *Речмединъ*, учитель Образжеевскаго народнаго училища, Черниговской губерніи, Иванъ *Тарасевичъ*, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Радзивиловскимъ—Тимофей *Шудракъ*, Вышгородскимъ—Степанъ *Кухаренко* и Вишневецкимъ—Алексѣй *Терниковъ*, учителя училищъ: сельскихъ: Ушомирскаго двухкласснаго—Арсеній *Янчинскій*, Звипячскаго однокласснаго—Сергѣй *Лотоцкій* и начальныхъ: Огіевецкаго — Герасимъ *Ватюкъ*, Базалійскаго—Иванъ *Галащукъ*, Шиловскаго—Михаилъ *Павловскій*, Людвищскаго—Дмитрій *Поповиченко*, Лопущанскаго—Андрей *Шеметилло*, учительницы начальныхъ училищъ: Ожиговецкаго — Дарія *Брусниченко*, Теофипольскаго двухкласснаго приходскаго—Марія *Дорошенко*, Богдановскаго однокласснаго сельскаго—Зиновія *Камельчукъ*, бывшая надзирательница женскаго отдѣленія Изяславскаго двухкласснаго городского училища—Неонила *Діаковская*, завѣдующія Кіевскими приходскими училищами: № 2—Ольга *Предтеченская*, № 9—Елена *Сидоренко*, № 10—Анна *Фоменко*, № 14—Ѳеодосія *Музыченко-Козловская*, № 27 — Евгенія *Ляховецкая*, № 63 — Марія *Карпова* и № 68—Ольга *Кудина*, учительницы Кіевскихъ приходскихъ училищъ: № 19—Евдокія *Храпковская*, № 23—Марія *Крохина*, № 30—Елизавета *Мироновичъ*, № 32 — Анна *Шиманская*, № 44 — Аполлинарія *Крамаренко*, № 47—Илларія *Коссовская* и № 58 — Вѣра *Якубовская*, учителя училищъ: Бобровниковскаго начальнаго — Николай *Ковалевскій* и Пирковскаго 2-го земскаго—Иванъ *Чернявскій*, учительницы училищъ: земскихъ: Бѣльскаго 2-го—Екатерина *Абрамова*, Дейкаловскаго 2-го—Марія *Андреева* и начальныхъ: Соколовщинскаго—Елена *Бѣличъ*, Черноче-Ярскаго 1-го — Надежда *Вертоградова*, Хмаровскаго—Параскева *Вѣрченко*, Мисско-Млинскаго—Елена *Голубева*, Романовскаго—Ирина *Каменецкая*, Голубово-Хуторянскаго—Лидія *Кокетъ*, Черноче-Ярскаго 2-го — Параскева *Крамаренко*, Опошнянскаго женскаго—Анна *Линникъ*, Зѣньковскаго 2-го Николаевскаго—Эмилія *Липай*, Опошнянскаго женскаго—Анастасія *Мильговская*, Бѣльскаго 1-го—Евдокія *Попова*, Велико-Павловскаго 1-го — Анна *Роговенко*, Поповскаго — Марія *Рощинская*, Покровскаго — Анна *Сапаловичъ* и

земскихъ: Груньскаго 2-го — Александра *Сахновская*, Заиченскаго 1-го—Вѣра *Супруненко*, Тарасовскаго 2-го—Александра *Сѣчина*, Камышевскаго 2-го — Феодосія *Тарасевичъ*, Мало-Будищскаго—Евдокія *Фесенко-Навроцкая*, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Подлипенскимъ — Даніилъ *Дрофанъ*, Веркіевскимъ — Андрей *Мохнатко*, учителя начальныхъ училищъ: Конотопскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго—Яковъ *Любоградовъ*, Жиховскаго—Василій *Гуриновъ*, Городнянскаго мужского городского—Дмитрій *Рыбаковъ* и Кучеровскаго—Александръ *Шуцкій*, учительницы начальныхъ училищъ: Нѣжинскаго двухкласснаго женскаго приходскаго — Викторія *Бухарева*, Рѣпкинскаго—Антонина *Виноградская*, Ямпольскаго двухкласснаго сельскаго—Марія *Григоровичъ*, Березанскаго—Анна *Данилова*, Глуховскаго женскаго—Наталія *Иванова*, Городнянскаго мужского городского—Эмилія *Левченко*, Галицкаго двухкласснаго—Анастасія *Макаренко*, Бречскаго—Татіана *Музыченко*, Хотивлянскаго—Людмила *Осипова*, Чуйковскаго — Павлина *Прохорова*, Добрянскаго женскаго городского—Марія *Песоцкая* и Янпольскаго двухкласснаго сельскаго — Екатерина *Романенко*, Голубичскаго — Ольга *Сваткова*, Велико-Весскаго—Марія *Ситникъ*, Нѣжинскаго Гоголевскаго двухкласснаго приходскаго—Марія *Скабертинъ*, Архиповскаго народнаго—Софія *Тросницкая* и Любечскаго женскаго—Евдокія *Тузова*; по Виленскому учебному округу: учительницы народныхъ училищъ: Дриссенскаго уѣзда, Устьевскаго земскаго—Софія *Колоницкая*, Кончанскаго—Варвара *Барщевская*, Войтовскаго земскаго—Екатерина *Лисичина* и Освѣйскаго женскаго приходскаго — Екатерина *Харкевичъ*, учитель Тоболковскаго земскаго народнаго училища, того же уѣзда, Артемій *Боровцовъ*, учителя-завѣдующіе народными училищами: Двинскаго уѣзда: Ливенгофскимъ 1-мъ—Александръ *Герляхъ* и Вышковскимъ 2-мъ—Константинъ *Дубовикъ*, учительница Застѣнкскаго народнаго училища, того же уѣзда, Анна *Гончарова*, учителя народныхъ училищъ: того же уѣзда: Казинцкаго — Вячеславъ *Лущинъ*, Пурнинскаго — Адольфъ *Викландъ*, Крейцбургскаго 2-го — Иванъ *Абренетъ*, Рѣжицкаго уѣзда: Андрепненскаго 2-го—Михаилъ *Кузьминскій*, Сакстыгальскаго одноклассного министерства народнаго просвѣщенія—Игнатій *Степановъ* и Солуіонскаго—Өеодоръ *Бондаревъ*, учительницы училищъ женскихъ приходскихъ: одноклассныхъ: Могилевскаго 5-го—Марія *Соколова* и Могилевскаго 3-го—Домникія *Соколова* и Могилевскаго 1-го двухкласснаго—Лидія *Циммерманъ*, помощникъ учителя Ковенскаго двухкласснаго еврейскаго начальнаго училища Саулъ

Минскеръ, учителя народныхъ училищъ: Брестскаго уѣзда: Велико-Лѣсскаго—Ѳома *Михей*, Дмитровичскаго—Константинъ *Осташевскій* и двухклассныхъ: Олтушскаго—Иванъ *Михалевскій*, Омеленецкаго—Василій *Синькевичъ*, Орѣпичскаго—Осипъ *Курьяновичъ*, Прилукскаго—Осипъ *Невядомскій* и Одрижинскаго, Кобринскаго уѣзда, Харитонъ *Шустовичъ*, содержательница Брестской частной женской прогимназіи Ева *Виккеръ*, учительницы училищъ: Кобринскаго уѣзда: Литовскаго—Лидія *Скоробогатая*, Овзичскаго—Любовь *Осѣчевская* и Черевачицкаго двухкласснаго—Ольга *Кескевичъ*, учитель Шулякскаго училища, Слонимскаго уѣзда, Игнатій *Ракевичъ*, учители народныхъ училищъ: Поневѣжскаго уѣзда: Скробатышскаго—Мечиславъ-Викентій *Василевскій*, Жидыканскаго—Евфимій *Глудкинъ*, Бернатанскаго—Петръ *Сивый* и Щедробовскаго — Зенонъ *Ясенасъ*, завѣдывающіе двухклассными министерства народнаго просвѣщенія училищами: Линковскимъ, Поневѣжскаго уѣзда Карпъ *Морозъ* и Биржанскимъ—Игнатій *Протасъ*, учитель Ковенскаго двухкласснаго лютеранскаго училища Карлъ *Гильде*, учительницы народныхъ училищъ: Евличскаго земскаго—Марія *Гаховичъ* и Царевскаго—Анастасія *Прожого*, учителя училищъ: Романовскаго 1-го двухкласснаго сельскаго—Владиміръ *Канделъскій* и народныхъ: Новодворскаго, Минскаго уѣзда, Игнатій *Башкевичъ*, Мозырскаго уѣзда: Прудковскаго—Гавріилъ *Кошпей* и Давидъ-Городецкаго—Матвѣй *Лешкевичъ*, Микашевичскаго двухкласснаго сельскаго—Евгеній *Соколовскій*, Ленинскаго двухкласснаго сельскаго—Константинъ *Ярошевичъ*, Житковичскаго—Петръ *Соколовскій* и Лядецкаго — Александръ *Платнеръ*; по Рижскому учебному округу: классная надзирательница Рижской женской гимназіи Л. Тайловой Ольга *Нѣмчинова*, бывшая учительница той же гимназіи Елена фонъ-*Герцбергъ*, учителя волостныхъ училищъ: Гольдингенскаго уѣзда: Нейгофскаго—Густъ *Ласисъ*, Шрунденскаго I—Петръ *Бригантъ*, учитель Виндавскаго I мужского казенно-приходскаго училища Вильгельмъ-Карлъ *Линде*, учительница Виндавскаго женскаго городского начальнаго училища Александра-Паулина *Купферъ*, учитель Лайскаго Сотагскаго волостного училища, Юрьевскаго уѣзда, Гансъ *Асперъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: Лембургскимъ евангелическо-лютеранскимъ приходскимъ Рижскаго уѣзда, Фрицъ *Каспаръ*, Велико-Кармельскимъ двухкласснымъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Эзельскаго уѣзда, Іаковъ *Таркпеа*, Феллинскаго уѣзда Сомоверскимъ министерскимъ—Юрій *Кайкъ* и Оберпаленскимъ евангелическо-лютеранскимъ—Фердинандъ *Русси*, учителя волостныхъ

училищъ, того же уѣзда: Вяллустскаго—Адо *Роосонъ*, Каланаскаго—Гансъ *Калепъ*, Лахаверскаго—Михкель *Мелескъ*, завѣдывающіе училищами министерства народнаго просвѣщенія: Феллинскаго уѣзда: Войзекскимъ—Андрей *Ванаусъ*, Вольмарсгофскимъ—Георгій *Асбергъ*, Вастемойзскимъ—Карлъ *Пукъ*, Кантерландскимъ—Іоаннъ *Удикасъ* и Гельметскимъ евангелическо-лютеранскимъ приходскимъ—Августъ *Криммъ*, учитель Вехмасскаго волостного училища, Феллинскаго уѣзда, Тенно *Кутсаръ*, учительницы начальныхъ училищъ: Рижскихъ соединенныхъ городскихъ—Элиза *Леке*, правительственныхъ: Аренсбургскаго женскаго—Каролина-Луиза *Кезельбергъ* и Оберпаленскаго — Клавдія *Уберская*, учительница-завѣдывающая Шлокскимъ женскимъ начальнымъ училищемъ—Анна *Волкова*, начальница Веросской женской гимназіи—Эмилія *Луйкъ*, учительница Веросской женской гимназіи Агнія *Лифляндская*, учитель Батенскаго волостного училища, Газенпотскаго уѣзда, Петръ *Драпанъ*, учителя-завѣдывающіе двухклассными министерскими училищами: Калетенскимъ, Газенпотскаго уѣзда, Густавъ *Клявстынь* и Рингенскимъ Владимирскимъ, Гольдингенскаго уѣзда, Павелъ *Штраусъ*, учительницы училищъ: Митавскаго женскаго казенно-приходскаго, Надежда *Абрамова*, Митавскаго одноклассного городского женскаго начальнаго, Элеонора *Ганзенъ* и Митавскаго Доротеинскаго городского женскаго начальнаго, Олимпіада *Зуйке* и учитель Пизисарскаго мызнаго евангелическо-лютеранскаго училища, Янъ *Ребане*; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Тобольскимъ Андреевскимъ городскимъ мужскимъ приходскимъ училищемъ, Василій *Андреевъ*, учительницы училищъ: Тобольскаго Андреевскаго городского мужского приходскаго, Агриппина *Кожевникова*, Тобольскаго уѣзда: Загваздинскаго Владимірскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Марія *Бронникова*, третьяго передвижного, Ольга *Богоявленская* и Карачинскаго сельскаго начальнаго, Надежда *Ременникова*, и по Туркестанскому генералъ-губернаторству: начальница Вѣрненской женской гимназіи, Марія *Нагибина*, учительницы женскихъ гимназій; Вѣрненской, Людмила *Степанова* и Самаркандской: Марія *Рождественская* и Антонина *Моткова* и классная надзирательница той же гимназіи, Александра *Чертова*.

V. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(1-го ноября 1914 года, № 74). *Назначаются:* дѣлопроизводи-

тель V класса ученаго комитета министерства, надворный совѣтникъ *Терентьевъ*—помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа; директора гимназій: Томаса въ гор. Варшавѣ, статскій совѣтникъ *Власовъ* и Г. К. Дѣева въ гор. Яновѣ, Люблинской губерніи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 2-й степени *Дѣевъ*, инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губерніи, статскій совѣтникъ *Тиховъ* и преподаватели гимназій: Нижегородской второй, коллежскій совѣтникъ *Троицкій* и Ковельской, инженеръ-технологъ, коллежскій ассессоръ *Карпекинъ*—директорами: Власовъ—Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, Дѣевъ—Лохвицкаго реальнаго училища, Тиховъ—народныхъ училищъ Вятской губерніи, Троицкій—Ардатовской гимназіи и Карпекинъ—Клинцовскаго средняго семиклассного техническаго училища, изъ нихъ: Власовъ съ 23-го сентября, а Троицкій съ 20-го октября.

Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Петроградскаго университета, докторъ всеобщей исторіи, статскій совѣтникъ *Гриммъ*—вновь ректоромъ того же университета, согласно избранію на три года, съ 26-го октября; исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Петроградскаго университета, по каѳедрѣ гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства, заслуженный профессоръ, докторъ гражданскаго права, тайный совѣтникъ *Гольмстенъ*—въ исправляемой имъ должности; отставной генералъ-маіоръ *Швиндтъ*, статскій совѣтникъ *Алисовъ*, губернскій секретарь *Язевъ* и купецъ 1-й гильдіи *Щаповъ*—почетными попечителями: Швиндтъ—Бердичевской гимназіи, съ 20-го августа, Алисовъ—вновь Воронежскаго реальнаго училища, съ 28-го апрѣля, Язевъ—вновь Славянскаго реальнаго училища, съ 26-го апрѣля, и Щаповъ—Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища съ 28-го января, всѣ четверо согласно избранію, на три года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія чиновникъ особыхъ порученій VI класса при переселенческомъ управленіи, титулярный совѣтникъ *Бѣляевъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Закаспійской области, съ 1-го августа 1912 г.

Перемѣщаются: директоры гимназій: Омской первой, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Курочкинъ*, Бѣлопольской, статскій совѣтникъ *Дьяковъ*, Ишимской, коллежскій совѣтникъ *Сергѣевъ*, Виленской частной Е. В. Катхе, коллежскій совѣтникъ *Велеръ* и Семипалатинской, окончившій курсъ наукъ въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ гор. Нѣжинѣ *Сулима-Грудзинскій*—

директорами гимназій: Курочкинъ—Ишимской, Дьяковъ—Новочеркасской второй, Сергѣевъ—Семипалатинской, Велеръ—„Общества для содѣйствія распространенію образованія въ гор. Вильнѣ" и Сулима-Грудзинскій — Омской первой, изъ нихъ: Велеръ — съ 1-го іюля, а Курочкинъ, Сергѣевъ и Сулима-Грудзинскій—съ 1-го октября.

Увольняется, согласно прошенію, директоръ Велико-Сорочинской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Конопатовъ*—отъ означенной должности, съ 1-го іюля, по случаю назначенія его преподавателемъ Полтавской духовной семинаріи.

(10-го ноября 1914 года, № 76). *Назначаются*: директоры: Бобруйской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Орловскій* и Проскуровскаго Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Шишковъ*—директорами: первый—Ядринскаго реальнаго училища, а второй—Бобруйской гимназіи.

Увольняется инспекторъ народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области, надворный совѣтникъ *Городецкій*—отъ означенной должности, согласно прошенію, съ 1-го августа, по случаю назначенія его преподавателемъ Мервскаго реальнаго училища.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ частнаго реальнаго училища, содержимаго обществомъ распространенія образованія въ гор. Клинѣ, статскій совѣтникъ *Кишкинъ*.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, физикъ отдѣленія метеорологическихъ станцій при Николаевской главной физической обсерваторіи *Брицке*—съ 20-го февраля 1914 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: архитекторъ департамента народнаго просвѣщенія *Бернардацци*—съ 11-го іюня 1914 г.; сверхштатный астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Земцовъ*—съ 4-го іюня 1914 г.; причисленный къ министерству *Макаровъ*—со 2-го іюня 1914 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари* счетный чиновникъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Саковичъ*—съ 10-го апрѣля 1914 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: адъюнктъ отдѣленія штормовыхъ предостереженій при Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи *Гертнеръ*—съ 20-го апрѣля 1914 г.; помощникъ завѣдывающаго читальною залою Императорской публичной библіотеки *Рейно*—съ 1-го іюля 1913 г.

Утверждаются въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ: завѣдывающій отдѣленіемъ штормовыхъ предостереженій ме-

теорологической обсерваторіи въ гор. Владивостокѣ *Ивановъ*—съ 1-го января 1914 г. и канцелярскій чиновникъ департамента общихъ дѣлъ министерства *Смирновъ*—съ 1-го сентября 1913 г., оба по диплому первой степени Императорскаго университета.

По Петроградскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Петроградскихъ гимназій: Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича: *Виноградовъ*—съ 1-го іюля 1913 г. и *Бѣлянкинъ*—съ 1-го января 1914 г., Императора Александра I, *Глинка*—съ 16-го ноября 1910 г. и Петергофской гимназіи Императора Александра II, *Гладковъ*—съ 6-го ноября 1912 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Петроградскаго Вознесенскаго городского училища *Голубевъ*—съ 1-го іюля 1910 г.; врачъ Петроградской 13-й гимназіи *Лосманъ*—съ 11-го ноября 1911 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель Петроградской 1-й гимназіи *Янчевецкій*—съ 1-го марта 1911 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя округа *Харламовъ*—съ 13-го марта 1913 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: письмоводитель Петроградскаго низшаго химико-техническаго училища *Данилейко*—съ 14-го мая 1914 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя округа *Станкевичъ*—съ 1-го іюня 1914 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учитель Петроградской 8-й гимназіи *Лангвагенъ*—съ 10-го января 1909 г.; бывшій учитель Устюжнской женской гимназіи *Явойскій*—съ 4-го мая 1911 г.; *титулярнаго совѣтника*: сверхштатные лаборанты Петроградскихъ: технологическаго института Императора Николая I, *Романовъ*—съ 1-го января 1913 г. и женскаго медицинскаго института, *Горнштейнъ*—съ 11-го декабря 1909 г., изъ нихъ послѣдній по степени лѣкаря.

По Виленскому учебному округу. *Утверждаются* въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, учитель Гомельской гимназіи *Стандровскій*—съ 14-го января 1909 г.; *коллежскаго секретаря*, состоявшій за штатомъ помощникъ классныхъ наставниковъ Гродненской гимназіи *Грицукъ*—съ 15-го августа 1909 г.

(17-го ноября 1914 года, № 79). *Назначается* завѣдывающій (инспекторъ) Ауліэатинскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ, надворный совѣтникъ *Боевъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области, съ 16-го августа.

Утверждаются: тайный совѣтникъ *Шеншинъ*, коллежскій ассессоръ *Лебединскій* и сынъ чиновника *Никитинъ*—почетными попечителями: Шеншинъ—Орловской первой гимназіи, съ 17-го марта, Лебединскій—вновь Кологривской гимназіи, съ 27-го сентября, и Никитинъ—Владимірскаго реальнаго училища, съ 30-го іюня, всѣ согласно избранію, на три года: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, по каѳедрѣ всеобщей исторіи, докторъ всеобщей исторіи, статскій совѣтникъ *Хвостовъ*—въ исправляемой имъ должности.

Перемѣщается окружной инспекторъ Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сильницкій*—окружнымъ инспекторомъ Петроградскаго учебнаго округа, съ 8-го ноября.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (19-го ноября 1914 года, № 53733). *Объ отсрочкахъ по воинской повинности.*

Согласно ст. 14^1 уст. воин. пов., по прод. 1912 г., военнымъ министерствомъ предположено внести въ совѣтъ министровъ представленіе о досрочномъ, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ военнаго времени, призывѣ новобранцевъ 1915 года, при чемъ призывъ этотъ имѣется въ виду произвести съ 1-го февраля по 5-е марта 1915 года. Въ означенномъ представленіи будутъ указаны всѣ тѣ измѣненія дѣйствующихъ правилъ устава о воинской повинности, необходимость коихъ вызывается назначеніемъ призыва будущаго года не въ урочное время. Измѣненія эти, между прочимъ, коснутся правъ и обязанностей подлежащихъ воинской повинности лицъ, обучающихся въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ отношеніи отсрочекъ для окончанія образованія и отбыванія воинской повинности на правахъ вольноопредѣляющихся. Въ семъ отношеніи предполагается установить нижеслѣдующія правила.

1) Отсрочки для окончанія образованія лицамъ, обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и подлежащимъ призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году, будутъ предоставляться на общихъ, изложенныхъ къ статьѣ 61 и прим. 1 къ ней, а также ст. 62 уст. воин. пов. (по прод. 1912 года и по Своду) основаніяхъ, но тѣмъ изъ призывныхъ 1915 года, кои оканчиваютъ курсъ въ томъ же году, отсрочки будутъ даваться до 1-го числа мѣсяца, слѣ-

дующаго за сдачей выпускныхъ или государственныхъ экзаменовъ, или за выбытіемъ ихъ изъ учебнаго заведенія до окончанія курса.

2) Отсрочки, предоставленныя въ предшествующіе призывы молодымъ людямъ, состоящимъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, либо получившимъ выпускныя свидѣтельства изъ Императорскихъ университетовъ и оканчивающимъ образованіе въ 1915 году, сохраняютъ силу лишь до 1-го числа мѣсяца, слѣдующаго за сдачей ими выпускныхъ или государственныхъ экзаменовъ или за выбытіемъ ихъ изъ учебныхъ заведеній до окончанія курса.

3) Отсрочки для окончанія образованія лицамъ, обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и подлежащимъ призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году, будутъ назначаться на основаніи статей 61—61³ и 62 уст. воин. пов. (по прод. 1912 года).

4) Для лицъ, призываемыхъ въ 1915 году и оканчивающихъ въ томъ же году курсъ средняго учебнаго заведенія, отсрочки будутъ даваться до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за окончаніемъ выпускныхъ экзаменовъ, или до выбытія ихъ изъ учебныхъ заведеній ранѣе окончанія курса. До того же срока предположено сохранить дѣйствіе отсрочекъ, предоставленныхъ въ прежніе призывы лицамъ, состоящимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и оканчивающимъ оныя въ 1915 году.

5) Указанныя въ пунктѣ 4 лица, въ случаѣ желанія ихъ поступить въ высшія учебныя заведенія, будутъ обязаны заявить о семъ до истеченія срока разрѣшенной имъ отсрочки (п. 4) подлежащимъ уѣзднымъ (окружнымъ) и городскимъ воинскимъ присутствіямъ по мѣсту приписки ихъ къ призывному участку, а затѣмъ подать до 1-го октября 1915 года въ эти присутствія прошенія о продленіи имъ отсрочки по воинской повинности согласно пунктамъ 2 или 3 ст. 61 уст. воин. пов., по прод. 1912 года, съ приложеніемъ удостовѣренія подлежащаго учебнаго начальства о поступленіи ихъ въ высшее учебное заведеніе. Лица, не поступившія до 1-го октября 1915 г. въ высшія учебныя заведенія и не возбудившія ходатайства объ отсрочкѣ для окончанія образованія, подлежатъ безотлагательному привлеченію къ исполненію воинской повинности.

6) Въ отношеніи лицъ, обучающихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (прилож. къ ст. 61, второй разрядъ), предполагается установить, что тѣ изъ нихъ, кои оканчиваютъ курсъ въ 1915 году и въ томъ же году подлежатъ призыву, могутъ воспользоваться отсрочкою по воинской повинности до 1-го числа мѣсяца, слѣдующаго за

окончаніемъ курса или выбытіемъ ихъ изъ учебнаго заведенія. Для сего лица эти обязаны обращаться съ прошеніями въ подлежащія присутствія по воинской повинности, представивъ при этомъ удостовѣренія своихъ учебныхъ начальствъ о времени предстоящаго окончанія ими курса.

7) Срокомъ подачи лицами, подлежащими призыву въ 1915 году, прошеній о предоставленіи имъ отсрочекъ для окончанія образованія въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (п.п. 1, 3 и 6) назначается 1-го января 1915 года: послѣ этого срока и до 1-го февраля заявленія объ отсрочкѣ будутъ воинскими присутствіями приниматься лишь въ случаѣ представленія заявляющими уважительныхъ причинъ просрочки.

8) Изложенные въ пунктахъ 1—7 правила и сроки подлежатъ примѣненію и въ отношеніи молодыхъ людей, получившихъ отсрочки для окончанія образованія въ порядкѣ ст. 61^5 устава о воинской повинности (по прод. 1912 года), или коимъ отсрочки были даны въ изъятіе изъ общихъ правилъ; для лицъ же, впервые призывающихся въ 1915 г., ст. 61^5 устава сохраняетъ силу въ отношеніи какъ условій, такъ и порядка предоставленія отсрочекъ.

9) Молодые люди, обучающіеся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и подлежащіе по возрасту призыву въ 1915 году, въ случаѣ желанія ихъ исполнить воинскую повинность на правахъ вольноопредѣляющихся, обязаны заявить о семъ одновременно съ испрошеніемъ отсрочки для окончанія образованія, при томъ не позднѣе 1-го января 1915 года.

10) Лица, оканчивающія въ 1915 году медицинское, ветеринарное или фармацевтическое образованіе и подлежащія поступленію въ войска на правахъ вольноопредѣляющихся, будутъ приниматься въ установленный въ законѣ (ст. 196^1, п. I уст. воин. пов., по прод. 1912 года) пріемный періодъ съ 15-го по 31-е декабря 1915 года.

11) Лица съ инымъ образованіемъ, обязанныя исполнить воинскую повинность вольноопредѣляющимися, состоящія ко времени наступленія общаго призыва новобранцевъ (1-ое февраля 1915 года) въ учебныхъ заведеніяхъ и оканчивающія курсъ въ 1915 году, подлежатъ пріему въ войска съ 15-го по 30-е іюня 1915 года (ст. 196^1, п. 2 уст. воин. пов., по прод. 1912 г.). При этомъ циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія отъ 28-го мая 1913 г. за № 22433 подлежитъ примѣненію и въ 1915 году.

12) Не пользующіеся отсрочками для окончанія образованія и не

состоящіе въ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди, подлежащіе поступленію въ войска вольноопредѣляющимися въ 1915 году, будутъ приниматься въ общій призывъ новобранцевъ 1915 года (съ 1-го февраля по 5-ое марта), при чемъ заявленіе о семъ должны подаваться подлежащему воинскому присутствію до 1-го января съ представленіемъ документовъ, перечисленныхъ въ ст. 197[1] уст. воин. пов. (по прод. 1912 года).

13) Лица, подлежащія исполненію воинской повинности вольноопредѣляющимися и изъявившія желаніе по случаю войны нынѣ же поступить на дѣйствительную военную службу, согласно Высочайшему повелѣнію 22-го іюля 1914 года, подлежатъ пріему воинскими присутствіями во всякое время—внѣ указанныхъ въ пунктахъ 10—12 сроковъ.

14) Лица, получившія въ предшествующіе призывы отсрочку для окончанія образованія, дѣйствіе коей прекращается въ 1915 году, въ случаѣ ихъ желанія измѣнить, въ силу ст. 3 прилож. къ ст. 1 (прим.) уст. воин. пов., по прод. 1912 года, избранный ими способъ исполненія воинской повинности, обязаны заявить о семъ подлежащимъ присутствіямъ по воинской повинности не позднѣе 1-го февраля 1915 года.

Сообщая объ изложенномъ, прошу ваше превосходительство преподать незамедлительно приведенныя указанія и разъясненія начальствамъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній, предложивъ имъ нынѣ же поставить въ извѣстность учащихся о нижеслѣдующемъ.

1. Лицамъ, подлежащимъ по возрасту призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году (т. е. тѣмъ, кому къ 1-му января 1915 года исполнилось 20 лѣтъ) и обучающимся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для полученія отсрочекъ для окончанія образованія надлежитъ до 1-го января 1915 года подать прошеніе о семъ уѣздному (окружному) или городскому по воинской повинности присутствію по мѣсту приписки ихъ къ призывному участку, съ приложеніемъ свидѣтельства о продолженіи образованія отъ начальства того учебнаго заведенія, въ коемъ заявитель обучается, и съ объясненіемъ, желаютъ ли они отбыть воинскую повинность по жеребью или вольноопредѣляющимися.

2. До того же срока (1-го января 1915 года) надлежитъ подавать прошенія въ уѣздныя (окружныя) и городскія воинскія присутствія тѣмъ изъ учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые призываются въ 1915 году и желали бы получить отсрочку для

окончанія курса обученія въ этомъ же году. Къ этимъ прошеніямъ должны прилагаться удостовѣренія учебныхъ начальствъ о нахожденіи ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и о предстоящемъ окончаніи ими курса въ 1915 году.

3. Лица, получившія въ предшествующіе призывы отсрочки по отбыванію воинской повинности для окончанія образованія на основаніи узаконеній, дѣйствовавшихъ до 1-го декабря 1912 года, въ случаѣ прекращенія дѣйствія этихъ отсрочекъ въ 1915 году, могутъ, согласно ст. 3 приложенія къ ст. I, прим. уст. воин. пов., по прод. 1912 года, измѣнить избранный ими способъ исполненія воинской повинности при условіи, чтобы соотвѣтственное заявленіе подлежащему воинскому присутствію было сдѣлано ими не позднѣе 1-го февраля 1915 года.

2. (27-го ноября 1914 года, № 54663). *Объ испытаніяхъ для желающихъ отправиться въ армію добровольцами учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Въ виду поступающихъ въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайствъ о предоставленіи возможности ученикамъ VI, VII и VIII классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, выразившимъ желаніе отправиться добровольцами въ дѣйствующую армію, держать испытанія въ январѣ 1915 года, увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій, что министерство народнаго просвѣщенія разрѣшаетъ организовать при упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ испытательныя комиссіи въ январѣ 1915 года съ тѣмъ, чтобы 1) означенныя испытанія производились въ полномъ объемѣ, согласно дѣйствующимъ программамъ, и 2) къ таковымъ испытаніямъ допускались лишь тѣ ученики, которые представятъ письменное согласіе родителей на поступленіе дѣтей ихъ добровольцами въ армію. Не выдержавшіе сихъ испытаній въ январѣ могутъ быть допущены къ экзаменамъ весною 1915 года наравнѣ съ прочими учениками своего класса.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Беллярминовъ, И.* Руководство къ древней исторіи. Изданіе 13-е. С.-Пб. 1911. Стр. 283. Цѣна 80 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Беллярминовъ, И.* Руководство къ русской исторіи съ дополненіемъ изъ всеобщей. (Въ жизнеописаніяхъ и эпизодахъ). Изданіе 21-е. С.-Пб. 1911. Стр. 180. Цѣна 60 коп.“ (для женскихъ прогимназій и младшихъ классовъ женскихъ гимназій).

— „*Добрынинъ, К. И.* Древній міръ. (Востокъ.—Греція.—Римъ). Изданіе 2-е. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1913. Стр. 246. Цѣна 1 р.“ (для IV-го класса женскихъ гимназій).

— „*Злотчанскій, П.* Прямолинейная тригонометрія. 12-е изданіе, Е. П. Распопова. Одесса. 1915. Стр. 127. Цѣна 75 коп.“

— „*Ивановъ, К. А.* Востокъ и миѳы. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1914. Стр. 184. Цѣна 75 коп.“ (для II класса мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Каннъ, В.* Краткая систематическая грамматика французскаго языка. Изданіе 4-е, А. С. Панафидиной. М. 1911. Стр. VIII+194 Цѣна 60 коп.“

— „*Рашевскій, К. Н.* Краткій курсъ ариѳметики. Изданіе 5-е, акціонернаго общ. «Московское издательство». М. 1914. Стр. 79. Цѣна 30 коп.“

— „*Рашевскій, К. Н.* Основанія аналитической геометріи. Изданіе 5-е. М. 1914. Стр. 91. Цѣна 50 коп.“ (для VII-го класса реальныхъ училищъ).

— „*Росманъ* и *Шмидтъ*. Краткая систематическая грамматика французскаго языка. Подъ ред. *С. А. Манштейна* обработали *А. Анниковъ* и *Камиллъ Бенуа*. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1914. Стр. VII+72. Цѣна въ переплетѣ 40 коп.“

— „*Рыбкинъ, Н.* Учебникъ прямолинейной тригонометріи и собраніе задачъ. Изданіе 9-е. М. 1914. Стр. 170. Цѣна 90 коп.“

— „*Селихановичъ, Александръ.* Очеркъ общей педагогики. Изданіе 2-е, исправленное. Кіевъ. 1914. Стр. 161+III. Цѣна 90 коп.“ (для VII-го и VIII-го классовъ женскихъ гимназій, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Тихомировъ, Е. Н.* Учебникъ ариѳметики. 10-е изданіе, т-ва

«В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. 1914. Стр. VIII+240. Цѣна 75 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Александровъ, И.* Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе и сборникъ геометрическихъ задачъ. Изданіе 14-е, переработанное и дополненное. М. 1914. Стр. XII+176. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Беллярминовъ, И.* Курсъ русской исторіи (элементарный). Изданіе 15-е. С.-Пб. 1913. Стр. 153+II. Цѣна 50 коп.“ (для младшихъ классовъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Бемъ, Д. А., А. А. Волковъ, Р. Э. Струве.* Сборникъ упражненій и задачъ по элементарному курсу алгебры. Часть I. Книгоизд-во т-ва И. Д. Сытина. Отдѣлъ средней школы. Подъ редакціей: *А. А. Волкова, Д. Н. Егорова, Е. Н. Ефимова, Б. М. Житкова, П. Н. Сакулина* и *Д. В. Цингера*. М. 1914. Стр. 331. Цѣна 1 р.“

— „*Бемъ, Д. А., А. А. Волковъ, Р. Э. Струве.* Сборникъ упражненій и задачъ по элементарному курсу алгебры. Часть II. Книгоизд-во т-ва И. Д. Сытина. Отдѣлъ средней школы. М. 1915. Стр. 427. Цѣна 1 р. 15 коп.“

— „*Вернъ, Жюль.* Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Сокращенный текстъ. Обработалъ *В. А. Блюмъ*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 3-е. С.-Пб. 1914. Стр. 4+191 (текста)+184 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 80 коп. въ переплетѣ.“

— „*де-Виньи, Альфредъ.* Сенъ-Марсъ или Заговоръ въ царствованіе Людовика XIII. Сокращенный текстъ. Обработалъ *И. О. Фурреръ*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна 4-е. С.-Пб. 1914. Стр. 4+163 (текста)+132 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 80 коп. въ переплетѣ.“

— „*Вольтеръ.* „Исторія Карла XII“ въ сокращеніи. Обработалъ *В. С. Игнатовичъ*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе 10-е. 1914. Стр. 120+1 карта (текста)+66+47 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ переплетѣ.“

— „*Гусева, М. А.* Родная нива. Хрестоматія. С.-Пб. 1914.

Часть I. Изданіе 9-е. Стр. XVI+424. Цѣна 1 р.—Часть II. Изданіе 5-е. Стр. VIII+434. Цѣна 1 р. 10 коп." (для младшихъ классовъ).

— „*Дубовъ, Д.* Сборникъ фразъ и статей для устныхъ и письменныхъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Изданіе 6-е, М. Д. Наумова. М. 1915. Стр. VIII+216. Цѣна 1 р. 25 коп."

— „*Злотчанскій, П.* Сборникъ упражненій и задачъ по прямолинейной тригонометріи. Исправилъ *Е. Л. Буницкій.* 5-е изданіе, Е. П. Распопова. Одесса. 1915. Стр. VII+115. Цѣна 75 коп."

— „*Макушинъ, А. И.* Курсъ гигіены. 5-е, вновь просмотрѣнное и дополненное, изданіе. С.-Пб. 1914. Стр. 323+IX. Цѣна 1 р. 35 коп." (для женскихъ гимназій).

— „*Невзоровъ, Н.* Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности. Изданіе 19-е. Часть I. С.-Пб. 1913. Стр. 122+2. Цѣна 40 коп.—Часть II. (Въ концѣ «Сборника» приложенъ краткій курсъ теоріи словесности). С.-Пб. 1914. Стр. 190+II. Цѣна 70 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Росманъ* и *Шмидтъ.* Иллюстрированный курсъ французскаго языка. Подъ ред. *С. А. Манштейна* обработали *А. Анниковъ* и *Камиллъ Бенуа.* С.-Пб. 1914. Выпускъ I-й: первый годъ. Изданіе 11-е. Стр. VI+96+1 картина (текста)+48 (словаря). Цѣна въ переплетѣ 75 коп.—Выпускъ II-й: второй годъ. Изданіе 11-е. Стр. 96+5 картинъ (текста)+74 (словаря). Цѣна въ переплетѣ 90 коп.—Выпускъ III-й: третій годъ. Изданіе 7-е. Стр. 77+2 картины (текста)+77 (словаря). Цѣна въ переплетѣ 80 коп."

— „*Рыбкинъ, Н.* Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Часть II.—Стереометрія. Изданіе 8-е. М. 1914. Стр. 100. Цѣна 60 коп."

— „*Сиповскій, В. В.* Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Изданіе 2-е, Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1911. Т. III, вып. 1-й: русская литература 40 — 60-ыхъ годовъ XIX в. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Стр. 3+273. Цѣна въ переплетѣ 1 р.—Т. III, вып. 2-й: русская литература 40—60-ыхъ годовъ XIX в. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Стр. 3+316. Цѣна въ переплетѣ 1 р.—Т. III, вып. 3-й: русская литература 40—70-хъ годовъ XIX в. Н. Некрасовъ, А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и А. Фетъ. Стр. IV+141. Цѣна въ переплетѣ 60 коп."

— „*Сувестръ, Эмиль.* Тайна врача. Обработали *Л. А. Сиротининъ* и *С. А. Манштейнъ.* (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и

французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*. Серія II, для курсорнаго чтенія). Изданіе С. А. Манштейна, 2-е. С.-Пб. 1914. Стр. 53. Цѣна въ папкѣ 20 коп."

— „*Tettenborn, R.* Deutsche Grammatik für russische Mittelschulen. Книгоизд-ское т-во «Просвѣщеніе». С.-Пб. 1914. Стр. VI+190. Цѣна 1 р. 35 коп." (для VIII-го класса женскихъ гимназій).

— „*Thierry, Augustin.* Завоеваніе Англіи норманнами. Книга III и IV въ извлеченіи. Обработалъ *В. С. Игнатовичъ*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 7-е. С.-Пб. 1914. Стр. 108+1 карта (текста)+100 (приложеній). Цѣна съ приложеніями въ переплетѣ 60 коп."

— „*Тьеръ.* Наполеонъ на островѣ св. Елены. Извлеченіе изъ сочиненія Тьера «Histoire du Consulat et de l'Empire». Обработалъ *Бернардъ Кленце*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 6-е. С.-Пб. 1914. Стр. 131 (текста)+145 (приложеній). Цѣна (съ приложеніями) 80 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гаіекъ, Гансъ.* Практическое руководство по нѣмецкому языку. I часть. Системат. упражненія въ разговорѣ. 2-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1912. Стр. 144. Цѣна 40 коп." (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ нѣмецкій языкъ преподается на нѣмецкомъ же языкѣ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

— „*Капелькинъ, В.—А. Цингеръ.* Природовѣдѣніе. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, Н. Н. Клочкова. М. 1913. Часть I. Неживая природа. Составилъ *А. Цингеръ*. Стр. 126. Цѣна 60 коп.— Часть II. Ботаника. Составилъ *В. Капелькинъ*. Стр. 91. Цѣна 50 коп.—Часть III. Зоологія. Составилъ *В. Капелькинъ*. Стр. 124. Цѣна 65 коп." (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Виноградовъ, К. Н.* Ариѳметическія упражненія и задачи, съ

прибавленіемъ теоретическаго курса. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. М. 1915. Стр. 104. Цѣна 40 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

— „*Гаіекъ, Гансъ.* Практическое руководство по нѣмецкому языку. II часть. Систематическія упражненія въ орѳографіи. 2-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига 1912. Стр. 119. Цѣна 30 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ нѣмецкій языкъ преподается на нѣмецкомъ же языкѣ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Бѣлинскій, В. Г.* Избранныя сочиненія. Редакція *А. К. Бороздина.* (Образовательная библіотека изд-ва «Огни». Серія I. Русскіе критики). С.-Пб. 1914. Часть I. Стр. XXXI+212.—Часть II. Стр. 187. Цѣна за двѣ части—1 р. 25 коп.“

— „*Гоголь, Н. В.* Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ редакціей, съ историко-литературными комментаріями къ важнѣйшимъ произведеніямъ и вступительной статьей *Г. В. Александровскаго.* П. И. Бонадуреръ. Кіевъ. 1914. Стр. XLVI + столбцовъ 2004+286+стр. IX. Цѣна 3 р.“

— „*Зеленская, А. Я.* Общая психологія. Изд-во «Сфинксъ». П. 1915. Стр. 275+VII. Цѣна 1 р. 40 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Зѣлинскій, Ѳ.* Исторія античной культуры. Часть I. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 204. Цѣна 60 коп.“

— „*Князевъ, А.* Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, первый русскій естествоиспытатель. С.-Пб. 1914. Стр. 7+110. Цѣна 60 коп.“

— „*Крыжановская, В. И. (Рочестеръ).* Свѣточи Чехіи. Историческій романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. Книгоизд-ское товарищество. П. 1915. Стр. 379. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Огаркова, В. В.* Къ свѣту. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. П. 1914. Стр. 324. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ).

— „*Соколовъ, Ѳ. Ѳ.* Радій и его лучи. Очеркъ. (Знаніе для всѣхъ. Общедоступный журналъ для самообразованія. Редакторъ-издатель

П. П. Сойкинъ. № 7). С.-Пб. 1914. Стр. 32. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста).

— „Экскурсіонный вѣстникъ. Подъ редакціей *С. И. Гинтовта* и *И. Н. Бороздина.* Годъ 1-й. 1914. Кн. 1. Стр. 128.—Кн. 2. Стр. 143. Цѣна каждой книжки 1 р. 25 коп." (для старшаго возраста).

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Беллярминовъ, И.* Курсъ русской исторіи (элементарный). Изданіе 15-е. С.-Пб. 1913. Стр. 153+II. Цѣна 50 коп." (для младшихъ классовъ высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Вольперъ, М.* Русская рѣчь. Часть 2-я. Первая послѣ букваря книжка для чтенія. 58-е изданіе. С.-Пб. 1913. Стр. 120. Цѣна 30 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, въ которыя поступаютъ дѣти, не умѣющія говорить по-русски).

— „*Гинцбургъ, Николай.* Лѣтомъ у дѣдушки. Разсказъ изъ словъ съ буквою ѣ въ корнѣ. Изданіе 4-е. П. 1914. Стр. III+44. Цѣна 20 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Граменицкій, С.* Сборникъ задачъ и примѣровъ. Пособіе для обученія начальной ариѳметикѣ. 11-е изданіе. Ташкентъ. 1914. Стр. 160. Цѣна 40 коп." (также для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Гречушкинъ, С. И.* Міръ Божій. Русская азбука для обученія чтенію и письму. Изданіе 15-е, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. и П. 1915. Стр. 64. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Гусева, М. А.* Родная нива. Хрестоматія. С.-Пб. 1914. Часть I. Изданіе 9-е. Стр. XVI+424. Цѣна 1 р.—Часть II. Изданіе 5-е. Стр. VIII+434. Цѣна 1 р. 10 коп." (для 2-хклассныхъ сельскихъ и высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Невзоровъ, Н.* Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности. Изданіе 19-е. Часть I. С.-Пб. 1913. Стр. 122+2. Цѣна 40 коп.—Часть II. (Въ концѣ «Сборника» приложенъ краткій курсъ теоріи словесности). С.-Пб. 1914. Стр. 190+II. Цѣна 70 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Павловъ, Н.* Сборникъ задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. 19-е изданіе, бр. Башмаковыхъ. Казань. 1914. Часть 1-я. Числа первой сотни. Стр. 63. Цѣна 15 коп.—Часть 2-ая. I. Числа до тысячи. II. Числа любой величины. Стр. 96. Цѣна 20 коп.“

— „*Тарапыгинъ, Ѳ. А.* Родные завѣты. Хрестоматія. I-я часть. I-я послѣ азбуки книга для класснаго чтенія. Редакція *Ѳ. А. Витберга.* Изданіе 2-е. П. 1915. Стр. 2+69. Цѣна 20 коп.“

— „*Флеровъ, Всеволодъ.* Ясное утро. 2-я книга для класснаго чтенія. Кіевъ. 1914. Стр. 234. Цѣна 45 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Макушинъ, А. И.* Курсъ гигіены. 5-е, вновь просмотрѣнное и дополненное, изданіе. С.-Пб. 1914. Стр. 323+IX. Цѣна 1 р. 35 коп.“

— „*Миловидовъ, Г. А.* Опытъ объяснительнаго чтенія, какъ живого слова въ преподаваніи родного языка. Изданіе 5-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное, «Сотрудникъ школъ». М. 1914. Стр. 265. Цѣна 1 р. 10 коп.“

— „*Торопов, А.* Сборникъ статей для письменнаго изложенія, диктантовъ и задачъ, предложенныхъ на выпускныхъ экзаменахъ въ Московскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ. 3-е изданіе, исправленное и дополненное, А. Д. Ступина. М. 1914. Стр. 98+III. Цѣна 35 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Алексѣевъ, П.* Маленькимъ друзьямъ. Разсказы и очерки для дѣтей. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 79. Цѣна 45 коп., въ папкѣ 60 коп.“

— „*Алексѣевъ, П.* Шарикъ и Баянъ. Разсказъ. (Въ школѣ и

дома. № 30). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*де-Амичисъ, Э.* Мать. Разсказъ. Переводъ *А. Рѣпиной.* Изданіе 4-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*де-Амичисъ, Эдмондо.* Отцовская сидѣлка. Разсказъ. Переводъ съ итальянскаго. Изданіе 7-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Андреевъ, П.* На Волгѣ. Разсказъ. (Въ школѣ и дома. № 26). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 40. Цѣна 15 коп."

— „*Антоновъ, П.* Въ гостяхъ у сартовъ. Разсказъ. (Въ школѣ и дома. № 29). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Богданова, А.* Америка. (Соединенные Штаты). Изданіе 3-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 88. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп."

— „*Булгакова, Е. И.* Герои и подвижники Смутнаго времени. Популярный очеркъ. Изданіе 2-е, книгоизд-ва «Школа». М. 1914. Стр. 127. Цѣна 30 коп."

— „*Булгаковъ, П.* За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Историческій разсказъ. (Въ школѣ и дома. № 31). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 24. Цѣна 8 коп."

— „*Бѣлгородскій, А. В.* Галиція — исконное достояніе Россіи. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 48. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Вагнеръ, П.* Животныя въ больницахъ. Разсказъ. (Въ школѣ и дома. № 28). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Валуевъ, П.* Другъ прокаженныхъ. Разсказъ изъ жизни Даміана де-Вестеръ. (Въ школѣ и дома. № 32). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 48. Цѣна 15 коп."

— „*Гриммъ, бр.* Волкъ и семеро козлятъ. О томъ, какъ кошка съ мышкой подружились. Двѣ сказки. Изданіе 4-е М. В. Клюкина. (Библіотека сказокъ). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Дудоровъ, П.* Зыряне и ихъ охотничій промыселъ. Разсказъ. (Въ школѣ и дома. № 33). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 21. Цѣна 8 коп."

— „*Дудоровъ, П.* Царевна-лягушка. Сказка. (Въ школѣ и дома.

№ 27). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 24. Цѣна 8 коп."

— „*Загирня, М.* Какъ выдумали ѣздить на машинѣ. Въ пер. съ малороссійскаго *Н. И. Перелыгина.* Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1914. Стр. 31. Цѣна 5 коп."

— „*Заринъ, А. Е.* Механикъ-самоучка. (Біографія И. П. Кулибина). Изданіе Д. П. Ефимова. (Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельности подъ ред. *А. Е. Зарина*). М. 1915. Стр. 45. Цѣна 12 коп."

— „*Левицкій, И.* Два брата. Сказка въ пер. съ малороссійскаго *Н. И. Перелыгина.* Изданіе 2-е Д. П. Ефимова М. 1915. Стр. 40. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 35 коп."

— „*Линдъ, Н. В.* Среди школьниковъ. (Мои воспоминанія). 2-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1914. Стр. 119. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* «Мосье Бульонъ». Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Послѣдняя треба. Разсказъ. 8-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 32. Цѣна 6 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Постойко. Разсказъ. 4-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Старый воробей. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Митропольскій, И.* Король камышей. Повѣсть для дѣтей. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 63. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Гнѣвъ Аллаха. Разсказъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Змѣиный дѣдъ. Повѣсть. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 28. Цѣна 10 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Нищій-правитель. Разсказъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 30. Цѣна 10 коп."

— „Оборона Севастополя (осада Севастополя) въ сокращеніи изъ разсказовъ *Л. Н. Толстого* Севастополь въ декабрѣ 1854 г., Севастополь въ маѣ 1855 г. и Севастополь въ августѣ 1855 г. Изданіе 4-е, Н. С. Аскарханова. П. 1914. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Пушкинъ, А. С.* Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, приспособленная для исполненія на дѣтской сценѣ. Съ предисловіемъ *Н. Лернера*. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. 24. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Самочернова, М. В.* Пріѣздъ дяди. Пьеска въ одномъ дѣйствіи для дѣтскаго театра. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. 16. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Сергіевъ, П. Ѳ.* Уроки трезвости. Курсъ средняго отдѣленія начальнаго училища. Архангельскъ. 1914. Стр. 40. Цѣна 40 коп.“

— „*Сэтонъ-Томпсонъ, Э.* Тито. (Исторія луговой волчицы). Пер. съ англійскаго *А. Н. Рождественской*. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 63. Цѣна 25 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. П. 1914. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „Умъ животныхъ. 60 разсказовъ. Съ англійскаго. Изданіе 5-е. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1914. Стр. 88. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 75 коп.“

— „*Фурманъ, П. Р.* Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Историческая библіотека). М. 1915. Стр. 30. Цѣна 25 коп.“

— „*Шведеръ, Е.* Изъ воспоминаній. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дѣтская библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 68. Цѣна 25 коп.“

— „*Шведеръ, Евгеній.* Изъ міра растеній. Изданіе К. Г. Зихмана. («Родная природа». Популярная библіотека естествознанія. Выпускъ 3). Рига. 1914. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“

— „*Шведеръ, Евгеній.* Наши весенніе цвѣты. Изданіе К. Г. Зихмана. («Родная природа». Популярная библіотека естествознанія. Выпускъ 4). Рига. 1914. Стр. 29. Цѣна 10 коп.“

— „*Шведеръ, Евгеній.* Наши зимующія птицы. Изданіе К. Г. Зихмана. («Родная природа». Популярная библіотека естествознанія. Выпускъ 2). Рига. 1914. Стр. 46. Цѣна 12 коп.“

— „*Шведеръ, Евгеній.* Нашъ прудъ. Изданіе К. Г. Зихмана.

(«Родная природа». Популярная библіотека естествознанія. Выпускъ 1). Рига. 1914. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „*Шведеръ, Е.* Черемуха цвѣтетъ. Разсказы. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 48. Цѣна 20 коп.“

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Архангельскій, А.* Сельскій скотолѣчебникъ. Какъ лѣчить болѣзни лошадей, воловъ, коровъ, овецъ, свиней, собакъ и куръ. (Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Книжка 40-я). Изданіе 3-е. М. 1911. Стр. 156+IV. Цѣна 15 коп., въ обрѣзн. папкѣ 20 коп.“

— „*Булгакова, Е. И.* Герои и подвижники Смутнаго времени. Популярный очеркъ. Изданіе 2-е, книгоизд-ва «Школа». М. 1914. Стр. 127. Цѣна 30 коп.“

— „*Булгаковъ, П.* За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Историческій разсказъ. (Въ школѣ и дома. № 31). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“

— „*Валуевъ, П.* Другъ прокаженныхъ. Разсказъ изъ жизни Даміана де-Вестеръ. (Въ школѣ и дома. № 32). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1914. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Васильевъ, Н. М.* Какъ получать хорошіе урожаи озимой ржи. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Сельское хозяйство). М. 1914. Стр. 128. Цѣна 40 коп.“

— „*Васильевъ, Н. М.* Какъ раздобыть корма. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Для крестьянъ). М. 1914. Стр. 67. Цѣна 15 коп.“

— „*Загирня, М.* Какъ выдумали ѣздить на машинѣ. Въ пер. съ малороссійскаго *Н. И. Перелыгина.* Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1914. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“

— „*Заринъ, А. Е.* Механикъ-самоучка. (Біографія И. П. Кулибина). Изданіе Д. П. Ефимова. (Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельности подъ ред. *А. Е. Зарина*). М. 1915. Стр. 45. Цѣна 12 коп.“

— „*Заринъ, Э. Я.* Медъ, его фальсификаціи и простѣйшіе спо-

собы ихъ распознаванія. Изданіе Русскаго общества пчеловодства. С.-Пб. 1910. Стр. 10. Цѣна 10 коп."

— „*Заринъ, Э. Я.* Простѣйшіе способы изслѣдованія пчелинаго воска для открытія его фальсификацій. Изданіе Русскаго общества пчеловодства. С.-Пб. 1910. Стр. 7. Цѣна 10 коп."

— „*Зарѣцкій, В.* О воздѣлываніи вики и пелюшки на кормъ скоту. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Для земледѣльцевъ). М. 1914. Стр. 23. Цѣна 7 коп."

— „*Зарѣцкій, В.* О воздѣлываніи главнѣйшихъ кормовыхъ травъ на сѣмена. Для нечерноземной полосы Россіи. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Для земледѣльцевъ). М. 1914. Стр. 40. Цѣна 10 коп."

— „*Зарѣцкій, В.* Разведеніе кормовыхъ корнеплодовъ въ нечерноземной полосѣ Россіи. Кормовая рѣпа или турнепсъ, свекла, морковь и брюква. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Для крестьянъ). М. 1914. Стр. 40. Цѣна 10 коп."

— „*Землякъ, А.* Бесѣды по сельскому хозяйству. (Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1913. Выпускъ 8. (Книжка 132). Стр. 31. Цѣна 5 коп. — Выпускъ 10. (Книжка 134). Стр. 32. Цѣна 5 коп. — Выпускъ 14. (Книжка 138). Стр. 39. Цѣна 6 коп."

— „*Измайловъ, А.* Разведеніе картофеля. (Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Книжка 142). М. 1913. Стр. 32. Цѣна 5 коп."

— „*Кадилинъ, П. И.* Историческій подвигъ Россіи въ эти дни въ дѣлѣ освобожденія славянъ. Житоміръ. 1914. Стр. 50. Цѣна 20 коп."

— „*Казановскій, В. И.* О вредныхъ для сельскаго хозяйства грибкахъ, портящихъ картофель, капусту и хлѣбныя растенія, съ указаніемъ, какъ бороться съ ними. (Агрономическій отдѣлъ Кіевской губернской земской управы). Кіевъ. 1912. Стр. 38. Цѣна 17 коп."

— „*Коваль, В. Д.* Клеверъ и какая отъ него польза крестьянскому хозяйству. (Агрономическій отдѣлъ Кіевской губернской земской управы). Кіевъ. 1912. Стр. 37. Цѣна 16 коп."

— „*Крыжановская, В. И.* (*Рочестеръ*). Свѣточи Чехіи. Историческій романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. Книгоизд-ское товарищество. П. 1915. Стр. 379. Цѣна 2 р."

— „*Майковъ, Н. А.* Какъ устроить хуторское хозяйство безъ парового поля. Изданіе Постоянной коммисіи народныхъ чтеній. № 267. С.-Пб. 1909. Стр. 31. Цѣна 5 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Послѣдняя треба. Разсказъ. 8-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1914. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Маноцковъ, Н. И.* О заразныхъ болѣзняхъ на скотѣ. Бесѣды ветеринарнаго врача. Изданіе книгоизд-ва «Агрономъ». М. 1910. Стр. 52. Цѣна 35 коп.“

— „*Мансуровъ, А. В.* Люцерна. (Агрономическій отдѣлъ Кіевской губернской земской управы). Кіевъ. 1912. Стр. 19. Цѣна 8 коп.“

— „Оборона Севастополя (осада Севастополя) въ сокращеніи изъ разсказовъ Л. Н. Толстого Севастополь въ декабрѣ 1854 г., Севастополь въ маѣ 1855 г. и Севастополь въ августѣ 1855 г. Изданіе 4-е, Н. С. Аскарханова. П. 1914. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Онацкій, Д. Г.* Подолія. Краткій историческій очеркъ съ указаніемъ пунктовъ, важнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи. Кіевъ. 1913. Стр. 3+18+1 карта. Цѣна не обозначена.“ (для Подольской губерніи).

— „Почки и ихъ значеніе для нашего тѣла. Подъ ред. *В. В. Гориневскаго.* Изданіе Постоянной коммисіи народныхъ чтеній. № 300. С.-Пб. 1914. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“

— „*Семеновъ, С. Т.* На свою голову. Разсказъ. 5-е изданіе, «Посредника». № 154. М. 1910. Стр. 31. Цѣна 3 коп., въ папкѣ 5 коп.“

— „*Сергіевъ, П. Ѳ.* Уроки трезвости. Курсъ средняго отдѣленія начальнаго училища. Архангельскъ. 1914. Стр. 40. Цѣна 40 коп.“

— „*Симоновъ, М. И.* Сибирская язва. Книгоизд-во «Агрономъ». М. 1912. Стр. 14. Цѣна 7 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. П. 1914. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Филипповскій, А. К.* Какъ лучше воздѣлывать картофель въ крестьянскомъ хозяйствѣ. (Агрономическій отдѣлъ Кіевской губернской земской управы). Кіевъ. 1914. Стр. 47. Цѣна 16 коп.“

ЖУКОВСКІЙ, КАКЪ ПЕРЕВОДЧИКЪ БАЛЛАДЪ.

1.

Жуковскій занимаетъ въ нашей литературѣ особое положеніе, отличающее его отъ другихъ писателей. Долго шли споры о томъ, къ какому литературному направленію отнести поэта—къ сентиментальному или романтическому (поэзія Жуковскаго давала доказательства и для того и для другого воззрѣнія), пока, наконецъ, не выяснилось, что его нельзя отнести ни къ одному изъ нихъ.

Правда, въ произведеніяхъ Жуковскаго есть несомнѣнныя черты и сентиментализма и романтизма; однако, эти два элемента слились въ немъ воедино, образуя оригинальный синтезъ. Свѣтлая личность Жуковскаго брала изъ современныхъ ей литературныхъ теченій то, что гармонировало съ нею, и въ результатѣ получилась своеобразная фигура поэта чувства и „сердечнаго воображенія".

Жуковскій не могъ быть ярымъ послѣдователемъ какого либо одного литературнаго направленія; еще менѣе онъ могъ быть его главою, основателемъ, руководителемъ: личныя переживанія играли въ немъ для этого слишкомъ большую роль. Съ дѣтства нѣжный и отзывчивый, съ душою точно не отъ міра сего, Жуковскій съ теченіемъ времени окрѣпъ въ своемъ религіозномъ идеализмѣ. Роковую роль сыграла при этомъ его неудачная любовь къ Маріи Протасовой. Поэту не удалось устроить своего счастья съ любимой женщиной, и грустная душа его еще болѣе поднялась къ небу, вспоминая съ благодарностью прошлое и уповая на свѣтлое будущее.

О, милое воспоминанье
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О, дума сердца—упованье
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!

И „милое воспоминанье" и „дума сердца—упованье" помогали Жуковскому забывать „низость настоящаго". Было еще одно, гдѣ

поэтъ находилъ себѣ и успокоеніе и радость. Это—поэзія. Она не была для него чѣмъ-то отличнымъ отъ жизни; Жуковскій любилъ свои мысли, чувства закрѣплять на бумагѣ или ведя дневникъ или претворяя ихъ въ стихи. Поэзія его носитъ ярко выраженный субъективный характеръ.

Правда, среди произведеній Жуковскаго есть много переводовъ; но онъ переводилъ только то, что соотвѣтствовало его воззрѣніямъ, подходило къ его настроенію. Поэтъ самъ пишетъ, что у него почти все—чужое и все-таки—свое. Жуковскій не принадлежитъ къ числу тѣхъ переводчиковъ, которые, увлекшись какимъ либо однимъ авторомъ, порабощаются имъ и цѣнятъ каждое слово любимаго писателя. Онъ, въ силу своей натуры, „удивительно цѣльной и, несмотря на кажущуюся слабость, сильной", не могъ быть такимъ переводчикомъ. Онъ обычно приспособлялъ подлинникъ къ себѣ. Хорошо, если настроеніе Жуковскаго гармонировало съ настроеніемъ произведенія, которымъ онъ занимался—тогда получался переводъ красивый, прочувствованный и вѣрный; но если въ подлинникѣ были черты, чуждыя натурѣ Жуковскаго, онъ его измѣнялъ, и эти измѣненія, какъ бы незначительны они ни были, характерны для переводчика.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны переводныя баллады Жуковскаго. Во-первыхъ, онѣ даютъ значительный матеріалъ для наблюденій такихъ измѣненій (ихъ довольно много—30); во-вторыхъ, баллады играютъ важную роль въ поэзіи Жуковскаго (какъ извѣстно, его даже прозвали „балладникомъ"); наконецъ, сопоставленіе ихъ съ оригиналами любопытно и въ томъ отношеніи, что баллада—созданіе романтиковъ и что мы, такимъ образомъ, a priori должны ожидать въ переводахъ отступленій: романтикомъ Жуковскій не былъ. Его переводныя баллады—романтическія произведенія, проникнутыя личностью переводчика.

Иногда, впрочемъ, этой личности не чувствуется. Романтическое направленіе было такъ широко и сложно, что отдѣльныя его стороны были и въ душѣ Жуковскаго (онъ и самъ, какъ извѣстно, писалъ баллады), и нѣкоторые переводы, поэтому, ему вполнѣ удались. Такова, напр., баллада „*Судъ Божій надъ епископомъ*" (Southey, God's judgment on a bishop). Нельзя сказать, чтобъ переводъ былъ вполнѣ вѣренъ и точенъ. Онъ больше подлинника (88 ст.—76); въ немъ много мелкихъ отступленій, обусловленныхъ, конечно, и тѣмъ, что точно перевести стихи стихами же вообще невозможно. Такъ, напр.,

42: Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ

соотвѣтствуетъ

34—35: There came a man from his farm,
He had a countenance white with alarm;
45: Вотъ и другое въ ушахъ зазвенѣло

свободно передаетъ

38—39: Another came running presently,
And he was pale as pale could be.

Однако, въ общемъ переводъ прекрасенъ, а башня описана у Жуковскаго, пожалуй, съ бо̀льшимъ настроеніемъ, чѣмъ у Соути.

53 сл.: Башня изъ Реинскихъ водъ подымалась,
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.
61 сл.: Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Соути заставляетъ епископа говорить

43 сл.: I'll go to my tower on the Rhine
'T is safest place in Germany,
The walls are high and the shores are steep
And the stream is strong and the water deep.

Если переводъ этой баллады удался Жуковскому, надо думать, потому, что идею ея онъ вполнѣ раздѣлялъ, то при переводѣ *„Гаральда“* (Uhland, Harald) его привлекало богатство и красочность поэтическихъ образовъ. Жуковскій былъ не только христіаниномъ; онъ былъ и поэтомъ; богатство его воображенія, любовь къ чистой красотѣ можно видѣть хотя бы изъ „Ундины“. Этимъ и объясняется то, что переводъ этой баллады вышелъ удивительно хорошимъ. Правда, и въ немъ есть мѣста, не совсѣмъ удавшіяся поэту, напр.,

14—15: Was tanzt durch der Krieger Reih'n
Schwingt auf die Rosse sich,

что Жуковскій передаетъ

14—15: Что прижимается и льнетъ
Къ бойцамъ подъ твердый щитъ?

(у Уланда больше, такъ сказать, воздушности въ этомъ описаніи фей); но введеніе refrain'а (Гаральдъ, боецъ сѣдой) и постоянный эпитетъ „сѣдой“, вмѣсто котораго въ оригиналѣ мы имѣемъ kühn

1*

(2,26), stolz (34), alt (52), дѣлаютъ переводъ лучше подлинника. Особенно это относится къ послѣдней картинѣ.

45 слл.: И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ (Гаральдъ) спитъ;
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

У Уланда мы имѣемъ

45 слл.: Er schlummert auf demselben Stein
Schon manche hundert Jahr',
Das Haupt gesenket auf die Brust,
Mit grauem Bart und Haar.

Феи очаровали Гаральда, сѣдого бойца, закованнаго въ латы, съ копьемъ и щитомъ... Красоту образовъ Жуковскій передалъ мастерски.

Зато лирическія, такъ сказать, баллады, сюжетомъ которыхъ является любовь, особенно—несчастная, такъ сильно волнуютъ поэта, что не позволяютъ ему быть объективнымъ переводчикомъ. Онъ часто, впрочемъ, и не хотѣлъ имъ быть, переводя баллады для успокоенія, какъ, напр., передъ отъѣздомъ М. Протасовой въ Дерптъ. Очень крупныя измѣненія мы находимъ поэтому, напр., въ балладѣ „*Пустынникъ*" (Goldsmith, Edwin and Angeline): тема ея—свиданіе влюбленныхъ послѣ долгой разлуки — слишкомъ много говорила сердцу Жуковскаго.

Счастье любви Гольдсмитъ описываетъ такъ

117 слл.: And when, beside me in the dale,
He carol'd lays of love,
His breath lent flagrance to the gale,
And music to the grove;

переводъ очень далекъ

117 слл.: Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой,
Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдвиновой душой.
Но цвѣтъ съ небесною росою
Живутъ единый мигъ;
Онъ одаренъ былъ ихъ красою,
Я—легкостію ихъ;

пылкія слова Эльвины

125 слл.: And when a little rest I sought,
Insleep's refreshing arms,

How have I mended what he taught,
And lent him fancied charms!

совсѣмъ опущены; Эдвинъ плѣнилъ Эльвину „высокой душой“ (115), хотя въ подлинникѣ стоитъ „a constant heart was all he had“; она для него не „ever dear“, „my charmer“ (153, 154), а „другъ незабвенный, другъ единой“ (145); характерно и то, что мечты встрѣтившихся о будущей жизни (конецъ баллады) оставлены безъ перевода. Любовь Жуковскаго носила особый характеръ; это была любовь-дружба, любовь-религія.

Разобранныя три баллады—„Судъ Божій надъ епископомъ“, „Гаральдъ“, „Пустынникъ“—являются типичными балладами. Разумѣется, не всѣ баллады религіозно-нравственнаго содержанія (короче—религіозныя баллады) такъ удачны, какъ „Судъ Божій надъ епископомъ“; не всѣ баллады историко-поэтическія (короче — историческія) такъ безукоризненны, какъ „Гаральдъ“; не всѣ, наконецъ, любовныя баллады переведены такъ свободно, какъ „Пустынникъ“. Разсмотрѣнныя изъ балладъ типичны потому, что и остальныя изъ нихъ можно раздѣлить на три указанныхъ категоріи. Богъ, красота и любовь—главные мотивы балладъ Жуковскаго.

2.

Въ виду того, что христіанство является у поэта основой его взглядовъ и что оно при томъ носитъ у него возвышенный и, пожалуй, даже нѣсколько сентиментальный характеръ, переводы религіозныхъ балладъ не вполнѣ удачны: въ угоду воззрѣніямъ переводчика страдаетъ нерѣдко и живость изложенія, и историческая вѣрность, и даже изображеніе христіанскихъ настроеній.

Такъ, въ балладѣ *„Королева Урака и пять мучениковъ“* (Southey, Queen Orracca and the five martyrs of Morocco) простая фраза

31—32: And they (чернецы) departed to the land
Of the Moors beyond the sea

переведена

И въ Африку смиренно понесли
Небесный даръ ученія Христова,

а громкія слова

37—38: Свершилось великое ихъ дѣло:
Въ небесную они вступили дверь

передаютъ

They have fought the fight, o Queen!
They have run the race.

Описаніе процессіи, переживаній королевы, особенно то мѣсто, гдѣ говорится о томъ, какъ король погнался за дикимъ кабаномъ, переданы Жуковскимъ безъ той живости и пластичности, которую мы имѣемъ въ подлинникѣ. Сопоставлять соотвѣтствующія мѣста—значило бы переписывать обѣ баллады чуть не цѣликомъ (ср. особенно 97 сл. у Соути и 93 сл. у Жуковскаго).

Если въ этой балладѣ не совсѣмъ вѣрно изображено христіанство (съ исторической точки зрѣнія), то въ „*Варвикъ*" (Southey, Lord William) пострадала главнымъ образомъ живость дѣйствія, и баллада приняла подъ перомъ Жуковскаго нѣсколько отвлеченный характеръ. Живая сцена Варвика съ лодочникомъ передана чрезвычайно блѣдно. У Соути мы имѣемъ

85 сл.: „My boat is small", the boatman cried,
'T will bear out one away;
Come in, Lord William, and do ye
In God's protection stay".
Strange feeling fill'd them at his voice,
Even in that hour of woe,
That, save their Lord, there was not one,
Who wich'd with him to go.
But William leapt into the boat,
His terror was so sore:
„Thow shalt have half my gold", he cried,
„Haste, haste to yonder shore".
The boatman plied the oar, the boat и т. д.

Жуковскій передаетъ это мѣсто такъ

101 сл.: Варвикъ зоветъ, Варвикъ манитъ рукою—
Не внемля шуму волнъ,
Пловецъ сидитъ спокойно надъ кормою,
И правитъ къ брегу челнъ.
И съ трепетомъ Варвикъ въ челнокъ садится...

Вся живость сцены пропала. Конецъ баллады переведенъ также не особенно удачно. Стихи

117 сл.: How horrible it is to sink
Beneath to closing stream,
To strekt the powerless arms in vain,
In vain for help to scream.

соотвѣтствуютъ стихамъ Жуковскаго

121 сл.: Во мглѣ ночной онъ (ребенокъ) бьется межъ волнами,
Облитъ онъ хладомъ волнъ;
Еще не видимъ мы очами;
Но онъ... нашъ видитъ челнъ!

Эти, а равно и нѣкоторыя другія измѣненія, невыгодно отражающіяся на балладѣ, неудивительны: переводчикъ обратилъ главное вниманіе на мысль, что преступленіе, хотя и совершенное втайнѣ, наказуется.

Баллада „*Братоубійца*“ (Uhland, Der Waller) значительно удачнѣе, чѣмъ „Варвикъ“: истинно христіанскій сюжетъ ея—помилованіе Божіей Матерью грѣшника—былъ такъ понятенъ Жуковскому. Хотя и самый подлинникъ носитъ характеръ нѣсколько сентиментальный и христіанство, изображенное въ немъ,—въ духѣ переводчика (это обстоятельство объясняетъ намъ, почему переводъ этой баллады такъ удался Жуковскому)—все же и въ описаніи чудотворной иконы

[3 слл. Богоматери пречистой
Чудотворный зрится ликъ;
Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ
= 3 слл.: Wo die reine Gottesmutter
Spendet ihres Segens Hort],

и въ нѣкоторыхъ мелочахъ

[напр., 40: передъ храмомъ слезы лить (позволено)
= hinzuknieen ist erlaubt],

и въ томъ, что der Waller названъ братоубійцей, можно видѣть отраженіе личности поэта.

Больше подобнаго рода отступленій въ балладѣ „*Графъ Габсбургскій*“ (Schiller, Der Graf von Habsburg): вѣрный въ историческомъ отношеніи оригиналъ не удовлетворилъ Жуковскаго. У него передъ священникомъ, несущимъ св. Дары,

61—62: ... набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,

тогда какъ въ подлинникѣ онъ обнажаетъ только голову

[62: Das Haupt sich mit Demut entblösset];

умирающій, по Жуковскому,

73—74: Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи;

у Шиллера онъ только

74: ... nach Himmelkost schmachtet;

переводчику не нравится, что пѣвецъ—только „der Bringer der Lust“ (25), и онъ пишетъ

25: Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?

мелкая бытовая черта

13: Laut mischte sich in der Posaunen Ton,

разумѣется, опущена.

Въ маленькой балладѣ „*Мщеніе*“ (Uhland, Die Rache), которая по сюжету близка къ „Варвику“, наблюдается, несмотря на ея незначительный объемъ, то же: вмѣсто Рейна поставлено просто „рѣка“ (4).

„*Старый рыцарь*“ (Uhland, Graf Eberhards Weissdorn), баллада, которую столь же можно назвать „религіозной“, сколь и „поэтической“, удивительно передаетъ всю прелесть подлинника. По впечатлѣнію, ею производимому, она близка къ „Вѣткѣ Палестины“: и то и другое стихотвореніе рождаетъ въ душѣ миръ. Жуковскій мастерски выразилъ настроеніе оригинала, но въ деталяхъ такъ удалился отъ него, что „Старый рыцарь“ столь же принадлежитъ переводчику, сколь и Уланду. Такъ, вмѣсто Weissdorn (6) у Жуковскаго „олива“ (6); вмѣсто Graf Eberhard im Bart—просто „онъ“ (1). Вообще все стихотвореніе переведено свободно; послѣдняя строфа, напр., увеличена вдвое, и отъ этого, надо сказать, баллада только выиграла. Уландъ пишетъ

25 сл.: Die Wölbung, hoch und breit,
Mit sanftem Rauschen mahnt
Ihn an die alte Zeit
Und an das ferne Land;

Жуковскій счастливо измѣняетъ

25 сл. Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;
И, внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой.

Большая баллада „*Сраженіе со змѣемъ*“ (Schiller, Der Kampf mit dem Drachen) переведена Жуковскимъ также очень свободно. Короткіе ямбическіе стихи подлинника замѣнены длинными дактилическими (гекзаметръ), въ передачѣ содержанія наблюдается также большая свобода. Нѣкоторыя мѣста перевода имѣютъ лишь весьма отдаленное сходство съ подлинникомъ. Такъ, напр., разсужденія молодого рыцаря

73 сл.: Und zu mir selber sprach ich dann:
Was schmückt den Jungling, ehrt den Mann?
Was leisteten die tapfern Helden,
Von denen uns die Lieder melden?
Die zu der Götter Glanz und Ruhm
Erhub das blinde Heidentum?
Sie reinigten von Ungeheuern
Die Welt in kühnen Abenteuern,
Begegneten im Kampf dem Leun,
Und rangen mit dem Minotauren,
Die armen Opfern zu befrein,
Und liessen sich das Blut nicht dauern и т. д.

Жуковскій передаетъ

42 сл.: Вотъ что я мыслилъ: „Ты рыцарь; однихъ ли враговъ христіанства
Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:
Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой искусство,
Мужествомъ мудрость—должны управлять“.

т. е. выписанные выше стихи подлинника совсѣмъ опущены, а переведены или, вѣрнѣе, переданы слѣдующіе:

85 сл.: Ist nur der Sarazen'es wert,
Dass ihn bekämpft des Christen Schwert?
Bekriegt er nur die falschen Götter?
Gesandt ist er der Welt zum Retter,
Von jeder Not und jedem Harm
Befreien muss sein starker Arm;
Doch seinen Mut muss Weisheit leiten,
Und List muss mit der Stärke streiten.

Разумѣется, не вся баллада переведена такъ свободно, какъ эти строфы, но все же измѣненій очень много. Разсказъ молодого рыцаря переданъ Жуковскимъ вообще неточно (тщательно переведены лишь 205—216); изъ удавшихся переводчику мѣстъ слѣдуетъ отмѣтить рѣчь магистра капитула о смиреніи—тема въ духѣ Жуковскаго (130—145 Жук., 265—288 Schiller). Болѣе вѣрно и точно переведена эта баллада Вейнбергомъ („Бой съ дракономъ“).

Послѣдняя изъ „религіозныхъ“ балладъ — „Судъ Божій надъ епископомъ“—была разсмотрѣна раньше.

3.

Что касается „историческихъ“ балладъ, то онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: баллады съ сюжетами изъ древняго міра и изъ средневѣковья. Первую группу образуютъ переводы изъ одного

Шиллера. Шиллеръ зналъ и понималъ древній міръ; его произведенія, посвященныя античности, не противорѣчатъ ей даже въ мелочахъ. Жуковскій былъ знакомъ съ жизнью древнихъ, интересовался ею (ему принадлежитъ, какъ извѣстно, переводъ „Одиссеи"), но то, что онъ все свое вниманіе направлялъ главнымъ образомъ на религіозно-нравственныя проблемы, не позволило ему быть вѣрнымъ переводчикомъ балладъ, посвященныхъ античности. Поэтъ не могъ, да и не хотѣлъ бы, цѣнить древній міръ, какъ таковой, дорожить имъ, и его баллады нерѣдко противорѣчатъ духу античной жизни. Греческая простота и реальность изложенія, вѣрность исторіи и миѳологіи (историческая правда) страдаютъ неоднократно у Жуковскаго; получается рядъ анахронизмовъ, часто, правда, мелкихъ, но все же рѣзко замѣтныхъ—такъ изящны, цѣльны и исторически вѣрны баллады Шиллера.

Рядъ такихъ мелкихъ промаховъ можно отмѣтить, напр., въ „*Кассандрѣ*" (Schiller, Kassandra). Описаніе празднества въ переводѣ менѣе красочно, чѣмъ въ подлинникѣ

[13—14: Dumpf erbrausend durch die Gassen
Wälzt sich die bacchant'sche Lust
= Стогны дышутъ ѳиміамомъ,
Въ злато царскій домъ одѣтъ];

гнѣвъ Кассандры смягченъ

[22: Сбросивъ жреческій покровъ
= 23—24: Und sie warf die Priesterbinde
Zu der Erde zürnend hin];

обращеніе къ Аполлону измѣнено—

48: О предвидѣнія взоръ
= 50: Pythischer, du arger Gott;

рѣзкое заявленіе Кассандры

72: Nimm dein falsch Geschenk zurück

совсѣмъ опущено; также осталась безъ перевода интересная подробность

74: Kränzt' ich mir das duft'ge Haar.

Вообще баллада пріобрѣла у Жуковскаго нѣсколько иной характеръ, чѣмъ у Шиллера: рѣзкое недовольство Кассандры Аполлономъ смягчено, отчего пострадала живость изложенія. Это видно хотя бы изъ того, что у Шиллера Кассандра гораздо чаще обращается къ Аполлону, чѣмъ у Жуковскаго (у Шиллера 47, 48, 49, 53, 61, 65, 68, 69, 70, 71, 72, 75; у Жуковскаго 46, 61, 62, 66).

Меньше отступленій отъ подлинника въ *„Жалобѣ Цереры“* (Schiller, Klage der Ceres), причиною чего является, надо думать, отвлеченный, философскій характеръ баллады. Все же это стихотвореніе у Жуковскаго еще, такъ сказать, отвлеченнѣе, чѣмъ у Шиллера. Это можно видѣть изъ сопоставленія четвертой строфы оригинала и перевода:

37 слл.: Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальный
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ...
Парки, парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

37 слл.: Mütter, die aus Pyrrhas Stamme
Sterbliche geboren sind,
Dürfen durch des Grabes Flamme
Folgen dem geliebten Kind;
Nur was Jovis Haus bewohnet,
Nahet nicht dem dunkeln Strand,
Nur die Seligen verschonet,
Parzen, eure strenge Hand.
Stürzt mich in die Nacht der Nächte
Aus des Himmels goldnem Saal!
Ehret nicht der Göttin Rechte;
Ach! sie sind der Mutter Qual!

Сравненіе послѣднихъ строфъ (113 слл.) могло бы обнаружить то же. Слѣдуетъ обратить вниманіе также на то, что у Жуковскаго нѣтъ вступленія—сѣтованія Цереры начинаются у него прямо съ первой строки, тогда какъ у Шиллера введеніемъ служитъ вся первая строфа.

Баллада *„Элевзинскій праздникъ“* (Schiller, Das Eleusische Fest) носитъ такой же философскій характеръ, почему переводъ ея у Жуковскаго вышелъ также довольно удачнымъ. Можно отмѣтить только нѣкоторыя мелочи, не вполнѣ подходящія къ античной жизни. Извѣстно, что боги иногда окружали себя туманомъ, чтобъ быть невидимыми,— и между тѣмъ Жуковскій

57 слл.: Und den Nebel teilt sie (Церера) leise,
Der den Blicken sie verhüllt

передаетъ

57 сля.: И мгновенно разступилась
Тьма, лежавшая предъ нею;

богиню полей, Цереру, почитаетъ рядомъ съ земледѣльцемъ и пастухъ — и однако, Жуковскій вмѣсто

187—188: Und sie führt den schönsten Hirten
Zu der schönsten Hirtin hin

пишетъ

187—188: Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмѣ дѣву красоты.

Такія измѣненія являются ничѣмъ по сравненію съ тѣмъ, что мы имѣемъ въ шестнадцатой строфѣ: богъ кузницы, Гефестъ (Gott der Esse) у Жуковскаго превратился въ Кома (Κῶμος), бога пиршествъ (κῶμοι).

Подобнаго рода недоразумѣніе (правда, менѣе значительное) мы находимъ и въ балладѣ „*Ивиковы журавли*“ (Schiller, Die Kraniche des Ibykus), которая въ общемъ переведена, надо сказать, очень хорошо; нѣсколько старинный тяжеловатый языкъ выбранъ Жуковскимъ весьма удачно. Единственное, что замѣтно страдаетъ въ переводѣ, это — описаніе выступленія хора. Фраза

100: обходитъ вкругъ театра онъ (хоръ),

понятая буквально, вызываетъ недоумѣніе: зачѣмъ хоръ ходитъ кругомъ театра? Подлинникъ ясенъ

100: Umwandelnd des Theaters Rund.

Удаленіе хора Жуковскій описываетъ такъ

141 сля.: И тихой мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою
И скрылись медленно вдали.

Неудачное выраженіе „вдали“, такъ неподходящее къ устройству греческаго театра, объясняетъ оригиналъ

141 сля.: Und feierlich nach alter Sitte
Umwandelnd des Theaters Rund (ср. 100)
Mit langsam abgemessnem Schritte
Verschwinden sie im Hintergrund.

„*Поликратовъ перстень*“ (Schiller, Der Ring des Polykrates) является по справедливости одной изъ лучшихъ балладъ Жуковскаго. Переведенная изящно и точно, она прекрасно передаетъ духъ подлинника;

это—стильная баллада. („Царь“ 84, слово, неумѣстное по отношенію къ тирану Поликрату — у Шиллера „Herr“ — проходитъ незамѣченнымъ). Если нѣкоторыя картины подлинника и пропали при переводѣ (такъ, напр.,

44: Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой

передаетъ

44 слл.: Da sieht man's von den Schiffen wallen,
Und tausend Stimmen rufen: „Sieg“,

а „das beherrschte Samos“ 3—Поликратъ именно овладѣлъ имъ, захвативъ власть—замѣнено черезъ „Самосъ богатый“ 2), то отъ этого баллада мало страдаетъ. „Поликратовъ перстень“ можно смѣло назвать одной изъ лучшихъ балладъ Жуковскаго.

Про „*Торжество побѣдителей*“ (Schiller, Das Siegesfest) этого сказать нельзя. Правда, языкъ этой баллады очень легкій, но въ ней есть много перемѣнъ, нарушающихъ античный колоритъ. Не говоря уже о такихъ смягченіяхъ, какъ въ ст. 59—60, гдѣ мы вмѣсто

Denn das Weib ist falscher Art,
Und die Arge liebt das Neue

имѣемъ

Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ (ср. также 21 слл.),

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ баллады мы имѣемъ крупныя измѣненія. Такъ, истинно греческія, здоровыя строки, посвященныя Шиллеромъ Менелаю,

61 слл.: Und des frisch erkämpften Weibes
Freut sich der Atrid und strickt
Um den Reiz des schönen Leibes
Seine Arme hochbeglückt

сокращены Жуковскимъ до-нельзя.

61: И стоящій близъ Елены (Менелай),

а вмѣсто характерныхъ для древности стиховъ

29 слл.: Und Neptun, der um die Länder
Seinen Wogengürtel schlingt

переводчикъ даетъ

29 слл.: Буреносцу Посидону
Воздымателю валовъ.

Относительно всѣхъ вообще „классическихъ“ балладъ Жуковскаго слѣдуетъ замѣтить, что причиною измѣненій, какія вносилъ онъ въ

свои переводы, является не незнакомство переводчика съ древнимъ міромъ—онъ могъ бы въ крайнемъ случаѣ просто стараться не отступать отъ Шиллера, — а, надо думать, недостатокъ способности цѣнить античную красоту: античность и христіанство — трудно совмѣстимыя понятія. Жуковскій вообще далеко не всегда при переводахъ обращалъ вниманіе на соблюденіе исторической правды.

4.

Что это такъ — можетъ подтвердить и разсмотрѣніе его балладъ на средневѣковые сюжеты. Въ нихъ также встрѣчаются и погрѣшности противъ исторіи, и смягченіе рѣзкихъ образовъ, такъ свойственное мягкой натурѣ Жуковскаго.

Примѣры этому, правда, незначительные, можетъ дать хотя бы *„Перчатка“* (Schiller, Der Handschuh). Переведена эта баллада легко и изящно, за что и пользуется справедливой извѣстностью. Правда, переводъ не вполнѣ передаетъ всю прелесть подлинника, все богатство метрическихъ красокъ, но нужно сказать, что эта баллада не вполнѣ удалась и Лермонтову съ его звучнымъ стихомъ, въ переводѣ котораго, кстати сказать, сцена съ пантерами совсѣмъ отсутствуетъ. Изящество языка и живость дѣйствія переданы Жуковскимъ весьма хорошо. Если что можно отмѣтить, такъ это несредневѣковое „ты“, съ которымъ обращается къ Делорму его дама (у Лермонтова „вы“), и пропускъ въ переводѣ послѣдняго стиха

Und verlässt sie zur selben Stunde,

который Лермонтовъ передаетъ такъ:

И гордую тотчасъ покинулъ.

Баллада *„Рыцарь Роллонъ“* (Uhland, Junker Rechberger) интересна въ томъ отношеніи, что въ ней усиленъ романтическій элементъ. Черный конь, который у Уланда представленъ весьма просто, конь обыкновенный

42 *cлл.*: Ein ledig Käpplein führet er (слуга)
Mit Sattel und Zeug staffiert,
Mit schwarzer Decke gezieret.

описанъ Жуковскимъ съ привнесеніемъ такихъ условностей, какъ „грива горой“ и „глаза изъ огня“:

39 слл.: (ведетъ) Сзади слуга въ поводахъ вороного коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

и дальше

65 слл.: Взвизгнулъ, вскочивъ на дыбы, разъярившійся конь;
Грива горой, изъ ноздрей, какъ изъ печи огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ,

вмѣсто чего въ подлинникѣ имѣемъ только

73: Er schlug den Junker mitten aufs Herz.

Затѣмъ—и это весьма характерно—у Жуковскаго при описаніи часовни, которой онъ вообще удѣляетъ больше вниманія, чѣмъ Уландъ, фигурируетъ гробница. Въ подлинникѣ ея нѣтъ.

11: ... въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
13: Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Невольно вспоминаются „Мысли при гробницѣ“, „Сельское кладбище“...

„*Три пѣсни*“ (Uhland, Die drei Lieder), небольшая баллада, переведенная тоже свободно, какъ и „Рыцарь Роллонъ“, не можетъ быть, однако, поставлена съ нимъ рядомъ: въ то время какъ въ той балладѣ только сгущены краски, въ этой—просто неудачныя измѣненія. Замѣна „брата“ „отцемъ“ еще возможна, хотя и непонятна (къ чему она?).

[7. Meinen Bruder hast du meuchlings erstochen =
9: Та пѣсня: отца моего ты убилъ];

но переводъ простого стиха Уланда

18: Das (das dritte Lied) werd' ich nimmer zu sagen müd'

черезъ

18 слл.: Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
Гремѣть не устану предъ дѣвой любви

заставляетъ только жалѣть оригиналъ. Что это за „дѣва любви“? «Три пѣсни»,—вѣроятно, самая неудачная изъ балладъ Жуковскаго.

Зато „Кубокъ“ (Shiller, Der Taucher)—одна изъ самыхъ удачныхъ. Выписывать цѣликомъ обѣ баллады не представляется возможнымъ—а это стоило бы сдѣлать, чтобъ дать образецъ хорошихъ переводовъ; приходится ограничиваться сопоставленіемъ двухъ строфъ. Одна изъ нихъ характерна въ томъ отношеніи, что въ ней дается перечень рыбъ, и можно было бы ожидать отъ Жуковскаго, что онъ или сократитъ ее или совсѣмъ выпуститъ. Ни того ни другого, однако, не случилось:

115 слл.: Schwarz wimmelten da, in grausem Gemisch,
Zu scheusslichen Klumpen geballt,
Der stachlichte Roche, der Klippenfisch,
Des Hammers greuliche Ungestalt,

Und dräuend wies mir die grimmigen Zähne
Der entsetzliche Hai, des Meeres Hyäne

115 слл.: Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

Другая строфа (26-я) можетъ служить примѣромъ звучности перевода.

151 слл.: Da ergreift's ihm die Seele mit Himmelsgewalt,
Und es blitzt aus den Augen ihm kühn,
Und er siehet erröten die schöne Gestalt,
Und sieht sie erbleichen und sinken hin —
Da treibt's ihn, den köstlichen Preis zu erwerben,
Und stürzt hinunter auf Leben und Sterben.

151 слл.: Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель—онъ кинулся въ волны...

Трудно сказать, что лучше—переводъ или подлинникъ.

Знаменитый герой среднихъ вѣковъ, Карлъ Великій воспѣтъ, какъ извѣстно, во многихъ произведеніяхъ. Изъ балладъ Жуковскаго къ нему имѣютъ отношеніе двѣ. Это—„Плаваніе Карла Великаго“ и „Роландъ оруженосецъ“.

Трудно сказать, что побудило Жуковскаго перевести „*Плаваніе Карла Великаго*“ (Uhland, König Karls Meerfahrt): нравственной проблемы въ этой балладѣ не рѣшается никакой, богатства образовъ, какъ, напр., въ „Гаральдѣ“, тоже нѣтъ. Остается признать, что Жуковскій заинтересовался краткими характеристиками перовъ Карла, т. е., другими словами, эта баллада—чисто „историческая“. Переведена она хорошо—вѣрно и красиво. Жаль только, что Жуковскій нарушилъ замыселъ Уланда, у котораго баллада открывается и заканчивается одной и той же картиной—Карлъ сидитъ у руля и правитъ,—переводя

3: Zum Heiligen Sande steuert er (Карлъ)

черезъ

3: Ихъ путь въ святую землю былъ,

и что имена перовъ онъ не всегда ставилъ въ началѣ строфы, какъ

то сдѣлалъ Уландъ: однообразное изложеніе прекрасно гармонируетъ съ «однообразной» работой Карла.

Другая баллада, *„Роландъ оруженосецъ“* (Uhland, Roland Schildträger), и въ подлинникѣ большая (210), еще увеличена Жуковскимъ—семистрочныя строфы замѣнены восьмистрочными (240). Отъ этого получается, пожалуй, легкая растянутость, которая является единственнымъ недостаткомъ этой баллады, если не считать нѣкоторой тяжеловатости слога, такъ какъ мелкіе недочеты, въ родѣ пропуска названія города, гдѣ пировалъ Карлъ (Ахенъ, 2), и строкъ, характеризующихъ Наима

167 слл.: Hei! Bayrisch Bier, ein guter Schluck,
Sollt' mir gar köstlich munden.

вознаграждаются такими удачными выраженіями, какъ

112: онъ (великанъ) покатился глыбой черной,

что свободно передаетъ

98: dass er zu Boden stürzte.

(Ср. также 73—74 у Жук. и 63—64 у Uhl.).

Отдѣльно среди „историко-поэтическихъ“ балладъ стоятъ „Лѣсной царь“ и „Ночной смотръ“: сюжеты ихъ не принадлежатъ ни къ древнему міру, ни къ средневѣковью.

Баллада *„Ночной смотръ“* (Zeidlitz, Die nächtliche Heerschau) противоположна „Рыцарю Роллону“: тамъ мы имѣемъ сгущеніе красокъ, здѣсь—ослабленіе ихъ. Вотъ, напр., какъ рисуютъ барабанщика Цейдлицъ и Жуковскій:

3 слл.: И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу...
3 слл.: Macht mit der Trommel die Kunde,
Geht emsig auf und ab.
Mit seinen entfleischten Armen
Rührt er die Schlägel zugleich,
Schlägt manchen guten Wirbel и т. д.;

стихи, въ которыхъ описывается конница, оставлены безъ перевода:

29 слл.: Es grinsen die weissen Schädel
Wohl unter dem Helm hervor,
Es halten die Knochenhände
Die langen Schwerter empor.

Отъ такихъ измѣненій пострадала не только живость изложенія; измѣнилась и основная картина. Войско у Цейдлица, это—скелеты съ оружіемъ въ рукахъ, сгнившіе мертвецы на коняхъ; у Жуков-

скаго это — молодцы-егеря, старики гренадеры, сѣдые гусары. Такимъ образомъ „Ночной смотръ“ Жуковскаго—ослабленный, видоизмѣненный „Die nächtliche Heerschau“ Zeidlitz'a.

„Лѣсной царь“ (Goethe, Der Erlkönig), заслуженно пользующійся извѣстностью, прекрасно передаетъ всю красоту оригинала. По изяществу и вѣрности перевода эта баллада не уступаетъ ни „Гаральду“, ни „Суду Божьему надъ епископомъ“, ни „Поликратову перстню“. Однако, нельзя сказать, чтобъ переводъ былъ вполнѣ точенъ; въ немъ много мелкихъ измѣненій, но, читая его, трудно представить себѣ, можно ли лучше перевести.

19 слл.: Meine Töchter führen den nächtlichen Reih'n
Und wiegen und tanzen und singen dich ein

вѣрно и изящно передаетъ

19 слл.: При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять.

Таковы „историко-поэтическія“ баллады Жуковскаго, написанныя не на „классическія“ темы. Погрѣшности противъ исторіи въ нихъ незначительны—средніе вѣка были, очевидно, ближе христіанской душѣ переводчика, чѣмъ Грепія и Римъ; поэтическіе образы подлинниковъ почти всѣ сохранены. Эти баллады вообще стоятъ выше, чѣмъ „религіозныя“ или „классическія“.

5.

Переходную ступень отъ „историческихъ“ балладъ къ „любовнымъ“ занимаетъ *„Ленора“* (Bürger, Lenore), въ которой переплелись и историческій, и религіозный, и любовный (основной) элементы. Эта баллада была, какъ извѣстно, первой переведена Жуковскимъ и пользовалась большимъ успѣхомъ у современниковъ поэта. Однако и въ этой ранней балладѣ замѣчаются тѣ же недостатки, что и въ позднѣйшихъ. Такъ, собственныя имена аккуратно пропускаются

[3: Bist untreu, Wilhelm, oder todt?
= 3: Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
5: Пошелъ въ чужую онъ страну
= 6: Gezogen in die Prager Schlacht.
114: Я ѣду издалека
114: Weit ritt ich her von Böhmen];

любовь теряетъ чувственный характеръ

[210: Побудь со мной на волѣ

передаетъ

119 слл.: Herein, in meinen Armen,
Herzliebster, zu erwarmen;
199 слл.: Скачу, лечу жениться...
Ко мнѣ! Повеселиться!

соотвѣтствуетъ

199 слл.: Tanz uns den Hochzeitreigen,
Wenn wir zu Bette steigen];

выраженіе „брачная постель“ (Brautbett, Hochzeitbett) старательно избѣгается; вмѣсто этого имѣемъ „ночлегъ“ (128), „уголокъ“ (222), „пріютъ“ (138), а то и просто ничего не имѣемъ (136; см. соотвѣтствующія мѣста въ подлинникѣ); рѣзкіе образы смягчаются: das Gesindel Жуковскій переводитъ то черезъ „легкій рой“ (201), то черезъ „плясуны“ (197); стихи

239 слл.: Sein (жениха) Körper zum Gerippe
Mit Stundenglas und Hippe

совсѣмъ не переведены. Интересно отмѣтить, наконецъ, что Ленора постоянно обращается къ матери „другъ“; своего возлюбленнаго она, разумѣется, называетъ также „другъ“ (см. 37, 45, 53, 65, 70, 81, 106, 115, 125, 147).

Баллада, воспѣвающая вѣрность, „*Алонзо*“ (Uhland, Durand—Sängerliebe) переведена тоже вѣрно. Интересно только сопоставить описаніе смерти пѣвца у Жуковскаго и у Уланда. Первымъ введено характерное для него сравненіе. Уландъ даетъ

21 слл.: Doch Durand, der junge Sänger,
Hat darauf (на извѣстіе о смерти
возлюбленной) kein Wort gesprochen.
Ach, sein Aug' ist schon erloschen,
Ach, sein Herz ist schon gebrochen!

Жуковскій передаетъ это такъ

25 слл.: Какъ внезапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ,
Тамъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Баллада „*Рыцарь Тогенбургъ*“ (Schiller, Ritter Toggenburg) написана точно для того, чтобъ ее перевелъ Жуковскій—такъ близка его душѣ тема этого стихотворенія. Рыцарь, узнавъ, что его возлюбленная постриглась въ монастырь, самъ дѣлается подвижникомъ; келья его противъ „ея“ обители; несчастный день и ночь ловитъ образъ „ея“ въ окнѣ, пока его не уноситъ смерть. Монахиня—Марія Про-

тасова; рыцарь—Жуковскій... Особенно интересно при такомъ характерѣ баллады отмѣтить, что скорбь Шиллеровскаго героя ohne Schmerz und Klage (71) замѣнена унылой (56, 79) тоской; тихая надежда (stille Hoffnung, 55)—страстной мукой (55).

Оригиналъ *„Адельстана“* (Southey, Rudiger)—удивительно красивая баллада. Къ сожалѣнію, переводъ ея не вполнѣ удался Жуковскому—снова смягченіе любви, снова измѣненіе образовъ. Красота Лоры описана Жуковскимъ не такъ, какъ Соути. Въ оригиналѣ мы имѣемъ

29 слл.: Was never a maid in Waldhurst's walls
Might match with Margaret;
Her cheek was fair, her eyes were dark,
Her silken locks like jet;

въ переводѣ стоитъ

33 слл.: Межъ красавицами Лора
Въ замкѣ Алленѣ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души душой была.

Высокопоэтическаго образа—бѣлаго лебедя, запряженнаго серебряной цѣпью въ лодку, въ которой подъ малиновымъ балдахиномъ спитъ юный прекрасный рыцарь, Жуковскій не оцѣнилъ, безжалостно переведя

9: слл.: So as they stray'd a swan they saw
Sail stately up and strong,
And by a silver chain he drew
A little boat along и т. д.

черезъ

13 слл.: Вдругъ плыветъ, къ ладьѣ прикованъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ.

(Ср. также 115—116 Жук. и 110—112 Southey).

Стихи, въ которыхъ разсказывается, какъ Лора не пускала ребенка (169 слл.: And round the baby fast and close Her trembling arms she folds, And with a strony convulsive grasp The little infant holds) опущены; зато въ описаніе вечера упорно вводится луна.

[83 слл.: Онъ зоветъ съ собою Лору
Встрѣтить мѣсяца восходъ
=79 слл.: He called upon his Margaret
To walk beside the Rhine]

Тѣ же измѣненія, что въ *„Адельстанѣ“*, встрѣчаются и въ *„До-*

никъ" (Southey, Donica). Красота героини баллады, напр., описана не такъ, какъ у Соути. У того мы имѣемъ

27 слл.: Donica was the Maiden's name,
As fair as fair might be.
A bloom as bright as opening morn
Flush'd o'er her clear white cheek;
The music of her voice war mild
Her full dark eyes were meek...

Жуковскій даетъ

27 слл.: Плѣнялось все красой его Доники:
Лицо—какъ день, глаза—какъ ночь.
И рыцарей толпа предъ ней тѣснилась:
Всѣ душу приносили въ даръ и т. д.

Эврара Доника зоветъ, конечно, „другъ" (70), гуляетъ съ нимъ „рука съ рукою"—выраженіе, любимое Жуковскимъ (38, Адельстанъ 89 и др.); любовь ея скромна: она пламенѣетъ въ груди и таетъ въ очахъ (45 слл.), тогда какъ у Соути

49 слл.: Youth, health, and love blom'd on her cheek;
Her full dark eyes express
In many a glance to Eberhard
Her soul's meek tenderness.

Изъ Вальтеръ-Скотта Жуковскій также переводилъ—ему принадлежитъ оригиналъ баллады „*Замокъ Смальгольмъ*" (Scott, The eve of St. John). Переводъ въ общемъ хорошъ, хотя собственныя имена въ этой балладѣ, пожалуй, чаще, чѣмъ въ другихъ, пропускаются

[27 слл.: И три раза свиснулъ, и пажъ молодой
На условленный свистъ прибѣжалъ
=27 слл.: And he whistled thrice for his little foot-page,
His name was English Will.
38: Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ
=37 слл.: ... the lonely light
That burns on the wild Watehfold.
44: На вершину пустынную скалъ
=44: To the airy Beacon Hill (ср. 59=60)
85: Онъ уйдетъ къ той порѣ
=86: For to Dryburgh the way he has ta'en.
(123 совсѣмъ опущенъ)
117: Гдѣ бѣжитъ и шумитъ подъ утесами Твидъ
= Where fair Tweed flows round holy Melrose.
131: на поля, небеса
=132: And all down Teviotdale (см. 107, 161)],

слово „спальня" (bower) избѣгается

[63: And say, come this night to thy lady's bower
72: In thy bower I may not be.
=63: Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ.
72: Я пойду... мнѣ товарища нѣтъ],

и иногда встрѣчаются „сентиментальности":

29 слл.: Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣни мои;
Ты младенецъ, но ты откровененъ душой,
И слова непритворны твои.
29 слл.: Come thou hither, my little foot-page,
Come hither to my knee;
Though thou art young, and tender of age,
I think thou art true to me.

„Алина и Альсимъ" (Moncrif, Les constantes amours d'Alix et d'Alexis)—единственная баллада, переведенная съ французскаго. Изящные стихи подлинника переданы довольно легко и непринужденно; съ точки зрѣнія точности перевода баллада также хороша. Правда, сцена, гдѣ мужъ уходитъ, оставивъ женѣ кошелекъ съ тѣмъ, чтобъ она купила, что ей хочется, довольно замѣтно разнится отъ оригинала

[91 слл.: Купи, что хочешь: ожерелье,
Цѣпочку, шаль,
Или жемчугъ у Армянина—
Вотъ кошелекъ.
Я скоро возвращусь, Алина,
Прости дружекъ.
89 слл.: Baise moi, moutonne chérie,
Je vais au plaid;
Tiens, prens de cette orfévrerie
Ce qui te plaît.
L'argent n'est que pour qu'on se donne
Quelque bon temps
(=89—90: На что намъ деньги? На веселье.
Кому ихъ жаль?):
N'épargne rien; voilà, mignonne,
Vingt écus blancs. Ср. 85—86];

„Всевышняго Судіи" (219—220) у Монкрифа нѣтъ; седьмая строфа передана Жуковскимъ очень свободно

[49 слл.: Какъ смирный агнецъ на закланье
Вся убрана;
Вокругъ веселье, ликованье—
Она грустна.

Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать даритъ:
Напрасно... прежняго веселья
Не возвратитъ.
49 слл.: Le soir, plus grande fâcherie
Saisit son coeur.
Sa mére la tanse et la crie
Toute en fureur.
Tout comme une brebis qu'on mène
Droit au bûcher,
La pauvrette, en pleurant se traîne
Pour se coucher],

а любовь въ переводѣ изображена нѣсколько иначе, чѣмъ въ оригиналѣ: снова „обмѣнъ душъ"

[18 слл.: „Мнѣ милъ Альсимъ,
Давно я въ тайнѣ помѣнялась
Душею съ нимъ;
Давно „люблю" ему сказала;
Дай счастье намъ".
=19 слл.: A deux genoux, un jour demande
Son Alexis.
Maman, il faut par complaisance
Nous marier]

и „другъ милый" (31, 48, 194, 207)—все же баллада „Алина и Альсимъ"—одна изъ удачныхъ. То, что Жуковскій оставилъ послѣднюю строфу безъ перевода, пожалуй, только улучшаетъ стихотвореніе. Вотъ эта послѣдняя строфа:

233 слл.: Après si triste tragédie,
Tout sage Epoux
Ne peut, de sa moitié chérie,
Etre jaloux.
S'il trouve un Marchand d'Arménie
Prenant sa main
Il dit: C'est qu'on le congédie,
J'en suis certain.

Какъ видимъ, во всѣхъ „любовныхъ" балладахъ повторяется одинъ и тотъ же недостатокъ: любовь, изображенная въ переводахъ,—не та, которую мы имѣемъ въ подлинникахъ; въ ней почти нѣтъ элемента чувственности: это любовь самого Жуковскаго.

6.

„Алиной и Альсимомъ" можно закончить разсмотрѣніе переводныхъ балладъ Жуковскаго. Есть, правда, еще баллады, для кото-

рыхъ можно указать оригиналы—„Рыбакъ“, напр.,—но это уже подражанія, а не переводы.

Между подражаніями и переводами не только та разница, что въ первыхъ съ оригиналомъ обращаются свободнѣе, чѣмъ во вторыхъ. Подражая какому либо произведенію, художникъ сознаетъ, что онъ творитъ свое, вдохновленный чужою идеей; онъ свободно и откровенно высказываетъ тогда свои мысли, свои чувства. Иное дѣло—переводъ. Здѣсь художникъ связанъ; его вдохновенію, фантазіи простора нѣтъ; онъ обязанъ передать чужія мысли чужими же словами, и его собственныя переживанія, если и проникаютъ въ переводъ, то обычно противъ воли переводчика. Разумѣется, иногда поэтъ сознательно измѣняетъ подлинникъ, но нельзя отрицать, что огромная часть перемѣнъ, особенно незначительныхъ, обусловлены незамѣтнымъ для самого переводчика проникновеніемъ его настроеній въ переводъ.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ строго разграничивать переводы и подражанія.

Такой характеръ большинства отступленій въ переводахъ отъ подлинниковъ придаетъ наблюденіямъ надъ этими отступленіями большую цѣнность—мы имѣемъ въ нихъ проявленіе нерѣдко самыхъ затаенныхъ и, стало быть, самыхъ глубокихъ и характерныхъ для переводчика мыслей,—и при выводахъ это слѣдуетъ учесть.

Еще одно соображеніе слѣдуетъ имѣть въ виду, прежде чѣмъ къ нимъ перейти. Всякаго поэта, переводчика нужно цѣнить съ исторической точки зрѣнія. Мы не имѣемъ права, напр., упрекать Жуковскаго за тѣ выраженія, которыя намъ не нравятся; еще менѣе мы можемъ требовать отъ него такого пониманія исторіи, какое существуетъ теперь. Къ Жуковскому мы можемъ примѣнить только, такъ сказать, мѣрку его эпохи и его оригиналовъ.

Итакъ, къ какимъ выводамъ насъ приводитъ разсмотрѣніе переводныхъ балладъ Жуковскаго?

Это разсмотрѣніе, обнаружившее, какъ разнообразны въ балладахъ отступленія отъ подлинниковъ, показываетъ, что часто повторяемыя относительно переводовъ Жуковскаго фразы, въ родѣ „поэтъ передавалъ общій духъ произведенія, хотя и позволялъ себѣ различныя отступленія“,—слишкомъ неопредѣленны.

Не говоря уже о томъ, что у Жуковскаго есть много вѣрныхъ и точныхъ переводовъ, самое „приспособленіе“ оригинала можетъ быть различнымъ: оно можетъ касаться или формы (измѣненіе размѣра, напр.), или содержанія; въ послѣднемъ случаѣ измѣненію под-

вергается или основная мысль произведенія, такъ сказать, дѣйствіе или побочные образы, декораціи...

Сопоставленіе балладъ Жуковскаго съ оригиналами для характеристики его, какъ переводчика, даетъ болѣе осязательные результаты.

Подведя итоги, можно сказать:

I. Жуковскій—поэтъ личныхъ настроеній; этимъ объясняется въ переводахъ балладъ

а) частый пропускъ собственныхъ именъ,

б) подробностей въ описаніяхъ и т. п.

II. Настроенія эти—христіанскія, религіозно-нравственныя; этимъ обусловлено

а) недостаточное пониманіе Жуковскимъ древняго міра,

б) идеализація любви.

III. Въ Жуковскомъ былъ цѣнитель чистой красоты; это видно изъ

а) удачныхъ переводовъ,

б) созданія новыхъ образовъ.

Разсмотрѣніе балладъ даетъ, однако, гораздо больше иллюстрацій къ первымъ двумъ положеніямъ, чѣмъ къ послѣднему: моралистъ губилъ въ Жуковскомъ художника.

В. Каллинскій.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ М. В. ЛОМОНОСОВА ВЪ ОБЛАСТИ ГЕОГРАФІИ РОССІИ.

27-го марта 1758 г. Ломоносову поручено было „имѣть особливое прилежное стараніе и смотрѣніе за академическимъ географическимъ департаментомъ". Но дѣятельность его для географическаго департамента началась нѣсколько раньше, именно со времени назначенія въ 1757 г. совѣтникомъ канцеляріи Академіи Наукъ, и выразилась главнымъ образомъ участіемъ въ составленіи инструкціи для географическаго департамента, въ которой изложены обязанности академиковъ, состоявшихъ въ этомъ департаментѣ, и главная цѣль ихъ дѣятельности. Инструкція состоитъ изъ 15 п.; изъ нихъ главнѣйшіе слѣдующіе: 1. Профессора и адъюнкты этого департамента должны собираться одинъ разъ въ недѣлю для разсужденія о дѣлахъ, касающихся географіи. 2. Профессора—каждый по своей спеціальности—выбирая новѣйшее и достовѣрнѣйшее, показываютъ адъюнктамъ извѣстія, необходимыя къ сочиненію новыхъ и исправленію прежнихъ географическихъ картъ; адъюнкты же упражняются въ составленіи картъ на основаніи имѣющихся въ географическомъ департаментѣ или по сообщеннымъ профессорами запискамъ и извѣстіямъ, сообща одобреннымъ. 3. Сдѣланное адъюнктами и студентами послѣ собранія разсматривается въ слѣдующемъ засѣданіи, и для будущаго засѣданія назначается все, что можетъ касаться до исправленія россійской географіи. Но самое главное въ этой инструкціи—это пункты относительно исправленія россійскаго атласа. 11. „Понеже поправленіе россійскаго атласа имѣетъ быть главнѣйшимъ намѣреніемъ географическаго департамента, того ради членамъ онаго въ ихъ собраніяхъ одну часть россійской генеральной карты за другою порядочно разсмотрѣть, сличая при томъ всѣ имѣющіяся объ оныхъ мѣстахъ извѣ-

стія. Что въ печатномъ атласѣ окажется неправильно положенное, которое по другимъ достовѣрнымъ и новѣйшимъ извѣстіямъ поправлено быть должно, оное въ журналѣ для будущаго поправленія обстоятельно записать, а о которыхъ мѣстахъ совсѣмъ никакого извѣстія нѣтъ или хотя и есть токмо недостаточно или недостовѣрно, объ оныхъ представить академической канцеляріи, дабы она о доставаніи оныхъ чрезъ предлагаемыя средства и пути стараніе свое приложила". 12. „При вступленіи въ дѣйствительное поправленіе какой-либо специальной карты, прилежно разсмотрѣть употребляемыя къ тому извѣстія, и когда основаніе оныхъ за достаточное признано будетъ, то о употребленіи оныхъ записать въ журналъ, а безъ того, по однѣмъ только догадкамъ въ россійскомъ атласѣ ничего не перемѣнять". 13. „Когда вышеписаннымъ образомъ какая карта совсѣмъ исправлена и окончена будетъ, то тому, кто оную сочинялъ, предложить ее собранію и показать учиненныя въ ней поправки со всѣми обстоятельствами и резонами, а потомъ всѣмъ членамъ подписать на ней свою аппробацію и при репортѣ подать въ канцелярію для вырѣзыванія на мѣди" [1]). Итакъ, по этой инструкціи, „поправленіе россійскаго атласа" признано было „главнѣйшимъ намѣреніемъ географическаго департамента". Вотъ какія правила выработаны были для его исправленія.

Изъ кого же состоялъ географическій департаментъ при вступленіи Ломоносова въ завѣдываніе имъ и какія у него установились отношенія къ его членамъ? Послѣднихъ было: два академика: исторіографъ Миллеръ и астрономъ Августъ Натаніель Гришау, называвшійся въ русскихъ академическихъ документахъ Гришовымъ, и два адъюнкта Шмидтъ и Трускотъ. Отношенія къ Ломоносову его сочленовъ не могли быть дружелюбны: Миллеръ могъ только враждебно относиться къ нему какъ по причинѣ всей предыдущей ихъ взаимной вражды, такъ и потому, что въ географическомъ департаментѣ Ломоносовъ занялъ мѣсто Миллера. Не могъ питать къ Ломоносову дружелюбныхъ чувствъ и Гришау по слѣдующей причинѣ. Нужно сказать, что послѣдній, женившись на нѣмкѣ изъ Прибалтійскаго края, часто отпрашивался туда и проживалъ долгое время на о. Эзелѣ подъ предлогомъ, что онъ долженъ дѣлать астрономическія наблюденія на этомъ островѣ, такъ что академіи неоднократно приходилось вызывать оттуда и съ подтвержденіями своего астронома. Отправился туда

[1]) *Пекарскій*, Исторія Императорской Академіи Наукъ, II, 629—631.

Гришау въ 1757, а затѣмъ и въ слѣдующемъ году и, очевидно, зажился тамъ такъ долго, что академіи пришлось вызвать его, при чемъ на пути въ С.-Петербургъ ему поручено было произвести астрономическія наблюденія надъ широтою и долготою гг. Пернова и Дерпта.

На это предложеніе академіи Гришау отвѣтилъ рапортомъ отъ 24-го марта, въ которомъ приводилъ неосновательныя отговорки въ родѣ того, что онъ не можетъ производить астрономическія наблюденія вслѣдствіе частаго повторенія неясной погоды, и что-де небо не въ его командѣ, при томъ онъ и не обязанъ дѣлать наблюденія, а если ихъ и производитъ, то только изъ угожденія его сіятельству г. президенту; кромѣ того, онъ надоѣдалъ академической канцеляріи пустыми запросами относительно починки телѣгъ, бывшихъ подъ инструментами, и другими мелочами, которыя онъ могъ бы сдѣлать и безъ академическихъ ордеровъ. На основаніи всего изложеннаго канцелярія пришла къ заключенію, что Гришау „въ островъ Эзель старается ѣздить больше для своихъ прихотей, нежели для пользы академіи". И за эти „неосновательныя вымышленныя и грубыя отговорки и ослушаніе команды" ему рѣшено было „объявить, чтобы впредь такихъ вымышленныхъ отговорокъ и грубыхъ упорностей противъ повелѣнія команды не дѣлалъ, опасаясь неизбѣжнаго штрафа по указамъ за преслушаніе команды" [1]). Очень естественно, что хотя Гришау самъ былъ виноватъ въ томъ, что заслужилъ выговоръ, но тѣмъ не менѣе онъ могъ только враждебно относиться къ Ломоносову, главному виновнику этого выговора. Такимъ образомъ, взаимныя отношенія членовъ географическаго департамента не предвѣщали дружной работы для общаго дѣла: ни Миллеръ, ни Гришау засѣданій департамента не посѣщали, какъ того требовала инструкція. Это ненормальное явленіе должно было вызвать открытое столкновеніе между послѣдними и Ломоносовымъ, которое вскорѣ дѣйствительно и произошло. 6-го октября 1759 г. посланъ былъ изъ академической канцеляріи въ географическій департаментъ указъ за подписью Ломоносова съ требованіемъ обстоятельно увѣдомить, что сдѣлано въ департаментѣ со времени утвержденія составленной для него инструкціи. На этотъ запросъ адъюнкты Трускотъ и Шмидтъ представленіемъ отъ 15-го октября объяснили, что о партикулярныхъ трудахъ академиковъ Миллера и Гришау имъ ничего не извѣстно, такъ какъ они въ собраніи не были; и хотя Гришау доложилъ собранію о сдѣланныхъ имъ на пути съ

---

[1]) *Пекарскій*, II, 638—641.

о. Эзеля опредѣленіяхъ широты Пернова и Дерпта и указалъ на необходимость исправленія этихъ данныхъ въ географіи, однако, при этомъ „собранію публично объявилъ, что онъ къ собранію географическихъ картъ не обязанъ, а гднъ проф. Миллеръ въ томъ согласенъ и объявилъ, что ему дѣйствительно нужды нѣтъ до географическаго департамента, чего ради и собранія не было, въ которомъ бы можно было пересмотрѣть для вырѣзанія на мѣди въ готовности находящіяся карты". Получивъ это донесеніе, Ломоносовъ 19-го октября послалъ президенту Академіи Наукъ, которымъ въ то время былъ графъ К. Разумовскій, обширное представленіе, въ которомъ пишетъ, что адъюнктами географическаго департамента сочинены ландкарты, которыя по силѣ инструкціи и по справедливости должны быть разсмотрѣны и освидѣтельствованы профессорами Миллеромъ и Гришау, „дабы по нагрыдорованіи и напечатаніи никакого не воспослѣдовало неудовольствія". Однако, несмотря на неоднократныя объ этомъ напоминанія со стороны Ломоносова, они отказывались заняться ихъ разсмотрѣніемъ—Миллеръ подъ предлогомъ, что ему до географическаго департамента нѣтъ дѣла, а Гришау рѣдко, только случайно, приходитъ въ департаментъ, надѣясь на свой контрактъ, въ которомъ о географическомъ департаментѣ дѣйствительно не упомянуто. А такъ какъ отъ этого происходитъ величайшая задержка въ изданіи атласа, то Ломоносовъ находитъ возможнымъ уволить Миллера изъ географическаго департамента, какъ человѣка, не настолько свѣдущаго въ математикѣ, чтобы онъ могъ исправлять ландкарты, да къ тому же не имѣющаго и охоты къ данному труду, обязавъ его, однако, представить въ географическій департаментъ географическія извѣстія, собранныя имъ во время путешествія по Сибири; а такъ какъ для правильнаго наименованія урочищъ долженъ быть природный русскій, то Ломоносовъ рекомендуетъ опредѣлить въ географическій департаментъ русскихъ профессоровъ, знающихъ математику и астрономію, Попова и Котельникова. Что касается до Гришау, то ему слѣдуетъ дать указъ, въ которомъ упомянуть, „что онъ въ контрактѣ обязался стараться о приращеніи географіи и поступать по регламенту, въ которомъ астрономія и географія соединяются, и что отъ сочиненія Россійскаго атласа много зависитъ честь Академіи, которую онъ наблюдать обязался". Вслѣдствіе этого представленія Ломоносова отъ Гришау и Миллера канцелярія потребовала объясненій, почему они, вопреки инструкціи, данной географическому департаменту, уклонялись отъ присутствованія въ немъ. На это требованіе Гришау отвѣ-

тилъ, что онъ отъ работъ въ географическомъ департаментѣ не уклонялся. „Всему свѣту извѣстно, пишетъ онъ, что всѣ при И. А. Н. въ географіи учиненныя исправленія единственно имъ произведены, а адъюнкты двоеныя употребляютъ рѣчи, потому что и сами признаваются, что онъ сдѣланныя на пути наблюденія и прочія собранныя извѣстія подалъ въ собраніе, такожъ оному предлагалъ и другіе проекты до географіи касающіеся“. Кромѣ того онъ, Гришау, сообщилъ много вычисленій о положеніи разныхъ мѣстъ, давалъ наставленія къ исправленію карты Камчатки, подалъ составленную имъ карту о. Эзеля, много содѣйствовалъ исправленію карты Лифляндіи, сообщая свои наблюденія адъюнкту Шмидту при составленіи имъ этой карты. Составлять карты—это не его дѣло; но для аппробаціи ему не послано было ни одной карты, и хотя Шмидтъ обѣщалъ прислать ему карту Лифляндіи, однако не прислалъ. Не считалъ Гришау необходимымъ каждую недѣлю приходить въ собраніе, потому что тамъ нѣтъ людей, съ которыми онъ могъ бы разсуждать о географическихъ дѣлахъ, да объ этихъ собраніяхъ его никто и не увѣдомлялъ. Въ виду вышеизложеннаго онъ утверждаетъ, что какъ астрономъ, онъ обязанности свои выполнилъ исправно; но впрочемъ проситъ ради слабости зрѣнія и грудной болѣзни освободить его отъ занятій, касающихся географіи.

Миллеръ въ своемъ возраженіи отрицалъ, будто бы онъ говорилъ, что ему до географическаго департамента нужды не имѣется, писалъ, что онъ ходилъ въ географическій департаментъ часто и говорилъ адъюнктамъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать; Трускоту поручилъ составить карту Оренбургской губерніи, на основаніи матеріаловъ, хранившихся въ академическомъ архивѣ; затѣмъ въ архивъ географическаго департамента передалъ много ландкартъ, въ совѣтахъ адъюнктамъ, что имъ дѣлать и какъ поступать при составленіи картъ, не отказывалъ, только они его не слушаютъ. По словамъ Миллера, онъ бываетъ въ академіи ежедневно, только Трускотъ и Шмидтъ его ни о чемъ не спрашиваютъ. Поэтому онъ теперь сталъ рѣже ходить въ географическій департаментъ главное потому, что занятъ многими другими дѣлами по конференцъ-секретарской и исторіографической должности и по изданію книгъ. Поэтому онъ намѣренъ просить вовсе уволить его отъ обязанности посѣщать географическій департаментъ. Но все-таки онъ не отказывается подавать свое мнѣніе на счетъ приготовленныхъ для вырѣзанія на мѣди географическихъ картъ, если только онѣ будутъ сообщены ему на домъ, а равно готовъ, когда потребуется, служить и своими совѣтами. На эти объясненія послѣдовало

отъ 11-го февраля 1760 г. опредѣленіе, въ которомъ указано было, что своими рапортами Миллеръ и Гришау „приносятъ одну только отговорку, за что надлежало ихъ штрафовать вычетомъ изъ жалованья, однакожъ, почитая оное ихъ неисполненіе за первый случай, штрафа имъ не чинить, а подтвердить наикрѣпчайше, чтобы какъ они..., такъ и прочіи того департамента члены неотмѣнно по данной оному департаменту инструкціи исполненіе чинили, подъ опасеніемъ неупустительнаго штрафа". Члены должны собираться по пятницамъ съ начала 10 ч. утра. Для „вспомоществованія" дѣлу департаментъ усиленъ былъ назначеніемъ третьяго члена—профессора Котельникова [1]). Такимъ образомъ попытка Ломоносова освободиться отъ Миллера кончилась неудачей, и, какъ увидимъ дальше, не къ пользѣ для дѣла и ко вреду для самого Ломоносова [2]).

Дѣятельность Ломоносова, какъ завѣдывающаго географическимъ департаментомъ, направлена была главнымъ образомъ къ составленію атласа Россійской имперіи [3]). Внѣ сферы академической дѣятельности стоятъ его заботы о снаряженіи экспедиціи для рѣшенія вопроса о возможности пройти изъ Сѣвернаго Ледовитаго океана въ Тихій и далѣе въ Индію [4]).

[1]) *Билярскій*, Матеріалы для біографіи Ломоносова. 394—402.

[2]) Распри между Миллеромъ и Ломоносовымъ продолжались и впослѣдствіи и въ январѣ 1763 г. дали поводъ къ изданію президентомъ академіи ордера объ устраненіи Ломоносова отъ управленія географическимъ департаментомъ и порученію его Миллеру; и хотя „оной ордеръ" по выраженію Ломоносова „не произведенъ въ дѣйствіе" (*Билярскій*, 088), тѣмъ не менѣе это распоряженіе, безъ сомнѣнія, причинило ему немало хлопотъ и испортило много крови.

[3]) Ломоносовъ ставитъ себѣ въ заслугу, какъ завѣдывающему географическимъ департаментомъ, обученіе русскихъ геодезистовъ и студентовъ, находившихся при департаментѣ, искусству сочинять карты, чего прежде, по его утвержденію, канцелярія не могла добиться. Прежде правилъ для проектированія и сочиненія картъ студентамъ не показывали, только учили ихъ копировать карты въ увеличенномъ или уменьшенномъ масштабѣ. Ломоносовъ приказалъ адъюнктамъ показывать русскимъ геодезистамъ и студентамъ способъ сочиненія ландкартъ и проекцій, чтобы они могли дѣлать ихъ сами и современемъ заступить мѣсто адъюнктовъ. Благодаря этому, по заявленію Ломоносова въ 1763 г., „нѣкоторые геодезисты сами отъ себя сочиняютъ карты, могутъ при всякихъ географическихъ дѣлахъ быть употреблены съ пользою и добрую надежду подаютъ достойными быть географами" (*Билярскій*, 576, 581, 582, 584). Это могло имѣть значеніе въ будущемъ. И дѣйствительно, когда въ 1764 г. вновь возникъ вопросъ о снаряженіи астрономическихъ экспедицій, Ломоносовъ рекомендовалъ и своихъ геодезистовъ и гимназистовъ для съемки ландкартъ. (Тамъ же, 675).

[4]) Какъ результатъ частныхъ занятій Ломоносова географіей было устройство

А. Дѣятельность Ломоносова по изданію атласа Россіи.

Никогда враждебныя отношенія между членами географическаго департамента и Ломоносовымъ не проявлялись такъ рельефно, какъ при разрѣшеніи вопроса о печатаніи приготовленныхъ въ исправленномъ видѣ картъ новаго атласа. Мы уже знаемъ, что адъюнкты Трускотъ и Шмидтъ занимались изготовленіемъ картъ для новаго атласа; происходило это на основаніи инструкціи географическому департаменту, потому что его главное дѣло было „поправленіе, или лучше сказать, вновь сочиненіе: ибо въ старомъ атласѣ погрѣшности и недостатки столь велики, что не токмо многія имена мѣстъ и положенія ложно поставлены; но знатныя урочища пропущены и цѣлыя уѣзды, многолюдными волостьми поселенныя, пусты представлены; и сверхъ сего знатныя губерніи, какъ Санктпетербургская и завоеванные провинціи, вмѣщены только на одной картѣ". Для того, „чтобы показать въ другихъ государствахъ, что наше отечество не такъ пусто и безнародно, какъ на атласѣ нашемъ представлено", въ географическомъ департаментѣ, по распоряженію Ломоносова, стали составлять, на основаніи имѣвшихся въ географическомъ архивѣ матеріаловъ, въ большомъ форматѣ новыя карты губерній: С.-Петербургской, Лифляндской, Эстляндской и Новгородской [1]).

Въ двухъ первыхъ засѣданіяхъ географическаго департамента, единственно полныхъ, при участіи Миллера, Гришау (коихъ я, замѣчаетъ Ломоносовъ, чуть къ тому упросилъ), Котельникова, Трускота и Шмидта, было опредѣлено количество общихъ и спеціальныхъ картъ, и была выбрана Гаазова проекція градусовъ. Когда такимъ образомъ выработанъ былъ планъ составленія атласа, адъюнктъ Шмидтъ началъ работать надъ составленіемъ картъ и довольно успѣшно, такъ

имъ глобуса; но объ этомъ извѣстно очень мало: 27-го ноября 1763 г. Ломоносовъ подалъ въ канцелярію заявленіе о томъ, что онъ приготовилъ глобусъ въ 2 фута въ діаметрѣ съ раздѣленіями градусовъ и прочихъ географическихъ линій, и что къ нему уже готовы и географическія части на 4 листахъ для его оклейки. Проситъ награвировать и отпечатать на его счетъ до 1.000 экз. Постановлено: карты вырѣзать какъ можно скорѣе. (*Билярскій*, 623). Будиловичъ (Ломоносовъ, какъ писатель, 58 стр.) предположительно считаетъ „Карту о Россійскомъ Государствѣ", переплетенную для Ломоносова въ 1759 г. (*Ламанскій*, Ломоносовъ и Петерб. Акад. Н. Чт. М. О. И. 1865, 189), сочиненной подъ его руководствомъ; но Ломоносовъ впослѣдствіи нигдѣ о ней не упоминаетъ, а поводовъ къ тому было много. Кромѣ того у насъ и послѣ смерти Ломоносова Россійскихъ картъ не было.

[1]) *Билярскій*, 396.

что къ январю 1763 г. имъ изготовлено было девять спеціальныхъ картъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были готовы еще въ октябрѣ 1759 г. Ломоносовъ торопилъ работой; такъ 22-го мая 1761 г. Академической канцеляріей опредѣлено было подтвердить указомъ географическому департаменту о немедленномъ окончаніи карты С.-Петербургской губерніи [1]). Но препятствія являлись къ печатанію картъ съ другой стороны.

По инструкціи географическаго департамента, исправленныя карты должны быть до печатанія аппробованы общимъ собраніемъ академиковъ; но несмотря на неоднократныя представленія объ этомъ Ломоносова дѣло оттягивалось или просто „молчаніемъ или будто бы поспѣшеніемъ другихъ дѣлъ канцелярскихъ маловажныхъ и до наукъ ничего не подлежащихъ". Но академики не ограничивались пассивнымъ сопротивленіемъ; они проявляли свою вражду къ Ломоносову и его дѣлу и активно; такъ карта С.-Петербургской губерніи, объ окончаніи которой такъ хлопоталъ Ломоносовъ, „многими прибавленіями увеличенная и исправленная несравненно передъ прежнею", по распоряженію членовъ канцеляріи взята была безъ вѣдома Ломоносова изъ гравировальной палаты, хотя оставалось награвировать одни только названія мѣстъ. Иногда академики входили въ мелочную критику картъ, и хотя Ломоносовъ доказывалъ, что на свѣтѣ нѣтъ ни одной карты безъ погрѣшностей, всѣхъ же погрѣшностей и недостатковъ не исправить и въ тысячу лѣтъ [2]) и что публика должна быть довольна, если будетъ изданъ вдвое противъ прежняго исправнѣе и полнѣе Россійскій атласъ, однако онъ ничего не могъ подѣлать, „и произведеніе атласа въ печать остановилось только одною очевидною завистью". Иногда назначали собранія для разсмотрѣнія атласа, но эти собранія похожи были скорѣе на издѣвательство и насмѣшку; такъ въ мартѣ (15-го или 20-го) 1762 г., когда Ломоносовъ былъ тяжко боленъ и, слѣдовательно, не могъ лично присутствовать на засѣданіи, по канцелярскому указу была собрана чрезвычайная конференція для разсмотрѣнія ландкартъ, составленныхъ Шмидтомъ. Послѣ этого собранія Миллеръ подалъ въ канцелярію рапортъ, что эти карты для печатанія негодны, рапортъ необстоятельный, имѣющій единственную цѣль остановить печатаніе атласа и тѣмъ воспрепятствовать изданію этого важнаго и полезнаго для отечества дѣла. Что Ломоносовъ въ

[1]) Тамъ же, 511.

[2]) Въ видахъ постепеннаго усовершенствованія атласа Ломоносовъ считалъ необходимымъ повторять его изданіе въ исправленномъ видѣ періодически, чрезъ 20 л., послѣ каждой ревизіи. (*Билярскій*, 658).

данномъ случаѣ былъ правъ, доказательствомъ служитъ то, что впослѣдствіи эти карты тѣмъ же академическимъ собраніемъ были одобрены для печатанія [1]). Какія возраженія дѣлались противъ ландкартъ, приготовленныхъ Шмидтомъ, въ мартовскомъ засѣданіи 1762 г., мы не знаемъ, но можемъ предполагать, что собственноручная записка Ломоносова отъ 27-го августа того же года является какъ бы отвѣтомъ на эти возраженія: „Грыдорованіе и печатаніе сочиненныхъ картъ къ Россійскому атласу стоитъ уже два года только за одною аппробаціею конференціи. А оная тянется безъ всякой причины. Къ поправленію Россійскаго атласа больше ничего не требуется, какъ первое, чтобъ сочинитель показалъ оригиналы, изъ которыхъ онъ собралъ сочиненную имъ карту, что они самые въ нынѣшнее время лучшіе и что положены на новую карту исправно и вѣрно. 2) Чтобъ имена были, сколько изъ имѣющихся извѣстій возможно, исправны. 3) Чтобъ расположеніе было по принятой за благо газовой проекціи. 4) Чтобъ всѣ въ сочиненіи и изданіи употребительные знаки городовъ, деревень, дорогъ и протчаго были исправны. Когда сочиненныя въ географическомъ департаментѣ карты имѣютъ всѣ помянутыя достатки, то должно ихъ неукоснительно отдать въ дѣло, для народной пользы и для чести Академіи; будежъ явятся недостатки, немедленно велѣть поправить, и отдать въ дѣло. А долѣе не коснѣть и тѣмъ не чинить ущербу казнѣ и чести академической“ [2]). Такимъ образомъ въ этой запискѣ Ломоносовъ выразилъ свой принципіальный взглядъ на тѣ требованія, которыя слѣдуетъ предъявлять къ издаваемому атласу. Этотъ взглядъ впослѣдствіи постоянно проводился академической канцеляріей.

Но и послѣ этого представленія Ломоносова дѣло печатанія географическихъ картъ нисколько не подвинулось впередъ. Поэтому академическая канцелярія вновь назначила на 16-ое января 1763 г. чрезвычайное собраніе профессоровъ и адъюнктовъ, при чемъ указывалось, что въ собраніи 15-го марта 1762 г. хотя карты для новаго Россійскаго атласа и разсмотрѣны были профессорами Миллеромъ, Эпинусомъ, Цейгеромъ, Котельниковымъ и адъюнктомъ Трускотомъ, однако о результатахъ своего разсмотрѣнія они рапортовали необстоятельно и сомнительно, а потому невозможно сдѣлать и опредѣленія объ отдачѣ ихъ въ печать; поэтому велѣно было вновь разсмотрѣть карты, изготовленныя Шмидтомъ; при чемъ рекомендовалось наблюдать, чтобъ какъ

---

[1]) Тамъ же, 577, 578, 583, 584. Ч. М. О. И., 1865, I, 95.
[2]) Тамъ же, 568.

разсужденіе о проекціи, которая уже давно аппробована и по которой Шмидтъ въ дѣло производитъ, также и мелочныя неисправности, безъ каковыхъ ни одной ландкарты на свѣтѣ не найдется, оставить, а вникать въ самое главное дѣло, то есть изъ какихъ документовъ и оригиналовъ „въ разсужденіи положенія мѣстъ“ онъ, Шмидтъ, сочинялъ тѣ карты и соотвѣтствуютъ ли онѣ тѣмъ оригиналамъ. „Собраніе должно послать свой рапортъ съ яснымъ показаніемъ, за общими руками, дабы канцелярія могла опредѣленіе единственно учинить къ изданію въ печать оныхъ картъ“. Но на этотъ разъ замедленіе произошло по винѣ самого Ломоносова: на засѣданіе 16-го января, на которомъ долженъ былъ рѣшаться вопросъ, нужно ли гравировать географическія карты Лифляндіи, исполненныя Шмидтомъ, онъ не явился, прислалъ записку о своей болѣзни съ просьбой отложить засѣданіе до слѣдующей недѣли; но и на слѣдующей недѣлѣ собраніе не состоялось по той же причинѣ [1]). Вопросъ объ изданіи картъ поднялся вновь въ историческомъ собраніи 10-го марта 1763 г.; на этомъ собраніи присутствовали: Ломоносовъ, Миллеръ, Браунъ, Поповъ, Цейгеръ, Эпинусъ, Котельниковъ и Румовскій. Когда Миллеръ докладывалъ письмо Линнея, подошедшій въ это время Ломоносовъ прервалъ чтеніе, говоря, что онъ имѣетъ предложить другое и нужнѣйшее дѣло—именно, чтобы освидѣтельствовать составленныя адъюнктомъ Шмидтомъ географическія карты и напечатать ихъ, для чего давно надлежало быть собранію; а что въ отсутствіе его, Ломоносова, въ академическомъ собраніи 20-го марта прошедшаго года „въ разсужденіи оныхъ картъ здѣлано, то все пустое“. При этомъ Ломоносовъ повторилъ тѣ же самыя требованія къ составленнымъ картамъ, которыя имъ были изложены въ представленіи 27-го августа 1762 г.; а вмѣсто этого, говорилъ онъ, найдены нѣкоторыя погрѣшности въ наименованіи финскихъ деревень, и по этой причинѣ эти карты, нужныя и полезныя для отечества, не одобрены. Миллеръ въ оправданіе себя и членовъ, бывшихъ на этомъ засѣданіи, велѣлъ принести поданное въ канцелярію, за подписью всѣхъ членовъ, свидѣтельство картъ, составленныхъ Шмидтомъ; на это Ломоносовъ возразилъ, „что подписанія членовъ ничего не значатъ, ибо не безъизвѣстно, что можно ихъ получить отъ каждаго; что мошенническимъ образомъ auf eine spitzbüberische Weise (на обоихъ языкахъ произносилъ сіи ругательства) дѣлу преполѣзному воспрепятствовано“.

---

[1]) Тамъ же, 573.

Такъ какъ эти слова касались какъ канцеляріи, такъ и собранія, то Миллеръ тотчасъ всталъ и, призвавъ въ свидѣтели всѣхъ членовъ, объявилъ, что онъ не можетъ быть въ собраніи, гдѣ происходятъ такіе безпорядки, и вышелъ несмотря на то, что Ломоносовъ заявилъ, что его слова не относятся къ Миллеру. Въ его отсутствіе Ломоносовъ потребовалъ рѣшить вопросъ, исправно ли сдѣланы сочиненныя Шмидтомъ и представленныя въ собраніе географическія ландкарты, на которыхъ изображены Ингерманландія, Эстляндія, Лифляндія, Финскій заливъ и Рижскій заливъ, и можно ли ихъ вырѣзать на мѣди? Въ виду заявленія Миллера о замѣченныхъ въ нихъ историческихъ недостаткахъ большинство академиковъ (Фишеръ, Браунъ, Поповъ и Цейгеръ) полагали потребовать отъ него указанія замѣченныхъ ошибокъ и доказать ихъ. Но самыя карты признаны годными для вырѣзанія на мѣди, такъ какъ „онѣ отъ всѣхъ признаны лучшими старыхъ и потому достойными печатанія". Академикъ Эпинусъ призналъ себя некомпетентнымъ въ рѣшеніи предложеннаго вопроса, „потому что сіе надлежитъ до историческаго знанія странъ, содержащихся на ландкартахъ"; но полагалъ вновь потребовать отъ Миллера объясненій. На другой день послѣ этого засѣданія Миллеръ подалъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что если члены собранія не могли указать погрѣшностей въ картахъ Шмидта, то изъ этого не выходитъ, что ихъ нѣтъ, и потому карты можно печатать. Миллеръ отрицаетъ, будто бы онъ замѣтилъ въ картахъ историческія погрѣшности, такъ какъ кромѣ одной карты Эстляндіи онъ ничего не разсматривалъ, да и это сдѣлалъ два года тому назадъ для того только, чтобы показать, что карты прежде изданія требуютъ значительнаго исправленія, которое, однако, и теперь не сдѣлано. Другихъ исправленій онъ не дѣлалъ, да это и не его дѣло, а тѣхъ, кто наблюдаетъ за географическими сочиненіями. Изъ этого отзыва видно, что Миллеръ не имѣлъ серьезныхъ возраженій противъ картъ, составленныхъ Шмидтомъ, и высказывалъ лишь мелочныя замѣчанія только для того, чтобы затормозить дѣло ихъ изданія. Въ виду этого въ мартѣ мѣсяцѣ 1763 г. канцелярія Академіи Наукъ издала за подписью Ломоносова указъ слѣдующаго содержанія: „Здѣланные адъюнктомъ Шмитомъ и апробованные профессорскимъ собраніемъ карты для вырѣзанія на мѣдныхъ доскахъ, которыя уже для того и куплены, отдать въ грыдоровальную полату, которые велѣть вырѣзывать со всякимъ поспѣшеніемъ, и какая карта нагрыдорована будетъ, со оной отпечатавъ по нѣскольку экземпляровъ вносить въ географиче-

ской департаментъ, а изъ онаго посылать ко всѣмъ присутствующимъ во ономъ департаментѣ по одному на домъ, а онымъ разсматривая и какія кто недостатки или излишества примѣтитъ, оное описавъ возвращать въ департаментъ и потомъ имѣть разсужденіи общія и положа на мѣрѣ и подписавъ удостоинство всѣмъ отдавать печатать". А такъ какъ главнымъ образомъ замѣчанія исходили отъ Миллера, то въ указѣ удѣлено и ему мѣсто. „Есть ли гднъ Миллеръ изъ сочиненія тѣхъ картъ сообщать что будетъ, оное принимая разсматривать и что полезное найдется производить въ дѣйство безъ потерянія времени. А дабы сіе предпріемлемое дѣло съ желаемымъ успѣхомъ происходило", въ географическомъ департаментѣ велѣно было присутствовать профессору Попову и адъюнкту Красильникову, и для присутствія были назначены два дня въ недѣлю [1]). Это распоряженіе было утверждено президентомъ академіи 17-го апрѣля, при чемъ президентъ обратилъ вниманіе на „многіе споры" присутствующихъ въ департаментѣ, „а чрезъ то и дѣламъ пріостановленіе". Поэтому онъ рекомендовалъ членамъ „впредь излишные между собою споры оставить наблюдая благопристойность и честь Академіи, а дѣлать то съ чего бы вящшая Государству польза слѣдовать могла" [2]). Такимъ образомъ дѣло изданія картъ, такъ долго тормозившееся, наконецъ было сдвинуто съ мертвой точки, но на это потребовалось цѣлыхъ пять лѣтъ. Причину такого замедленія рѣшенія вопроса о печатаніи картъ слѣдуетъ видѣть исключительно въ умышленной затяжкѣ со стороны враговъ Ломоносова и главнымъ образомъ Миллера, приводившаго совершенно неосновательныя возраженія противъ изготовленныхъ Шмидтомъ картъ. Это лучше всего видно изъ того, что въ засѣданіи на 10-е марта 1763 г. сочлены академіи прямо вызывали его на основательную критику картъ, настойчиво предлагали ему показать и доказать существующія въ нихъ ошибки, но онъ нашелъ возможнымъ только сослаться на то, что онъ видѣлъ карты назадъ тому два года и что поправлять карты не его дѣло. Этимъ поверхностнымъ и голословнымъ отзывомъ онъ показалъ только свою придирчивость и несостоятельность своихъ сужденій относительно неудовлетворительности ландкартъ.

Но если Ломоносову удалось, хотя и съ сильными задержками, довести дѣло до печатанія картъ Прибалтійскаго края, которыя еще

---

[1]) Тамъ же, 590—594.

[2]) Тамъ же, 598.

раньше, до присоединенія къ Россіи, существовали въ очень исправномъ видѣ, а потомъ благодаря этому же обстоятельству въ удовлетворительномъ видѣ были начерчены и на русскомъ языкѣ [1]), то ему гораздо труднѣе было достичь благопріятныхъ результатовъ при изданіи картъ, относящихся къ остальной Россіи: въ послѣднемъ случаѣ Ломоносову приходилось дѣлать все сначала; такъ какъ не было географическаго описанія мѣстностей, не было списка населенныхъ мѣстъ Россіи, а главное не было ихъ астрономическаго опредѣленія—вотъ на эти-то подготовительныя работы и было обращено все вниманіе Ломоносова. При этомъ Ломоносовъ имѣлъ въ виду издать не только атласъ Россіи, но и ея географію—вотъ почему онъ такъ ревниво относился къ полученію географическихъ описаній.

Первою заботою Ломоносова для составленія новаго Россійскаго атласа было разослать географическіе запросы, и прежде всего послѣдніе были посланы въ синодъ. 26-го мая 1759 г. въ академической канцеляріи составлено было опредѣленіе о требованіи отъ него списка всѣхъ синодальныхъ строеній, соборныхъ и приходскихъ церквей во всемъ государствѣ, списка монастырей съ указаніемъ, гдѣ каменныя строенія и ограды и гдѣ деревянныя, при какихъ рѣкахъ стоятъ монастыри и при какихъ городахъ, въ какомъ отъ нихъ разстояніи и на которую сторону. Кромѣ того опредѣлено было, чтобы изъ монастырей были присланы копіи съ историческихъ описаній о времени построенія ихъ—послѣднее было необходимо для сочиняющейся русской исторіи. Но синодъ думалъ было отдѣлаться простой отпиской. На отношеніе академіи онъ отвѣчалъ, что означенныхъ описаній и плановъ при св. синодѣ не имѣется; а что касается до присылки копій съ историческихъ описаній монастырей и сообщенія свѣдѣній о времени ихъ постройки, то имъ будетъ сдѣлано распоряженіе о сообщеніи этихъ копій, а равно и о допущеніи лицъ, посланныхъ изъ академіи для означеннаго описанія и снятія плановъ, когда прибудутъ назначенныя для того академіей лица. Академическая канцелярія 21-го іюля 1759 г. отвѣтила на эту отписку, что академія отъ св. синода не требовала плановъ, но только указанія положенія мѣстъ, т. е. на которой сторонѣ и въ какомъ разстояніи стоитъ монастырь и отъ какого города, что̀ знаетъ не только настоятель монастыря, но знаетъ и можетъ сказать каждый простой монахъ; копіи же снимать

---

[1]) *Свенске,* Матеріалы для исторіи составленія Атласа Россійской Имперіи, 24, 2.

могутъ находящіеся въ монастырѣ приказные и другіе служащіе, поэтому посылать особыхъ геодезистовъ для снятія плановъ, а равно и писцовъ для списыванія копій съ описаній академія считаетъ совершенно излишнимъ. Въ заключеніе рекомендовалось синоду дать отвѣты на всѣ заключавшіеся запросы, „отчего не токмо отечеству польза и слава воспослѣдуетъ, но и самому св. синоду такое описаніе не безъ надобности быть можетъ“. Отповѣдь академіи подѣйствовала, и отъ синода стали поступать отвѣты, хотя, кажется, не безъ необходимости въ новыхъ подтвержденіяхъ: въ январѣ 1763 г. Ломоносовъ писалъ, что „вскорѣ требованіе возобновится новымъ донесеніемъ“ [1]).

Гораздо лучше обстояло дѣло съ географическими запросами у академіи съ сенатомъ. Предъ послѣднимъ академія ходатайствовала о содѣйствіи къ полученію отвѣтовъ по 13 вопросамъ, которые были напечатаны для разсылки по губерніямъ и областямъ. Сенатъ потребовалъ, чтобы эти вопросы были напечатаны академіей и оттуда должны были разсылаться при сенатскихъ указахъ во всѣ города. Вслѣдствіе этого означенные 13 вопросовъ были переданы на разсмотрѣніе историческаго собранія и географическаго департамента; послѣдній одобрилъ ихъ безусловно, но въ первомъ внесено было много дополненій [2]), такъ что въ печатномъ видѣ появилось вопросовъ уже не 13, а 30 [3])—подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Запросы, которыми требуются въ Императорскую академію наукъ географическія извѣстія изо всѣхъ городовъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ Россійскаго государства, для сочиненія вновь исправнѣйшаго Россійскаго атласа въ оной академіи. Эти вопросы слѣдующіе: 1) Чѣмъ огражденъ городъ—каменною или деревянною стѣною, или землянымъ валомъ, палисадни-

[1]) *Пекарскій*, II, 665, 666. *Билярскій*, 582.

[2]) *Пекарскій* (II, 666) говоритъ, что увеличеніе числа запросныхъ пунктовъ произошло между прочимъ благодаря Миллеру; но Ломоносовъ виновниками ихъ считаетъ всѣхъ профессоровъ, исключая Миллера; „географическіе запросы, пишетъ онъ въ январѣ 1763 г., собраны были отъ всѣхъ профессоровъ и по выбору напечатаны“; а пункты, предложенные Миллеромъ, онъ называетъ смѣшными и къ исполненію невозможными; они изъ академическихъ запросовъ „для излишества и невозможнаго исполненія выключены“. (*Билярскій*, 581, 582). Нѣкоторые пункты несомнѣнно принадлежатъ Ломоносову; таковы, напр. пункты о необходимости собирать лѣтописи, указывать устья впадающихъ рѣкъ, обозначать, какія церкви въ городахъ и селахъ, записывать, по какимъ мѣстамъ проходятъ дороги. Подобные пункты находятся въ мнѣніи объ употребленіи ревизіи въ пользу сочиняющагося атласа и инструкцій обсерваторамъ, сочиненныхъ, несомнѣнно, Ломоносовымъ.

[3]) Въ число 30 вопросовъ вошли въ распространенномъ видѣ 11 вопр. изъ 13; 10 и 11 в. не вошли; значитъ, новыхъ вопросовъ прибавлено 19.

комъ, или рвами? Показать мѣру ихъ окружности, вышину, глубину; цѣло ли это огражденіе или нѣтъ? 2) Много ли приходовъ внутри и за городомъ, и которыя церкви каменныя или деревянныя? Есть ли казенныя каменныя строенія, новыя или старинныя, и какихъ они временъ; есть ли каменные дома у жителей и сколько? 3) На какой рѣкѣ или озерѣ построенъ городъ, на которой сторонѣ, или на обоихъ берегахъ или островахъ? 4) Когда бываютъ въ городахъ ярмарки? Есть ли гостиные дворы, откуда больше и съ какими товарами пріѣзжаютъ, и какой день въ недѣлѣ торговый? 5) Какіе есть у обывателей промыслы? 6) Какими ремеслами народъ больше занимается и какія болѣе процвѣтаютъ? 7) Какія въ городахъ или селахъ фабрики, или рудные заводы, въ какомъ разстояніи отъ городовъ и при какихъ рѣкахъ? 8) Въ какихъ значительныхъ селахъ есть ряды и ярмарки? 9) Гдѣ есть водяныя мельницы съ надлежащими плотинами—пильныя или хлѣбныя—и на какихъ водахъ? 10) Гдѣ есть усолья, сколько соловаренъ и по многу ли череновъ, гдѣ есть озерная или морская самосадка, или горная соль; гдѣ есть оставленныя старыя усолья? 11) По рѣкамъ данной мѣстности какія суда ходятъ весной и въ межень? 12) Гдѣ есть оброчныя рыбныя ловли по большимъ рѣкамъ, по берегамъ и островамъ морей и значительныхъ озеръ, и какія рыбы больше ловятся? 13) У судоходныхъ рѣкъ которая сторона луговая и которая нагорная? 14) Не бываетъ ли гдѣ на судоходныхъ рѣкахъ препятствія отъ подмытыхъ весною съ береговъ деревьевъ, или отъ лѣтней засухи? 15) Гдѣ по рѣкамъ есть торговыя пристани, изъ какихъ мѣстъ туда съ грузомъ пріѣзжаютъ и до которыхъ мѣстъ бываетъ сплавъ, и возвращаются ли порожнія суда назадъ? 16) Когда въ городахъ обыкновенно рѣки замерзаютъ и вскрываются, гдѣ бываютъ весеннія и осеннія наводненія и какъ велики? 17) Гдѣ есть переволоки, чрезъ которыя съ одной рѣки на другую товары сухимъ путемъ перевозятъ, и при какихъ урочищахъ; по какимъ мѣстамъ—гористымъ или ровнымъ—и насколько верстъ лежитъ дорога? 18) При дорогахъ, по которымъ ѣздятъ изъ какого либо города въ ближніе сосѣдніе города, какія въ деревняхъ церкви, гдѣ есть монастыри, гдѣ мосты, перевозы и чрезъ какія именно рѣки, и гдѣ дороги проходятъ по лѣсамъ, полямъ, горамъ или водамъ, и въ какомъ разстояніи лежатъ смежные города? 19) Поименно обозначить каждой губерніи и провинціи пограничные города и крѣпости, села и деревни, или раздѣляющія ихъ рѣки и другія воды. 20) Гдѣ есть значительныя высокія горы, показать ихъ положеніе и въ ка-

комъ направленіи онѣ простираются? 21) Какого рода хлѣбъ болѣе сѣется въ каждой провинціи и каковъ бываетъ урожай? 22) Какого больше скота содержатъ? 23) Какихъ больше звѣрей и птицъ водится? 24) Гдѣ водятся въ чрезвычайномъ множествѣ вредные гады и какіе? 25) Если въ городахъ есть чертежи какъ самихъ городовъ, такъ и окрестностей, то присылать ихъ вмѣстѣ съ географическими извѣстіями, или точныя съ нихъ копіи. 26) Обозначить, гдѣ есть оставшіяся развалины старыхъ городовъ, или городища, какъ велики эти остатки и какъ ихъ называютъ. 27) Указать слѣды старыхъ рѣкъ, въ настоящее время заросшихъ и высохшихъ, въ какомъ направленіи онѣ текутъ и какъ теперь называются. 28) Отъ сѣверныхъ сибирскихъ городовъ и зимовокъ присылать извѣстія объ островахъ на Ледовитомъ океанѣ, которые извѣстны тамошнимъ жителямъ или промышленникамъ, какъ велики эти острова, какъ далеко они отъ материка, какихъ звѣрей на нихъ ловятъ и какъ эти острова называются. 29) Если въ городахъ есть лѣтописи, при географическихъ извѣстіяхъ присылать съ нихъ вѣрныя копіи. 30) Указать, въ какомъ уѣздѣ и какой народъ живетъ и одинъ или въ смѣшеніи съ другими народами [1]). Эти запросы настолько подробны, настолько разносторонни, настолько исчерпывающи, что если бы отвѣты на нихъ были сообщены изъ всѣхъ мѣстъ Россіи и были бы систематизированы, то получился бы отличный и полный матеріалъ не только для составленія атласа Россіи съ картами политическою, археологическою, физическими—оро-и гидро-графическими, этнографическою и экономическою [2]), т. е. такими, которыя въ настоящее время являются необходимою принадлежностью каждаго научно составленнаго атласа, но и вообще для географіи Россіи.

Эти запросы, отпечатанные въ академіи въ количествѣ 600 экземпляровъ, при донесеніи, вчернѣ исправленномъ Ломоносовымъ, были посланы въ сенатъ въ октябрѣ 1759 г., при чемъ академія ходатайствовала предъ сенатомъ о разсылкѣ ихъ по всему государству и при этомъ просила: 1) Опросить, согласно съ запросами, свѣдущихъ людей—городскихъ и лучшихъ крестьянъ—взявъ съ нихъ сказки за руками. 2) Гдѣ чего нельзя добиться опросомъ, туда посылать нарочныхъ для точнаго разсмотрѣнія на мѣстѣ. 3) Разстоянія обозна-

---

[1]) *Ламанскій*, Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Ч. М. О. И., 1865 г., I, 160—163.

[2]) Историческій и этнографическій очерки страны считалъ необходимымъ присоединить къ атласу Делиль, а Кирилловъ также и экономическій. *Свенске*, 9, 25, 27.

чать мѣрными верстами, исключая невозможныхъ случаевъ. 4) Не вносить въ отвѣты не относящихся до географіи извѣстій, но отвѣчать точно на запросы. 5) Такъ какъ на одни запросы отвѣчать легче, чѣмъ на другіе, и поэтому первые требуютъ времени меньше для исполненія, то изъ городовъ въ каждые три мѣсяца, начиная съ полученія указа, присылать тѣ извѣстія, которыя можно собрать скорѣе, чтобы географическій департаментъ могъ своевременно пользоваться этими извѣстіями для составленія новаго россійскаго атласа. 6) Если академія какимъ либо отвѣтомъ не будетъ довольна и станетъ требовать отъ какого либо мѣста болѣе подробнаго дополненія, то ея желанія слѣдуетъ удовлетворять, не ожидая подтвержденія отъ правительствующаго сената [1]). Въ январѣ мѣсяцѣ 1760 г. сенатъ далъ знать Академіи о разсылкѣ запросовъ по назначенію. Съ того времени стали поступать въ нее отвѣты, для разбора которыхъ 24-го августа 1760 г. былъ прикомандированъ къ Ломоносову студентъ Илья Абрамовъ. Въ январѣ 1763 г. было прислано отвѣтовъ уже 4 тома и на половину государства составлена обстоятельная топографія [2]), а въ октябрѣ того же года, какъ видно изъ собственноручной записки Ломоносова, студентъ Абрамовъ кончилъ всѣ экстракты, составленные на основаніи географическихъ извѣстій, присланныхъ изъ городовъ [3]).

Ломоносовъ придавалъ очень большое значеніе географическимъ извѣстіямъ; поэтому онъ не ограничился только что приведенными выше; для полученія статистическихъ данныхъ относительно селъ и деревень онъ хотѣлъ воспользоваться офицерами, посланными для производства второй ревизіи, и съ этою цѣлію въ мартѣ 1764 г. составилъ „Мнѣніе о употребленіи нынѣшнія ревизіи въ пользу географіи Россійской и сочиняющагося новаго атласа“. Въ этомъ мнѣніи говорится, что офицеры, посланные для переписи, объѣзжая и описывая всѣ мѣста, безъ отягощенія для себя могутъ исполнить

---

[1]) *Пекарскій*, II, 667, 668.

[2]) *Билярскій*, 421, 457, 582. [*Примѣчаніе Редакціи.* Не лишнимъ будетъ указать на слѣдующее обстоятельство, повидимому, ускользнувшее отъ вниманія лицъ, писавшихъ о Ломоносовѣ: собранныя по составленной имъ программѣ свѣдѣнія, доставленныя затѣмъ, какъ выше упомянуто, въ Академію, были въ 1771—1774 г. опубликованы. Они именно и составляютъ содержаніе „Топографическихъ извѣстій, служащихъ для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи“. С.-Пб. 1771—1774. 4 части, 36 нен. + 392 стр. 8°; тутъ напечатаны и вопросы, выработанные Ломоносовымъ и въ настоящей статьѣ выше приведенные. *Н. Ч.*].

[3]) *Пекарскій*, II, 791.

слѣдующее: 1) Каждый офицеръ въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ онъ производитъ ревизію, можетъ составить перечень числа душъ и эти перечни подавать куда слѣдуетъ для отсылки въ академію наукъ. 2) Означать, въ какихъ селахъ и деревняхъ есть церкви каменныя или деревянныя и въ чье имя; а гдѣ церквей нѣтъ, указывать, къ какимъ приходамъ принадлежатъ эти деревни. 3) Указать, по сказкамъ жителей, ближайшія рѣки и вообще воды, въ какой сторонѣ текутъ и какъ далеко отъ даннаго мѣста. 4) Если будетъ небольшая рѣка, то означить, въ какую большую рѣку она впадаетъ и при какомъ урочищѣ. 5) Какое мѣстоположеніе занимаетъ село или деревня: стоитъ ли на горѣ, или на низкомъ—песчаномъ, луговомъ или покрытомъ лѣсомъ—мѣстѣ. 6) На большой ли стоитъ дорогѣ, изъ какихъ именно городовъ по ней проѣзжаютъ, или на проселочной. 7) Указать, по общей сказкѣ жителей, какъ далеко отстоитъ отъ своего „присутственнаго“ города. При этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы одиночныхъ дворовъ, стоящихъ особнякомъ отъ главной усадьбы, села или деревни, не описывать, но присчитывать ихъ къ усадьбѣ. „Сіе когда Всемилостивѣйшее повелѣно будетъ при нынѣшней ревизіи исполнить, то, купно съ присылающимися изъ городовъ отвѣтами на разосланные географическіе запросы, также съ имѣющимися въ академической географической архивѣ и впредь получаемыми специальными ландкартами, и наконецъ съ опредѣленными долготами и широтами нужныхъ мѣстъ по астрономическимъ наблюденіямъ, лѣтъ въ пять сочиненъ и напечатанъ будетъ такой Россійской атласъ, которымъ похвалиться можно предъ всею Европою, и который принесетъ великую славу Ея Императорскому Величеству, сильное вспоможеніе въ правленіи государства и всему отечеству несказанную пользу и удовольствіе“ [1]). Но это предположеніе осталось безъ осуществленія, вѣроятно потому, какъ предполагаетъ Пекарскій, что „офицеры, занимаясь одною переписью, имѣли довольно дѣла“ [2]).

Придавая большое значеніе географическимъ запросамъ, Ломоносовъ всевозможными способами старался получить отвѣты на нихъ изъ другихъ учрежденій; такъ 2-го іюля 1764 г. послана была промеморія въ Сухопутный Шляхетскій корпусъ, директоръ котораго академикъ Миллеръ при помощи сената разослалъ подобные же запросы по Россіи, о присылкѣ собранныхъ отвѣтовъ въ Академію Наукъ [3]).

[1]) Ч. М. О. И., 1865 г., I, 163, 164.
[2]) *Пекарскій*, II, 867.
[3]) Ч. М. О. И., 1865 г., I, 158.

Астрономическимъ экспедиціямъ, которыя предполагались къ посылкѣ, рекомендовалось собирать извѣстія, поставленныя въ запросахъ [1]).

Но для составленія атласа недостаточно было однихъ отвѣтовъ на географическіе запросы; необходимъ былъ списокъ населенныхъ мѣстъ Россіи, составленный по даннымъ второй ревизіи; и вотъ изъ академической канцеляріи посылается въ государственную камеръ-коллегію промеморія, заслушанная въ послѣдней 3-го мая 1760 г., „о сообщеніи въ академію извѣстія, сколько по нынѣшнему состоянію въ каждой губерніи и провинціи уѣздовъ, селъ и деревень, и сколькожъ въ каждомъ селѣ и деревнѣ мужеска полу душъ, для различія въ атласѣ величности деревень, чтобы не поставить на ландкартѣ весьма малыхъ, и не пропустить бы великихъ“, или, какъ выражается Ломоносовъ въ другомъ мѣстѣ, „чтобы можно было различить по числу душъ величину деревень и въ атласѣ не поставить бы деревни, въ коей напримѣръ 10 душъ, выкинувъ сосѣдственную той же деревню, гдѣ нѣсколько сотъ душъ, что знающимъ тѣхъ мѣстъ обывателямъ по правдѣ смѣшно показаться должно; а всѣхъ деревень большихъ и малыхъ во многихъ мѣстахъ на атласѣ для тѣсноты умѣстить не возможно“. На требованіе академіи камеръ-коллегія отвѣтила, что „изъ переписныхъ въ той ревизіи книгъ по Московской и прочимъ (кромѣ С.-Петербургской) губерніямъ имѣется алфабетовъ 293 книги, въ нихъ по исчисленію имѣетъ быть 10 стопъ 16 дестей и 2 листа, изъ которыхъ де требуемыхъ вѣдомостей за малолюдствомъ въ камеръ-коллегіи приказныхъ служителей сочинить оными невозможно, и для тогобъ о опредѣленіи къ сочиненію такихъ вѣдомостей надлежащаго числа приказныхъ служителей отъ другихъ командъ, гдѣ есть довольнѣе, отъ акад. канцеляріи представлено было прав. сенату“. На представленіе канцеляріи сенатъ отвѣтилъ отъ 17-го ноября того же 1760 г. слѣдующимъ указомъ: „Для списыванія потребныхъ Академіи Наукъ о числѣ всего государства селъ, въ нихъ деревень и переписныхъ имѣющихся въ каморъ-коллегіи второй ревизіи книгъ алфабетовъ за недостаткомъ въ каморъ-коллегіи приказныхъ служителей сенатской конторы велеть выбрать въ Москвѣ въ гарнизонныхъ школахъ изъ салдатскихъ дѣтей десять человѣкъ, которые хорошо пишутъ, и отдать въ ту каморъ-коллегію и притомъ оной коллегіи подтвердить, чтобы означенные алфабеты подъ смотрѣніемъ бы той коллегіи какъ наискорѣе исправно были списаны и

[1]) *Билярскій*, 677.

въ Академію отосланы безъ малѣйшаго задержанія. А помянутыхъ солдатскихъ дѣтей по списаніи тѣхъ алфабетовъ отослать къ прежнимъ мѣстамъ обратно“ [1]). Но камеръ-коллегія, какъ видно, не слишкомъ торопилась съ представленіемъ требуемыхъ свѣдѣній: 22-го мая 1761 г. изъ академической канцеляріи опредѣлено было послать туда вторичную промеморію о скорѣйшемъ составленіи списка селъ и деревень по второй ревизіи [2]). Но дѣло шло, очевидно, медленно: въ январѣ 1763 г. Ломоносовъ писалъ, что требуется подтвержденіе для ускоренія присылки реестровъ; 29-го ноября 1764 г. канцелярія Академіи Наукъ имѣла разсужденіе, „что по Указу Пр. Сената и по неоднократному академической канцеляріи требованію къ сочиненію вновь Россійскаго атласа и съ переписныхъ второй ревизіи книгъ о числѣ мужскаго полу душъ съ алфавитовъ копей, прислано въ Академію только по Воронежской губерніи съ провинціями и городами сорокъ шесть копей, по Московской губерніи городовъ Серпухова, Тарусса и Боровска съ уѣздами, да по Сибирской губерніи съ провинціями и городами, а о другихъ губерніяхъ и понынѣ ничего не прислано, за неприсылкою которыхъ въ сочиненіи того атласа чинится крайняя остановка, того ради приказали во оную коллегію послать промеморію и требовать, чтобъ благоволено было, сколько тѣхъ алфавитовъ по нынѣ и по которой губерніи списано, оные въ Академію прислать нынѣ, да и достальныхъ какъ наивозможно, кого надлежитъ, къ списыванію принудить, и потомужъ прислать немедленно, дабы въ сочиненіи помянутаго атласа не послѣдовало остановки, а въ противномъ случаѣ не навести прав. сенату напрасно излишняго въ перепискахъ затрудненія“ [3]).

Такимъ образомъ списки населенныхъ мѣстъ Россіи по второй ревизіи поступали не съ такою исправностью, съ какою было бы желательно Ломоносову.

Еще хуже обстояло дѣло съ организаціей астрономическихъ экспедицій. Однѣхъ статистическихъ данныхъ было недостаточно для составленія атласа; чтобы утвердить его „на надежномъ основаніи“, необходимо было правильное опредѣленіе широты и долготы нѣкоторыхъ географическихъ пунктовъ. Въ первый разъ Ломоносовъ поднялъ вопросъ о снаряженіи астрономическихъ экспедицій въ представленіи президенту

---

[1]) Тамъ же, 455, 456, 473, 581.
[2]) Тамъ же, 511.
[3]) Тамъ же, 582, 693, 694.

Академіи Наукъ отъ 18-го октября 1759 г., при этомъ указывалъ на адъюнктовъ Шмидта и Красильникова, которые могли бы быть полезны для этой цѣли [1]). Но такъ какъ главная суть этого представленія заключалась въ вопросѣ объ отношеніяхъ Миллера и Гришау къ географическому департаменту, экспедицій же Ломоносовъ коснулся слегка, мимоходомъ, то на этотъ пунктъ со стороны президента академіи не было обращено должнаго вниманія, по крайней мѣрѣ не послѣдовало письменной резолюціи, хотя нельзя отрицать, что на словахъ онъ могъ одобрительно отнестись къ мысли Ломоносова о снаряженіи экспедиціи, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется поспѣшное возбужденіе послѣднимъ этого дѣла въ академіи. Именно въ январѣ 1760 г. отъ Ломоносова поступило въ географическій департаментъ „Мнѣніе о посылкѣ астрономовъ и геодезистовъ въ нужнѣйшія мѣста въ Россіи для опредѣленія долготы и широты". Сказавъ сначала о важности географіи для человѣка вообще и для правителей государствъ въ частности, Ломоносовъ говоритъ о необходимости астрономическихъ опредѣленій, чтобы согласно съ ними исправить отвѣты на посланные академіей запросы. По плану Ломоносова, всю Европейскую Россію слѣдовало для экспедицій раздѣлить на три части, такъ чтобы измѣрить ее въ $1^1/_2$—2 года. Первая экспедиція должна была опредѣлить астрономическое положеніе слѣдующихъ городовъ: Нарвы, Пскова, Великихъ Лукъ, Смоленска, Тулы, Глухова, Кіева, Запорожской Сѣчи, Бахмута, Бѣлгорода, Воронежа, Верхняго Ломова, Касимова, Владимира, Москвы, Твери, Новгорода; вторая экспедиція должна была опредѣлить положеніе городовъ: Казани, Хлынова, Кайгорода, Соликамска, Екатеринбурга, Уфы, Оренбурга, Яика, Гурьева, Астрахани, Царицына, Черкасска или Азова, устья р. Медвѣдицы, Борисоглѣбска, Пензы; третья должна была пройти чрезъ слѣдующія мѣстности: Ладогу, Тихвинъ, Ярославль, Нижній Новгородъ, Козмодемьянскъ, верховья р. Ветлуги, Галичъ, Вологду, Устюгъ, устья р. Выми, Усть-Елмскую слободу, Пустозерскій острогъ, Мезень, Архангельскъ, Кемь, Кандалакшу, Колу и Каргополь. Такимъ образомъ первая партія должна была опредѣлить положеніе 17 пунктовъ, вторая 15 и третья 18—всего 50 пунктовъ. Во главѣ первой партіи долженъ былъ стать Красильниковъ, второй Шмидтъ и третьей Поповъ съ надлежащимъ числомъ геодезистовъ и кадетовъ, при чемъ въ третьей партіи въ виду громадности разстояній ихъ должно быть больше. Въ инструкціи, которая должна быть дана членамъ этой

---

[1]) Тамъ же, 397, 398.

экспедиціи, слѣдуетъ указать, а равно потребовать указъ и отъ сената, чтобы въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть геодезисты и инженеры, прикомандировать ихъ безъ отговорки къ экспедиціи для помощи при производствѣ наблюденій въ тѣхъ самыхъ провинціяхъ; инструменты должны быть выданы изъ принадлежащихъ академической обсерваторіи, но можно употреблять и другіе краткіе способы, служащіе, напр., для опредѣленія долготы на морѣ, такъ какъ они и на сушѣ могутъ быть употребляемы съ большимъ удобствомъ и съ достаточною точностію. При этомъ Ломоносовъ рекомендуетъ астрономамъ и свои „изобрѣтенія". „И такъ, если сіе дѣло, говоритъ Ломоносовъ въ заключеніе своего представленія: съ надлежащимъ раченіемъ и безъ завистно предпріято и продолжаемо будетъ, то весма не сомнѣваюсь, что черезъ три года будемъ за Божіею помощію имѣть несравненно исправнѣйшій передъ прежнимъ Россійской атласъ въ шестидесяти или семидесяти специальныхъ картахъ, съ отмѣнными украшеніями и съ политическимъ и экономическимъ описаніемъ всея Имперіи, выключая Сибирь" [1]).

Намѣченные Ломоносовымъ пункты въ географическомъ департаментѣ подверглись незначительнымъ измѣненіямъ, на которыя нашъ академикъ согласился, и затѣмъ 29-го января дѣло было передано въ академическую канцелярію. Согласно съ этимъ представленіемъ 2-го февраля 1760 г. объявлено было опредѣленіе канцеляріи объ отправленіи Попова, Красильникова и Шмидта въ разныя экспедиціи „для исправленія россійскаго атласа" [2]). 11-го февраля канцелярія передала опредѣленіе географическаго департамента въ конференцію, которая, согласно съ мнѣніемъ Эпинуса, подписаннымъ 1-го іюня 1760 г. и сообщеннымъ академической канцеляріи 21-го августа, предполагала послать только двѣ экспедиціи; вслѣдствіе чего 24-го сентября 1760 г. Ломоносовымъ разосланъ былъ для подписи академикамъ Миллеру, Брауну, Попову, Котельникову, Эпинусу, адъюнктамъ: Красильникову, Трускоту, Румовскому и Шмидту слѣдующій видоизмѣненный проектъ экспедицій: 1-я экспедиція: Нарва, Псковъ, В. Луки, Смоленскъ, Тула, Глуховъ, Кіевъ, Сѣчь Запорожская, Бахмутъ, Бѣлгородъ, Воронежъ, В. Ломовъ, Переяславль Рязанскій, Владиміръ,

---

[1]) Тамъ же, 458—460. У Билярскаго это мнѣніе отнесено къ сентябрю 1760 г., но это невѣрно; оно написано въ январѣ этого года, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ „Мнѣнія": „Сенатъ... соблаговолилъ послать... географическіе запросы"— это какъ разъ было во второй половинѣ января 1760 г. Затѣмъ въ проектѣ 24-го сентября говорится только о двухъ экспедиціяхъ.

[2]) *Пекарскій*, II, 694, 695. *Билярскій*, 425.

Москва, Тверь, Ярославль, Н. Новгородъ, Козмодемьянскъ, верховья р. Ветлуги, Вологда, Устюгъ, Архангельскъ, Кемь, Кандалакша, Кола, Три острова, Каргополь, Ладога. Итого 29 пунктовъ. 2-й путь: Новгородъ, Тихвинъ, Бѣлоозеро, Кострома, Казань, Хлыновъ, Яренскъ, верховья р. Выми, Пустозерскій острогъ, верховья р. Печоры, Сольквмская, Екатеринбургъ, Уфа, Оренбургъ, главный изгибъ р. Яика, Гурьевъ, Астрахань, Царицынъ, Черкасскъ, устье р. Медвѣдицы, Саратовъ, Пенза, Самара. Итого 23 пункта — такимъ образомъ противъ проекта Ломоносова прибавлено 2 пункта. Почти всѣ академики безъ возраженій подписали этотъ проектъ кромѣ Миллера, который не удержался, чтобы не сдѣлать замѣчаній. Прежде чѣмъ учредить такія экспедиціи, писалъ онъ, которыя требуютъ немалыхъ расходовъ, надлежитъ знать, кто такіе въ каждый путь имѣютъ быть отправлены, что имъ на этихъ путяхъ дѣлать, можетъ ли каждый изъ нихъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности и есть ли надлежащее число годныхъ инструментовъ. Объ этомъ въ академическомъ собраніи слѣдуетъ главнымъ образомъ имѣть разсмотрѣніе, чтобы требуемые на то расходы не были потрачены втуне. А что касается до опредѣленія дорогъ, то это дѣло маловажное: можно такъ, можно и инымъ образомъ. Но тутъ же Миллеръ себѣ и противорѣчитъ: однако слѣдуетъ, продолжаетъ онъ, наблюдать, чтобы дороги были удобны, чтобы по нимъ можно было проѣхать или на телѣгахъ, или на саняхъ, или воднымъ путемъ на судахъ, чтобы дороги шли жилыми мѣстами и чтобы никакой значительный пунктъ, насколько позволяетъ его положеніе, не былъ пропущенъ [1]). Начальникомъ первой экспедиціи предполагался профессоръ астрономіи Поповъ и адъюнктъ Шмидтъ, а второй въ должности адъюнкта капитанъ геодезіи Красильниковъ и присланный изъ адмиралтействъ-коллегіи „математическихъ и навигацкихъ наукъ подмастерье, ранга порутческаго Николай Кургановъ"; при каждой экспедиціи должно быть по геодезисту. Такимъ образомъ дѣло объ устройствѣ экспедицій въ Академіи было покончено, необходимо было исходатайствовать для нихъ средства у правительства. Въ представленіи правительствующему сенату сначала объяснялась польза „порядочнаго географическаго описанія, которое не токмо можетъ служить къ удовольствію любопытства здѣшнихъ до знанія своего отечества охотниковъ, но и иностранцевъ

---

[1]) Тамъ же, 461—462. На безцѣльность замѣчанія Миллера указалъ проф. Поповъ, подписавъ: „Духъ празднословія не даждь ми".

не имѣющихъ понятія о Россіи, затѣмъ польза для правительства, чтобы знать внутреннія избытки, сообщенія, кои дѣйствительно есть, кои вновь учреждены, либо въ лучшее состояніе приведены быть могутъ и чтобы вдругъ видѣть можно было, гдѣ что взять, ежели надобность потребуетъ". Но такъ какъ географическія извѣстія, „по одному гражданскому описанію и верстной мѣрѣ учиненныя", безъ астрономическихъ наблюденій недостаточны для точнаго опредѣленія положенія мѣстъ, то Академія рѣшила для этой цѣли отправить двѣ экспедиціи, при чемъ у сената испрашивалось, „дабы соблаговолено было для толь полезнаго отечеству дѣла объявленнымъ обсерваторамъ дать послушныя указы, чтобъ гдѣ есть въ губерніяхъ и провинціяхъ геодезисты, оныя бы тѣмъ обсерваторамъ чинили споможеніе, и все бъ что къ тому принадлежитъ исполняли по ихъ приказаніямъ безотговорочно, и буде оные геодезисты имѣютъ у себя собственно или есть въ коихъ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ какія принадлежащія къ Географіи извѣстіи и карты, также и о натуральныхъ вещахъ, оныя бы имъ обсерваторамъ были сообщаемы, дабы предпріемлемое дѣло съ лутчею пользою и успѣхомъ производиться могло; а при томъ онымъ же обсерваторамъ даваны бъ были вездѣ удобные квартиры, и на каждую экспедицію, какъ для нихъ обсерваторовъ, такъ и на отправляемые при нихъ инструменты, по 15 ямскихъ подводъ за указные прогоны, и провожатые отъ города до города. Ежели же гдѣ не сыщется удобнаго къ постановленію инструментовъ мѣста и понадобятся какія нужныя для наблюденій астрономическихъ небольшія постройки, оное бы, яко для всего общества и государственной пользы, исправляемо было тѣхъ городовъ отъ канцелярій, не требуя за матеріалы и за работу денегъ".

Въ заключеніе Академія Наукъ выражаетъ заботу и о матеріальномъ положеніи лицъ, отправляющихся въ экспедицію, и высказываетъ пожеланіе, чтобы они, какъ принужденныя оставить свои дома и семейства и подвергнуться немалымъ и безпокойнымъ трудамъ, во время нахожденія въ экспедиціи получали прибавку къ получаемому ими по академіи содержанію, при чемъ указывалось, что участвовавшіе въ Камчатской экспедиціи получали двойное жалованіе; послѣднее, равно какъ и прогонныя деньги должны быть производимы изъ штатсъ-конторы, такъ какъ академія на такіе экстраординарные расходы денегъ не имѣетъ, да ихъ и по штату не положено; „употребленной же на оной расходъ коштъ за излишно почтенъ быть не можетъ, потому что оное дѣло для государства весьма потребно и полезно", такъ заканчивается

это представленіе академіи отъ 23-го октября 1760 г.[1]). На это представленіе академіи послѣдовало полнѣйшее согласіе сената, выраженное въ указѣ его отъ 29-го ноября 1760 г. на имя генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ и прочихъ правителей. Подтверждая къ исполненію все, что требовала для экспедицій академія, сенатъ съ своей стороны дѣлаетъ нѣкоторыя ограниченія; такъ необходимыя для обсерваціи постройки рекомендуетъ дѣлать „только такъ, чтобъ на то время стало, съ такою предосторожностію, дабы не токмо лишняго строено и напраснаго казнѣ убытка не было, но весьма съ умереннымъ на то расходомъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ старается оградить жителей отъ произвола и насилія обсерваторовъ, „а имъ обсерваторамъ будучи при томъ дѣлѣ отъ обывателей никакихъ требованій кромѣ надлежащей за денги покупки не имѣть, но стараться, чтобъ вездѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они иногда нѣкоторое время по должности своей для порученнаго имъ дѣла пробудутъ, отъ обывателей жалобъ никакихъ не было, подъ опасеніемъ наистрожайшаго по силѣ указовъ безъ упущенія взысканія, и для того отъ обыватслей имѣть имъ атестаты, въ томъ что отъ нихъ обывателямъ обидъ не было, чтобъ иногда и на нихъ обсерваторовъ напрасныхъ нарѣканій быть не могло; о чемъ въ данныхъ имъ изъ Сената указѣхъ, тако жъ и въ ихъ инструкціяхъ отъ Академіи накрѣпко подтвердить же". Деньги на прогоны и за отправку инструментовъ тѣмъ же указомъ относились на счетъ статсъ-конторы[2]).

Но этимъ географическимъ экспедиціямъ не суждено было осуществиться: въ тотъ же самый день, какъ отъ академіи пошло въ сенатъ представленіе о снаряженіи экспедицій, отъ президента ея полученъ былъ ордеръ о посылкѣ въ Сибирь двухъ экспедицій для наблюденія за прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца[3]); географическія экспедиціи отложены были въ долгій ящикъ[4]).

---

[1]) Тамъ же, 466—468.

[2]) Тамъ же, 475.

[3]) Тамъ же, 469.

[4]) Ломоносовъ считалъ виновниками этой задержки географическихъ экспедицій Тауберта и Штелина; они тормозили выписку изъ Англіи астрономическихъ инструментовъ. Таубертъ сначала обѣщалъ ихъ выписать, но потомъ отказался. Принялся за дѣло Штелинъ, но и этотъ тянулъ его слишкомъ долго; наконецъ инструменты (квадранты) были получены, но долго лежали въ пакгаузѣ и академической канцеляріи и появились только тогда, когда получено было неожиданное распоряженіе президента о пріостановкѣ экспедицій. (Тамъ же, 088, 577). Это обвиненіе Ломоно-

О снаряженіи географическихъ экспедицій Ломоносовъ вновь хлопоталъ въ началѣ 1763 г., но онѣ были пріостановлены распоряженіемъ президента отъ 17-го апрѣля того же года, при чемъ президентъ приказалъ Тауберту и Ломоносову, каждому порознь, если не придутъ къ общему рѣшенію, подать свое мнѣніе, „какимъ образомъ учредить тѣ двѣ экспедиціи, чтобъ какъ коштъ напрасно не былъ потерянъ, такъ и честь Академіи была сохранена, а Государству чрезъ то послѣдовала польза“. Ломоносовъ исполнилъ это требованіе, а Таубертъ нѣтъ [1]). Какъ результатъ этой работы Ломоносова по жизненному для него вопросу о снаряженіи экспедицій, является его послѣднее представленіе президенту Разумовскому, поданное 10-го сентября 1764 г. „Географическія экспедиціи давно уже въ укоснѣніе приведенныя, писалъ Ломоносовъ: состоятъ: 1) въ расположеніи и порядкѣ наблюдаемыхъ мѣстъ и ихъ раздѣленіи, 2) въ опредѣленіи обсерваторовъ, 3) въ снабдѣніи надобными инструментами, 4) въ способѣ, какъ оныя употреблять, 5) кромѣ наблюденія астрономическихъ и географическихъ, въ другихъ примѣчаніяхъ“. Первая экспедиція должна опредѣлить положеніе 28 пунктовъ; эти пункты слѣдующіе: Нарва, Псковъ, В. Луки, Смоленскъ, Тула, Глуховъ, Кіевъ, Запорожская Сѣчь, Бахмутъ, Бѣлгородъ, Воронежъ, В. Ломовъ, Владиміръ, Москва, Тверь, Ярославль, Н. Новгородъ, Козмодемьянскъ, Галичъ, Вологда, Устюгъ, Архангельскъ, Кола, Кандалакша, Кемь, устье Онеги, Каргополь, Ладога. Вторая: Новгородъ, Тихвинъ, Угличъ, Казань, Хлыновъ, Яренскъ, Пустозерскъ, Соликамскъ, Екатеринбургъ, Уфа, Оренбургъ, Гурьевъ, Астрахань, Царицынъ, Черкасскъ, устье р. Медвѣдицы, Саратовъ, Пенза, Самара [2]), всего 19 пунктовъ. При этомъ Ломоносовъ замѣчаетъ, „что

сова имѣетъ основаніе. Послѣ его смерти былъ принятъ изъ его дома астрономическій квадрантъ, о которомъ принявшій его 9-го іюня 1765 г. академикъ Румовскій, противникъ Ломоносова, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „сей квадрантъ хранимъ былъ за печатью Канцеляріи Академіи Наукъ по самое то время, пока не отданъ былъ покойному статскому совѣтнику Ломоносову“. (*Ламанскій*, 189). Это „хранимъ былъ“ знаменательно: значитъ, противники Ломоносова для задержки экспедицій не брезговали и такими мѣрами насилія, какъ невыдача необходимыхъ инструментовъ.

[1]) *Билярскій*, 599.

[2]) По сравненію съ намѣченными въ сентябрѣ 1760 г. въ данномъ перечнѣ недостаетъ слѣдующихъ пунктовъ: Переяславля Рязанскаго, верховьевъ р. Ветлуги, Вычи, Печоры, Бѣлоозера, главнаго изгиба р. Урала и Костромы; но введены новые пункты: устье р. Онеги и Угличъ. По губерніямъ пункты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ Архангелогородской губ. получено было для наблюденія 10 пунктовъ,

4*

разстояніе городовъ, гдѣ утвердятся основательныя астрономическія точки, не весьма разнятся разстояніемъ и дорога идетъ безъ излишнихъ поворотовъ и короче назначена быть не можетъ" [1]). По его проекту, главныхъ обсерваторовъ должно быть двое или четверо, при каждомъ по геодезисту и гимназисту; можно потребовать знающихъ географію кадетовъ изъ сухопутнаго корпуса и гардемарина изъ морского. Въ качествѣ обсерваторовъ Ломоносовъ предполагаетъ послать профессора Румовскаго, адъюнктовъ Красильникова и Шмидта и учителя навигаціонныхъ наукъ Курганова. Хотя Румовскій и отговаривается отъ поѣздки въ эту экспедицію, но это неосновательно, потому что: 1) онъ довольно здоровъ, 2) во Франціи и лучше его профессора ѣздили по своему отечеству „для географическихъ дѣлъ", 3) въ обсерваторіи и безъ него есть кому управлять дѣломъ—да это и не такъ нужно. Что касается инструментовъ, то ихъ имѣется достаточное количество. Кромѣ астрономическихъ наблюденій, когда за облачностію неба ихъ производить невозможно, нужно это время употреблять на топографическія описанія, снимать планы и проспекты городовъ и большихъ горъ или замѣчательныхъ мѣстностей; для политической географіи описывать и развѣдывать все, что требуется въ географическихъ запросахъ.

При этомъ представленіи приложена была и примѣрная инструкція для экспедиціи, составленная Ломоносовымъ и состоящая изъ слѣдующихъ 10 пунктовъ: 1) Всѣ участники экспедиціи должны повиноваться главнымъ начальникамъ — обсерваторамъ; за неповиновеніе полагалось „гимназистовъ по разсмотрѣнію наказывать", причемъ рекомендовалась „справедливая умѣренность". 2) По пріѣздѣ въ городъ отыскать удобную квартиру, излишнихъ затѣй не заводить, чтобы не причинить обиды и ненадобныхъ убытковъ, лишь бы

Астраханской 3, Бѣлгородской 2, Воронежской 3, Выборгской 1, Казанской 6, Кіевской 1, Московской 5, Нижегородской 1, Новгородской 7, Оренбургской 2, Смоленской 1, въ землѣ Донскихъ казаковъ 2, Малороссійскихъ 1, Уральскихъ 1 и 1 пунктъ (Екатеринбургъ) и по географическому положенію и въ административномъ отношеніи принадлежалъ къ Азіатской Россіи. Не было назначено пунктовъ для обсерваціи въ шести губерніяхъ: въ Лифляндіи, Эстляндіи, Малороссіи, Новороссійской, С.-Петербургской и Слободско-украинской. Вообще же на пустынныхъ окраинахъ намѣчено пунктовъ для наблюденія меньше, чѣмъ въ центрѣ, на сѣверѣ больше, чѣмъ на югѣ, и почти всѣ нынѣшніе губернскіе города въ предѣлахъ тогдашней Европейской Россіи вошли въ число намѣченныхъ для обсерваціи пунктовъ.

[1]) Это не вполнѣ точно, напр., Уфа отстоитъ отъ Оренбурга 345 в., а В. Ломовъ отъ Пензы 100 в., Козмодемьянскъ отъ Казани 218 в.

только хорошо произвести наблюденія; а произведши ихъ, не медля выѣзжать въ другое мѣсто. 3) Наблюденія производить сначала тѣ, которыя предписаны академіей; а другими заниматься, если не требуютъ долговременнаго ожиданія. 4) Сдѣлавъ точныя и вѣрныя наблюденія, не теряя времени на вычисленія, которыя могутъ быть произведены астрономами и математиками въ С.-Петербургѣ, присылать ихъ въ академію, отчего дѣло составленія атласа можетъ скорѣе подвинуться впередъ, такъ какъ обсерваторы могутъ употребить это время на другія наблюденія и переѣзды. 5) Въ городахъ, гдѣ будутъ производиться наблюденія, слѣдуетъ описывать все, указанное въ разосланныхъ географическихъ запросахъ. Особенно слѣдуетъ отыскивать лѣтописи этихъ городовъ и отдавать ихъ для переписки или покупать въ оригиналѣ, для чего назначить изъ казны сумму. 6) Записывать метеорологическія наблюденія. 7) Для веденія этихъ наблюденій отыскивать „людей любопытныхъ“ и имъ раздавать („особливо постояннымъ церковникамъ“) метеорологическіе инструменты, чтобы они хоть разъ въ день около полудня дѣлали наблюденія надъ состояніемъ погоды, для чего дать имъ бланки и таблицы. 8) Снимать виды съ хорошихъ улицъ, съ высокихъ горъ и вообще съ замѣчательныхъ мѣстностей, но, впрочемъ, безъ потери времени для главнаго дѣла. 9) Во время переѣзда съ одного мѣста на другое водою или сухимъ путемъ, записывать, лѣсистыя ли они или полевыя, или гористыя, обозначать устья впадающихъ рѣкъ, значительные повороты, при чемъ весьма полезно было бы указывать широту мѣста. 10) Всего путешествія вести ежедневный журналъ, записывая въ него всѣ важныя приключенія и обстоятельства, особенно содѣйствовавшія или препятствовавшія экспедиціямъ. Какъ представленіе свое, такъ и инструкцію Ломоносовъ проситъ президента разсмотрѣть и экспедиціи расположить въ профессорскомъ собраніи совмѣстно съ географическимъ департаментомъ „и произвести въ дѣйствіе неукоснительно“. Опредѣлено: списавъ копіи съ представленія и инструкціи, отослать ихъ въ профессорское собраніе при указѣ и, разсмотрѣвъ ихъ, представить въ канцелярію и доложить [1]).

Такъ какъ Ломоносовъ указывалъ на Румовскаго, какъ на человѣка, котораго слѣдовало отправить въ экспедицію, то ему посланъ былъ 1-го ноября запросъ, желаетъ ли онъ отправиться въ экспедицію, и если нѣтъ, то почему. На этотъ запросъ Румовскій 12-го

---

[1]) Тамъ же, 674—678.

ноября послалъ въ канцелярію Академіи Наукъ отзывъ, въ которомъ онъ отказывается отъ отправленія въ экспедицію по слабости здоровья, разстроеннаго во время экспедиціи по наблюденію за прохожденіемъ Венеры, и указываетъ, что въ экспедицію должны быть отправлены профессоръ Поповъ и адъюнктъ Красильниковъ, какъ получившіе уже чины за свое согласіе отправиться въ экспедицію. Кромѣ того Румовскій указываетъ, что „въ другихъ академіяхъ предлагающія подобныя предпріятія особы, сами оныхъ не только отправлять не отрекаются, но и примѣромъ своимъ поощряютъ трудовъ самопроизвольныхъ сообщниковъ, вникая во всѣ подробности и затрудненія для лучшаго успѣху дѣлаютъ иногда двулѣтнія пріуготовленія". Вдобавокъ къ тому Румовскій отрицаетъ возможность опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, въ особенности долготы, употреблявшимися тогда способами и считаетъ это безполезнымъ трудомъ, а потому и отъ посылаемыхъ экспедицій никакого благопріятнаго результата, по его мнѣнію, ожидать нельзя. Академіи слѣдуетъ подождать, пишетъ онъ, годъ или два, подготовить достаточное число молодыхъ людей, годныхъ для экспедицій; а къ тому времени „и часы Гаррисоновы..., какъ съ вѣроятностью надѣяться должно, въ свѣтъ изданы будутъ"; съ помощію ихъ въ два или три дня можно сдѣлать то же самое, что обыкновенными наблюденіями иногда и въ полгода не удается сдѣлать. Если же Академія не имѣетъ намѣренія дожидаться Гаррисоновыхъ часовъ, то необходимо будетъ для опредѣленія долготъ дѣлать здѣсь въ С.-Петербургѣ наблюденія соотвѣтственно тѣмъ, которыя будутъ дѣлаться внутри Россіи—и по этой причинѣ Румовскій долженъ остаться при Академіи [1]). Злой рокъ преслѣдовалъ всѣ начинанія Ломоносова по устройству географическихъ экспедицій: и на этотъ разъ онѣ не были посланы.

Таковы были труды Ломоносова относительно изданія атласа Россіи. При разсмотрѣніи его дѣятельности въ этомъ отношеніи, первое, что бросается въ глаза, это то, что всѣ его заботы базируются на двухъ основахъ: на точномъ опредѣленіи широты и долготы мѣстъ и на статистическихъ данныхъ. Такъ какъ безъ точнаго опредѣленія широты и долготы невозможно составить вѣрнаго атласа, то Ломоносовъ усиленно хлопочетъ о снаряженіи географическихъ экспедицій, намѣчаетъ въ географическомъ департаментѣ совмѣстно съ другими академиками

[1]) Тамъ же, 689—699. Англичанинъ Гаррисонъ (1693—1776) достигъ высокой степени совершенства въ изготовленіи хронометровъ.

пункты для астрономическихъ опредѣленій, указываетъ пути, по которымъ должны отправиться экспедиціи. И если бы проектировавшіяся экспедиціи состоялись, то Россія имѣла бы атласъ, построенный на вполнѣ научныхъ основаніяхъ.

Другой базисъ, на которомъ основался Ломоносовъ при изданіи атласа—это статистико-политико-экономическая основа. Ломоносовъ видѣлъ, что для вполнѣ научнаго атласа Россіи, помимо географической вѣрности, необходимо, чтобы свѣдѣнія занесены были вполнѣ точныя и въ политико-экономическомъ отношеніи, чтобы внесены были пункты наиболѣе населенные, наиболѣе торговые и вообще такіе, которые играютъ нѣкоторую роль въ данной мѣстности, чтобы помѣщеніемъ пунктовъ неважныхъ и пропускомъ значительныхъ не возбудить смѣха, а потому и недовѣрія у лицъ, знакомыхъ съ даннымъ краемъ. Вотъ почему Ломоносовъ съ особенною заботливостью относился къ присылкѣ отвѣтовъ на географическіе запросы. Но эти отвѣты имѣютъ значеніе не только для составленія атласа Россіи; нѣтъ: они вообще были необходимы для составленія географіи Россіи; благодаря имъ и гидрографія, и орографія, и этнографія, и флора, и фауна, и промышленность какъ добывающая, такъ и обрабатывающая, а равно пути сообщенія—водяные и сухопутные—и торговля были бы обрисованы вполнѣ; словомъ представлена была бы яркая картина Россіи въ политическомъ, экономическомъ и физическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ при Россійскомъ атласѣ была бы и географія Россіи, что Ломоносовъ имѣлъ также въ виду [1]), составленная по такому же широкому плану, какъ и Россійскій атласъ.

Если сравнить способъ изданія атласа, проектированный Ломоносовымъ, со способомъ, по которому были изданы атласы Россіи Кирилловымъ въ 1734 г. и Академіей Наукъ въ 1745 г., то сравненіе получится въ пользу проекта Ломоносова, такъ какъ при составленіи первыхъ атласовъ только незначительное число пунктовъ опредѣлено было астрономическимъ способомъ, большинство же геодезистами; иногда положеніе даннаго мѣста опредѣлялось при помощи треугольниковъ, иногда просто на основаніи показаній жителей; вдобавокъ геодезисты, снимавшіе карты, дѣлали ихъ не по одному опредѣленному масштабу, а каждый по своему произволу; слѣдовательно, прежде чѣмъ нанести извѣстное мѣсто на общую карту, необходимо было имѣющіяся на лицо частныя карты приводить къ одному мас-

[1]) Тамъ же, 581.

штабу [1]). Ломоносовъ принялъ однообразную, наиболѣе совершенную въ его время проекцію, которой должны были держаться обѣ экспедиціи; слѣдовательно, какъ при наблюденіяхъ, такъ и при вычисленіяхъ и нанесеніи мѣстностей на карты должно было господствовать полнѣйшее единообразіе, исключавшее въ значительной степени возможность погрѣшностей, такъ тормозящихъ дѣло. Въ этомъ тоже не маловажная заслуга Ломоносова.

Далѣе. По сравненію съ Россійскимъ атласомъ 1745 г. атласъ, проектированный Ломоносовымъ, предполагался въ бо́льшемъ масштабѣ и подробнѣе. Первый атласъ удѣлялъ для Европейской Россіи 13 спеціальныхъ картъ, Ломоносовымъ же атласъ разсчитанъ былъ на 60—70 картъ, т. е. онъ долженъ былъ быть въ пять разъ больше предыдущаго, хотя территорія государства нисколько не измѣнилась послѣ 1745 г. Такъ какъ въ то время въ Европейской Россіи было 18 губерній, то на каждую губернію пришлось бы въ среднемъ почти по 4 карты.

Затѣмъ число пунктовъ, астрономически опредѣленныхъ, должно было далеко превышать число таковыхъ же пунктовъ атласа 1745 г., такъ какъ въ атласѣ, издаваемомъ Ломоносовымъ, кромѣ 47 пунктовъ, подлежавшихъ опредѣленію при посредствѣ экспедицій, были еще астрономически опредѣленные пункты въ предѣлахъ Прибалтійскаго края и С.-Петербургской губерніи, карты которыхъ были уже приготовлены, такъ что общее число пунктовъ, астрономически опредѣленныхъ, простиралось бы минимумъ до 60, т. е. почти по одному на каждую отдѣльную карту.

Наконецъ атласъ, проектированный Ломоносовымъ, долженъ былъ быть обильнѣе по содержанію сравнительно съ прежде изданными атласами, такъ какъ въ него должны были войти названія не только городовъ, но селъ и даже деревень, хотя, конечно, не всѣхъ. Между тѣмъ атласы, прежде изданные, были очень скудны содержаніемъ, ограничиваясь иногда названіями однихъ провинцій и ихъ главныхъ городовъ [2]).

И если бы всѣ собранные Ломоносовымъ статистическіе матеріалы вмѣстѣ съ астрономическими опредѣленіями мѣстностей употреблены были при составленіи атласа, то, по его справедливому выраженію, можно было бы составить такой атласъ Россіи, „кото-

---

[1]) *Свенске*, 5, 9, 25, 30, 41, 46, 47, 52.

[2]) *Свенске*, 26, 36.

рымъ похвалиться можно предъ всею Европой". Къ сожалѣнію, всѣ труды Ломоносова въ этомъ отношеніи оказались тщетными: географическія экспедиціи при немъ не были отправлены; изъ топографіи городовъ, составленной на основаніи присланныхъ на географическіе запросы отвѣтовъ, не сдѣлано никакого употребленія и не только не былъ изданъ полный атласъ Россіи, но не извѣстно, были ли отпечатаны и приготовленныя при Ломоносовѣ отдѣльныя его карты [1]).

Ив. Тихомировъ.

---

[1]) Свенске (59) говоритъ, что трудъ по изданію атласа оказался для Ломоносова не по силамъ; но главная причина неудачи была въ томъ, что онъ постоянно встрѣчалъ упорное противодѣйствіе себѣ среди своихъ же сочленовъ по Академіи.

ОСАДА СМОЛЕНСКА РУССКИМИ ВЪ 1613—1617 ГГ., ОПИСАННАЯ ІЕЗУИТАМИ.

Въ событіяхъ Смутнаго времени, наступившаго въ Московскомъ государствѣ послѣ прекращенія династіи Рюриковичей, отношенія къ Польшѣ занимали очень видное мѣсто, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали играть видную роль и всѣ пограничныя съ Польшей Московскія области. Такъ, Сѣверская Украйна выдвинула и поддерживала Самозванцевъ—обоихъ Лжедимитріевъ; а Смоленская область должна была выдержать всю тяжесть военныхъ дѣйствій какъ со стороны Польши, такъ и со стороны Москвы. Особенно же выдающееся значеніе занялъ Смоленскъ, какъ сильнѣйшая Московская крѣпость на границѣ съ Польшей. Смоленску выпало на долю дважды подвергаться продолжительной и тяжелой осадѣ: сперва со стороны поляковъ, съ королемъ Сигизмундомъ III во главѣ, съ 21-го сентября 1609 года до 3-го іюня 1611 года, а потомъ со стороны русскихъ—съ половины 1613 года до 1617 года.

Осада со стороны поляковъ была очень тяжелой, такъ какъ продолжалась около двухъ лѣтъ и осаждающее войско достигало 30 тысячъ человѣкъ; осада была особенно энергичной, такъ какъ король рѣшилъ, во что бы то ни стало, овладѣть Смоленскомъ. Гарнизонъ Смоленска и его жители проявили въ свою очередь необычайную стойкость, тѣмъ болѣе изумлявшую и раздражавшую поляковъ, что польскій королевичъ Владиславъ въ то время былъ избранъ на Московскій престолъ и посольство, пріѣхавшее для объявленія этого избранія, находилось подъ Смоленскомъ въ лагерѣ короля, но не принимало на себя отвѣтственности убѣдить смолянъ сдаться.

Московскіе послы, во главѣ съ митрополитомъ Филаретомъ и кн. Голицынымъ, равно какъ и Смоленскій воевода и жители Смоленска видѣли, что польскій король Сигизмундъ велъ двуличную политику:

съ одной стороны онъ соглашался отпустить своего сына въ Москву, а съ другой требовалъ сдачи Смоленска на свое имя.

Зная религіозный фанатизмъ короля, смольняне не безъ основанія опасались за свободу своей вѣры и національности и предпочли выдерживать осаду до послѣдней крайности. Дѣйствительно, Смоленску дорого обошлась осада: до начала ея въ немъ насчитывалось около 80 тыс. населенія, къ концу же осады онъ имѣлъ всего около 8 тысячъ. Военные припасы его также пришли къ концу, хотя въ началѣ осады въ Смоленскѣ было, по словамъ воеводы Шеина, до 8.500 пудовъ пороха, при 170 пушкахъ [1]).

3-го іюня Смоленскъ былъ взятъ приступомъ поляками, и это событіе вызвало восторгъ во всей Польшѣ. Больше всего былъ доволенъ самъ король, который, по взятіи Смоленска возвратился въ Польшу праздновать побѣду. Насколько велика была радость поляковъ по поводу взятія Смоленска, настолько тяжела была потеря этой крѣпости для Московскаго государства, и потому однимъ изъ первыхъ дѣйствій вновь избраннаго царя Михаила Θеодоровича Романова была попытка возвратить потерянную крѣпость. Поэтому въ начавшейся тотчасъ по вступленіи царя Михаила на престолъ войнѣ съ Польшей осада Смоленска снова стала центральнымъ событіемъ войны, и неблагопріятный результатъ этой осады въ значительной мѣрѣ повліялъ на исходъ первой войны съ Польшей при царѣ Михаилѣ.

Мы имѣемъ въ виду познакомить сейчасъ читателей съ новымъ документомъ, касающимся второй осады Смоленска и передающимъ, въ видѣ погодныхъ записей, всѣ важнѣйшіе моменты осады съ точки зрѣнія лица, выдержавшаго эту осаду съ начала до конца. Это именно Записки іезуитовъ, основавшихся въ Смоленскѣ, тотчасъ по взятіи его Сигизмундомъ. Записки носятъ заглавіе: „Residentiae Smolenscensis Societatis Jesu provintiae Lithuaniae ab anno Domini, quo coepit historica descriptio—1611“ [2]).

Относительно погодныхъ Записокъ іезуитовъ надо сказать, что они велись іезуитами обязательно во всѣхъ важныхъ пунктахъ, гдѣ іезуиты пріобрѣтали прочную осѣдлость и основывали миссію, резиденцію или коллегій. Эти Записки служили матеріаломъ для донесеній высшему орденскому начальству, въ видѣ провинціала, т. е. на-

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, кн. II, стр. 988—990.

[2]) Записки іезуитовъ писались на латинскомъ языкѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ хранятся въ Архивѣ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

чальника одной изъ провинцій, на которыя дѣлились всѣ земли, въ которыхъ іезуиты раскинули свои сѣти.

За время съ конца XVI и до половины XVII столѣтія въ однѣхъ только русскихъ областяхъ Польши іезуиты основали свои миссіи, резиденціи и коллегіи почти въ сотнѣ городовъ и мѣстечекъ [1]). Большая часть содержанія настоящихъ Записокъ смоленскихъ іезуитовъ не представляетъ обще-историческаго интереса, такъ какъ іезуиты преимущественно интересуются событіями, касающимися дѣятельности членовъ ордена, или чисто религіозными вопросами: они подробно и точно перечисляютъ, сколько членовъ ордена живетъ и дѣйствуетъ въ данномъ мѣстѣ, сколько каждому іезуиту удалось обратить въ католицизмъ, или просто поисповѣдать въ теченіе года лицъ православнаго исповѣданія (схизматиковъ), или лютеранскаго (еретиковъ); далѣе—какія были религіозныя празднества и процессіи въ данной мѣстности, кто и какія пожертвованія сдѣлалъ въ теченіе года. За нѣкоторые годы встрѣчаются извѣстія, имѣющія по своему содержанію отношеніе къ совершившимся въ тѣ годы событіямъ, хотя достовѣрность и цѣнность самихъ записей не всегда одинаковы.

Въ интересующихъ насъ въ данное время Запискахъ, захватывающихъ все время пребыванія Смоленска во владѣніи Польши, т. е. съ 1611 до 1654 года, историческій интересъ представляютъ главнымъ образомъ извѣстія объ осадѣ Смоленска въ 1613—1617 годахъ, когда началась третья за время Смуты война съ Польшей. Осада русскими войсками Смоленска въ 1613—1617 гг. описана іезуитами очень подробно; въ виду интереса этихъ событій вообще и въ особенности въ настоящую 300-лѣтнюю ихъ годовщину, мы воспроизведемъ главнѣйшіе моменты осады, насколько они отразились въ Запискахъ [2]).

Начало своего пребыванія въ Смоленскѣ іезуиты относятъ къ 7-го іюля 1611 года; такимъ образомъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ взятія Смоленска король Сигизмундъ III уже призвалъ въ Смоленскъ любезныхъ его сердцу іезуитовъ. Іезуитамъ пожалованъ былъ Сигизмундомъ III бывшій православный Болдинскій монастырь съ деревнями и крестьянами (297 душъ).

---

[1]) Арх. Гл. Упр. Земл. и Земледѣл. Опись дѣлъ Эдукаціоннаго фундуша №№ 9—12, а также *Шафрановъ, П. А.* „Историческій очеркъ устройства Архива и составъ дѣлъ". Стр. 2; 85—88.

[2]) Записки іезуитовъ сохранились въ связкѣ, заключающей бумаги о домахъ и пляцахъ іезуитовъ („Regestr papierów odnoszącychsie do poiesuit. domów i placów" стр. 167, св. 4).

Съ 1613 года въ Запискахъ идутъ довольно подробныя свѣдѣнія объ осадѣ и продолжаются до конца осады въ 1617 году, когда завязались переговоры о мирѣ, закончившіеся въ 1618 году Деулинскимъ перемиріемъ.

Въ Исторіи Россіи Соловьева объ этой осадѣ сказано всего нѣсколько строкъ, при чемъ перечисляются имена воеводъ, назначавшихся для осады Смоленска, даются нѣкоторыя свѣдѣнія о мирныхъ переговорахъ; о самомъ же ходѣ осады свѣдѣній у него не имѣется [1]).

Іезуиты довольно подробно описываютъ главные моменты осады, сообщаютъ даже, хотя и нѣсколько своеобразно, объ обстоятельствахъ избранія па Московскій престолъ Михаила Θедоровича Романова.

Что касается осады, то, какъ и слѣдуетъ ожидать, болѣе подробно и точно сообщается о состояніи и дѣйствіяхъ польскаго гарнизона, осажденнаго въ Смоленскѣ; много любопытныхъ подробностей имѣется также о дѣйствіяхъ осаждавшей московской арміи: способъ осады и устройства укрѣпленій московскимъ войскомъ, военные пріемы и хитрости съ той и другой стороны [2]).

Изъ московскихъ воеводъ, осаждавшихъ Смоленскъ, іезуиты упоминаютъ только четверыхъ (Мастругія, кн. Хованскаго, кн. Сицкаго и Бутурлина), а изъ нихъ останавливаются только на двоихъ, какъ выказавшихъ болѣе другихъ энергіи и изобрѣтательности при осадѣ,—это на Мастругіи, т. е. кн. Дмитріи Мамстрюковичѣ Черкасскомъ, котораго іезуиты, очевидно, называютъ только по отечеству [Мастругій, т. е. Мамстрюковичъ] и Бутурлинѣ.

Послѣ занятія Москвы, пишетъ іезуитъ, московитяне направили всѣ усилія на то, чтобы поспѣшно вооружиться противъ поляковъ. Поэтому новаго царя они желаютъ имѣть пе по человѣческому избранію, а какъ бы свыше избраннаго Божественнымъ Промысломъ; а чтобы легче получить желаемое, они кладутъ листокъ бумаги въ алтарѣ одного изъ храмовъ, затѣмъ назначаютъ трехдневный постъ строже обыкновеннаго, а именно, чтобы даже дѣтямъ ничего не позволялось ѣсть.

Описывая избраніе Михаила Θедоровича, іезуитъ пытается осмѣять религіозный обрядъ при избраніи (оставленіе жребіевъ на престолѣ), дѣйствительно существовавшій у русскихъ, напримѣръ, при избраніи

---

[1]) См. Ист. Россіи, т. II, стр. 1067—1068; 1075—1090, и 1135—1151.

[2]) Записки писаны одною рукою; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поляхъ сдѣланы приписки, имѣющія характеръ дополненій, или иной редакціи разсказа и сдѣланныя другой рукой.

Новгородскаго владыки. Попытка подорвать авторитетъ и силу народнаго избранія вполнѣ понятна у іезуита-поляка, такъ какъ онъ понималъ, что народное избраніе царя Михаила, усиленное авторитетомъ Божественнаго Провидѣнія, давало царю Михаилу большое преимущество предъ избраннымъ ранѣе королевичемъ Владиславомъ. Поэтому же іезуитъ стремится выставить избраніе не актомъ народной воли въ лицѣ Земскаго Собора, а результатомъ происковъ его матери.

По избраніи на престолъ, продолжаетъ іезуитъ, царь, не мѣшкая, приказываетъ тѣснить и еще болѣе преслѣдовать поляковъ.

Главнокомандующимъ онъ назначаетъ Мастругія (т. е. князя Черкасскаго), человѣка большой отваги и вполнѣ ему преданнаго [1]). Послѣдній набираетъ значительное войско и большую часть его отправляетъ для возвращенія крѣпостей, занятыхъ ранѣе поляками. Москвитяне осаждаютъ прежде всего укрѣпленный городъ Бѣлый, тревожатъ поляковъ постоянными нападеніями и, наконецъ, послѣ добровольной сдачи, вслѣдствіе голода, части гарнизона, завладѣваютъ городомъ. Приступили затѣмъ къ завоеванію другого города Вязьмы и оттуда, уступая многочисленности войска, поляки ушли безъ сопротивленія.

Не встрѣчая сопротивленія, кн. Черкасскій поспѣшилъ къ Смоленску.

Здѣсь онъ сперва въ 8 тысячахъ шаговъ, потомъ въ 4-хъ и, наконецъ, въ двухъ тысячахъ, искусно загораживаетъ всѣ пути деревьями и рвами, какъ бы своего рода крѣпостями [2]). Загораживаетъ также доступъ къ рѣкѣ, такъ что у сидѣвшихъ въ крѣпости поляковъ отнималась всякая надежда доставать себѣ пропитаніе. Затѣмъ онъ нападаетъ на тѣ деревни, изъ которыхъ поляки доставали себѣ продовольствіе, такъ что поляки, вышедшіе ранѣе за продовольствіемъ, едва успѣли укрыться за стѣнами Смоленска. Такая быстрота и смѣлость русскихъ навела страхъ на плохо вооруженную польскую легкую кавалерію; отъ нихъ боязнь перешла къ горожанамъ и купцамъ; очень многіе склонялись къ тому, чтобы покинуть крѣпость, и къ этому скоро склонилось бы все населеніе, если бы не убѣжденія іезуитовъ и оказанная ими матеріальная помощь населенію. Часть войска все же ушла изъ крѣпости, несмотря на увѣщанія со стороны коменданта.

---

[1]) Д. М. Черкасскій приходился, какъ извѣстно, близкимъ родственникомъ семьи Романовыхъ. См. проф. С. Ф. Платонова, „Статьи по рус. ист.“ стр. 385—386.

[2]) Въ донесеніяхъ воеводъ эти крѣпостцы называются острогами и острожками. См. *Соловьевъ* II, 1134—1135.

Конница осталась только послѣ долгихъ убѣжденій и даже подкупа. Пока происходило это смятеніе въ Смоленскѣ, москвитяне ничего не предпринимали. Господь, пишетъ іезуитъ, вселяетъ въ поляковъ духъ тишины, на русскихъ же посылаетъ духъ непостоянства и смятенія, особенно когда въ Смоленскъ пришла помощь въ видѣ конницы изъ бѣжавшихъ и возвращенныхъ казаковъ и отряда татарской пѣхоты. Поляки немного оправились отъ страха, но распущенность солдатъ не позволяла спокойствію долго просуществовать. Вновь прибывшіе отряды питали увѣренность, что если они, помимо всякаго военнаго совѣта, выйдутъ изъ крѣпости и станутъ дѣйствовать противъ непріятеля, то обратятъ его въ бѣгство, или, что также вѣроятно, истребятъ и такимъ образомъ устранятъ нависшую надъ ихъ головами бѣду и откроютъ всѣ дороги, загороженныя непріятелемъ. Благодаря такому незрѣлому рѣшенію, они обратили на себя вниманіе русскихъ. Москвитяне, разсыпанные повсюду, нападаютъ на поляковъ изъ засады, убиваютъ много людей и лошадей, отнимаютъ знамена, многихъ забираютъ живыми, остальные убѣгаютъ обратно въ крѣпость.

Унывіе и отчаяніе напало на осажденныхъ, ибо они видѣли, что нѣтъ никакихъ средствъ поправить дѣла, пришедшія въ безнадежное положеніе. Польскій гарнизонъ уже въ то время угнетала крайняя нужда, и солдаты нападали на имущество горожанъ и купцовъ, грабили его и расхищали при первой возможности. Такъ прошелъ 1613 годъ. Слѣдующій годъ былъ еще болѣе тяжелымъ.

Князь Черкасскій, главный вождь московской арміи, употреблялъ всѣ средства, чтобы овладѣть крѣпостью.

Онъ дѣлаетъ попытки однихъ изъ осажденныхъ склонить льстивыми письмами, обѣщая царскія милости, если они сдадутъ крѣпость; другихъ и даже самого коменданта и офицеровъ, онъ побуждаетъ къ сдачѣ крѣпости угрозами наказанія, въ случаѣ паденія крѣпости. Онъ заставляетъ одного плѣннаго польскаго офицера написать и послать въ крѣпость письмо, въ которомъ сообщалось, что нѣтъ никакой надежды на подвозъ провіанта осажденнымъ. Кромѣ того, сообщался ложный слухъ, будто польское войско разбито и предводитель его связаннымъ отправленъ къ царю.

Онъ писалъ и отъ себя тайныя письма къ тѣмъ, кого онъ считалъ расположенными къ себѣ, убѣждая ихъ открыть ему доступъ къ какому либо изъ защитныхъ укрѣпленій.

Не удовлетворяясь подобнаго рода замыслами, князь Черкасскій

придумываетъ новыя: такъ онъ вмѣстѣ съ солдатами спускается изъ своихъ укрѣпленій внизъ съ тѣмъ, чтобы въ то время, когда осажденные откроютъ ворота и выйдутъ изъ крѣпости для добыванія провіанта, самому изъ засады ворваться въ ворота и захватить крѣпость.

Но такъ какъ и это средство не имѣло успѣха, какъ нѣчто обычное для города, то Черкасскій среди весьма холодной зимы, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, въ тысячѣ шаговъ отъ крѣпости строитъ заборъ изъ двухколесныхъ повозокъ, покрытыхъ навозомъ и снѣгомъ, который сковывается морозомъ; заборъ этотъ онъ устраиваетъ съ тѣмъ, чтобы его массой укрѣпить себя и вмѣстѣ сломить поляковъ, доведя ихъ до послѣдней крайности, такъ какъ, благодаря этому изобрѣтенію, выходъ съ какой бы то ни было стороны не былъ безопаснымъ. Осажденные дѣйствительно доходятъ до крайней степени лишеній.

Правильнаго суда въ крѣпости не было. Солдаты дозволяли себѣ всякія безчинства, грабежи, убійства, не слушая ничьихъ увѣщаній.

Самого коменданта, совѣтовавшаго имъ не нападать опрометчиво на непріятеля, подвергали оскорбленіямъ. Побуждаемые голодомъ, одни хотѣли отдаться въ руки непріятеля, другіе предпочитали умереть, сражаясь съ врагомъ. Крѣпостныя ворота постоянно охранялись, чтобы не было возможности привести въ исполненіе безумное рѣшеніе. Тѣмъ не менѣе, когда выводили за стѣны крѣпости лошадей, чтобы покормить ихъ крапивой, многіе, какъ безумные, бросались на непріятельскія укрѣпленія, нанося немалый вредъ непріятелю, но гораздо большій самимъ себѣ.

Многіе попытались переправиться чрезъ Днѣпръ. Переправа началась съ ранней зари и продолжалась до полудня вслѣдствіе того, что судно, которымъ пользовались поляки для переправы, отъ частыхъ ударовъ кусками разбиваемаго льда поистерлось, и канатъ, на который опирались поляки, отъ сильнаго теченія разорвался. Дождь еще болѣе ухудшалъ положеніе.

Все это комендантъ видѣлъ съ крѣпостной башни и не переставалъ всѣми силами убѣждать, чтобы они повиновались, возвратились бы къ стѣнамъ крѣпости и не шли на явную гибель. Но все было напрасно; убѣжденія начальника оставлялись безъ вниманія и даже осмѣивались. И вотъ люди выдающейся храбрости торопливо нападаютъ на непріятеля, который приготовился встрѣтить гостей горькимъ угощеніемъ. Русскіе встрѣчаютъ нападавшихъ такимъ градомъ

камней, что многіе были убиты на мѣстѣ; большинство же до того осыпаны были ударами стрѣлъ и камней, что кн. Черкассній, увидѣвши такое положеніе поляковъ, громко закричалъ своимъ: „вотъ какъ жестоко караетъ Богъ тѣхъ, кто не слушаетъ своего вождя".

Дѣйствительно, добавляетъ іезуитъ, неповинующіеся начальнику и непочтительные къ сѣдинамъ не избѣжали, по божескому суду, наказанія плѣномъ, ранами и даже преждевременной смертью.

Наконецъ, продолжаетъ іезуитъ, солдаты, хотя и поздно, поняли свою ошибку и, изнемогая отъ ранъ,-волей неволей должны были возвратиться въ крѣпость.

Послѣдствія пораженія сказались въ томъ, что голодъ, для избавленія отъ котораго несчастные и не владѣющіе собою солдаты рѣшались на все, сталъ свирѣпствовать все сильнѣе среди жителей крѣпости. Наступила такая дороговизна съѣстныхъ припасовъ, что небольшая мѣра пшеницы стоила 100 флориновъ, 1 фунтъ свинины 20 флориновъ.

Впослѣдствіи голодъ до того сталъ терзать людей, что всѣ отъ слабости и истощенія падали на землю и если хотѣли поддержать себя какимъ либо хлѣбомъ, то дѣлали его изъ всякой дряни, если только имѣли ее. Обычной ѣдой служило мясо лошадей, собакъ, кошекъ, крысъ и воловья кожа. Когда же не стало и этого, то многіе тайкомъ убивали дѣтей и съѣдали. Одинъ не пощадилъ даже своей жены.

Много московскихъ плѣнниковъ было убито и съѣдено. Одна мать собиралась приготовить себѣ и мужу двухъ сыновей, но комендантъ предотвратилъ это жестокое дѣло выдачей нѣкотораго количества муки.

Солдаты злобствовали на тѣхъ изъ своихъ офицеровъ, которые были въ тѣлѣ, и тѣ должны были оставаться дома, или выходить съ осторожностью, вооруженными и въ сопровожденіи вѣрныхъ спутниковъ.

Если откуда либо доносился запахъ хлѣба, то голодные выламывали двери дома и забирали хлѣбъ даже изъ печи.

Питались также вредными кореньями и отъ этого, какъ и вообще отъ недостатка пищи, стали появляться разныя болѣзни: водянка, цинга, болѣзни нервовъ и костей, куриная слѣпота и другія еще худшія бѣдствія, дѣлавшія жизнь въ этомъ мѣстѣ ненавистной.

Всѣ боялись самаго худшаго изъ всѣхъ золъ — чумы, которая

обыкновенно слѣдуетъ за голодомъ и отъ которой за нѣсколько времени до осады Смоленска будто бы погибло 200 тысячъ москвитянъ, хотя они имѣли достаточно продовольствія [1]).

Несмотря на такіе ужасы и истощеніе силъ, поляки продолжали дѣлать вылазки противъ москвитянъ.

Они, напримѣръ, забавлялись иногда такого рода военными хитростями.

Было объявлено осаждающимъ, что жены москвитянъ освобождены изъ заключенія и имъ предоставлена свобода отправиться въ московскій лагерь. Русскіе были обрадованы и вышли изъ лагеря навстрѣчу. Между тѣмъ около сотни польскихъ солдатъ, по соглашенію съ комендантомъ и офицерами, продѣлываютъ такую штуку. Надѣваютъ на себя женское платье и показываютъ видъ, что они жены русскихъ, получившія свободу; между тѣмъ подъ платьемъ скрываютъ оружіе и выступаютъ по направленію къ русскому лагерю. Русскіе, думая, что дѣйствительно идутъ жены русскихъ, выбѣгаютъ имъ навстрѣчу изъ своихъ укрѣпленій. Мнимыя женщины окружаютъ вышедшихъ и съ крикомъ „нападайте!“ неожиданно бросаются на русскихъ; многихъ ранятъ и убиваютъ.

Русскимъ остается единственное средство къ спасенію бѣжать къ Днѣпру, но въ это время ихъ лодки загораются отъ выстрѣловъ изъ крѣпости, и русскіе бросаются прямо въ воду.

Нѣкоторые случайно спаслись и не могли удержаться потомъ, чтобы не посмѣяться надъ веселой военной шуткой, поздравляя другъ друга съ полученіемъ очень злыхъ женъ.

Вскорѣ осажденному польскому войску судьба послала болѣе значительную удачу. Къ нимъ на помощь явился изъ Польши многочисленный отрядъ войска подъ начальствомъ Сапѣги, старосты Оршанскаго, и знаменитаго Лисовскаго; съ ними прибыло нѣкоторое количество давно ожидаемаго провіанта.

Тогда на московское войско напалъ страхъ, и кн. Черкасскій предалъ огню одно изъ своихъ укрѣпленій и, безъ сомнѣнія, говоритъ іезуитъ, сжегъ бы и другія, если бы не узналъ, благодаря нескромности поляковъ, что для прибывшаго войска Смоленскъ будетъ только стоянкой и то непродолжительной. Такимъ образомъ, поляки, хотя на нѣкоторое время, могли поспорить съ русскими своей легкой кавалеріей, однако не выиграли ничего.

---

[1]) Русскіе источники не подтверждаютъ этого сообщенія.

Сапѣга, оставивъ въ Смоленскѣ провіантъ, ушелъ вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ назадъ.

Тогда для осажденныхъ начался новый рядъ бѣдствій. Несмотря на то, что для защиты крѣпости прибыло нѣсколько свѣжихъ сотенъ кавалеріи, солдаты совершенно отказались дальше оставаться въ Смоленскѣ и рѣшили отправиться въ предѣлы Польши. Они и осуществили бы это рѣшеніе, если бы просьбами, обѣщаніями и подарками, а іезуиты присылкой продовольствія, не отвлекли ихъ отъ принятаго рѣшенія и не убѣдили затѣмъ подождать хотя бы двѣ недѣли; при чемъ начальникъ гарнизона пообѣщалъ, что если черезъ 2 недѣли не придетъ помощь изъ Польши, то онъ вмѣстѣ съ ними отправится въ предѣлы королевства.

Пѣхота успокоилась, но старая кавалерія настаивала упорно на своемъ уходѣ, такъ что въ это именно время Смоленскъ легко могъ попасть въ руки русскихъ.

Уже истекали въ день св. Мартина двѣ условленныя недѣли; уже крѣпость должна быть покинута и русскіе готовились напасть на нее, какъ въ тотъ самый день, въ тотъ самый часъ, когда величайшая слава взятія Смоленска, пишетъ іезуитъ, казалось, должна была для поляковъ погибнуть, прибываютъ послы отъ короля и сенаторовъ, но не отъ всей республики, съ письмами къ воинамъ, полными утѣшенія и извѣщавшими, что скоро прибудутъ желаемыя подкрѣпленія и продовольствіе. Всѣми овладѣла, по словамъ іезуита, такая необыкновенная радость, что они чувствовали себя львами въ отношеніи непріятеля. Изъ этого необходимо, однако, заключить, что русскіе недостаточно энергично вели осаду Смоленска, и что у нихъ плохо поставлена была развѣдочная часть, если они могли пропустить туда не только большой отрядъ войска, что еще понятно, но даже кучку людей съ столь важными для осажденныхъ и для осаждающихъ извѣстіями, рѣшившими судьбу осады не въ пользу русскихъ.

Извѣстіе о скоромъ прибытіи помощи настолько подняло духъ осажденныхъ, что они сдѣлали вылазку съ цѣлью фуражировки, проникали въ самыя опасныя мѣста и возвратились обремененные провіантомъ.

Русскіе будто бы знали объ этомъ, могли помѣшать и даже отнять провіантъ, но почему-то не сдѣлали этого. Очевидно, заключаетъ іезуитъ, Богъ вселилъ въ нихъ тотъ страхъ, который отнялъ у поляковъ.

1615-й годъ, по словамъ іезуита, не былъ такимъ тревожнымъ,

какъ предыдущіе, но и не во всѣхъ отношеніяхъ былъ спокойнымъ для осажденныхъ поляковъ.

Всеобщимъ чаяніемъ осажденныхъ была помощь, не появившаяся еще до конца 1614 года.

Между тѣмъ князь Черкасскій продолжалъ проявлять свою дѣятельность.

На военныя затѣи поляковъ, въ родѣ вышеприведенныхъ, онъ отвѣчалъ такими же затѣями.

Такъ въ самый день Обрѣзанія Господня ночью онъ незамѣтно приближается къ крѣпости съ отрядомъ войска и помѣщаетъ своихъ людей на сосѣднихъ возвышенностяхъ. Потомъ подсылаетъ къ самымъ стѣнамъ города около 50 человѣкъ, накрытыхъ сверху бѣлыми покрывалами, такъ что ихъ трудно было замѣтить на бѣломъ снѣгѣ.

Другимъ съ сосудами, наполненными порохомъ и называемыми въ народѣ петардами, предназначенными для разрушенія воротъ, онъ приказываетъ расположиться у самыхъ воротъ. Расчетъ, разумѣется, былъ тотъ, чтобы, пользуясь покровомъ ночи, неожиданно напасть на польскую стражу, если бы она случайно спала, и въ завязавшейся борьбѣ овладѣть замкомъ.

Но затѣи кн. Черкасскаго не укрылись отъ вниманія поляковъ, и они, по словамъ іезуита, посмѣивались надъ его попытками и чтобы показать, что замѣтили врага и бодрствуютъ, они издавали крики, пѣніемъ привѣтствовали зарю и, наконецъ, забили въ литавры, находившіяся во многихъ мѣстахъ на окраинахъ крѣпости.

Кн. Черкасскій, замѣтивъ, что его замыселъ открытъ, возвращается въ свой лагерь и приказываетъ разрядить петарды на вѣтеръ.

Но, потерпѣвъ неудачу съ этой военной хитростью, кн. Черкасскій обращаетъ свои усилія на закрытіе всѣхъ дорогъ для подвоза провіанта въ Смоленскъ и съ этою цѣлью располагаетъ отдѣльные отряды свои у самыхъ дорогъ на возвышенностяхъ и пригоркахъ.

Поляки, узнавъ объ этомъ, высылаютъ пѣхоту изъ крѣпости, прогоняютъ московскіе отряды съ большимъ урономъ для русскихъ и тѣмъ освобождаютъ дороги для свободнаго сообщенія осажденныхъ съ окрестными мѣстами.

Военныя силы русскихъ въ это время были сильно разстроены, такъ какъ, по словамъ іезуита, въ московскомъ войскѣ погибло до этого времени отъ чумы и другихъ болѣзней и случайностей войны до 30 тысячъ человѣкъ.

Но кн. Черкасскій оказывается очень изобрѣтательнымъ на всякія военныя хитрости, за что и получаетъ отъ лѣтописателя-іезуита эпитетъ „вреднаго змѣя". Новая затѣя Мастругія заключалась, оказывается, въ томъ, что онъ приказалъ проникнуть въ замокъ женщинамъ, особенно искуснымъ въ отравленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ наносили полякамъ вредъ, какъ только могли, а именно отравляли воду, медъ, вино и проч.

Безоружнымъ женщинамъ легко былъ открытъ доступъ въ крѣпость.

Онѣ стали предлагать свои услуги и скоро были разобраны польскими солдатами. Проникнувъ, такимъ образомъ, въ дома, онѣ готовились приступить къ исполненію своего плана; но одна изъ нихъ, изъ жалости къ своему покровителю, открываетъ весь замыселъ и называетъ православныхъ священниковъ, какъ сообщниковъ и помощниковъ. Тогда всѣ колдуньи, какъ ихъ называютъ іезуиты, вмѣстѣ съ священниками, попадаютъ въ тюрьму и приговариваются къ смертной казни черезъ сожженіе на кострѣ. Одна только милость была имъ оказана, прибавляетъ лицемѣрно іезуитъ, что они, прежде чѣмъ быть сожженными, могли возсоединиться посредствомъ таинства съ католической церковью.

Іезуитъ, вѣроятно, умолчалъ, что осужденные на казнь сдѣлали это, надѣясь на помилованіе, можетъ быть, и обѣщанное имъ. Впрочемъ, по словамъ іезуита, священниковъ помиловали и даже будто бы освободили изъ тюрьмы, благодаря заступничеству іезуитовъ.

Справедливо, или нѣтъ, было обвиненіе женщинъ въ отравленіи воды, только поляки, послѣ казни женщинъ, стали очищать всѣ колодцы, нѣкоторые вычерпывали до дна и освящали.

Такъ какъ помощь осажденнымъ полякамъ долго не приходила, то въ крѣпости снова появился голодъ, а за нимъ болѣзни и грабежи. Жители, доведенные до крайности, продаютъ дома, сады, начинаютъ употреблять въ пищу собакъ и другихъ нечистыхъ животныхъ.

Затѣмъ осажденнымъ угрожала, по словамъ іезуита, еще новая бѣда.

Одинъ изъ солдатъ, по имени Григорій, убѣжалъ къ Мастругію и увѣрялъ его, что теперь легче, чѣмъ когда либо, можно взять крѣпость. Онъ указалъ удобныя мѣста для подъема въ замокъ, передалъ также, что караулы уменьшены, такъ какъ многіе истощены болѣзнями и съ трудомъ можно было найти желающихъ бороться съ врагами.

Къ сожалѣнію для русскихъ, кн. Черкасскій, хотя и обратилъ вниманіе на показанія Григорія, но не могъ ими воспользоваться, такъ какъ въ это время получилъ уже приказаніе отъ царя возвратиться въ столицу. Мѣсто кн. Черкасскаго занимаетъ князь Хованскій.

Этотъ послѣдній, пишетъ іезуитъ, съ живымъ и свѣжимъ воинственнымъ пыломъ рѣшаетъ ничуть не откладывать дѣла осады крѣпости. Прежде всего онъ также приказываетъ испытать, бодрствуютъ ли поляки ночью. Потомъ нѣкоторое время ведетъ себя миролюбиво съ поляками. Но это была только хитрость, такъ какъ по ночамъ онъ не переставалъ дѣйствовать и вскорѣ сталъ дѣлать попытки проникнуть въ крѣпость съ трехъ сторонъ по лѣстницамъ, имѣя наготовѣ тысячи скрытыхъ людей, которые готовы были поддержать нападеніе.

Нападавшіе поднимали крикъ, трубили въ трубы, чтобы такимъ образомъ навести страхъ на осажденныхъ, но поляки встрѣчали русскихъ градомъ камней и заставляли ихъ прекратить нападенія.

Въ день св. Михаила, патрона города Смоленска, прибылъ въ Смоленскъ К. Ходкевичъ съ отборнымъ войскомъ и очень оживилъ поляковъ, истомленныхъ продолжительной осадой.

Вскорѣ послѣ его прибытія начались переговоры о мирѣ съ московскимъ главнокомандующимъ кн. Хованскимъ.

Со стороны поляковъ вели переговоры, кромѣ Ходкевича, прибывшіе ранѣе комиссары. Въ числѣ ихъ были кіевскій епископъ и цесарскій посолъ, человѣкъ весьма искусный, по словамъ іезуита, въ дипломатіи и потому собственно и присланный королемъ для переговоровъ о мирѣ [1]).

Назначенъ былъ день для начала переговоровъ. Поляки очень желали мира, и польскіе уполномоченные явились своевременно на мѣсто переговоровъ; но московскіе уполномоченные подъ разными предлогами стали оттягивать переговоры; затѣмъ, когда начались переговоры, они стали высмѣивать предложенія польскихъ комиссаровъ, такъ что послѣдніе не надѣялись, что когда либо наступитъ конецъ этимъ переговорамъ.

Иногда казалось, что москвичи склонялись къ миру, и у поляковъ являлась ныдежда на благопріятный исходъ, но вдругъ московскіе

---

[1]) Переговоры эти довольно подробно изложены въ Исторіи Россіи Соловьева т. II, см. страницы по указателю.

уполномоченные возвращались назадъ и снова начинали свои хитрыя уловки.

Переговоры затянулись и на слѣдующій 1616 годъ.

Поляки и іезуиты наивно воображали, что они могли склонить москвитянъ къ миру на предложенныхъ польскимъ королемъ условіяхъ.

Іезуиты служили постоянно молебны о благополучномъ исходѣ переговоровъ, не понимая, что московскіе уполномоченные никогда не могли согласиться на польскія условія, въ числѣ которыхъ было признаніе Владислава Московскимъ царемъ и оставленіе Смоленска за Польшей.

Скоро полякамъ пришлось убѣдиться, что москвитяне (москали) презираютъ ихъ наияснѣйшаго Владислава и не признаютъ за нимъ никакого права на московское государство; что Смоленскъ они считаютъ наслѣдственнымъ владѣніемъ (вотчиной) своихъ государей и настаиваютъ, чтобы поляки, исправивши всѣ поврежденія, возвратили его Московскому Царю.

Наконецъ, безумный москаль, пишетъ съ гнѣвомъ іезуитъ, дошелъ до того, что желалъ лучше, чтобы все погибло, чѣмъ сохранить себя и свое государство въ безопасности, *...но подъ властью польскаго короля, не докончилъ іезуитъ.*

Этими словами іезуитъ далъ лучшую аттестацію стойкости московскихъ уполномоченныхъ и вѣрности вновь избранному Царю, а вмѣстѣ и хитрости ихъ, такъ какъ, очевидно, москвитяне только затягивали переговоры, надѣясь, что обстоятельства сложатся въ ихъ пользу и явится возможность овладѣть крѣпостью.

Польскіе уполномоченные, не добившись ничего, заявили, что они снимаютъ съ себя отвѣтственность за продолженіе кровопролитія, прервали переговоры и возвратились въ Польшу.

Въ то время стояла такая жестокая зима, что люди замерзали на дорогахъ, или возвращались домой съ отмороженными руками и ногами. Многихъ больныхъ и неимущихъ находили оставленными своими господами безъ всякой помощи.

Московскій воевода князь Хованскій, послѣ прекращенія переговоровъ, былъ вмѣстѣ съ другими комиссарами внезапно вызванъ въ Москву; для исполненія же его должности назначенъ былъ князь Александръ Сицкій. Этотъ послѣдній, по словамъ іезуита, повелъ дѣло неудачно. Онъ, напримѣръ, захотѣлъ воспользоваться для нуждъ своей арміи провіантомъ, подвозимымъ полякамъ въ крѣпость, но эта по-

пытка ему не удалась, какъ вслѣдствіе большой потери людей, такъ и вслѣдствіе суровой зимы. Поэтому князь Сицкій черезъ четыре мѣсяца былъ отозванъ, и его замѣстилъ Бутурлинъ (очевидно поправившійся отъ ранъ); это былъ человѣкъ, по словамъ записокъ, суровый и не дорожившій своей жизнью, такъ какъ онъ обѣщалъ отдать голову на отсѣченіе, если не возьметъ Смоленска [1]).

Понятно поэтому, что онъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ, не представится ли какого либо случая взять Смоленскъ, при чемъ не прочь былъ пользоваться, какъ открытой силой, такъ и хитростью.

Поляки знали объ этомъ и потому были крайне осторожны и бдительны.

Наканунѣ дня св. Варѳоломея среди ночи Бутурлинъ придвигаетъ къ стѣнамъ города отборный отрядъ войска, приказываетъ приставить многочисленныя лѣстницы и, взобравшись по нимъ до образуемыхъ стѣнами зубцовъ, направить на крѣпость пропитанный сѣрою и легко воспламеняющійся составъ.

Польскіе караулы замѣтили дѣйствія непріятеля и дали знать гарнизону. Литаврами и трубами даютъ знакъ къ бою. Іезуиты поощряютъ солдатъ. На нападающихъ посыпался сильнѣйшій дождь камней; многіе пали мертвыми, остальные, будучи ранены, оставляютъ снаряды и машины и убѣгаютъ въ свои укрѣпленія.

Къ полякамъ въ Смоленскъ въ это время прибылъ Гонсевскій съ небольшимъ отрядомъ солдатъ, но съ значительнымъ запасомъ провіанта для осажденныхъ. Гонсевскій, желая узнать силы московскаго войска, подошелъ съ небольшимъ отрядомъ поближе къ московскому лагерю.

Бутурлинъ быстро сообразилъ, что польскій отрядъ довольно слабый и находится въ невыгодномъ для сраженія мѣстѣ, незамѣтно приближается къ отряду и не мало наноситъ ему вреда на переправахъ и въ открытыхъ мѣстахъ. Это подняло упавшій духъ московскаго войска.

Дня черезъ четыре Бутурлинъ снова среди ночи нападаетъ на крѣпость еще съ большими силами. Поляки, бывшіе наготовѣ, бросаются на русскихъ и въ свою очередь наносятъ имъ большой уронъ: 500 человѣкъ будто бы было убито, 100 чел. и 9 знаменъ взяты поляками въ видѣ трофея.

---

[1]) Іезуитъ, очевидно, понялъ буквально русскую поговорку: „отдамъ голову на отсѣченіе, если не добьюсь того-то“...

Потомъ Гонсевскій далъ сигналъ къ выступленію и въ 4 миляхъ отъ крѣпости, въ такъ называемомъ мѣстечкѣ Тверделицѣ, гдѣ раньше князь Черкасскій устроилъ свой лагерь, разбилъ московскій отрядъ.

Такъ кончается 1616 годъ.

1617 годъ, по словамъ записокъ, былъ не такой тяжелый для поляковъ, но все же прошелъ не безъ страха и не безъ крови.

Бутурлинъ, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, страдая отъ недостатка припасовъ и не имѣя никакой надежды на помощь, такъ какъ Гонсевскій всѣхъ приходившихъ къ русскимъ на помощь, окружалъ со всѣхъ сторонъ своими войсками, не только перестаетъ „докучать“ полякамъ своими нападеніями, но даже помышляетъ объ отступленіи и назначаетъ день для этого.

Въ то же время къ полякамъ еще приходятъ на помощь отрядъ нѣмецкихъ всадниковъ въ 200 человѣкъ и Лисовскій съ 2 тысячами человѣкъ своего отряда. Появленіе ихъ поставило московское войско въ критическое положеніе. Поляки нападаютъ первые; бой идетъ отъ восхода до захода солнца. Русскихъ много было убито, и сожжено одно изъ укрѣпленій московскаго лагеря. Потери поляковъ были значительно меньше. На другой день лисовчане продолжали безпокоить московское войско.

Въ то же время Гонсевскій, не желая, очевидно, терять силъ, а можетъ быть и не надѣясь взять силою московскій лагерь, обращается къ хитрости. Онъ призываетъ къ себѣ одну московскую женщину, перешедшую на сторону поляковъ, и предлагаетъ ей слѣдующее: иди и сообщи своему воеводѣ, что я завтрашній день, какъ только разсвѣтетъ, сдѣлаю нападеніе съ фронта и съ тыла.

Женщина отправилась въ московскій лагерь и въ точности передала эти слова.

Подъ вліяніемъ, будто бы, испуга, но, однако, только на третью ночь, московское войско отступило по направленію къ Бѣлой, покинувъ довольно значительное число тяжелыхъ орудій. Гонсевскій преслѣдуетъ отступающихъ и истребляетъ отставшихъ, захватывая многихъ въ плѣнъ.

Послѣ столь жестокихъ битвъ, заключаетъ іезуитъ, Смоленску, наконецъ, возвращено было спокойствіе и открылся свободный доступъ къ крѣпости со всѣхъ сторонъ.

Смоленскій отрядъ выступаетъ къ Дорогобужу. Спустя нѣкоторое время прибываетъ въ Смоленскъ съ войскомъ король Владиславъ,

направлявшійся для окончанія дѣла съ Москвою — миромъ или войною.

Тотчасъ по его прибытіи, гарнизоны Вязьмы и Дорогобужа сдались и признали Владислава королемъ.

Этими словами оканчиваются сообщенія записокъ іезуитовъ объ осадѣ Смоленска. Въ остальной части записокъ — до возвращенія Смоленска Москвѣ и прекращенія пребыванія въ немъ іезуитовъ, т. е. до 1654 года, не встрѣчается фактовъ, представляющихъ какой либо особый историческій интересъ. Іезуиты интересуются исключительно церковными дѣлами и дѣлами своего ордена.

Въ видѣ приложенія къ запискамъ, однако, имѣется сдѣланное іезуитомъ описаніе Смоленска, составленное въ ближайшее къ осадѣ его русскими время.

Мы приведемъ его здѣсь, такъ какъ, помимо краткихъ свѣдѣній о внѣшнемъ видѣ этой важнѣйшей и сильнѣйшей крѣпости, сообщаются и нѣкоторыя событія изъ жизни города въ XVII в.

Крѣпость Смоленскъ, говорится въ запискѣ, расположена надъ Днѣпромъ, имѣя десять различныхъ возвышеній вокругъ и столько же внутри, носящихъ особыя названія.

Крѣпость имѣетъ 38 стѣнныхъ башенъ съ 9 воротами. Окружность крѣпости по стѣнѣ 7755 шаговъ, ширина стѣны 12 локтей, высота 36.

Былъ тамъ красивый храмъ съ архіепископскимъ монастыремъ, но этотъ храмъ былъ когда-то разрушенъ литовцами посредствомъ взрыва 40 тысячъ центнеровъ пороха. Іезуита особенно удивляетъ то, что при этомъ разрушеніи среди развалинъ храма остались живыми два мальчика; но когда ихъ отрыли черезъ 16 дней, то они могли прожить лишь нѣсколько часовъ.

Въ то же время сожжено 2 деревянныхъ монастыря. Четыре монастыря стоятъ за стѣнами крѣпости; но отъ этихъ монастырей остались только стѣны четырехъ храмовъ: Спасителя на горѣ, св. Троицы, св. Петра и Павла и св. Духа.

На мѣстѣ этихъ бывшихъ монастырей, какъ и на близъ лежавшихъ возвышенностяхъ, московское войско устроило шесть трудныхъ для завоеванія укрѣпленій, на подобіе маленькихъ крѣпостей, съ рвами, валами и толстыми бревнами; на фронтѣ же доступъ непріятелю преградили, кромѣ того, громаднѣйшими бревнами, поставленными поперекъ пути, который назывался Кобелиный.

Есть также храмы, построенные въ древности католиками: пер-

вый храмъ св. Михаила, второй на посадѣ, или городскомъ предмѣстьѣ; третій и четвертый подъ стѣнами крѣпости.

Есть также въ той крѣпости около 5 колодцевъ, обильныхъ водою, не всегда, впрочемъ, здоровою.

Н. Шафрановъ.

СОСЛОВНЫЙ СОСТАВЪ НАСЕЛЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

I.

Дворянство восточной Бѣлоруссіи.

Въ устройствѣ управленія и суда въ присоединенныхъ по тремъ раздѣламъ литовско-польскихъ областяхъ императрица Екатерина рѣшительно и успѣшно въ общемъ осуществила цѣль внутренняго объединенія ихъ со всей остальной Россіей. Это была та область внутренней государственно-общественной жизни, въ которой эта цѣль могла быть достигнута сравнительно болѣе легко и въ менѣе продолжительное время. Болѣе трудностей для законодательныхъ объединительныхъ опытовъ государственной власти должна была представить широкая область сословныхъ,—правовыхъ и экономическихъ,—отношеній. При самомъ устройствѣ суда въ западной Руси императрицѣ Екатеринѣ пришлось нѣсколько поступиться государственно-объединительною идеею въ той его отрасли, которая сильнѣе другихъ связана была съ областью сословно-экономической жизни: въ гражданскомъ судѣ пришлось оставить въ силѣ прежнее объективное право (и даже польскій языкъ).

Вмѣстѣ съ введеніемъ въ западной Россіи обще-русскихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, императрица Екатерина и дворянству въ ней сообщила обще-русскія формы дворянской организаціи. При опредѣленіи правового положенія дворянскаго сословія для правительства императрицы Екатерины легче оказалось надѣлить западно-русское дворянство обще-русскими сословными дворянскими правами, чѣмъ отнять у него нѣкоторыя особыя сословныя права, пріобрѣтенныя имъ въ литовско-польскомъ государствѣ. Экономическая сторона дворянскаго сословнаго строя въ восточной Бѣлоруссіи,

сложившаяся въ этомъ государствѣ, не подверглась въ царствованіе императрицы Екатерины какимъ либо существеннымъ перемѣнамъ. Правительство императрицы Екатерины, особенно на первыхъ порахъ, къ сословно-экономическимъ вопросамъ подходило по преимуществу со стороны интересовъ государственной казны.

О числѣ шляхты, или дворянъ въ восточно-бѣлорусскихъ областяхъ правительство императрицы Екатерины первыя свѣдѣнія получило изъ присяжныхъ листовъ. По вѣдомости, составленной на основаніи ихъ и представленной генералъ-губернаторомъ Чернышевымъ императрицѣ Екатеринѣ 1-го іюня 1773 г., дворянъ, принесшихъ присягу вѣрности императрицѣ, оказалось: въ Могилевской губерніи 3.727, въ бѣлорусскихъ провинціяхъ Псковской губерніи 1799 [1]), всего 5.526. Эти цифры, надо полагать, не были совершенно точными и полными. Принесеніе вѣрноподданнической присяги продолжалось и по истеченіи установленнаго для того срока. Такъ, напр., изъ 18 дворянъ, владѣвшихъ въ новоприсоединенныхъ областяхъ частною поземельною собственностью и не принесшихъ присяги до 1-го іюня 1773 года, 12 впослѣдствіи принесли ее. Точно такъ же изъ полусотни дворянъ, владѣвшихъ староствами и не принесшихъ своевременно присяги, не менѣе половины принесло ее впослѣдствіи [2]). Но, во всякомъ случаѣ, число восточно-бѣлорусскихъ дворянъ, впослѣдствіи принесшихъ вѣрноподданническую присягу, не велико было по сравненію съ вышеприведенной общей ихъ цифрой.

Очень большое количество дворянъ вообще въ новоприсоединенномъ краѣ рано обратило на себя вниманіе русскаго правительства. Уже въ Высочайше утвержденныхъ 13-го сентября 1772 года докладныхъ пунктахъ Чернышева дворянству этого края велѣно было „подать отъ себя въ губернскіе города списки о своемъ дворянствѣ“, чтобы впредь никто безъ Высочайшей воли не считалъ себя дворяниномъ и не пользовался дворянскими правами [3]). Въ особомъ ордерѣ по поводу этихъ докладныхъ пунктовъ Чернышевъ разъяснилъ Могилевскому и Псковскому губернаторамъ, что они должны приказать

---

[1]) Госуд. Арх., XII, № 160.

[2]) См. наше изслѣдованіе „Управленіе и судъ въ Зап. Россіи въ царст. Екатерины II“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1914, февр., 281—284, 288). Кромѣ 11 дворянъ, перечисленныхъ тутъ, нужно отнести къ принесшимъ присягу Литов. писаря гр. Паца (Госуд. Арх., XVI, № 763, вѣдомость о дворянахъ Могилевской губ. 1777-го года).

[3]) П. С. З., XIX, № 13865.

дворянству подать чрезъ земскіе суды въ губернскія канцеляріи списки членовъ всѣхъ дворянскихъ фамилій ихъ губерній „съ подробнымъ описаніемъ происшествія (происхожденія) фамилій, гербовъ и со всѣми свидѣтельствами и документами". Эти послѣдніе, по полученіи ихъ изъ гродскихъ канцелярій губернскою канцеляріею, велѣно хранить въ архивѣ ея съ крайнимъ береженіемъ. Тѣмъ дворянамъ, документы которыхъ находились въ другихъ воеводствахъ, велѣно выписать ихъ оттуда и также представить въ губернскую канцелярію [1].

По вѣдомостямъ, представленнымъ Чернышевымъ императрицѣ Екатеринѣ въ началѣ 1774 года [2], помѣщиковъ въ Могилевской губерніи было 362, въ бѣлорусскихъ провинціяхъ Псковской губерніи 590, всего въ обѣихъ губерніяхъ 1.552. Этимъ помѣщикамъ принадлежали въ Могилевской губерніи 52 мѣстечка и въ нихъ 21.055 человѣкъ муж. пола, 3.685 деревень и въ нихъ 166.073 чел., итого 187.128 чел., а въ бѣлорусскихъ провинціяхъ Псковской губерніи 6 мѣстечекъ и въ нихъ 1.924 чел., 7.083 деревни и въ нихъ 147.862 чел., итого 149.786 чел., всего въ этихъ губерніяхъ 58 мѣстечекъ и въ нихъ 22.979 чел., 10.768 деревень и въ нихъ 313.935 чел., всего въ мѣстечкахъ и деревняхъ обѣихъ губерній 336.914 чел. муж. пола. Въ числѣ этихъ людей показаны не только христіане, но и евреи. Въ числѣ 1.552 помѣщиковъ восточной Бѣлоруссіи въ началѣ 1774 года были уже новые русскіе помѣщики, въ количествѣ 18 чел., пожалованные императрицею Екатериною въ 1773 году въ потомственное владѣніе староствами. Всего пожаловано было этимъ помѣщикамъ 20.592 чел. муж. пола [3]. Если изъ общаго числа помѣщиковъ Могилевской и Псковской губерній и общаго числа принадлежавшихъ имъ людей исключить новыхъ русскихъ помѣщиковъ и пожалованныхъ имъ людей, то окажется, что въ началѣ 1774 года въ нихъ было мѣстныхъ помѣщиковъ (за исключеніемъ отказавшихся отъ принесенія присяги) 1.534, и имъ принадлежало 316,322 чел.

Изъ использованной нами вѣдомости 1774 года о Псковской губерніи еще видно, что на правахъ частной потомственной собствен-

---

[1]) Госуд. Арх., XVI, 898, л. 14—20.

[2]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170.

[3]) Перечень этихъ первыхъ пожалованій имп. Екатерины находится въ Госуд. Арх., XII, № 216, л. 73 об.—75. По вѣдомости начала 1774 года показано въ Могилев. губ. 12, въ Псковской 9 новыхъ русскихъ помѣщиковъ. Но нѣкоторые помѣщики получили имѣнія въ обѣихъ губерніяхъ.

ности принадлежало въ этой губерніи Витебской ратушѣ при городѣ 715 чел. и Витебскимъ мѣщанамъ 6 деревень и въ нихъ 73 чел. Въ вѣдомости 1774 года о Могилевской губерніи не указано числа принадлежавшихъ мѣщанамъ людей, и мѣщане-помѣщики въ ней, можетъ быть, отнесены къ числу помѣщиковъ вообще. Въ краткой вѣдомости Чернышева о Могилевской губерніи, подписанной имъ 1-го іюня 1773 года, сказано о гор. Могилевѣ, что мѣщанамъ его, избраннымъ въ магистратскіе чины, королевскою грамотою, утвержденною сеймомъ (въ 1661 г.), „дозволено на свои собственныя имена покупать деревни". „Такихъ магистратскихъ чиновъ, кои нынѣ свои имѣютъ вотчины (сказано въ вѣдомости), девяносто пять человѣкъ" [1]). Въ вѣдомости Чернышева, составленной въ 1777 году, въ мѣщанскихъ деревняхъ Могилевской губерніи показано 763 чел. христіанъ и 19 чел. еврейскаго исповѣданія [2]). По вѣдомостямъ 1780 г. мѣщанскихъ крестьянъ показано въ Псковской губерніи 1.187, въ Могилевской 1.502 чел. [3]). По вѣдомости 1884 года ихъ было въ Полоцкой губ. 2.392, въ Могилевской 703 [4]).

Въ 1777 году количество помѣщичьихъ людей (въ мѣстечкахъ и деревняхъ) въ Могилевской губерніи увеличилось до 231.841 чел. христіанскаго исповѣданія и 12.580 чел. іудейскаго, а всего до 244.421 чел., т. е. по сравненію съ 1774 годомъ увеличилось на 57.296 чел. Число же самихъ помѣщиковъ въ Могилевской губерніи увеличилось съ 962 до 991, т. е. на 29. Въ Полоцкой губерніи число помѣщиковъ увеличилось съ 590 до 719, т. е. на 129, а количество помѣщичьихъ людей до 188.234 чел. христіанскаго исповѣданія и 4.859 чел. еврейскаго, а всего до 193.093, т. е. по сравненію съ 1774 годомъ увеличилось на 43.307 [5]). Въ обѣихъ губерніяхъ въ 1777 году было 1.710 помѣщиковъ, которымъ принадлежало 420.075 чел. христіанъ и 17.439 еврейскаго исповѣданія, всего 437.514 чел., т. е. число помѣщиковъ увеличилось на 158 чел., а число принадлежавшихъ имъ людей на 100.603 чел. Это были, можно думать, по преимуществу новые русскіе помѣщики восточной Бѣлоруссіи, получившіе по Высочайшей милости имѣнія.

---

[1]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 171—185.

[2]) Госуд. Арх., XVI, № 763.

[3]) Госуд. Арх., XVI, № 381, л. 113; XVI, № 382.

[4]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 55—57, 58—63.

[5]) Госуд. Арх., XVI, № 763, вѣдомости о дворянахъ Могилевск. и Полоц. губерній.

Въ вѣдомостяхъ Чернышева 1780 года находимъ такія цифры принадлежавшихъ помѣщикамъ крестьянъ въ однѣхъ деревняхъ: въ Полоцкой губерніи 190.877 и въ Могилевской 250.037 чел. [1]). Въ вѣдомостяхъ его 1784 года находимъ опять цифры помѣщичьихъ людей въ мѣстечкахъ и деревняхъ вмѣстѣ: въ Полоцкой губерніи 205.398 чел. и въ Могилевской 260.858 чел. [2]). Такимъ образомъ, число людей, принадлежавшихъ помѣщикамъ, въ 1784 году стало, по сравненію съ 1777 годомъ, больше на 46.181 чел. (въ Полоцкой губ. на 17.164, въ Могилевской на 29.017). Увеличилось оно, конечно, по указанной уже выше причинѣ. Но увеличеніе числа жителей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, какъ и въ казенныхъ разнаго рода, объясняется и естественнымъ приростомъ населенія, зарегистрованнаго второю (въ 1782 г.) переписью населенія. Въ 1780 г. въ Могилевской губерніи было 1.144 помѣщика, слѣдовательно число ихъ въ ней стало, по сравненію съ 1777 годомъ, больше на 153 чел. Въ Полоцкой губерніи въ 1780 г. помѣщиковъ было 742, слѣдовательно число ихъ въ ней увеличилось на 43 чел. Въ обѣихъ губерніяхъ число помѣщиковъ увеличилось на 196 чел. [3]).

Въ послѣдующіе годы, вслѣдствіе новыхъ Высочайшихъ пожалованій, число помѣщиковъ и помѣщичьихъ крестьянъ продолжало увеличиваться. Фондомъ, изъ котораго черпалась для этихъ пожалованій населенная крестьянами земля, были имѣнія секвестрованныя, дворцовыя и государственныя, или староства.

Секвестрованы въ казну были имѣнія тѣхъ помѣщиковъ, которые отказались отъ принесенія вѣрноподданнической присяги русской императрицѣ. Тѣ изъ секвестрованныхъ имѣній, которыя были свободны отъ долговыхъ обязательствъ, могли немедленно сдѣлаться предметомъ Высочайшихъ пожалованій; тѣ же, которыя были обременены частными долгами, могли сдѣлаться предметомъ этихъ пожалованій лишь послѣ удовлетворенія государственною казною кредиторовъ.

---

[1]) Госуд. Арх., XVI, № 381, л. 113, XVI, № 382, л. 483.

[2]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 55—63.

[3]) Госуд. Арх., XVI, № 381, л. 113; № 382, л. 483. Въ 1794 г. въ совѣтѣ при Выс. дворѣ обсуждался, возбужденный Пассекомъ вопросъ о томъ, какъ быть съ 245 излишними душами, оказавшимися въ пожалованныхъ въ 1784 г. въ потомственное владѣніе Бакунину Глазовицкой и Огрызовской частяхъ Велижскаго староства. Совѣтъ рѣшилъ оставить ихъ за наслѣдниками Бакунина, какъ новонародившіяся между первою и второю переписями (Арх. Госуд. Сов., т. 1, ч. II, 386). Высочайшее повелѣніе объ этомъ состоялось 7-го ноября 1794 г. (Госуд. Арх., XII, № 244).

Имѣнія этого послѣдняго рода отданы были въ пользованіе кредиторамъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ до того времени, пока они доходами съ этихъ имѣній не покроютъ данныхъ ими взаймы денегъ съ процентами.

Въ числѣ секвестрованныхъ имѣній, ставшихъ немедленно или въ ближайшіе годы предметомъ Высочайшихъ пожалованій, первое мѣсто заняли имѣнія Виленскаго воеводы кн. Карла Радивила. По вѣдомостямъ начала 1774 года, ему принадлежали: мѣстечко Невель (1.013 чел.) и мѣстечко Себежъ (337 чел.) съ принадлежавшими къ нимъ 1.230 деревнями (14.478 чел.) въ Псковской губерніи и мѣстечко Копысь и м. Романовъ (въ нихъ 1.237 чел.) съ 72 деревнями (5.493 чел.) въ Могилевской губерніи. Невельскій ключъ раздѣленъ былъ на 41 часть, и 38 изъ нихъ цѣликомъ, а одна въ большей своей части были пожалованы разнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе. Всего пожаловано было въ Невельскомъ ключѣ 704 деревни съ 9.287 чел. Невельскій ключъ раздѣленъ былъ на части величиною отъ 308 до 100 чел. Пяти лицамъ пожаловано было изъ Невельскаго ключа по 2 части каждому, а одному—три части; шесть частей пожалованы каждая двумъ лицамъ, одна—тремъ, двѣ части—тремъ лицамъ. Вслѣдствіе этого на территоріи бывшаго Невельскаго ключа явилось 42 помѣщика. Мѣстечки Невель и Себежъ вышли изъ частнаго владѣнія, ставши уѣздными городами. Двѣ части и небольшое число крестьянъ третьей (45 дер. и 574 чел.) сдавались въ аренду на 5 лѣтъ за установленную плату въ казну. — Себежскій ключъ раздѣленъ былъ на 16 частей (величиною отъ 307 до 246 чел.), которыя всѣ и были Высочайше пожалованы въ потомственное владѣніе. Всего было пожаловано изъ Себежскаго ключа 17 лицамъ 239 деревень и 4.553 чел.[1]).

Копысское имѣніе кн. Карла Радивила (мѣстечко и 36 деревень) заключало въ себѣ 6.499 чел. По выдѣленіи изъ него м. Копыся, ставшаго уѣзднымъ городомъ, и послѣ пожалованія (въ 1774 г.) изъ него 2.400 чел. (вдовѣ ген. Бибикова), оно было раздѣлено на 10 фольварковъ (2.997 чел.), которые пожалованы были въ потомственное владѣніе тремъ лицамъ (одинъ одному лицу, два — другому, семь (2.041 чел.) третьему — кн. Мих. Кантакузену). М. Романово (36 деревень, 2.090 чел.), хотя и было раздѣлено на 6 фольвар-

[1]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170; XII, № 116, л. 14—15, 35—40, 47—62; XVI, № 766, ч. I, л. 215—270.

ковъ, пожаловано было все въ потомственное владѣніе кн. Дундуковымъ [1].

Такимъ образомъ на територіи имѣній Карла Радивила въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ явилось 64 новыхъ помѣщика, владѣвшихъ 21.267 чел.

По вѣдомостямъ Чернышева начала 1774 года, еще были секвестрованы имѣнія слѣдующихъ не присягнувшихъ лицъ: въ Псковской губерніи—литовскаго канцлера кн. Мих. Чарторыйскаго (52 дер., 1.592 чел.); въ Могилевской губерніи литовскаго гетмана Мих. Огинскаго (м. Круглое, 21 дер. 2.342 чел.), гр. Мнишка (1 дер., 110 чел.) и Рѣчицкаго старосты кн. Радивила (3 дер., 52 чел.) [2]. Въ 1777 г., какъ видно изъ генеральной вѣдомости Чернышева о населеніи уѣздовъ Могилевской губерніи, въ числѣ секвестрованныхъ имѣній числилось въ Могилевскомъ уѣздѣ м. Круглое (241 хр., 68 евр.) и деревни съ 2.256 хр. и 79 евр. и въ Копысскомъ уѣздѣ с. Чучье (83 хр., 7 евр.), секвестрованныя у Мих. Огинскаго, и въ Бѣлицкомъ уѣздѣ м. Холоблинъ (106 хр., 5 евр.), секвестрованное у гр. Мнишка [3]. Въ 1777 г. Мих. Огинскій просилъ императрицу о допущеніи его къ принесенію вѣрноподданнической присяги и оставленіи за нимъ м. Круглаго съ деревнями. Совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ отказалъ (12-го октября) ему въ его просьбѣ, такъ какъ онъ не только пропустилъ срокъ, но и сражался противъ русскихъ войскъ [4]. М. Круглое съ деревнями (2.554 чел.) было пожаловано въ потомственное владѣніе (1792 года) [5]. Окончательная судьба остальныхъ секвестрованныхъ имѣній намъ неизвѣстна.

Въ имѣніяхъ, секвестрованныхъ у не присягнувшихъ помѣщиковъ, но заложенныхъ у частныхъ лицъ, было слѣдующее количество людей въ Псковской губерніи—1) у Мих. Огинскаго 1.753 чел. (въ залогѣ у гр. Плятера), 2) у него же 2.495 (въ залогѣ у Буржинской), 3) у кн. Радивила 3.006 (въ залогѣ у Гильзеновой) и 4) у него же 182 (въ залогѣ у Старобуд. старосты Храповицкаго) [6]. Срокъ поль-

[1]) Госуд. Арх., XII, № 159; XVI, № 216. О пожалованіи 2.400 чел. Бибиковой сообщено намъ (изъ данныхъ сенатскаго архива) В. И. Семевскимъ.

[2]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170. Въ вѣдомостяхъ Чернышева перечислены имѣнія еще нѣсколькихъ лицъ, но мы ихъ опускаемъ, такъ какъ владѣльцы ихъ потомъ принесли присягу.

[3]) Госуд. Арх., XVI, № 763.

[4]) Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. II, 371.

[5]) Госуд. Арх., XII, № 216, л. 31.

[6]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170.

зованія этими имѣніями истекалъ для гр. Плятера (а потомъ для литов. канцлера Хребтовича, которому онъ перезаложилъ имѣніе) въ 1830 году, для Буржинской, а потомъ для ея сына Іосифа Буржинскаго въ 1805 году, для Гильзеновой въ 1796 году, для Храповицкаго—неизвѣстно когда (троимъ послѣднимъ владѣніе имѣніями продолжено по смерть ихъ) [1]). Въ Могилевской губерніи было слѣдующее число людей: 1) у Мих. Огинскаго 57 дер., 1.612 чел. (въ залогѣ у 5 шляхтичей); 2) у кн. Любецкихъ 24 дер. 804 чел. (въ залогѣ у 5 шляхтичей) [2]). Въ вѣдомости Чернышева 1780 года въ секвестрованныхъ имѣніяхъ, состоящихъ въ закладѣ, показано 2.554 чел. [3]).

Кромѣ помѣщичьихъ имѣній, подверглись секвестру имѣнія инославныхъ церковныхъ учрежденій. Уже въ первомъ наказѣ Екатерины губернаторамъ новоприсоединеннаго края велѣно имъ было взять въ казенное управленіе деревни оказавшихся за русскою границею монастырей, а также тѣхъ монастырей, монахи которыхъ ушли за границу (но такихъ монастырей не оказалось). Высочайше утвержденными 13-го сентября 1772 г. докладными пунктами Чернышева деревни заграничныхъ монастырей причислены были къ экономическимъ [4]) (какъ назывались деревни, секуляризованныя въ 1764 году имп. Екатериною у православной церкви). Въ разъяснительномъ къ докладнымъ пунктамъ ордерѣ Чернышева предписано было губернаторамъ взять эти имѣнія въ казну по истеченіи трехмѣсячнаго срока со дня опубликованія плаката о присоединеніи края и опредѣлить въ нихъ управителей по соглашенію съ камерной экспедиціей, куда должны поступать и доходы съ нихъ [5]).

Въ Псковской губерніи взяты были въ казну: 1) три погоста принадлежавшей Виленскому римско-католическому епископу Лепельской плебаніи (въ Двинской парафіи), 73 дер. и 2011 чел., которые всѣ скоро были пожалованы въ потомственное владѣніе одному лицу (камергеру Васильчикову); 2) три погоста принадлежавшей тому же епископу Рѣжицкой плебаніи, 40 дер. и 1.241 чел., изъ которыхъ два погоста (25 дер., 716 чел.) были пожалованы въ потомственное владѣніе одному лицу (тому же Васильчикову); 3) одиннадцать де-

[1]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 215—270; XII, № 216, л. 1—8.
[2]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170.
[3]) Госуд. Арх., XVI, № 382, л. 483.
[4]) П. С. З., XIX, № 13808 и 13865.
[5]) Госуд. Арх., XVI, № 898, л. 2—13.

ревень и 395 чел. Подгорскаго войтовства (Залученской парафіи), принадлежавшихъ Виленской римско-католической капитулѣ, которые были пожалованы въ потомственное владѣніе одному лицу. Въ Могилевской губерніи взяты были въ казну: 1) принадлежавшая Виленской римско-католической капитулѣ (фактически ею владѣлъ Виленскій римско-католическій епископъ) Стрешенская волость, 29 дер. и 3.137 чел., изъ коихъ одинъ фольваркъ (6 дер., 873 чел.) пожалованъ былъ въ потомственное владѣніе одному лицу, а другой (6 дер., 770 чел.) отданъ въ 5-лѣтнюю аренду; 2) Саржицкое войтовство, принадлежавшее Виленской римско-католической капитулѣ, 48 дер. и 2.840 чел., пожалованное въ потомственное владѣніе одному лицу (гр. Остерману) [1]). Такимъ образомъ, на территоріи бывшихъ римско-католическихъ церковныхъ имѣній явилось 4 новыхъ помѣщика, владѣвшихъ 6.835 чел.

Всего на секвестрованной территоріи появилось 69 новыхъ русскихъ помѣщиковъ, владѣвшихъ въ общей совокупности 30.444 человѣками.

Вторымъ источникомъ Высочайшихъ земельныхъ пожалованій послужили дворцовыя земли. Къ этимъ землямъ Высочайше утвержденными 13-го сентября 1772 года пунктами причислены были „деревни, принадлежавшія королю“ [2]) или—по разъяснительному къ пунктамъ ордеру Чернышева—„всѣ королевскія экономическія мѣстечки и деревни, которыя не коронѣ Польской, а собственно королю принадлежали... именуемыя королевскими столовыми добрами“. Для управленія этими имѣніями камерной экспедиціи предписано было назначить особыхъ смотрителей, или экономовъ, которые и должны были доставлять въ нее доходы съ нихъ [3]).

Въ бѣлорусскихъ провинціяхъ Псковской губерніи, по вѣдомости Чернышева начала 1774 года, причислены были къ дворцовымъ имѣніямъ королевскія экономіи — Полоцкая (8.945 чел.) и Витебская (1.423 чел.), заключавшія въ себѣ 10.368 чел. [4]). Изъ другой вѣдомости Чернышева того же года узнаемъ, что Полоцкая экономія въ

---

[1]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170; XII, № 216, л. 33, 70—72. Имѣніе Климовщизна, принадлежавшее заграничнымъ францисканамъ, отдано было до разсмотрѣнія дѣла о монастыряхъ монахинямъ-маріавиткамъ (Госуд. Арх. XVI, № 766, ч. I, л. 215—270; П. С. З., XX, № 14686).

[2]) П. С. З., XIX, № 13865.

[3]) Госуд. Арх., XVI, № 898, л. 2—13.

[4]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170.

1754 году пожалована была Полоцкому воеводѣ кн. Ал. Сапѣгѣ, а что относительно Витебской экономіи было неизвѣстно, какимъ образомъ она досталась Витебскому воеводѣ гр. Сологубу. Въ Полоцкой экономіи, по этой вѣдомости, числилось 406 дер., 8.875 чел., въ Витебской 44 дер., 1.395 чел. Сапѣга и Сологубъ не принесли въ свое время вѣрноподданнической присяги, и потому обѣ экономіи взяты были въ составъ дворцовыхъ имѣній [1]). Впослѣдствіи они принесли присягу, но бывшія королевскія экономіи къ нимъ не возвратились. По вѣдомости 1780 года, въ Полоцкой губерніи числилось дворцовыхъ людей 10.471 [2]). Ясно, что обѣ экономіи оставались еще въ числѣ дворцовыхъ. По вѣдомости 1784 года (послѣ новой переписи населенія) дворцовыхъ людей, состоявшихъ въ казенномъ управленіи, показано въ Полоцкой губерніи уже 12.775 [3]). Въ тотъ моментъ, когда приступлено было къ раздачѣ земель Полоцкой экономіи, раздѣлявшейся на четыре войтовства—Езерицкое, Непоротовское, Истецкое и Уклеинское съ Орлянскимъ десяткомъ (въ Невел. и Себежск. уѣздахъ), въ ней числилось 11.057 чел. Изъ нихъ въ 80-хъ годахъ Высочайше пожаловано было въ потомственное владѣніе пяти лицамъ 2.150 чел. За увольненіемъ, кромѣ того, изъ приведеннаго числа 4.601 чел. въ казацкое, мѣщанское и иныя званія и за пожалованіемъ кн. Матвѣю Кантакузену 2.187 чел., оставалось въ Полоцкой экономіи къ 1792 году 3.119 чел. Изъ Полоцкой экономіи въ 1792 г. Высочайше повелѣно было отдать въ потомственное владѣніе девяти лицамъ 3.150 чел. (и 150 чел. въ пожизненное). Для одного пожалованія, вслѣдствіе этого, не хватило уже людей въ Полоцкой экономіи.

Въ Витебской экономіи, состоявшей изъ двухъ волостей—Лукишской и Лемницкой (въ Витеб. и Сураж. уѣздахъ), числилось къ моменту раздачи 1.843 чел. Изъ нихъ пожаловано было въ потомственное владѣніе двумъ лицамъ 1.190 чел. Послѣ исключенія въ мѣщанское званіе 102 чел. оставалось 551 чел. Вѣроятно, и они пожалованы были въ потомственное владѣніе, такъ какъ въ 1792 году послѣ Высочайшихъ пожалованій вышеупомянутымъ десяти лицамъ и еще десяти молдавскимъ боярамъ 3.300 чел., въ Полоцкой губерніи вообще недоставало уже къ фактической раздачѣ 1528 чел. [4]).

---

[1]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 40—53.
[2]) Госуд. Арх., XVI, № 381, л. 113.
[3]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 58—63.
[4]) Госуд. Арх., XII, № 216, л. 1—8, 14—15; XVI, № 891, л. 29; XVI, № 766, ч. I, л. 215—270; XVI, № 892.

Въ Могилевской экономіи, дѣлившейся на двадцать ключей, было, по вѣдомости Чернышева начала 1774 года, 2 мѣстечка, 159 деревень, 23.064 чел. Къ ней же причислялись еще четыре отдѣльныхъ экономіи, въ которыхъ было 33 дер., 4.382 чел. Всего въ Могилевской экономіи было 27.446 чел. Первымъ Высочайшимъ пожалованіемъ изъ состава Могилевской экономіи было пожалованіе (въ 1777 году, когда въ ней числилось 25.861 чел.) Завадовскому 3.950 чел. [1]). Затѣмъ, послѣдовали въ 1779 г. пожалованія Римскому-Корсакову 4.875 чел. [2]) и Ермолову 4.292 чел. [3]). По вѣдомости 1784 года въ Могилевской экономіи числилось 16.595 чел. Въ 1788 году и ближайшіе послѣдующіе годы изъ ея состава было пожаловано въ потомственное владѣніе тремъ лицамъ 7.333 чел. въ шести ключахъ (въ томъ числѣ адм. Чичагову 3.805 чел. и принцу Нассау-Зигену 3.020 чел.). Въ другихъ шести ключахъ пожаловано въ пожизненную аренду 5.181 чел. По вѣдомости 1790 года, въ разныхъ ключахъ Могилевской экономіи еще было отдано въ пожизненную аренду 190 чел., да до зачета заплаченной за нихъ суммы 373 чел., всего 563 чел. [4]). Осталось послѣ этого въ казенномъ вѣдомствѣ 3.518 чел. Они, надо думать, и пошли, между прочимъ, на восполненіе въ 1792 году недостатка въ 1.528 чел. для Высочайшихъ пожалованій въ Полоцкой губерніи.

Кромѣ трехъ королевскихъ экономій, къ дворцовымъ имѣніямъ первоначально причислено было еще Кричевское староство (Мстисл. провинціи), заключавшее въ себѣ 6 мѣстечекъ съ 2.400 чел. въ нихъ и 148 дер. съ 11.927 чел., всего 14.327 чел. По вѣдомости о староствахъ 1774 года въ шести мѣстечкахъ (Кричевъ, Милославичи Хотимскъ, Геронимовъ, Студенецъ, Забычаны), было 1.658 хр. и 544 евр., въ 146 деревняхъ было 11.717 хр. и 328 евр., всего 14.247 чел. Кричевское староство принадлежало не принесшему вѣрноподданнической присяги великопольскому генералу Мнишку (пожаловано было ему въ 1760 г.). Оно (11-го янв. 1776 г.) Высочайше пожаловано

---

[1]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170; XII, № 216, л. 72—73.

[2]) *В. И. Семевскій*, Пожалованія населенныхъ имѣній въ царств. имп. Екатерины II (Журналъ для всѣхъ, 1906, № 5, стр. 293). Въ первый разъ это изслѣдованіе было напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ за 1877 годъ, № 8.

[3]) *Д. Ѳ. Кобеко*, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Петроградъ, 1883, стр. 277.

[4]) Госуд. Арх., XII, № 216, л. 14—15; XVI, № 766, ч. I, л. 271, ч. III, л. 85—105.

было въ потомственное владѣніе кн. Г. А. Потемкину (въ составѣ 14.274 чел.) [1]).

Всего на территоріи дворцовыхъ земель явилось, считая и молдавскихъ бояръ, 33 новыхъ помѣщика, владѣвшихъ въ общей совокупности 45.548 чел.

Третьимъ и наиболѣе обширнымъ источникомъ Высочайшихъ пожалованій стали государственныя имѣнія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ коронныхъ старостъ. По отношенію къ нимъ, въ отличіе отъ наслѣдственныхъ помѣщичьихъ деревень, имп. Екатерина провозгласила принципъ: „староствами, по смерть или за урядъ кому данными, безъ точнаго Нашего соизволенія никто не имѣетъ права управлять, развѣ кому отъ Насъ отданы будутъ“ [2]). Поэтому, Чернышевъ предписалъ губернаторамъ всѣ староства взять въ казенное вѣдомство, оставивши въ нихъ временно прежнихъ управителей, экономовъ или арендаторовъ, или назначивши для нихъ новыхъ надежныхъ управителей. Тѣ и другіе должны были вносить доходы съ нихъ въ камерную экспедицію [3]).

Въ числѣ старостъ оказалось много такихъ, владѣльцы которыхъ не принесли вѣрноподданнической присяги и которыми по этой уже причинѣ русское правительство могло сразу же распорядиться по своей волѣ. Староства эти были весьма различной величины (отъ полутора десятка тысячъ жителей до нѣсколькихъ человѣкъ въ нихъ).

Въ Велижскомъ староствѣ (кн. Адама Чарторыйскаго) было, не считая мѣстечка Велижа (1.356 чел.), 13.745 чел. (всѣ христ. вѣроисповѣданія). Оно раздѣлено было на 20 частей. Изъ нихъ семнадцать съ населеніемъ 12.025 чел. были пожалованы въ потомственное владѣніе двѣнадцати лицамъ, въ томъ числѣ 1.548 чел. тайному совѣтнику Булгакову (впослѣдствіи ему еще было дано 1.500 чел. изъ Усвятскаго староства и Витебской экономіи) [4]).

Въ Гомельскомъ староствѣ (кн. Мих. Чарторыйскаго) было, по вѣдомости Чернышева 1774 года о староствахъ, 13.326 чел. Изъ этого числа въ 1775 г. пожаловано было въ потомственное владѣніе гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому 7.376 чел. и Завадовскому 887 чел. Вскорѣ послѣ этого обнаружилось, что въ Гомельскомъ староствѣ состоитъ людей значительно больше, чѣмъ по первой переписи было

---

[1]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 40—53, 137—170; XII, № 216, л. 72—73.

[2]) П. С. З., XIX, № 13808.

[3]) Госуд. Арх., XVI, № 898, л. 2—3.

[4]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 40—50; XII, № 216, л. 35—46.

указано. По просьбѣ Румянцева въ 1778 г. ему пожаловано было еще изъ Гомельскаго староства 3.819 чел. [1]). Дополнительное пожалованіе послѣдовало и Завадовскому [2]). Послѣднее пожалованіе изъ Гомельскаго староства 500 чел. конт.-адм. Ушакову произошло уже въ концѣ царствованія имп. Екатерины [3]). Въ Усвятскомъ староствѣ въ Полоцкой губерніи (того же Мих. Чарторыйскаго) было 9.057 чел. Оно было раздѣлено на 14 частей. За исключеніемъ 150 чел. Шейкинской части всѣ остальныя части Усвятскаго староства пожалованы были въ потомственное владѣніе тринадцати лицамъ, въ томъ числѣ Безбородкѣ 1.222 чел. и кн. Вяземскому 2.520 чел. [4]).

Пропойское староство въ Могилевской губерніи (Лифляндской воеводины Бржостовской) съ населеніемъ въ 4.265 чел. раздѣлено было на четыре фольварка, изъ которыхъ три съ населеніемъ 3.172 чел. были пожалованы одному лицу (вице-канцлеру Голицыну), а четвертый отданъ въ аренду [5]).

Козянское староство въ Полоцкой губерніи (Игн. Огинскаго) съ населеніемъ въ 5.430 чел. раздѣлено было на девять частей, изъ коихъ шесть полностью, а двѣ въ половинномъ размѣрѣ (4.230 чел.), были пожалованы семи лицамъ (въ томъ числѣ ген.-пор. Сиверсу 1.008 чел.); остальные отданы въ аренду [6]).

Рогачевское староство (Литовскаго стражника Поцѣя), 2.150 чел., раздѣлено было на четыре фольварка, которые и были пожалованы тремъ лицамъ [7]).

Три староства — Шевинское въ Полоцкой губерніи (Полоц. грод. судьи Пресецкаго) съ населеніемъ въ 161 чел., Дудинское въ Могилевской губ. (старостины Тихановицкой), 146 чел., и Коптевское въ Могилевской губ. (Литовскаго писаря Лопатинскаго), 118 чел.—пожалованы были одному лицу (ген.-пор. Сиверсу). Три другихъ небольшихъ староства—Могилевская, Марчинская и Мостовская службы въ Могилевской губ. (Витебскаго воеводы Сологуба), 63 чел., Заполян-

---

[1]) Госуд. Арх., XII, № 216; *В. И. Семевскій*, Журн. для всѣхъ, № 5, стр. 294.

[2]) По напечатанному въ Кіев. Старинѣ (за 1895 г. іюль-августъ, 20—22) списку имѣній Завадовскаго, ему принадлежало въ Бѣлицкомъ уѣздѣ 4.263 чел.

[3]) Госуд. Арх., XII, № 216, л. 46; XVI, № 766, ч. III, л. 92.

[4]) Госуд. Арх., XII, № 216, л. 35—46, 15, 1—8.

[5]) Госуд. Арх. XII, № 216, л. 45—46.

[6]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 40—53; XII, № 216, л. 1—8, 35—46, 47, 55—62; XVI, № 892.

[7]) Госуд. Арх., XII, № 216, л. 72.

ское въ Могилевской губ. (чешниковой Понятовской), 15 чел., и Болдышевское въ Полоцкой губ. (Флор. Рѣпинскаго), 11 христ.—пожалованы тоже одному лицу. Два староства—Мерколовицкое въ Могилевской губ. (Рѣчицкаго подкоморія Прушановскаго), 175 чел., и Речанское тоже въ Могилевской губ. (Рѣчицкаго маршалка Халецкаго), 140 чел., пожалованы одному лицу. Два другихъ староства—Черноусовское въ Могилевской губ. (Виленскаго зем. судьи Городенскаго), 98 чел. и Расоцкое въ Могилевской губ. (Рѣчицкаго зем. судьи Скорины), 20 чел., пожалованы тоже одному лицу.

Въ полномъ составѣ пожалованы были въ потомственное владѣніе, каждое одному лицу, слѣдующія староства: 1) Чечерское въ Могилевской губ. (Литовскаго гетмана Мих. Огинскаго), въ составѣ м. Чечерска, 40 дер. и 5.071 чел. (гр. З. Г. Чернышеву); 2) объединенныя войтовства Нищанское, Лиснянское и Клещанское въ Полоцкой губ. (франц. полк. Щита), 3.900 чел. (гр. Н. И. Панину); 3) Хославицкое въ Могилевской губ. (І. и М. Селицкихъ), вмѣстѣ съ м. Хочлавичами 1916 чел. (тайн. сов. Козмину); 4) Подъусвятское въ Полоцкой губ. (кн. Мих. Чарторыйскаго), 1.528 чел. (лейбъ.-мед. Крузе); 5) Даниловицкое въ Могилевской губ. (кн. Радивила), 684 чел.; 6) Лужесно въ Полоцкой губ. (Литовскаго стражника Поцѣя), 567 чел.; 7) Сухарское въ Могилевской губ. (его же) вмѣстѣ съ м. Сухари 518 чел.; 8) Буханское въ Могилевской губ. (пятигорскаго полковника литовскихъ войскъ Юдицкаго), 416 чел., 9) Загоранское въ Полоцкой губ. (Витебской воеводины Огинской), 321 чел.; 10) Стрѣлковское въ Могилевской губ. (вышеупомянутаго Юдицкаго), 306 чел.; 11) Крашуцкое въ Полоцкой губ. (Стан. Буйницкаго), 294 чел.; 12) Стоупенское въ Могилевской губ. (кн. Радивила), 257 чел.; 13) Кульшицкое въ Могилевской губ. (Оршанскаго городничаго Василевскаго), 153 чел. [1]).

Кромѣ вышеперечисленныхъ старостствъ не присягнувшихъ дворянъ, пожаловано было въ потомственное владѣніе (гофмейстеру Елагину) Маріенгаузенское староство въ Полоцкой губ. съ 3.712 чел., принадлежавшее присягнувшему Юстину Гильзену [2]). Впослѣдствіи пожалованы были въ потомственное владѣніе Станицкое и Островлянское староства (литовскаго стражника Поцѣя), 25 дер. и 627 чел., назначенныя сначала на столовое содержаніе Псковскаго губерна-

[1]) Госуд. Арх., XII. 159, л. 40—50, вѣдомость староствамъ, поступившимъ въ казенное вѣдомство.

[2]) Ibid.

тора [1]). Отдававшіеся долго въ аренду староства Дисенское, 326 чел., и Прихабское, 294 чел. (оба Полоцкой губ.) въ 1790 г. пожалованы были въ потомственное владѣніе одному лицу (вице-адм. Повалишину) [2]). Наконецъ, двѣ деревни (65 чел.), отошедшія къ Россіи отъ Рѣчицкаго староства (оставшагося за русской границей), были пожалованы въ потомственное владѣніе земскому судьѣ Ф. Волковыйскому (единственное пожалованіе въ потомственное владѣніе имѣнія поляку) [3]).

Всего на территоріи коронныхъ старостъ явилось 60 новыхъ помѣщиковъ, владѣвшихъ въ общей совокупности 66.009 чел.

Въ окончательномъ результатѣ, примѣненіе къ восточной Бѣлоруссіи системы Высочайшихъ пожалованій населенныхъ государственныхъ земельныхъ владѣній привело къ появленію въ ней 155 новыхъ помѣщиковъ (считая Завадовскаго и Булгакова по одному разу), владѣвшихъ въ общей совокупности 141.995 человѣкъ—жителей секвестрованныхъ имѣній, прежнихъ королевскихъ экономій и коронныхъ старостствъ. Не въ одинаковой степени зависимости отъ помѣщиковъ стояли они; но эта зависимость была все-таки частною зависимостью въ отношеніи всѣхъ ихъ.

Кромѣ секвестрованныхъ, дворцовыхъ и старостинскихъ имѣній имп. Екатерина пожаловала извѣстному Зоричу купленное у кн. Адама Чарторыйскаго, генерала земли Подольской, мѣстечко Шкловъ съ населеніемъ въ 11.821 чел. [4]). Князю Ад. Чарторыйскому имп. Екатерина оказывала особое благоволеніе. Шкловъ былъ старостинскимъ имѣніемъ. Имп. Екатерина только 1-го мая 1773 г. пожаловала его въ потомственное владѣніе кн. Ад. Чарторыйскому. Въ 1775 году она повелѣла отдать ему во владѣніе 18 частей Велижскаго староства, отнятаго у кн. Мих. Чарторыйскаго, съ населеніемъ въ 7.023 чел. Эти части Велижскаго староства уже впослѣдствіи отчасти пожалованы были въ потомственное владѣніе, отчасти отданы въ аренду русскимъ людямъ [5]).

Въ общемъ числѣ помѣщиковъ восточной Бѣлоруссіи новые по-

---

1) Ibid., XVI, № 216, л. 34.

2) Госуд. Арх., XVI, № 892.

3) Госуд. Арх., XII, № 216.

4) *В. И. Семевскій*, Журн. для всѣхъ, № 5, стр. 293. По вѣдомости 1777 года кн. Адаму Чарторыйскому въ разныхъ уѣздахъ Могилевской губ. принадлежало 11.902 чел. (Госуд. Арх., XVI, № 763).

5) Госуд. Арх., X, № 467 и 477.

мѣщики составляли приблизительно 9%; но количество принадлежавшихъ имъ людей составляло 32% всѣхъ помѣщичьихъ людей. Слѣдовательно, и въ руки новыхъ помѣщиковъ перешло приблизительно 32% всей помѣщичьей земли въ восточной Бѣлоруссіи. Въ общемъ числѣ новыхъ русскихъ помѣщиковъ преобладали получившіе не болѣе одной тысячи человѣкъ (81%), при чемъ получившіе не болѣе трехсотъ человѣкъ нѣсколько уступали количествомъ (37%) получившимъ отъ трехсотъ до тысячи душъ (44%). Получившіе болѣе тысячи человѣкъ составляли 19% всего числа новыхъ помѣщиковъ, при чемъ получившіе 3.000 чел. и болѣе нѣсколько уступали количествомъ (8%) получившимъ менѣе 3.000 (11%).

Имп. Екатерина съ самаго начала своего царствованія жаловала дворцовыя и государственныя земли въ частное владѣніе за государственныя и иныя заслуги въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ ея предшественники. Ко времени присоединенія восточной Бѣлоруссіи къ Россійской имперіи чувствовался уже въ коренной Россіи нѣкоторый недостатокъ въ имѣніяхъ, нужныхъ для новыхъ Высочайшихъ пожалованій, особенно по случаю окончанія первой турецкой войны и усмиренія бунта Пугачева. Въ періодъ времени съ 1773 года до половины 1795 года, хотя Высочайшія пожалованія крестьянъ продолжались и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, но большая ихъ часть, именно 77%, по спеціальному научному вычисленію, пала на восточную Бѣлоруссію [1]). Такимъ образомъ, обращеніе имп. Екатериною большей части секвестрованныхъ, дворцовыхъ и государственныхъ имѣній восточной Бѣлоруссіи въ частновладѣльческія было однимъ изъ проявленій общей ея политики въ отношеніи дворянскаго сословія и государственныхъ имуществъ.

Какъ въ устройствѣ управленія въ восточной Бѣлоруссіи, такъ и въ рѣшеніи весьма важнаго государственно-имущественнаго и вмѣстѣ сословно-экономическаго вопроса въ ней, имп. Екатерина примѣнила къ дѣлу свою общеимперскую точку зрѣнія. Примѣненіе къ дѣлу этой точки зрѣнія получило въ данномъ случаѣ значеніе государственно-объединительнаго фактора тѣмъ въ большей степени, что въ самую чуждую въ національно-политическомъ отношеніи и въ то же время самую сильную сословную среду вводило новый и почти исключительно русскій національный элементъ. Но право владѣнія пожалованными имѣніями не было ограничено для новыхъ русскихъ помѣ-

---

[1]) *В. И. Семевскій*, Журналъ для всѣхъ, 1906 г., № 4, стр. 232.

щиковъ восточной Бѣлоруссіи никакими особыми условіями, и самой возможности перехода этихъ имѣній отъ русскихъ опять въ польскія руки не было поставлено никакихъ юридическихъ преградъ. Имп. Екатерина только ограждала восточное бѣлорусское помѣщичье землевладѣніе отъ заграничнаго польскаго вліянія. Она не разрѣшила быть опекунами надъ имѣніями малолѣтнихъ лицамъ, не состоявшимъ въ русскомъ подданствѣ [1]), и воспретила помѣщикамъ восточной Бѣлоруссіи отдавать свои имѣнія въ закладъ или въ аренду шляхтичамъ, не состоявшимъ въ русскомъ подданствѣ [2]).

Первоначально полученіе въ восточной Бѣлоруссіи имѣній путемъ Высочайшаго пожалованія не требовало отъ получившихъ ихъ никакихъ денежныхъ затратъ. Только Высочайше утвержденнымъ 3-го сентября 1774 года докладомъ сената повелѣно было брать при пожалованіи имѣній въ ней по 15 коп. съ каждой головы мужского пола (по примѣру малороссійскихъ губерній) [3]).

Въ составѣ 155 новыхъ русскихъ помѣщиковъ [4]) вступилъ въ среду восточно-бѣлорусскаго помѣстнаго дворянства почти весь цвѣтъ нашей тогдашней военной, гражданской и придворной знати: представители этой знати получили самыя крупныя имѣнія въ восточной Бѣлоруссіи и уже перечислены нами на предыдущихъ страницахъ. Въ Высочайшихъ указахъ о пожалованіи имѣній нѣкоторымъ лицамъ были подробно указаны и ихъ государственныя заслуги. Въ указѣ фельдмаршалу гр. Румянцеву-Задунайскому (1775 г.) отмѣчены были „знаменитыя его заслуги, Государынѣ благородныя и полезныя отечеству, въ подвигахъ военныхъ, всегда побѣдоносныхъ, и въ заключеніи славнаго мира“. Въ указѣ гр. Н. И. Панину (1773 г.) отмѣчена была его „вѣрная и примѣрная служба Намъ и Отечеству при

---

[1]) П. С. З., XX, № 14812, отъ 25 окт. 1778 г.

[2]) П. С. З., XXI, № 15434, отъ 16-го іюня 1782 года.

[3]) П. С. З., XIX, № 14193.

[4]) Указанныя нами выше (на основаніи данныхъ Госуд. Архива) цифры количества новыхъ русскихъ помѣщиковъ въ восточной Бѣлоруссіи и числа пожалованныхъ имъ имп. Екатериною людей мы не считаемъ окончательно установленными: возможенъ пропускъ нами небольшого числа небольшихъ по числу душъ пожалованій. Судить объ этомъ съ полною опредѣленностью можно будетъ тогда, когда появится въ печати хронологическій списокъ всѣхъ лицъ, получившихъ при имп. Екатеринѣ населенныя имѣнія,—давно уже составленный В. И. Семевскимъ на основаніи всей совокупности относящихся сюда данныхъ, въ томъ числѣ и подлинныхъ указовъ имп. Екатерины, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ (Журналъ для всѣхъ, 1906 г., № 4, стр. 231).

воспитаніи наслѣдника цесаревича Павла Петровича“. Генералъ-прокурору сената кн. Вяземскому (1775 г.) имѣніе было пожаловано „за трудолюбіе и ревностное попеченіе, чтобы во время войны денежные платежи исправно текли“. Волошскому князю Мих. Кантакузену имѣніе пожаловано было за „вѣрную и усердную службу Намъ въ бывшую Турецкую войну“. Бывшему княжества Молдавскаго великому постельнику Аргирію пожаловано было (1775 г.) имѣніе (800 чел. въ Невел. ключѣ) за то, что „во всю минувшую Турецкую войну доказалъ Намъ многими опытами преданность свою и усердіе къ Россіи“. Бывшему въ княжествѣ Молдавскомъ бану Палладію пожаловано было (1775 г.) имѣніе (416 чел. въ Невел. ключѣ) за „оказанное къ Россіи въ минувшую Турецкую войну усердіе“. Принцу Нассау-Зигену, командовавшему русскимъ легкимъ флотомъ на Лиманѣ, имѣніе пожаловано было (1788 г.) за побѣду надъ Турецкимъ флотомъ. Въ 1774 году 31-го августа полковнику Михельсону (600 чел.) и еще 18 офицерамъ пожалованы были имѣнія „за отличные подвиги, храбрость, мужество и усердіе къ службѣ Нашей и отечества, оказанныя въ пораженіи злодѣевъ, стремившихся къ истребленію г. Казани“ (во время Пугачевскаго бунта) [1]. Много офицеровъ получили имѣнія въ восточной Бѣлоруссіи за участіе въ Турецкой войнѣ. Нѣсколько имѣній пожаловано было вдовамъ офицеровъ за боевыя заслуги ихъ мужей. Вообще число военныхъ чиновъ, получившихъ имѣнія въ восточной Бѣлоруссіи, въ четыре раза, если не болѣе, превосходило количество гражданскихъ чиновниковъ. Среди гражданскихъ чиновъ, получившихъ въ восточной Бѣлоруссіи имѣнія, почти совсѣмъ не видимъ русскихъ чиновниковъ, состоявшихъ въ ней на службѣ (не исключая губернаторовъ и генералъ-губернатора Пассека).

Появленіе въ восточной Бѣлоруссіи помѣщиковъ изъ разныхъ мѣстъ Россійской имперіи само по себѣ должно было способствовать фактическому пріобщенію всей массы мѣстныхъ помѣщиковъ къ тѣмъ „правамъ, вольностямъ и преимуществамъ“, которыя „въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія“ обѣщаны были первымъ плакатомъ генералъ-губернатора гр. Чернышева всѣмъ новымъ подданнымъ Русской императрицы [2]), и, конечно, прежде всего и болѣе всего — дворянамъ. Облеченное въ литовско-польскомъ государствѣ

---

[1]) Госуд. Арх., X, № 467 и 477; *В. И. Семевскій*, Журналъ для всѣхъ, № 4, стр. 236—237; сенат. архивъ, кн. 136, № 189, именныхъ указовъ имп. Екатерины II (о пожалованіи Михельсону и прочимъ).

[2]) П. С. З., XIX, № 13850.

всею полнотою не только гражданскихъ, но и политическихъ правъ— восточнобѣлорусское дворянство первоначально не высоко ставило „права, вольности и преимущества" русскаго дворянства, и Бѣлорусскому генералъ-губернатору въ первое время пришлось успокаивать его указаніемъ на то, что и русское дворянство пользуется уже такими преимуществами, какихъ оно не имѣло раньше и какія вполнѣ „сходствуютъ съ прочими" (т. е. съ преимуществами дворянства въ другихъ государствахъ), что дворяне въ Россіи уже вольны служить и не служить [1]). Вскорѣ послѣ присоединенія восточной Бѣлоруссіи къ Россіи изданное имп. Екатериною учрежденіе объ управленіи губерній (7-го ноября 1775 года), призвавшее помѣстное дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи и судѣ, должно было самымъ успокоительнымъ образомъ подѣйствовать на восточнобѣлорусскихъ дворянъ. Жалованная же грамота ея дворянству (21-го апрѣля 1785 года) принесла восточнобѣлорусскому дворянству, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ дворянствомъ, окончательное закрѣпленіе его высоко-привилегированнаго положенія среди другихъ сословій въ государствѣ. Но и помимо этой грамоты, въ государственно-правовомъ положеніи русскаго дворянства восточнобѣлорусское дворянство нашло для себя даже нѣчто новое въ смыслѣ расширенія своихъ сословныхъ правъ (напр. въ отношеніи крѣпостныхъ). Въ финансовомъ отношеніи помѣщичье землевладѣніе въ восточной Бѣлоруссіи также сравнено было съ таковымъ же въ Россіи вообще. Высочайшимъ указомъ 15-го ноября 1776 года Московской и С.-Петербургской банковымъ конторамъ для дворянства разрѣшено было выдавать деньги подъ залогъ имѣній въ бѣлорусскихъ губерніяхъ на основаніи генеральныхъ учрежденій о великорусскихъ имѣніяхъ [2]).

При встрѣчѣ съ давно укоренившимися привилегіями мѣстнаго дворянства въ восточной Бѣлоруссіи имп. Екатерина готова была идти на уступки ему. Какъ при устройствѣ суда въ ней она оставила въ силѣ мѣстное объективное право въ гражданскомъ судѣ, всего сильнѣе затрогивавшее сословные интересы, такъ и при введеніи податной системы въ ней она оставила въ силѣ свободное винокуреніе. Мѣстное дворянство восточной Бѣлоруссіи весьма дорожило правомъ свободнаго винокуренія. Генералъ-губернаторъ Чернышевъ въ 1772 году особо поручилъ подчиненнымъ ему губернаторамъ

---

[1]) Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос., 1863, кн. IV, 8—9.

[2]) П. С. З., XX, № 14536.

успокоить его, что „о винѣ сдѣлано будетъ совсѣмъ другое, чѣмъ въ прочихъ нашихъ губерніяхъ, учрежденіе“ [1]). Въ докладѣ Чернышева императрицѣ (посланномъ въ сентябрѣ 1772 года) находится слѣдующее точное изображеніе постановки питейнаго дѣла въ Бѣлоруссіи въ моментъ присоединенія ея къ Россіи. „Шляхетство въ Полоцкомъ воеводствѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ воеводствахъ (говорится въ докладѣ), имѣетъ право винокуренія и вольной онаго продажи въ уѣздѣ; положеннаго же числа корчемъ нѣтъ, а шляхетство имѣетъ власть столько оныхъ строить, сколько кто пожелаетъ, и въ оныхъ производить питейную продажу, съ заплатою Коронѣ съ такой корчмы, которую арендуетъ жидъ и имѣетъ для сиженья вина котелъ, за тотъ котелъ 20 польскихъ злотыхъ и 20 грошей, за дозволенье продавать напитки по 10 злотыхъ и 10 грошей, а съ такой корчмы, гдѣ питейную продажу производитъ христіанинъ, за котелъ 16 злотыхъ 16 грошей, за продажу напитковъ 3 злотыхъ и 3 гроша. Но какъ корчмы каждый годъ могутъ прибавляться и убавляться, то отъ скарбовой комиссіи опредѣлено имѣть за всѣмъ тѣмъ смотрѣніе регентамъ, положа всегдашнюю годовую со всего воеводства за питейную продажу сумму по 14.210 злотыхъ польскихъ“ [2]).

Высочайше утвержденными 13-го сентября 1772 г. докладными пунктами Чернышева винокуреніе и продажа вина, пива и меду разрѣшены были въ восточной Бѣлоруссіи всякому помѣщику съ уплатой въ казну за пользованіе этимъ правомъ по 50 коп. съ каждой головы мужского пола въ принадлежащихъ ему деревняхъ и по 75 коп. съ каждой головы въ мѣстечкахъ. Всѣ существовавшія уже въ дворянскихъ имѣніяхъ корчмы должны были оставаться на своихъ мѣстахъ. Открытіе новыхъ корчемъ или перенесеніе ихъ съ одного мѣста на другое разрѣшались губернаторами, которые должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы корчмы были по большимъ и малымъ дорогамъ и при церквахъ и чтобы онѣ кромѣ напитковъ снабжены были всѣмъ, что нужно для проѣзжающихъ. Губернаторы должны были издать чрезъ камерную экспедицію предписанія о томъ, какой доброты напитки и припасы должны были содержаться въ корчмахъ. Цѣну для тѣхъ и другихъ должны были ежегодно устанавливать сами дворяне каждой губерніи, съ утвержденія земскаго суда и губернатора. Въ городахъ и коронныхъ мѣстечкахъ продажи вина предоставлялась на откупъ магистратамъ. Вопросъ о правѣ магистратовъ ку-

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. Рос., 1863, IV, 40.

[2]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 4—5.

рить вино обойденъ молчаніемъ въ докладныхъ пунктахъ [1]). Чернышевъ одновременно съ обнародованіемъ упомянутыхъ выше докладныхъ пунктовъ разъяснилъ, что право свободнаго винокуренія и свободной винной торговли принадлежитъ, наравнѣ съ помѣщиками, и владѣльцамъ, или арендаторамъ староствъ и королевскихъ экономій. Но это право, по его разъясненію, не принадлежало шляхтичамъ, жившимъ въ околицахъ и поодиночкѣ въ разныхъ мѣстахъ, не имѣвшимъ крѣпостныхъ крестьянъ и собственными руками обработывавшимъ свою землю. Шляхтичамъ этого рода только разрѣшалось отдавать въ аренду или въ закладъ помѣщикамъ свою землю для устройства на ней корчмы, если она оказывалась для этого удобной. Для установленія добросовѣстной цѣны водки, пива, меду, хлѣба, овса, сѣна и проч. дворяне каждой провинціи должны были избирать ежегодно двухъ особыхъ депутатовъ, которые, съѣхавшись съ депутатами другихъ провинцій въ губернскомъ городѣ, и устанавливали ее. Вывозъ напитковъ изъ восточнобѣлорусскихъ губерній въ сосѣднія губерніи строжайше воспрещался. Воспрещались также ввозъ водки изъ имѣній въ города и мѣстечки (и въ коронныя мѣстечки, и въ мѣстечки другихъ владѣльцевъ) и продажа ея въ нихъ въ пользу помѣщиковъ. Городамъ, по разъясненію Чернышева, предоставлено было, кромѣ свободной продажи вина, и свободное винокуреніе [2]).

Въ Россіи съ 1767 года существовала въ питейномъ дѣлѣ откупная система. Исключеніе сдѣлано было только для трехъ остзейскихъ губерній и четырехъ малороссійскихъ; но и въ этихъ губерніяхъ свободная винная продажа предоставлена была только городамъ, въ селеніяхъ же продажа вина была на откупу [3]). Такимъ образомъ, предоставленное помѣщикамъ восточной Бѣлоруссіи право свободнаго винокуренія и свободной продажи вина было ихъ преимуществомъ по сравненію съ помѣщиками всей остальной Россіи. При томъ же винная и поголовная подать въ первоначально установленномъ размѣрѣ не взималась. Въ 1773 и 1774 гг. она взималась въ размѣрѣ только 10 коп. съ головы въ деревняхъ и 25 коп. въ мѣстечкахъ (т. е. за одно только полугодіе въ каждомъ изъ нихъ [4]). Когда

---

[1]) П. С. З., XIX, № 13865.

[2]) Витеб. Ист.—Юрид. Мат., XVII, 140—147.

[3]) *Н. Д. Чечулинъ*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царств. Екатерины II (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1905, февр., 224, 232).

[4]) П. С. З., XIX, № 13923, 13973, 14113 (указы 14-го дек. 1772, 17-го апр. 1773 г., 3-го февр. 1774 г.).

(6-го ноября 1774 г.) въ совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ обсуждался вопросъ о размѣрѣ винной подати въ бѣлорусскихъ губерніяхъ на будущее время, генералъ-прокуроръ сената кн. Вяземскій и кн. Г. А. Потемкинъ высказались противъ свободнаго винокуренія въ этихъ губерніяхъ, находя, что винная поголовная подать „отягощаетъ большую часть земледѣльцевъ и обращается единственно въ пользу помѣщиковъ". Совѣтъ, однако, согласился съ мнѣніемъ Чернышева, которое было одобрено и императрицей: сохранить на три года (до 1778 г.) винную подать въ размѣрѣ—20 коп. въ годъ съ головы въ деревняхъ и 50 коп. въ мѣстечкахъ. Совѣтъ принялъ во вниманіе недавнее присоединеніе бѣлорусскихъ губерній къ имперіи („нечаянною сего перемѣною оныя отревожены быть могутъ") и ихъ пограничное положеніе [1]). По истеченіи трехъ лѣтъ, тотъ же размѣръ винной подати сохраненъ былъ еще на два года [2]), а по истеченіи этихъ двухъ лѣтъ—„впредь до указа" [3]).

Бѣлорусское дворянство очень дорожило своими питейными привилегіями (существенно-важными для него въ экономическо-хозяйственномъ отношеніи). Одно изъ первыхъ представленій его правительству о своихъ нуждахъ и пользахъ (право дворянскихъ собраній на такого рода представленія разъяснено было въ „Высочайшихъ резолюціяхъ на докладные пункты генералъ-губернаторовъ", послѣдовавшихъ 25-го ноября 1778 г.) [4]) касалось винокуренія. Въ началѣ 1781 года Полоцкое дворянство обратилось къ генералъ-губернатору съ просьбой о томъ, чтобы подтверждено было дозволеніе—однимъ дворянамъ содержать винокуренные заводы въ своихъ деревняхъ, а въ городахъ чтобы винокуреніе совсѣмъ было воспрещено. Полоцкіе дворяне считали винокуреніе монаршимъ „даромъ, имъ однимъ принадлежащимъ". Ежечасно умножающіеся въ городахъ винокуренные заводы дѣлали имъ, по ихъ словамъ, великій подрывъ въ ихъ питейной продажѣ. Наконецъ, винокуреніе вообще, по ихъ мысли, неразрывно связано съ земледѣліемъ („онос есть земляной продуктъ и дѣйствіе самаго земледѣлія"). Кромѣ того, Полоцкіе дворяне жаловались на то, что хотя ежегодно дворянскими депутатами устанавливается цѣна напиткамъ и введены одинаковыя мѣры

[1]) Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. II, 287; П. С. З., XX, № 14312 (указъ 1-го мая 1775 г.).
[2]) П. С. З., XX, № 14689 (указъ 10-го янв. 1778 г.).
[3]) П. С. З., XX, № 14892 (указъ 3-го іюля 1779 г.).
[4]) П. С. З., XX, № 14816.

для продажи, но многіе продаютъ ихъ по болѣе низкой цѣнѣ и неправильною мѣрою. Дворяне просили, чтобы каждому дозволено было доносить начальству о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ, чтобы виновные подвергались штрафу въ восемь рублей, одна половина котораго шла бы доносителю, а другая—на общественныя дворянскія надобности... Чернышевъ (въ противорѣчіе съ своимъ прежнимъ распоряженіемъ) находилъ, что въ городахъ, согласно съ Высочайше утвержденными 13-го сентября 1772 года докладными его пунктами, не должно быть винокуренныхъ заводовъ, что магистраты должны покупать вино у помѣщиковъ. При томъ же города, не занимаясь сами хлѣбопашествомъ (по его словамъ), не сами курили вино, а за извѣстную плату дозволяли курить его евреямъ. Отъ этого только происходила напрасная трата привозимыхъ въ городъ для продажи хлѣба и дровъ. Польза была не магистратамъ, а лишь нѣкоторымъ евреямъ; дворянству же, которое куритъ вино по большей части изъ собственнаго хлѣба, былъ дѣйствительный подрывъ... Чернышевъ находилъ возможнымъ привести въ дѣйствіе желательныя дворянству запретительныя и карательныя мѣры чрезъ намѣстническія правленія. Онъ только не бралъ на себя рѣшенія вопроса о размѣрахъ штрафа за злоупотребленія по питейной части. Безбородко, подготовлявшій докладъ императрицѣ по настоящему дѣлу, находилъ нужнымъ передать его на окончательное рѣшеніе сената, къ генералъ-прокурору котораго оно и было направлено [1]).

Именнымъ Высочайшимъ указомъ сенату 3-го іюля 1783 года особая винная подать съ помѣщичьихъ, какъ и съ казенныхъ, крестьянъ была отмѣнена; но подушная съ нихъ подать, какъ увидимъ ниже, была повышена съ 35 до 70 коп. въ годъ. Подушною податью въ этомъ же размѣрѣ обложены были и жители помѣщичьихъ мѣстечекъ.

Но право свободнаго винокуренія и свободной продажи вина осталось въ прежней силѣ за помѣщиками восточной Бѣлоруссіи (какъ и за пожизненными и иными владѣльцами казенныхъ имѣній). Только въ имѣніяхъ, состоявшихъ въ непосредственномъ казенномъ управленіи, это право принадлежало государству, и доходы съ винокуренія и продажи вина шли въ государственную казну [2]).

---

[1]) Госуд. Арх., XVI, № 245.

[2]) П. С. З., XXI, № 15724. Въ 1793 г. по случаю неурожая въ Могилевской губ. воспрещено было винокуреніе евреямъ, а въ Полоцкой—всѣмъ, впредь до новаго урожая (П. С. З. XXIII, № 17142 и 17167).

Одному дворянству въ литовско-польскомъ государствѣ принадлежало право пользованія доходами съ коронныхъ старостъ, подъ условіемъ взноса въ государственную казну четвертой ихъ части (кварты) на содержаніе постояннаго войска (кварцянаго). Староство давалось королемъ въ пожизненное владѣніе, иногда съ обѣщаніемъ сохранить его по смерти получившаго за его вдовой и даже за его потомствомъ (jus communitativum). Вслѣдствіе этого образовались съ теченіемъ времени наслѣдственныя староства (напримѣръ князья Чарторыйскіе владѣли Велижскимъ и Усвятскимъ староствами съ 1678 года, Корфы Рѣжицкимъ староствомъ съ 1701 года). Староства получались обыкновенно путемъ пожалованій отъ короля (подъ фактическимъ контролемъ посольской избы сейма); но иногда они пріобрѣтались покупкою у ихъ владѣльцевъ, особенно наслѣдственныя староства, при чемъ на такую сдѣлку испрашивалось, хотя и не всегда, соизволеніе короля. Въ управленіи староствами, въ хозяйственномъ использованіи ихъ, владѣльцы ихъ ничѣмъ не были ограничены. Они были въ своихъ староствахъ то же, что помѣщики въ своихъ имѣніяхъ. Въ восточной Бѣлоруссіи даже двѣ королевскихъ экономіи (Полоцкая и Витебская) находились въ пользованіи дворянъ (мѣстныхъ судовыхъ старостъ). Только Могилевская экономія находилась въ непосредственномъ управленіи особаго королевскаго эконома.

Хотя императрица Екатерина въ первомъ наказѣ губернаторамъ новоприсоединеннаго края провозгласила принципъ безусловной свободы своей въ распоряженіи староствами, но фактически она обнаружила значительное уваженіе къ правамъ на нихъ тогдашнихъ ихъ владѣльцевъ, учинившихъ вѣрноподданническую ей присягу. Староства, пожалованныя тогдашнимъ ихъ владѣльцамъ, или ихъ предкамъ польскими королями, она повелѣла оставить въ пожизненномъ ихъ владѣніи, съ платежемъ установленныхъ закономъ арендныхъ денегъ. Она повелѣла оставить въ пожизненномъ владѣніи у тогдашнихъ ихъ владѣльцевъ и староства, которыя они купили у тѣхъ лицъ, которымъ они пожалованы были королями. При чемъ купившіе староства освобождены были отъ уплаты арендныхъ денегъ до тѣхъ поръ, пока они не возвратятъ себѣ этими деньгами заплаченной за нихъ суммы. Со времени же погашенія ея казною они должны были уплачивать за староства арендную плату въ обычномъ установленномъ закономъ размѣрѣ [1]). Губернаторамъ предложено было Чернышевымъ, при со-

[1]) П. С. З., XIX, № 13957, Выс. указъ 6-го марта 1773 г.

биранiи о староствахъ свѣдѣнiй, удостовѣриться въ дѣйствительности правъ на нихъ ихъ владѣльцевъ [1]).

Еще до изданія приведеннаго выше правительственнаго постановленія относительно пожизненныхъ и зачетныхъ староствъ, установленъ былъ размѣръ арендной платы (или помѣщичьяго дохода) съ вакантныхъ староствъ, которыя предположено было отдавать въ аренду съ 1-го января 1773 года на пять лѣтъ. Арендная плата установлена была въ размѣрѣ 1 р. 50 коп. съ каждой головы, или души въ старостве (Высочайше утвержденные 13-го сентября 1772 г. докладные пункты Чернышева [2]). Но уже 11-го февраля 1773 г. совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ нашелъ возможнымъ понизить арендную плату до одного рубля [3]). Впрочемъ, и въ этомъ пониженномъ размѣрѣ она не сразу стала взиматься. Особыми Высочайшими указами размѣръ ея пониженъ былъ до 50 коп., сперва на пять лѣтъ, потомъ еще на два. Въ 1780 году этотъ пониженный ея размѣръ оставленъ въ силѣ „впредь до указу“ [4]). Всѣ приведенные нами указы относились не только къ староствамъ, отданнымъ въ 5-лѣтнюю аренду, но и къ пожизненнымъ и зачетнымъ. Владѣльцы пожизненныхъ староствъ вносили арендную плату въ размѣрѣ 50 коп., а владѣльцы зачетныхъ староствъ возвращали себѣ заплаченную за нихъ сумму удержаніемъ арендныхъ денегъ по разсчету 50 коп. съ головы.

Увеличеніе размѣра арендной платы („помѣщичьяго оброка“ казны) произошло лишь въ 1783 году (указъ 3-го мая), когда установленъ былъ размѣръ ея въ 1 рубль съ головы. Но для староствъ, отданныхъ въ аренду до изданія указа 3-го мая 1783 года, какъ и для пожизненныхъ староствъ, оставленъ былъ въ силѣ прежній размѣръ арендной платы (50 коп.) [5]). Что же касается зачетныхъ староствъ, то 17-го ноября 1783 года относительно нихъ послѣдовалъ особый указъ: въ видахъ укороченія срока погашенія арендными деньгами заплаченныхъ за нихъ суммъ велѣно было увеличить размѣръ арендной платы съ зачетныхъ староствъ до одного рубля. Вмѣстѣ съ этимъ приказано было привести въ извѣстность, къ какому вре-

[1]) Госуд. Арх., XVI, № 898, л. 2—6.

[2]) П. С. З., XIX, № 13865.

[3]) Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. II, 345.

[4]) П. С. З., XIX, № 13973 (ук. 17 апр. 1773 г.); XX, № 14689 (ук. 10 янв. 1778 г.) и № 14892 (ук. 3 іюля 1780 г.).

[5]) П. С. З., XXI, № 15724.

мени заплаченная за каждое зачетное староство сумма будетъ погашена [1]).

По вѣдомостямъ начала 1774 года числилось зачетныхъ старостствъ въ бѣлорусскихъ провинціяхъ Псковской губерніи восемь съ населеніемъ въ 14.152 чел.; но въ эти вѣдомости не попало Люцинское староство (не присягнувшаго подканцлера Борха, оставленное за его женой съ сыномъ) съ населеніемъ въ 5.300 чел., такъ что всего въ Псковской губерніи было девять зачетныхъ старостствъ съ населеніемъ въ 19.652 чел. Одно изъ нихъ (Миліанское съ населеніемъ въ 213 чел.) черезъ нѣкоторое время, вслѣдствіе неудовлетворительности документовъ на владѣніе имъ, переведено было въ разрядъ имѣній, сдаваемыхъ въ 5-лѣтнюю аренду. Всѣ остальныя (за исключеніемъ Черницкаго съ населеніемъ въ 621 чел., о которомъ не имѣется свѣдѣній) въ началѣ девяностыхъ годовъ находились уже въ пожизненномъ владѣніи тѣхъ же лицъ, которымъ раньше они принадлежали на правахъ зачетныхъ [2]).

Въ Могилевской губерніи, по вѣдомостямъ начала 1774 года, было 27 зачетныхъ старостствъ съ населеніемъ въ 7.268 чел. Къ нимъ нужно прибавить четыре маленькихъ зачетныхъ староства на территоріи Могилевской экономіи (373 чел.). Къ нимъ же впослѣдствіи причислено было Кашанское староство (назначенное раньше на столовое содержаніе Могилев. губернатора) съ населеніемъ въ 628 чел. Такимъ образомъ, всего въ Могилевской губерніи было 32 зачетныхъ староства съ населеніемъ въ 8.269 чел. Къ началу девяностыхъ годовъ оставалось въ ней этихъ старостствъ только 14 съ населеніемъ въ 2.891 чел. (семи изъ нихъ срокъ зачета оканчивался въ XIX вѣкѣ). Изъ остальныхъ 18 старостствъ семь перешли въ разрядъ пожизненныхъ (4.065 чел.), семь поступили въ казну (и изъ нихъ три отданы въ 5-лѣтнюю аренду), судьба четырехъ остается намъ неизвѣстной [3]).

---

[1]) П. С. З., XXI, № 15872. Всего подушныхъ, оброчныхъ, накладныхъ и почтовыхъ платили деньгами крестьяне казенныхъ имѣній: при 50 коп. оброкѣ по 1 р. 26³/₄ коп., при рублевомъ оброкѣ по 1 р. 77³/₄ коп., въ зачетныхъ имѣніяхъ по 75³/₄ коп. Въ дворцовыхъ имѣніяхъ, находившихся въ непосредственномъ казенномъ управленіи, крестьяне платили въ казну по 2 р. 79³/₄ коп. (Гос. Арх., XVI, № 766, ч. I, 55—63).

[2]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170, 40—53; XII, № 216, л. 79—81, 1—8. Въ числѣ ихъ было Езерицко-Городокское староство гр. Георгія Сологуба (съ населеніемъ въ 11.918 чел.).

[3]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170; XVI, № 766, ч. 1, л. 271—288; ч. III, л. 85—105.

Такимъ образомъ 82% состава зачетныхъ староствъ, считая количество бывшаго въ нихъ населенія, перешло уже въ разрядъ пожизненныхъ староствъ къ началу девяностыхъ годовъ (22.883 чел. изъ общей суммы 27.922 чел.). Ни одно изъ зачетныхъ староствъ не было пожаловано кому либо въ потомственное владѣніе.

По вѣдомостямъ 1774 года оставлено было правительствомъ императрицы Екатерины въ пожизненномъ владѣніи у 22 мѣстныхъ дворянъ, съ платежемъ установленныхъ арендныхъ денегъ, 25 староствъ, принадлежавшихъ имъ по королевскимъ пожалованіямъ, съ населеніемъ въ 10.022 чел. (въ томъ числѣ въ бѣлорусскихъ провинціяхъ Псковской губ. 11 староствъ у 9 лицъ съ населеніемъ въ 7.929 чел., въ Могилевской губ. 14 староствъ у 13 лицъ съ населеніемъ въ 2.093 чел.). Изъ этихъ 22 лицъ только владѣлецъ Рѣжицкаго староства Корфъ (6.174 чел. вмѣстѣ съ м. Рѣжицей) принесъ присягу въ назначенный срокъ [1]). Остальные не принесли ея въ назначенный срокъ, и ихъ староства сначала предполагалось раздать въ аренду другимъ лицамъ [2]). Они, надо полагать, принесли присягу вскорѣ послѣ срока и этимъ путемъ сохранили за собой староства. Кромѣ перечисленныхъ староствъ, оставлено было въ пожизненномъ владѣніи, и при томъ (согласно съ условіями королевскаго пожалованія) безъ уплаты арендныхъ денегъ, Двинское староство (3.238 чел.) у Трокскаго каштеляна гр. Константина Плятера [3]).

Съ теченіемъ времени число староствъ, отданныхъ въ пожизненное владѣніе, увеличивалось. Мы уже сказали выше, что 14 зачетныхъ староствъ (22.883 чел.) перешли въ разрядъ пожизненныхъ. Постепенно въ разрядъ пожизненныхъ староствъ перешло еще 20 староствъ (6.460 чел.), изъ которыхъ почти всѣ до этого перехода находились въ 5-лѣтней арендѣ (только немногія были въ непосредственномъ казенномъ управленіи). Особенно часто происходило превращеніе староствъ, бывшихъ въ 5-лѣтней арендѣ, въ пожизненныя—въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины. Могилевская королевская экономія послужила главнымъ фондомъ для образованія изъ нея пожизненныхъ староствъ этой послѣдней категоріи. Получателямъ новыхъ пожизненныхъ арендъ были по преиму-

---

[1]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170; XVI, № 216, л. 73—75.

[2]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 59—64. Рындинское староство, принадлежавшее Рысинской, было отдано Фр. Рысинскому, вѣроятно ея сыну, или родственнику (Акты Вилен. Арх. Ком., XXXV, 1—2).

[3]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 40—53.

ществу русскіе служилые люди (въ томъ числѣ мѣстные губернаторы и другіе мѣстные чиновники). Пяти изъ нихъ пожизненныя староства пожалованы были безъ платежа арендныхъ денегъ, а двумъ изъ этихъ пяти въ концѣ царствованія императрицы Екатерины пожизненное владѣніе староствами замѣнено потомственнымъ. Но среди лицъ, получившихъ староства въ потомственное владѣніе, были и мѣстные дворяне (восемь маленькихъ староствъ, выдѣленныхъ изъ состава Могилевской дворцовой экономіи, отданы были въ потомственное владѣніе имъ). Въ пожизненныя староства обращено было и Мстиславское староство (615 чел.), назначенное высочайшимъ указомъ (22-го февраля 1776 г.) на столовое содержаніе Смоленскаго губернатора. Одно староство (Дрисенское) замѣнено было для владѣльца его другимъ староствомъ, тоже на правахъ пожизненнаго владѣнія (по случаю обращенія м. Дрисы въ уѣздн. городъ). Но съ другой стороны въ исторіи пожизненныхъ староствъ можно видѣть и обратное явленіе: пять пожизненныхъ староствъ, унаслѣдованныхъ отъ литовско-польскихъ временъ, послѣ смерти ихъ владѣльцевъ перешли въ разрядъ староствъ, отдававшихся въ 5-лѣтнюю аренду (860 чел.) [1].

Въ 5-лѣтнюю аренду отданы были въ первую голову (въ 1773 году) 14 небольшихъ староствъ не принесшихъ присяги мѣстныхъ дворянъ, заключавшихъ себѣ одно мѣстечко, 103 деревни и 3676 чел. (въ томъ числѣ въ бѣлорусскихъ провинціяхъ Псковской губ. 1 мѣстечко, 72 дер. и 1809 чел., въ Могилев. губ. 31 дер. и 1867 чел.). Восемь изъ этихъ староствъ отданы русскимъ военнымъ и отчасти гражданскимъ чинамъ, шесть мѣстнымъ дворянамъ. По истеченіи перваго пятилѣтія аренды большей части перечисленныхъ староствъ возобновлены были для тѣхъ же лицъ; по истеченіи второго, третьяго и послѣдующихъ пятилѣтій онѣ, если не для всѣхъ, то для многихъ изъ нихъ, всякій разъ опять возобновлялись; въ случаѣ смерти арендаторовъ онѣ иногда передавались и ихъ вдовамъ. Одно изъ староствъ (Суражское) перестало быть арендным (по случаю обращенія м. Суража въ уѣздн. городъ); владѣльцу его дано въ аренду другое староство. Нѣкоторыя староства послѣ одного изъ пятилѣтій передавались новымъ владѣльцамъ. Два староства (Дисенское и Прихабское), какъ сказано выше, пожалованы были потомъ въ потомственное владѣніе [2].

[1]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 215—288, ч. III, л. 85—105; XVI, № 244 (Высочайшіе указы Пассеку); П. С. З., XX, № 14438.

[2]) Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170, XII, № 216, л. 1—8, 76—78; XVI, № 766, ч. I, л. 140—141, 271—288.

Кромѣ перечисленныхъ выше 14 старостве, въ 5-лѣтнюю аренду впослѣдствіи отданы были нѣкоторыя части Невельскаго, Усвятскаго, Казанскаго и Пропойскаго старостве и Стрѣшенской волости (Вилен. капитула), съ населеніемъ въ 3.390 чел. Какъ мы видѣли выше, въ составъ старостве, отдававшихся въ 5-лѣтнюю аренду, постепенно перешли пять старостве пожизненныхъ (860 чел.) и одно зачетное (213 чел.) [1]). Къ началу 80-хъ годовъ составъ старостве, отдававшихся въ 5-лѣтнюю аренду, достигъ наиболѣе высокой цифры— 8.842 чел. (въ томъ числѣ 1.986 безъ уплаты арендныхъ денегъ) [2]). Но уже къ половинѣ 80-хъ годовъ, эта цифра понизилась до 5.739 чел. [3]). Повидимому, пониженіе ея продолжалось и въ послѣдующіе годы: въ Могилевской губерніи, по вѣдомости 1790 года, состояло въ 5-лѣтней арендѣ только 1847 чел. (вмѣсто 4.041 чел. въ 1786 г.) [4]). Уменьшеніе количества старостве, находившихся въ 5-лѣтней арендѣ, стояло, безъ сомнѣнія, въ прямой связи съ стремленіемъ ихъ владѣльцевъ превращать ихъ въ пожизненныя.

Съ теченіемъ времени на мѣстѣ были сознаны неблагопріятныя для развитія земледѣльческаго хозяйства стороны краткосрочныхъ (5-лѣтнихъ) арендъ. Генералъ-губернаторъ Пассекъ,—отражая, надо полагать, сельско-хозяйственные взгляды держателей 5-лѣтнихъ арендъ,—вошелъ (22-го апр. 1783 г.) съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, что „5-лѣтній срокъ аренды, какъ крестьянамъ, такъ и арендаторамъ обременителенъ, ибо сіи послѣдніе въ столь малый срокъ не могутъ завести порядочной экономіи, размножить хлѣбопашество и присоединить нѣкоторыя нужнѣйшія строенія". Пассекъ проектировалъ 12-лѣтнія, или хотя бы 10-лѣтнія аренды. Ходатайство осталось безъ удовлетворенія [5]). Нужно сказать, что и искателей 5-лѣтнихъ арендъ было не мало. Правительству приходилось жаловать ихъ задолго до истеченія ихъ срока. Искатели арендъ обыкновенно просили генералъ-губернатора ходатайствовать за нихъ передъ императрицей. Пассекъ охотно ходатайствовалъ передъ нею за своихъ подчиненныхъ чиновниковъ (или ихъ вдовъ), мотивируя ходатайства усердною службою просителей, а также ихъ матеріаль-

[1]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 271—288, ч. III, л. 95—96; XII, № 216, л. 75—79.

[2]) Госуд. Арх., XVI, № 381 и 382, вѣдомости за 1780 годъ.

[3]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 271—288.

[4]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. III, л. 95—96.

[5]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 142.

ною недостаточностью [1]). Ходатайства удовлетворялись, и земельный фондъ, находившійся въ непосредственно хозяйственномъ управленіи правительства, быстро уменьшался: въ 1786 году въ Могилевской губерніи онъ составлялъ 13.240 чел., а въ 1790 году—4.686 чел. [2]). Въ Полоцкой губерніи, какъ сказано выше, онъ къ началу девяностыхъ годовъ совсѣмъ изсякъ.

Изъ представленнаго на предыдущихъ страницахъ краткаго очерка исторіи отдачи въ аренду государственныхъ земель восточной Бѣлоруссіи въ царствованіе императрицы Екатерины II видно, что къ концу этого царствованія арендная система эксплоатаціи ихъ рѣшительно возобладала надъ системой непосредственнаго казеннаго управленія ими. При этомъ пожизненныя аренды стали главной формой арендованія: онѣ поглотили не только 82% всего состава зачетныхъ староствъ, но и почти двѣ трети состава краткосрочныхъ. Пожизненныя и краткосрочныя аренды не только возобновлялись, но и вновь предоставлялись мѣстнымъ дворянамъ; но съ теченіемъ времени онѣ все въ большей и большей мѣрѣ стали предоставляться русскимъ служилымъ людямъ. Изъ староствъ, находившихся въ той или другой формѣ арендчаго владѣнія, только два небольшихъ пожалованы были въ потомственное владѣніе.

Правительство императрицы Екатерины, производя свою ликвидацію государственныхъ населенныхъ имѣній въ восточной Бѣлоруссіи, не могло не столкнуться съ имущественными интересами ихъ сосѣдей. Уже одно нерѣдко случавшееся въ литовско-польскія времена сосредоточеніе въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ наслѣдственныхъ имѣній и староствъ, сходившихся другъ съ другомъ межами, создавало почву для нарушенія интересовъ государственной казны. Этому нарушенію ихъ весьма благопріятствовало постепенное превращеніе многихъ пожизненныхъ староствъ въ наслѣдственныя. При томъ же, въ литовско-польскомъ государствѣ не было вообще надежныхъ органовъ защиты земельныхъ интересовъ казны. Какъ видно изъ доклада Чернышева сенату, нѣкоторые помѣщики въ восточной Бѣлоруссіи не только присоединяли къ своимъ наслѣдственнымъ имѣніямъ спорныя части староствъ, но и переуступали нѣкоторыя старостинскія деревни другимъ шляхтичамъ, которые старались незаконнымъ сдѣлкамъ придавать видъ законности. Когда староства такого рода Высо-

---

[1]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I и II, представленія Пассека имп. Екатеринѣ за разные годы.

[2]) Госуд. Арх., XVI, № 766, ч. I, л. 271—288, ч. III, л. 85—95.

чайше пожалованы были въ потомственное или арендное владѣніе новымъ владѣльцамъ, въ земскихъ судахъ предъявленъ былъ къ нимъ цѣлый рядъ исковъ со стороны сосѣдей и другихъ лицъ. Положеніе новыхъ русскихъ владѣльцевъ старостъ было затруднительнымъ въ особенности потому, что они не располагали нужными документами для ниспроверженія исковыхъ къ нимъ претензій. Нужно и то имѣть въ виду, что этими новыми владѣльцами были по большей части лица, состоявшія на военной службѣ, которымъ долго не удавалось и побывать лично въ своихъ имѣніяхъ („а многимъ и понынѣ быть еще тамъ не удалось"—сказано въ докладѣ Чернышева). Генералъ-губернаторъ предложилъ сенату—воспретить предъявлять какія либо притязанія, въ порядкѣ частнаго судопроизводства, къ Высочайше пожалованнымъ въ потомственное или арендное владѣніе староствамъ, а предъявленныя уже къ нимъ притязанія объявить недѣйствительными. Сенатъ согласился съ предложеніемъ Чернышева, находя, что интересы новыхъ помѣщиковъ и арендаторовъ должны защищать сами мѣстныя правительственныя учрежденія, располагающія нужными для этого документами. Докладъ сената, послѣ разсмотрѣнія его въ совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ, получилъ 22-го дек. 1777 г. утвержденіе императрицы [1]).

Намъ осталось упомянуть еще о староствахъ ненаселенныхъ. Высочайшимъ указомъ 6-го марта 1773 года такія староства велѣно было „для лучшаго употребленія въ пользу хлѣбопашества" продать съ публичнаго торга [2]). Ненаселенныхъ старостъ, какъ видно изъ особой о нихъ вѣдомости, было 14, и они находились въ арендномъ владѣніи у мѣстныхъ дворянъ, принесшихъ вѣрноподданническую присягу (за исключеніемъ одного). Конечно, они и пріобрѣли ихъ въ потомственное владѣніе. Но проданныя ненаселенныя староства были невелики по размѣрамъ: тѣ изъ нихъ, которыя находились въ Могилевской губерніи (а въ ней ихъ было 12), приносили годового дохода 166 руб. 39 коп [3]).

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины нѣсколько новыхъ имѣній польскихъ помѣщиковъ поступило въ ея распоряженіе, именно имѣнія, секвестрованныя у литовскаго артиллеріи генерала кн. Сапѣги, у литовскаго подскарбія кн. Огинскаго и у гр. Поцѣя за участіе ихъ въ польскомъ возстаніи 1794 года, приведшемъ къ

---

[1]) П. С. З., XX, № 14686.
[2]) П. С. З., XIX, № 13957.
[3]) Госуд. Арх., XII, № 216, л. 81—82; XII, № 159, л. 137—170.

третьему раздѣлу Польши. Имѣнія этихъ лицъ, бывшія въ ихъ непосредственномъ управленіи, поступили въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ, и для управленія ими были назначены особые администраторы изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Имѣнія ихъ, отданныя въ аренду, постановлено было взять въ казну по истеченіи арендныхъ сроковъ, а имѣнія заложенныя постепенно выкупить въ казну (погашая залоговую сумму доходами съ нихъ)[1].

Владѣльцы казенныхъ староствъ всѣхъ родовъ пользовались одинаковымъ съ помѣщиками правомъ участія въ дворянскихъ выборахъ, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы ихъ владѣніе староствами не кончалось раньше истеченія трехлѣтняго срока, на который выборы производились. Къ нимъ предъявлялось то же требованіе имущественнаго ценза, что и къ помѣщикамъ: въ избраніи могъ участвовать тотъ, у кого было не меньше десяти крестьянъ, а избраннымъ могъ быть только тотъ, у кого ихъ было не менѣе двадцати[2].

Въ восточной Бѣлоруссіи и послѣ присоединенія ея къ Россіи, въ полной силѣ остался старый обычай отдачи крупными помѣщиками отдѣльныхъ своихъ имѣній и фольварковъ въ аренду. Этотъ обычай былъ усвоенъ и нѣкоторыми новыми, русскими помѣщиками. Въ литовско-польскомъ государствѣ издавна существовалъ особый классъ шляхтичей, жившихъ арендованіемъ имѣній. Они обыкновенно располагали небольшимъ оборотнымъ капиталомъ, нужнымъ для веденія хозяйства на взятой въ аренду землѣ, хотя и недостаточнымъ для пріобрѣтенія собственнаго имѣнія. На этихъ шляхтичей-арендаторовъ (какъ и на владѣльцевъ заставныхъ имѣній) право участія въ дворянскихъ выборахъ не простиралось (о чемъ сказано въ вышеупомянутомъ указѣ 6-го марта 1784 г.).

Низшій слой дворянства образовала „околичная шляхта“, жившая особыми поселками („околицами“) или отдѣльными семьями среди казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Эта околичная шляхта, не имѣвшая крѣпостныхъ, а обработывавшая землю своими руками, лишена была, какъ сказано выше, права винокуренія. Но права владѣнія

[1]) Гр. Поцѣю принадлежало въ Полоц. губ. 5488 челов. и въ Могилев. губ. 3384 чел., всего 8872 чел. Въ заложенныхъ и отданныхъ имъ въ аренду имѣніяхъ было въ Полоц. губ. 1464 чел. и въ Могилев. 5129 чел., всего 6593 чел. (Госуд. Арх., № 766, ч. II, л. 312—323). Впослѣдствіи императрица велѣла возвратить имѣнія Сапѣгѣ и Поцѣю, отдавши ихъ самихъ въ опеку ихъ тестьямъ (Госуд. Арх., XVI, № 244, указъ 18-го августа 1795 г.).

[2]) П. С. З., XXII, № 15961, указъ 16-го марта 1784 г.

крестьянами она лишена не была. Этого права не лишены были и такіе шляхтичи, которые совсѣмъ не имѣли земли и жили у родственниковъ или другихъ лицъ [1]). О количествѣ околичныхъ шляхтичей не имѣется у насъ точныхъ свѣдѣній. Въ 1780 году въ Могилевской губерніи было „околичнаго шляхетства" 6641 чел. [2]). Затѣмъ имѣется свидѣтельство (отъ 1780 года), что въ Бѣлорусской православной епархіи, обнимавшей Могилевскую и Полоцкую губерніи, было 2000 чел. „убогой шляхты" православнаго вѣроисповѣданія, не участвовавшей въ дворянскихъ выборахъ въ разныя должности по причинѣ отсутствія у нея установленнаго закономъ количества крѣпостныхъ [3]). Околичные шляхтичи, какъ всѣ дворяне, освобождены были отъ отбыванія рекрутской повинности. Только въ 1784 году Высочайше повелѣно было составить изъ околичнаго шляхетства особыя хоругви (конные отряды), четыре въ Могилевской и двѣ въ Полоцкой губерніи. Тогда же „изъ лучшаго дворянства" этихъ губерній повелѣно составить Императорскую хоругвь [4]).

Привлеченіе мѣстнаго дворянства восточной Бѣлоруссіи къ несенію военной кавалерійской службы было нѣкоторымъ ограниченіемъ сословнаго права дворянъ служить или не служить по своей волѣ. Но и въ этомъ ограниченіи императрица Екатерина обнаружила стремленіе считаться съ военно-кавалерійскимъ вкусомъ шляхты. Вообще же тенденціи къ ограниченію сословныхъ правъ и привилегій мѣстнаго дворянства восточной Бѣлоруссіи императрица Екатерина не обнаружила въ замѣтной степени. Даже право свободнаго винокуренія, рѣзко расходившееся съ обще-русскою питейною системою, она не отмѣнила. Оставила она въ силѣ и права мѣстныхъ дворянъ на пользованіе государственными населенными имѣніями, въ тѣхъ случаяхъ, когда они покоились на твердыхъ основаніяхъ. Не отстранила она совершенно мѣстныхъ дворянъ и отъ аренднаго пользованія (краткосрочнаго и пожизненнаго) тѣми населенными имѣніями, право распо-

[1]) Госуд. Арх., XVI, № 898, л. 21—29, предписаніе Чернышева губернаторамъ (въ сент. 1772) о производствѣ переписи населенія.

[2]) Госуд. Арх., XVI, № 898, л. 388.

[3]) Эти православные шляхтичи названы тутъ однодворцами (Арх. Госуд. Сов., XVI, № 381, л. 418). Названы такъ, надо полагать, не въ смыслѣ великороссійскихъ однодворцевъ, представлявшихъ собою свободныхъ сельскихъ поселянъ безъ всякихъ дворянскихъ правъ. Въ вѣдомостяхъ Чернышева 1774 года однодворцевъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ совсѣмъ не показано, хотя особая графа о нихъ имѣется (Госуд. Арх., XII, № 159, л. 137—170).

[4]) П. С. З., XXII, № 15944.

ряженія которыми ничѣмъ уже не было для нея ограничено. Но уже и при раздачѣ казенныхъ имѣній въ аренду императрица Екатерина, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе предпочитала мѣстнымъ дворянамъ русскихъ служилыхъ людей. При пожалованіи же населенныхъ имѣній въ потомственное владѣніе такое предпочитаніе было у нея дѣломъ строго проводимой системы.

П. Жуковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ ПОДУШНОЙ ПЕРЕПИСИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

I.

Первая подушная перепись или первая ревизія, какъ ее принято называть въ исторической литературѣ, еще ни разу не была предметомъ спеціальнаго изученія, хотя касались ея неоднократно въ своихъ работахъ многіе изслѣдователи. Не говоря о мимолетныхъ и краткихъ упоминаніяхъ о ревизіи, укажу на изслѣдованіе покойнаго В. О. Ключевскаго: „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи“, впервые появившееся въ 1886 году [1].

Въ этомъ изслѣдованіи В. О. Ключевскій примѣрно на 25 страницахъ печатнаго текста далъ всю исторію подушной переписи и произведенной за ней ревизіи, на основаніи указовъ, напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Въ основныхъ чертахъ этотъ краткій очеркъ вполнѣ правильно передаетъ общій ходъ переписи, но въ немъ встрѣчается рядъ неизбѣжныхъ пропусковъ и неточностей, въ виду того, что Полное Собраніе Законовъ заключаетъ въ себѣ лишь незначительное число, хотя и главнѣйшихъ, указовъ, относящихся къ организаціи такого обширнаго и сложнаго дѣла, какимъ была подушная перепись и ревизія. Въ качествѣ примѣра укажу на нѣкоторыя недомолвки В. О. Ключевскаго.

Такъ покойный историкъ, приведя указъ 26-го ноября 1718 года о сказкахъ, нѣсколько ниже писалъ, что требуемыя сказки „продолжали высылать изъ губерній еще въ началѣ 1721 года“, тогда какъ сказки, затребованныя первымъ указомъ, какъ будетъ разъяснено ниже, закончились сборомъ въ исходѣ 1720 года и въ первыхъ числахъ

[1]) Въ „Рус. Мысли“, 1886 г., № 5, 7, 9 и 10; перепечатано въ Сборникѣ статей В. О. Ключевскаго, подъ заглавіемъ „Опыты и изслѣдованія“, М., 1912 г., стр. 311—416; о первой ревизіи 311—336.

января 1721 года, а въ началѣ 1721 года, какъ и позднѣе, изъ губерній „продолжали“ поступать, такъ называемыя, пополнительныя сказки, потребованныя январскимъ указомъ 1720 года.

Затѣмъ нѣсколькими строками ниже В. О. Ключевскій писалъ, что „для устраненія утайки указомъ 11-го мая (1721 г.) велѣно было губернаторамъ и воеводамъ провѣрить поданныя сказки о дворцовыхъ и церковныхъ людяхъ и подлежащихъ переписи разночинцахъ“ (стр. 315). Но, во-первыхъ, въ этомъ перечнѣ пропущены однодворцы, а во-вторыхъ, предпринятая провѣрка—лишь одна сторона дѣла, которая явилась мѣрой какъ бы дополнительной и производной, основная же и первоначальная мѣра В. О. Ключевскимъ опущена. Дѣло же обстояло такимъ образомъ. Въ виду обнаруженной утайки и прописки Петръ I именнымъ указомъ 15-го марта 1721 года опредѣлилъ объявить всѣмъ, что дается срокъ до 1-го сентября, въ теченіе котораго „впадшіе утайкою въ погрѣшеніе“ подачей заявленія о такой утайкѣ душъ могутъ исправиться и вина имъ простится „безъ всякаго истязанія и штрафа“ [1]). Въ развитіе этого указа сенатъ издалъ распоряженіе 11-го мая того же года объ освидѣтельствованіи душъ среди однодворцевъ, крестьянъ дворцоваго вѣдомства и прочихъ самимъ губернаторамъ и воеводамъ [2]). Въ результатѣ получилось то, что на частновладѣльческихъ земляхъ сами владѣльцы или ихъ управители должны были повѣрить сказки и подать заявленія властямъ въ случаѣ обнаруженной утайки или прописки, а на прочихъ земляхъ свидѣтельствованіе душъ было поручено мѣстной администраціи. Въ изложеніи же проф. Ключевскаго желательной ясности и вѣрнаго представленія объ этихъ мѣрахъ не дается.

Укажу еще на одинъ примѣръ. Первымъ подушнымъ окладомъ В. О. Ключевскій считалъ сборъ, предположенный въ 1721 году въ размѣрѣ 95 коп. (стр. 320), тогда какъ такимъ окладомъ былъ сборъ, опредѣленный указомъ 16-го января 1721 г. въ размѣрѣ одного рубля съ души мужского пола [3]). Встрѣчаются въ изслѣдованіи проф. Ключевскаго и другія неясности и неточности, зависѣвшія оттого, что Ключевскому пришлось написать главу о первой ревизіи, какъ я указалъ выше, только на основаніи указовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ

---

[1]) П. С. З., № 3762.

[2]) Тамъ же, № 3782.

[3]) *Барановъ, П.* Опись имен. Высоч. указамъ, С.-Пб., 1872 г., т. 1, № 804 (стр. 70).

Собраніи Законовъ, которые полнаго и всесторонняго освѣщенія этого вопроса не даютъ.

Вторымъ изслѣдователемъ, который разсматривалъ въ своей книгѣ первую ревизію, былъ ученикъ Ключевскаго П. Н. Милюковъ. Въ его обширномъ трудѣ: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго" находимъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ первой ревизіи [1]). Въ нихъ авторъ, хотя и освѣжаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изложеніе В. О. Ключевскаго новыми архивными данными, но интересуется не столько самой переписью, сколько ея цифровыми результатами [2]). Это вполнѣ согласуется съ главной задачей книги П. Н. Милюкова. Однако, въ вопросѣ о переписи его изложеніе вызываетъ рядъ недоумѣній нѣкоторыми не совсѣмъ точными указаніями и сомнительными выводами. Такъ П. Н. Милюковымъ неправильно отмѣчено, что будто бы „новый проектъ" неизвѣстнаго автора былъ „основнымъ источникомъ", изъ котораго правительство Петра I взяло идею о предстоящей податной реформѣ и которымъ, видимо, оно руководилось при установленіи подушной переписи. Какъ мной ужъ было отмѣчено въ книгѣ о населеніи Россіи при Петрѣ Великомъ [3]), французскій проектъ, о которомъ говоритъ П. Н. Милюковъ, былъ поданъ въ 1722 году, тогда какъ указъ о подушной переписи былъ данъ въ концѣ 1718 года, а потому этотъ проектъ никакимъ образомъ не могъ быть „основнымъ источникомъ новыхъ идей" о податной реформѣ.

Самой исторіи переписи Милюковъ посвящаетъ нѣсколько страницъ и, при сокращенномъ изложеніи указовъ, иногда допускаетъ неточное воспроизведеніе ихъ смысла. Такъ, напр., по поводу указа 15-го марта 1721 года П. Н. Милюковъ писалъ: „Не расчитывая однако на то, что укрыватели захотятъ воспользоваться отсрочкой (подачи сказокъ), сенатъ рѣшилъ въ маѣ послать для освидѣтельствованія сказокъ на мѣстѣ самихъ губернаторовъ и воеводъ" (стр. 474). Но это объясненіе указа 15-го марта—слишкомъ широко. Дѣло въ томъ, что губернаторы и воеводы посылались свидѣтельствовать сказки, какъ видно изъ моего предыдущаго изложенія, не по всѣмъ

---

[1]) *П. Н. Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи, изд. 2-ое, С.-Пб. 1905 г., стр. 414—418, 472—481.

[2]) Объ итогахъ первой ревизіи см. книгу А. А. Кизеветтера, Посадская община въ Россіи XVIII ст. М., 1903 г., стр. 78 и сл.

[3]) *Ключковъ, М.* Населеніе Россіи при Петрѣ В. по переписямъ того времени. С.-Пб., 1911 г., т. I, стр. 432.

мѣстамъ, а лишь среди однодворцевъ, крестьянъ монастырскихъ и дворцовыхъ и проч., владѣльческіе же крестьяне оставались внѣ свидѣтельства губернаторскаго и воеводскаго.

Вызываетъ сомнѣніе и основной выводъ П. Н. Милюкова. Отмѣтивъ сильное увеличеніе количества душъ сравнительно съ переписью 1678 г., а въ особенности съ переписью 1710 г., онъ заключилъ, что „увеличеніе количества плательщиковъ не можетъ быть объяснено возрастаніемъ населенія и только отчасти объясняется привлеченіемъ къ государственному тяглу новыхъ разрядовъ плательщиковъ; главнымъ же образомъ это увеличеніе должно быть объяснено болѣе точнымъ веденіемъ регистраціи“ [1]). Что болѣе точная и строгая регистрація, произведенная во время подушной переписи, содѣйствовала увеличенію итоговъ занесенныхъ въ сказки душъ, это несомнѣнно, но увеличеніе должно быть отнесено и на счетъ возрастанія населенія. Возрастанія послѣдняго естественно ожидать и по общему соображенію о неуклонномъ ростѣ населенія, въ особенности, если имѣть въ виду то обстоятельство, что Сѣверная война послѣ 1711 года пошла на убыль, а съ 1715—1716 гг. въ сущности фактически почти прекратилась, такъ что населеніе къ 1720 году, ко времени производства подушной переписи на мѣстахъ, должно было увеличиться. Это возрастаніе подтверждается и цифровымъ матеріаломъ подушной переписи, при его детальномъ изученіи.

Вопросъ о подушной переписи затронутъ въ работѣ другого ученика В. О. Ключевскаго, проф. М. М. Богословскаго, въ его книгѣ: „Областная реформа Петра Великаго“; но этотъ вопросъ интересовалъ изслѣдователя не самъ по себѣ, а въ связи съ областной реформой, сосредоточивая его вниманіе на томъ, какъ организація подушной переписи и ревизіи отразилась на дѣятельности областной администраціи. Благодаря этому въ книгѣ М. М. Богословскаго данъ лишь бѣглый обзоръ самой исторіи переписи. Такъ, напр., періодъ переписного дѣла съ 1718 по 1721 годъ, который составляетъ предметъ настоящей статьи, изложенъ М. М. Богословскимъ на двухъ страницахъ [2]). Естественно, что это краткое изложеніе, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ деталей, въ сущности являлось повтореніемъ того, что заключалось въ изслѣдованіяхъ Ключевскаго и Милюкова.

Почти въ одно и то же время съ работой М. М. Богословскаго

[1]) Государственное хозяйство, стр. 478.

[2]) *Богословскій, М.* Областная реформа Петра В. Провинція 1719—27 гг. М., 1902 г., стр. 326—327; ср. 332—333.

вышла книга В. Э. Дена, изучившаго населеніе Россіи по пятой ревизіи [1]). Въ своей книгѣ авторъ, прежде чѣмъ подробно изслѣдовать пятую ревизію, даетъ обзоры всѣхъ предыдущихъ, начиная съ первой, которой и посвящаетъ особую главу, и руководствуется, конечно, не архивными данными, но указами и распоряженіями правительства, помѣщенными въ Полномъ Собраніи Законовъ, а также свѣдѣніями, имѣющимися въ книгахъ В. О. Ключевскаго и П. Н. Милюкова. Обзоръ проф. Дена представляетъ собой дѣльное и сжатое изложеніе распоряженій правительства о ревизіи, но и этотъ обзоръ, не имѣя первую подушную перепись цѣлью спеціальнаго изученія, не будучи основанъ на архивномъ матеріалѣ, страдаетъ общимъ недочетомъ подобныхъ вводныхъ обзоровъ: онъ въ концѣ концовъ, за исключеніемъ немногихъ наблюденій и библіографическихъ справокъ, превращается въ сухой пересказъ общеизвѣстнаго.

Такое состояніе исторической литературы давно уже обратило мое вниманіе на первую подушную перепись, и я, изучивъ архивные матеріалы, выпустилъ въ свѣтъ въ 1911 году первый томъ своего изслѣдованія о населеніи Россіи, которымъ довелъ изложеніе предмета до начала подушной переписи, предполагая во второмъ обозрѣть первую ревизію во всей ея совокупности. Работая надъ вторымъ томомъ, которому не суждено еще появиться въ ближайшіе годы въ виду другихъ моихъ работъ, стоящихъ на очереди, я хотѣлъ бы нѣкоторыми своими свѣдѣніями о переписи уже теперь подѣлиться съ читателями, и въ настоящей статьѣ дать чисто фактическій очеркъ подушной переписи за годы съ 1718 по 1721.

II.

Начало подушной переписи, какъ извѣстно, было положено собственноручнымъ указомъ Петра I-го 26-го ноября 1718 года. Указъ этотъ гласилъ: „Земскіе поборы учинить съ крестьянъ по сему: 1—взять сказки у всѣхъ (давъ на годъ сроку), чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужска полу, объявя имъ то, что кто утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ“; 2—„росписать, на сколько душъ“ придется одинъ рядовой солдатъ; 3—„учинить на каждый полкъ два комисара“; 4—„роспи-

---

[1]) *Н. Денъ В. Э.*, Населеніе Россіи по пятой ревизіи, т. I. М., 1902 г., стр. 25—68. Несмотря на то, что первой ревизіи авторъ посвятилъ 43 стр., собственно историческому очерку хода переписи во всей главѣ отведено очень мало мѣста: къ предмету настоящей статьи относится около 5 страницъ.

щикамъ, которые поѣдутъ расписывать полки по крестьянамъ, смотрѣть того накрѣпко, правдою-ль тѣ росписи поданы, и гдѣ есть лишекъ, о томъ давать вѣдѣніе, а ихъ писать по солдатамъ же, и оные крестьяне съ ихъ землею и всѣмъ отданы будутъ тому переписщику"; 5—„вышеписаннаго же смотрѣть и офицерамъ" подъ страхомъ смертной казни переписщику и офицерамъ за неисполненіе указа [1]).

Это былъ лишь набросокъ податной реформы, въ которомъ широкими мазками наскоро сдѣланы только главнѣйшія очертанія предстоящихъ преобразованій. Необходимо было воплотить его въ болѣе конкретныя формы и постоянно слѣдить за ходомъ этого сложнаго дѣла: работа по проведенію реформы была возложена Петромъ на сенатъ.

Повидимому, вскорѣ послѣ ноябрьскаго указа къ подушной переписи былъ привлеченъ и бывшій генералъ-ревизоръ сената Василій Никитичъ Зотовъ. Въ срединѣ января 1719 года, когда послѣ перваго указа о переписи прошло болѣе полутора мѣсяца, а сенатъ ничего еще для осуществленія государева указа не предпринималъ, В. Зотовъ, обезпокоенный проволочкой и не имѣя возможности „никоторыми дѣлы выѣхать" самъ „за головною болѣзнью", писалъ оберъ-секретарю сената А. Я. Щукину слѣдующее: „Прошу доложить, кого надлежитъ, о дачѣ мнѣ указа на положенное мнѣ дѣло, въ которомъ указѣ дабы изъяснено было; а ежели будетъ написано неясно, то отъ меня безъ стужанія пробыть немочно, и для того будетъ только время длиться" [2]).

---

[1]) Сборн. И. Рус. Ист. О-ва, XI, 374 и сл.; П. С. З., V, № 3245. Упоминаніе о подушномъ обложеніи, „поголовщинѣ" встрѣчается и въ болѣе раннихъ указахъ. Такъ еще въ указѣ 17-го мая 1717 г., посланномъ сенату изъ Парижа отъ 29-го апрѣля, Петръ В. писалъ: „Къ тому же возможно (ежели нужда въ деньгахъ) на всякіе промыслы положить на время прибавку пошлинъ, также поголовщину по городамъ, какъ то во всемъ свѣтѣ ведется (кромѣ деревень)" (Сборн. И. Рус. Ист. О-ва, XI, 350). Въ другомъ указѣ сенату 15-го ноября того же 1717 г. Петръ писалъ: „Распорядить сухопутное войско и рекруты морскіе, кромѣ жалованья, и провіантъ на крестьянъ, [съ]скольких душъ или дворовъ одинъ (что удобнѣе) будетъ солдатъ и драгунъ и офицеръ по рангамъ (кромѣ генералитета), примѣняся къ податямъ нынѣшнимъ, ибо какъ сіе положится, отъ прочихъ всѣхъ податей и работъ свободны будутъ" (*Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 7, л. 250—„кромѣ жалованья", „одинъ"—вставки въ текстѣ указа, написанныя рукою самого же Петра; Сборн. И. Рус. Ист. О-ва, XI, 355).

[2]) Письмо отъ 14-го января 1719 г. (*А. М. Ю.*—Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ—дѣла сената, № 659, л. 1).

Надо полагать, что это именно письмо возымѣло рѣшительное дѣйствіе: 22-го января въ сенатѣ состоялся указъ, который былъ положенъ въ основаніе подушной переписи.

„Великій Государь, сообщалось въ томъ указѣ, указалъ ради расположенія полковъ армейскихъ крестьянъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки", „не взирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписки, но учиня самимъ переписки правдивыя, сколько, гдѣ, въ которой волости, въ селѣ или въ деревнѣ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню) по имяномъ есть мужеска полу всѣхъ, не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца, съ лѣтами ихъ, и подавать тѣ сказки въ губерніяхъ съ такимъ различіемъ": 1) о крестьянахъ дворцоваго и церковнаго вѣдомства прикащикамъ вмѣстѣ съ старостами и выборными людьми; 2) о крестьянахъ помѣщичьихъ — самимъ помѣщикамъ, если они живутъ въ своихъ деревняхъ, а если „на службахъ и въ отлученіи" обрѣтаются, то прикащикамъ и старостамъ съ выборными людьми; 3) однодворцамъ всѣмъ каждому о себѣ и своей семьѣ; 4) „у татаръ и ясашныхъ принимать отъ каждой волости или деревни за знаменами старостъ и выборныхъ ихъ людей".

„Въ сказкахъ подписываться всѣмъ съ такимъ крѣпкимъ подтвержденіемъ, что въ тѣхъ своихъ сказкахъ всякій противъ вышеобъявленнаго написалъ самую истину, не утая ни единыя мужеска полу души". Если же кто утаитъ, то будетъ строжайшимъ образомъ наказанъ (пункты 6-й и 7-й указа) [1].

Таково вкратцѣ содержаніе указа 22-го января. Вскорѣ [2]) по напечатаніи онъ розданъ былъ „господамъ президентамъ" и разосланъ по губерніямъ въ довольно значительномъ количествѣ, чтобы возможно шире оповѣстить населеніе о новой правительственной мѣрѣ [3]).

---

[1]) П. С. З., V, № 3287.

[2]) Указы и при нихъ печатные листы въ губерніи посланы: въ Московскую — 30-го янв., въ Азовскую, Архангелогородскую, Казанскую, Кіевскую и Сибирскую — 31, въ Рижскую и С.-Петербургскую — 3-го февр., къ бригадиру Зотову — 27-го янв. (*Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 22, л. 13).

[3]) Господамъ президентамъ сначала было роздано 57 листовъ (больше всего „свѣтлѣйшему князю", именно 20), а потомъ снова „къ г. президентамъ 19 персонамъ по 5 листовъ посланы съ дневальнымъ". О количествѣ экземпляровъ, посланныхъ въ губерніи, имѣются слѣдующія отмѣтки: въ Сибирскую губ. послано — 60, въ Казанскую — 171, въ С.-Петербургскую — 180, Рижскую — 60, Архангелогород-

Хотя сенатскій указъ о подушной переписи былъ довольно обширенъ, однако жъ далеко не разрѣшалъ всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ производствомъ переписи. Такъ относительно существа переписи, точнѣе говоря круга лицъ и состояній, подлежащихъ внесенію въ сказки, указъ заставлялъ желать лучшаго: о нѣкоторыхъ группахъ предполагалось издать новое узаконеніе, о другихъ совсѣмъ не было упомянуто. Самъ указъ по этому поводу говоритъ: „О расположеніи посадскихъ людей, о завоеванныхъ городѣхъ и астраханскихъ и уфимскихъ татарѣхъ и башкирцахъ и сибирскихъ ясашныхъ и иноземцахъ опредѣленіе будетъ впредь"; благодаря чему потребовался рядъ новыхъ дополнительныхъ указовъ, регулирующихъ отношеніе къ переписи названныхъ группъ населенія.

Кромѣ того о духовенствѣ, о дворовыхъ, находящихся въ личномъ услуженіи, совсѣмъ упомянуто не было. Результатомъ недомолвки было, во-1-хъ, то, что въ 1720 году потребовалась отъ населенія подача новыхъ „пополнительныхъ" сказокъ, которая нерѣдко для многихъ мѣстностей явилась второй подушной переписью, во-2-хъ, то, что поданныя первыя сказки и вторыя (пополнительныя) позднѣе нуждались въ разныхъ дополненіяхъ и исправленіяхъ, что существеннымъ образомъ отразилось на времени окончанія переписи.

Вторымъ недочетомъ этого указа слѣдуетъ признать то, что онъ не установилъ формы сказокъ; въ немъ лишь кратко было сказано, чтобы въ поголовныхъ сказкахъ имѣлось показаніе, „сколько гдѣ, въ которой волости, въ селѣ или деревнѣ крестьянъ... по имяномъ есть мужска полу" „съ лѣтами ихъ"; ниже добавлено, чтобы къ сказкамъ прикладывали податели руки, „съ такимъ крѣпкимъ подтвержденіемъ, что въ тѣхъ своихъ сказкахъ всякой противъ вышеобъявленнаго написалъ самую истину, не утая ни единыя мужеска пола души". Отсутствіе опредѣленной формы сказокъ пагубно отразилось на полнотѣ и точности показаній ихъ и затруднило позднѣе составленіе общихъ перечневыхъ книгъ и табелей. Можно предположить, что се-

скую—111, Московскую—291, Азовскую—53, Кіевскую—70, всего послано въ губерніи 996 листовъ (*А. М. Ю.*, № 659, л. 7).

Бригадиру Зотову былъ посланъ одинъ печатный экземпляръ указа 22 янв., по поводу котораго было сказано: „и бригадиру В. Н. Зотову о пріемѣ тѣхъ сказокъ учинить по тому Е. В. Г. указу". Кромѣ того ему былъ посланъ 27-го же янв. спеціальный указъ съ краткимъ поясненіемъ задачи, возложенной на него. „Которыя сказки, говорилось въ указѣ, будутъ присылаться изъ губерній въ С.-Петербургъ, и велѣно ихъ принимать тебѣ" (*Тамъ же*, л. 5).

натъ оставилъ эту сторону безъ вниманія, понадѣявшись на выработавшуюся уже практику, но она касалась переписи дворовъ, а не душъ, оттого и вышелъ непорядокъ, устраненный лишь при 3-й ревизіи.

Наконецъ, третьимъ важнымъ пробѣломъ было то, что не былъ точно установленъ порядокъ производства переписи и сбора сказокъ. Губернскія власти, не имѣя точной общей инструкціи, поступали каждый по своему. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ указѣ 22-го января были указанія относительно подачи сказокъ, они вызывали сомнѣнія и предложенія сенату установить болѣе точныя правила. Такъ 14-го апрѣля 1719 г. А. В. Макаровъ писалъ оберъ-секретарю Щукину: „Понеже всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ положено сроку до 1720 г. въ описи поголовной крестьянъ, а о дворцовыхъ, монастырскихъ и архіерейскихъ, кому ихъ переписывать, умолчено, и для того извольте о томъ также учинить опредѣленіе, кому ихъ переписывать, дабы затѣмъ не было къ 1720 г. остановки“ [1]). Результатомъ письма былъ подтвердительный указъ 17-го апрѣля [2]).

Благодаря приведеннымъ недочетамъ указъ 22-го января 1719 г. хотя и являлся краеугольнымъ камнемъ подушной переписи и опредѣлялъ собой дальнѣйшее направленіе ея, тѣмъ не менѣе требовалъ значительной черной работы въ видѣ многочисленныхъ отдѣльныхъ указовъ и распоряженій, затѣмъ потребовалъ длительной напряженной работы надъ осуществленіемъ первоначальныхъ и нѣсколько измѣненныхъ позднѣе плановъ всей податной реформы, благодаря чему сама реформа и перепись могутъ быть выяснены лишь послѣ кропотливаго изученія всей этой многолѣтней работы, со всѣмъ ея движеніемъ впередъ и частичными отклоненіями въ сторону.

III.

Первой заботой сената и канцеляріи Зотова при производствѣ переписи было то, чтобы сказки о душахъ мужского пола были присланы въ С.-Петербургъ своевременно къ назначенному сроку.

Черезъ два съ половиной мѣсяца сенатъ снова по всѣмъ губерніямъ разсылаетъ подтвердительные указы (отъ 17-го апрѣля) о производствѣ переписи и присылкѣ сказокъ въ С.-Петербургъ къ бригадиру Зотову.

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 11 (на письмѣ помѣта: „выписать тотчасъ“).
[2]) П. С. З., VI, № 3355.

Въ срединѣ же августа (именно 19-го августа) въ канцеляріи сената выяснялось: 1) опричь указовъ 22-го января и апрѣля 17-го „въ губерніи подтвердительные указы посланы-ль и въ которыхъ числѣхъ и сколько въ которую губернію“; 2) на указы „отвѣтствовано-ль и сказки въ присылкѣ есть ли“. Собранныя по этому случаю свѣдѣнія оказались неутѣшительными: хотя иныхъ подтвердительныхъ указовъ не было, но указы 22-го января и 17-го апрѣля были разосланы повсюду, при чемъ изъ губерній не только не было прислано сказокъ, но часто вопреки настоятельному требованію государева указа, губернскіе управители даже не извѣщали сенатъ о полученіи указовъ о переписи.

Тогда сенатъ 28-го августа, выслушавъ выписку по этому дѣлу, постановляетъ: „въ губерніи послать еще въ подтвержденіе указы“, дабы „сказки изо всѣхъ мѣстъ присланы были конечно въ нынѣшнихъ скорыхъ числѣхъ“, „понеже тѣхъ сказокъ требуетъ необходимая государственная нужда“ [1]).

Однако, и новый подтвердительный указъ значительно дѣла не ускорилъ: 12-го октября дьякъ Иванъ Климонтовъ, одно время завѣдывавшій пріемомъ сказокъ, доносилъ сенату, что у него въ пріемѣ сказокъ всего 703, изъ 3-хъ уѣздовъ: Кольскаго, Гдовскаго и Ярославскаго [2]), „а больше того, писалъ Климонтовъ, въ присылкѣ сказокъ ни откуда нѣтъ“.

---

[1]) Текстъ приговора 28-го авг. слѣдующій: (сенатъ приказалъ) „Въ губерніи послать еще въ подтвержденіе указы, дабы по объявленному Е. И. В. именному указу оныя сказки изо всѣхъ мѣстъ присланы, были конечно, въ нынѣшнихъ скорыхъ числѣхъ съ нарочными старыми подьячими, при нихъ съ молодыми, смотря по числу сказокъ, дабы оными подьячими можно было изъ тѣхъ сказокъ надлежащія вѣдомости сочинить, или какая явится въ тѣхъ сказкахъ неисправа, могъ бы въ томъ отвѣтъ дать, понеже тѣхъ сказокъ требуетъ необходимая государственная нужда.

А буде и по симъ указамъ тѣ сказки вскорѣ въ присылкѣ не будутъ или хотя и пришлются, да не сполна, и за тою недосылкою въ расположеніи армейскихъ полковъ учинится остановка, и то на губернаторахъ и прочихъ управителяхъ взыщется подъ жестокимъ штрафомъ, а тѣмъ, кто сказокъ не подадутъ, (конечно) учинено будетъ то, какъ въ публикованномъ о томъ указѣ объявлено, неотмѣнно“.

Соотвѣтствующіе указы были разосланы по губерніямъ за время съ 4-го по 7-е сентября (*А. М. Ю.*, № 659, л. 24—31).

[2]) „Кольскаго уѣзда—27, Гдовскаго—169, Ярославскаго у. вѣдомства ландрата Никиты Квашнина-Самарина, Городского и Служня становъ съ волостьми—507, итого—703“ (*А. М. Ю.*, № 659, л. 32); то же количество присланныхъ сказокъ упомянуто въ доношеніи бриг. Зотова отъ 4-го ноября (л. 101).

Въ то же время въ сенатской канцеляріи была сдѣлана выписка: „сколько о томъ во всѣ губерніи указовъ послано и что противо оныхъ откуда отвѣтствовано". На основаніи составленной выписки, сенатъ 4-го ноября приговорилъ: такъ какъ не только по первому январскому указу о сказкахъ, но и по двумъ подтвердительнымъ, посланнымъ въ апрѣлѣ и августѣ мѣсяцахъ, и требовавшимъ производства переписи, „яко первоглавнаго дѣла", управители, на которыхъ то дѣло было возложено, явились настолько неисправны, что считая отъ января по ноябрь, „уже девятимѣсячное упустили время", и не только не прислали сказокъ съ надлежащими вѣдомостями, но объ этомъ важномъ дѣлѣ многіе, особенно изъ Московской и Архангелогородской губерній ни на одинъ посланный указъ ничего не отвѣчали („по се время"), и „въ томъ осталися, яко преступники указу Царскаго Величества", то: 1) изъ губерніи и провинцій „всѣхъ тѣхъ людей, кто гдѣ переписывалъ и тѣ сказки бралъ, выслать въ С.-Петербургъ за карауломъ", „безо всякаго мотчанія", „по полученіи сего указа тотчасъ, не дожидаясь впредь иныхъ о томъ указовъ, понеже не только время присылкѣ тѣхъ сказокъ приспѣло, но уже и пропущено, что на оныхъ взыскано будетъ такъ, какъ Е. Ц. В. указомъ повелѣно";

2) генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и вице-губернаторамъ представить въ сенатъ объясненія, „для чего они по посланнымъ указамъ въ губерніяхъ на подчиненныхъ своихъ оныхъ не взыскивали и присылкою сказокъ время пропустили";

3) Московскаго же губернатора Нарышкина и вице-губернатора Ершова и Архангелогородскаго вице-губернатора, какъ наиболѣе виновныхъ въ небрежности, допросить: первыхъ двухъ вновь назначенному вице-губернатору Воейкову, а послѣдняго—посланному въ Архангельскую губернію гвардіи прапорщику Петру Рыхтарову" [1]).

Этотъ приговоръ показываетъ, что сенатъ, искушенный опытомъ сбора переписныхъ книгъ предшествующей ландратской переписи, предупреждая возможную медлительность, рѣшилъ принять строгія принудительныя мѣры къ скорѣйшему сбору сказокъ. Въ приговорѣ

Повидимому, раньше всего были присланы сказки изъ Нарвской пров., именно 25-го іюля; въ связи съ этимъ 28-го авг. сенатомъ было постановлено вызвать въ Петербургъ немедленно бриг. Зотова, который въ это время находился въ Москвѣ (л. 15).

[1]) Указъ въ печатномъ видѣ отъ 12-го ноября 1719 г. былъ разосланъ по губерніямъ 12-го—14-го ноября (*А. М. Ю.*, № 659, л. 54—56).

допускается какъ бы намѣренная неточность, говорится, что управители „девятимѣсячное упустили время", время присылки тѣхъ сказокъ не только „приспѣло, но уже и пропущено".

Изъ рапортовъ губернскихъ властей извѣстно, что во многихъ мѣстахъ ни одинъ мѣсяцъ не былъ пропущенъ, и тотчасъ же, по полученіи указовъ, было приступлено къ подушной переписи. Если же сказки еще не были доставлены въ Петербургъ, то часто это бывало не по лѣностному нерадѣнію, а по трудности и сложности самого дѣла и по цѣлому ряду другихъ причинъ. Къ тому же и срокъ представленія сказокъ пропущенъ не былъ, такъ какъ предѣломъ былъ конецъ 1719 г., до котораго оставалось почти два мѣсяца. Несмотря на это, сенатъ, зная обычную проволочку въ такого рода дѣлахъ, разсылаетъ строгіе указы о высылкѣ въ С.-Петербургъ переписчиковъ со сказками „за карауломъ", предполагая, что такая мѣра ускоритъ присылку сказокъ.

Надежды сената на болѣе энергичную присылку поголовныхъ сказокъ и вѣдомостей почти не оправдались. Въ теченіе ноября и начала декабря притокъ ихъ въ канцелярію пріема сказокъ былъ незначителенъ. По доношенію В. Зотова, который довольно часто освѣдомлялъ сенатъ о присылкѣ къ нему сказокъ, къ 14-му декабря въ его канцелярію было прислано изъ 7 мѣстъ, всего 2.062 сказки [1]).

Въ виду такого положенія сенатъ былъ озабоченъ изысканіемъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, могли бы ускорить переписное дѣло. Въ этихъ цѣляхъ онъ прибѣгнулъ къ двумъ способамъ: 1) старому привычному—разсылкѣ подтвердительныхъ указовъ и 2) къ новому—отправкѣ гвардейскихъ солдатъ и курьеровъ, которые должны были настойчиво и энергично поторопить губернскихъ управителей къ безотлагательной высылкѣ сказокъ.

Подтвердительные указы и были разосланы, одинъ въ началѣ декабря (съ нарочными), другой въ срединѣ, именно 18-го декабря. Въ этомъ послѣднемъ указѣ сенатъ, обращаясь къ губернскимъ властямъ съ напоминаніемъ о посылкѣ четырехъ указовъ и нарочныхъ гвардейцевъ, говорилъ: „хотя и толь жестоко съ вами поступлено, однако-жъ и за тою посылкою (нарочныхъ) помянутыхъ сказокъ ничего не при-

---

[1]) А именно: 22-го сент. изъ Кольскаго острога—27, изъ доли ландрата Квашнина-Самарина въ Ярославскомъ у.—507, Чамерской волости, да Гдовскаго да Кобыльскаго у.—169, окт. 19-го изъ Саратова—46, ноября 10-го изъ Ваги—99, ноября 17-го изъ Саранска—590, дек. 10-го—изъ Великихъ Лукъ—624, итого 2.062 сказки (*А. М. Ю.*, № 659, л. 82).

слано и что учинено, не отвѣтствовано, за что остались тѣ управители, которымъ тѣ сказки имать повелѣно, Е. Ц. В—ва указамъ преступники". Въ виду такого положенія Государь указалъ, „сверхъ послѣднихъ, съ нарочными посланныхъ, указовъ" въ губерніи и провинціи „послать еще подтвердительные послѣдніе указы, въ которыхъ написать, чтобъ тѣ сказки всеконечно присланы были"; а кто въ срокъ сказокъ не пришлетъ, „у тѣхъ помѣстья и вотчины ихъ, неотмѣнно взяты будутъ на Государя безповоротно" [1]). Указъ 18-го декабря былъ пятымъ по счету подтвердительнымъ указомъ [2]).

Двумя днями раньше объявленъ былъ въ сенатѣ кабинетъ-секретаремъ А. В. Макаровымъ Государевъ указъ, чтобы помѣщики и вотчинники, „отъ вышнихъ даже и до нижнихъ", какъ духовные такъ и свѣтскіе, люди всякихъ чиновъ, „которые нынѣ, говорилось въ указѣ, здѣсь въ С.-Петербургѣ обрѣтаются", сказки о душахъ „подавали въ С.-Петербургѣ, конечно, въ семъ декабрѣ мѣсяцѣ", подъ угрозой отнятія вотчинъ и помѣстій [3]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 89.

Указъ 18-го дек., по приговору сената того же числа, посылается въ Москву съ особымъ курьеромъ Иваномъ Гуляевымъ, которому было приказано, если въ Москвѣ окажутся комисары тѣхъ губерній, куда указы съ нимъ направлены, то отдать комисарамъ „съ роспискою, записывая дни и часы, при чемъ сказать имъ такое подтвержденіе, чтобы, не удерживая часа, тѣ указы отослали они съ нарочными на почтахъ", а если комисаровъ на лицо не будетъ, то указы отдать для отправленія вице-губернатору Воейкову (л. 91—92).

[2]) Такой счетъ дается въ сенатской выпискѣ; основной указъ о сказкахъ 22-го янв. 1719 г., подтвердительные: 1-ый—въ апрѣлѣ, 2-ой—въ августѣ, 3-ій—въ ноябрѣ, 4-ый—въ декабрѣ (съ нарочными унтеръ-офицерами и солдатами), 5-ый—въ декабрѣ же 18-го числа (л. 143).

[3]) П. С. З., № 3470. Въ копіи этого указа: „И о томъ для вѣдома въ народѣ публиковать съ барабаннымъ боемъ, а къ В. Зотову послать о томъ указъ". На поляхъ помѣта: „Въ С.-Петербургѣ въ пристойныхъ мѣстахъ съ барабаннымъ боемъ публиковано того-жъ числа и къ бриг. Зотову указъ посланъ 18-го числа декабря" (*Сен. Арх., Книга копій*, № 22, л. 107).

Въ другомъ мѣстѣ сохранились указанія, гдѣ именно слѣдовало „о сказкахъ печатные указы выставить". Привожу это любопытное перечисленіе.

„На площади у Троицы у столбовъ; у гостина двора у 2 воротъ и у 2 сторожныхъ проходовъ; въ крѣпости Петропавловской у церкви; въ Посадской у Казанской Богородицы у церкви и по улицамъ на перекресткахъ въ 5 мѣстѣхъ и у кабаковъ; у ратуши и у таможни 2; на Сытномъ рынкѣ въ 2 мѣстѣхъ; въ Никольской у церкви Николая и по перекресткамъ 4; въ Никольской же у австеріи и по прочимъ особымъ улицамъ 4; у мытнаго двора у 2 воротъ; у мясного ряда; на Васильевскомъ острову во 2 мѣстѣхъ; у адмиралтейской крѣпости; на Морскомъ и . . . . . . скомъ рынкахъ и по перекресткамъ и у кабаковъ 6 листовъ; у почтоваго двора и въ Гре-

Судя по приведеннымъ указамъ, и Петръ и сенатъ постоянными напоминаніями, подтвержденіями и угрозами старались подѣйствовать на областныхъ правителей, понудить ихъ къ тому, чтобы они безотлагательно высылали подушныя сказки въ С. Петербургъ. Но система подтвердительныхъ указовъ, соединенная съ жестокими угрозами, самимъ авторамъ этихъ мѣръ не внушила полнаго довѣрія, казалась недостаточной, требовала какой-то новой болѣе острой приправы. Нѣчто новое и было примѣнено по отношенію къ „преступникамъ“ государевыхъ указовъ, именно посылка по губерніямъ и провинціямъ нарочныхъ гвардейцевъ, которые должны были понудить управителей, оказавшихъ „пренебреженіе“ даннымъ имъ предписаніямъ.

Посылка нарочныхъ гвардейцевъ за сказками рѣшена была въ концѣ ноября мѣсяца. Уже 28-го ноября кабинетъ-секретарь Макаровъ писалъ Щукину: „Извольте ко мнѣ прислать вѣдомость, сколько провинцій, въ которыя надлежитъ послать курьеровъ, дабы я могъ знать, сколько человѣкъ надобно курьеровъ“, которыхъ онъ обѣщивался приготовить къ слѣдующему дню, и просилъ изготовить для нихъ указы. 30-го онъ снова просилъ прислать къ нему указы въ виду необходимости написать курьерамъ „инструкціи или наказы, что имъ дѣлать“ [1]). А 1-го декабря были изготовлены въ сенатѣ указы, инструкція для отправляемыхъ солдатъ, и приняты были мѣры къ снабженію ихъ подорожными [2]).

Пока шла переписка между Макаровымъ и Щукинымъ, изъ гвардейскихъ полковъ „Кабинетомъ Ц. В—ва“ потребовано было унтеръ-офицеровъ 37 чел.; объ этомъ Иванъ Бутурлинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы приготовлено было изъ Преображенскаго полка 27 чел. и Семеновскаго 10, добавляя, если унтеръ-офицеровъ такого числа не окажется, то послать „изъ солдатъ добрыхъ, грамотѣ умѣющихъ“.

ческой 2; у литейнаго двора и по большимъ улицамъ на перекресткахъ 5 листовъ; у церкви Симеона; у столба, что по двору оберъ-секретаря; у Троицкой пристани, гдѣ нынѣ проѣздъ; у церкви Самсона и у столба и въ баталіонѣ—3; у всѣхъ коллегій; у полицеймейстерской; въ Бѣлоозерской въ 2-хъ мѣстѣхъ; у 2 австерій; въ Чемесовой въ 2-жъ; въ Гренадерской въ 2-жъ; въ Колтовской—въ 2; въ Дворянской на входѣ и на выходѣ у Синявина двора и у лазарета и у перевоза Самсоновскаго; у городовой“ (канцеляріи?)—*А. М. Ю.*, д. № 659, л. 85—86.

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 64—66.

[2]) *Тамъ же*, л. 66—72; о подводахъ и прогонныхъ деньгахъ приговоръ сената—1-го дек.; о 43 подорожныхъ, съ выдачей изъ сената по 8 денегъ за подорожную,—приговоръ 2-го дек. Указъ сената и инструкція въ П. С. З. отъ 4-го дек. № 3460.

Въ Петербургѣ требуемаго количества гвардейцевъ, которыхъ можно было бы послать съ такимъ порученіемъ, не оказалось, поэтому послано было 36 чел. изъ Новгорода [1]).

Съ командированными въ провинціи гвардейцами былъ посланъ строжайшій государевъ указъ (отъ 4-го дек.), которымъ повелѣвалось: „всѣхъ управителей тѣхъ, на которыхъ" переписное дѣло было возложено, „такожъ и ихъ подчиненныхъ", у которыхъ сборъ сказокъ еще не оконченъ, „держать въ канцеляріяхъ на цѣпяхъ и въ желѣза скованныхъ, не выпуская до тѣхъ мѣстъ, пока въ этомъ дѣлѣ, какъ указъ повелѣваетъ, совершенно исправятся"; а гдѣ сказки собраны и къ посылкѣ въ готовности, тамъ ихъ отправить въ С.-Петербургъ, „не мѣшкавъ ни малаго времени", съ нарочными „изъ тѣхъ, которые у того дѣла были" [2]).

Вмѣстѣ съ этимъ указомъ нарочнымъ были даны инструкціи, которыя посланнымъ вмѣняли въ обязанность слѣдующее:

1—взять у начальника губерніи или провинціи „вѣдѣніе на письмѣ", „за его рукою", кто изъ управителей губерніи или провинціи въ присылкѣ сказокъ „не исправились", „и для чего 4 посланные въ губернію" указа о выполненіи столь важнаго дѣла „пренебрежены и такое упущено время";

2—по „взятому вѣдѣнію" всѣхъ, кто окажется виновнымъ въ пренебреженіи и упущеніяхъ, „сыскавъ и собравъ въ канцелярію, держать на цѣпяхъ и въ желѣзахъ скованныхъ", не исключая и начальника губерніи, если онъ окажется въ томъ виновнымъ; держать до полнаго окончанія дѣла и отсылки сказокъ въ С.-Петербургъ, „и въ томъ ихъ понуждать непрестанно";

3—собранныя сказки отправить въ С.-Петербургъ немедленно;

4—въ случаѣ необходимости караула къ тѣмъ, которые держаться будутъ, посылки солдатъ, подводъ и прочаго, слѣдуетъ всего „требовать" отъ начальника губерніи или провинціи, которому приказано выполнять все „неотложно, безъ всякихъ оговорокъ";

5—по выполненіи порученія, ѣхать въ С.-Петербургъ и немедленно по пріѣздѣ явиться въ канцелярію сената.

Принятыя сенатомъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ строгія мѣры возымѣли свое дѣйствіе: со второй половины декабря 1719 г. въ канцелярію пріема сказокъ усиленно стали поступать сказки въ боль-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 74—78.

[2]) П. С. З., № 3460 (тамъ же приложена инструкція посланнымъ гвардейцамъ).

шомъ количествѣ, и 3 го января слѣдующаго года Зотовъ доносилъ сенату, что сказокъ прислано изъ 74 городовъ.

IV.

Во время пріема сказокъ выяснилось одно обстоятельство, которое дало поводъ къ существенному дополненію и измѣненію переписного дѣла, именно то, что помѣщики заносили въ поголовныя сказки только крестьянъ, а дворовые отъ переписи оставались свободными. Въ виду такого положенія состоялся слѣдующій Государевъ указъ (5-го янв.): „Понеже я слышу, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однѣхъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая же утайка, какъ и въ дворахъ бывала; того ради подтвердите, обращаясь къ сенату, писалъ Петръ, чтобъ всѣхъ писали помѣщики, также и причетниковъ церковныхъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, которымъ особливую роспись также подать надлежитъ, и всѣмъ дать сроку на полгода“ [1]).

Въ этомъ указѣ сказалась ярко одна характерная черта. Петръ Великій не вѣрилъ въ „пустоту“, обнаруженную переписными книгами 1710 года, склоненъ былъ разсматривать ее, какъ результатъ злоупотребленій частью со стороны писцовъ, но главнымъ образомъ, со стороны населенія, которое злонамѣренно утаивало дворы или же ютилось и при увеличеніи количества населенія въ тѣхъ же дворахъ, гдѣ оно жило раньше. Петръ I прямо заявлялъ (въ 1719 г.), что „пустоты нѣтъ“, и предпринимая новую перепись, поголовную, всѣми мѣрами старался о томъ, чтобы предупредить и парализовать всякую возможность „утайки“ душъ. Отсюда и распоряженіе, чтобы помѣщики писали въ сказкахъ „всѣхъ“, чѣмъ въ корнѣ пресѣкалась возможность скрывать отъ переписи крестьянъ, выдавая ихъ за дворовыхъ, которые въ сказки, какъ видно, не вносились.

Указъ 5-го января коснулся не только дворовыхъ, но и „причетниковъ церковныхъ“, о которыхъ въ первомъ сенатскомъ указѣ о переписи было умолчано. Несмотря на свою краткость, указъ Петра, затрагивая новыя общественныя группы, вносилъ существенныя измѣненія въ переписное дѣло, а потому сенатъ 19-го января 1720 г., повторивъ распоряженіе Петра въ нѣсколько распространенномъ видѣ, потребовалъ, чтобы всюду были поданы „въ пополненіе“ новыя сказки, въ которыя слѣдуетъ занести всѣхъ, живущихъ въ деревняхъ, а

[1]) П. С. З., № 3481 (тотъ же указъ—*А. М. Ю.*, № 659, л. 144).

также церковныхъ причетниковъ, а о попахъ и дьяконахъ подать особыя росписи; срокъ подачи—20-го іюля того же 1720 г. [1]). Требуемыя сказки позднѣе стали называться „пополнительными".

Казалось, что этотъ указъ лишь нѣсколько дополняетъ прежній и побуждаетъ сдѣлать лишь нѣкоторыя исправленія и дополненія первыхъ, „настоящихъ" сказокъ. Но въ дѣйствительности дѣло значительно осложнилось, частью по винѣ мѣстныхъ властей, частью по винѣ самого населенія.

Съ самаго начала 1720 года все вниманіе В. Н. Зотова сосредоточивалось главнымъ образомъ на томъ, чтобы возможно скорѣе собрать сказки о душахъ мужескаго пола, привести ихъ въ порядокъ и дать общую вѣдомость о результатахъ переписи. По мѣрѣ присылки сказокъ, Зотовъ ежемѣсячно, а иногда и чаще доносилъ о томъ сенату, при чемъ въ его рапортахъ довольно строго различалась присылка „настоящихъ" сказокъ, согласно указу 22-го января 1719 г., отъ присылки „пополнительныхъ" сказокъ (согласно указу 19-го января 1720 г.), для которыхъ былъ установленъ особый срокъ подачи. Въ виду такого разграниченія я и разберу вопросъ о присылкѣ тѣхъ и другихъ сказокъ отдѣльно.

Въ началѣ 1720 г. все вниманіе сената и канцеляріи пріема сказокъ было направлено, конечно, на скорѣйшую доставку „настоящихъ" сказокъ, такъ какъ относительно „пополнительныхъ" сказокъ распоряженія только что были сдѣланы и ждать ихъ слѣдовало лишь къ срединѣ 1720 года. О количествѣ присланныхъ сказокъ Зотовъ рапортовалъ сенату 3-го и 23-го января [2]), 10-го февраля, 1-го марта, съ указаніемъ, изъ какихъ городовъ и когда поступили сказки. На основаніи этихъ доношеній въ сенатской канцеляріи было выяснено, что изъ добрыхъ трехъ четвертей городовъ сказки въ С.-Петербургъ уже были присланы и лишь около одной четверти оказалось въ неисправности, говоря словами сенатской выписки [3]), сказокъ „въ присылкѣ изъ 182 городовъ (въ томъ числѣ послѣ сроковъ изъ 16), а не прислано изъ 60".

Итакъ, несмотря на посылку 7 указовъ о сказкахъ, несмотря на посылку нарочныхъ лейбъ-гвардіи унтеръ-офицеровъ и солдатъ, изъ которыхъ къ марту 1720 г. 10 человѣкъ (изъ такого же коли-

---

[1]) П. С. З., № 3492.

[2]) 3-го января 1720 г. Зотовъ сообщалъ, что ему присланы сказки изъ 63 городовъ, изъ 5 доль, изъ 3 пятинъ и изъ 2 волостей (л. 9 и 146).

[3]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 170—177.

чества провинцій) не возвращалось, многіе города продолжали быть неисправными, сказокъ не присылали. Тогда сенатъ вновь прибѣгаетъ къ подтвердительному указу. 18-го марта онъ постановилъ: въ губерніи и провинціи, изъ которыхъ сказокъ не прислано и откуда командированные гвардейцы не возвратились, „къ губернаторамъ и воеводамъ послать Е. Ц. В. указы, дабы они сказки о мужескаго пола душахъ выслали и сами тѣ посланные ѣхали въ С.-Петербургъ въ скорыхъ числѣхъ“; если же сказокъ не пришлютъ, то будутъ подвергнуты штрафу, а посланные суждены будутъ военнымъ судомъ.

Въ числѣ неисправныхъ 60 городовъ были слѣдующіе: Переяславской провинціи (Рязанскаго) Гремячей и Печерники, Костромской—Любимъ, Тульской—Богородицкой, Епифань и Веневъ, Калужской—Мосальскъ, Шацкой—Елатьма, Пензенской—Можайскъ, Тверской—Погорѣлое Городище, Устюжской—Яренскъ, Галицкой—Парфентьевъ, Кологривовъ, Судай, Камской—Пермь Великая, Свіяжской—Василь, Нижегородской—Нижній, Балахна, Юрьевецъ Повольскій, Алатырской—Алатырь, Курмышъ и Ядринъ, Астраханской—Красный Яръ, Черный Яръ, Яицкій Гурьевъ, Терекъ, Царицынъ, Сызрань, Петровскъ, Дмитріевъ; изъ новопостроенныхъ крѣпостей: Транжементъ, Тавровъ и Хоперская крѣпость; изъ приписныхъ къ адмиралтейству Олонецъ, 7 городовъ Бѣлгородской провинціи—Суджа, Карповъ, Болховецъ, Хотмыжскъ, Салтовъ, Вольной, Алешня и всѣ 19 городовъ Сибирской—Тобольскъ, Тюмень, Тара, Верхотурье, Туринскъ, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Нарымъ, Кецкъ, Томскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Мангазея, Илимскъ, Якутскъ, Иркутскъ и Нерчинскъ.

Такимъ образомъ, наиболѣе неисправными въ доставкѣ сказокъ съ табелями, какъ и слѣдовало ожидать, оказались города южной и юго-восточной окраинъ, наиболѣе удаленные отъ центра и менѣе другихъ обслуживаемые приказными и чиновными людьми. Въ эти неисправные города и разосланы были новые подтвердительные указы въ концѣ марта мѣсяца (согласно приговору 18-го марта).

Какъ въ мартѣ мѣсяцѣ, такъ и позднѣе сказки продолжали поступать въ канцелярію бригадира Зотова, о чемъ онъ время отъ времени доносилъ сенату, представляя и реестръ поданнымъ сказкамъ, въ которомъ точно отмѣчалось время присылки сказокъ изъ того или другого города и степень исправности ихъ. Такъ, напр., уже 21-го марта отъ Зотова поступилъ въ сенатъ рапортъ (отъ 16-го марта), въ которомъ онъ извѣщалъ, что за время съ 1-го по 15-ое марта къ нему были доставлены изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Нижегородской про-

винціи и другихъ [1]). Но прошло еще почти полгода, а переписное дѣло по сбору даже первоначальныхъ сказокъ было далеко до завершенія. Тогда В. Н. Зотовъ, обезпокоенный проволочкой, 18-го іюля обращается въ сенатъ съ доношеніемъ, въ которомъ писалъ: По указу 21-го декабря 1719 г. ему предоставлено право, „буде въ которыхъ сказкахъ явились и впредь будутъ являться какія неисправы, и то взыскивать“ на тѣхъ лицахъ, съ кѣмъ тѣ сказки къ нему присланы будутъ, и „посылать указы отъ себя, по которымъ въ губерніяхъ и провинціямъ велѣно исправлять неотложно“, но „чтобъ о присылкѣ настоящихъ сказокъ В. Государя указы въ губерніи и провинціи отъ меня посылать, и такого В. Г. указа ко мнѣ не прислано и о посылкѣ оныхъ сказокъ указовъ отъ меня не посылывано“, а потому онъ и обращался къ сенату съ запросомъ, опасаясь, какъ бы „многовременная неприсылка сказокъ не причтена была“ ему „въ оплошку“; требовалъ разрѣшенія также и того вопроса, изъ всѣхъ ли мѣстъ нужно подавать сказки [2]). Зотовъ, повидимому, готовъ былъ къ тому, чтобы полномочія его канцеляріи были расширены, и ему предоставлено было право разсылать указы по губерніямъ, чтобы частыми напоминаніями подвинуть мѣстныхъ управителей къ болѣе быстрому завершенію подушной переписи, такъ какъ сенатъ, какъ болѣе громоздкое учрежденіе, къ тому же слишкомъ занятое другими текущими важными дѣлами управленія, не могъ такъ зорко и дѣятельно слѣдить за присылкой сказокъ, какъ канцелярія бригадира Зотова.

По рапорту Зотова въ канцеляріи сената регистраторомъ Иваномъ Кирилловымъ 28-го іюля была составлена выписка, въ которой были отмѣчены города, не доставившіе сказокъ. Въ реестрѣ поименовано 142 города, городка, пригорода и мѣста, „изъ которыхъ сказокъ не прислано“. Число городовъ и мѣстъ по губерніямъ таково [3]): по

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 180—о сказкахъ г. Алатыря, Курмыша, Балахны, Ядрина, Юрьевца-Повольскаго, Унжи, Яренска, Вологды.

[2]) Въ рапортѣ по этому поводу сказано: „а изъ иныхъ (городовъ) сказкамъ же въ присылкѣ быть надлежитъ ли“ (л. 251).

[3]) Города и мѣста, изъ которыхъ до средины іюля сказокъ не было прислано:

С.-Петербургской губ.—изъ Олонца, изъ Сыренскаго у.; Московской—изъ Богородицкаго, Гремячева, Печерниковъ; Сибирской—изъ Тобольска и др., всего изъ 19 городовъ; Казанской—изъ Яика, Терека, Царицына, Дмитріевска, Кашира, Василя, Елатьмы, Мокшанска, Вязниковъ; изъ пригородовъ Казанскихъ: Алатыря, Арскаго, Малмыша, Мензелинска, Саинска, Стараго Шешминскаго, Новаго Шешминска, Тинска, Билярска, Маинска; Астраханскихъ: изъ Гурьева Яицкаго, Краснаго Яру, Чернаго Яру; Симбирскихъ: изъ Бѣлаго Яру, Ярыклинска, Тагая,

С.-Петербургской—2, Московской—3, Сибирской—19, Казанской—9 (сверхъ того 10 пригородовъ Казанскихъ), Астраханской—3, Симбирской—10 (сверхъ того пригородъ Рамзаевской и 3 пригорода Саранскихъ), по Кіевской — 5 (и 24 черкасскихъ городка), Азовской 11 (сверхъ того 20 слободскихъ городковъ и 7 казачьихъ) и новозавоеванныхъ 15; итого 62 города и мѣста, 14 пригородовъ, 51 казачьихъ и слободскихъ городковъ и 15 новозавоеванныхъ, а всего 142. Сравнительно съ прежней росписью этотъ реестръ гораздо полнѣе: изъ поименованныхъ выше 60 городовъ, оказавшихся неисправными въ присылкѣ сказокъ къ марту мѣсяцу, осталось лишь 30, но за то переписка съ городами и разнаго рода справки намѣтили еще сверхъ того 112 мѣстъ, откуда можно было бы ждать сказокъ о душахъ мужескаго пола, если преслѣдовать переписью цѣль всеобщей регистраціи. Такими мѣстами были приписные города, пригороды, казачьи городки, разоренные города и города съ уѣздами, вновь завоеванные. Вотъ относи-

---

Юшанска, Уреня, Корсуни, Аргаша, Тольскаго, Сурска, Соловарнаго; изъ приписного къ Пензѣ Рамзаевскаго; изъ 3-хъ Саранскихъ пригородковъ: Атемара, Шечкевска, Инзарска.

Кіевской губ. города, въ которыхъ гарнизонные солдаты и черкасы (по вѣдомости отъ комисарства): Кіевъ, Переяславль, Черниговъ, Нѣжинъ, Полтава; 24 черкасскихъ городка, въ которыхъ живутъ черкасы, но есть между ними и русскіе: Ахтырка, Новобогородицкой, Богодуховъ, Мурафа, Сѣнное, Болхово, Сумы, Краснополье, Межирѣчье, Золочевъ, Боромля, Рублевка, Городное, Лебединъ, Бѣлополое, Ольшанка, Красный Кутъ, Колонтаевъ, Коломакъ, Харьковъ, Валки, Соколовка, Переволочна.

Азовской губ. (по вѣдѣнію отъ комисарства): Азовъ отданъ въ Турецкую сторону, 5 городовъ разорены: Троицкой на Таганъ-Рогу, Міюсъ, Новопавловскій, Сергіевскій и Никоновскій у каланчей; Павловскій на Осередѣ, въ немъ живутъ „переведенные изъ Азова и изъ Троицкаго артиллерные служители и виноградные садовники и мастеровые и купецкіе люди“; 20 городовъ слободскихъ полковъ: Изюмъ, Царево-Борисовъ, Лиманъ, Купчинка, Сенковской, Двурѣчное, Мартовица, Петровскій на Медвѣдицѣ, Бишкинъ, Андреевы Лозы, Булыклея, Торъ, Маяцкой, Каменка, Савинскій, Чудновъ, Гороховатка, Змѣевъ, Печенѣга, Острополье; Транжементъ, Тавровъ, Хоперская крѣпость, Бахмутъ съ слободами и городками, заселенные „вольными людьми для размноженія соляныхъ заводовъ“; 7 казачьихъ городковъ: Кайгородокъ, Ямполь, Сухаревъ, Красненскій, Бобровскій, Старый Айдаръ, Новый Айдаръ (всѣ они „въ Булавинское бунтовое время были разорены и въ Азовской губ. съ городами никогда не числились“).

„Города новозавоеванные“: С.-Петербургъ, Нарва, Иванъ-городъ, Шлютенбургъ, Дерптъ съ уѣздомъ, Ямбургъ, Копорье, Котлинъ островъ, Выборгъ, Кексгольмъ, Нейшлотъ съ уѣздомъ, Ревель съ Эстляндіей, островъ Даго съ мелкими островами, Рига съ уѣздами: Рижскимъ, Перновскимъ, Венденскимъ и Эзельскимъ (*А. М. Ю.*, № 659, л. 251—257).

тельно всѣхъ этихъ мѣстъ и поднятъ былъ вопросъ, какъ съ ними быть, требовать ли оттуда сказокъ или нѣтъ, такъ какъ первый указъ 22-го января 1719 г. этого вопроса не рѣшалъ.

В. Н. Зотовъ и въ августѣ мѣсяцѣ подавалъ въ сенатъ доношеніе, прося разрѣшить его сомнѣніе относительно указанныхъ мѣстъ. Лишь 5-го октября состоялся сенатскій приговоръ, которымъ рѣшался поставленный вопросъ; рѣшеніе же было слѣдующее: 1) во всѣ города, куда посланы первые указы о сказкахъ, послать еще въ подтвержденіе указы, дабы тѣ сказки присланы были въ Петербургъ „въ немедленномъ времени"; 2) а) изъ нѣкоторыхъ городовъ, какъ, напр., изъ Дмитріевска, изъ Краснаго и Чернаго Яру потребовать сказки, „буде въ нихъ есть уѣзды"; б) также и изъ черкасскихъ и казачьихъ городковъ, если въ нихъ есть русскіе, а „гдѣ уѣздовъ и русскихъ нѣтъ", предписать, чтобы о томъ сенатъ былъ извѣщенъ немедленно; 3) въ города Астраханской губ., на Яикъ, Терекъ и въ Гурьевъ, Кіевской губ. въ Переяславль и другіе, въ которыхъ живутъ гарнизонные солдаты и черкасы, а также въ Хоперскую крѣпость, Кай-городокъ и другіе города, „кои разорены", „указовъ не посылать, чтобъ между тѣмъ въ окончаніи пріему сказокъ остановки не было"; и 4) наконецъ, „въ завоеванныхъ городѣхъ [1]) сказокъ не требовать и не принимать", „понеже, пояснялось въ приговорѣ, именнымъ Е. В—ва указомъ опредѣлено такія сказки присылать, кромѣ завоеванныхъ городовъ, о которыхъ опредѣленіе будетъ впредь" [2]).

Разосланный октябрьскій указъ, надо полагать, возымѣлъ нѣкоторое дѣйствіе, но даже къ срединѣ декабря сказки изъ нѣкоторыхъ мѣстъ еще не были присланы. Такъ въ рапортахъ 12-го и 22-го декабря В. Н. Зотовъ сообщалъ сенату, что изъ С.-Петербургской губ. сказокъ не прислано Новоторжскаго у. вотчины Александро-Невскаго монастыря изъ двухъ деревень: Шумковой и Скомороховой; Московской губ. изъ Гремячева и Печерниковъ; Сибирской изъ Березова,

---

[1]) Относительно вновь завоеванныхъ городовъ В. Н. Зотовъ въ рапортѣ отъ 5-го іюля особо запрашивалъ: „А въ С.-Петербургѣ мнѣ нижеименованному сказки принимать о дворовыхъ людѣхъ противъ прежняго указу, кромѣ завоеванныхъ городовъ или и завоеванныхъ городовъ у жителей принимать же. И буде принимать, о дворовыхъ ли людѣхъ или и о крестьянѣхъ, того въ томъ указѣ подлинно не изъяснено" (л. 261).

[2]) Часть этого приговора, мною здѣсь не указанная, касавшаяся пополнительныхъ сказокъ, вошла въ указъ 14-го октября 1720 г. (П. С. З., № 3657; ср. *А. М. Ю.*, № 127, л. 337, гдѣ приведенъ текстъ того же указа).

Сургута, Кецка, Мангазеи, Илимска, Якуцка и Нерчинска и изъ нѣкоторыхъ городовъ Астраханской губерніи. Зотовъ просилъ послать вновь подтвердительные указы и наложить на неисправныхъ взысканіе.

Сенатъ, выслушавъ доношеніе Зотова (отъ 12-го), „согласно" приказалъ (16-го дек.): управителей тѣхъ городовъ, изъ которыхъ сказокъ о душахъ мужескаго пола „не токмо на сроки, но и послѣ сроковъ по се время въ С.-Петербургъ къ бригадиру Зотову не присылали, взять въ С.-Петербургъ въ той неисправѣ къ розыску, и для того послать нарочныхъ немедленно, а помѣстья и вотчины ихъ отписать на Е. В. Государя; а кого взять и помѣстья и вотчины отписывать надлежитъ, о томъ выправясь, въ сенатѣ немедленно объявить" [1]).

Итакъ къ концу 1720 г. терпѣніе сената истощилось, и онъ обрушивается прежде всего на управителей, повинныхъ, по его мнѣнію, въ томъ, что несмотря на многіе подтвердительные указы, они не позаботились о присылкѣ подушныхъ сказокъ почти черезъ годъ послѣ назначеннаго срока, а изъ нѣкоторыхъ мѣстъ даже не присылали никакихъ извѣстій о ходѣ переписного дѣла. Угрозу о штрафахъ рѣшено привести въ исполненіе: у виновныхъ имѣнія отписать на Государя, а ихъ самихъ привезти въ С.-Петербургъ къ розыску.

На ряду съ этимъ рѣшено было наказать вотчинниковъ и выборныхъ изъ крестьянскаго населенія. Сенату изъ доношеній бригадира Зотова, которому ландраты и комисары въ своихъ отпискахъ объясняли причины задержекъ въ присылкѣ сказокъ, стало извѣстно, что „разныхъ вотчинъ сами помѣщики и люди ихъ и крестьяне о муж. п. сказокъ по многимъ посылкамъ не подаютъ, и изъ дворовъ бѣгаютъ и укрываются". Тогда сенатъ 16-го окт. постановилъ: 1) у вотчинниковъ, которые виновны въ неприсылкѣ сказокъ, деревни отписать на Государя, а ихъ самихъ взять въ С.-Петербургъ къ розыску; 2) если виновными въ непредставленіи сказокъ окажутся старосты и крестьяне, то „взять ихъ въ городъ и разыскивать накрѣпко, а по розыску чинить жестокое наказаніе" [2]).

Итакъ, сенатъ, не довольствуясь угрозами, многократно повторяемыми въ разныхъ указахъ, рѣшилъ приступить къ мѣрамъ взысканія, какъ противъ управителей, такъ и противъ управляемыхъ,

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 326—332, 334.

[2]) П. С. З., № 3660 (отъ 17-го окт.). Тотъ же указъ въ Московскую губ. отъ 22-го дек.—*А. М. Ю.*, № 127, л. 341.

виновныхъ въ томъ, что важное государственное дѣло благодаря имъ затягивалось и не могло быть приведено къ окончанію. Прежде всего мѣры взысканія обращены были на управителей; согласно указу 16-го дек. Зотовъ 22-го дек. представилъ новый реестръ, съ точнымъ показаніемъ мѣстъ, откуда сказокъ не было прислано [1]), какъ по первому указу 1719 г., такъ и по второму 1720 (пополнительныхъ, срокъ представленія которыхъ давно уже истекъ), а 16-го янв. 1721 г. сенатъ уже точно и опредѣленно установилъ, кого именно изъ управителей слѣдовало взять къ розыску и наказать отнятіемъ имущества за „неисправность и преступленіе государевыхъ указовъ".

Оказалось, что такихъ лицъ, виновныхъ въ неприсылкѣ сказокъ по первому указу, къ срединѣ января 1721 г. почти не было вовсе; приговоръ 16-го янв. упоминаетъ лишь невысылку сказокъ по первому указу изъ 5 городовъ Сибирской губ.: Березова, Сургута, Кецка, Илимска и Якуцка. По отношенію къ управителямъ этихъ городовъ, какъ весьма отдаленныхъ, сенатъ рѣшаетъ не примѣнять той кары, которую онъ было назначилъ; вмѣсто того приказано относительно Сибирскаго вице-губернатора Петрово-Соловово и комендантовъ лишь „розыскать и освидѣтельствовать подлинно" губернатору кн. Черкасскому, а „по розыску писать и сказки выслать съ пріемщиками" и съ командированнымъ туда лейбъ-гвардіи сержантомъ Островскимъ „въ сенатъ немедленно", а также „отвѣствовать, для чего та присылка замедлилась" [2]). Значитъ, такая крутая мѣра, какъ отписка вотчинъ на Государя, за неприсылку „настоящихъ сказокъ" къ управителямъ не примѣнена была вовсе.

Изъ этого можно видѣть, что въ самомъ началѣ 1721 года усилія канцеляріи В. Н. Зотова и сената, принимавшаго цѣлый рядъ побудительныхъ мѣръ, увѣнчались успѣхомъ: за рѣдкимъ исключеніемъ, сказки о душахъ мужескаго пола по указу 1719 г. со всѣхъ концовъ государства были собраны въ С.-Петербургъ, хотя и съ запозданіемъ на цѣлый годъ, но тѣмъ не менѣе въ сравнительно короткій срокъ, именно всего въ два года.

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ подачи этого реестра В. Зотовъ 1-го янв., а затѣмъ 12-го янв. 1721 г. присылалъ въ сенатъ доношеніе съ указаніемъ, изъ какихъ именно городовъ сказки къ нему поступили послѣ 22-го дек. 1720 г. (л. 335 и 336).

[2]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 372 и сл. На основаніи этого приговора составленъ былъ указъ, касавшійся лишь неприсылки пополнительныхъ сказокъ (л. 382—въ П. С. З., № 3707).

V.

Сборъ пополнительныхъ сказокъ установленъ сенатскимъ указомъ 19-го янв. 1720 г., и въ томъ же январѣ указы о томъ въ большомъ количествѣ были разосланы по губерніямъ [1]). Умудренный опытомъ, сенатъ черезъ полтора мѣсяца снова разсылаетъ повсюду указы. „Нынѣ, говорилось въ указѣ 4-го марта, посланномъ Московскому вице-губернатору Воейкову, Великій Государь указалъ: въ губерніи и въ провинціи послать еще въ подтвержденіе указы, дабы конечно въ пріемѣ и въ присылкѣ въ С.-Петербургъ сказокъ къ бригадиру Зотову до указного сроку вездѣ было исправно“ [2]).

Срокомъ представленія пополнительныхъ сказокъ назначено было, какъ указано выше, 1-ое іюля того же 1720 г. Какъ и слѣдовало ожидать, срокъ окончился, а сказки, по сообщенію В. Н. Зотова, изъ весьма многихъ мѣстъ присланы не были. Сенатъ прибѣгаетъ къ обычной мѣрѣ и рѣшается (въ іюлѣ) „въ губерніи и провинціи послать еще въ подтвержденіе третьи указы, дабы оныя въ пополненіе сказки по указу собраны были“ [3]).

Изъ послѣдующихъ рапортовъ В. Н. Зотова видно, что и въ ближайшіе мѣсяцы послѣ назначеннаго срока пополнительныя сказки поступали довольно медленно. Къ тому же въ присланныхъ сказкахъ обнаружилась значительная разница: въ однѣхъ сказкахъ показаны были лица требуемыхъ званій, живущія какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, а въ другихъ „только одни уѣздные, кромѣ городовъ“. Въ виду такого положенія Зотовъ и запрашивалъ [4]) сенатъ, въ томъ случаѣ, если въ сказкахъ нѣтъ свѣдѣній о городскихъ жителяхъ церковнаго и иныхъ званій и если не было надежды на дополнительную присылку такихъ росписей, „требовать ли свѣдѣнія“ о город-

---

[1]) Указъ 19-го янв. былъ посланъ въ Москву съ особымъ препроводительнымъ указомъ (отъ 21-го янв., печатнымъ), въ которомъ сообщалось, что послано въ Московскую губ. тѣхъ указовъ печатныхъ 48; „какъ сей указъ получите, говорилось въ указѣ 21-го янв., и вы для всенароднаго вѣдѣнія и опубликованія оными и о взятіи сказокъ чинили по тому Е. В. Г. им. указу непремѣнно“ (*А. М. Ю.*, № 127, л. 155).

[2]) „Ежели, сообщалось ниже въ указѣ 4-го марта, до сроку въ ономъ дѣлѣ неисправны явитесь, то взыскано будетъ на васъ неотмѣнно, такъ, какъ въ помянутомъ указѣ (19-го янв.) объявлено, несмотря ни на какія отговорки“ (*Тамъ же*, л. 311).

[3]) Указъ 17-го іюля—*А. М. Ю.*, № 127, л. 323.

[4]) Въ рапортѣ 8-го авг. 1720 г.—*А. М. Ю.*, № 659, л. 258.

скихъ жителяхъ „или довольствоваться одними уѣздами, кромѣ городовъ“.

На этотъ вопросъ сенатъ отвѣтилъ приговоромъ 5-го окт., которымъ велѣно было потребовать, чтобы „сказки, также и въ особыхъ росписяхъ о попахъ и діаконахъ, какъ объ уѣздныхъ, такъ и городовыхъ присланы были въ немедленномъ времени“. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ новый подтвердительный указъ [1]) о присылкѣ пополнительныхъ сказокъ; его сенатъ считалъ нужнымъ разослать по губерніямъ и провинціямъ въ виду доношеній Зотова о томъ, что пополнительныя сказки „изъ многихъ мѣстъ не присланы“, съ обычнымъ предупрежденіемъ, чтобы сказки были высланы, „не дожидаясь о томъ подтвердительныхъ указовъ, со взятіемъ штрафовъ“.

Но и этотъ подтвердительный указъ, конечно, не могъ произвести того, чтобы пополнительныя сказки были доставлены въ С.-Петербургъ „въ немедленномъ времени“. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Зотовъ, сообщая сенату о неприсылкѣ „настоящихъ“ сказокъ, какъ объ этомъ выше упомянуто, вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ реестръ тѣхъ мѣстъ, откуда „къ нему и пополнительныхъ сказокъ не прислано“; напомнивъ о прежнихъ указахъ, въ которыхъ а) укрыватели предупреждались о мѣрахъ взысканія за неприсылку сказокъ, б) приказывалось—всѣхъ, кто сказки бралъ, „выслать въ С.-Петербургъ за карауломъ тотчасъ“, „безо всякаго мотчанія“, в) „держать въ канцеляріяхъ на цѣпяхъ и въ желѣзахъ скованныхъ, не выпуская до тѣхъ мѣстъ, пока... они исправятся“, Зотовъ испрашивалъ (въ доношеніи отъ 12-го дек. 1720 г.) изъ канцеляріи прав. сената В. Государя подтвердительныхъ указовъ „для высылки изъ оныхъ городовъ пополнительныхъ сказокъ“, а „за неприсылку тѣхъ сказокъ по указамъ на сроки, добавлялъ Зотовъ, высокоправ. сенатъ что повелитъ?“

Результатъ этого доношенія, какъ извѣстно, былъ слѣдующій. 16-го дек. сенатъ постановилъ: управителей, виновныхъ въ неприсылкѣ сказокъ, „взять въ С.-Петербургъ въ той неисправѣ къ розыску“, для чего послать нарочныхъ, помѣстья и вотчины виновныхъ отписать на Государя, а кого взять и у кого помѣстья отписать, о томъ „выправясь [2]) въ сенатѣ, немедленно объявить“.

---

[1]) Приговоръ сенатскій 5-го окт.—*А. М. Ю.*, № 659, л. 270 и сл.; на основаніи его—указъ, помѣченный въ П. С. З. 14-го окт.—№ 3657. Тотъ же указъ, посланный въ Московскую губ. отъ 15-го окт.—А. *М. Ю.*, № 127, л. 337,

[2]) Въ реестрѣ, поданномъ В. Н. Зотовымъ 22-го дек., перечислены слѣдующіе города, изъ которыхъ пополнительныя сказки не были присланы (числомъ 106 го-

Вслѣдъ затѣмъ Зотовымъ составленъ былъ (22-го дек.) реестръ городовъ, изъ которыхъ сказокъ не прислано, выяснено было, кто именно въ тѣхъ городахъ управители, и 16-го янв. 1721 года постановлено: 1—а) всѣхъ тѣхъ, кто не только сказокъ не выслали, но даже на указы не отвѣтствовали, „взять въ С.-Петербургъ къ розыску, а помѣстья и вотчины (у таковыхъ) отписать на Великаго Государя“, а именно: у Нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго, у воеводъ: Бѣлозерскаго—Ляпунова, Алатырскаго—кн. Мещерскаго, Пензенскаго — Новикова, Тверского—Лобкова, а Костромской провинціи—у „ландратовъ и прочихъ прежнихъ управителей“; б) также деревни отписать и выслать къ розыску и тѣхъ, которые, хотя на указы и отвѣтствовали, но въ высылкѣ сказокъ оказались неисправными, а именно Тамбовской провинціи воеводу Глѣбова, Вологодской—Потемкина, который лишь 22-го іюня прислалъ отвѣтъ, что онъ „велѣлъ сказки отправлять прежнимъ управителямъ, будто за неотдачею ему городовъ“;

2) относительно управителей Сибирской губ. постановлено „розыскать и освидѣтельствовать подлинно“ губернатору кн. Черкасскому;

3) въ Архангелогородскую губ. къ вице-губернатору Лодыжен-

родовъ и мѣстъ): С.-Петербургской губ.—Ярославль, Тверь, Торжокъ, Ржева Владимірова, Старица, Зубцовъ, Погорѣлое Городище, Бѣлоозеро, Каргополь, Чаронда, Устюжна Желѣзнопольская, Олонецъ, Новгородъ (градскія сказки), Московской—Костромскіе пригороды: Кадуй, Судиславль, Буй и Любимъ; Казанской—Самара, Симбирскъ съ пригородами, Алатырь, Нижній Новгородъ, Курмышъ, Балахна, Ядринскъ, Юрьевецъ Повольскій, Оса, Рамзай (аевскъ?), Атемора, Шечкеевъ, Инзарскъ, Алатъ, Дмитріевскъ, Василь, Саинскъ и Тинскъ; Астраханской—Астрахань, Малый Корсунь, Бирскъ, Яикъ, Терекъ, Ярыклинскъ, Тагаевъ, Юшанскъ, Урень, Корсунь, Аргашъ, Тальскъ, Сурскъ, Гурьевъ Яицкій, Красный Яръ, Бѣлый Яръ и Черный Яръ; Азовской губ. — Тамбовъ, Инсара, Добрый, Козловъ, Бѣльскъ, Челнавскъ, Нижній Ломовъ, Верхній Ломовъ, Чернь, Тополи, Новопавловскъ, Хоперская крѣпость, Ряжскъ, Бахмутъ, дворцовая Починковская волость; Кіевской—Болховъ, Орелъ, Мценскъ, Бѣлевъ, Новосиль, Кромы (не прислано градскихъ), Брянскаго у. свѣтл. князя вотчины—Заборскія слободы („о попахъ съ причетники“); Рижской—Смоленскъ (не прислано градскихъ); Архангелогородской — Архангельскъ, Устюгъ Великій, Соль-Вычегодская, Яренскъ, Холмогоры, Кевроль, Мезень, Пустоострогъ, Тотьма (изъ первыхъ 4 городовъ не прислано только градскихъ, изъ остальныхъ—какъ градскихъ, такъ и уѣздныхъ); Сибирской—Вятка съ двумя пригородами: Слободскимъ и Котельничемъ (изъ всѣхъ нихъ не прислано градскихъ), Тобольскъ, Тюмень, Тара, Верхотурье, Туринскъ, Пелымь, Березовъ, Сургутъ, Нарымъ, Кецкъ, Томскъ, Мангазея, Илимскъ, Якутскъ, Нерчинскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ (*А. М. Ю.*, № 659, л. 333 и сл.; ср. 329—331, гдѣ помѣщена подобная же роспись отъ 12-го дек. того же 1720 г.).

скому, въ Свіяжскую и Уфимскую провинціи къ воеводамъ и на Олонецъ къ ландрату Муравьеву послать указы, „велѣть тѣхъ людей, съ кѣмъ они тѣ сказки выслали, а у бригадира Зотова тѣхъ сказокъ не явилось, сыскавъ“ и „оковавъ, выслать въ С.-Петербургъ немедленно“;

4) въ провинціи же, изъ которыхъ не прислано росписей о „градскихъ попахъ съ причетники“, „послать еще въ подтвержденіе указы, дабы какъ наискорѣе тѣ сказки въ С.-Петербургъ высланы были, подъ опасеніемъ за неисправу такого-жъ штрафу“ [1]).

Изъ этого приговора видно, что сенатъ фактически совершенно иначе отнесся къ неисправнымъ правителямъ, виновнымъ въ неприсылкѣ „пополнительныхъ“ сказокъ: мѣры взысканія по отношенію къ тѣмъ, кто во время не прислалъ „настоящихъ“ сказокъ, какъ показано выше, не были приведены въ исполненіе, тогда какъ мѣстныя власти 8-ми провинцій, изъ которыхъ „пополнительныхъ“ сказокъ доставлено не было, должны были подвергнуться строгому взысканію, хотя просрочка ихъ была полугодичная, а тѣхъ годичная и болѣе. Видимо, сенатъ болѣе всего заботился не о томъ, чтобы наказать всякую неисправность, а о томъ, чтобы сказки были доставлены въ С.-Петербургъ возможно скорѣе, хотя бы и не въ срокъ, и обрушивался мѣрами взысканія на управителей лишь въ крайнемъ случаѣ, надѣясь при томъ строгостью въ кратчайшій срокъ получить требуемое.

Во всѣ тѣ провинціи, откуда слѣдовало взять управителей къ розыску, постановлено немедленно же послать изъ сената нарочныхъ, и „по взятьи ихъ (вице-губернатора, воеводъ, ландратовъ и другихъ управителей), провинціи отдать въ управленіе судьямъ или камерирамъ“. Выполненіе этого постановленія не замедлилось: черезъ день (именно 18-го янв.) въ намѣченныя провинціи „по управителей“ были разосланы нарочные съ указами: въ Нижегородскую провинцію курьеръ Семенъ Шахматовъ, въ Бѣлоозерскую Василій Шадрикъ, въ Алатурскую—драгунъ Терентій Киселевъ, въ Пензенскую—драгунъ же Даніилъ Кафтыревъ, въ Костромскую—драгунъ Мартынъ Дрожжинъ, въ Тверскую—курьеръ Меркулъ Смирновъ, въ Тамбовскую—каптенармусъ Леонтій Аргамаковъ, въ Вологодскую — драгунъ Павелъ Разливановъ [2]). А затѣмъ былъ посланъ въ юстицъ-коллегію, а

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 372—373. П. С. З., № 3707 (указъ 16-го янв. о посылкѣ подтвердительныхъ указовъ).

[2]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 374.

отсюда въ канцелярію вотчинныхъ дѣлъ указъ „объ отпискѣ вотчинъ и помѣстій“ воеводъ и правителей, перечисленныхъ въ приговорѣ 16-го января [1]).

Весь 1721 годъ прошелъ въ томъ, что пополнительныя сказки собирались изъ тѣхъ мѣстъ, откуда онѣ еще къ В. Н. Зотову не поступали. Несмотря на строгія мѣры, все же изъ нѣкоторыхъ городовъ [2]) сказки не были присланы даже къ началу 1722 года. Однако, на это не обращалось вниманія, шла лишь переписка о высылкѣ дополнительныхъ свѣдѣній, пріемъ же сказокъ и росписей считался какъ бы законченнымъ, онѣ провѣрялись и сопоставлялись, изъ полученныхъ свѣдѣній составлялись общія вѣдомости, открывались разныя „неисправы“ въ переписномъ дѣлѣ, эти недочеты пытались разными мѣрами устранить, а затѣмъ подушная перепись вступала въ свою новую фазу, когда принята была общая повѣрка итоговъ переписи, приведшая къ такъ называемой „ревизіи“. Остановлюсь пока на всѣхъ тѣхъ попутныхъ работахъ канцеляріи бригадира Зотова, которыя производились ею одновременно съ пріемомъ сказокъ.

VI.

Въ то время какъ собирались въ 1720 г. пополнительныя сказки, выяснилось, что ими всѣхъ возможныхъ плательщиковъ захватить не удастся; къ тому же значительный разрядъ населенія налогоспособнаго, именно посадскаго, нѣкоторое время переписью оставался незатронутымъ. Можетъ быть, здѣсь сказывалось первоначальное намѣреніе Петра I, чтобы армія содержалась исключительно силами крестьянъ, земледѣльцевъ. Но уже второй общій указъ (о пополнительныхъ сказкахъ) къ земледѣльцамъ присоединилъ всѣхъ помѣщичьихъ „подданныхъ, которые живутъ въ деревняхъ“, а за ними и всѣхъ

---

[1]) Указъ объ этомъ изъ юстицъ-коллегіи въ канцелярію вотчинныхъ дѣлъ отправленъ 17-го февр. (*Тамъ же*, л. 379).

[2]) Такихъ городовъ и мѣстъ, изъ которыхъ не было прислано „пополнительныхъ“ сказокъ къ 16-му февр. 1722 г., по составленному реестру, оказалось 27; то были: Сибирской губ.—Якутскій уѣздъ, Мангазея; Московской—Костромскіе пригороды: Судиславль и Буй; Азовской—Дворцовая Починковская волость, Хоперская крѣпость, Новопавловскъ, что на Оседрѣ; Казанской губ.—Малый Корсунь; Архангелогородской—Устюгъ В., Яренскъ, Соль Вычегодская, Пустоозерскій острогъ; Астраханской губ. — Симбирскъ съ пригородами, Яикъ, Тинскъ, Ярыклинскъ, Тогай, Юшанскъ, Урень, Корсунь, Аргашъ, Тольской, Сурскъ, Терекъ, Бѣлый Яръ, Петровскъ, что на Медвѣдицѣ; изъ многихъ мѣстъ не высланы сказки только о градскихъ (*Арх. Министер. Двора, Москов. Отд.*, д. № 1201, л. 19).

сельскихъ и градскихъ (по указу 14-го окт.) священно и церковнослужителей. А затѣмъ 16-го февр. 1721 г. самъ Петръ указалъ, во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ „кромѣ новозавоеванныхъ городовъ, изъ магистрата у посадскихъ, кто гдѣ на посадахъ и въ слободахъ, взять сказки“, въ которыхъ должно быть обозначено, „что гдѣ ихъ по именамъ мужского пола и у нихъ дѣтей, свойственниковъ, прикащиковъ, сидѣльцовъ, крѣпостныхъ и наемныхъ людей порознь по именамъ съ лѣтами, не обходя ни единаго человѣка“; также взять сказки и у всѣхъ „разночинцевъ, которые живутъ на посадахъ и въ слободахъ“, „во всемъ такъ, какъ и о прочихъ помѣщиковыхъ крестьянъ имать велѣно“; тѣ сказки мѣстнымъ управителямъ, съ выписками и табелями, „прислать въ С.-Петербургъ съ нарочными“, о посадскихъ въ магистратѣ, а о разночинцахъ къ бригадиру Зотову „въ семъ настоящемъ 1721 году безъ всякого отлагательства“ [1]).

Благодаря этому указу для В. Н. Зотова открылась новая забота— собирать сказки о посадскихъ и о разночинцахъ. Уже въ началѣ мая, всего черезъ два мѣсяца послѣ разсылки указовъ, онъ обращается въ сенатъ съ доношеніемъ (отъ 4-го мая), въ которомъ, сообщая, что въ его канцеляріи сказокъ о разночинцахъ „мая по 4-ое число сего настоящаго году ни откуда въ присылкѣ нѣтъ“, просилъ послать по губерніямъ подтвердительные указы объ ускореніи присылки требуемыхъ сказокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ, наученный горькимъ опытомъ, ходатайствовалъ опредѣлить указомъ, чтобы сказки присылались къ нему лишь послѣ того, какъ будутъ собраны въ каждой провинціи сполна, при томъ съ присыльщиками и съ подьячими, какъ о томъ указы повелѣваютъ. „А напередъ сего, жаловался Зотовъ, въ 719 и 720 годахъ въ канцелярію вѣдомства моего присыланы многія сказки на почтахъ съ разсыльщиками, съ солдатами, съ людьми боярскими и съ посторонними подрядчиками, съ кѣмъ управители похотѣли, порознь, а не обще, отчего въ дачѣ прогонныхъ денегъ В. Государя денежной казнѣ немалой убытокъ, также и въ приказномъ дѣлѣ въ канцеляріи вѣдомства моего чинилась и нынѣ отъ недосылки сказокъ чинится многая остановка“ [2]).

Разумѣется, казенный убытокъ лично Зотова не касался, дѣло, ему порученное, страдало отъ недосылки и отъ неправильныхъ присылокъ сказокъ, но онъ умѣло подчеркивалъ въ своемъ рапортѣ и финансовую сторону вопроса, чтобы тѣмъ скорѣе заинтересовать

[1]) П. С. З., № 3747 (указъ отъ 28-го февр.); ср. № 3817.
[2]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 687 и сл.

сенатъ и направить рѣшеніе послѣдняго въ ту сторону, какая нужна была для него и для его канцеляріи.

Сенатъ, выслушавъ заявленія Зотова, приговоромъ 31-го мая 1721 г. постановилъ: „о высылкѣ изъ губерній и провинцій о разночинцахъ сказокъ въ С.-Петербургъ къ бриг. Зотову послать подтвердительные указы, въ которыхъ писать, дабы оныя сказки въ каждой провинціи собраны сполна у всѣхъ необходимо и какъ наискорѣе присланы были съ пріемщиками и съ подьячими, какъ прежними указами о томъ чинить повелѣно, подъ опасеніемъ за неисполненіе истязанія со взятіемъ штрафа“ [1]).

Несмотря на подтвердительный указъ, сказки о разночинцахъ присылались въ С.-Петербургъ медленно и неаккуратно. Къ 20-му сентября, какъ сообщалъ объ этомъ Зотовъ сенату, въ его канцелярію поступило такихъ сказокъ лишь изъ двухъ мѣстъ: изъ Воронежской провинціи (10-го іюля) да отъ Петровскихъ заводовъ (17-го сент.), при чемъ изъ послѣдняго мѣста „безъ перечневыхъ выписокъ и безъ табелей“, безъ пріемщиковъ и подьячихъ, съ солдатомъ Акимомъ Барановымъ [2]).

Въ виду этого сенатъ постановилъ: въ губерніи и провинціи „послать послѣдніе подтвердительные указы“ о томъ, чтобы сказки о разночинцахъ были высланы, „безъ всякія недосылки и неисправы и не полагаясь ни на какія отговорки“ [3]).

Сказки о посадскихъ и о разночинцахъ были третьими по счету изъ тѣхъ, которыя начали собираться повсемѣстно со времени поголовной переписи. Сборъ и этихъ сказокъ потребовалъ многихъ хлопотъ и переписки, продолжался весь 1721 годъ и закончился лишь въ исходѣ слѣдующаго 1722 года.

---

[1]) *Тамъ же*, л. 689. Печатный указъ отъ 11-го іюля, посланный Московскому вице-губернатору Воейкову на основаніи приговора 31-го мая—*А. М. Ю.*, № 127, л. 498.

[2]) *Тамъ же*, № 659, л. 586, 700. Изъ Воронежской провинціи сказки присланы изъ слѣдующихъ мѣстъ: Хоперской крѣпости, Коротояка, Острожскаго у. Урывской слободы и Усерда (л. 700). Позднѣе (до 3-го ноября) къ этому присоединились лишь сказки о разночинцахъ изъ г. Луха, а больше ни изъ какихъ мѣстъ сказокъ не было прислано (л. 580).

Впрочемъ, Зотову было извѣстно еще въ сентябрѣ, что въ Ярославской провинціи сказки о разночинцахъ приготовлены къ отправкѣ, но задержка вышла оттого, что подьячій, бывшій при переписи, взятъ отъ того дѣла чиновникомъ, присланнымъ изъ камеръ-коллегіи (№ 198, л. 823).

[3]) Указъ этотъ отъ 3-го окт. въ Московскую губ. (*А. М. Ю.*, № 127, л. 525).

Однако, съ пріемомъ „третьихъ“ сказокъ переписное дѣло далеко не было завершено. Дѣло въ томъ, что, вскорѣ же послѣ присылки сказокъ въ канцелярію Зотова, выяснилось, что въ сказкахъ имѣется на лицо „прописка“ и утайка душъ, необходима была провѣрка данныхъ переписи; результатомъ былъ указъ 16-го марта 1721 г., которымъ правительство приглашало вотчинниковъ, во избѣжаніе суровыхъ наказаній, самимъ провѣрять правильность переписи и подавать доношенія о прописныхъ и утаенныхъ въ опредѣленный срокъ, чѣмъ они избѣгнутъ какой бы то ни было мѣры взысканія. Въ связи съ этой мѣрой стоитъ свидѣтельство душъ среди государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ, предпринятое мѣстной администраціей въ силу указа 11-го мая того же года, при чемъ росписи и табели съ результатами такого свидѣтельства, присылаемыя въ канцелярію Зотова, иногда именовались „сказками“. Доношенія объ утаенныхъ и прописныхъ и росписи о свидѣтельствѣ душъ были четвертымъ повсемѣстнымъ сборомъ свѣдѣній о количествѣ населенія, со времени изданія указа о подушной переписи.

И этотъ сборъ вызывалъ много вниманія и хлопотъ какъ со стороны сената и канцеляріи пріема сказокъ, такъ и со стороны мѣстныхъ властей, а потому въ виду осложненій затягивалъ окончаніе переписи.

Итакъ, изъ предыдущаго обзора видно, что подушная перепись, фактически начавшаяся съ 1719 года, развертываясь, превратилась въ весьма сложное и хлопотливое дѣло; она въ теченіе трехъ лѣтъ потребовала четыре повсемѣстныхъ сбора сказокъ и разнаго рода росписей о душахъ мужского пола; обрушилась на голову той самой администраціи, которая была занята текущими дѣлами, и только напряженной дѣятельностью этой администраціи, побуждаемой непрестанно сенатомъ и бригадиромъ Зотовымъ, можно объяснить то обстоятельство, что такая сложная работа, хотя бы съ нѣкоторыми недочетами, но въ основѣ успѣшно, была завершена къ концу третьяго года.

VII.

Необходимо отмѣтить, что на ряду съ пріемомъ и сборомъ сказокъ, чѣмъ былъ озабоченъ сенатъ и канцелярія бригадира Зотова, происходила въ тѣхъ же учрежденіяхъ и другая значительная работа, которая тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ ходомъ переписного дѣла. Въ существѣ эта работа сводилась: 1) къ исправленію прислан-

ныхъ сказокъ, 2) составленію итоговъ и перечней и 3) сравненію добытыхъ подушной переписью результатовъ съ извѣстными цифрами переписи 186 года (1678). Эту сторону дѣятельности, главной своей тяжестью упавшую на канцелярію пріема сказокъ бригадира Зотова, я и разсмотрю въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Прежде всего въ канцеляріи бригадира Зотова при пріемѣ сказокъ въ самомъ началѣ обнаружилась „многая неисправа", а именно „въ прикладываніи рукъ подкрѣпленія, какъ указъ повелѣваетъ, не писано, а иныя сказки и безъ прикладыванія рукъ, въ сказкахъ же подлинникъ съ перечнями несходенъ, въ закрѣпахъ командирскихъ въ чинахъ, въ именахъ, въ прозваніяхъ не дописывано, что можно признать, будто бъ вынято нѣсколько листовъ". Эти неисправности замѣчены были еще дьякомъ Климонтовымъ, который, завѣдуя въ въ отсутствіе Зотова пріемомъ сказокъ, подавалъ о томъ (7-го окт. 1719 г.) въ сенатъ доношеніе. Но такъ какъ на это доношеніе не было обращено особаго вниманія и никакого рѣшенія до ноября не состоялось, то Зотовъ, вернувшійся изъ командировки, уже самъ отъ своего имени подалъ новое доношеніе (4-го ноября) о тѣхъ же „неисправахъ", обнаруженныхъ въ сказкахъ, и просилъ сенатъ разрѣшить этотъ вопросъ соотвѣтствующимъ повелѣніемъ.

Рѣшеніе сената, состоявшееся 18-го дек. 1719 г., сводилось къ слѣдующему: если неисправности въ сказкахъ или вѣдомостяхъ окажутся такого рода, что ихъ можно устранить здѣсь, то тогда слѣдуетъ обратиться къ пріемщикамъ сказокъ и приказнымъ людямъ, которые по указу должны явиться въ С.-Петербургъ съ переписнымъ дѣломъ, и отъ нихъ потребовать исправленій; если же явятся такія „неисправы", что здѣсь ихъ привести въ порядокъ окажется невозможнымъ, а потребуется навести справки на мѣстахъ, тогда „ему, Зотову, о такихъ неисправахъ справливаться и, на комъ надлежитъ, взыскивать и посылать указы отъ себя" [1]). Такимъ образомъ, Зотовъ съ своей канцеляріей обязанъ былъ производить, хотя бы внѣшнюю, повѣрку присылаемыхъ сказокъ и обнаруженныя неисправности устранять или при помощи приказныхъ людей и пріемщиковъ или путемъ переписки съ мѣстными властями.

Въ силу этого указа Зотову приходилось приводить въ канцелярскій порядокъ присланныя сказки. Извѣстны случаи, когда онъ при-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 101, 102, 108. Указъ на основаніи приговора 18-го дек.—21-го дек. въ П. С. З., № 3474.

нималъ энергичныя мѣры при обнаруженіи неисправностей. Такъ, когда оказалось, что сказки, присланныя изъ Бѣлогородской провинціи, изъ городовъ Вольнаго и Алешни ландратомъ Никитой Вепрейскимъ, „по листамъ не токмо его, ландратскою, но и ни чьею рукою не закрѣплены, и табеля не прислано, и пріемщиковъ тѣхъ сказокъ не выслано", и на запросы „не отвѣтствовано", то Зотовъ 28-го марта 1720 г. отправилъ въ ту провинцію изъ своей канцеляріи „указъ о высылкѣ" ландрата Н. Вепрейскаго въ С.-Петербургъ для закрѣпленія сказокъ и составленія табеля.

Въ отвѣтъ на этотъ указъ изъ Бѣлогородской провинціи полк. Кошелевъ сообщалъ (отъ 2-го янв. 1721 г.), что Вепрейскій, по указу изъ камеръ-коллегіи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ „отправленъ изъ Бѣлгорода для соляного слѣдствія въ Бахмутѣ", а потому онъ, Вепрейскій, не можетъ быть высланъ въ С.-Петербургъ. Зотова подобная отписка удовлетворить не могла, онъ (25-го янв.) обратился въ сенатъ съ доношеніемъ, въ которомъ, изложивъ дѣло, запрашивалъ: „о высылкѣ въ канцелярію вѣдѣнія моего онаго Никиты Вепрейскаго высокоправ. сенатъ что повелитъ?" Сенатъ, хотя и всталъ на сторону Зотова, но не могъ отрывать Вепрейскаго отъ порученнаго ему слѣдствія, а потому (16-го февр. 1721 г.) постановилъ: „ландрата Вепрейскаго допросить полк. Кошелеву, для чего онъ о душахъ м. п. сказки къ бриг. Зотову выслалъ безъ закрѣпы и безъ табеля, который допросъ прислать, также (и) тѣхъ, кто тѣ сказки принимали и неисправныя къ отсылѣ отдавали, взять въ С.-Петербургъ къ нему, Зотову", и доставить подъ „карауломъ на ихъ подводахъ" [1]).

Вскорѣ указъ объ этомъ былъ посланъ въ Бѣлогородскую провинцію, откуда бригадиръ Степанъ Вельяминовъ писалъ, что „для скорости отправленія" въ канцелярію Зотова „вышлются, неумедля", пріемщики сказокъ: вольновскій—дворянинъ Иванъ Леляковъ, алешенскій — подьячій Тимофей Заикинъ [2]). Значитъ, Зотовъ добился того, чтобы пріемщики, неисправно сдавшіе сказки, были высланы въ его канцелярію.

---

[1]) Указы объ этомъ посланы были Кошелеву и Зотову 21-го февр; въ Бѣлогородской провинціи указъ полученъ былъ 24-го марта 1721 г.

[2]) Доношеніе Вельяминова отъ 4-го апр., получено въ сенатѣ 3-го мая. Въ немъ, въ укоръ сенатской канцеляріи, сообщалось, что пріемщикъ Т. Заикинъ, котораго по указу требуютъ въ С.-Петербургъ, уже „былъ отправленъ въ С.-Петербургъ со сказками и о томъ въ канцеляріи прав. сената въ прежде посланномъ доношеніи янв. 16 д. прошлого 720 г., что тотъ Заикинъ былъ пріемщикомъ, означено имянно" (*А. М. Ю.*, № 659, л. 384—388).

Можно указать еще на одинъ случай. 10-го декабря 1720 г. Зотовъ доносилъ сенату, что комисаръ Галицкой провинціи Перелешинъ „да и другіе многіе такіе же пріемщики сказокъ опредѣлены къ дѣламъ („къ сбору денежной казны“, сообщается въ другомъ мѣстѣ), не отправя о сказкахъ своего дѣла“, и ходатайствовалъ о высылкѣ Перелешина и другихъ такихъ же пріемщиковъ въ Петербургъ въ его канцелярію для исправленія погрѣшностей. 16-го декабря сенатъ постановилъ: взять Перелешина къ розыску къ бригадиру Зотову и другихъ неисправныхъ пріемщиковъ—тоже, а на ихъ мѣсто опредѣлить другихъ [1]). Но это были, повидимому, единичные случаи, по общему же порядку повѣрка сказокъ и перечней должна была производиться силами Зотовской канцеляріи.

VIII.

Едва только сказки стали поступать въ канцелярію бригадира Зотова, какъ правительство начало интересоваться результатами переписи. Общія переписи населенія 1710 г. и 1715 годовъ не оправдали надеждъ, которыя на нихъ возлагались; онѣ показали въ своихъ итогахъ низкія цифры дворовъ сравнительно съ итогами переписи 1678 г., а потому и были, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ основѣ отвергнуты правительствомъ [2]). Взгляды Петра и его сподвижниковъ обращались, минуя эти ближайшія и, по ихъ мнѣнію, недостовѣрныя переписи, къ старой общей переписи 186 г., которая все же продолжала лежать въ основѣ обложенія, была мѣриломъ пригодности новыхъ переписей; и съ ней, съ ея результатами правительство хотѣло сравнивать итоги новой подушной переписи.

3-го декабря 1719 г. состоялся указъ, которымъ бригадиру Зотову, какъ лицу, стоящему во главѣ канцеляріи пріема сказокъ, велѣно было „изъ присланныхъ изъ губерній и провинцій мужскаго пола о душахъ сказокъ дѣлать перечневыя выписки по городамъ и съ переписными книгами 186 г. справливаться и подписывать передъ тѣми переписными книгами, гдѣ прибыло или убыло“. Задача, возложенная на Зотова, состояла изъ трехъ послѣдовательныхъ звеньевъ: 1) изъ составленія перечневыхъ выписокъ по городамъ на основаніи присланнаго въ канцелярію переписного матеріала; 2) изъ справки, сколько въ томъ же городѣ числилось дворовъ и людей по

[1]) Указъ объ этомъ былъ посланъ 20-го дек. (*А. М. Ю.*, № 659, л. 311—313).

[2]) *Милюковъ*, Государ. хозяйство, 207, и др. Ср. *Клочковъ*, Населеніе Россіи, I, 257—284.

переписнымъ книгамъ 186 года, и 3) сравненія итога той и другой переписи, съ опредѣленіемъ прибыли или убыли населенія. Повидимому, задача была простая, она не должна была требовать какой либо значительной работы и не обѣщала затрудненій. Но въ дѣйствительности дѣло обстояло гораздо сложнѣе.

Прежде всего затрудненія встрѣтились при составленіи перечней по городамъ. На первый взглядъ составлять такіе перечни представлялось не труднымъ, такъ какъ въ канцелярію пріема сказокъ присылались, согласно государеву указу, не только подлинныя сказки, но и перечни по отдѣльнымъ мѣстностямъ и табели, съ краткими цифровыми показаніями о количествѣ душъ по каждому городу и уѣзду. Но вотъ что выяснилось въ канцеляріи Зотова, когда въ ней обратились къ присланнымъ перечнямъ. Въ виду того, что въ доли ландрата Толубѣева изъ Переяславля-Залѣсскаго у пріема сказокъ первоначально былъ въ 1719 г. по 21-е число іюля самъ ландратъ, а затѣмъ по отъѣздѣ его въ С.-Петербургъ комисаръ Полянскій, который и привезъ сказки съ перечнями въ канцелярію Зотова въ январѣ 1720 г., бригадиръ Зотовъ распорядился, чтобы составленная табель была провѣрена „по подлиннику", т. е. по подлиннымъ сказкамъ, присланнымъ въ канцелярію пріема сказокъ. „А по повѣркѣ, какъ сообщалъ Зотовъ сенату въ доношеніи 12-го февраля, сверхъ присланной табели явилось 3.886 душъ". Спрошенные о причинахъ такой неправильности комисаръ Полянскій и подьячій Марковъ, съ которыми приписное дѣло было представлено въ Петербургъ, отвѣчали Зотову: „оная де прописка учинилась для того, что въ 719 г. октября 29-го дня подлинныя сказки изъ Переяславля взяты въ Москву въ губернскую канцелярію, а ноября 25-го числа они, комисаръ и подьячій, присланнымъ изъ Москвы унтеръ-офицеромъ взяты въ Москву же", гдѣ подьячій долженъ былъ взять сказки обратно „для учиненія табелей", что имъ и было исполнено въ теченіе 10-ти дней, и „въ той де скорости" „неусмотрѣніемъ" въ табель Переяславльскаго уѣзда Залѣсскаго люди Борисоглѣбовскаго стана оказались „не написаны". Значитъ, благодаря торопливости, съ которой приходилось заканчивать и высылать переписное дѣло, въ табеляхъ Переяславскаго уѣзда оказался значительный дефектъ.

Этотъ случай навелъ Зотова на мысль произвести повѣрку и другихъ перечней и табелей; въ результатѣ ему пришлось (въ томъ же доношеніи) писать сенату: „и другихъ городовъ въ присланныхъ изъ губерній о душахъ мужскаго пола въ сказкахъ по подлинной здѣш-

ней провѣркѣ въ припискѣ и въ недопискѣ является душъ многое число“. Зотовъ спрашивалъ у сената, какъ ему въ этомъ случаѣ поступить [1]).

Отвѣтомъ былъ приговоръ сената 18-го февраля, которымъ постановлено: такъ какъ „въ присланныхъ изъ губерній и провинцій вѣдомостяхъ и табеляхъ являются въ перечняхъ противо сказокъ несходства, а именно прописки и лишки“, то по сенатскому приговору „велѣно тебѣ, бригадиру, утверждаться подлинными о душахъ муж. пола сказками и изъ нихъ дѣлать тебѣ вѣрные перечни, а которые изъ губерній и провинцій присланы перечни невѣрные, и тѣ оставить“ [2]). Значитъ, послѣ этого приговора на канцелярію Зотова возложена была новая обязанность—провѣрять перечни и табели, присланные изъ губерній; въ случаѣ же, если бы они оказались невѣрными, то составлять новые взамѣнъ прежнихъ, что представлялося, конечно, дѣломъ довольно кропотливымъ и требовало значительнаго времени.

IX.

Одновременно съ составленіемъ вѣрныхъ перечней по присланнымъ сказкамъ слѣдовало „справливаться съ переписными книгами 186 г.“. По этому случаю уже въ указѣ 3-го декабря 1719 г. говорилось: „для того изъ помѣстнаго приказа съ помянутыхъ переписныхъ книгъ 186 г. перечни по городомъ дворовымъ числомъ и душами отдать ему, Зотову, не мѣшкавъ“ [3]). Какъ только В. Н. Зотовъ получилъ объ этомъ указѣ извѣщеніе, онъ обратился въ сенатъ съ доношеніями (7-го и 17-го дек.), въ которыхъ сообщилъ сенату, что хотя и посланъ указъ о высылкѣ ему изъ помѣстнаго приказа перечней изъ переписныхъ книгъ 186 г., но это распоряженіе достигнуть цѣли не можетъ: „въ помѣстномъ приказѣ, писалъ

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 190. Нѣсколько раньше, именно 4-го ноября 1719 г. Зотовъ обращался въ сенатъ по слѣдующему поводу: „Въ сказкахъ, писалъ онъ, противъ указу мужескъ полъ росписанъ порознь лѣтами, а при повѣриваніи сказокъ, оныхъ людей росписывать на сколько частей и въ каковы лѣта или всѣхъ лѣтъ людей класть въ одинъ перечень, того не опредѣлено“ (л. 102). Состоялось ли по этому поводу постановленіе сената или Зотовъ въ соотвѣтствіи съ общимъ смысломъ указовъ самъ рѣшилъ этотъ вопросъ, но только въ росписяхъ „всѣхъ лѣтъ люди“ положены были „въ одинъ перечень“.

[2]) Тамъ же, л. 192.

[3]) Указъ былъ посланъ въ юстицъ-коллегію 4-го декабря (*Сен. Архивъ*, кн. 22, л. 96 об.).

Зотовъ, многіе городы невѣдомы, а вѣдомы были въ другихъ приказѣхъ, изъ которыхъ приказовъ къ нему, Зотову, надлежатъ присланы быть такія же о дворахъ и людяхъ переписи 186 г. вѣдомости, каковы повелѣно прислать изъ помѣстнаго приказа"; „а безъ таковыхъ вѣдомостей общаго всему государству о людяхъ по указу перечня учинить будетъ немочно"; а потому Зотовъ ходатайствовалъ „о посылкѣ указовъ противъ вышеписаннаго въ тѣ приказы, гдѣ которые городы вѣдомы".

Канцеляріей сената (11-го дек.) наведена была справка въ помѣстномъ приказѣ, изъ которой выяснилось, что въ томъ приказѣ имѣются переписныя книги 186 г. лишь тѣхъ городовъ, которые „вѣдомы землями въ томъ приказѣ", а относительно переписныхъ книгъ по другимъ городамъ въ помѣстномъ приказѣ даже не имѣлось свѣдѣній, гдѣ тѣ книги находятся. По новымъ справкамъ оказалось, что „до росписанія губерній всѣ города были вѣдомы въ особыхъ приказѣхъ" [1]), а „нынѣ вѣдомы по губерніямъ", въ виду чего сенатъ приговоромъ 7-го января 1720 г. постановилъ: „въ губерніи и провинціи послать Его В. Государя указы, въ которыхъ написать, дабы по посланнымъ указамъ изъ канцеляріи бригадира Зотова, какихъ онъ будетъ требовать вѣдомостей, а именно о дворовомъ числѣ и о людяхъ переписи 186 году [2]), и по тѣмъ указамъ исправляли и тѣ вѣдомости къ нему присылали безъ всякаго медленія".

Благодаря сенатскимъ распоряженіямъ вѣдомость перечневая изъ помѣстнаго приказа была доставлена Зотову довольно скоро, о полученіи ея Зотовымъ видно изъ рапорта сенату отъ 15-го января. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ канцеляріи сената оказалась „вѣдомость" „о дворовомъ числѣ переписи 186 и иныхъ годовъ"; эта вѣдомость „въ сенатѣ послѣ пожарнаго случая по разбору явилась"; съ нее была

---

[1]) „А именно: Украинскіе городы Сѣвского, Бѣлогородского, Рязанского разрядовъ—въ разрядѣ, Казанскіе и прочіе низовые городы—въ Казанскомъ дворцѣ, Смоленскъ и иные къ нему городы—въ приказѣ княжества Смоленскаго, Сибирскіе городы—въ Сибирскомъ приказѣ; а дворцовыя волости всего государства въ приказѣ большого дворца"; „а по опредѣленіи губерній въ 710 г. вышепомянутые всѣ городы росписаны и понынѣ въ вѣдѣніи по губерніямъ" (*А. М. Ю.*, № 659, л. 130).

[2]) Въ указахъ, разосланныхъ по губерніямъ 14-го и 15-го января, къ этому прибавлено: „или гдѣ другія какія прежнія (вѣдомости переписныя) обрѣтаются" (*А. М. Ю.*, № 659, л. 134; указъ—печатный).

списана копія и по сенатскому приговору 14-го января отослана въ канцелярію бригадира Зотова [1]).

Казалось, что копія вѣдомости, присланная изъ канцеляріи сената, можетъ замѣнить тѣ свѣдѣнія, которыя требовались В. Н. Зотову для составленія перечней по даннымъ переписи 186 г., но при ближайшемъ разсмотрѣніи этой вѣдомости надежды, которыя могли быть на нее возлагаемы, не оправдались. Въ доношеніи отъ 15-го января Зотовъ сообщалъ сенату, что, во-первыхъ, въ той вѣдомости цифровыя свѣдѣнія переписи 186 г. показаны лишь для городовъ, которые вѣдомы были въ помѣстномъ приказѣ, а города, которые вѣдомы были въ другихъ приказахъ, „тѣ объявлены росписными списками и прочими вѣдомостьми, а не переписью 186 г.“; во-вторыхъ, вѣдомость въ своихъ цифровыхъ показаніяхъ даже тамъ, гдѣ она даетъ число дворовъ и людей переписи 186 г., „несходна“ съ показаніями табелей, присланныхъ изъ помѣстнаго приказа.

Зотовъ недоумѣвалъ, чему отдавать предпочтеніе, вѣдомости сенатской или табелямъ помѣстнаго приказа, а если послѣднимъ, то спрашивалъ, „откуда (ему) получить вѣдомости изъ переписныхъ книгъ 186 г. для тѣхъ городовъ, которые въ помѣстномъ приказѣ не были вѣдомы“.

Послѣдній вопросъ уже былъ разрѣшенъ сенатомъ приговоромъ 7-го января, тѣмъ не менѣе онъ снова получилъ подтвержденіе въ новомъ сенатскомъ приговорѣ (17-го янв.), которымъ разрѣшенъ былъ и первый вопросъ, а именно сенатъ приказалъ Зотову руководиться табелями, присланными изъ помѣстнаго приказа, а о другихъ городахъ свѣдѣнія требовать изъ губерній [2]).

---

[1]) *Тамъ же*, л. 136.

[2]) Текстъ приговора 17-го января 1720 г. слѣдующій: прав. сенатъ приказали: „бригадиру Зотову справку чинить по тѣмъ вѣдомостямъ, которыя вѣрнѣе, а понеже въ помѣстномъ приказѣ содержутся подлинныя 186 г. переписныя книги, съ которыхъ книгъ по присланному изъ сената указу повелѣно къ нему, Зотову, отдать перечни по городамъ дворовому числу и душамъ, о чемъ и онъ, бригадиръ, въ вышеписанномъ своемъ доношеніи написалъ, что изъ того приказу дворовому числу табели къ нему и присланы, того для тѣмъ съ подлинныхъ книгъ учиненнымъ табелямъ и вѣрить надлежитъ; а которая изъ сената съ вѣдомости копія къ нему, Зотову, послана, и о той въ указѣ написано имянно, что оная вѣдомость прежняя, какова въ сенатѣ послѣ пожарного случая по разбору явилась; а о прочихъ городѣхъ, кои были вѣдомы въ особыхъ приказѣхъ, а именно въ Казанскомъ дворцѣ, въ приказѣ Княжества Смоленскаго и въ прочихъ, и о тѣхъ вѣдомостей требовать ему изъ тѣхъ губерній, гдѣ тѣ городы вѣдомы; а чтобъ такія вѣдомости

Въ дальнѣйшемъ Зотову приходилось, опираясь на сенатскій приговоръ, требовать (чрезъ юстицъ-коллегію) изъ канцеляріи вотчинныхъ дѣлъ или изъ губерній свѣдѣній о количествѣ дворовъ и людей по переписи 186 г. Но и здѣсь встрѣчались разнаго рода затрудненія. Такъ 8-го іюня 1720 г. Зотовъ доносилъ сенату: къ нему сначала присланы были (14-го дек. 1719 г.) перечни 96 городовъ, а потомъ (1-го февр. 1720 г.) перечни 43 городовъ; „а по справкѣ, писалъ Зотовъ, въ тѣхъ перечняхъ съ прежде присланными табелями въ числѣ дворовъ и людей явилась многая рознь, и за тою рознью присланныхъ изъ городовъ сказокъ съ переписными книгами 186 г. сводить и прибыли или убыли подлинно обозначить невозможно"; по его распоряженію, въ канцелярію вотчинныхъ дѣлъ объ этомъ было сообщено, и перечни 29 городовъ (изъ числа 43) „по подлинной провѣркѣ приняты" канцеляріей Зотова, а потому, конечно, могутъ быть использованы для составленія сравнительной вѣдомости, а относительно перечней 14 городовъ Зотовъ сообщалъ, что перечни тѣхъ городовъ „отданы въ вотчинной канцеляріи подьячимъ для выправки, и какъ оные, такъ и достальные, которые вѣдомы землями въ той канцеляріи, всего 67 городовъ" до сего времени въ канцелярію пріема сказокъ не доставлены. Онъ, Зотовъ, распорядился было послать въ канцелярію вотчинныхъ дѣлъ указъ, но тотъ указъ не былъ принятъ, и перечни не присылались, благодаря чему „чинится остановка".

Разумѣется, сенатъ пришелъ на помощь Зотову и 17-го іюня постановилъ: „съ переписныхъ книгъ 186 г. перечни изъ юстицъ-коллегіи къ бригадиру Зотову отослать безо всякаго мотчанія, дабы за неприсылкою такихъ перечней въ выправкѣ по сказкамъ о душахъ какой остановки не учинилось, и о томъ въ юстицъ-коллегію отъ прежняго отписку послать указъ, а къ нему, Зотову, для вѣдѣнія отписать" [1]). Конечно, подтвердительный указъ сената долженъ былъ произвести нѣкоторое дѣйствіе; тѣмъ не менѣе Зотовъ немало испыталъ затрудненій по поводу сбора перечней съ книгъ 186 г., такъ какъ позднѣе, въ доношеніи сенату 18-го октября 1721 г. онъ, упо-

по его требованіямъ къ нему были отсыланы безъ замедленія, о томъ во всѣ губерніи и провинціи указы изъ сената посланы; и о томъ къ нему, бригадиру, послать указъ, при которомъ сообщить указъ же, каковой посланъ о вышепомянутомъ во всѣ губерніи и провинціи".

Указъ Зотову былъ посланъ 19-го анваря. (*А. М. Ю.*, № 659, л. 136—142).

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 238—242; указъ былъ посланъ 5-го іюля.

мянувъ о перечневыхъ выпискахъ, мимоходомъ замѣчаетъ: „Коликое время изъ вотчиной канцеляріи тѣхъ перечней было не прислано, а когда и сколько прислано, съ какимъ неисправленіемъ, о томъ въ канцелярію прав. сената доношеніями моими показано того-жъ 719 и 720 гг. въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ“ [1].

Если такъ много препятствій приходилось испытывать при полученіи перечней и вѣдомостей изъ центральныхъ учрежденій, то, конечно, съ неменьшими затрудненіями добывались нужныя свѣдѣнія изъ губерній о тѣхъ городахъ, о которыхъ въ канцеляріи вотчинныхъ дѣлъ не было точныхъ перечней.

X.

Цѣлью сбора перечней по городамъ изъ переписныхъ книгъ 186 г. было сравненіе итоговъ подушной переписи съ итогами старой подворной переписи. Это сравненіе и производилось канцеляріей пріема сказокъ по мѣрѣ полученія нужныхъ свѣдѣній. Сенатъ интересовался результатами сравненія и 16-го мая 1721 года обратился къ Зотову съ распоряженіемъ, чтобы онъ представилъ вѣдомость относительно „знатныхъ городовъ 10 или больше, ежели мочно“, съ показаніемъ въ ней, „сколько въ которомъ городѣ по переписи 186 г. крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и что по нынѣшнимъ сказкамъ явилось мужскаго пола людей перечнемъ“.

Канцелярія бригадира Зотова не замедлила приняться за работу, и 25-го мая представила требуемую краткую выписку относительно 11 городовъ съ пригородами и уѣздами [2].

Эта пробная вѣдомость вполнѣ удовлетворила сенатъ своими результатами, и нѣсколько позднѣе сенатъ дѣлаетъ распоряженіе (отъ 30-го авг. 1721 г.), чтобы Зотовымъ „взнесена“ была къ нему общая вѣдомость по городамъ „противъ того, какова вѣдомость взнесена въ сенатъ о 10 городахъ“.

Канцелярія пріема сказокъ проработала болѣе мѣсяца, а затѣмъ (18-го окт.) ею представлена была вѣдомость [3], составленная на

---

[1]) *Тамъ же*, л. 425.

[2]) Въ выпискѣ показаны были числа дворовъ и людей по переписи 186 г. и по сказкамъ въ слѣдующихъ 11 городахъ: въ Москвѣ, во Владимирѣ, Коломнѣ, Суздали, Переяславлѣ Рязанскомъ, Костромѣ, Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Вологдѣ и Галичѣ (*А. М. Ю.*, № 659, л. 417—423).

[3]) Въ общую вѣдомость вошли цифровыя показанія и о городахъ, о которыхъ раньше была подана особая вѣдомость; относительно нея Зотовъ оговаривается: „та

основаніи перечней (съ переписныхъ книгъ 186 г.), вытребованныхъ изъ вотчинной канцеляріи, и на основаніи сказокъ, доставленныхъ въ канцелярію Зотова октября по 1-е число 1721 г.

Результатъ сравненія въ общемъ былъ довольно утѣшителенъ. Оказалось, что по 98 городамъ съ уѣздами по перечнямъ 186 года числилось душъ 2.135.784, а по сказкамъ 2.922.598 (въ томъ числѣ посадскихъ—1.570); „противъ перечней по сказкамъ прибыло 933.372, по тѣмъ же перечнямъ убыло—148.128; а за замѣномъ убылыхъ прибыли—785.244 души". Значитъ, правительство могло торжествовать: не только не обнаружено было той угрожающей убыли, которая по цифрамъ переписи 1710 года въ дворахъ составляла около 19,5%, но уже оказалась значительная прибыль, которая въ количествѣ душъ составила болѣе 20% числа, показаннаго въ итогахъ переписи 186 года. Правда, здѣсь былъ еще рядъ обстоятельствъ (новые разряды населенія, внесенные въ перепись, приростъ населенія и проч.), который заставлялъ нѣсколько иначе расцѣнивать эту прибыль, но все же важна была увѣренность въ томъ, что подушная перепись оправдала возлагавшіяся на нее надежды; съ этого времени всякія колебанія должны быть отброшены, слѣдовало лишь точнѣе подсчитать количество плательщиковъ, опредѣлить сумму сбора съ каждой души, а потомъ уже безъ колебаній устранить цифры старой переписи, лежавшей такъ долго въ основѣ обложенія, и ввести въ дѣйствіе итоги новой переписи.

М. Клочковъ.

прежняя 10 городамъ вѣдомость съ нынѣшними вѣдомостями въ числѣ душъ будетъ несходна, понеже въ канцелярію пріема сказокъ изъ тѣхъ городовъ послѣ подачи той вѣдомости сказки въ присылкѣ есть" (л. 425; доношеніе отъ 18-го, въ сенатъ подано 21-го октября).

„ПРИСЯГА ХОТЯЩИМЪ ВЗЫТИ НА СТЕПЕНЬ СВЯЩЕНСТВА, ИЗДАННАЯ ПО ПОВЕЛѢНІЮ ПАТРІАРХА ІОАКИМА“.

Изданіе литературныхъ, какъ и всякихъ другихъ, памятниковъ родной старины, казалось бы, слѣдовало только привѣтствовать, забывая даже о степени совершенства, съ какой то или иное изданіе произведено. Такъ много еще лежитъ, порой, въ покрытыхъ пылью вѣковъ хартіяхъ и безусловно заслуживающаго быть извлеченнымъ на свѣтъ Божій.

Но вотъ посмотримъ, во что превращается дѣло чуть ли не всякаго изданія, когда преслѣдуются узко конфессіональныя цѣли.

Передъ нами произведеніе съ выписаннымъ выше заглавіемъ, въ которомъ, между прочимъ, значится имя патріарха, едва ли заслужившаго добрую память у старообрядцевъ, и однако отпечатанное всего три года назадъ [1]) въ „типографіи П. П. Рябушинскаго, Москва, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. домъ“, нѣкіимъ Ѳ. Пермяковымъ [2]), авторомъ, между прочимъ, сборника подъ заглавіемъ: „Выписки изъ Священнаго и Святоотеческаго писанія твореніи святыхъ ѿцовъ и оучителей церкви ѡ внесеніи патріархомъ Никономъ и его пріемниками новизнъ и ложнаго оученія“ [3]).

Этого мало. Несмотря на то, что, по заявленію издателей, „екземпляры перваго, Іоакимовскаго, изданія присяги чрезвычайно рѣдки“, хотя „все же встрѣчаются“ [4]), въ данномъ случаѣ Присяга печатается „съ подлиннаго [5]) екземпляра“.

---

[1]) Настоящая замѣтка появляется въ печати съ значительнымъ опозданіемъ по независящимъ отъ автора причинамъ.

[2]) Имя издателя въ „Присягѣ“ не указано. Оно извѣстно намъ частнымъ образомъ.

[3]) Часть первая ҂зѵ҃к, тамъ же.

[4]) Интересно бы знать, гдѣ? Впрочемъ, о семъ предусмотрительно умалчивается.

[6]) А развѣ были переводныя изданія Присяги? Или, быть можетъ, „подлинный“ противопоставляется просто подложному или раннѣйшему подложному?

Насколько всѣмъ предыдущимъ, а особенно вступительнымъ къ тексту „Присяги“ примѣчаніемъ, выборки изъ котораго только что сдѣланы, повышается интересъ къ изданію этой послѣдней, настолько усиливается чувство разочарованія послѣ детальнаго ознакомленія съ даннымъ вопросомъ.

Результаты его наиболѣе точно формулируются словами А. Попова: „Подобнаго изданія не было. Это очевидная поддѣлка“ [1]).

Высказанное въ формѣ аподиктической, настоящее положеніе можетъ быть и доказано.

Обратимъ, въ первую очередь, вниманіе на полную неизвѣстность доселѣ печатныхъ экземпляровъ „Присяги“ изданія 1679 года и отсутствіе историческихъ свѣдѣній о ней, замѣтивъ попутно, что, кромѣ „литографно-отпечатаннаго“ ея „экземпляра“, да и то „послѣ долгихъ происковъ и прозбъ“, не могли нужнаго найти и издававшіе, въ половинѣ прошлаго столѣтія, „Присягу“ безпоповцы [2]). Здѣсь, къ тому же, объясненіе, почему „встрѣчавшіе“ „екземпляры перваго, Іоакимовскаго, изданія присяги“, издатели ея новымъ „тиснеміемъ“ или „типомъ“ ссылаются, взамѣнъ указанія мѣста нахожденія, хотя бы одного изъ нихъ, на „Хронологическій указатель славянорусскихъ книгъ церковной печати съ 1491-го по 1864-й г.“ В. М. Ундольскаго [3]) и на изслѣдованіе о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ г. Прозоровскаго [4]). Впрочемъ, на трудъ Ундольскаго они только ссылаются, не дѣлая изъ него выдержки даже и въ такомъ видѣ, какая приведена изъ книги г. Прозоровскаго [5]). Основаніе къ избранному ими способу цитаціи Ундольскаго заключается въ томъ, что, по словамъ этого послѣдняго, интересующая насъ „Присяга“ находится только

---

[1]) Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова, М. 1872, стр. 628; сн. стр. 630.

[2]) См. журналъ „Истина“ (Іоганнисбургъ) 1867 г., кн. III, лл. 82 об.—3.

[3]) М. 1871, стр. 103 (№ 942).

[4]) *А. Прозоровскій.* Сильвестръ Медвѣдевъ (его жизнь и дѣятельность). М. 1896, стр. 171; по Чтен., за тотъ же г., въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., кн. 3 (178).

[5]) Въ выноскѣ изъ книги Прозоровскаго: „въ 1679 г. были напечатаны Канонникъ, 174, Служба съ житіемъ Св. (ятителю, раскрываютъ сокращеніе издатели) Николаю (Николѣ, исправляютъ они же) Чудотворцу, 175, Поученіе святительское новопоставленному іерею, 176, Букварь языка славенска (языко-славянскій, по ороографіи издателей „Присяги“), 177, и Присяга хотящимъ взыти на степень священства, 178“ предусмотрительно опущены ссылки на Ундольскаго (op. cit.), какъ это по отношенію къ „Присягѣ“, а иногда еще и на Расходную книгу Архива Москов. Синод. Типографіи, № 78, лл. 92 об., 94, 101.

„у Хлуд.(ова, т. е. въ теперешней Хлудовской Библіотекѣ Московскаго Никольскаго Единовѣрческаго монастыря)“ да и то „въ литогр. (афированной) копіи“ [1]). Что же касается утвержденія г. Прозоровскаго, то оно не имѣетъ силы въ данномъ случаѣ потому, что цѣликомъ покоится на указаніи Ундольскаго.

Правда, такъ называемая, Іоакимовская Присяга встрѣчается иногда, хотя и не особенно часто [2]), въ рукописномъ видѣ, но всѣ до одного извѣстныхъ намъ списки ея или, точнѣе, Сборника, въ составъ которыхъ, между прочимъ, входитъ и эта „Присяга“,—не ранѣе XVIII [3]), а то и XIX в. [4]).

Конечно, время происхожденія того или другого *списка* не свидѣтельствуетъ всегда и безусловно о времени появленія оригинала. Но въ данномъ случаѣ одно отъ другого не позволяютъ особенно отдѣлять соображенія иного порядка.

Почти въ самомъ концѣ „Присяги“ перечисляются нѣкоторые старообрядческіе толки. Въ разныхъ спискахъ и изданіяхъ „Присяги“ количество ихъ не одинаково [5]), но всюду не малое (minimum 12), хотя и нѣсколько искусственно вздутое (одинъ и тотъ же толкъ называется подчасъ двумя именами) [6]). Издавна наводившее, само по себѣ, тѣнь сомнѣнія на подлинность „Присяги“ [7]), отмѣченное обстоятельство осложняется еще тѣмъ, что въ каждомъ, безъ исключенія, перечнѣ попадаются толки, возникновеніе которыхъ отдѣляется цѣлымъ рядомъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, отъ года, какимъ датируется „Присяга“ (1679), а иногда даже и отъ 1690 г., когда умеръ па-

---

[1]) Подъ № 513 по рукописному „Каталогу книгъ гражданской печати“. Она въ 16 долю листа и заключаетъ въ себѣ 18 *лл.* (36 страницъ). Гораздо болѣе этого изданія въ прежнее время было распространено другое, впрочемъ, такого же формата.

[2]) Намъ извѣстны списки „Присяги“ въ слѣдующихъ сборникахъ: Собр. Михайловскаго (И. П. Б. Q., № 109), Хл. №№ 345, 349 (по цит. Оп. Попова, стр. 628, 630) и Ак. Наукъ, № 21. 9. 19 (Сѣв. 721), по Оп. рук. и кн., собр. для Имп. Ак. Н. въ Олон. кр., В. И. Срезневскаго, С.-Пб. 1913, № 299.

[3]) И. П. Б. (Мих.), Q. 109 и цит. Ак. Наукъ (см. пред. прим.).

[4]) Хл. №№ 345, 349 (сн. прим. 9).

[5]) Такъ Хл. 349 (л. 32) знаетъ, кромѣ перекрещеванцевъ, еще „неперекрещеванцевъ“, хотя не знаетъ „лысковщины или лысеповщины“. Только что названный списокъ и Хл. 345 (л. 86) послѣ діаконовщины перечисляютъ „морильниковъ“, о которыхъ совершенно не упоминается въ изданіяхъ „Присяги“.

[6]) См. ниже въ текстѣ.

[7]) „Чрезъ 12 (послѣ собора 1667 г.) лѣтъ, по словамъ митрополита Московскаго Филарета (Истина, тамъ же. лл. 83 об.—84), не могъ такъ обильно распространиться расколъ *и разбиться на столько сектъ*“ (курсивъ нашъ).

тріархъ Іоакимъ, даже, по мнѣнію лицъ, заинтересованныхъ въ признаніи именно этого патріарха виновникомъ происхожденія „Присяги“, не переиздававшій ея [1]). Напр., terminus a quo недолговѣчной „ануфріевщины“—1693 г. Родоначальникъ діаконовщины или, какъ ее же называетъ нѣсколько ниже авторъ „Присяги“, лысковщины (лысовщины, по Хл. 513, лысѣновщины — Хл. 345, цит. Ак. Н. и одн. изъ изд.), діаконъ Александръ, только въ расколъ перешелъ въ 1701—2 гг., равно какъ первое переселеніе старообрядцевъ, подъ вліяніемъ указа царевны Софьи, за границу, въ Польшу, произошло не ранѣе 1682 года. Первыя упоминанія о софонтіевщинѣ (морильщикахъ то жъ) падаютъ на XVIII вѣкъ, а наименованіе „нѣтовщина“ примѣнено по отношенію къ Спасову согласію лишь у Питирима Нижегородскаго въ его „Пращицѣ“ (1 изд. 1721 г.). Весьма подозрительны, наконецъ, внесеніе въ „Присягу“ „феодосіевщины“, главѣ которой бывшему дьячку Ѳеодосію Васильеву въ 1679 г. было всего 18 лѣтъ, и разграниченіе между безпоповщиной и поповщиной.

Если мы присоединимъ сюда *уже отсутствующую въ разсматриваемомъ изданіи* „Присяги“ пародію на выходной листъ [2]), какая находится въ двухъ первыхъ изданіяхъ ея и рукописяхъ, гдѣ годъ выхода въ свѣтъ „Присяги“ изъ „*московской* [3]) типографіи“ считается исключительно отъ Рождества Христова, то все это, взятое вмѣстѣ, отодвигаетъ и вовсе появленіе „*Іоакимовской* Присяги“ на XVIII вѣкъ, когда для нея прототипомъ могла послужить, хотя бы впервые составленная при Петрѣ Великомъ (1722 г.), священническая присяга. Не забудемъ, что однимъ изъ стимуловъ, обусловившихъ ея появленіе, было укрывательство старообрядцевъ приходскими священниками, вслѣдствіе чего цѣлая часть присяги посвящена расколу, при чемъ присягающій проклинаетъ „вся раскольническая согласія, а именно:

---

[1]) О томъ, чтобы „Присяга“ переиздавалась *церковной властью* послѣ Іоакима, само собою разумѣется, не можетъ быть даже и рѣчи.

[2]) Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе называть такой ея заголовокъ въ Хл. 513: „Присяга (deest всѣ выше цит. ркп.) хотящимъ взыти на степень священства утверженное (къ adjung. Хл. 345) присягѣ изложенное (изложеніе: цит. Ак. Н. и оба Хл.) Святѣйшаго Іоакима Патріарха Московскаго и всея Россіи, печатнымъ тисненіемъ въ Московской Типографіи издася отъ по (во—Хл. 349; deest цит. Ак. Н.) Рождества Христова въ лѣто 1679“?! Ср. соотв. сужд. по поводу Гродненск. изд. (1783 г.), т. наз., Большого Катихизиса въ статьѣ: „О книгахъ, на которыхъ отступники отъ Православной Церкви основываютъ свои неправильныя мысли“ (Прав. Соб. 1855 г., стр. 152—3), также у Строева, Библ. Общ. Ист. и Древн. Рос., М. 1845, стр. 36.

[3]) Курсивъ нашъ.

поповщину, ануфріевщину, софонтіевщину, діаконовщину, безпоповщину, иже суть перекрещеванцы, ѳеодосіевщину, андреевщину, христовщину, и прочая множайшая, елика гдѣ нынѣ суть, или и впредь будутъ“ и обѣщается „не точію отъ вреднаго ихъ согласія отчуждаться, но и согласующихся имъ“ [1]).

Къ числу несообразностей, находимыхъ въ „Присягѣ“, принадлежитъ еще такая, которая, подтверждая еще болѣе позднее, по сравненію съ датой, происхожденіе, въ то же самое время начинаетъ собою цѣлый рядъ данныхъ, позволяющихъ заключать къ мѣсту составленія „Присяги“.

Выпишемъ начало „Присяги“. — „Азъ ниже именованный вѣрую и исповѣдую восточную и великороссійскую святую церковь (церковь святую—Хл. 349), въ ней же нынѣ (e—id.) пребываетъ всепресвѣтлѣйшая (державнѣйшая adjung. Хл. 345, 349 и цит. Ак. Н.) и (deest Хл. 345 и цит. Ак. Н.) великая государыня наша и госпожа (и adjung. Хл. 345, 349) царица Софія Алексѣевна (Алеѯіевна — Хл. 345)“. Подобный оборотъ рѣчи, немыслимый въ устахъ и во время Іоакима, тѣмъ болѣе въ годъ изданія „Присяги“, допустимый для невѣжественнаго, по части исторіи и хронологіи, да плюсъ еще позднѣйшаго, писателя, достаточно прозрачно обнаруживаетъ конфессіональность истиннаго автора „Присяги“. Невольно хочется поставить отмѣченное въ ту или иную зависимость отъ нижеслѣдующаго мѣста изъ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“, сочиненной безпоповцемъ

[1]) Полн. Собр. Закон., т. VI, стр. 688, № 4012. Ср. нижеслѣдующее мѣсто изъ такъ называемой „Іоакимовской Присяги“ по посл. ея изд.: „такоже да всѣ ихъ расколы, отступства разныхъ ихъ толковъ, иже святѣй Божіей церкви не покоряющихся, отъ нихъ же мало воспомянувше, а именно: поповщина, безпоповщина, перекрещеванцы, діаконовщина, морильщики, ануфріевщина, софонтіевщина, спасовщина, ѳеодосіевщина, нѣтовщина и лысковщина, и всѣхъ ихъ богоѿтступныхъ и разныхъ толковъ, и оучителей ихъ потаенныхъ, и скверныхъ поповъ, старцевъ и старицъ, и прочихъ мужиковъ, и всѣхъ послушающихъ имъ, жительствующихъ за границею въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Волохахъ и иже здѣ внутрь Россіи крыющихся въ Брынскихъ лѣсахъ, въ пустыняхъ, въ слободахъ, въ Поморьѣ, на Керженцѣ, въ Чернораменскихъ лѣсахъ, таже въ градѣхъ, и селехъ на Дону, и въ Астрахани, въ Владимирѣ, въ Москвѣ и въ Новѣ градѣ, и всюду внутрь государства Россійскаго крыющихся и неподчиняющихся православнымъ нашимъ архіереомъ, и всѣхъ тѣхъ богомерзкихъ еретиковъ и ѿступниковъ ѿъ святыя нашея православныя христіанскія вѣры, и богохульниковъ съ послѣдующими ихъ прелестямъ, и самою тою прелестію тѣхъ и съ богомерскимъ оученіемъ ихъ проклинаю такѡ: да будутъ прокляти и анаѳема“.

Иваномъ Алексѣевымъ въ 1755 г.: „умершу Царю Алексѣю Михайловичу, на мѣсто его дщерь его Софья Алексѣевна пріимши скипетръ царства великороссійскаго"... [1]).

Далѣе, присягающій, по „Іоакимовскому" изложенію, проклинаетъ „смутителей церковныхъ: Аввакума протопопа, Никиту попа, Лазаря пустосвята [2]), и лжемонаха Сергіа, и съ прочими ихъ послѣдователями, *и кто ихъ почитаетъ страдальцами и мучениками* [3]), а не отступниками святыя церкви" и т. д. Между тѣмъ извѣстно, что почитаніе первыхъ вождей старообрядчества было распространено преимущественно въ безпоповской средѣ, въ частности въ Поморьѣ, гдѣ въ честь ихъ составлялись даже службы и писались иконы.

Не на этотъ ли географическій пунктъ болѣе опредѣленно указываетъ, въ свою очередь, и поморское письмо цѣлой половины извѣстныхъ намъ списковъ „Присяги" [4]), при чемъ одного изъ наиболѣе раннихъ [5])?!

А что нѣкоторая рукопись, но никакъ не печатное изданіе, было оригиналомъ этихъ списковъ, тому доказательствомъ, помимо всего прочаго, служитъ еще расхожденіе между собою въ частностяхъ и списковъ, и печатныхъ изданій „Присяги" [6]).

Зачѣмъ же нужно было создавать такое произведеніе, это довольно ясно. При помощи его вопросъ о клятвахъ собора 1666—7 гг. разрѣшается въ самомъ желательномъ для старообрядцевъ смыслѣ...

Стыдить *безпоповцевъ* за распространеніе и, добавимъ, составленіе „подобнаго рода лживыхъ тетрадей", какъ это сдѣлалъ въ свое время увидавшій „Присягу" митрополитъ Московскій Филаретъ (Дроздовъ), едва ли приходится. Вѣдь, и ему уже довелось выслушать: „по слухамъ въ поповщинѣ извѣстно, что лже-архіепископъ Антоній благословилъ Гусляковъ замосковныхъ въ подпольѣ отъ печатать значительное количество этихъ Присягъ, и ихъ поповцы разпространили" [7]).

---

[1]) По ркп. Хл. Библ., цит. Оп. Попова (стр. 547—9, 650—1), №№ 279 (л. 12), 353 (л. 12 об.) или по изд. въ „Лѣтоп. рус. лит. и древн." Тихонравова, М. 1862, т. IV, стр. 58.

[2]) Эпитетъ, а propos, къ Лазарю нигдѣ больше ни офиціально, ни частнымъ порядкомъ не примѣненный.

[3]) Курсивъ нашъ.

[4]) Ак. Н. цит. ркп. и Хл. № 345.

[5]) Цит. Ак. Н.

[6]) Ср. цит. выше статью въ Прав. Соб., стр. 162—4, 252—294.

[7]) Цит. кн. и мѣст. „Истины" (см. прим. 14).

Но не удивляться на то, что подобныя же вещи, и далеко не единичныя [1]), возможны въ столичномъ культурномъ старообрядческомъ обществѣ XX вѣка, по истинѣ, немыслимо...

Архимандритъ **Никаноръ**.

---

[1]) Напр., цѣлое Московское Старообрядческое (поповщинское) Братство Честнаго Креста уже въ 1912 году выпустило новымъ изданіемъ подложную, (составленную нѣкіимъ Карловичемъ, возможно, коллективно съ ех-священникомъ Верховскимъ), „Рѣчь Императрицы Екатерины Великой о старообрядчествѣ, сказанную на общей конференціи Синода и Сената 15-го сентября 1763 года", впервые увидѣвшую свѣтъ въ Черновицкой типографіи Чоппа почти 30 лѣтъ назадъ, а теперь существующую еще и въ изд. (старообрядца же) И. А. Лукина.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ обзору литературы „Слова о полку Игоревѣ“.

Въ февральской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1914 годъ напечатана статья Н. К. Гудзія: „Литература «Слова о полку Игоревѣ» за послѣднее двадцатилѣтіе“. Нельзя не признать, что г. Гудзій взялъ на себя одну изъ самыхъ настоятельныхъ, очередныхъ задачъ современной русской литературной исторіографіи. Его трудъ является необходимымъ продолженіемъ критико-библіографической регистраціи литературы о „Словѣ“, которая была доведена П. В. Владиміровымъ до 1894 года и на этомъ оборвалась. И надо отдать справедливость г. Гудзію,—онъ выполнилъ свою работу весьма добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Конечно, стоило немалаго труда собрать такой обширный и дробный матеріалъ; что же касается его оцѣнки, то сужденія г. Гудзія, всегда обдуманныя и изложенныя безпристрастно и благожелательно, обнаруживаютъ въ немъ знатока предмета. Хотѣлось бы думать, что онъ и впредь будетъ изучать „Слово о полку Игоревѣ“, этотъ прекраснѣйшій памятникъ древне-русской словесности.

Однако, въ обзорѣ г. Гудзія имѣются и пробѣлы, довольно многочисленные; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы попытаемся ихъ заполнить.

Изъ изданій текста „Слова“ пропущено очень важное: „Слово о полку Игоревѣ. Фототипическое воспроизведеніе перваго изданія, вышедшаго въ 1800 году“. С.-Пб. 1904, изданіе А. С. Суворина. Въ виду того, что первопечатное изданіе, мусинъ-пушкинское, является чрезвычайною библіографическою рѣдкостью, нельзя не цѣнить его фототипическаго воспроизведенія. Никакая, даже самая тщательная перепечатка (а ихъ было нѣсколько) не можетъ замѣнить такого—безошибочнаго—воспроизведенія; и оно было настоятельно необходимо, такъ какъ, за

гибелью подлинной рукописи, первопечатному изданію принадлежитъ наибольшая текстуальная достовѣрность. Къ сожалѣнію, изданіе Суворина, дорогое и напечатанное въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не снабжено необходимымъ научнымъ введеніемъ; коротенькое анонимное предисловіе не можетъ, конечно, его замѣнить. Изъ другихъ изданій слѣдовало бы отмѣтить еще одно печатное воспроизведеніе списка, находившагося въ бумагахъ императрицы Екатерины II (и изданнаго нѣкогда Пекарскимъ, потомъ Симони): Сочиненія императрицы Екатерины II-ой, изд. Академіи Наукъ, т. XI, стр. 427—453 (С.-Пб. 1906). Здѣсь перепечатанъ текстъ „Слова" (съ краткими подстрочными палеографическими замѣтками), переводъ его и примѣчанія; изслѣдованія „екатерининской" копіи не дано, чего, впрочемъ, и нельзя было ожидать отъ изданія, преслѣдовавшаго совсѣмъ иныя цѣли. Первопечатный же текстъ воспроизведенъ еще у А. Е. Бурцева, въ „Обстоятельномъ описаніи рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ", т. II, стр. 560—575 (С.-Пб.). Укажемъ еще „Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова". С.-Пб. 1911, изданіе студенческаго издательскаго комитета при историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Въ основу изданія положенъ текстъ Мусина-Пушкина 1800 г.: въ выноскахъ отмѣчаются варіанты изданій Пекарскаго и Симони; впрочемъ, въ перечисленіи разночтеній нѣтъ палеографической точности и исчерпывающей полноты. Въ книжкѣ имѣется также краткая библіографія „Слова", составленная по указаніямъ проф. И. А. Шляпкина, но никакихъ другихъ историко-литературныхъ матеріаловъ не предложено.

Для исторіи изученій текста „Слова" слѣдовало бы отмѣтить, что въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки хранится списокъ, разбитый на стихи и переписанный П. И. Прейсомъ, и другой, сдѣланный рукою Н. П. Барсукова. См. „Отчетъ" библіотеки за 1906 г. (стр. 76 и 89).

Г. Гудзій уклонился отъ пересмотра школьныхъ изданій „Слова" и былъ, конечно, правъ: пришлось бы собрать и перечислить огромное количество книжекъ, не имѣющихъ никакого научнаго интереса. Но для двухъ изданій, можетъ быть, слѣдовало бы сдѣлать исключеніе. Въ 1913 г. А. В. Лонгиновъ переиздалъ для школьнаго употребленія свою работу, о которой г. Гудзій подробно говоритъ на стр. 380—384 („Слово о полку Игоревѣ". Текстъ и переводъ по изданію Мусина-Пушкина съ объясненіемъ непонятныхъ выраженій. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія допущено въ качествѣ

пособія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса, изданія М. С. Козманъ). Годомъ раньше въ „Универсальной Библіотекѣ“ появилось изданіе „Слова“, редактированное спеціалистомъ по старо-русской письменности, С. К. Шамбинаго („Слово о полку Игоревѣ“. Редакція, переводъ и объясненія прив.-доц. С. К. Шамбинаго. Книгоиздательство „Польза“ В. Антикъ и К°. Москва. 1912). Текстъ напечатанъ по первому изданію 1800 г.; поправки, необходимыя по мнѣнію редактора, правда, внесены въ текстъ, но въ сноскахъ всегда указывается чтеніе первопечатнаго изданія. Въ приложенномъ переводѣ прямыми скобками отмѣчены „несомнѣнныя интерполяціи и позднія передѣлки писцовъ“; переводъ разбитъ на части, которымъ даны характеризующіе заголовки, и такое дѣленіе любопытно не только въ педагогическомъ, но и въ литературномъ отношеніи. Въ предисловіи къ изданію С. К. Шамбинаго вкратцѣ излагаетъ исторію изученій памятника и приводитъ отрывокъ изъ Ипатьевской лѣтописи, а въ примѣчаніяхъ находимъ краткій филологическій и историческій комментарій.

Слѣдовало бы, думается, отмѣтить еще школьное пособіе: В. И. Покровскаго „Историческую хрестоматію“ (сборникъ историко-критическихъ изслѣдованій), вып. II-ой (изд. 2, Москва). Здѣсь предлагаются извлеченія изъ изслѣдованій Барсова, Максимовича, Порфирьева и др. Ср. „Сокращенную историческую хрестоматію“ того же составителя (ч. I).

Къ школьнымъ, или, вѣрнѣе, популярнымъ, изданіямъ отнесемъ и книжку Н. М. Павлова: „Слово о полку Игоревѣ“. Замѣтка объ изслѣдованіяхъ памятника и переложеніе на современный языкъ (Москва, 1902). Впервые эта работа была напечатана въ 1874 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 2), но въ новомъ, отдѣльномъ изданіи авторъ исправилъ нѣкоторыя погрѣшности и внесъ дополненія, въ соотвѣтствіи съ позднѣйшими изслѣдованіями. Другое „переложеніе“ находимъ въ книжкѣ Георгія Вольскаго: „Слово о полку Игоревѣ“. Пересказъ въ стихахъ. И другія стихотворенія. Изданіе газеты „Русская Рѣчь“ (Одесса, 1908); въ пересказѣ есть удачныя мѣста, но въ общемъ онъ исполненъ неточно и мало выдерживаетъ духъ подлинника [1]).

---

[1]) Въ послѣднюю минуту намъ пришлось встрѣтить въ печати указаніе на новое малорусское переложеніе: Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Перест. Панаса Мирного. Выдавъ О. К—м. Киів. 1914. Есть еще „литературный переводъ“ А. А. Кичеева, Тверь, 1911.

На ряду съ изданіями педагогическаго характера обозрѣватель обходитъ молчаніемъ и „общіе курсы, такъ или иначе лишь резюмирующіе результаты предыдущихъ изученій". Но вѣдь и такіе итоги, предлагаемые видными представителями литературной историографіи, имѣютъ свой интересъ и поучительность; слагающееся въ ученой средѣ „общественное мнѣнье" оказываетъ потомъ свое давленіе на новыхъ изслѣдователей. Поэтому слѣдовало бы отмѣтить нѣсколько такихъ литературныхъ „сводовъ": А. С. Архангельскаго „Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература домонгольской Руси" (Казань 1903); Е. В. Пѣтухова „Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода" (второе изданіе, Юрьевъ, 1912); В. А. Келтуяла. „Курсъ исторіи русской литературы", ч. I, кн. 1 (второе изданіе, С.-Пб. 1913); М. Н. Сперанскаго „Исторія древней русской литературы" (Москва. 1914); въ послѣдней изъ перечисленныхъ книгъ итоги изученій „Слова" тезированы въ девяти пунктахъ, отъ которыхъ удобно было бы начинать новую общую переоцѣнку памятника.

Переходя отъ сводныхъ характеристикъ „Слова" къ изученіямъ дробнымъ, перечислимъ, прежде всего, обойденные г. Гудзіемъ историческіе матеріалы. На ряду со статьей В. Г. Ляскоронскаго о сѣверскихъ князьяхъ въ „Сборникѣ въ честь Д. А. Корсакова", надо бы напомнить читателямъ большое изслѣдованіе того же автора: „Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время" (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1913, №№ 9, 11, 12), гдѣ найдется не мало матеріаловъ для характеристики политическихъ отношеній въ XII вѣкѣ, затронутыхъ и въ „Словѣ". Для той же цѣли послужили бы многія страницы у М. Грушевскаго въ его „Исторіи Украины-Руси"; см. т. II; въ третьемъ томѣ (изданіе 2-ое, Львовъ, 1905, стр. 493—495 и 566—567) говорится и о самомъ „Словѣ".

Біографическія (и библіографическія) свѣдѣнія о русскихъ князьяхъ, дѣйствующихъ или упоминаемыхъ въ „Словѣ", имѣются въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ", издаваемомъ Императорскимъ Русскимъ историческимъ обществомъ (см., тамъ, напр., о князьяхъ Черниговскихъ, князьяхъ Полоцкихъ). О Всеславѣ недавно появилась спеціальная работа Д. С. Леонардова: „Полоцкій князь Всеславъ и его время"— въ „Полоцко-Витебской Старинѣ", изд. Витебской ученой архивной комиссіи, вып. II (Витебскъ, 1912). Любопытныя выкладки относительно точной даты знаменитаго затменія, описаннаго въ „Словѣ", приводитъ Н. Степановъ въ статьѣ: „Таблицы для рѣшенія лѣто-

писныхъ задачъ на время" („Извѣстія II-го отдѣленія Академіи Наукъ" 1908, т. XIII, кн. 2, стр. 127—128).

Изъ литературныхъ матеріаловъ, опущенныхъ г. Гудзіемъ, укажемъ слѣдующее. Въ монографіи С. К. Булича: Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи (т. I, С.-Пб. 1904) имѣется пересмотръ мнѣній старыхъ русскихъ филологовъ о языкѣ „Слова". „Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ Плачу Ярославны" Н. П. Дашкевича напечатанъ въ сборникѣ въ честь Ягича (Берлинъ, 1908, стр. 415—422). Въ связи съ вопросомъ о скандинавскомъ вліяніи на „Слово", поставленнымъ проф. Абихтомъ, можетъ быть слѣдовало бы вспомнить, что обильныя справки о Гаральдѣ Смѣломъ даны еще въ 1887 году, въ классическомъ изданіи сочиненій Батюшкова подъ редакціей Л. Н. Майкова (т. I, стр. 403—406). Въ „Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза-Ефрона (т. VII, 1912) находимъ хорошую сводную статью о Боянѣ проф. А. С. Архангельскаго. Акад. Ѳ. Е. Коршъ, въ своей статьѣ „Владимировы боги" („Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества", т. XVII: „Пошана"—въ честь проф. Н. Ф. Сумцова, Харьковъ, 1909) близко подходитъ къ миѳологіи „Слова". Сопоставленія „Слова" съ „Повѣданіемъ Софоніи" находимъ въ монографіи С. К. Шамбинаго: „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ" („Сборникъ II-го отдѣленія Академіи Наукъ", т. 81, гл. III); ср. его же сопоставленія „Слова" съ историческими пѣснями въ коллективной „Исторіи русской литературы" подъ редакціей Е. В. Аничкова и А. К. Бороздина (Москва, изданіе И. Д. Сытина). Что же касается вліянія „Слова" на позднѣйшую художественную литературу, то новые обзоры фактовъ имѣются у И. И. Замотина, „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской летературѣ", т. I, изд. 2 (С.-Пб. 1911) и у Н. Н. Трубицына, „О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка" (С.-Пб. 1912); сужденія В. Г. Бѣлинскаго о „Словѣ" въ наибольшей точности и полнотѣ воспроизводятся въ критическомъ изданіи его сочиненій подъ редакціей С. А. Венгерова (десятый томъ только что появился); любопытное сближеніе хора берендѣевъ изъ „Снѣгурочки" Островскаго съ „Словомъ" дѣлаетъ Н. П. Кашинъ въ „Этюдахъ объ А. Н. Островскомъ", т. I (Москва, 1912). Замѣтка Пушкина о „Словѣ" на поляхъ изданія А. Ѳ. Вельтмана 1833 года воспроизведены у Б. Л. Модзалевскаго: Библіотека А. С. Пушкина. Библіографическое описаніе. С.-Пб. 1910 (см. здѣсь № 70, стр. 20—21; въ „дополненіяхъ", стр. 371, приведена и библіографія къ вопросу объ инте-

ресахъ Пушкина къ „Слову“). Изъ переводовъ памятника на иностранные языки отмѣтимъ полный англійскій—въ сборникѣ проф. Гарвардскаго университета Leo Winer: „Anthology of russian literature from the earliest period to the present time“ (New-York, 1903). Слѣдовало бы поискать и другихъ переводовъ.

Въ заключеніе перечислимъ новинки, которыя еще не могли быть извѣстны г. Гудзію, такъ какъ появились позже его работы. Въ текущемъ году вышло новое изданіе славнаго труда А. А. Потебни: „Слово о полку Игоревѣ“. Текстъ и примѣчанія; 2-ое изданіе (Харьковъ, 1914). Нельзя не поблагодарить издательницу за то, что въ новомъ изданіи она добавила найденную въ бумагахъ покойнаго ученаго статью подъ заглавіемъ: „Замѣтки къ Слову о Полку Игоревѣ“; это—замѣтка о „Задонщинѣ“ въ аналогіяхъ съ „Словомъ“. Здѣсь же перепечатано другое изслѣдованіе Потебни: „Объясненіе малорусской пѣсни XVI вѣка“, имѣющее тѣсную связь съ „Словомъ“. Такимъ образомъ, мы получаемъ теперь трудъ знаменитаго филолога о „Словѣ“ въ наибольшей полнотѣ.

Къ исторіи научной разработки „Слова“ нужно отмѣтить недавно вышедшую книгу А. Г. Руднева: Академикъ Н. С. Тихонравовъ и его труды по изученію памятниковъ древне-русской литературы (Варшава, 1914). Здѣсь немало страницъ посвящено разсказу о работахъ по изученію „Слова“ Тихонравова и его ученыхъ современниковъ (стр. 188—203).

Въ другой спеціальной монографіи говорится о религіозномъ элементѣ въ „Словѣ“. Именно, въ книгѣ Е. В. Аничкова: „Язычество и древняя Русь“ (Петроградъ, 1914) находимъ особую главу: „Боги въ «Словѣ о полку Игоревѣ» и новый взглядъ древнихъ книжниковъ на язычество“. Наблюденія и толкованія автора очень оригинальны, и съ ними придется считаться дальнѣйшимъ изслѣдователямъ.

Послѣдней упомянемъ еще одну работу, увы, посмертную. Въ только что вышедшей книжкѣ „Извѣстій II-го Отдѣленія Академіи Наукъ“ (1914, т. XIX, кн. 1, стр. 110—118) напечатана статья покойнаго В. Ѳ. Миллера: „Хинова“ Слова о Полку Игоревѣ. Въ послѣдній годъ своей жизни славный ученый вернулся, такимъ образомъ, къ изысканіямъ по „Слову“, которыя началъ столь блестяще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Въ названной статьѣ В. Ѳ. Миллеръ доказываетъ, что „*Хинова* есть старинное русское имя финновъ въ формѣ собирательной, какъ мордва, меря, весь, литва и другіе“;

тезисъ обставленъ обильными аргументами филологическими, этнографическими и иными.

Заканчивая свой обзоръ, г. Гудзій подводитъ итоги научнымъ изученіямъ „Слова“ въ такой формулѣ: „время широкаго и всесторонняго изученія „Слова“ минуло, и вниманіе изслѣдователей направилось къ уясненію частныхъ вопросовъ“; самъ онъ считаетъ „такой путь едва ли менѣе плодотворнымъ, чѣмъ путь широкихъ обобщеній, часто увлекательныхъ, но далеко не всегда прочныхъ“. Несомнѣнно, нужны новыя детальныя обслѣдованія. Но и прежнихъ накопилось такъ много, и они разъяснили столько темныхъ вопросовъ, что потребность въ ихъ сводкѣ и обобщеніи все болѣе обостряется; это становится новой очередной задачей.

Н. Пиксановъ.

Стефанъ С. Бобчевъ. История на старобългарското право (лекции и изслѣдования). София. 1910. X + 560.

Одновременно съ превращеніемъ высшаго училища въ Болгаріи въ университетъ въ самомъ началѣ XX в. была учреждена каѳедра исторіи болгарскаго права въ связи съ исторіей славянскаго права. Преподаваніе началось въ лѣтнемъ семестрѣ 190$^1/_2$ г. Ст. Бобчевымъ, выдающимся историкомъ-юристомъ и общественнымъ дѣятелемъ. Ст. Бобчевъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе своею литературною дѣятельностію еще съ 70-хъ годовъ, въ концѣ прошлаго вѣка все болѣе и болѣе сосредоточивался на изученіи болгарскаго юридическаго быта. Въ 1897 г. вышелъ 1-й отдѣлъ I-й части его собранія болгарскихъ юридическихъ обычаевъ, заключающій въ себѣ семейное право, а въ 1902 г. 2-й отдѣлъ, гдѣ изложены обычаи, относящіеся къ вещному, наслѣдственному и обязательному правамъ [1]). Какъ пособіе для студентовъ г. Бобчевъ напечаталъ въ 1903 г. староболгарскіе юридическіе памятники [2]). Кромѣ того, онъ помѣстилъ множество весьма важныхъ статей по различнымъ вопросамъ староболгарскаго права, какъ отдѣльно, такъ и въ руководимыхъ имъ „Юридически Прѣгледъ“ и „Българска Сбирка“. Вышедшая исторія

[1]) Сборникъ на българскитѣ юридически обичаи. Часть I, т. 1. Семейно право. Пловдивъ, 1897, ч. II, т. 2. Отд. II, III и IV. Вещи. — Наслѣдство. — Обязателства. София, 1902. Теперь печатается 2-я часть, заключающая въ себѣ государственное право (ч. II. Държавно право. София).

[2]) Старобългарски правни паметници (помагало при изучване историята на старобългарското право). Часть I. София. 1903.

староболгарскаго права представляетъ курсъ лекцій, читанный проф. Бобчевымъ въ Софійскомъ университетѣ, и потому необходимо должна была имѣть въ виду кромѣ научныхъ и чисто педагогическія цѣли.

Исторія староболгарскаго права пополняетъ одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ исторіи славянскаго права. Болгарія, хотя и основанная тюркскою ордою, довольно скоро ославянилась и была однимъ изъ болѣе раннихъ славянскихъ большихъ государствъ; о ней сохранились изъ IX и X вѣковъ свѣдѣнія гораздо болѣе полныя, чѣмъ о другихъ ей современныхъ славянскихъ государствахъ; уже при Симеонѣ въ ней проявилась чрезвычайная литературная дѣятельность; трудами просвѣщенія, въ ней совершенными, пользовалось долго не только южное, но и все православное славянство; наконецъ здѣсь впервые можно было наблюдать вліяніе Византіи на славянскій православный міръ. Еще въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка было издано классическое сочиненіе о Болгаріи знаменитымъ ученымъ Конст. Иречкомъ, но онъ, прекрасно освѣтивъ политическій и общественный бытъ, почти совсѣмъ не коснулся частнаго права. Необходимо, однако, замѣтить, что исторія Болгаріи вообще и исторія староболгарскаго права въ особенности представляетъ почти непреодолимыя трудности; законодательныхъ памятниковъ не сохранилось; число подлинныхъ грамотъ не достигаетъ и десяти; лѣтописей, заслуживающихъ это названіе, не имѣется, а свѣдѣнія большею частію сообщаются византійцами, заклятыми врагами сильной и независимой Болгаріи.

Упомянутый трудъ почтеннаго профессора распадается на введеніе (стр. 1—57), общую часть, останавливающуюся на источникахъ (58—204), и на четыре дальнѣйшія части, излагающія послѣдовательно право государственное (І-я ч., 205—364), судебное (ІІ-я ч., 365—410), уголовное (ІІІ-я ч., 411—481) и гражданское ((IV-я ч., 482—560).

Введеніе посвящено опредѣленію предмета исторіи болгарскаго права, ея значенію и задачамъ, методу, пріемамъ разработки права вообще (догматическое, философское и историческое изученіе), установленію понятія исторіи права какъ науки, вспомогательнымъ наукамъ исторіи болгарскаго права, взгляду на исторію болгарскаго права какъ на предметъ университетскаго преподаванія, наконецъ дѣленію исторіи болгарскаго права на періоды. Такое введеніе должно быть признано вполнѣ умѣстнымъ. Самъ предметъ только что вводится въ кругъ университетскаго преподаванія; взгляды на исторію права не вполнѣ еще установились, такъ какъ германская историческая школа видитъ въ исторіи права саморазвитіе народнаго духа, а срав-

нительная исторія права — естественный закономѣрный процессъ, не постоянно оживляемый сознаніемъ своего единства (національнымъ духомъ); наконецъ такое введеніе значительно расширяетъ кругозоръ слушателей, ознакамливая ихъ съ самыми глубокими вопросами обществовѣдѣнія.

Исторія болгарскаго права опредѣляется нашимъ авторомъ „какъ наука, излагающая происхожденіе и постепенное развитіе какъ общественно-государственныхъ учрежденій, такъ и юридическихъ началъ въ жизни болгарскаго народа съ момента его появленія до сегодняшняго дня“ (стр. 6). Самъ историческій процессъ разсматривается какъ подлежащій естественнымъ законамъ, что соотвѣтствуетъ общепризнаннымъ почти теперь взглядамъ. Поэтому и въ опредѣленіи задачъ болѣе подчеркивается теоретическая цѣль („установленіе ступеней постепеннаго развитія правоваго сознанія у болгарскаго народа“), чѣмъ практическая (польза для предлагаемыхъ реформъ, для судебной практики). Вообще во введеніи сообщается масса цѣнныхъ для слушателей теоретическихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ общепризнанныхъ научныхъ сочиненій.

Въ существенномъ вопросѣ о періодизаціи болгарскаго права г. Бобчевъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній вообще о дѣленіи исторіи на періоды и въ частности о прежде высказанныхъ мнѣніяхъ относительно этого вопроса примѣнительно къ староболгарскому праву, предлагаетъ установить три періода исторіи староболгарскаго права. „I. Ранній періодъ—до образованія болгарской державы. II. Второй періодъ—отъ образованія первой болгарской державы до ея подчиненія подъ власть Византіи. Онъ обнимаетъ двѣ эпохи: языческую и христіанскую. За этимъ періодомъ слѣдуетъ время византійскаго владычества. III. Третій періодъ — вторая болгарская держава или второе болгарское царство. За этимъ періодомъ наступаетъ время турецкаго владычества. При нашемъ изученіи намъ предстоитъ заняться только этими тремя періодами въ исторіи болгарскаго права, такъ какъ современный періодъ составляетъ предметъ особой части, исторіи новѣйшаго болгарскаго права. Изъ временъ византійскаго и турецкаго владычества мы не дѣлаемъ отдѣльныхъ періодовъ потому, что народное правообразованіе тогда было стѣснено чужою властію и государственное право не дѣйствовало“ (53, 54).

Первый періодъ характеризуется проф. Бобчевымъ полною разрозненностію славянскихъ племенъ, всемогуществомъ устныхъ юридическихъ обычаевъ, существованіемъ большихъ и малыхъ семей,

соединяющихся въ области, центромъ которыхъ было укрѣпленное мѣстожительство старѣйшины, рѣшеніемъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ народнымъ собраніемъ домовладыкъ, наконецъ широкимъ распространеніемъ кровной мести.

Первая, языческая эпоха второго періода вноситъ въ этотъ бытъ сильную объединяющую власть главы тюркской военной дружины и ея желѣзную дисциплину. Центральная власть, могущественная, хотя и ограниченная, направляетъ государственную жизнь, не устраняя широко развитаго самоуправленія. Крумъ издаетъ первые, отрывочные законы. Въ обществѣ появляются слои, а именно бояре, свободные и зависимые крестьяне. Вторая, христіанская эпоха выдѣляется появленіемъ чрезвычайно сильнаго византійско-христіанскаго вліянія во всѣхъ сферахъ государства, общества и права. Правитель Болгаріи принимаетъ титулъ царя; центральное и мѣстное управленіе устраиваются по образцу Византіи; возникаетъ самостоятельная церковная организація; появляется духовенство; вводятся церковное право и церковные суды, оказывающіе громадное вліяніе на отправленіе свѣтскаго правосудія; составляется законъ судный людямъ, какъ спеціально юридическій сборникъ; наконецъ семейный бытъ перестраивается на началахъ христіанскихъ. Византійское владычество сначала оставляетъ нетронутымъ общинно-семейное самоуправленіе, но затѣмъ обременяетъ народъ чрезвычайными налогами и повинностями, что и вызываетъ возстаніе.

Третій періодъ выдѣляется наибольшимъ территоріальнымъ объемомъ государства. Византійская образованность попрежнему оказываетъ подавляющее вліяніе на всю государственно-общественную жизнь. Тѣмъ не менѣе болгарская государственная власть не становится самодержавной; народные соборы въ формѣ народно-церковныхъ созываются для рѣшенія верховныхъ народно-государственныхъ вопросовъ. Самоуправленіе областей и селъ сохраняется почти повсемѣстно. Сословія выдѣляются болѣе ясно; закрѣпощеніе крестьянъ все болѣе распространяется. Землевладѣльческія отношенія во многихъ мѣстахъ облекаются въ формы, напоминающія феодализмъ. Семейный бытъ улучшается. Городская жизнь развивается, а чужеземцы, подъ покровомъ международныхъ договоровъ, находятъ гостепріимный пріемъ. Тѣмъ не менѣе въ началѣ XIV в. появляются и развиваются условія, приводящія къ упадку государства. Турецкое владычество открываетъ новую эпоху, въ которой, несмотря на прекращеніе болгарскаго государственнаго права, не угасаетъ народное юридическое

творчество въ сферѣ семейныхъ, общинныхъ и церковныхъ отношеній, въ которыя турецкая государственная власть не вмѣшивается (50—57).

Изложенная періодизація, основанная исключительно на данныхъ болгарскаго быта, меня не вполнѣ удовлетворила. Прежде всего въ ней не выдвинута съ надлежащею ясностію научная основа дѣленія на періоды. Повидимому, передъ авторомъ витала вѣрная мысль о различныхъ вліяніяхъ на юго-славянъ, но она не высказана и не проведена съ достодолжною послѣдовательностію. Древнее славянство находилось на ступени развитія грековъ временъ Гомера, римлянъ временъ царей, кельтовъ временъ Цезаря, германцевъ временъ Тацита, но славянству не было дано возможности самостоятельно развиться; оно было насильственно втянуто въ круговоротъ европейской образованности, которая естественно могла претворить только высшіе слои славянскаго общества, отчего и произошелъ глубокій разрывъ между народомъ, мало удалившимся отъ первыхъ историческихъ временъ, и интеллигенціей. Куда бы мы ни кинули нашъ взглядъ на славянскій міръ, вездѣ за незначительными уклоненіями мы видимъ одно и то же явленіе: народныя массы, преимущественно занятыя земледѣліемъ, не могутъ добиться надлежащей экономической обезпеченности, ибо земледѣліе становится продуктивнымъ только послѣ научныхъ открытій второй половины XIX ст.; онѣ влачатъ довольно жалкое существованіе. Движеніе происходитъ почти исключительно въ высшихъ слояхъ, которые вслѣдствіе своей сравнительной малочисленности и оторванности отъ простонародья легко подчиняются иноземнымъ вліяніямъ. Такимъ образомъ можетъ быть признано исторической необходимостію, что иноземныя вліянія были основною причиною переворотовъ въ сознаніи о государствѣ, обществѣ и правѣ руководящихъ славянскихъ слоевъ. Примѣняя это положеніе къ Болгаріи, мы можемъ принять четыре періода: 1) древнѣйшій славянскій періодъ отъ переселенія славянъ на балканскій полуостровъ до появленія тюркской орды Аспаруха въ 678 г.; 2) отъ основанія болгарскаго государства до крещенія болгаръ въ 864 г. (преобладаніе тюркскаго вліянія); 3) отъ крещенія до паденія Болгаріи въ 1019 г. (преобладаніе византійскаго вліянія); 4) второе болгарское царство (1186—1399 г.), въ которомъ къ сильному византійскому вліянію присоединяется западно-европейское въ формѣ съ одной стороны феодализма, а съ другой—почти венгерскаго самоволія вельможъ и воинственнаго низшаго дворянства. Однако, эта періодизація, хотя и

обоснованная теоретически и представляющая единство основной мысли во всѣхъ періодахъ, имѣетъ свою слабую сторону, ибо придаетъ черезчуръ большое значеніе тюркскому элементу, присутствіе котораго не чувствуется въ послѣдующей исторической жизни. Поэтому правильнѣе, думается мнѣ, начать исторію староболгарскаго права съ момента крещенія болгаръ и отнести весь предшествующій періодъ къ древнѣйшей исторіи права славянъ. Тогда дѣятельность Аспаруха и его преемниковъ представится въ родѣ норманскихъ дружинъ съ ихъ викингами въ Россіи. Научнымъ основаніемъ для такой исходной точки староболгарскаго права было бы то, что болгарское государство въ теченіе всей своей исторіи представляется намъ государствомъ славянскимъ съ чрезвычайнымъ преобладаніемъ христіанско-византійской образованности, а славянскій элементъ могъ одержать верхъ только послѣ принятія христіанства. Различіе культа, конечно, было главнымъ препятствіемъ къ слитію въ одно цѣлое чистыхъ болгаръ со славянами. При такой постановкѣ вопроса періодизація староболгарскаго права соотвѣтствовала бы періодизаціямъ другихъ славянскихъ государствъ и болѣе оттѣнила бы единство въ развитіи болгарскаго народа. Тогда получились бы два періода, тѣсно связанныхъ между собою, съ 864 г. по 1186 г. и съ 1186 по 1399 г. Первый періодъ характеризовался бы борьбою началъ языческихъ, старославянскихъ и тюркскихъ, съ началами византійскими, борьбою, съ особенною яркостію проявившеюся въ богомильствѣ, которое не только представило собою полнѣйшее отрицаніе всего византійскаго государственнаго и общественнаго строя, даже цѣлой византійской образованности, но и дало величавую систему переустройства всего жизненнаго строя человѣческихъ обществъ вообще. Слѣдствіемъ непримиримыхъ противорѣчій въ средѣ болгарскаго народонаселенія было паденіе государства и еще большее усиленіе византійскаго вліянія во время византійскаго владычества, протестомъ чему и явилось возстаніе. Самая возможность появленія и болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго существованія второго болгарскаго царства уже указываетъ на утвержденіе средневѣковаго міросозерцанія въ руководящихъ слояхъ, а византійское вліяніе, могущественное среди духовенства, юристовъ и въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ, находитъ себѣ противодѣйствіе среди вельможъ, мечтавшихъ о западноевропейскомъ феодализмѣ, и среди мелкаго воинственнаго дворянства, помышлявшаго о привольной жизни дворянъ въ Угріи. Этотъ глубокій разладъ въ болгарскихъ слояхъ въ связи съ большею пестротою этнографичес-

скаго состава населенія и былъ главнѣйшею причиною паденія второго болгарскаго царства.

Общая часть, объ источникахъ, состоитъ изъ слѣдующихъ восьми отдѣловъ: 1) обычай и сборники юридическихъ обычаевъ; 2) законы и сборники законовъ (законы Крума, Responsa papae Nicolai); 3) староболгарская кормчая; 4) законъ судный людямъ; 5) разные юридическіе сборники (синтагма Матвѣя Властаря, законъ царя Юстиніана, законникъ царя Стефана Душана, арменопулъ, земледѣльческій законъ); 6) хрисовулы; 7) договоры; 8) лѣтописи, житія, письма, записи, надписи.

Въ отдѣлѣ объ обычаѣ (58—92) авторъ прежде всего даетъ полный обзоръ литературы объ обычномъ болгарскомъ правѣ, затѣмъ излагаетъ теорію объ обычномъ правѣ вообще, далѣе останавливается на понятіи закона, наконецъ устанавливаетъ моментъ появленія понятія закона въ современномъ смыслѣ. Обзоръ работъ по болгарскому обычному праву очень важенъ для всякаго, изучающаго славянъ, а ознакомленіе слушателей съ исторіей взглядовъ на обычное право очень полезно въ университетскомъ курсѣ. Весьма интересна и правдоподобна мысль г. Бобчева о моментѣ возникновенія понятія о законѣ. Онъ относитъ его къ появленію христіанства, когда нормы церковнаго и византійскаго правъ сдѣлались обязательными, несмотря на ихъ полное несогласіе съ тогдашними юридическими обычаями. Это предположеніе заслуживаетъ особаго вниманія. Дѣйствительно, съ христіанствомъ появились правила, предписанныя, какъ тогда думали, самимъ Богомъ, а потому безусловно обязательныя. Тѣсная связь права съ религіей въ первыя времена человѣчества общеизвѣстна; поэтому перемѣна религіи неизбѣжно влекла за собою перемѣну юридическихъ началъ, что въ Болгаріи документально засвидѣтельствовано обращеніемъ къ папѣ Николаю о присылкѣ новыхъ законовъ. Появилось, слѣдовательно, новое понятіе объ обязательныхъ началахъ, идущихъ въ разрѣзъ съ обычаями, что и привело къ установленію новаго словоупотребленія.

Отдѣлы второй (93—120) и третій (120—141) изложены прекрасно, а Крумово законодательство выяснено авторомъ самостоятельно; очень удаченъ также пріемъ передавать выводы отдѣльно въ общихъ положеніяхъ (114, 115, 132).

Результатъ изслѣдованій автора о законѣ судномъ (144—166) не во всемъ меня убѣдилъ. При отсутствіи какихъ либо положительныхъ данныхъ о времени появленія памятника, конечно, возможно,

что онъ возникъ еще при Борисѣ, какъ отвѣтъ на неудачную попытку получить законы изъ Рима; но мнѣніе автора, что и древнѣйшая, краткая редакція суднаго закона есть частная работа, кажется мнѣ неправдоподобнымъ. При ссылкѣ на варварскія правды нашъ авторъ забываетъ, что правды описывали уже сложившіеся обычаи, имѣвшіе сами по себѣ и безъ письменной формы обязательную силу, а законъ судный опирался на византійскихъ началахъ, чуждыхъ народному самосознанію; даже если смотрѣть на эклогу, изъ которой позаимствованъ законъ судный, подобно нашему автору, какъ на нѣкое собраніе болгарскихъ юридическихъ обычаевъ (стр. 159), то и тогда возникаетъ громадное различіе между міровоззрѣніемъ славянъ-христіанъ и славянъ, только что принявшихъ христіанство. Кромѣ того, замѣчаемыя въ древнѣйшей редакціи уклоненія отъ византійскаго права должны были быть кѣмъ либо утверждены; авторитетъ монарха былъ здѣсь недостаточенъ. Впрочемъ этотъ вопросъ, вѣроятно, всегда останется неразрѣшеннымъ вслѣдствіе отсутствія положительныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ мы должны быть благодарны почтенному профессору за самостоятельное и очень обстоятельное изученіе закона суднаго людямъ во всѣхъ его редакціяхъ и съ подробнымъ указаніемъ источниковъ и его содержанія [1]).

Отдѣлы пятый (166—176), шестой (176—191), седьмой (191—195) и восьмой (195—204) заключаютъ въ себѣ новѣйшія данныя объ обсуждаемыхъ предметахъ. Въ пятомъ отдѣлѣ среди разныхъ юридическихъ сборниковъ, предположительно дѣйствовавшихъ въ Болгаріи, возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе только Законникъ Стефана Душана, несомнѣнно къ ней не относящійся. Особенно важенъ отдѣлъ шестой о хрисовулахъ, гдѣ авторъ сообщаетъ палеографическія свѣдѣнія, опредѣляетъ значеніе хрисовуловъ и даже стремится исчерпать ихъ содержаніе. Также подробно перечислены въ отдѣлѣ седьмомъ международные договоры, какъ сохранившіеся, такъ и такіе, о которыхъ имѣются одни извѣстія. Въ восьмомъ отдѣлѣ возбуждаютъ большой интересъ юридическіе памятники изъ временъ турецкаго владычества (201—203) по слѣдующимъ причинамъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ древнѣйшаго славянскаго права является вопросъ о самоуправленіи. Особенно среди польскихъ ученыхъ утвердилось мнѣніе, что самоуправленіе стало извѣстно западнымъ славянамъ только со временъ нѣмецкой колонизаціи. Такъ какъ памятниковъ о

---

[1]) Общіе выводы помѣщены на стр. 162.

древнѣйшемъ славянскомъ бытѣ имѣется чрезвычайно мало, то каждый новый фактъ, могущій пролить свѣтъ на глубокую славянскую древность, очень цѣненъ. Существованіе широкаго общиннаго самоуправленія въ Болгаріи при туркахъ можетъ служить указаніемъ на древнеславянскія самоуправляющіяся общины, ибо Византія никоимъ образомъ не могла дать образецъ самоуправленія, такъ какъ оно тамъ заглохло еще въ X в., а турки не занимались внутренней организаціей управленія у покоренныхъ народовъ. Слѣдовательно, самоуправленіе въ теченіе турецкаго владычества можетъ быть только объяснено переживаніемъ древнѣйшихъ порядковъ, противъ которыхъ шла вся византійская образованность. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы болгарскіе ученые установили объемъ и значеніе болгарскаго церковнаго и общиннаго самоуправленія подъ турецкимъ игомъ.

Изложивъ содержаніе общей части, перехожу къ критическимъ замѣчаніямъ. Прежде всего я нахожу извѣстный недостатокъ не только въ части объ источникахъ, но и въ цѣломъ сочиненіи въ томъ, что авторъ не придерживался принятой имъ самимъ періодизаціи. По моему мнѣнію, первое болгарское царство рѣзко отличается отъ второго и не можетъ быть съ нимъ соединяемо. По своему типу оно близко подходитъ къ великоморавской державѣ, къ Россіи первыхъ Рюриковичей, къ Польшѣ Болеслава Храбраго, къ Чехіи Бретислава. Эти первыя попытки создать большое славянское государство были слѣдствіемъ дѣятельности великихъ умовъ и исчезали или видоизмѣнялись съ паденіемъ завѣщанныхъ ими преданій. Здѣсь еще не существовало ни государственной территоріи, ни народонаселенія, хотя кое-какъ связаннаго сознаніемъ государственнаго единства. Святославъ русскій считаетъ возможнымъ сдѣлать болгарскій Прѣславъ столицей своего царства, Болеславъ Храбрый, кажется, думалъ нѣкоторое время обосноваться въ чешской Прагѣ; Бретиславъ чешскій, можетъ быть, помышлялъ о соединеніи Чехіи съ Польшей. Среди населенія мы видимъ отдѣльныя племена съ самыми разными отношеніями къ нимъ центральной власти; были племена вполнѣ подчиненныя, но большинство находилось какъ бы въ вассальной зависимости, хотя о феодализмѣ, какъ извѣстной системѣ, славяне не имѣли тогда ни малѣйшаго представленія. Сношенія Симеона съ сербскими племенными князьями, стремленіе его завоевать Хорватію ясно свидѣтельствуютъ, что и онъ, какъ и Самуилъ, не пытался основать болгарское царство, а вообще большой политическій союзъ безъ особой національной окраски, ко-

торой въ то время и быть не могло. Совершенно иной характеръ имѣетъ второе болгарское царство. Это государство уже было болгарскимъ, несмотря на чрезвычайную этнографическую пестроту населенія. Въ теченіе долголѣтнихъ сношеній съ византійцами установились формы государственнаго и общественнаго быта; государство опиралось на извѣстныхъ преданіяхъ, надъ образованіемъ которыхъ только еще работалъ Симеонъ. При томъ и времена перемѣнились; при Симеонѣ въ теоріи тогдашняго государственнаго права существовало только представленіе о великой монархіи, долженствующей охватить всѣ христіанскіе народы; ко времени Асѣней уже сложился цѣлый рядъ королевствъ, фактически независимыхъ отъ императора и болѣе или менѣе національныхъ. При Симеонѣ и Петрѣ управленіе въ значительной степени опредѣлялось случайными явленіями; во второмъ болгарскомъ царствѣ уже выработались извѣстныя формы, хотя и по иностраннымъ образцамъ. На основаніи этихъ соображеній только отдѣлы объ обычаяхъ, законахъ и законѣ судномъ людямъ можно цѣликомъ отнести къ первому болгарскому царству, а изъ другихъ помѣстить туда же двѣ древнѣйшія формы кормчей, земледѣльческій законъ, договоры перваго царства, наконецъ дать общее понятіе о хрисовулахъ, такъ какъ существуетъ указаніе на хрисовулъ царя Петра. Все остальное, напр. кормчую деспота Святослава, слѣдовало бы поставить во второе болгарское царство.

Дальнѣйшимъ недостаткомъ общей части представляется мнѣ отсутствіе надлежащей группировки матеріала. Общепризнаннымъ является отдѣленіе источниковъ права туземнаго отъ иноземнаго, что авторомъ упущено. Обычная группировка должна была бы быть слѣдующая:

Первое болгарское царство.

I. Источники туземнаго права.

Обычаи: 1) теорія обычнаго права; 2) болгарское обычное право: a) названіе; b) responsa papae Nicolai, ибо они особенно важны какъ заключающіе въ себѣ свѣдѣнія о древнѣйшихъ болгарскихъ и славянскихъ обычаяхъ; c) современное болгарское обычное право, поскольку оно можетъ дать указанія на древнѣйшій болгарскій общественный быть.

Законъ: 1) теоретическія данныя; 2) болгарское законодательство: a) названіе (первое появленіе понятія о законѣ въ нашемъ смыслѣ);

формы закона (хрисовулы); b) законы Крума; c) законъ судный людямъ; d) договоры.

II. Источники права иноземнаго.

Церковное право: греческіе номоканоны и первоначальная Кормчая.

Византійское право: земледѣльческій законъ, эклога, вообще тѣ переводы изъ прохирона и другихъ византійскихъ законовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложились цѣлые сборники въ родѣ закона Юстиніана, книгъ законныхъ, мѣрила праведнаго.

Группировка матеріала во второмъ болгарскомъ царствѣ отличалась бы только внесеніемъ новыхъ данныхъ на мѣсто прежнихъ и устраненіемъ теоретическихъ свѣдѣній объ обычаѣ и законѣ, какъ уже извѣстныхъ слушателямъ. Къ этому я считалъ бы необходимымъ присоединить вопросъ о значеніи византійскаго права вообще у югославянъ. Отсутствіе его составляетъ существенный пробѣлъ въ книгѣ и приводитъ автора къ противорѣчивымъ его разрѣшеніямъ, такъ какъ обойти его невозможно. На стр. 135 г. Бобчевъ говоритъ: „Народный судъ, который обладалъ широкою подсудностію, и въ гражданскихъ, и въ уголовныхъ дѣлахъ, не прибѣгалъ къ кормчей. Она была ему совсѣмъ неизвѣстна. Народный судъ прибѣгалъ за разрѣшеніемъ споровъ и препирательствъ къ кодексу обычаевъ, живыми носителями и хранителями котораго были мѣстные старцы". Такъ какъ сборники церковнаго права были почти исключительными проводниками византійскихъ законовъ, то можно было бы предположить, что нашъ авторъ совершенно отрицаетъ вліяніе византійскаго законодательства въ свѣтскихъ судахъ; тѣмъ не менѣе на стр. 168, 171, 175 и др. онъ напротивъ склоняется къ общераспространенному мнѣнію объ обязательной силѣ византійскаго права въ Болгаріи и Сербіи. Очевидно, такихъ противорѣчій не было бы, если бы почтенный авторъ отдѣльно выяснилъ намъ свой взглядъ на этотъ спорный вопросъ. Несмотря на новыя, прекрасныя работы въ этомъ отношеніи, я попрежнему [1]) думаю, что значеніе византійскаго права на славянскомъ югѣ въ ученой литературѣ преувеличено, что оно дѣйствовало по стольку, по скольку оно придавало письменную форму и безъ того признаваемымъ славянскимъ обычаямъ, по скольку за нимъ стояла сила духовенства, наконецъ въ сферѣ уголовнаго права,

---

[1]) См. стр. 52—54 моей рецензіи на сочиненіе проф. Т. Флоринскаго Памятники законодательной дѣятельности Душана. Кіевъ. 1888.

ибо дальнѣйшею судьбою лихого человѣка славяне не интересовались. Что же касается многочисленныхъ переводовъ византійскихъ законовъ, чрезвычайно безграмотныхъ и потому темныхъ, то ими свѣтскіе судьи пользовались какъ бы для своего вдохновенія. Въ средніе вѣка судьи должны были прежде всего найти юридическое правило, разрѣшающее споръ (Urtheil finden, nalezti pravo), и для этого они прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ источникамъ, не обращая вниманія на время и мѣсто ихъ происхожденія. Разъ примѣненное юридическое правило, хотя и старое и иноземное, уже получало бо́льшее значеніе, а если его считали современники справедливымъ, тогда оно уже входило въ объемъ народнаго обычнаго права. Такое значеніе, думаю я, могли имѣть переводы византійскаго законодательства. Представлять себѣ вліяніе византійскаго права на югославянъ по аналогіи съ вліяніемъ римскаго права въ западной Европѣ кажется мнѣ глубокимъ недоразумѣніемъ. Въ западной Европѣ римское право было проведено въ жизнь знаменитыми университетами, съ которыми никоимъ образомъ не могло сравниться училище правовѣдѣнія, основанное въ 1045 г. [1]). При томъ само византійское право, повидимому, никакъ не могло примирить въ себѣ противорѣчія между римскимъ правомъ Юстиніана, ожившимъ въ прохиронѣ и базиликахъ, и законодательствомъ Исаврійской династіи.

Далѣе, отмѣтимъ недосмотръ, заключающійся въ томъ, что нашъ авторъ помѣстилъ среди источниковъ права лѣтописи, житія и т. д. Очевидно, здѣсь слѣдуетъ понимать не источники права, а источники свѣдѣній о правѣ, обществѣ и государствѣ.

Наконецъ желательно было бы съ бо́льшею силою выдвинуть религіозный элементъ въ древнѣйшемъ правообразованіи славянъ, къ чему давался такой прекрасный поводъ посольствомъ Бориса къ папѣ Николаю. По моему глубокому убѣжденію, весь древнѣйшій общественный бытъ славянъ былъ пропитанъ религіозными вѣрованіями; князья и домакины уважались преимущественно, какъ обладающіе религіознымъ авторитетомъ, откуда и вытекала ихъ власть рѣшать возникающіе споры (преданіе о Любушѣ у Космы Пражскаго); уголовное право цѣликомъ почивало на религіозныхъ началахъ; послѣднія имѣли чрезвычайное значеніе въ судопроизводствѣ и въ гражданскомъ правѣ (нѣкоторыя формы брака, религіозное значеніе межей, утвержденіе договоровъ). Эти мои замѣчанія, очевидно, переходятъ

---

[1]) Zachariä v. Lingenthal. Gesch. des gr.-röm. Rechts. 3-ье изд. Берлинъ. 1892, стр. 29, 30.

уже за предѣлы источниковъ права и относятся къ цѣлому изложенію соотвѣтственныхъ частей [1]).

Первая часть, заключаетъ въ себѣ исторію староболгарскаго государственнаго права. Она начинается историческимъ обзоромъ политической жизни Болгаріи (205—252) и затѣмъ содержитъ государственное устройство (253—343) и управленіе (344—364); въ изложеніи болгарскаго государственнаго права и въ цѣломъ сочиненіи не проведено дѣленія по періодамъ. Въ историческомъ очеркѣ авторъ останавливается на образованіи болгарской державы, ея развитіи и на второмъ болгарскомъ царствѣ; въ государственномъ устройствѣ — на территоріи, населеніи, гдѣ сначала говорится объ этнографическомъ составѣ и затѣмъ о юридическихъ различіяхъ, наконецъ на верховной власти; въ государственномъ управленіи ведется рѣчь объ органахъ управленія, центральныхъ, мѣстныхъ и сельскихъ, и о предметахъ управленія, а именно о полиціи, финансахъ и войскѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ (205—227) авторъ, упомянувъ о древнѣйшемъ населеніи балканскаго полуострова, переходитъ къ славянскимъ племенамъ, ихъ появленію и ихъ общественной организаціи и кончаетъ покореніемъ славянъ Аспарухомъ и описаніемъ общественныхъ и государственныхъ элементовъ, внесенныхъ тюркскою ордою. Въ древнѣйшемъ славянскомъ бытѣ почтенный профессоръ вѣрно отмѣчаетъ полную политическую независимость одного племени отъ другого и ихъ частыя взаимныя несогласія. Что же касается до развитія общественной славянской организаціи, то здѣсь съ авторомъ можно поспорить. Онъ говоритъ: „Задруга есть то ядро, изъ котораго развился родъ или братство, расширеніе которыхъ составляетъ племя" (217). Это положеніе кажется мнѣ очень сомнительнымъ. Ячейкою древнѣйшаго славянскаго быта я считаю племя, въ которомъ были заключены отдѣльныя задруги. Древнѣйшія извѣстія говорятъ повсюду о племенахъ, которыя состояли изъ отдѣльныхъ кровныхъ союзовъ, занимающихъ обыкновенно одно селеніе. Переселенія славянъ между II и VII вв. показываютъ намъ, что они еще жили въ полукочевомъ бытѣ. Кочевое племя какъ бы поглощало въ себя всѣ кровные союзы, но когда занята была извѣстная мѣстность и земледѣліе начало преобладать, тогда отдѣльныя семьи разселились, чтобы

[1]) Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ ограничивается слѣдующею замѣткою: „Эти нигдѣ не записанные, но съ религіозною точностію сохраняемые обычаи были незыблемымъ народнымъ кодексомъ, который знали передовые слои: жрецы, князья и бояре", стр. 153.

быть ближе къ своимъ полямъ. Такое развитіе совершенно подтверждается наблюденіями надъ дикарями. Обоготвореніе „тотема", предполагаемаго прародителя племени, связываетъ извѣстную, значительную группу людей воедино, но не устраняетъ отдѣльныхъ семей, даже болѣе обширныхъ группъ между ними. Эта ступень въ развитіи человѣчества стала извѣстна только подъ конецъ прошлаго вѣка. Такимъ образомъ, очень многочисленная группа людей, считающая себя кровно связанною единствомъ происхожденія отъ „тотема", котораго и боготворитъ, является исходною точкою человѣческихъ обществъ. Процессъ развитія оказался совершенно инымъ, чѣмъ онъ предполагался ранѣе; не отдѣльная пара производила родъ, родъ—племя и т. д., а наоборотъ отдѣльная безформенная группа самцевъ и самокъ выдѣлила изъ себя семьи, а изъ семей уже на глазахъ исторіи вылупились отдѣльныя правоспособныя личности. Указанные факты (217—220) этому нисколько не противорѣчатъ. Извѣстный параллелизмъ, замѣчаемый въ организаціи племени и задруги (аналогія между княземъ и домакиномъ и т. д.), прекрасно объясняется мыслію знаменитаго англійскаго историка-юриста Сэмнера Мэна, что древность была чрезвычайно бѣдна идеями. Дѣйствительно, даже современная семья у славянскаго простонародья управляется по началамъ задруги, несмотря на то, что положеніе отца должно было бы быть иное по отношенію къ его дѣтямъ, чѣмъ положеніе домакина къ задругарямъ. Очевидно, народная мысль еще до того слаба, что не смогла сдѣлать надлежащіе выводы изъ происшедшихъ перемѣнъ. Повидимому, образцомъ управленія задруги, какъ и семьи, былъ „кланъ" или „братство", превратившееся у славянъ въ племя, т. е. тотъ древнѣйшій человѣческій союзъ, въ которомъ всѣ считались кровно связанными своимъ происхожденіемъ отъ одного миѳическаго „тотема".

Далѣе, я признаю невѣрнымъ представленіе о древнѣйшемъ славянскомъ политическомъ строѣ, будто бы построенномъ на демократическомъ началѣ равенства и братства безъ княжеской власти. Это мнѣніе опирается на свидѣтельствахъ византійскихъ писателей о югославянахъ и поддерживается нѣкоторою идеализаціею древнихъ славянъ, восходящею еще ко временамъ Гердера. Между тѣмъ множество извѣстій о древнихъ князьяхъ указываетъ на существованіе княжеской власти [1]); даже тамъ, гдѣ князей не было уже въ IX вѣкѣ,

[1]) Эти извѣстія были собраны по отношенію къ балканскимъ славянамъ съ большимъ стараніемъ еще въ 70-ыхъ годахъ покойнымъ М. С. Дриновымъ „Заседе-

какъ напримѣръ, у лютичей, мы ихъ находимъ въ началѣ IX вѣка. Извѣстія византійскихъ писателей легко объяснимы незначительностію славянскихъ князей сравнительно съ могуществомъ императора; для византійцевъ, привыкшихъ къ величію своихъ монарховъ, конечно, славянскіе князья представлялись только старѣйшинами и правителями (архонтами). Однако, не столько многочисленныя упоминанія о славянскихъ князьяхъ убѣждаютъ меня въ ихъ существованіи, сколько наличность царей у грековъ и римлянъ, князей у кельтовъ и германцевъ, и важное общественное значеніе единоличной власти въ древнѣйшихъ человѣческихъ организаціяхъ. Князь являлся необходимымъ условіемъ порядка и дисциплины въ древнихъ обществахъ, нуждающихся въ единоличныхъ руководителяхъ при борьбѣ съ дикими животными и вражескими кланами. Что же касается высшихъ слоевъ, то самъ нашъ авторъ совершенно вѣрно опредѣляетъ ихъ значеніе, какъ хранителей народныхъ преданій, народной мудрости, накопленной вѣковымъ опытомъ (153).

Второй отдѣлъ (227—242) изображаетъ исторію болгарской державы съ момента ея основанія до ея паденія, а также судьбы Болгаріи подъ византійскимъ владычествомъ. Изложеніе сдѣлано, по обыкновенію, весьма добросовѣстно, по новѣйшимъ даннымъ. Можно только пожалѣть, что почтенный авторъ не остановился болѣе подробно на политическихъ и общественныхъ идеалахъ богомиловъ и на ихъ связи съ древнѣйшими славянскими представленіями о правѣ, обществѣ и государствѣ [1]), а также не подчеркнулъ значенія привилегій, данныхъ византійцами духовенству и дворянству, для выясненія умственнаго состоянія болгарскаго общества передъ паденіемъ. Очевидно, духовенство, вельможи и дворянство относились безучастно къ независимости страны, а потому Василій II и надѣлилъ ихъ широкими привилегіями; что же касается простонародья, то оно увле-

ніе Балканскаго полуострова славянами". М. 1873, стр. 148—174. Съ тѣхъ поръ накопилось множество новыхъ данныхъ о существованіи князей у славянъ и отсутствіи равенства въ населеніи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ.

[1]) Н. П. Благоевъ въ небольшой статьѣ, составляющей часть задуманнаго имъ сочиненія „Богомилы", сдѣлалъ прекрасную попытку выдѣлить въ политическомъ, общественномъ и экономическомъ ученіи богомиловъ остатки языческихъ славянскихъ представленій объ общественномъ строѣ, исходя изъ совершенно правильнаго взгляда, что ученіе богомиловъ было ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ примирить христіанскія начала со славянскими языческими убѣжденіями. Н. П. Благоевъ. Правни и социални възгледи на богомилитѣ изъ съчиненисто Богомили. София. 1912.

калось богомильствомъ и прямо съ ненавистію смотрѣло на весь государственный и общественный строй свободной Болгаріи.

Въ третьемъ отдѣлѣ (242—252) описывается второе болгарское царство. Здѣсь особенно привлекаетъ къ себѣ изображеніе причинъ паденія Болгаріи, сдѣланное такимъ выдающимся знатокомъ болгарскаго общественнаго быта, какъ Ст. Бобчевъ. Онъ приводитъ шесть глубокихъ причинъ, къ которымъ еще присоединяются четыре непосредственныя и наиболѣе близкія.

„1. Болгарской державѣ не удалось во все время ся существованія добыть себѣ прочную внутреннюю организацію, укрѣпленіе государственнаго организма, одно жизненное начало. Въ различныхъ эпохахъ политическаго и національнаго процвѣтанія болгаръ мы никогда не находимъ упроченія идей, сознанія болгарской державы у массъ, у племенъ, входящихъ въ составъ болгарской земли. Государственная постройка казалась скрѣпленною только личностію того или другого болгарскаго правителя. Былъ онъ уменъ, энергиченъ, счастливъ въ своихъ походахъ—государство усиливалось; и наоборотъ. Внѣ личныхъ качествъ правителя не замѣчается никакой силы, никакого начала, которое связывало бы, утверждало бы, укрѣпляло государство.

2. Рядомъ съ этимъ шла несплоченность, необъединенность въ одинъ національный организмъ самихъ славянскихъ племенъ, которыя вступили прежде всего въ политическое единеніе подъ именемъ болгарской державы...

3. Партикуляризмъ, т. е. стремленіе племенъ имѣть отдѣльныя области, облегчалъ попытки развить и въ Болгаріи нѣкое подобіе феодализма. Зерно его принесла еще дружина Аспаруха. Подобіе его появляется во время греческаго владычества и еще болѣе развивается во время крестовыхъ походовъ. Бояре въ областяхъ горѣли желаніемъ обособить на сколько возможно свои поземельныя владѣнія и образовать отдѣльныя „маленькія государства". Во всякое время и въ первое, и во второе болгарское царство мы встрѣчаемся съ такими отщепенцами-правителями, которые напоминаютъ отдѣльныя владѣнія въ русской ранней исторіи и феодализмъ въ западной Европѣ. Государство не имѣло одного единаго центра, около котораго вращалась бы государственная жизнь. Свои центры создавали себѣ и другіе владѣльцы-бояре. А все это въ основѣ расщепляло цѣлость и силу государства.

4. Этотъ партикуляризмъ и стремленіе къ феодализму вызывалъ много разъ смуты и междоусобія, безспорно гибельныя для частнаго

и общественнаго быта населенія. Уже самъ проніярско-феодальный строй создавалъ людей, прикрѣпленныхъ къ извѣстной землѣ, но никого привязаннаго къ землѣ болгарской, создавалъ не сочувствующихъ отечеству и много разъ совсѣмъ негодныхъ быть вѣрными его защитниками.

5. Богомильство было одною изъ значительныхъ причинъ ослабленія и упадка Болгаріи. Независимо отъ обстоятельства, что оно проповѣдывало ученіе, гибельное для государственнаго строя, не принимая во вниманіе хорошихъ сторонъ богомильства—равенства и братства—оно въ то время еще было крайне разрушительно тѣмъ, что богомилы дѣйствительно привѣтствовали чужестранца, какъ спасителя. Такъ они поступали въ Болгаріи, такъ богомилы дѣйствовали и въ Босніи, гдѣ они сохранили за собою огромныя привилегіи, когда приняли исламъ и сдѣлались господами (беги и аги) покоренныхъ рая, названныхъ кметами, т. е. зависимыми земледѣльцами.

6. То, что Иречекъ называетъ византизмомъ, точно также вліяло на упадокъ болгарской державы, если будемъ понимать подъ нимъ развращающее вліяніе Византіи, выражающееся въ порочныхъ дѣйствіяхъ, шпіонствѣ, подкупахъ, возбужденіи однихъ бояръ противъ другихъ, ихъ всѣхъ противъ царя, предоставленіи убѣжища болгарскимъ бѣглецамъ въ Византію для того, чтобы они могли быть при нуждѣ возбуждены и выпущены въ Болгарію ради совершенія вреда, смутъ и междоусобицъ. Характерное явленіе! Византія всегда почти имѣла въ своихъ стѣнахъ какого либо претендента на болгарскій престолъ, иногда и на сербскій. Эта глубоко безнравственная политика ромеевъ имъ часто помогала, но она не могла не компрометировать ихъ домашнихъ силъ. Во всякомъ случаѣ византизмъ, такъ понимаемый, причинилъ не мало зла Болгаріи и достаточно способствовалъ ея политическому упадку и подчиненію ея подъ чужое иго" (249—252).

Г. Бобчевъ видитъ четыре непосредственныя и наиболѣе близкія причины паденія Болгаріи въ слѣдующемъ:

„1. Отсутствіе солидарности между Сербіей, Болгаріей, Хорватіей, Босной и Герцеговиной въ моментъ вторженія турецкихъ полчищъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы упомянутыя юго-славянскія державы искренно подали другъ другу руки для взаимной обороны—вначалѣ малочисленныя турецкія полчища могли быть очень скоро изгнаны изъ полуострова. Славянскія державы стали жертвою своего національнаго сепаратизма.

2. Вражда славянскихъ народовъ къ Византіи. Византійцы призвали турокъ между прочимъ ради помощи противъ славянъ. Турки сумѣли воспользоваться такимъ предложеніемъ.

3. Индиферентизмъ католическаго запада во главѣ съ Римомъ къ близкому и схизматическому востоку точно также играетъ значительную роль въ балканской катастрофѣ. Католическій свѣтъ взволновался и приготовился противъ турокъ едва только тогда, когда тѣ, побѣдители цѣлаго полуострова, перешли Дунай и угрожали существованію западныхъ государствъ и народовъ.

4. Болгарія, а позже вмѣстѣ съ нею и Балканскій полуостровъ стали добычею молодой, энергичной и неустрашимой турецкой стихіи, которая была крѣпко организована, сильно нафанатизирована и горячо вѣрила въ свой успѣхъ. Это послѣднее значило очень много" (252).

Передавъ причины паденія Болгаріи словами автора, постараюсь этотъ чрезвычайно важный вопросъ освѣтить нѣсколько инымъ образомъ. Обращаясь прежде всего къ обществу, какъ къ элементу, опредѣляющему своими взглядами и потребностями самое существо государственной власти, я замѣчаю прежде всего, что невѣроятно быстрыя реформы Бориса, особенно Симеона, должны были вызвать чрезвычайную реакцію въ совершенно неподготовленныхъ народныхъ массахъ. Въ Польшѣ быстрое воспріятіе христіанской образованности произвело кровавый народный протестъ послѣ Мечислава II, такъ что польское государство было на краю гибели. Въ Болгаріи, болѣе культурной, такой протестъ выразился идейно, въ богомильствѣ, считающемъ весь государственный и общественный строй, занесенный изъ Византіи, порожденіемъ дьявола. Народныя массы, испоконъ вѣковъ привыкшія рѣшать общественныя дѣла сами, негодовали, что онѣ все болѣе и болѣе устранялись отъ ихъ обсужденія, благодаря византійскимъ порядкамъ. Потерявъ своихъ естественныхъ руководителей въ старой языческой знати, которая или погибла въ бояхъ, или стала христіанскою, онѣ стремились къ устраненію всего богатаго и знатнаго, какъ имъ измѣнившаго и потому особенно имъ ненавистнаго. Экономическое положеніе простого народа все болѣе и болѣе ухудшалось, а пользы отъ постоянныхъ войнъ и заводимаго византійскаго строя общественной жизни простой народъ не понималъ. Въ только что появившемся духовенствѣ замѣтна громадная партія, всецѣло преданная Византіи и смотрѣвшая на византійскаго императора, какъ на помазанника Божія, своего естественнаго повелителя. Такъ, думается

мнѣ, слѣдуетъ объяснять себѣ встрѣчающіяся извѣстія объ измѣнахъ архіепископа и епископовъ болгарскимъ царямъ въ началѣ XI-го в.

Это видно также изъ обширныхъ привилегій, данныхъ духовенству Василіемъ II. Среди знати немного было лицъ, отстаивающихъ независимость болгаръ; да и тѣ, повидимому, не особенно желали возстановленія сильнаго болгарскаго царства, опасаясь за свою частичную самостоятельность. Большинство мечтало о прежнихъ порядкахъ до пришествія орды Аспаруха и легко мирилось съ византійскимъ игомъ, если императоръ обезпечитъ вельможамъ ихъ громадныя поземельныя владѣнія. Этимъ и объяснимы данныя имъ льготы послѣ паденія. Наконецъ мелкое воинственное дворянство, разнообразное по своему этнографическому составу, вѣроятно, поддерживало того, отъ кого можно было ожидать большихъ выгодъ, все равно, отъ своего ли царя, отъ византійскаго ли императора, или отъ какого либо могучаго вельможи. Такимъ образомъ въ Болгаріи начала XI-го в., по моему мнѣнію, не было ни одного общественнаго слоя, который видѣлъ бы свой жизненный интересъ въ существованіи болгарскаго царства.

Обращаясь къ государственной власти, я согласенъ съ почтеннымъ профессоромъ, что государственный принципъ былъ внесенъ дружиною Аспаруха. У настоящихъ болгаръ, издавна жившихъ набѣгами и войной, сознаніе сильной власти, необходимой для военной дисциплины, вошло въ плоть и кровь; не то было у славянъ, совершенно освоившихся съ земледѣліемъ и не чувствовавшихъ пользы сильной власти. Съ принятіемъ христіанства постоянныя хищническія войны должны были прекратиться, а славянская нелюбовь къ подчиненію проявилась сильнѣе, и поэтому потребовалось новое обоснованіе для власти. Это прекрасно понялъ Симеонъ и при помощи перевоспитанія народа, а также посредствомъ духовенства стремился внѣдрить понятіе о власти императорской, единственно доступной тогдашней Европѣ. Но для этого даже мало было законнаго пріобрѣтенія титула; для этого нужно было уничтоженіе византійской имперіи или, по меньшей мѣрѣ, импонирующія величина и могущество болгарскаго государства. Послѣднихъ, конечно, достигнуть было легче, и потому мы видимъ завоевательную политику Симеона по отношенію сербскихъ и хорватскихъ племенъ. Но когда это не удалось при преемникахъ Симеона и Самуила, величавое зданіе болгарской государственности оказалось построеннымъ на пескѣ. Жить набѣгами было несогласно съ христіанской образованностію, а основать новую имперію подъ бокомъ византійской казалось, пожалуй, дѣломъ безбожнымъ даже образованнымъ

чисто болгарскимъ и славянскимъ книжникамъ. Необходимо вдуматься въ тогдашнее состояніе умовъ; вѣдь даже западноримская имперія, возникшая немногимъ болѣе ста лѣтъ (Симеонъ царствовалъ между 893 и 927 годами) и имѣвшая за собою могучія преданія древняго Рима, считалась по-византійски мыслящимъ людямъ того времени порожденіемъ человѣческаго своеволія и ничѣмъ не оправдываемой гордыни. Такимъ образомъ болгарская императорская власть должна была оказаться явленіемъ мертворожденнымъ.

Нѣсколько иначе смотрю я и на паденіе второго болгарскаго царства. Тяжелое византійское иго должно было образумить даже богомиловъ; мало того, оно объединило этнографически чуждые элементы ненавистію къ византійцамъ, но необходимаго для государственной стойкости психическаго единства оно не дало. Общество представляется мнѣ раздѣленнымъ на слои, проникнутые противоположными убѣжденіями. Литературный классъ, куда я причисляю не только духовенство, но и вообще всѣхъ книжно образованныхъ людей того времени, несомнѣнно, по моему мнѣнію, былъ убѣжденъ въ спасительности самодержавія. Въ этомъ направленіи дѣйствовали греческіе философы, превозносившіе монархію, какъ правленіе мудреца, не связаннаго законами (Платонъ), преданія Рима, представленія Востока, христіанская аналогія монарха, управляющаго государствомъ, съ Богомъ, управляющимъ вселенной, наконецъ постоянныя войны съ иновѣрцами, вызывающія необходимость сосредоточенія сильной власти въ однѣхъ рукахъ. Съ этимъ шли въ разрѣзъ стремленія вельможъ, уже знакомыхъ съ сложившимся феодализмомъ и желавшихъ видѣть въ царѣ только перваго среди себѣ равныхъ. Въ низшемъ, воинственномъ дворянствѣ замѣчается еще своеволіе кочевниковъ, привыкшихъ къ простору степей; недаромъ половцы и татары такъ охотно селились въ Болгарію; очевидно, тюркская кровь еще давала себя чувствовать и притягивала къ себѣ родственные народы. Этотъ слой, буйный и храбрый, попрежнему готовъ былъ служить кому угодно. Наконецъ простонародье, еще болѣе обремененное налогами и повинностями во время византійскаго владычества, не получило облегченія отъ возстановленія болгарскаго царства и потому безучастно относилось къ политическимъ переворотамъ. Къ этимъ явленіямъ, отчасти вызваннымъ различными вліяніями изъ Византіи и съ Запада, слѣдуетъ присоединить еще обиліе горъ, способствующихъ сохраненію мѣстныхъ особенностей и препятствующихъ образованію національнаго единства, а также чрезвычайную пестроту этнографическаго со-

става населенія. Такое разнообразіе, конечно, должно было ослаблять государственную власть; особенно ее подкапывалъ феодализмъ. При этомъ и здѣсь чувствовалась сила средневѣковыхъ государственныхъ взглядовъ въ связи съ силою религіи. Могущество Ивана Асѣня II (1218—1241) объясняется главнымъ образомъ, по моему мнѣнію, не внутреннею силою Болгаріи, а паденіемъ Византіи, какъ православнаго царства. Необходимость выбора между двухъ имперій перестала существовать; поэтому и всѣ православные элементы дружно работали надъ укрѣпленіемъ одной православной имперіи, а именно болгарскаго царства.

Въ государственномъ устройствѣ г. Бобчевъ прежде всего останавливается на территоріи (253—270), т. е. на племенахъ и задругахъ, съ теченіемъ времени превратившихся изъ родственныхъ союзовъ въ территоріальныя общины, на понятіи староболгарскаго государства и словахъ, его обозначающихъ, на внѣшнемъ составѣ территоріи, т. е. на измѣненіяхъ государственныхъ границъ Болгаріи, наконецъ на внутреннемъ составѣ государства, т. е. на дѣленіи государственной территоріи, на областяхъ, городахъ, селахъ, катунахъ (отдѣльныхъ поселкахъ). Изложеніе, по обыкновенію, очень обстоятельное; приводятся самые термины и извѣстія объ указанныхъ предметахъ, что даетъ возможность проникнуть въ самое ихъ существо, т. е. опредѣлить области, города, села и катуны какъ юридическія лица и выяснить ихъ самоуправленіе. Только я не усматриваю существеннаго различія между царствомъ Самуила и царствомъ Симеона. Первое проф. Бобчевъ считаетъ однимъ собраніемъ болѣе или менѣе зависимыхъ славянскихъ княжествъ кругомъ огромной вотчины Самуила, т. е. союзомъ, построеннымъ на частномъ (вотчинномъ) началѣ. Второе онъ признаетъ настоящимъ государствомъ, указывая на времена Симеона (261, 262). На это необходимо, однако, отвѣтить, что личный взглядъ Симеона на свое государство не превращалъ его еще въ союзъ, основанный на государственномъ принципѣ. Описаніе развитія области, сначала какъ задруги, затѣмъ какъ сельской общины и наконецъ какъ области (265), я считаю неправильнымъ, о чемъ уже говорилъ ранѣе. Только въ одной Чехіи мы можемъ прослѣдить довольно ясно переходъ племенъ въ области въ моментъ окончательнаго образованія государственнаго единства. Наблюденія надъ югославянами тоже, кажется, подтверждаютъ это предположеніе. Впрочемъ при отсутствіи точной терминологіи трудно отличить по одному имени большую область, соотвѣтствующую племени, отъ

небольшой территоріальной общины (жупы), въ основѣ которой несомнѣнно лежала предполагаемая кровная связь. Во всякомъ случаѣ необходимо, по моему мнѣнію, строго отличать задругу, какъ извѣстное количество родственниковъ, живущихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ (села), отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ союзовъ.

Отъ территоріи нашъ авторъ переходитъ къ населенію, въ ученіи о которомъ сначала говоритъ объ этнографическомъ составѣ, затѣмъ объ общественныхъ слояхъ и, наконецъ, ставитъ вопросъ о существованіи рабства у болгаръ (270—316). Въ этнографическомъ очеркѣ ведется рѣчь о славянахъ, какъ объ основѣ населенія, о тюркскихъ племенахъ (національные болгары, половцы, турки-вардаріоты, татары, авары, печенѣги) и саксонскихъ рудокопахъ, съ теченіемъ времени слившихся со славянами, объ инородческихъ элементахъ, сохранившихся доселѣ (греки, румыны, албанцы, армяне, евреи, цыгане, гагаузы), и объ общеніи староболгарскаго населенія съ чужестранцами. По своему юридическому положенію общество издавна распадалось на бояръ, людей свободныхъ и зависимыхъ, а съ христіанствомъ появилось духовенство; такъ что авторъ дѣлитъ населеніе въ своемъ изложеніи на привилегированное (бояре и высшее духовенство), свободное (горожане, торговцы, священники, поселяне) и зависимое (крѣпостные, отроки—находящіеся въ личной зависимости отъ господина, ремесленники). Несмотря на привилегіи, проф. Бобчевъ отрицаетъ существованіе сословій въ Болгаріи, ибо отсутствовала сословная замкнутость. Обращаясь къ возникновенію бояръ, нашъ авторъ высказываетъ предположеніе, что древнѣйшее человѣчество не имѣло понятія объ особомъ высшемъ сословіи; нѣкоторыя лица выдѣлялись только своимъ богатствомъ, что съ теченіемъ времени и привело къ юридическимъ преимуществамъ. Вслѣдствіе такого взгляда г. Бобчевъ не признаетъ сословія бояръ ни у славянъ, ни у настоящихъ болгаръ, а только старѣйшинъ, князей, воеводъ; другими словами, извѣстное общественное положеніе, такъ сказать, извѣстная должность ставила то или другое лицо выше общаго уровня. Неудивительно поэтому, что нашъ авторъ относитъ къ боярамъ различные термины, сохранившіеся на колоннѣ и камняхъ въ Абобѣ-Плискѣ и обозначающіе извѣстныя должности; точно такъ же далѣе онъ видитъ различіе между великими и малыми боярами въ различіи занимаемыхъ ими должностей, а подъ внутренними и внѣшними боярами понимаетъ органы центральнаго и мѣстнаго управленія. Останавливаясь на общественномъ и юридическомъ положеніи бояръ вообще, нашъ ав-

торъ говоритъ, что всѣ великіе бояре были освобождены отъ государственныхъ и общественныхъ тягостей, принимали участіе въ народныхъ и церковныхъ соборахъ, занимали высшія государственныя должности, обладали обширными землями на правѣ собственности, неприкосновенность которыхъ была обезпечена особо законами, а также проніями, т. е. временными владѣніями, пожалованными за военныя заслуги, и должны были являться на войну со своими дружинами. Низшіе бояре назначались на незначительныя должности (280—293).

Выше изложенныя положенія автора я нахожу не совсѣмъ удачными по слѣдующимъ соображеніямъ. Древнѣйшее, языческое славянство, по моему убѣжденію, имѣло высшее привилегированное сословіе. Въ древнѣйшихъ памятникахъ славянъ мы встрѣчаемъ извѣстія о populi primates, seniores, magnates, nobiles, nobilitate generis eminentissimi, primores, eximii cives, лучшіе люди, бояре, при чемъ попадаются указанія, что это выдающееся общественное положеніе переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну. Стародавнее чешское преданіе о дочеряхъ Крока сохранило темные намеки и на общественное значеніе этого сословія. Всѣ три сестры знатнаго отца, къ которому, „какъ пчелы къ улью, стекался добровольно народъ со всей Чехіи для разрѣшенія своихъ споровъ", отличались особыми познаніями, очевидно, пріобрѣтенными отъ родителей; одна выдѣлялась знаніемъ травъ, народныхъ поэтическихъ миѳовъ и лѣчебныхъ средствъ; другая—религіозныхъ обрядовъ; третья—даромъ пророчества [1]). Съ этимъ можно сопоставить свѣдѣнія, переданныя намъ о поморянахъ, долго остававшихся въ язычествѣ, что у нихъ всѣ общественные вопросы сначала обсуждались знатью, въ сенатѣ, а потомъ уже докладывались народному собранію, которое съ мнѣніемъ знати всегда соглашалось [2]). Ясно, что это происходило отъ убѣжденія народа въ опытности знати, въ ея бо́льшихъ познаніяхъ. Мало того, существуютъ темныя указанія на то, что знать у поморянъ была какъ бы особенно близка къ богамъ, ибо она могла пользоваться на своихъ пирахъ священными сосудами, употребляемыми при жертвоприноше-

---

[1]) Fon. rer. boh. t. II, стр. 7—9.

[2]) Mon. Germ. hist. t. XIII, стр. 847... seque novam hanc legem sine primatum et majorum suorum consilio aggredi non posse testantibus... Болѣе подробно описано событіе, по поводу котораго сдѣлано это замѣчаніе Эбономъ, у Герборда, тамъ же, стр. 781, 782.

ніяхъ [1]). Всѣ эти темныя данныя пріобрѣтаютъ особое значеніе при сопоставленіи съ другими индо-европейскими народами, у которыхъ замѣчается то же самое. При помощи сравнительной исторіи права и бо́льшаго проникновенія въ древнѣйшую исторію человѣчества понятнымъ становится и возникновеніе такого сословія. При отсутствіи какихъ либо школъ знанія передавались отъ отца къ сыну путемъ устной передачи. Соціологи въ этомъ видятъ зародышъ сословій; у славянъ на это указываютъ древнія названія нѣкоторыхъ деревень. Жизнь не особенно зажиточной свободной задруги, пожалуй, гораздо болѣе, чѣмъ теперь, протекала среди постоянныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, объ охранѣ себя и своего имущества; останавливаться надъ собираніемъ, запоминаніемъ и сопоставленіемъ знаній, и тогда уже добываемыхъ опытнымъ путемъ, не хватало ни времени, ни умственныхъ силъ. Богатыя задруги, ибо не было никогда соціальнаго равенства вслѣдствіе неравенства физическихъ и умственныхъ силъ людей, менѣе отвлеченныя борьбою за существованіе и болѣе имѣющія досуга, занялись этимъ дѣломъ при отсутствіи крѣпко сложившагося жреческаго сословія у славянъ. Такимъ образомъ знать была хранительницей тѣхъ отрывочныхъ, чисто эмпирическихъ свѣдѣній, которыя случайно добывались. Она становилась естественнымъ вожакомъ племени, которое къ ней питало глубокое довѣріе, ибо такая знать ничѣмъ существеннымъ не отличалась отъ народа, ни по своимъ вкусамъ, ни по потребностямъ; даже и знанія были собственно тѣ же, что у народа, ибо имъ же пріобрѣтенныя и въ немъ отчасти сохраняемыя, но только у знатныхъ людей они получали болѣе полную, болѣе опредѣленную и обдуманную форму. Они относились и къ религіозному культу и религіознымъ вѣрованіямъ, и къ вытекающему изъ него всему общественному строю, и къ лѣченію болѣзней, и къ умѣнію строить крѣпости, и къ предводительству войскомъ. Всѣ эти свѣдѣнія были приспособлены къ мѣстности, занимаемой племенемъ, ибо и цѣлебныя травы, и средства обороны разнились по различію мѣстности (горы, болота, лѣса и т. д.); отсюда и знать была мѣстная; она не могла быть вожакомъ въ иной обстановкѣ. Наконецъ, такъ какъ древній человѣкъ былъ глубоко религіозенъ, то и познанія своей знати онъ,

---

[1]) О главной штетинской „континѣ“, имѣвшей религіозное значеніе и гдѣ хранились драгоцѣнности, пожертвованныя богамъ, говорится: Crateres etiam aureos vel argenteos, in quibus augurari epulari et potare nobiles solebant ac potentes, in diebus sollempnitatum quasi de sanctuario preferendos, ibi collocaverant. Mon. Germ. hist. t. XIII, стр. 794I.

конечно, относилъ къ вдохновенію боговъ, что поддерживалось знатными уже ради своихъ сословныхъ интересовъ.

Такого рода знать, глубоко консервативная и родовая, очевидно, должна была исчезнуть съ появленіемъ большихъ политическихъ союзовъ и особенно съ принятіемъ христіанства. Ей не было мѣста въ этомъ новомъ общественномъ строѣ; ея знанія, объединенныя въ одно цѣльное міросозерцаніе языческими религіозными вѣрованіями, уступали знаніямъ, внесеннымъ христіанскимъ духовенствомъ, надъ которыми работало почти все образованное человѣчество; ея политическіе идеалы заключались въ маломъ государствѣ со слабою княжескою властію, гдѣ знать со своимъ жизненнымъ опытомъ, вѣками накопленнымъ, непремѣнно должна была быть руководящею силою; ея идеалы не мирились съ огромными политическими союзами Моймировъ, Болеславовъ, Симеоновъ, Самуиловъ. Эти перевороты выдвинули, кромѣ духовенства, два новыхъ общественныхъ класса, могущественную знать, зерно которой положили семьи прежнихъ племенныхъ князей, примирившіяся съ новыми порядками и вошедшія въ новые политическіе союзы съ сохраненіемъ воспоминаній о своемъ княжескомъ происхожденіи, и военный классъ, зерно котораго составляла дружина князя—создателя огромнаго политическаго союза. Обѣ эти новыя общественныя силы вначалѣ не были сословіями, ибо имъ недоставало замкнутости, наслѣдственности и опредѣленности правъ и обязанностей во время этой ломки всего государственнаго и общественнаго строя. Среди всеобщей анархіи того времени не могли прочно сложиться сословныя различія.

Описанный мною процессъ я считаю общимъ для всего славянскаго міра. Но затѣмъ уже дальнѣйшее развитіе различно происходитъ въ различныхъ государствахъ; у славянъ католиковъ эта новая знать довольно скоро превращается въ родовую и затѣмъ замкнутую аристократію; на славянскомъ православномъ югѣ этого, кажется, не произошло въ равной степени, и въ этомъ я согласенъ съ почтеннымъ профессоромъ. Я считаю только не подходящимъ говорить о различныхъ должностяхъ при установленіи привилегій высшаго и низшаго дворянства, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ признаетъ возможнымъ назначеніе царемъ на высшую должность лица, несмотря на его незначительное происхожденіе. Очевидно, юридическимъ различіемъ дворянства отъ остальныхъ сословій было участіе въ соборахъ и обладаніе недвижимою собственностью, отчасти свободною отъ государственныхъ и общественныхъ тягостей. За эти льготы все дворянство

обязано было нести военную повинность, высшее во главѣ своихъ дружинъ со своими знаменами, а низшее подъ начальствомъ областныхъ правителей; что же касается до занятія государственныхъ должностей, то фактически на нихъ назначались дворяне, какъ классъ наиболѣе свѣдущій въ дѣлахъ войны и управленія, но юридическихъ ограниченій для царя въ этомъ отношеніи не было.

Обсуждая второй привилегированный классъ, высшее духовенство (293—300), нашъ авторъ дѣлаетъ бѣглый очеркъ языческой религіи славянъ, характеризуетъ состояніе болгарскаго духовенства сравнительно съ католическимъ, его заслуги и слабыя стороны, говоритъ, что высшее духовенство занимало почти такое же привилегированное положеніе, какъ дворянство, имѣло крѣпостныхъ и право суда не только надъ духовными, но и надъ свѣтскими лицами по многимъ дѣламъ, наконецъ останавливается надъ организаціей монастырей, ихъ имущественною правоспособностію, ихъ широкими иммунитетами. Этому обстоятельному изложенію я могъ бы сдѣлать только упрекъ, что почтенный профессоръ не отдѣлилъ духовенства, какъ сословія, отъ организаціи церкви и управленія ею. Отъ такого раздѣленія много выиграла бы ясность изложенія, не путались бы льготы духовенства, какъ особаго общественнаго класса, съ устройствомъ и управленіемъ болгарской церкви. Вообще церковь въ средневѣковьѣ имѣла такое громадное значеніе, что слѣдовало бы ей посвятить особую главу въ государственномъ управленіи.

Въ отдѣлахъ о свободныхъ людяхъ, о зависимыхъ и о несуществованіи рабства въ Болгаріи (300—316) добросовѣстно собраны всѣ немногочисленныя данныя о каждомъ отдѣльномъ классѣ непривилегированныхъ людей. Я только никоимъ образомъ не могу согласиться съ авторомъ относительно отсутствія рабства въ Болгаріи. По его собственнымъ словамъ тамъ имѣлись люди, лично зависимые отъ своего господина и могущіе быть имъ проданными безъ земли (310). Но именно эти два признака и отличаютъ рабовъ отъ людей болѣе или менѣе свободныхъ. Доказывать отсутствіе рабства тѣмъ, что въ Болгаріи не существовало людей, которые могли бы быть подведены подъ точныя опредѣленія рабства въ римскомъ правѣ, кажется мнѣ ненаучнымъ. Юридическія опредѣленія рабства у римлянъ были слѣдствіемъ ихъ строгаго логическаго мышленія и потому часто не соотвѣтствовали дѣйствительности. Изъ извѣстій о положеніи римскихъ рабовъ во времена республики мы видимъ, что оно было, пожалуй, лучше положенія свободныхъ болгарскихъ крестьянъ, несмотря на

законы, признающіе рабовъ вещами и дѣлающіе изъ этого положенія всѣ необходимые логическіе выводы. Что же касается до византійскихъ писателей, то къ нимъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью. Вслѣдствіе общей грубости тогдашнихъ славянскихъ нравовъ, съ рабами, вѣроятно, обходились лучше, чѣмъ съ собственными дѣтьми, ибо первые могли быть выкуплены за большія деньги, могли, наконецъ, убѣжать, что невозможно было для домочадцевъ при сильномъ религіозно-нравственномъ и имущественномъ единствѣ задруги. Равное отношеніе домакина къ рабамъ и домочадцамъ, вѣроятно, преимущественно имѣли въ виду византійскіе писатели. Объ извѣстіи византійцевъ, что славяне послѣ нѣкотораго времени предоставляли плѣнникамъ на выборъ, возвратиться на родину или остаться въ качествѣ семьяниновъ, сказать что либо опредѣленное невозможно, ибо оно допускаетъ множество разнорѣчивыхъ объясненій. Во всякомъ случаѣ, при наличности значительнаго количества данныхъ о рабахъ и торговлѣ рабами до позднихъ временъ, остается предполагать, что фактическое положеніе раба на славянскомъ югѣ сравнительно съ положеніемъ свободныхъ людей было гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ Византіи, а это и отразилось на византійскихъ свѣдѣніяхъ о рабствѣ у балканскихъ славянъ.

Государственное устройство кончается ученіемъ о государственной власти. Здѣсь говорится о происхожденіи и развитіи верховной власти, о ея формѣ, титулѣ, внѣшнихъ признакахъ царскаго достоинства, способахъ ея пріобрѣтенія и объ ея утратѣ, о правахъ и прерогативахъ верховной власти, наконецъ о боярскомъ совѣтѣ и народномъ соборѣ, какъ о формахъ участія народонаселенія въ верховной власти (316—343). Нашъ авторъ считаетъ форму государственной власти въ Болгаріи сложною, состоящею изъ правителя, боярскаго и народнаго собраній, при чемъ единоличный элементъ въ теченіи исторической жизни все болѣе и болѣе усиливается, хотя болгарская монархія никогда не превращалась въ самодержавную. Останавливаясь на титулахъ правителя, г. Бобчевъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ глубокое значеніе императорскаго титула, къ которому стремился Симеонъ. При обсужденіи способовъ пріобрѣтенія единоличной власти нашъ авторъ прежде всего совершенно правильно замѣчаетъ, что въ началѣ государственной жизни у славянъ во главѣ государства стояла цѣлая семья, въ которой правитель былъ только домакиномъ. Этотъ выводъ ясно вытекаетъ изъ данныхъ чешской, польской, русской, югославянской исторіи, но, думается мнѣ, онъ не такого первобытнаго

характера, какъ это кажется автору; онъ появился съ момента возникновенія большихъ политическихъ союзовъ путемъ завоеванія окрестныхъ племенъ; только тогда княжеская власть усилилась на столько, что князь сталъ считать новый политическій союзъ какъ бы своимъ семейнымъ достояніемъ, принадлежащимъ по тогдашнимъ народнымъ понятіямъ не ему одному, но и всей его семьѣ. Этотъ народный взглядъ на государственную территорію, какъ на достояніе княжеской семьи, былъ очень силенъ; онъ не разъ проявлялся въ болгарской исторіи, что и отмѣчаетъ нашъ авторъ. Послѣ Аспаруха, а особенно послѣ крещенія и усиленія византійскаго вліянія, выдвигается избраніе въ смыслѣ избранія цѣлой династіи боярами и народомъ и наслѣдованіе безъ строго опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія, но съ преобладаніемъ первородства. Вслѣдствіе этой недостаточной опредѣленности, а потому и нарушенія порядка престолонаслѣдія, очевидно изъ Византіи, было занесено соправительство. Говоря о правахъ и прерогативахъ правителя, почтенный профессоръ усматриваетъ въ болѣе раннее время верховенство народа, которое уменьшается съ Аспаруха, но никогда не исчезаетъ окончательно. Правитель считалъ себя обязаннымъ покровительствовать церквамъ и монастырямъ; онъ былъ представителемъ государства передъ иностранными странами и заключалъ съ ними договоры; наконецъ онъ имѣлъ законодательную, исполнительную и судебную власть, которыя осуществлялъ при участіи боярской думы и народнаго собранія. О соборахъ, ихъ составѣ и предметахъ вѣдомства сохранились несомнѣнныя извѣстія только относительно избранія правителей, а также суда надъ еретиками и мѣръ противъ нихъ.

Въ своемъ ученіи о верховной власти нашъ авторъ собралъ воедино всѣ имѣющіяся въ наличности очень скудныя свѣдѣнія и пытался освѣтить ихъ данными изъ исторіи другихъ славянскихъ государствъ. Кромѣ недостаточности извѣстій здѣсь давала себя чувствовать не совсѣмъ удовлетворительная разработка исторіи византійскаго государственнаго права. Цахаріэ-фонъ-Лингельталь оставилъ по себѣ превосходное изложеніе источниковъ византійскаго права, частнаго права и процесса, но государственнаго права онъ почти совсѣмъ не коснулся, а именно оно особенно важно для пониманія не только болгарскаго и сербскаго, но и русскаго государственнаго права.

Я считаю взгляды почтеннаго ученаго на государственную власть въ Болгаріи не совсѣмъ правильными. Прежде всего, нѣтъ никакихъ основаній предполагать въ историческія времена верховенство народа,

ибо оно позднѣйшаго происхожденія. Затѣмъ, на славянскомъ югѣ нужно, думается мнѣ, отличить теорію, заимствованную изъ Византіи, и дѣйствительность. По теоріи въ Болгаріи, какъ и въ Сербіи, существовала самодержавная монархія съ теократическимъ характеромъ, на которую смотрѣли въ Византіи, какъ на высшую государственную должность, созданную для наблюденія за сохраненіемъ государства и исполненіемъ законовъ. Болгарскіе и сербскіе книжники, очевидно подъ византійскимъ вліяніемъ, признавали самодержавіе единственно допустимою формою правленія. Однако, жизнь выработала могущественную знать и многочисленное воинство; обѣ эти общественныя силы не мирились съ самодержавіемъ и стремились къ ограниченію единоличной власти. Знатные люди, знакомые съ феодализмомъ, мечтали о феодальной монархіи и до нѣкоторой степени этого достигали. Воинство не проявило своихъ взглядовъ на власть, но стремленіе къ участію въ выборѣ царей наводитъ на мысль, что въ случаѣ чрезвычайнаго усиленія воинства возможно было ожидать нѣкотораго подобія Польши съ XVI-го в., т. е. самодержавія не цѣлаго народа, а воинства, при чемъ царь снизошелъ бы до главы исполнительной власти.

Въ отдѣлѣ о государственномъ управленіи прежде всего ведется рѣчь объ органахъ центральнаго, областнаго и сельскаго управленія (344—353); здѣсь приведены названія отдѣльныхъ должностей и объясненія ихъ изъ византійскаго права, ибо особенно центральное управленіе всецѣло было организовано по византійскимъ образцамъ. Всѣ эти органы управленія извѣстны намъ почти только изъ однихъ названій, при томъ крайне неопредѣленныхъ [1]); поэтому и невозможно было съ достаточною полнотою и ясностью отдѣлить управленіе, вытекающее изъ вотчинныхъ правъ, изъ государственныхъ началъ и изъ земскаго самоуправленія, тѣмъ болѣе, что различіе этихъ началъ не сознавалось и они между собою смѣшивались. Въ предметахъ управленія (353—364), останавливаясь на полиціи, нашъ авторъ совершенно вѣрно говоритъ: „Сельская полиція принадлежала селамъ, которыя имѣли свои сельскіе сходы, какъ и области (жупы). Въ вѣдомствѣ этихъ сходовъ было все, что входитъ въ область общественныхъ интересовъ: судъ, управленіе, охрана порядка и спокойствія, разверстаніе налоговъ. Кметы (сельскіе старосты) исполняли рѣшенія

[1]) Напр. „владащи, владалци", по моему мнѣнію не обозначаютъ опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, какъ думаетъ авторъ (347—318), а просто управителей, назначенныхъ царемъ или частными лицами и даже выбираемыхъ (см. стр. 351).

соборовъ“ (354). Въ подтвержденіе этихъ словъ онъ не дѣлаетъ никакихъ ссылокъ за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Здѣсь было бы умѣстно привести описаніе церковнаго и общиннаго болгарскаго самоуправленія во времена турокъ. Я уже упоминалъ, что въ этомъ отношеніи недавнее прошлое могло бы дать весьма цѣнныя указанія на глубокую славянскую древность; такъ какъ широкое самоуправленіе только терпѣлось турками и не можетъ быть приписано византійскому вліянію, то, очевидно, оно должно быть отнесено къ древнѣйшему славянскому быту и находится въ непосредственной связи съ византійскими извѣстіями о свободолюбіи славянъ и ихъ обычаѣ рѣшать всѣ дѣла на общихъ сходкахъ. Финансовое управленіе изложено очень обстоятельно, при чемъ принята во вниманіе и теорія финансоваго права. О военномъ управленіи почти нѣтъ свѣдѣній; авторъ повторяетъ здѣсь свое положеніе объ освобожденіи военноплѣнныхъ и отсутствіи рабства, не замѣчая, что это плохо вяжется съ ловлею людей арканами и съ чрезвычайными грабежами болгарскихъ войскъ.

Вторая часть излагаетъ исторію староболгарскаго судебнаго права въ двухъ отдѣлахъ, о судоустройствѣ (366—378) и о судопроизводствѣ (378—410). Въ дохристіанскомъ періодѣ судоустройства сдѣланъ удачный очеркъ постепеннаго перехода отъ самосуда, кровавой мести, къ судебнымъ органамъ; въ христіанскомъ періодѣ обстоятельно говорится о составѣ духовныхъ и свѣтскихъ судовъ и ихъ подсудности. Почти полное отсутствіе болгарскихъ положительныхъ данныхъ заставляетъ нашего автора искать дополненій въ извѣстіяхъ о другихъ славянахъ и въ сравнительномъ правовѣдѣніи.

При изложеніи судопроизводства нашъ авторъ придерживается дѣленія процесса на три ступени развитія: предварительное производство до открытія суда (стороны, мѣры къ ихъ появленію въ судѣ, представительство сторонъ), состязаніе сторонъ въ судѣ (судебныя доказательства и другія средства къ открытію истины), исполнительное производство и мѣры противъ судебнаго рѣшенія. Такая система кажется мнѣ правильною; она, очевидно, основана на чешско-моравскомъ процессѣ, гдѣ эти три ступени выдѣлились особенно отчетливо вслѣдствіе того, что первая и послѣдняя происходили передъ земскими досками, у которыхъ засѣдали земскіе сановники, а третья передъ сановниками и передъ судьями, назначаемыми пожизненно королемъ. Такъ какъ свѣдѣній о болгарскомъ процессѣ почти совсѣмъ не имѣется, то г. Бобчевъ и здѣсь пользуется, и при томъ съ большимъ

успѣхомъ, извѣстіями о другихъ славянахъ и сравнительнымъ правовѣдѣніемъ.

По поводу вышеизложеннаго я считаю возможнымъ сдѣлать два замѣчанія. Въ судебныхъ доказательствахъ онъ видитъ какъ бы саморазвитіе. Первобытная кулачная борьба за право переходитъ въ судебную дуэль и суды Божіи, несостоятельность которыхъ приводитъ къ соприсяжникамъ и свидѣтелямъ и, наконецъ, къ письменнымъ доказательствамъ. Эта заманчивая мысль не оправдывается, сдается мнѣ, славянскими памятниками, а именно сборникомъ польскаго обычнаго права XIII-го в. Изъ этого чрезвычайно важнаго, особенно для процесса, источника ясно видно, что къ судамъ Божіимъ обыкновенно приступали только тогда, когда обвиняемый не находилъ соприсяжниковъ [1]). Если принять это положеніе, тогда суды Божіи потеряютъ много изъ своей загадочности. Обвиняемый не имѣлъ соприсяжниковъ, слѣдовательно, онъ пользовался очень дурнымъ общественнымъ мнѣніемъ и долженъ былъ быть обвиненъ. Но древность глубоко вѣрила въ божественное воздѣйствіе, въ чудо; поэтому виновному дозволялось обратиться къ высшей справедливости, которая могла спасти его отъ обвиненія, если онъ былъ правъ, но только чудомъ. Второе мое замѣчаніе относится къ исполнительному производству. Нашъ авторъ упустилъ изъ виду въ чешско-моравскомъ правѣ ясно сохранившіеся изъ XIV в. слѣды того, что судебное рѣшеніе предоставлялось добровольно исполнить обвиняемому, при чемъ объ этомъ дѣлалось ему троекратное напоминаніе съ значительными промежутками. Если это не наступало, то въ процессѣ объ убійствѣ родственники убитаго могли, по Ordo judicii terrae, схватить убійцу, продернуть ему черезъ колѣна веревки, привязать его къ конскому хвосту и такъ влачить его въ Прагу, къ висѣлицѣ. Другими словами, въ случаѣ добровольнаго неисполненія судебнаго приговора въ Чехіи даже въ XIV в. приступали не къ залогу и поручительству, а къ осуществленію кровавой мести [2]). Такимъ образомъ, древнѣйшій сла-

[1]) M. Winawer. Najdawniejsze prawo zwyczajowe polskie, Warsz. 1900, стр. 139, 143, 144.

[2]) Arch. Č. II. Ordo judicii terrae напечатанъ на стр. 92, § 29. Quibus monitionibus praemissis, et ipsis octodecim septimanis transactis, idem actor, ubicunque eundem citatum repererit, capere et interficere potest, cum auxilio cujuscunque; et sic interfectum, tibiis ejus perforatis, ligatumque per pedes ejus ad caudam equi, in nullo eo penitus spoliato, ad poprawam Pragensem justitiariam vel patibulum deducet, hoc beneficiis Pragensibus notificando, et bedallo terrae ostendendo eundem.

вянскій процессъ носилъ характеръ третейскаго суда; боязнь кровавой мести заставляла обвиняемаго идти въ судъ и та же боязнь принуждала его при убійствѣ къ добровольному соглашенію. Залогъ и поручительство, очевидно, относятся къ болѣе позднему времени.

Въ *третьей части* изображена исторія уголовнаго права (411—481) въ двухъ обычныхъ отдѣлахъ о преступленіяхъ (414—459) и наказаніяхъ (459—481). Нашъ ученый выходитъ изъ общераспространеннаго среди криминалистовъ взгляда о рѣзкомъ различіи современнаго и древняго уголовнаго права. Послѣднее знало только возмездіе за причиненный вредъ и не допускало существованія противозаконныхъ дѣйствій противъ государства, вообще противъ общественнаго порядка. Поэтому интересъ частнаго потерпѣвшаго лица былъ руководящимъ началомъ при преслѣдованіи всѣхъ тогдашнихъ преступныхъ дѣйствій; оцѣнка размѣра и важности вреда потерпѣвшаго имѣла исключительное значеніе при опредѣленіи наказанія; поэтому также не обращалось никакого вниманія на состояніе воли преступника; наконецъ, поэтому не существовало различія между уголовной и гражданской неправдой (411—413).

Изложенный взглядъ всегда казался мнѣ весьма сомнительнымъ. Меня удивляло, что юристы-историки въ гражданскомъ правѣ отмѣчали въ древности полное отсутствіе понятія личности, частое нарушеніе собственности ради умиротворенія общества (частичное прощеніе долговъ) и малое вниманіе къ взаимнымъ склонностямъ брачущихся, а въ уголовномъ правѣ, наоборотъ, видѣли въ матеріальномъ вредѣ потерпѣвшаго единственное основаніе наказанія. Я думаю, многочисленныя извѣстія сравнительнаго правовѣдѣнія о древнѣйшемъ уголовномъ правѣ нуждаются въ пересмотрѣ. Необходимо различать три ряда явленій: 1) чувство мести до того необузданное, что оно направлялось даже противъ животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ вслѣдствіе свойственнаго древности анимизма; 2) переживаніе первобытной взаимной враждебности отдѣльныхъ человѣческихъ группъ и отсюда возникающее стремленіе сохранить равновѣсіе силъ этихъ группъ; вслѣдствіе этого считалось возможнымъ взамѣнъ убійцы лишить жизни неповиннаго члена враждебнаго рода; 3) религіозное освѣщеніе цѣлаго правопорядка, придававшее дѣйствію, направленному противъ него, характеръ преступности, немногимъ отличный

См. объ этомъ мою статью: Очеркъ чешскаго процесса въ верховномъ земскомъ судѣ. Юрид. Вѣстн. 1880. № 7.

отъ современнаго понятія о преступленіи. Замѣтимъ при этомъ, что одинъ изъ лучшихъ современныхъ соціологовъ (проф. Дюркгеймъ) опредѣляетъ религіозный фактъ, какъ внѣшнюю форму проявленія общественнаго интереса [1]). Если вникнуть въ высказанныя мною мысли, то окажется, что понятіе преступленія въ глубокой древности немногимъ отличалось отъ современнаго; и древность и мы смотримъ на преступленіе, какъ на дѣяніе, направленное противъ самого право-порядка; разница заключается лишь въ томъ, что глубокая старина понимала общественный интересъ только въ религіозной формѣ, а потому и преступленію придавала значеніе грѣха. Кромѣ того, несомнѣнно древности представлялся общественный интересъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ намъ. Здѣсь нѣтъ мѣста подробно разбирать этотъ вопросъ; достаточно припомнить aquae et ignis interdictio древняго Рима, безправное положеніе преступниковъ, которыхъ каждый могъ безнаказанно убить по норманскимъ, германскимъ и славянскимъ правамъ.

Не менѣе расходится мой взглядъ и относительно такъ называемой внутренней стороны преступленія. Несомнѣнно и глубочайшая древность отличала случай отъ предумышленія, но вопросъ о преступной волѣ ставился не тамъ, гдѣ его искали криминалисты. Послѣдніе думали найти его въ постановленіяхъ о преступныхъ дѣяніяхъ, приводившихъ къ наказанію, и не находили, а его слѣдовало искать въ отношеніи преступника къ его сочленамъ, къ роду, братству, племени. Эти союзы очень были заинтересованы въ томъ, будетъ ли преступникъ и впредь подвергать своихъ сородичей тяжелымъ послѣдствіямъ своихъ преступныхъ дѣйствій и по отношенію къ богамъ, и по отношенію къ сосѣдямъ. Такимъ образомъ вопросъ о вмѣненіи возникалъ, думается мнѣ, и въ глубочайшей древности, но только въ средѣ своихъ сочленовъ и рѣшался, пожалуй, разумнѣе, чѣмъ теперь. Мы останавливаемся на вмѣненіи, какъ бы глядя въ прошлое (насколько въ данномъ дѣйствіи участвовала свободная воля преступника), и при этомъ сталкиваемся съ неразрѣшимымъ вопросомъ о свободной волѣ, а древніе стремились предвидѣть будущее, именно какъ часто будетъ преступникъ ставить себя въ условія, при наличности которыхъ будетъ нарушенъ его дѣйствіемъ общественный строй. Теперь намъ легко понять, почему отъ преступнаго сочлена желали такъ или

---

[1]) L'année sociologique, 2-ième année, Paris, 1899, стр. 1—28. De la définition des phénomènes religieux par M. Ém. Durkheim.

иначе отдѣлаться (выдачею на месть, приношеніемъ преступника въ жертву богамъ, превращеніемъ его въ раба), а за менѣе преступнаго сочлена вносили выкупъ. Еще проф. Вильда отмѣтилъ по отношенію къ германскому рабу, что неумышленныя нарушенія не влекли за собою уголовныхъ послѣдствій, а только вознагражденія за вредъ и убытки [1]); примиреніе вначалѣ происходило тогда, когда преступникъ не былъ уже такъ виновенъ. Понятно также, почему криминалисты пришли къ вышеизложеннымъ взглядамъ. Въ памятникахъ ясно говорилось, что пеня взималась и за случайно убитаго, и даже на животныхъ распространялась кровавая месть. Эти два явленія и соединили вмѣстѣ, хотя между ними нѣтъ ничего общаго. Убійство члена одного рода было нарушеніемъ равновѣсія силъ; поэтому требовалось уравнять силы родовъ или посредствомъ убійства даже и невиннаго члена, или посредствомъ покупки раба на полученный выкупъ [2]). Что же касается мести по отношенію животныхъ и даже неодушевленныхъ предметовъ, то на эти явленія нужно смотрѣть, какъ на няньку, которая успокаиваетъ упавшаго ребенка тѣмъ, что побьетъ то мѣсто, на которомъ онъ упалъ (извѣстна психическая близость дикаря и ребенка). Наконецъ, предложенныя мною мысли легко объясняютъ и позднѣйшее развитіе уголовнаго права. Если въ раннихъ памятникахъ говорится только о наказаніяхъ, но нѣтъ помина о случайныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, то потому, что наказанію подвергались только выданные на казнь члены различныхъ союзовъ, т. е. завѣдомо лихіе люди, которыхъ союзы признавали неисправимыми.

Древнѣйшее уголовное право, думается мнѣ, распадается на двѣ части, одну изъ которыхъ наиболѣе важную, настоящій источникъ уголовнаго права, криминалисты проглядѣли. Эта часть находила свою основу въ религіозной санкціи цѣлаго общественнаго порядка, и зародышъ ея коренился въ домашней религіи разнообразныхъ союзовъ. Тутъ существовала особая нравственность, которая и охранялась богами рода, братства, племени. Но эта сторона уголовнаго права не оставила по себѣ слѣдовъ въ уголовныхъ памятникахъ, которые говорятъ только о столкновеніяхъ отдѣльныхъ союзовъ. При этихъ столкновеніяхъ имѣлось главнымъ образомъ въ виду уравновѣшеніе силъ сначала количества воиновъ, а послѣ количества рабочихъ рукъ. Этою второю частью, единственно подмѣченною современными кри-

---

[1]) Wilda. Das Strafrecht der Germanen. Halle. 1842, стр. 547—559.

[2]) Объ этомъ съ большою настойчивостью говоритъ нѣмецкій этнографъ-юристъ Альбертъ Постъ въ многочисленныхъ своихъ работахъ.

миналистами, уголовное право сближалось съ правомъ гражданскимъ; здѣсь шелъ вопросъ не столько о вмѣненіи, чести, нарушеніи самаго государственнаго строя, сколько о вознагражденіи за вредъ и убытки. При томъ съ этой послѣдней точки зрѣнія смотрѣли, особенно въ средневѣковьѣ, на массу преступленій, что вполнѣ понятно. Религіозная санкція языческихъ боговъ исчезла съ принятіемъ христіанства, а новая религія была не отъ міра сего и первоначально относилась безразлично къ государственному строю. Неудивительно поэтому, что часть уголовнаго права съ гражданскимъ оттѣнкомъ получила чрезвычайное преобладаніе и значительно затемнила, особенно въ уголовномъ средневѣковомъ законодательствѣ, часть собственно уголовную, древнѣйшую, которая только въ слабой степени нашла себѣ разработку въ богословіи и каноническомъ правѣ, а именно въ ученіи о грѣхѣ. Когда частноправный взглядъ на всѣ общественныя отношенія, свойственный среднимъ вѣкамъ, началъ исчезать, то правила, охраняющія общественный и государственный строй, стали преимущественно заимствовать изъ римскаго права за отсутствіемъ началъ, выработанныхъ свѣтскимъ средневѣковымъ законодательствомъ.

Высказанныя мною мысли какъ разъ находятъ себѣ подтвержденіе въ болгарскомъ правѣ. Уже болгарскіе посланники къ папѣ Николаю II спрашивали его, какъ поступать съ случайнымъ убійцею, что сдѣлать съ тѣмъ, кто въ пьяномъ видѣ нанесетъ рану или убьетъ. Въ этихъ вопросахъ, думается мнѣ, невозможно предполагать византійскаго вліянія, ибо христіанство только что было принято и, очевидно, не могло оказать никакого воздѣйствія. Еще болѣе слѣдовъ пониманія внутренней стороны преступленія замѣтно въ законѣ суднomъ людямъ, но тамъ уже вліяніе византійскихъ законовъ неоспоримо [1]). Далѣе оказывается, что древнѣйшее болгарское уголовное право знало преступленія и противъ государства [2]), что вполнѣ естественно. Невозможно представить себѣ какого либо болѣе плотнаго соединенія людей, которое не карало бы и при томъ весьма строго, посягательствъ на свое собственное существованіе.

Въ отдѣлѣ о преступленіяхъ (414—459) нашъ авторъ собралъ всѣ данныя, находящіяся въ памятникахъ, и освѣтилъ ихъ весьма старательно сравнительной исторіей права, другими славянскими источниками, наконецъ, современными народными обычаями болгаръ, вы-

[1]) Ст. С. Бобчевъ. Исторія на старобългарското право. Стр. 415, 416, 422, 425, 427.

[2]) Тамъ же, стр. 455—456.

ходя при этомъ изъ общепринятаго взгляда на преступленіе. Позволю себѣ, однако, сдѣлать еще одно замѣчаніе по поводу группировки преступленій (427—459). Послѣднюю почтенный ученый беретъ изъ теоріи современнаго уголовнаго права; онъ различаетъ преступленія противъ личности съ подраздѣленіями (жизнь, тѣлесная неприкосновенность, свобода, честь, имущество), противъ семейнаго союза, противъ государства, противъ религіи. Мнѣ кажется, что примѣнять современную группировку не совсѣмъ научно потому, что преступленія измѣняются со временемъ, нѣкоторыя возникаютъ вновь, другія исчезаютъ. Задача историка-юриста—открыть такое дѣленіе, которое соотвѣтствовало бы древнѣйшимъ понятіямъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и затѣмъ прослѣдить исторически его перемѣны. Попытаемся это сдѣлать.

По моему мнѣнію, глубочайшая древность знала два рода преступныхъ дѣяній; одни дѣлали пребываніе преступника въ обществѣ совершенно недопустимымъ, ибо это навлекло бы неизбѣжно кару боговъ; другія нарушали только интересы разнообразныхъ союзовъ и не пятнали такъ неизгладимо совершителя. Признакомъ первыхъ была общественная месть и недопустимость примиренія; признакомъ вторыхъ—месть различныхъ, затронутыхъ преступленіемъ союзовъ и возможность откупа. Когда образовались большіе политическіе союзы и было введено христіанство, то появились преступленія противъ этихъ новыхъ формъ государственной и религіозной жизни. Эти преступленія могутъ быть объединены въ одну группу, ибо новыя государственность и религія вначалѣ казались народнымъ массамъ чѣмъ-то чуждымъ; онѣ поэтому и охранялись новыми карами подъ вліяніемъ образцовъ Запада и Востока. И такъ въ IX, X, XI вѣкахъ, думается мнѣ, были три группы: преступленія по существу, преступленія съ характеромъ правонарушенія, посягательства на государство и церковь. Съ теченіемъ времени, съ XII по XVI в., эта группировка постепенно забывается, и для дальнѣйшаго развитія уже имѣютъ значеніе культурныя вліянія сосѣднихъ странъ. Центръ тяжести отъ преступленія, какъ дѣянія, переносится на преступную волю. Возникаетъ типъ лихого человѣка; къ нему относятся строго, что бы онъ ни совершилъ, а вопросъ о томъ, кто лихой человѣкъ, рѣшается общественнымъ мнѣніемъ (соприсяжниками, повальнымъ обыскомъ и т. д.). Такъ представляется мнѣ развитіе понятія общеславянскаго преступленія и преступника.

Въ отдѣлѣ о наказаніяхъ (459—481) нашъ авторъ прежде всего

отмѣчаетъ исключительное значеніе частнаго интереса потерпѣвшаго въ древнемъ уголовномъ правѣ, чѣмъ оно и отличалось отъ новаго. Согласно такому взгляду онъ перечисляетъ виды наказаній по слѣдующимъ ступенямъ: месть, выкупъ и денежная пеня, наконецъ уголовныя наказанія. Мнѣ кажется такая хронологическая послѣдовательность не совсѣмъ правильною. Уже месть не есть наказаніе, а форма, въ какой проявляется древнѣйшее уголовное право; мститъ не только потерпѣвшій, но и боги, и само общество. Месть есть реакція возбужденнаго преступленіемъ чувства не только въ потерпѣвшемъ, не только въ его близкихъ, но и въ цѣломъ обществѣ. Месть приводила къ отплатѣ за зло равномѣрнымъ зломъ; слѣдовательно, первобытное наказаніе было причиненіе преступнику равнаго зла. Но въ дѣйствіяхъ, подрывающихъ самыя основы общежитія, этого было мало; здѣсь требовалась умилостивительная жертва, во всякомъ случаѣ удаленіе преступника изъ общества. Такимъ образомъ уже древнѣйшее уголовное право, по моему мнѣнію, знало уголовныя наказанія (aquae et ignis interdictio, Friedlosigkeit и т. д.). И такъ преступленія по существу приводили къ устраненію преступника изъ общества. Преступленія съ характеромъ правонарушенія могли привести къ смерти даже неповиннаго члена, а также къ членовредительству (око за око, глазъ за глазъ). Однако, здѣсь дѣло обыкновенно кончалось откупомъ, который былъ скорѣе средствомъ избавиться отъ наказанія, чѣмъ самимъ наказаніемъ. Наконецъ общественная пеня (глоба) была вначалѣ не столько наказаніемъ за нарушеніе княжескаго мира, сколько полицейскою мѣрою, имѣющею въ виду понудить союзы къ разысканію преступниковъ и къ выдачѣ ихъ головою. Высказанныя мною мысли, повидимому, устраняютъ противорѣчія между теоріей С. С. Бобчева и памятниками; напр. чрезвычайно раннее существованіе уголовныхъ казней, добросовѣстно отмѣченное авторомъ (стр. 473—479), не согласуется съ его мнѣніемъ о болѣе позднемъ ихъ появленіи, но подтверждаетъ мои взгляды на наказаніе. Дальнѣйшія измѣненія въ наказаніяхъ, выразившіяся въ стремленіи ограничить частную месть и даже совсѣмъ устранить ее, въ очень частомъ употребленіи общественныхъ пеней, въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній и т. д., изложены авторомъ безукоризненно. Онъ даже, пользуясь каноническимъ правомъ, остановился и на духовныхъ наказаніяхъ.

Четвертая часть заключаетъ въ себѣ гражданское право (482—560). Прежде всего нашъ авторъ весьма обстоятельно говоритъ о

лицахъ юридическихъ и физическихъ, а также о вліяніяхъ пола, возраста, здоровья, иностраннаго подданства и общественнаго положенія на правоспособность и дѣеспособность лицъ (483—488). Затѣмъ онъ переходитъ къ семейному праву (488—527) и здѣсь даетъ намъ превосходное изображеніе задруги (488—516). Необходимо замѣтить, что современное устройство задруги извѣстно намъ достаточно, но вопросъ о древности задруги и ея первобытной организаціи не можетъ быть еще признанъ внѣ всякихъ сомнѣній. Поэтому сообщеніе новыхъ историческихъ данныхъ составляетъ большую заслугу ученаго профессора, который въ своемъ изложеніи передаетъ результаты своихъ многолѣтнихъ изысканій, напечатанныхъ въ отдѣльномъ сочиненіи [1]).

Авторъ сначала отмѣчаетъ, что задруга встрѣчается у всѣхъ народовъ и что подлѣ нея издавна существовала и настоящая семья (родители и дѣти). И такъ задружный бытъ никакъ не можетъ быть признанъ какою-то особенностію славянъ, какъ это иногда предполагалось. Такъ какъ въ письменныхъ болгарскихъ памятникахъ почти нѣтъ указаній на задругу, то возникаетъ вопросъ, существовала ли она въ Болгаріи. Авторъ нашъ отвѣчаетъ на это утвердительно, опираясь на четыре ряда фактовъ. Названія племенъ и поселеній на „ишти“ или „или“ и на „овци“ или „евци“ свидѣтельствуетъ о происхожденіи жителей селъ и даже племенъ отъ одного прародителя. Запись 869 г. болгарскихъ посланниковъ къ папѣ Николаю II въ одномъ очень древнемъ евангеліи указываетъ на совмѣстную жизнь родственниковъ. Изъ X в. сохранилось извѣстіе о переселеніи одного боярина, болгарина, со своимъ родствомъ въ Хорватію, гдѣ ему были предоставлены обширныя земли, которыми владѣла и пользовалась его задруга. Наконецъ въ современномъ болгарскомъ обычномъ правѣ имѣются слѣдующія переживанія: круговая порука, родовой выкупъ, перешедшій потомъ въ предпочтительную покупку сосѣдей, и лишеніе наслѣдства замужнихъ дочерей. Обращаясь къ юридическому опредѣленію задруги, нашъ авторъ признаетъ ее юридическимъ лицомъ; она всегда предполагаетъ родственную связь, ибо задругъ, состоящихъ изъ постороннихъ людей на договорномъ началѣ, обычное право не знаетъ; управленіе ея носитъ патріархальный характеръ, т. е. власть „домакина“ чрезвычайно сильна; особенно такъ было въ древности. Въ этомъ своемъ прекрасномъ изложеніи почтенный

---

[1]) С. С. Бобчевъ. Българската челядна задруга въ сегашно и минало врѣме. Историко-правни студии. София. 1907.

ученый, можетъ быть, только уже очень долго останавливается на современности и какъ бы забываетъ 1399 г., этотъ предѣлъ исторіи болгарскаго права. Дальнѣйшіе отдѣлы семейнаго права (брачный союзъ, союзъ родителей и дѣтей, опека) нашъ авторъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было положительныхъ данныхъ изъ староболгарскаго права, проходитъ быстро, не останавливаясь даже на вопросѣ о томъ, существовало ли у славянъ многоженство или оно только допускалось. Въ своемъ изложеніи онъ основываетъ свои положенія преимущественно на болгарскихъ юридическихъ обычаяхъ, а также на аналогіи съ другими славянскими правами.

Наиболѣе затруднительнымъ является отдѣлъ о наслѣдственномъ правѣ (527—534) вслѣдствіе полнаго отсутствія положительныхъ данныхъ. Къ этому присоединилась еще невыработанность обычнаго права. Такъ какъ на всемъ славянскомъ югѣ все еще преобладаетъ общее сожительство семьи, которая считаетъ недвижимости общимъ своимъ достояніемъ, то вопросъ о наслѣдованіи возникаетъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Автору поэтому пришлось воспользоваться общеславянскимъ, въ особенности русскимъ правомъ, а также остановиться на турецкихъ временахъ, когда дѣйствовала Эклога, начала которой онъ и излагаетъ въ наслѣдованіи по закону.

Вслѣдствіе сравнительно большаго количества положительныхъ данныхъ гораздо полнѣе вышло у нашего автора вещное право (535—552). Онъ начинаетъ съ весьма удачнаго очерка о происхожденіи права собственности, какъ оно первоначально относилось только къ движимостямъ, этимъ результатамъ личнаго труда, и затѣмъ уже перешло на недвижимости, которыя прежде всего становились достояніемъ задругъ, общинъ, племенъ. Г. Бобчевъ указываетъ также, что слово для опредѣленія собственности даже въ наше время въ Болгаріи еще не установилось. Переходя къ „бащинамъ", вотчинамъ и „проніямъ", т. е. государственнымъ землямъ, пожизненно даваемымъ за военную службу, нашъ профессоръ передаетъ все то, что сохранилось о нихъ въ болгарскихъ памятникахъ. Изложеніемъ родового выкупа, какъ слѣдствія первобытнаго имущественнаго единства задруги, и происшедшаго отсюда права предпочтительной покупки сосѣдей оканчивается этотъ отдѣлъ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ гражданскаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлаго сочиненія помѣщено „договорное право" (552—560). Такъ какъ объ этомъ предметѣ молчатъ болгарскіе памятники, то почтенному автору пришлось дать историческій очеркъ развитія обяза-

тельствъ на основаніи сравнительной исторіи права, славянскихъ источниковъ и обычнаго права, при чемъ онъ старается отмѣтить особенности древняго обязательственнаго права сравнительно съ современнымъ.

Окончивъ оцѣнку прекраснаго труда С. С. Бобчева, намъ теперь приходится подвести итоги. Въ „Исторіи староболгарскаго права“ мы несомнѣнно имѣемъ выдающееся сочиненіе. Собрано воедино и освѣщено критически множество разбросанныхъ извѣстій о юридическомъ бытѣ старой Болгаріи. Къ этому присоединяется еще хорошее знакомство автора съ общеславянскимъ правомъ и всемірной исторіей права, что придаетъ его работѣ значеніе какъ бы очерка древнѣйшаго славянскаго общественнаго строя. Указывая всѣ эти чрезвычайныя заслуги, я позволю себѣ, однако, сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) Авторъ нашъ не отдѣлилъ болѣе древнія времена отъ болѣе позднихъ, т. е. перваго болгарскаго царства отъ второго, хотя оба они рѣзко отличаются другъ отъ друга. Для перваго болгарскаго царства слѣдовало пользоваться, кромѣ византійцевъ и новѣйшихъ археологическихъ открытій, преимущественно закономъ суднымъ людямъ въ обѣихъ редакціяхъ, такъ какъ несомнѣнно онѣ относятся къ раннимъ временамъ болгарскаго народа, который только еще слагался. Здѣсь умѣстно было пополнить пробѣлы сравнительной исторіей права и свѣдѣніями о другихъ славянскихъ племенахъ. Въ этомъ періодѣ почти нѣтъ сложившихся юридическихъ началъ; элементъ славяно-языческій, проявившійся въ богомильствѣ, и элементъ національно-болгарскій еще стоятъ мало примиренными, а христіанско-византійская образованность охватываетъ только верхи славяно-болгарскаго общества, вызывая въ народныхъ массахъ сильный отпоръ. Греческое иго значительно сблизило разнобразные этнографическіе элементы и усилило византійское вліяніе. Поэтому второе болгарское царство представляется уже болѣе установившимся, хотя этнографическіе элементы еще болѣе различны вслѣдствіе переселенія многихъ половцевъ и татаръ, а силы образованности не дѣйствуютъ однообразно, ибо проникаетъ съ юга и съ сѣверо-запада значительное западное вліяніе. Поэтому пользоваться хрисовулами при изображеніи перваго болгарскаго царства кажется мнѣ нѣсколько рискованнымъ.

2) Нашъ авторъ недостаточно строго отдѣляетъ извѣстія о Болгаріи отъ извѣстій о Сербіи и вообще о юго-славянахъ; онъ очень

часто пользуется Законникомъ Стефана Душана, хотя этотъ памятникъ относится только къ Сербіи. Возьмемъ, напр., порядокъ законнаго наслѣдованія, который изложенъ по отношенію къ бащинамъ, купленицамъ, проніямъ и движимостямъ (стр. 532). О всемъ этомъ нѣтъ ни слова въ собственно болгарскихъ памятникахъ, а изложеніе сдѣлано преимущественно на основаніи сербскихъ источниковъ. Было бы очень желательно, чтобы авторъ ограничился однѣми болгарскими данными, а ихъ темноту уже можно было бы освѣтить и дополнить другими юго-славянскими источниками. Между тѣмъ теперь нѣкоторые отдѣлы не обоснованы совсѣмъ староболгарскими данными и потому не имѣютъ доказательной силы.

3) Мы также не можемъ не высказать сожалѣнія, что г. Бобчеву, какъ извѣстному знатоку болгарской исторіи и болгарскаго народнаго быта, не пришло на мысль въ отдѣльной части изобразить бытъ болгарскаго народа подъ турецкимъ владычествомъ. Мнѣ не разъ уже приходилось отмѣчать, что описаніе развитія славянскаго права чрезвычайно затрудняется неустановленностью исходныхъ моментовъ, а это снова происходитъ отъ недостатка источниковъ. Поэтому каждое пополненіе въ этомъ отношеніи имѣло бы чрезвычайную цѣну. Если, напр., обратиться къ литературѣ славянскаго права, то мы встрѣтимся со взглядами о несуществованіи рабства у славянъ съ одной стороны и о почти рабской зависимости народныхъ массъ отъ польскихъ князей X, XI, XII вв. (современные польскіе историки-юристы) съ другой, съ мнѣніемъ о широкомъ самоуправленіи въ древнемъ славянскомъ быту (Лелевель, Мацѣевскій, русскіе и югославянскіе ученые) и съ отрицаніемъ даже всякаго понятія о самоуправленіи въ Польшѣ перваго періода (Бобржиньскій, Смолька, Бальцеръ, Кутшеба и др.), съ мыслію о томъ, что славяне долго не знали поземельной собственности, и съ предположеніемъ ея исконнаго существованія. Для рѣшенія нѣкоторыхъ изъ указанныхъ вопросовъ состояніе югославянъ во время турецкаго ига могло бы дать немало точекъ опоры. Существо вліяній византійскаго и западно-европейскаго намъ достаточно извѣстно, а турки не оказали никакого культурнаго воздѣйствія; они наоборотъ покрыли какъ бы снѣжною пеленою общественную жизнь югославянъ, которая могла только изнутри себя развивать свои начала, ибо и доступъ иностранныхъ вліяній былъ прекращенъ. Такимъ образомъ всякое проявленіе свободы личной или общественной, конечно, должно было быть отнесено ко временамъ очень отдаленнымъ, пожалуй, языческимъ славянскимъ. Много говорится о широкомъ самоуправленіи

югославянскихъ общинъ во времена турокъ, но предѣлы и формы этого самоуправленія намъ неизвѣстны; мы не можемъ поэтому учесть, на сколько здѣсь могло проявиться воздѣйствіе существованія полунезависимой церкви и на сколько это самоуправленіе можетъ быть отнесено къ переживаніямъ.

4) Авторъ нашъ не разъ переходитъ за предѣлы исторіи и останавливается на современности и даже на предположеніяхъ о будущности. Напр., излагая задружный бытъ, онъ не только говоритъ о новѣйшемъ разложеніи задруги, но и указываетъ на сильныя и слабыя стороны задружной жизни ради законодательной политики (стр. 514—516). Въ отдѣлѣ о договорахъ онъ иногда исходитъ изъ современныхъ опредѣленій закона, хотя, какъ извѣстно, всѣ югославянскія современныя законодательства, кромѣ черногорскаго имущественнаго законника, восприняли чрезвычайно много изъ иноземныхъ источниковъ. Все это, по моему мнѣнію, не относится прямо къ исторіи права и могло бы быть выпущено.

Указанные мною недостатки находятъ, однако, себѣ легко оправданіе и объясненіе. Оправданіемъ является полное, иногда, отсутствіе данныхъ изъ староболгарскихъ памятниковъ, а объясненіемъ—предназначеніе „исторіи староболгарскаго права“ служить учебникомъ. Если въ ученомъ сочиненіи возможно пропустить цѣлые отдѣлы вслѣдствіе отсутствія положительныхъ данныхъ, то въ студенческомъ курсѣ это едва ли умѣстно. Кромѣ того, еще во времена Савиньи установился взглядъ на исторію права, какъ на лучшій, даже единственно допустимый комментарій дѣйствующаго положительнаго права. Съ этой точки зрѣнія исторія права должна быть доведена до современнаго права, что и дѣлаетъ нашъ почтенный авторъ. Въ этомъ отношеніи можно только пожалѣть, что онъ не отдѣлилъ различные періоды примѣрно такъ: первое болгарское царство, второе болгарское царство, турецкое иго, періодъ возрожденія.

Ф. Зигель.

В. Всеволодскій-Гернгроссъ. Театръ въ Россіи при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ. С.-Пб. 1914. 8°. 2 нен.+99+2 нен. стр. (Оттискъ изъ Ежегодника Имп. театровъ 1913 г.).

Трудами первыхъ же историковъ русскаго театра въ значительной мѣрѣ была выяснена его исторія въ начальные годы его существованія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ. Нельзя того же сказать относительно эпохи послѣдующей—первыхъ десяти-

лѣтій по смерти великаго Преобразователя, когда особенно энергично боролось старое и новое, когда и въ области театральной неясны были тѣ пути, которыми должно было пойти искусство. Новыя находки показываютъ, что въ эти годы прочно пускаютъ корни произведенія своеобразнаго жанра, совмѣщающаго черты и школьныхъ дѣйствій, и Haupt- und Staatsactionen,—произведенія въ стилѣ пьесъ о Клеандрѣ и Неонильдѣ, о Петрѣ Златыхъ Ключахъ, Фониліадѣ и Фельдемерѣ, Ливеріи и т. п. Что этотъ жанръ драматическихъ произведеній прочно укоренился въ русской жизни, свидѣтельствуетъ появленіе въ Пензѣ въ 1738 году комедіи о графѣ Фарсонѣ. Это теченіе привело позже къ созданію театра Волковыхъ. Другое теченіе—чисто придворное; оно питалось постояннымъ заимствованіемъ, безъ тѣни сколько-нибудь самостоятельнаго отношенія къ заимствуемому, руководясь мыслью не отставать отъ Европы и ея обычаевъ.

Судьбы и той, и другой вѣтви театра въ Россіи были, да отчасти и до сей поры остаются неизслѣдованными. Авторъ книги, лежащей передъ нами, ограничился изученіемъ исторіи того театра, который задавалъ тонъ дальнѣйшему, позднѣйшему—театра придворнаго, дѣлая лишь въ концѣ книги небольшой экскурсъ въ провинцію—въ Митаву и Ригу. Такимъ образомъ заглавіе книги имѣетъ точное значеніе: авторъ слѣдитъ за исторіей театральныхъ представленій *при дворѣ* императрицы Анны Іоанновны. Такая постановка вопроса—намѣренная или ненамѣренная—значительно упрощаетъ задачу автора. Но это не умаляетъ значенія книги, составленной весьма трудолюбиво. До сихъ поръ о судьбахъ театра въ Россіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII столѣтія извѣстно было очень немногое, да и то, что было извѣстно, было разбросано въ разныхъ изданіяхъ и до книги г. Всеволодскаго-Гернгросса не сведено въ какую либо систему. Ему пришлось собрать печатный и архивный матеріалъ, самому его обработать и расположить въ исторической послѣдовательности. Особенный интересъ пріобрѣтаетъ избранная имъ эпоха потому, что въ сущности только въ эти годы XVIII столѣтія въ Россіи стали появляться на сценѣ не отбросы драматической литературы, давно пережитой въ Западной Европѣ, а живые памятники тогдашней европейской драмы, произведенія крупныхъ иногда талантовъ, какъ Метастазіо; въ качествѣ исполнителей выступили не случайные люди, въ родѣ пастора Грегори или золотыхъ дѣлъ мастера Фирштa, а настоящіе, кровные артисты, отдавшіе жизнь и талантъ на служеніе искусству. Много было неяснаго, неопредѣленнаго въ тенденціяхъ тогдашнихъ

устроителей придворнаго театра, не умѣвшихъ достаточно разобраться въ томъ, что предлагали имъ авторы и исполнители; но можно сказать, что въ лицѣ Т. Ристори, Арайи, Метастазіо, Нейберъ и друг. русская публика познакомилась съ настоящимъ сценическимъ искусствомъ, съ настоящей музыкой и драмой.

Самая идея излагать исторію театра по царствованіямъ, избранная авторомъ книги, на нашъ взглядъ, весьма удачна, поскольку рѣчь идетъ о придворномъ театрѣ. /Ни одно культурное начинаніе не стояло въ такой ясной зависимости отъ руководства высшихъ придворныхъ сферъ, какъ театръ, служившій въ XVIII вѣкѣ отвѣтомъ на эстетическіе запросы прежде всего царствующихъ особъ и ихъ придворнаго круга./Достаточно сравнить то, что было при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и при императрицѣ Екатеринѣ II.

Г. Всеволодскій-Гернгроссъ, однако, мало интересуется вопросомъ о томъ, что вліяло на тѣ или иные моменты въ жизни театра. Онъ въ хронологическомъ порядкѣ, лѣтописнымъ способомъ, безъ особыхъ претензій излагаетъ находящіеся въ его распоряженіи документы, относящіеся къ театру интересующей его эпохи. Иногда онъ приводитъ наиболѣе интересные документы цѣликомъ. Обзоръ зрѣлищъ начинается съ коронаціонныхъ торжествъ 1730 года, когда дѣйствовали „персидскіе мастера“, артисты весьма примитивнаго свойства; они ходили и танцовали на канатѣ. Однако, и съ появленіемъ нѣмецкихъ и италіанскихъ музыкантовъ персидскіе акробаты не были вытѣснены: сохранились свѣдѣнія о штатныхъ окладахъ для нихъ до 1741 г. Были у персовъ и русскіе ученики и ученицы. Въ 1731 г. выписываются въ Россію изъ Дрездена и Варшавы италіанскіе актеры и музыканты. Въ 1733 и 1736 гг. встрѣчаются новыя имена. Начавшееся движеніе укрѣпилось, и въ Петербургѣ сложилась привычка къ италіанскому театру. Такъ какъ въ Москвѣ построенный еще Кунстомъ въ 1704 г. театръ, несмотря на ремонты, оказался негоднымъ для употребленія, то была построена переносная сцена, на которой и начались спектакли съ марта 1731 г. Въ это время, кромѣ вновь прибывшихъ италіанскихъ комедіантовъ, „отправлявшихъ комедію при пѣніи“, развлекали дворъ 20 музыкантовъ, привезенныхъ еще въ 1720 г. герцогомъ Голштинскимъ Карломъ Ульрихомъ. Но изъ вновь присланныхъ польскимъ королемъ остались въ Россіи лишь немногіе артисты. Авторъ книги сообщаетъ вѣдомость о выдачѣ содержанія имъ въ декабрѣ 1731 г., а затѣмъ предлагаетъ характеристику „художественнаго облика“ наиболѣе значительныхъ

актеровъ и музыкантовъ, бывшихъ въ Россіи въ 1731 г. Онъ довольно пространно говоритъ о Томазо Ристори, Рейнгардѣ Кейзерѣ и Пьетро Миро, промѣнявшемъ скрипку на шутовской колпакъ и извѣстномъ подъ кличкой „Педрилло". Авторъ книги упоминаетъ о его продѣлкѣ съ козою, но, видимо, не знаетъ о томъ, что этотъ итальянецъ попалъ и въ лубочную литературу (см. *Ровинскій*, Русскія народныя картинки, I и V), увѣковѣчившую его шутовскія продѣлки. По отъѣздѣ этой италіанской труппы, русскій дворъ въ сентябрѣ 1732 г. пригласилъ новую, которая и прибыла въ Россію лѣтомъ 1733 г. Она оставила наиболѣе замѣтные слѣды и, видимо, очень заинтересовала высокопоставленныхъ зрителей. Былъ выстроенъ новый театръ, назначено по тому времени немалое жалованье актерамъ — 13 тысячъ рублей. Въ общемъ архивѣ министерства Императорскаго двора сохранилась опись монтировки спектаклей, изъ коей авторъ приводитъ небольшой, къ сожалѣнію, отрывокъ, хотя вообще онъ не скупъ на выписки. Въ исторіи русскаго театра этотъ 1733 годъ ознаменовался также появленіемъ статьи „О позорищныхъ играхъ, или комедіяхъ и трагедіяхъ" въ „Примѣчаніяхъ на Вѣдомости" (подробнѣе о ней см. въ *нашей* работѣ: Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра, 1907 (Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ), и напечатаніемъ при академіи сценаріевъ италіанскихъ комедій и интермедій въ переводѣ Тредіаковскаго, очень недурномъ для своего времени. Эти сценаріи отпечатаны нами полностью и скоро выйдутъ въ свѣтъ. Г. Всеволодскій-Гернгроссъ въ своей книгѣ даетъ нѣсколько извлеченій изъ статьи „О позорищныхъ играхъ" и далѣе, нѣсколько забѣгая впередъ, изъ „Историческаго описанія" объ оперѣ, составленнаго Я. Штелиномъ и напечатаннаго въ „Примѣчаніяхъ на Вѣдомости" въ 1738 году, а затѣмъ снова возвращается къ первой статьѣ. Бѣгло коснувшись commedia dell'arte, онъ переходитъ къ сценаріямъ 1733 г., приводитъ начало одного („Честная Куртизанна"), характеризуетъ кратко составъ дѣйствующихъ лицъ и обстановку и наконецъ полностью сообщаетъ „Разговоръ между Смералдіною кикиморою и Панталономъ" и сцену изъ комедіи „Переодѣвки Арлекіновы". Обращаясь къ интермедіямъ на музыкѣ, нашъ авторъ знакомитъ читателя съ содержаніемъ интермедіи „Подрятчикъ оперы въ островы канарійскіе" 1734 г. и съ частью интермедіи „Посадскій дворянинъ" 1734 г. Конечно, эти отрывки не даютъ полнаго представленія обо всѣхъ пьесахъ репертуара 1733 и 1734 гг.; но слѣдуетъ признать, что они выбраны удачно.

Съ окончаніемъ срока контракта съ труппой, въ концѣ 1734 г. стали пріискивать для придворнаго театра новыхъ актеровъ. По архивнымъ матеріаламъ г. Всеволодскій-Гернгроссъ приводитъ штатъ на 1735 г. и разсказываетъ объ участіи въ постановкѣ спектаклей кадетъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса, представлявшихъ комедію о царевичѣ Іоасафѣ и объ Іосифѣ. Это, повидимому, тѣ спектакли, въ которыхъ принималъ, по предположенію П. О. Морозова (Ист. русск. театра I, 345), участіе В. К. Тредіаковскій, получившій по этому случаю сто рублей.

Въ маѣ 1735 г. пріѣхали новые италіанскіе комедіанты, которымъ было положено по штату 20.000 руб. Списокъ актеровъ приводится авторомъ разбираемой книги по архивнымъ даннымъ (Госуд. Архива); по Штелину и иностраннымъ источникамъ онъ характеризуетъ главныхъ дѣятелей труппы, начиная съ Арайи, а затѣмъ, перечисливъ дошедшіе до насъ сценаріи 1735 г., аттестуетъ репертуаръ этой труппы, какъ болѣе серіозный, чѣмъ у труппы 1733—34 гг., съ чѣмъ, впрочемъ, можно и не согласиться. Правда, здѣсь меньше сплошь шутовскихъ сценъ, но почти въ каждой пьесѣ дѣйствуетъ та же веселая шутовская персона.

Въ 1736 г. была поставлена опера Арайи „Сила любви и ненависти“, переведенная, какъ и сценаріи 1733—34 гг., Тредіаковскимъ и вызвавшая подробное изложеніе и оцѣнку въ статьѣ Штелина, въ „Примѣч. на Вѣдомости“ 1738 года. Сообщивъ свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія танцевъ въ кадетскомъ корпусѣ, авторъ говоритъ далѣе о кантатѣ „Споръ любви и ревности“, 1736 г., о кукольномъ театрѣ въ Петергофѣ, объ италіанской интермедіи Ортолано „съ изрядными балетами“. Въ 1737 г. была представлена вторая серіозная италіанская опера „Притворной Нинъ или познанная Семіраміда“; содержанія ея г. Всеволодскій-Гернгроссъ не излагаетъ, но сообщаетъ описаніе декорацій къ ней и біографическія свѣдѣнія объ авторѣ текста, абб. Метастазіо, а также оцѣниваетъ переводчика, П. Медвѣдева, котораго, видимо, ставитъ выше Тредіаковскаго.

Въ 1737 г. и эта труппа была отпущена, и вмѣсто оперы ставятся опять „изрядные балеты“, въ результатѣ чего танцмейстеръ Ланде подаетъ челобитную объ опредѣленіи къ нему въ обученіе „12 человѣкъ малолѣтнихъ россійской націи“ и планъ учрежденія танцовальной школы, осуществленный черезъ годъ и давшій основаніе нынѣ существующему Императорскому театральному училищу въ Петроградѣ. Балеты становятся моднымъ зрѣлищемъ и въ 1738 году; однако, не

забывается и опера. 30-го апрѣля ставится новая италіанская опера „Артаксерксъ“ того же Метастазіо въ переводѣ Медвѣдева, съ музыкой Арайи. Послѣ этой постановки уѣхала еще часть италіанскихъ артистовъ, и штатъ сильно сократился. Стали выдвигаться русскіе артисты, и первымъ въ ихъ числѣ украинецъ Тимоѳей Бѣлоградскій. Въ томъ же году прибыли изъ Голландіи комедіанты акробаты, показывавшіе свое искусство и при дворѣ. Г. Всеволодскій-Гернгроссъ приводитъ афишу неизвѣстнаго года, но аналогичнаго содержанія съ тѣмъ, что было представлено голландцами. Намъ кажется, что эта афиша относится къ позднѣйшему времени.

Въ 1740 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ гр. Лёвенвольду объ учрежденіи музыкантской школы. Большинство учениковъ ея, какъ видно изъ документовъ, были русскіе. Въ этомъ и слѣдующемъ году постоянно происходили „пробы“ комедій и подготовка декорацій. Возможно, что по инціативѣ курляндскаго герцога Э. Бирона была выписана нѣмецкая труппа — труппа знаменитой Нейберъ, рожденной Вейссенборнъ, артистки и антрепренера въ своемъ родѣ замѣчательнаго. Она надѣялась поправить свои дѣла поѣздкой въ Петербургъ. Авторъ книги сообщаетъ о ней обстоятельныя свѣдѣнія. Первое выступленіе труппы состоялось 30-го апрѣля 1740 г.; репертуаръ—тотъ же, что и въ Дрезденѣ и Гамбургѣ. Но при дворѣ не прекращались интриги двухъ партій; Биронъ создавалъ нѣмецкое направленіе, гр. Лёвенвольде былъ сторонникомъ италіанскаго театра. Со смертью императрицы Анны Іоанновны и паденіемъ Бирона, противники нѣмецкаго театра восторжествовали: 30-го декабря 1740 г. труппа получила деньги на выѣздъ, а 8-го января 1741 г. была офиціально отпущена въ Лейпцигъ; въ Петербургъ же, при посредствѣ балетмейстера Ланде, пытались пригласить французскую труппу, а чрезъ капельмейстера Брайи—италіанскую.

Въ заключеніе г. Всеволодскій-Гернгроссъ сообщаетъ довольно скудныя свѣдѣнія о театрахъ Крейтцера и Вейднера къ Ригѣ и Митавѣ за время царствованія императрицы Анны Іоанновны — по работѣ Морица Рудольфа; здѣсь приводятся любопытныя афиши, изъ которыхъ видно, что въ пьесахъ остзейскихъ театровъ также участвовали Harlequin и Pantalon, обычные персонажи италіанской комедіи.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе новаго труда по исторіи театра въ Россіи XVIII в.

Далеко не все, о чемъ разсказываетъ въ своей книгѣ г. Всево-

лодскій-Гернгроссъ, является новостью въ исторической литературѣ. Объ эпохѣ, его интересующей, писали: *Пекарскій* въ Исторіи Императорской Академіи Наукъ, *Морозовъ* въ Исторіи русскаго театра, *Сиповскій* въ статьѣ объ италіанскомъ театрѣ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (Русск. Стар. 1900, іюнь); кое-что было и въ другихъ работахъ, которыми авторъ разсматриваемой книги не пользовался; такъ объ операхъ—въ работѣ *Свѣтлова*, напечатанной въ томъ же Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ; о Тредіаковскомъ какъ теоретикѣ драмы—въ нашихъ Изслѣдованіяхъ, т. 3, ч. 1; о теоретическихъ статьяхъ, посвященныхъ театру и напечатанныхъ въ „Примѣчаніяхъ на Вѣдомости“ 1733, 1738 и 1739 гг.—въ нашей же работѣ „Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра“ (Изв. Акад. Наукъ, 1907 г. и отд.); кое-какія подробности къ исторіи зрѣлищъ при Аннѣ Іоанновнѣ нашелъ бы г. Всеволодскій-Гернгроссъ и въ трудѣ *Ровинскаго* „Русскія народныя картинки“, а ознакомившись съ работой *Н. М. Петровскаго* „Комедія о гр. Фарсонѣ“ и нѣкоторыми другими текстами свѣтской, но не придворной драмы, смогъ бы представить шире ростъ интереса къ драматическому искусству въ изучаемую имъ эпоху. Къ сожалѣнію, авторъ положилъ въ основаніе своей работы только три первыя изъ названныхъ выше, а также сборникъ документовъ—„Внутренній бытъ русскаго государства“, и общеизвѣстныя свидѣтельства Штелина, Вѣдомостей, а затѣмъ, игнорируя печатную литературу, устремился почти исключительно въ область архивныхъ данныхъ, чрезвычайно скудныхъ, отрывочныхъ и говорящихъ лишь о *внѣшней* сторонѣ театра: о штатахъ труппъ, о приглашеніи однихъ и отставкѣ другихъ, о требованіи того или иного матеріала для спектакля. Г. Всеволодскій-Гернгроссъ справедливо полагаетъ, что „Исторія театра—это исторія актера, его искусства, исторія сценическихъ постановокъ, въ которыхъ роль драматурга если не уступаетъ роли актера, режиссера, художника, бутафора и освѣтителя, то во всякомъ случаѣ ихъ не превосходитъ“ („Отъ автора“). Правъ онъ, на нашъ взглядъ, говоря, что въ большинствѣ изслѣдованій по исторіи театра мы находимъ лишь исторію драматической литературы, противъ чего онъ протестуетъ въ своемъ обращеніи къ читателю. Очевидно, его задачи—иныя, необычныя. И надо сознаться, книга гораздо богаче предшествующихъ трудовъ объ исторіи театра той же эпохи мелкими архивными справками о внѣшней, матеріальной части театральной жизни, извлеченными изъ общаго архива министерства Императорскаго двора, изъ государственнаго архива, архива

I кадетскаго корпуса и др. Но съ другой стороны—авторъ забываетъ, что исторія театра заключается именно въ исторіи *искусства*, а не въ исторіи перемѣщеній и назначеній, приглашеній на службу и отставокъ. Не въ выпискѣ стольких-то кусковъ крашенины и стольких-то париковъ заключается смыслъ исторіи театра; это—только вспомогательный матеріалъ для возсозданіи монтировки спектакля, а самыя свѣдѣніи наши о монтировкѣ, почерпнутыя изъ архивовъ—лишь основанія для сужденія о степени эстетическаго развитія потребностей и вкусовъ изучаемой среды. Г. Гернгроссъ долженъ былъ, на нашъ взглядъ, прочесть нѣчто новое, скрывающееся за этими свѣдѣніями, извлеченными изъ архивовъ. Сами по себѣ они имѣютъ лишь интересъ куріознаго обломка старины, а комбинація ихъ—интересъ сборника документовъ, еще не обработанныхъ, не получившихъ историческаго истолкованія и освѣщенія. Намъ кажется, автору необходимо было прежде всего расчленить изучаемое явленіе, а не валить все въ кучу, безъ разбора. И внѣшняя сторона театра, и литературная, и исполненіе, и понятія публики, отношеніе ея къ спектаклю, и отзывы критики, и теоретическіе трактаты—все это цѣнный матеріалъ, но нужно было его иначе расположить и нѣсколько иначе использовать. Изъ книги г. Всеволодскаго-Гернгросса мы узнаемъ, сколько платило правительство актерамъ (для большей ясности представленія слѣдовало бы перевести цифры на нашъ счетъ), но узнаемъ ли мы, какъ игралъ артистъ? Мы не ограничиваемся удовлетвореніемъ нашей любознательности относительно сроковъ службы и вознагражденія актера—мы желаемъ знать и *то, что* онъ игралъ. Обо всемъ этомъ приходится говорить потому, что г. Всеволодскій-Гернгроссъ самъ поставилъ себѣ чрезвычайно сложную задачу дать разностороннюю картину жизни театра при Аннѣ Іоанновнѣ. Нельзя не указать, что въ итогѣ этой картины не получилось; авторъ собралъ лишь матеріалъ, расположивъ его хронологически, т. е. не пошелъ въ техникѣ построенія исторіи театра далѣе своихъ предшественниковъ. По сравненію съ ними у него есть еще очень серіозный дефектъ, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ: это своеобразная и въ научной литературѣ оставленная нынѣ манера пользоваться документами.

Мы не имѣли возможности провѣрить *всѣ* выписки г. Всеволодскаго-Гернгросса изъ источниковъ XVIII в.; но если обратимся къ его выпискамъ изъ „Примѣчаній на Вѣдомости“, то отмѣтимъ чрезвычайно легкомысленное отношеніе къ тексту ихъ. Прежде всего, читатель можетъ легко впасть въ заблужденіе думая, что источникъ

говоритъ именно то, что говоритъ его устами авторъ книги. Такъ, поставивъ кавычки, авторъ цитируетъ изъ статьи „о позорищныхъ играхъ" 1733 г., стр. 175-ю; за симъ—181-ю, далѣе—„Історическое описаніе" объ оперѣ Штелина 1738 г., перескакивая со стр. 67 на 68-ю, а затѣмъ на 162, 163-ю и снова на 72-ю. Ничѣмъ не оговорены пропуски и переходы, все—въ одну строку. Не обозначаются также пропуски цѣлыхъ предложеній, напр. на стр. 20-й имѣемъ цитату, качество которой становится ясно изъ сопоставленія съ подлинникомъ:

Прим. на Вѣд. 1733 г., стр. 175:	*Г. Всеволодскій-Гернгроссъ, стр. 20:*
„И какъ въ древнія времена *Греки и Римляне, паче всѣхъ прочихъ народовъ, изрядно учрежденнымъ житіемъ и добрымъ разсужденіемъ о всѣхъ вещахъ славны были;* такъ видимъ мы что еще и нынѣ у наибольшихъ політічныхъ народовъ позорищныя игры отъ часу въ большее употребленіе и возращеніе приходятъ [1]). Хотя и всегда много такихъ находилося которые всѣ комедіи *и* трагедіи изъ добрѣ учрежденнои а особливо Хрістіанскую вѣру содержащеи републіки совершенно искоренить хотятъ; однакожъ...	„И какъ въ древнія времена, такъ видимъ мы еще и нынѣ у наибольшихъ политичныхъ народовъ позорищныя игры отъ часу въ большее употребленіе и воз*в*ращеніе приходятъ. Хотя и всегда много такихъ находилось, которые всѣ комедіи трагедіи изъ добрѣ учрежденнои а особливо Хрістіанскую вѣру содержащеи республіки совершенно искоренить хотятъ; однакожъ...

Безспорно, исправить безъ оговорки явную опечатку, въ родѣ „пряходятъ"—не составляетъ промаха историка; но измѣнять слова произвольно и допускать пропуски, искажающіе смыслъ — давно признано недопустимымъ; однако, у г. Всеволодскаго-Гернгросса въ этомъ отношеніи—все позволено; ниже—читаемъ: вм. *быть—бы*, вм. *возращеніе — въ возвращеніе*; въ фразѣ (стр. 21) „сіе представленіе дѣлается живыми персонами, *которыя* сколько возможно состоянію ума и тѣла представляемыхъ лицъ въ рѣчахъ и поступкахъ подражать долженствуютъ" — авторъ выбрасываетъ „ко-

[1]) Въ ориг. „пряходятъ".

торыя“ и совершенно лишаетъ фразу смысла. На стр. 22-й читаемъ „сам*а*го“ вм. „сам*о*го“, „и *в*зрядно“ вм. „изрядно“; внизу страницы ясное выраженіе печатнаго источника „*стиховнаго* изображенія“—превращено въ „*стихотворнаго*“. Говоря объ операх и цитируя статью Штелина изъ „Примѣч. на Вѣдомости“ 1738 г., именно стр. 67-ю (у Всеволодскаго-Гернгросса—на 23-й), слѣдовало бы процитировать и предыдущій абзацъ, который ясно показываетъ, къ какой публикѣ обращался авторъ статьи объ оперѣ: „Что опера есть такой родъ театральныхъ дѣйствій которыя показываются отъ поющихъ лицъ, и что въ ней не только слухъ чрезъ непрерывное соединеніе съ поющими голосами Інструментальныя музыки, но и зрѣніе чрезъ остроумныя представленія и машіны весьма чрезвычайнымъ образомъ увеселяется, *о томъ въ нынѣшнія времена и сказывать почти ужѐ не для чего*“.... Эта статья Штелина цитируется столь же небрежно, какъ и статья 1733 года: вм. „вѣк*и*“—у г. Всеволодскаго-Гернгросса находимъ „вѣк*а*“, вм. „Фаетонта“—„Фаэтона“, вм. „тѣ*ж*ъ самыя...“ — „тѣ*м*ъ самыя“ (стр. 23); вм. „къ *сочиненію*“— „къ *сложенію*“ (Прим. 163 стр.); вм. „Сею *тѣнью* изображаются многія зѣло дивные виды и ихъ пр*е*мѣненія“ (Прим. 182 стр., у г. Всеволодскаго-Гернгросса—25-я) читаемъ „Сею *рѣчью* изображаю*щія* многія зѣло дивные виды и ихъ пр*и*мѣненія“, что является уже весьма серіознымъ искаженіемъ; или вм. „танц*у*ютъ“ и „конч*и*тся сія *славная* опера“ (Прим. стр. 179)—читаемъ „танц*евали*“ и „конч*ае*тся сія *главная* опера“ (Всеволодскаго-Гернгросса стр. 64). Выписывая мѣсто у Штелина о началѣ интермедій въ Италіи (Прим. 1738 г., стр. 162), нашъ авторъ послѣ словъ „Тамошнимъ жителямъ, которые всегда токмо о новыхъ веселіяхъ стараются, показалась совершенная опера уже чрезмѣрно важна“ — опускаетъ, не обозначая пропуска, слѣдующую тираду: „Надобно было нѣчто вымышлять, чтобы смотрителей, которые представляемыми пристрастіями въ особливое чувствіе приводятся, во время самаго дѣйствія могло нѣсколько успокоить, и при важныхъ размышленіяхъ увеселить нѣкоторыми шутками. Въ самую оперу того примѣшивать безъ умаленія ея красоты было не можно“. Этотъ пропускъ, можетъ быть, сдѣланъ потому, что тирада показалась мало значительной; между тѣмъ она рисуетъ намъ черту эстетическихъ понятій тѣхъ, кто въ 1730-хъ годахъ былъ эстетическимъ руководителемъ публики, читавшей „Вѣдомости“, и объясняетъ присутствіе интермедій на музыкѣ среди сценаріевъ 1733—1735 годовъ. Еще примѣръ своевольнаго отношенія къ тексту источника:

Примѣч. 1738 г., стр. 72.	*г. Всеволодскій-Гернгроссъ, стр. 24.*
„Въ малыхъ сочиненіяхъ произошла отъ сего соединенія и перемѣны *Кантата*, то есть малое пѣніемъ представляемое дѣйствіе; а въ большихъ, *Драмма* со всѣми ея различными родами“...	„Въ малыхъ сочиненіяхъ произошла отъ соединенія рец*а*тивовъ съ аріями Кантата; а въ большихъ, Драмма со всѣми ея различными родами“...

Далѣе тамъ же вм. „Діалого“—„Діалогъ“, вм. „пастушскія“—„пастушескіе“—очевидно, съ цѣлью модернизовать источникъ.

За симъ, г. Всеволодскій-Гернгроссъ возвращается къ статьѣ 1733 г. „о позорищныхъ играхъ“. Послѣдуемъ за нимъ и убѣдимся, какъ небрежно онъ читаетъ источники. Онъ цитируетъ стр. 181 и 182 „Примѣчаній“ не только съ ошибками, но и съ пропусками, при чемъ въ одномъ случаѣ пропускаетъ то, что можетъ имѣть значеніе для историка не менѣе важное, чѣмъ исчисленіе расходовъ на матеріалъ, именно (послѣ словъ: „Преизрядныя изображенія рѣчей въ себѣ замыкаютъ“): „Равнымъ же образомъ и въ самомъ представленіи какъ и въ надлежащемъ одѣяніи и украшеніи театра, такъ и въ нужныхъ машінахъ ничего того не пренебрегается, что къ подражанію естества, сколько возможно, требуется. Ежели же гдѣ потребныхъ къ тому иждивеніи нѣтъ или комедіанты не въ состояніи находятся такихъ дорогихъ и славныхъ дѣйствъ учинить, то въ такомъ случаѣ обыкновенно нѣчто худшія и не такъ порядочно сочиненныя позорищныя игры представляются, *которыя иногда съ надлежащими правилами не во всемъ сходны бываютъ. Еще худшіе комедіанты то тамъ, то индѣ скитаются, а особливо часто по ярманкамъ волочатся, гдѣ подлой народъ ихъ непорядочными представленіями забавляется*“. Это драгоцѣнное для историка свидѣтельство объ устарѣвшихъ пьесахъ типа комедіи о графѣ Фарсонѣ и о скитающихся по ярмаркамъ комедіантахъ—опущено безслѣдно, даже безъ обозначенія точками, новымъ историкомъ русскаго театра XVIII вѣка. Далѣе, наблюдаемъ неотмѣченный же пропускъ въ концѣ выписки о кукольныхъ представленіяхъ (между словами „... производить надлежало“ и „Иныя подражанія...“ (Всеволодскій-Гернгроссъ, стр. 25).

Г. Всеволодскій-Гернгроссъ, привлекая статью Штелина къ обрисовкѣ судебъ театра въ Россіи, долженъ былъ также обратить вни-

маніе на то, что говоритъ этотъ авторъ о ставшей уже прочнымъ достояніемъ придворнаго театра италіанской комической оперѣ, именно на строки, посвященныя „забавнымъ персонамъ", съ которыми русская публика познакомилась еще въ 1733—35 гг.: „Забавныя персоны, которыя, впрочемъ, во всѣхъ італіанскихъ театральныхъ || дѣйствіяхъ необходимо представлены быть долженствовали, какъ напримѣръ Арлекінъ, Панталонъ, Докторъ, Полічинеллъ, Скапінъ, Ковіэлло, Капітано Спаньіôло или Спавентозо, Брігелла, Скарамутцо, и прочіе буффоні, *которые еще и понынѣ наибольшую часть въ испорченой Італіанской комедіи занимаютъ*, отъ оперы были совершенно отлучены, а употреблены одни только важныя, умъ и чувства удивительнымъ образомъ услаждающія и при томъ весьма чудесныя представленія" (Прим. на Вѣдом. 1738 г., стр. 77—78). Слѣдовало бы обратить вниманіе и на стр. 66 той же статьи.

Мы не напрасно остановились на разсмотрѣніи отношенія автора разбираемой книги къ источнику, можетъ быть, съ его точки зрѣнія и не первостепенной важности, но, во всякомъ случаѣ—достаточно серіозному, а главное доступному, ибо печатному. Какъ мы видѣли, пользуется имъ нашъ авторъ довольно небрежно, опуская даже то, что для историка бытовыхъ явленій имѣетъ особую цѣну; пропуски свои авторъ не отмѣчаетъ, допускаетъ измѣненія въ словахъ. При этихъ условіяхъ невольно рождается вопросъ: какую цѣну, въ отношеніи точности, имѣютъ довольно многочисленныя извлеченія изъ рукописныхъ, болѣе трудно читаемыхъ архивныхъ источниковъ?

Кстати будетъ умѣстно коснуться и воспроизведенія текста нѣкоторыхъ пьесъ 1733—1734 гг. въ книгѣ г. Всеволодскаго-Гернгросса. На первый взглядъ онъ старается въ извлеченіяхъ изъ сценаріевъ соблюсти даже точность въ передачѣ особенностей старинной орѳографіи, напр. читаемъ: „сліозы, этова, ничево" и т. д. (стр. 33), создавая иллюзію точнаго воспроизведенія оригинала; на самомъ же дѣлѣ приводимые тексты полны грубыхъ опечатокъ. Такъ на стр. 32 вѣжество вм. вѣжство, отомститъ вм. отмстить, Русскіе вм. рускія; на стр. 33—пришелъ вм. пришолъ, который вм. которой, оный вм. оной, отъѣзжалъ вм. отъѣжжалъ, Пантолона вм. Панталона; на стр. 34—*вѣдь* вм. веть, очень вм. очюнь, сдѣлали вм. здѣлали, попадешься вм. попадіотся; на 35—колбасъ вм. калбасъ, моей вм. своей (4 стр. снизу). Часть этихъ варіантовъ, внесенныхъ издателемъ въ текстъ сценаріевъ, объясняется стремленіемъ ввести нашу совре-

менную ороографію. Но порою мы наталкиваемся и на болѣе серіозныя отступленія отъ оригинала, сильно искажающія его. Такъ, въ 1-й интермедіи „Посадской дворянинъ“ 1734 г., кромѣ опечатокъ, находимъ: стр. 38 — поступ*и*ла вм. поступ*а*ла, такъ *ли* вм. такъ *же*, но вм. на, загадочное „ро*п*ега io *и*on l'ho“ вм. ро*v*era io *n*on l'ho“; стр. 39—въ то*м*ъ вм. въ то*ж*ъ; 40—скор*ѣ*е вм. скоряе; стр. 41—s*t*agello вм. *f*lagello и др. Неряшливость доходитъ до двухъ ошибокъ въ трехъ словахъ, изъ которыхъ состоитъ строчка: стр. 42— „Д*а*ракъ уж*ѣ* бредитъ“ — но ничего подобнаго нѣтъ въ оригиналѣ. Въ XVIII в. внимательнѣе и грамотнѣе печатали текстъ интермедій.

Отъ текста документовъ и цитатъ изъ пьесъ перейдемъ къ нѣкоторымъ вопросамъ, затронутымъ авторомъ книги.

На стр. 19—20 авторъ касается разсужденія В. Тредіаковскаго о драмѣ (ссылка на изд. Смирдина, но лучше бы воспользоваться „Сочиненіями и переводами“ изд. 1752 г., т. II). Онъ утверждаетъ, что это разсужденіе „цѣликомъ базируется на французскихъ изслѣдователяхъ античнаго театра и теоретикахъ новѣйшей комедіи“. Объ отношеніи воззрѣній Тредіаковскаго къ его возможнымъ источникамъ писали нѣкогда мы (Изслѣдованія и матеріалы, 1902 г., т. III, ч. 1, стр. 61) и пришли къ такимъ выводамъ: „Въ своихъ воззрѣніяхъ на существо и исторію комедіи Тредіаковскій рабски шелъ за своими авторитетами — Ролленемъ, Сентъ-Эвремонтомъ, Боало и іезуитами Брюмоа и Рапенемъ (а не Ропеномъ). Послѣднимъ онъ пользовался по парижскому изданію 1654 года“. Рапень могъ дать, какъ и другіе названные авторы, только то, что̀ преподавалось въ школѣ. Школа іезуитовъ, выработавшая опредѣленный канонъ эстетическихъ законовъ, была перенесена православными украинцами — іерархами и учителями — въ Кіевъ и Москву. И если сравнить, какъ сдѣлали мы своевременно, теорію Тредіаковскаго и французскихъ теоретиковъ, особенно іезуитовъ, то окажется, что зависимость Тредіаковскаго отъ рукописныхъ школьныхъ піитикъ не должна подлежать сомнѣнію [1]). Онъ бралъ у называемыхъ имъ авторовъ то, что уже прочно внѣдрилось въ него путемъ той школы, которую онъ прошелъ. Его разсужденіе было не только „компиляціей французскихъ классиковъ“: оно было тѣмъ зеркаломъ, которое, наглядно, въ печатномъ видѣ продемонстрировало то, что путемъ рукописныхъ учебни-

---

[1]) Эта зависимость еще болѣе подчеркивается, если принять во вниманіе матеріалы, опубликованные проф. *Рѣзановымъ* въ его „экскурсѣ“.

ковъ распространялось уже болѣе вѣка въ средѣ учащихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, что разсужденіе Тредіаковскаго „мало интересно“, какъ утверждаетъ историкъ театра эпохи Анны Іоанновны. Судя о различныхъ моментахъ въ развитіи театральнаго искусства, мы не можемъ выбрасывать „менѣе интересное“ и сосредоточивать вниманіе на „болѣе интересномъ“. Самъ г. Всеволодскій-Гернгроссъ понимаетъ это, извлекая изъ архивовъ далеко не занимательные для широкой публики документы. Взгляды Тредіаковскаго, будучи для своего времени еще болѣе шаблонны, чѣмъ у автора статьи „О позорищныхъ играхъ“, характеризуютъ чрезвычайно мѣтко тотъ моментъ, когда у насъ стали лицомъ къ лицу съ европейскимъ *современнымъ* театромъ. Эти взгляды — необходимый отправный пунктъ для историка эстетическихъ воззрѣній на театръ. Думается, что исторія театра не исключаетъ необходимости изученія и этой стороны проявленій интереса къ театру, при томъ — не въ меньшей степени, чѣмъ изученіе тѣхъ матеріальныхъ подробностей, которыя по преимуществу привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашего историка.

Разъ мы коснулись Тредіаковскаго и его дѣятельности какъ теоретика драмы, умѣстно вспомнить и о его участіи въ постановкахъ пьесъ, о чемъ — у Пекарскаго и у Морозова, а также объ участіи въ переводѣ сценаріевъ 1733—1735 гг., о чемъ говорится въ разсматриваемой книгѣ весьма кратко на стр. 89. Повидимому, сценаріи переводились съ итальянскаго на французскій, а затѣмъ уже на русскій и нѣмецкій языки, но не всѣ они удостаивались перевода на два послѣднихъ языка. Повидимому,—на основаніи показанія реестра пьесъ, переведенныхъ Тредіаковскимъ (*Пекарскій*, Истор. Акад. Н., II, 59)—„Скороходъ ни къ чему годной“ былъ переведенъ только на русскій языкъ, безъ соотвѣтствующаго нѣмецкаго текста. Обращались къ Тредіаковскому съ требованіемъ переводить сценаріи безъ всякаго стѣсненія—не даромъ онъ еще въ октябрѣ 1733 г. обязался „переводить съ французскаго на русскій языкъ *все*, что ему дается“ (*Пекарскій*, Ист. Ак. Н., II, 43). Въ 1735 году, очевидно, по примѣру прежнихъ лѣтъ, онъ получилъ письмо такого содержанія: „по приказу обрѣтающагося командира, дѣйствительнаго камергера барона фонъ Корфа велѣно тебѣ камедіановъ отъ ректора Аволія взять нѣсколько камедіевъ и интермедіевъ для переводу заблаговременно“ (*Пекарскій*, тамъ же, 59). Въ своей просьбѣ, поданной въ сенатъ въ 1746 г., Тредіаковскій писалъ: „также я *токмо одинъ* переводилъ всѣ перечни (т. е. сценаріи) италіянскихъ комедій и всѣ бывшія

тогда інтермедіи... которыя *всѣ напечатаны*“ (Москвитянинъ, 1851 г., № 11, кн. 1, стр. 230). Однако, это послѣднее обстоятельство не даетъ еще намъ права считать всѣ напечатанные сценаріи и интермедіи 1733 и 1735 гг.—переводами Тредіаковскаго. Въ перечнѣ переводовъ его, напечатанныхъ при Академіи, значится всего 32 пьесы, тогда какъ до насъ дошло въ сборникѣ Академіи Наукъ, IV б. 4276—39 пьесъ. Кромѣ того не всѣ пьесы однообразны въ отношеніи языка. Такимъ образомъ вопросъ о принадлежности перу Тредіаковскаго *всѣхъ* переводовъ сценаріевъ 1733—1735 гг. долженъ пока считаться нерѣшеннымъ.

Съ этимъ же вопросомъ связанъ и другой: Уникомъ ли является академическое изданіе (экземпляръ?), описанное въ статьѣ Сиповскаго? Г. Всеволодскій-Гернгроссъ думаетъ, что да (стр. 19). Мы въ этомъ съ нимъ не согласны: изъ 39 пьесъ — 30 было извѣстно Сопикову, который ихъ зарегистровалъ въ своемъ Опытѣ россійской библіографіи. Слѣдуетъ думать, что онъ имѣлъ передъ собою экземпляры, принадлежавшіе тогда Императорской Публичной Библіотекѣ (теперь ихъ тамъ мы не нашли). Далѣе—въ той же библіотекѣ Академіи Наукъ имѣется еще 11 пьесъ изъ числа вошедшихъ въ сборникъ, переплетенныхъ отдѣльно, по одной. Наконецъ, 9 пьесъ въ такомъ же видѣ было въ библіотекѣ В. Н. Рогожина и поступило по его смерти въ библіотеку Историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ. Кромѣ того, италіанскіе сценаріи были переведены и на нѣмецкій языкъ; сборникъ ихъ также сохранился въ академической библіотекѣ и заключаетъ въ себѣ нѣкоторые сценаріи, не дошедшіе до насъ въ русскомъ переводѣ.

Г. Всеволодскій-Гернгроссъ утверждаетъ, что „наши сценаріи ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ сценаріевъ итальянской комедіи“ (стр. 28). Это нѣсколько неточно и именно — съ театральной точки зрѣнія. Достаточно взять хотя бы сборникъ *Bartoli*, Scenari inedite, чтобы замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ италіанскіе сценаріи гораздо короче нашихъ, изложеніе болѣе сжатое, въ немъ совершенно нѣтъ мѣста эпическому элементу; они какъ бы слѣдятъ за *жестами* актеровъ, подсказывая имъ необходимыя движенія. Кромѣ того, италіанскіе сценаріи имѣютъ дѣленіе содержанія на *акты* и *сцены*; наши—только на акты, при чемъ эти послѣдніе подраздѣляются на части въ зависимости отъ необходимой *обстановки*: дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ, на берегу моря, въ лѣсу и т. д. Такимъ образомъ—здѣсь выступаетъ на видъ другой принципъ дѣленія дѣйствія.

Наконецъ, итальянскіе сценаріи (правда, не всѣ, а напр., изданные упомянутымъ Bartoli) въ заключеніе предлагаютъ списокъ „Robe necessarie“, чего у насъ нѣтъ по понятной причинѣ: у насъ сценаріи играли роль не руководства для актеровъ, а либретто для зрителей, не понимавшихъ италіанскаго языка актеровъ.

Можно также усумниться относительно того, была ли статья „О позорищныхъ играхъ или комедіяхъ и трагедіяхъ“ 1733 г. „первымъ свѣтскимъ разсужденіемъ“ у насъ въ Россіи на эту тему. Достаточно заглянуть въ работы проф. Н. П. Петрова и въ наши „Изслѣдованія“, т. I, чтобы убѣдиться въ томъ, что значительная часть интеллигентнаго общества въ Московской Россіи съ начала XVIII в. была просвѣщена относительно театра свѣдѣніями, шедшими съ юга, изъ Руси Кіевской. Не забудемъ, что школьная драма вовсе не была исключительно духовной, религіознаго содержанія. Школьныя руководства въ Московской академіи, въ провинціальныхъ школахъ, заводимыхъ архіереями-украинцами, распространяли о драмѣ и театрѣ вообще такія свѣдѣнія, какія мы, въ сущности, находимъ и у Тредіаковскаго и въ статьѣ „О позорищныхъ играхъ“. Эту статью нельзя считать также и первою *печатною* статьею о театрѣ, появившеюся на русскомъ языкѣ. Изъ нашей работы „Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра“, 1907 г. г. Всеволодскій-Гернгроссъ могъ ознакомиться съ дѣйствительно первою печатною статьею о театрѣ на русскомъ языкѣ—правда, весьма скромнаго содержанія, именно „О началѣхъ трагедіи и комедіи“ и „О началѣ сатирской и новой комедіи“ въ книгѣ „Полидора Виргилія Урбинскаго осмь книгъ о изобрѣтателѣхъ вещей“. М. 1720 г.

Еще нѣсколько словъ объ операхъ 1736—1736 годовъ, представленныхъ при Дворѣ.

На стр. 57 и слѣд. нашъ авторъ разсказываетъ о „драммѣ на музыкѣ“ — „Сила любви и ненависти“, представленной въ 1736 г.; онъ знаетъ русское изданіе параллельно съ италіанскимъ. Но было напечатано въ томъ же году и нѣмецкое: „*Die Macht* | *der Liebe und des Hasses* | ein | Musikalisches Schauspiel | auf Allerhöchsten Befehl | Jhro Kayserl. Majestät | *Anna Ioannowna* | Kayserin | und | Selbstherscherin von gantz Russland | etc. etc. etc. | auszuführen | auf der neuen Schaubühne | an dem | Kayserlichen Hofe | zu St. Petersburg. 1736. | St. Petersburg. gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften“. 8°, 103 стр., съ параллельнымъ италіанскимъ текстомъ. Экземпляръ хранится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ подъ

шифромъ $\frac{\text{XIV Cc}}{32}$. На стр. 6 и 7, въ обоихъ текстахъ — свѣдѣнія объ авторахъ пьесы. Имя переводчика на нѣмецкій языкъ не указано.

На стр. 67 и слѣд. сообщаются данныя о представленной въ 1737 г. оперѣ „Притворной Нінъ или познанная Семіраміда“ Метастазіо и Арайи. И эта пьеса имѣла нѣмецкое изданіе—„*Der verstellte Ninus* | oder | *Die wieder ent deckte Semiramis* | in einer | Opera—auf aller höchsten Befehl | Jhro Kayserl: Majest: | *Anna Ioannowna* | Kayserin | und | Selbstbeherrscherin von gantz Russland | auf geführt | auf der neuen Schaubühne | des Kayserl. Pallastes | zu St. Petersburg | 1737. | Gedruckt bey der Kayserl. Akademie der Wissenschafften. | 8°, 175 стр., съ параллельнымъ италіанскимъ текстомъ. Экземпляръ—въ библіотекѣ Академіи Наукъ, шифръ—$\frac{\text{XIV Cc}}{33}$. На стр. 8—9 указаны авторы: Метастазіо и Арайа, а также—на второстепенномъ мѣстѣ—переводчикъ, „Traduzzione Tedesca in versi Sciolti del Giac. Stehlin, Akademico Imper. delle Scienze“, „Die deutsche Uebersetzung von Jac. Staehlin, der Kayserl. Akademie der Wissenschafften Mitglied“.

Заканчивая наши замѣчанія о новой книгѣ по исторіи русскаго театра, мы резюмируемъ сказанное выше. Авторъ старался собрать все, что было въ его силахъ, особенно же—архивныя свидѣльства о театрѣ въ изучаемую имъ эпоху. Но въ стремленіи исчерпать архивныя данныя онъ нѣсколько невнимательно отнесся къ печатной литературѣ. Въ пользованіи источниками—что мы могли прослѣдить относительно „Примѣч. на Вѣд.“ и сценаріевъ — онъ обнаруживаетъ совершенно любительскую безпомощность; вѣрить его цитатамъ можно съ большою осторожностью. Несомнѣнно, будущему ученому изслѣдователю исторіи театра XVIII в. придется, пользуясь указаніями г. Всеволодскаго-Гернгросса, самому обратиться къ архивному матеріалу и тщательно провѣрить его показанія. Авторъ книги обѣщаетъ въ будущемъ дать еще нѣсколько „монографій“, подобныхъ разсмотрѣнной. При несомнѣнномъ трудолюбіи онъ это, надѣемся, исполнитъ. Но пусть въ будущемъ онъ съ бóльшимъ вниманіемъ отнесется къ тѣмъ сторонамъ работы, которыя вызвали съ нашей стороны нѣсколько критическихъ замѣчаній.

Вл. Перетцъ.

Н. Д. Силинъ. Австро-Венгерскій банкъ. Изслѣдованіе по вопросу объ отношеніяхъ между центральнымъ и эмиссіоннымъ банкомъ и государствомъ. Москва. 1913.

Работа г. Н. Д. Силина посвящена вопросу исторіи денежнаго обращенія и отношеніямъ между эмиссіоннымъ банкомъ Австріи и государствомъ, а также попыткамъ возстановленія размѣна въ Австріи.

Это—обширный трудъ, гдѣ развертывается передъ нами картина жизни австро-венгерскаго банка съ начала прошлаго столѣтія и кончая уставомъ 1911 г.

Денежное обращеніе Австріи представляетъ большой интересъ, вслѣдствіе сложныхъ элементовъ, оказывающихъ на него вліяніе. Многое напоминаетъ здѣсь исторію нашего государственнаго банка, хотя бы внѣуставныя ссуды, выдаваемыя въ прямое нарушеніе устава, въ интересахъ вліятельныхъ лицъ и фирмъ (стр. 142), отношеніе правительства къ банку: правительство пользовалось печатнымъ станкомъ такъ же, какъ и у насъ, какъ средствомъ полученія кредита (стр. 148); то же разнообразіе мнѣній по вопросу о возстановленіи размѣна, напримѣръ, мысль поднять курсъ бумажныхъ денегъ путемъ оживленія обращенія (стр. 128); девизная политика, примѣняемая въ Австріи, какъ и у насъ, для регулированія вексельныхъ курсовъ—все это говоритъ за удачность выбора темы. Тема, несомнѣнно, имѣетъ жгучій интересъ, и Австрія съ точки зрѣнія денежнаго обращенія представляетъ богатый, я бы сказалъ, „клиническій" матеріалъ, и здѣсь много поучительнаго для насъ, если, конечно, использовать этотъ матеріалъ, какъ слѣдуетъ.

Нельзя далѣе не поставить въ заслугу автору и примѣненіе сравнительнаго метода изученія Австро-Венгерскаго банка и вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ, а именно, авторъ нерѣдко дѣлаетъ интересные и цѣнные экскурсы въ область дѣятельности англійскаго, германскаго и французскаго центральныхъ банковъ, и это значительно поднимаетъ цѣнность его работы. Правда, эти экскурсы иногда носятъ лишь характеръ параллелей, но тѣмъ не менѣе, въ методологическомъ отношеніи, это весьма цѣнно.

Далѣе работа весьма богата фактическимъ содержаніемъ, и, пожалуй, можно сказать, даетъ слишкомъ много фактическаго матеріала, но зато мало выводовъ. Тѣ слишкомъ общіе выводы, которые авторъ резюмируетъ на полутора страницахъ, заканчивающихъ его работу, едва ли можно считать тѣмъ дѣйствительнымъ результатомъ, который

явился въ конечномъ итогѣ его работы. Эти результаты болѣе цѣнны, но они не формулированы.

Авторъ не идетъ въ своей работѣ, какъ творецъ, берущій лишь столько глины, сколько нужно для лѣпки данной фигуры, или для подтвержденія даннаго положенія, нѣтъ, онъ забираетъ всю глину, лежащую на пути: отъ этого вниманіе читателя мѣстами не можетъ не притупляться.

Напримѣръ, авторъ черезчуръ много удѣляетъ мѣста спорамъ и дебатамъ, имѣвшимъ мѣсто въ Австріи по поводу той или другой реформы, а, между тѣмъ, какъ совершенно справедливо указываетъ проф. И. Кауфманъ („Бумажныя деньги въ Австріи“ въ 1762—1911 гг. на стр. 142), останавливаться на толкахъ и спорахъ того времени (въ Австріи) не стоитъ, шума было много и въ ученой литературѣ, и въ парламентахъ, и въ прессѣ, но творчества, талантливой самостоятельности не было обнаружено, и безъ ущерба для работы многое могло бы быть сокращено.

Заслугой автора должно считаться и то, что при изученіи своего вопроса онъ стремится уловить связь между жизнью банковъ и совокупностью множества условій—экономическихъ, политическихъ, международныхъ и т. д.

Но если авторъ, идя сравнительнымъ методомъ, вовлекаетъ въ кругъ своего изслѣдованія эпизоды изъ жизни центральныхъ банковъ Англіи, Германіи и Франціи, то онъ почему-то не дѣлаетъ этого для Россіи, а, между тѣмъ, больше всего паралеллизма можно было бы провести между Австріей и Россіей, какъ изъ прошлой исторіи Австро-Венгерскаго и нашего банка (внѣуставныя ссуды, нарушеніе устава, вліяніе аграрныхъ интересовъ), такъ и изъ того времени, когда былъ поднятъ вопросъ о возстановленіи размѣна. Надо замѣтить, что вопросъ о возстановленіи размѣна въ Австріи былъ поднятъ на нѣсколько лѣтъ раньше, чѣмъ у насъ, и опять здѣсь Австрія стояла передъ тѣми же вопросами, что и мы: задолженность государства банку, аграрные интересы, неувѣренность въ удержаніи золота внутри страны при осуществленіи размѣна, а въ позднѣйшее время—девизная политика, которая, кстати сказать, хорошо освѣщена у автора для Австріи; эта девизная политика играетъ крупную роль и у насъ для регулированія вексельныхъ курсовъ, а съ ней связанъ и вопросъ о держаніи нами крупныхъ золотыхъ запасовъ за границей, и этотъ вопросъ является острымъ вопросомъ для нашей печати, и не со вчерашняго дня.

Стоитъ взять хотя бы послѣднюю литературу по этому вопросу, напримѣръ „Русскій денежный рынокъ“ изданіе кредитной канцеляріи и „Наше золото за границей“ и т. д.

А, между тѣмъ, авторъ почти ни словомъ не обмолвился о Россіи и не пытался изъ сопоставленія этой политики двухъ странъ сдѣлать тѣ или другіе выводы. Это не можетъ не вызывать недоумѣнія, особенно, если принять во вниманіе, что авторъ самъ же пользуется сравнительнымъ методомъ, и въ такомъ случаѣ, прежде всего нужно было воспользоваться опытомъ своей страны. Здѣсь много, повторяю, весьма жгучихъ вопросовъ, изъ-за которыхъ ломаются перья у насъ и идутъ горячіе споры, напримѣръ, хотя бы вопросъ о томъ, могутъ ли служить иностранные девизы обезпеченіемъ покрытія банковыхъ билетовъ, что, какъ извѣстно, за послѣднее время спеціально разрѣшено закономъ въ Австріи, и о чемъ не говорится ни слова у насъ. Слѣдовательно, въ Австріи видѣли необходимость спеціально оговорить это въ законѣ (638 стр.).

Я уже упомянулъ, что у автора слишкомъ много фактовъ и слишкомъ мало выводовъ. Такъ, одинъ изъ серьезныхъ вопросовъ, это вопросъ—быть ли центральнымъ эмиссіоннымъ банкамъ государственными или акціонерными (стр. 377, 386). Авторъ лишь затрагиваетъ этотъ вопросъ, отмѣчая тѣ интересы, которые стояли за мнѣніемъ о желательности превращенія центральнаго эмиссіоннаго банка въ государственный, но авторъ лишь это излагаетъ, лишь попутно отмѣчаетъ, но не даетъ никакихъ выводовъ. Я привожу этотъ вопросъ, какъ примѣръ отношенія автора и къ другимъ вопросамъ принципіальной важности, гдѣ онъ лишь излагаетъ мнѣніе за и противъ, вскрываетъ интересы, стоящіе за этими мнѣніями, но самъ уклоняется отъ рѣшенія этихъ вопросовъ.

Полная оторванность отъ русской жизни проходитъ черезъ всю книгу: такъ авторъ излагаетъ кризисъ 1873 г. въ Австріи, говоря, что онъ надолго скомпрометировалъ идею необходимости промышленнаго оживленія страны, создавъ въ населеніи страхъ не только передъ биржевой спекуляціей, но и передъ всякимъ движеніемъ на рынкѣ цѣнныхъ бумагъ, и что съ тѣхъ поръ появилось у широкихъ слоевъ населенія отвращеніе къ помѣщенію своихъ средствъ въ промышленныя бумаги, и развитіе промышленности съ этихъ поръ пошло крайне вялымъ темпомъ и т. д. (стр. 253).

Но какъ разъ за послѣдніе годы мы переживаемъ нѣчто подобное, и автору слѣдовало бы углубиться въ эти вопросы, и тогда

остовъ застывшаго уже кризиса 1873 г. принялъ бы въ работѣ автора жизненныя очертанія, и можно было бы сдѣлать не мало поучительныхъ выводовъ и извлечь хорошіе уроки. Вѣдь эти вопросы, связанные съ кризисомъ 1873 г., имѣютъ тѣсное отношеніе къ денежному обращенію.

Нельзя было не провести параллели между политикой въ Австріи и у насъ, когда авторъ говоритъ, что австрійское правительство обезпечивало нѣкоторый сбытъ 3-хъ%-ыхъ билетовъ, гарантированныхъ соляными копями, тѣмъ, что передавало изъ чрезвычайно низкаго процента (2, 5%) свободныя суммы государственнаго казначейства частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ: послѣднія, платя такой низкій процентъ, имѣли возможность обращать часть полученныхъ суммъ на покупку 3-хпроцентныхъ билетовъ, а другую часть ставили въ распоряженіе денежнаго рынка (стр. 434).

Или авторъ говоритъ о посылкѣ денегъ французскимъ банкомъ за границу для доставленія средствъ хотя бы англійскому банку въ минуты нужды въ цѣляхъ содѣйствія оздоровленію международнаго рынка и избавленія своего собственнаго рынка отъ опасности заразиться, и черезъ нѣсколько дней французскій банкъ объявляетъ о возвышеніи процента. Казалось бы, и здѣсь необходимо было освѣтить и нашу политику держанія нами золота за границей, боязнь взять его оттуда изъ страха произвести пертурбацію на международномъ денежномъ рынкѣ.

Авторъ настолько игнорируетъ Россію, что, касаясь теоріи Кнаппа (639), онъ говоритъ: основныя идеи ея защищали уже Dana Horton въ своей книгѣ: „La monnaie et la loi", Paris 1881, но почему же тогда не упомянуть было нашего Посошкова, который говорилъ, что и щепы заклейменыя, если государю будетъ угодно, будутъ ходить какъ деньги?..

Если бы авторъ обратилъ больше вниманія на Россію, гдѣ и при существованіи размѣна девизная политика весьма энергично проводится, это должно было бы дать ему матеріалъ для выводовъ.

Вообще обратно съ растянутостью изложенія исторіи австро-венгерскаго банка уставъ послѣдняго 1911 г. изложенъ слишкомъ кратко и неполно.

Можно отмѣтить еще нѣкоторые недостатки фактическаго характера; такъ авторъ говоритъ, что будто бы въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія реализація акцій Австро-Венгерскаго банка была невозможна вслѣдствіе ихъ высокаго курса (стр. 69). Это уже совсѣмъ

непонятно. Высокій курсъ можетъ только облегчить реализацію акцій, а никоимъ образомъ не затруднить.

Авторъ говоритъ о вывозѣ австрійской ренты за границу (стр. 516) и о томъ, что этотъ вывозъ служилъ средствомъ искусственнаго поддержанія активности платежнаго баланса. Но вѣдь австрійская рента не только вывозилась за границу, но и ввозилась оттуда. Такъ за годы съ 1881 по 1903 г. ввезено было въ Австрію австрійской ренты по исчисленіямъ Leiter'a, Die Entwickelung d. österreichischen Staatshaushaltes. Wien. 1909 г. (стр. 51—2) въ круглыхъ цифрахъ на 900 милліоновъ кронъ.

Авторъ лишь вскользь говоритъ о пенсіонахъ (т. е. объ иностранныхъ деньгахъ, лишь временно работающихъ въ австрійскихъ банкахъ, стр. 648—9), а между тѣмъ опять для насъ это—вопросъ весьма важный. Потому и думаю я, если бы авторъ имѣлъ въ виду и русскій денежный рынокъ, онъ не могъ бы не обратить вниманія на нѣкоторые вопросы, которые онъ упустилъ при своемъ изслѣдованіи, и наоборотъ нѣкоторые другіе вопросы онъ могъ бы опустить безъ ущерба для своей работы...

Очевидно, при изученіи вопросовъ банковаго дѣла, нужно болѣе близкое общеніе съ реальной жизнью, тогда не было бы такихъ лапсусовъ, и авторъ не могъ бы не обратить тогда вниманія на тѣ вопросы, которые я раньше отмѣчалъ.

Но въ общемъ и цѣломъ нельзя не отмѣтить большой эрудиціи автора, большого и часто кропотливаго труда, положеннаго имъ на свою работу: авторъ, очевидно, съ любовью работалъ надъ своей темой, а нѣкоторые изъ недостатковъ, и существенныхъ, о которыхъ говорилось раньше, объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что авторъ работалъ за границей и, слѣдовательно, былъ лишенъ возможности пользоваться русскими матеріалами по нашему государственному банку. Можно думать, что авторъ свои познанія примѣнитъ въ будущемъ къ освѣщенію дѣятельности и нашего государственнаго банка, и этимъ восполнитъ отмѣченные мной недостатки его работы.

Въ общемъ и цѣломъ трудъ г. Силина представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу, и надо пожелать, чтобы г. Силинъ направилъ пріобрѣтенныя имъ познанія на изученіе нашего государственнаго банка и нашего денежнаго рынка. Спеціалисты въ этой области намъ очень нужны.

Ив. Озеровъ.

Ѳ. И. Успенскій. Исторія Византійской имперіи. Томъ первый. Изданіе Брокгаузъ-Эфронъ. С.-Пб. XIV+872 стр. 4°.

Давно уже у насъ чувствовалась настоятельная потребность въ общей исторіи Византіи. Въ то время какъ на Западѣ англійскіе, французскіе, германскіе и греческіе ученые, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, давали общіе, иногда черезчуръ обширные, обзоры исторіи Византіи вплоть до 1453 года, въ Россіи наши немногочисленные византинисты во главѣ съ В. Г. Васильевскимъ останавливали свое пытливое вниманіе на изученіи отдѣльныхъ вопросовъ изъ внѣшней и внутренней исторіи и нерѣдко давали очень цѣнныя монографіи, съ живыми и свѣжими результатами которыхъ считались серьезно какъ здѣсь, такъ и за границей.

Лишь въ самое послѣднее время, а именно въ 1910—1912 годахъ, профессоръ Кіевскаго университета Ю. А. Кулаковскій выпустилъ въ свѣтъ два обширныхъ тома своей „Исторіи Византіи“, которые доводятъ изложеніе событій до 602 года. Книга нашла читателя, интересующагося, очевидно, судьбами восточно-римской имперіи, и въ 1913 году первый томъ исторіи Ю. А. Кулаковскаго вышелъ уже вторымъ изданіемъ.

Теперь передъ нами лежитъ начало обширнаго труда одного изъ самыхъ извѣстныхъ представителей современнаго нашего византиновѣдѣнія, Ѳ. И. Успенскаго, посвятившаго всю свою долгую, трудовую жизнь почти исключительно изученію различныхъ сторонъ и разнообразныхъ эпохъ сложной византійской исторіи. Со времени появленія первыхъ его работъ „Первыя славянскія монархіи на сѣверозападѣ“ (1872) и „Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ“ (1874), весь интересъ Ѳ. И. Успенскаго сосредоточился на двухъ крупныхъ развѣтвленіяхъ средневѣковой исторіи: на славянствѣ и Византіи [1]). Это обстоятельство было особенно цѣнно, такъ какъ извѣстно, насколько важны были для Византіи и славянъ ихъ взаимоотношенія, нашедшія глубокое и еще доселѣ недостаточно выясненное отраженіе на многихъ сторонахъ ихъ культурной жизни. Итакъ, передъ нами начало обширнаго труда византиниста по спеціальности. Понятенъ поэтому тотъ глубокій интересъ, который былъ вызванъ у насъ появленіемъ начала труда Ѳ. И. Успенскаго.

---

[1]) См. внимательно составленный перечень трудовъ Ѳ. И. Успенскаго въ статьѣ М. Г. Попруженко: *Сорокалѣтіе ученой дѣятельности академика Ѳедора Ивановича Успенскаго.* Одесса, 1912.

Трудъ автора задуманъ уже очень давно, по его собственному признанію, сдѣланному въ предисловіи, не менѣе 25 лѣтъ назадъ. Конечно, такой большой промежутокъ времени въ жизни ученаго имѣетъ очень большое значеніе, и то, что написано было авторомъ раньше, часто не можетъ соотвѣтствовать вполнѣ тому, что и какъ онъ написалъ бы о томъ же самомъ въ настоящее время. Это прекрасно понимаетъ и самъ Ѳ. И. Успенскій. „Когда наступила пора, пишетъ онъ въ предисловіи, суммировать доселѣ приготовленное, оказалась въ разныхъ мѣстахъ разность настроенія и неодинаковость общей идеи... Несомнѣнно, 20 лѣтъ назадъ онъ говорилъ смѣлѣй, дѣлалъ болѣе обобщеній и заключеній, не такъ остороженъ былъ въ приговорахъ: теперь ему часто приходилось смягчать выраженія, сглаживать рѣзкость мысли, передѣлывать цѣлыя главы, чтобы подогнать ихъ къ новому настроенію“. Было ли это къ пользѣ для дѣла, авторъ точно не знаетъ; по крайней мѣрѣ, положительно по этому вопросу онъ высказаться не можетъ. Но есть нѣкоторыя подробности, на которыхъ слишкомъ замедлившееся появленіе труда Ѳ. И. Успенскаго должно было, по его мнѣнію, отразиться съ пользою. Въ послѣднемъ случаѣ авторъ имѣетъ въ виду то обстоятельство, что онъ съ 1895 года, состоя директоромъ Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, живетъ въ столицѣ бывшей Византійской имперіи, сохранившей по сіе время въ себѣ немало пережитковъ средневѣкового Христіанскаго Востока. Самъ авторъ въ этомъ отношеніи особенно отмѣчаетъ свое знакомство съ состояніемъ современнаго константинопольскаго патріархата, который, по его словамъ, „во многомъ несетъ отвѣтственность за то, что большинство подчиненныхъ культурному вліянію Византіи народностей доселѣ находится въ столь жалкомъ положеніи“. Не будетъ доволенъ константинопольскій патріархатъ слѣдующими пророческими словами Ѳ. И. Успенскаго: „Реальный взглядъ на вселенскій патріархатъ, бросающій отлученія на славянскіе народы, нарушающіе его филетическую политику, въ высшей степени благовременно установить намъ какъ для русской церковной политики, такъ и для нашего народнаго самоопредѣленія, хотя бы въ виду того соображенія, что не за горами тотъ моментъ, когда онъ (т. е. патріархатъ) политическимъ ходомъ вещей и успѣхами католической и протестантской пропаганды будетъ доведенъ до положенія александрійскаго или іерусалимскаго патріархата, т. е. когда потеряетъ почти весь Балканскій полуостровъ и значительную часть восточныхъ каѳедръ“ (с. XII). Кромѣ болѣе глубокаго приникновенія

въ тайники церковныхъ отношеній, Ѳ. И. Успенскій обязанъ еще своему долговременному пребыванію на востокѣ и неоднократнымъ путешествіямъ по Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ болѣе яснымъ уразумѣніемъ того великаго для Византіи значенія Востока и восточныхъ провинцій, которое всегда занимало въ ней преобладающее мѣсто сравнительно со значеніемъ Запада.

Въ своей исторіи Византіи авторъ не намѣревался дать исчерпывающее изложеніе всѣхъ событій, входящихъ въ кругъ болѣе чѣмъ тысячелѣтней имперіи; его исторія расчитана на три тома. Не конкурируя и не пытаясь замѣнить изданныя исторіи Византіи, онъ, однако, питаетъ завѣтную мысль дать соотечественникамъ цѣльную систему въ такой области, которая является наиболѣе важной послѣ отечественной исторіи для національнаго самосознанія культурнаго русскаго обывателя. Съ этою цѣлью и въ желаніи быть общедоступнымъ, Ѳ. И. Успенскій не считалъ необходимымъ дать большой научный аппаратъ ни въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, ни въ концѣ главъ. Пособія авторъ давалъ *руководящія*, по которымъ легко найти указанія на литературу предмета. Ѳ. И. Успенскій хотѣлъ дать въ руки русскаго читателя такое чтеніе, которое, съ одной стороны, своею строгостью и серьезностью давало бы ему идею о продуманной и тщательно взвѣшенной системѣ, а съ другой—оставило бы добрую память объ авторѣ, который убѣжденъ въ томъ, что утвержденіе знаній о Византіи и выясненіе нашихъ къ ней отношеній въ высшей степени обязательно для русскаго ученаго и не менѣе полезно какъ для образованія, такъ и для направленія на вѣрный путь русскаго политическаго и національнаго самосознанія (с. XIII—XIV). Авторъ не можетъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія пережитой имъ тяжелой дѣйствительности недавнихъ балканскихъ событій и увѣренъ, что болѣе близкое знакомство съ исторіей Византіи будетъ содѣйствовать лучшему ихъ пониманію. „Пусть читатель, пишетъ Ѳ. И. Успенскій въ концѣ предисловія, вдумается въ содержаніе главъ, посвященныхъ южнымъ славянамъ, и поищетъ тамъ иллюстрацій къ переживаемымъ нынѣ печальнымъ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ!“ [1]).

Итакъ, цѣль автора, во-первыхъ, дать читателю „продуманную и тщательно взвѣшенную систему“ въ области исторіи Византіи, что должно сослужить большую службу для русскаго самосознанія, и, во-вторыхъ, сдѣлать свой трудъ общедоступнымъ по изложенію.

---

[1]) Писано это въ октябрѣ 1912 года.

Первый томъ „Исторіи Византійской имперіи“ Ѳ. И. состоитъ изъ введенія и трехъ періодовъ, раздѣленныхъ на главы и охватывающихъ событія съ перенесенія столицы въ Константинополь до 717 года, т. е. до восшествія на престолъ исаврійской или, правильнѣе, сирійской династіи. Весь этотъ матеріалъ расположенъ на 872 страницахъ in quarto. Введеніе носитъ заглавіе „Сходства и различія въ историческомъ развитіи Запада и Востока“ (с. 1—36). Періодъ I (до 527 г.)— „Элементы образованія Византинизма“ (с. 37—406). Періодъ II (518—610)—„Отъ Юстиніана I до Ираклія“ (с. 409—644). Періодъ III (610—716)—„Ираклій и его преемники“ (с. 647—872). Авторъ занимается, какъ уже было отмѣчено выше, не только внѣшними событіями, но и разнообразными сторонами жизни внутренней.

Цѣнность обширнаго труда Ѳ. И. въ его различныхъ частяхъ далеко не одинакова. На ряду съ главами въ высшей степени живыми, свѣжими и интересными, какъ напр., по вопросу о славянской иммиграціи на Балканскомъ полуостровѣ, мы имѣемъ главы, основанныя на устарѣвшемъ матеріалѣ и не стоящія поэтому на уровнѣ современнаго положенія того или другого вопроса въ наукѣ. Извѣстно, какую живительную струю въ болѣе глубокое пониманіе внутреннихъ условій египетской жизни внесло изученіе папирусовъ. Въ настоящее время издано не мало папирусовъ византійскаго времени, греческихъ и арабскихъ. Сдѣланы уже нѣкоторыя попытки обработать часть этого матеріала [1]). Въ книгѣ Ѳ. И. о папирусахъ нѣтъ ни слова.

Введеніе книги о „Сходствахъ и различіяхъ въ историческомъ развитіи Запада и Востока“ дышитъ нѣкоторою архаичностью, особенно на тѣхъ страницахъ, гдѣ говорится о Западной Европѣ. Обосновывая свои положенія на сочиненіяхъ Токвиля, Маурера, Гизо съ нѣсколько неожиданнымъ привлеченіемъ англійской книги Сибома [2]), авторъ совершенно игнорируетъ всю новѣйшую литературу, касающуюся тѣхъ же вопросовъ. Если вообще авторъ считалъ необходимымъ или полезнымъ привлечь для сравненія книгу Сибома, то ему неминуемо нужно было познакомить читателя съ результатами новѣйшихъ

---

[1]) См., напр., M. Gelzer. *Studien zur byzantinischen Verwaltung Aegyptens.* Leipzig, 1909. Jean Maspero. *Organisation militaire de l'Egypte byzantine.* Paris, 1912 (послѣдней работой Ѳ. И. не могъ воспользоваться по времени ея появленія).

[2]) Въ былые годы Ѳ. И. Успенскій по поводу этой книги (Seebohm. *The english village community*) написалъ статью въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, т. 241 (1885), с. 253—323.

трудовъ въ той же области нашего знатока англійской исторіи проф. П. Виноградова. Съ большимъ интересомъ читатель прочтетъ тѣ страницы введенія, которыя говорятъ о явленіяхъ византійской жизни; хотя здѣсь авторъ чрезмѣрно преувеличиваетъ значеніе такъ называемаго земледѣльческаго или крестьянскаго закона (νόμος γεωργικός), о чемъ я скажу нѣсколько ниже. Но само собою разумѣется, не во Введеніи заключается главный интересъ труда Ѳ. И.; для послѣдняго оно имѣетъ второстепенное значеніе.

Ѳ. И. является въ своемъ трудѣ защитникомъ византинизма. Этотъ условный терминъ очень интересуетъ автора, и онъ не разъ возвращается къ его выясненію. Мнѣ думается, что авторъ не совсѣмъ правъ, утверждая, будто бы „византинизмъ обозначаетъ такую совокупность понятій, по отношенію къ которымъ не существуетъ разности мнѣній“ (с. 38). Разность мнѣній по этому вопросу можетъ и, я бы сказалъ, должна существовать, такъ какъ терминъ „византинизмъ“ есть понятіе совершенно условное. По мнѣнію автора, „самая существенная черта, которою открывается византинизмъ, заключается въ иммиграціи варваровъ въ имперію и въ культурномъ и религіозномъ кризисѣ III—IV вв.“ (с. 47—48). „Византинизмъ есть историческій принципъ, дѣйствія котораго обнаруживаются въ исторіи народовъ юга и востока Европы; этотъ принципъ заправляетъ развитіемъ многихъ народовъ до настоящаго времени и выражаетъ особый складъ вѣрованій и политическихъ учрежденій и, можно думать, особый видъ организаціи сословныхъ и земельныхъ отношеній“ (с. 16). „Подъ византинизмомъ прежде всего разумѣется совокупность всѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно реформировалась Римская имперія въ V—VIII вв., прежде чѣмъ преобразоваться въ Византійскую имперію“ (с. 39). Византинизмъ есть результатъ слiянія романизма со старыми культурами: іудейской, персидской и эллинской. „Многообразныя перемѣны вызвали германская и славянская иммиграціи, произведшія реформы въ соціальномъ и экономическомъ строѣ и военной системѣ имперіи. Подъ дѣйствіемъ новыхъ началъ реформируется Римская имперія на востокѣ, пріобрѣтая характеръ византинизма“ (с. 39—40). Проявляется же византинизмъ въ слѣдующихъ признакахъ: 1) „въ постепенной отмѣнѣ господствовавшаго латинскаго языка и замѣнѣ его греческимъ или, собственно говоря, византійскимъ; 2) въ борьбѣ національностей изъ-за политическаго преобладанія; 3) въ оригинальномъ характерѣ развитія искусства и въ появленіи новыхъ мотивовъ, вліявшихъ на созданіе новыхъ па-

мятниковъ, равно какъ въ своеобразныхъ чертахъ литературныхъ произведеній, гдѣ вырабатывается постепенно новый и оригинальный методъ подъ вліяніемъ восточныхъ культурныхъ преданій и образцовъ" (с. 40).

На основаніи только что приведенныхъ выдержекъ можно назвать появившійся первый томъ исторіи Византіи Ѳ. И. обширнымъ введеніемъ въ ея исторію, такъ какъ онъ доводитъ въ немъ событія до начала VIII вѣка, когда, по его словамъ, Римская имперія на востокѣ пріобрѣтаетъ характеръ византинизма. Въ этомъ отношеніи мнѣніе Ѳ. И. совпадаетъ съ мнѣніемъ извѣстнаго англійскаго историка половины XIX вѣка Финлей (Finlay).

Я выше упомянулъ, что Ѳ. И. является защитникомъ византинизма; защищаетъ онъ его противъ тѣхъ, кто, даже занимаясь спеціально византійской исторіей, высказывали иногда отрицательный взглядъ на Византію. Подобно тому меньшинству, которое, и то только въ позднѣйшее время, начало указывать въ Византіи стороны, характеризующія живой и развивающійся организмъ, Ѳ. И. обнаруживаетъ въ ней признаки развитія и смѣны идей какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, въ обычаяхъ и учрежденіяхъ (с. 3).

Первый томъ, доводящій исторію только до 717 года, показать этого не можетъ. Общіе тезисы Ѳ. И. только тогда могутъ быть надлежащимъ образомъ обсуждены и оцѣнены, когда мы передъ собою будемъ имѣть законченную исторію Византіи или, по крайней мѣрѣ, доведенную до латинскаго завоеванія.

Наиболѣе важными въ настоящемъ томѣ, съ моей точки зрѣнія, должны быть вопросы: 1) о славянской иммиграціи на Балканскій полуостровъ и о ея послѣдствіяхъ для византійской жизни; 2) о землевладѣніи въ Византіи и 3) о ѳемномъ строѣ. Но и въ этихъ фундаментальныхъ вопросахъ Ѳ. И. даетъ не мало основаній для сомнѣній и колебаній; вопросы не только не рѣшены, но и предложенное авторомъ толкованіе ихъ возбуждаетъ невольное желаніе и даже потребность теперь же ихъ снова пересмотрѣть и изучить.

Въ отдѣлахъ о славянской иммиграціи на Балканскій полуостровъ,— вопросъ, къ которому Ѳ. И. много разъ возвращается на страницахъ своей книги,—особенно надо отмѣтить то обстоятельство, что онъ обратилъ серьезное вниманіе на Акты св. Димитрія Солунскаго, дающіе много драгоцѣннаго матеріала по вопросу о славянахъ на Балканскомъ полуостровѣ въ VII вѣкѣ, и ввелъ въ ученый обиходъ данныя раскопокъ Русскаго Археологическаго института въ Константи-

нополѣ, произведенныхъ въ Абобѣ-Плискѣ, на мѣстѣ становища древнихъ болгаръ. Но вліяніе славянской общины на измѣненіе условій внутренней жизни Византіи авторомъ преувеличено. Это преувеличеніе связано со взглядомъ автора на извѣстный крестьянскій или земледѣльческій законъ, который, по его мнѣнію, „долженъ послужить точкой отправленія въ исторіи экономическаго развитія на Востокѣ“ (с. 28).

Съ послѣднимъ взглядомъ Ѳ. И. никакъ нельзя согласиться, какъ съ точки зрѣнія датированія закона, такъ и съ точки зрѣнія его значенія. Совершенно не доказано, что крестьянскій законъ изданъ былъ въ VIII вѣкѣ, какъ это утверждаетъ Ѳ. И. Вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи эпохи, когда появился этотъ законъ, принадлежитъ еще будущему; очень возможно, что изданіе этого закона придется перенести на болѣе раннее время. Затѣмъ, нельзя придавать крестьянскому закону общаго значенія и дѣлать на основаніи его выводы для всей территоріи имперіи. Самъ авторъ правильно говоритъ на стр. 28, что „законъ по существу своему есть земскій полицейскій уставъ [1]) и трактуетъ объ обычныхъ проступкахъ въ земледѣльческомъ быту“. Но далѣе, въ связи съ извѣстными новеллами императоровъ X вѣка, Ѳ. И. придаетъ уже византійской общинѣ, указанія на которую мы находимъ въ упомянутыхъ памятникахъ, далеко не мѣстное значеніе. По его словамъ „византійская община не только пережила экономическій кризисъ, но была поставлена въ такое положеніе законодательными памятниками X вѣка, что ея будущность была вполнѣ обезпечена, и никакія разрушительныя силы не могли сломить ее до турецкаго завоеванія. Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая его противъ внѣшнихъ враговъ“ (с. 32). „Самымъ смѣлымъ и неожиданнымъ нововведеніемъ въ крестьянскомъ законѣ оказывается свободное крестьянское сословіе и мелкое землевладѣніе“, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (с. 28). Все это справедливо. Но читатель, на основаніи книги Ѳ. И., получитъ впечатлѣніе, что крѣпостное право было дѣйствительно вообще отмѣнено, и что крупное землевладѣніе, особенно послѣ новеллъ X вѣка, потеряло почти всякое значеніе. Но вѣдь императоры македонской династіи и издавали свои знаменитыя новеллы потому, что были свидѣтелями усиленія крупнаго земле-

[1]) Это мнѣніе уже давно было высказано Цахаріэ фонъ Лингенталемъ. См. Zachariä von Lingenthal. *Geschichte des griechisch-römischen Rechts.* 3-e Auflage, Berlin, 1892, S. 250.

владѣнія на счетъ землевладѣнія мелкаго и общины, гдѣ послѣдняя существовала. Община подверглась сильной опасности и не смогла выдержать неравную борьбу съ такимъ успѣхомъ, какъ это рисуетъ Ѳ. И. Я думаю, самъ авторъ долженъ будетъ измѣнить или, по крайней мѣрѣ, смягчить свой взглядъ на бо́льшую распространенность общины и ея крѣпость до конца имперіи, когда въ слѣдующихъ томахъ дойдетъ до эпохи Комниновъ и Ангеловъ, при которыхъ крупному землевладѣнію снова выпало на долю имѣть преобладающее вліяніе. Пока, на основаніи крестьянскаго закона можно лишь вывести одно заключеніе, а именно, что въ извѣстной мѣстности или въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, на ряду съ крѣпостнымъ населеніемъ, существовала также и мелкая крестьянская собственность и сельская община. Въ какихъ это было размѣрахъ и въ какихъ мѣстностяхъ, сказать пока, на основаніи даннаго закона, нельзя. Можетъ быть, этотъ законъ, дѣйствительно, придется поставить въ связь со славянскими крупными поселеніями на Балканскомъ полуостровѣ со второй половины VI вѣка; и тогда тамъ же, можетъ быть, придется отыскивать и мѣсто появленія закона. По вопросу же о томъ, что общинное землевладѣніе не находилось въ полномъ противорѣчіи съ римскимъ закономъ, было высказано уже нѣсколько сужденій П. В. Безобразовымъ въ его рецензіи на разбираемую мною книгу [1]). Итакъ, крестьянскій законъ, принадлежащій къ неизвѣстной въ точности эпохѣ, имѣетъ лишь значеніе мѣстное, такъ что какихъ либо выводовъ общаго характера на его основаніи дѣлать, по моему мнѣнію, нельзя. Во всякомъ случаѣ, болѣе детальное освѣщеніе вопроса о землевладѣніи въ Византіи найдетъ, конечно, свое мѣсто во второмъ томѣ исторіи Ѳ. И., который начнется съ исаврійской или сирійской династіи.

Подлежитъ также очень серьезному оспариванію теорія Ѳ. И. о ѳемномъ устройствѣ. Эта его теорія нашла уже оцѣнку въ упомянутой рецензіи П. В. Безобразова, съ точкой зрѣнія котораго я на данный вопросъ вполнѣ согласенъ. Увлекаясь вопросомъ о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи, Ѳ. И. и въ ѳемномъ устройствѣ имперіи хочетъ видѣть „особенную организацію гражданскаго населенія провинціи, приспособленную спеціально для отбыванія военной повинности; раскрыть исторію ѳемнаго устройства значитъ выяснить мѣры правительства по отношенію къ землевладѣнію и къ земель-

[1]) См. *Виз. Врем.*, XX (1913), с. 299.

ному устройству крестьянскаго населенія, такъ какъ военноподатная система, въ концѣ концовъ, основывалась на организаціи военноподатныхъ земельныхъ участковъ" (с. 655—656).

Въ подтвержденіе своего положенія Ѳ. И. приводитъ одно мѣсто изъ Церемоній Константина Багрянороднаго, гдѣ слово „ругу" (ἡ ῥόγα), т. е. жалованье, онъ переводитъ черезъ *земельный надѣлъ*[1]). Но и этотъ вопросъ въ первомъ томѣ Ѳ. И. находится, такъ сказать, въ начальной стадіи своего развитія. Распространеніе ѳемнаго устройства обычно связывается съ именемъ Льва III (717 — 741), съ котораго долженъ начаться второй томъ исторіи Византійской имперіи Ѳ. И. Въ первомъ томѣ онъ иногда какъ бы предвосхищаетъ дальнѣйшее изложеніе и говоритъ о временахъ позднѣйшихъ.

Въ главѣ VII о торговлѣ въ эпоху Юстиніана В., гдѣ обращено, какъ и слѣдовало ожидать, особенное вниманіе на шелковыя издѣлія, можно было бы выяснить значеніе купцовъ—„сирійцевъ", игравшихъ значительную культурную роль въ Западной Европѣ въ раннее средневѣковье и показывающихъ, что въ это глухое и темное время на Западѣ византійская торговля достигла тамъ значительнаго развитія[2]).

Позволю себѣ привести нѣсколько бросившихся мнѣ въ глаза при чтеніи неточностей, недосмотровъ, а иногда даже простыхъ опечатокъ; можетъ быть, мои эти мелкія замѣчанія не будутъ безполезны для второго изданія книги Ѳ. И.

Не думаю, чтобы можно было точно опредѣлить 843-мъ годомъ установленіе „пожизненности и наслѣдственности въ правѣ владѣнія бенефиціей" на Западѣ при дѣтяхъ Карла Великаго (стр. 26). Годъ эдикта императора Констанція о закрытіи языческихъ храмовъ и т. д. (стр. 100) точно неизвѣстенъ (у Ѳ. И. 353 г.)[3]). На стр. 110, пр. 2, не точна ссылка на Амміана Марцеллина по поводу распущенности высшаго общества въ эпоху Юліана: вмѣсто книги XXXII надо читать книгу XXII. Въ главѣ о Юліанѣ, гдѣ приведены обширныя выдержки изъ его въ высшей степени интересныхъ писемъ, не говорится

---

[1]) См. разсужденія Безобразова въ Виз. Временникѣ, XX (1913), с. 299—300. Данное мѣсто въ исторіи Ѳ. И. Успенскаго является сокращеніемъ опредѣленныхъ мѣстъ его работы *Военное устройство византійской имперіи.* Изв. Р. Арх. Инст. въ Константинополѣ, VI (1900), с. 187—190.

[2]) См., напр., L. Bréhier. *Les Colonies d'Orientaux en Occident au commencement du moyen-âge.* Byzantinische Zeitschrift, XII (1903), S. 1—39.

[3]) *Cod. Theodos.* XVI, 10, 4. См. *Theodosiani libri XVI*, ed. Th. Mommsen. Berolini, 1905, p. 898.

ничего о его религіозной системѣ. Культъ Миѳры также не затронутъ въ книгѣ Ѳ. И.

На стр. 150 имя историка Іорнанда, можетъ быть, теперь лучше писать черезъ Іорданъ. Въ указаніяхъ на литературу на стр. 188 имя англійскаго историка надо читать не Hodkin, а Hodgkin. Сочиненіе Августина „О градѣ Божіемъ" написано не въ 22 главахъ, а въ 22 книгахъ (стр. 197). На стр. 200—201 мы имѣемъ дѣло съ довольно крупнымъ недоразумѣніемъ. Рѣчь идетъ о епископской дѣятельности Іоанна Златоуста въ Константинополѣ. По словамъ Ѳ. И., Іоаннъ Златоустъ не только далъ разрѣшеніе жившимъ въ столицѣ германцамъ аріанскаго толка отправлять богослуженіе въ собственной ихъ церкви, которая была выстроена за стѣнами города, но и сдѣлалъ въ высшей степени либеральное распоряженіе о назначеніи въ аріанскую церковь священниковъ и діаконовъ изъ природныхъ германцевъ, дабы они совершали богослуженіе и объясняли священное писаніе на нѣмецкомъ языкѣ. Бывали случаи, когда и самъ Златоустъ, продолжаетъ Ѳ. И., посѣщалъ эту церковь и говорилъ здѣсь проповѣди, при чемъ переводчики объясняли его слова тѣмъ, кто не понималъ греческаго языка... Мы съ особенной энергіей должны отмѣтить, что Константинопольскій епископъ разрѣшилъ въ свое время жгучій вопросъ, неоднократно волновавшій христіанскій міръ, именно вопросъ о національномъ языкѣ въ богослуженіи (стр. 200—201). Этотъ разсказъ въ своей большей части почти дословно перепечатанъ изъ статьи Ѳ. И. Успенскаго, представляющей собою рѣчь его въ торжественномъ засѣданіи Русскаго Археологическаго института въ 1898 году, подъ заглавіемъ „Константинополь въ послѣдніе годы IV вѣка" (По случаю 1500-лѣтняго юбилея св. Іоанна Златоуста)[1]). Источникъ для выше изложеннаго разсказа у Ѳ. И. не указанъ. Но совершенно очевидно, что источникомъ была Церковная исторія Ѳеодорита[2]), который въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ сообщаетъ совершенно иное. Іоаннъ Златоустъ, видя, что многіе готы завлекались въ аріанскія сѣти, самъ въ свою очередь сталъ ихъ склонять къ принятію православія, что ему и удалось. И вотъ этимъ-то *православнымъ готамъ*, а не готамъ аріанамъ, онъ назначалъ пресвитеровъ и діаконовъ, знавшихъ готскій языкъ (ὁμογλώττους), и отвелъ для нихъ одну церковь, куда самъ часто приходилъ и гдѣ черезъ переводчика бесѣдовалъ съ новообра-

---

¹) См. Изв. Русскаго Археол. Института въ Константинополѣ, IV, (3), 1899, с. 163.

²) Theodoreti *Historia*, V, 30 (ed. L. Parmentier, 1911, p. 330).

щенными. Итакъ, то, что въ данномъ разсказѣ въ дѣятельности Іоанна Златоуста отнесено у Θ. И. къ готамъ аріанамъ, надо относить къ готамъ, принявшимъ православіе. Еще до появленія перваго тома исторіи Византіи на это недоразумѣніе въ выше упомянутой статьѣ Θ. И. было уже обращено вниманіе проф. Ю. А. Кулаковскимъ [1]). На стр. 152 мы читаемъ: „Долго считали гунновъ народомъ монгольскаго происхожденія и выводили ихъ исторію изъ китайскихъ писателей; справедливѣе теперь принимаютъ въ нихъ смѣшанное происхожденіе, въ которомъ чудская и финнская кровь составляли главное содержаніе". Насколько я знаю, послѣднее мнѣніе отвергнуто современной ученой литературой, и гунновъ считаютъ тюрками. На стр. 214 надо читать въ одномъ мѣстѣ не Діоскуръ, а Діоскоръ. Слишкомъ категоричнымъ является утвержденіе Θ. И. на стр. 228 о томъ, что 4 бронзовые коня, стоявшіе прежде на константинопольскомъ ипподромѣ и теперь украшающіе фасадъ собора св. Марка въ Венеціи, принадлежатъ работѣ Лизиппа. Но вѣдь это не доказано, и нѣтъ указаній, чтобы эти кони дѣйствительно были сдѣланы Лизиппомъ [2]).

Дочь императора Льва I, выданная замужъ за будущаго императора Зинона, носила имя не Аркадіи (стр. 285), а Аріадны. Аркадія была, повидимому, первая жена Зинона [3]). На стр. 291, пр. 1, автора указанной книги надо читать не Mortroye, а Martroye. На стр. 302, строка 5, пропущено слово „которыхъ" (*которыхъ* созывалъ на соборы). Говоря о знаменитомъ сирійскомъ монастырѣ Симеона Столпника и приводя его арабское названіе „Деиръ Семанъ", Θ. И. переводитъ слово „деиръ" черезъ „городъ" (стр. 312 и 528); между тѣмъ „дейръ" по арабски значитъ „домъ", а потомъ „монастырь". Страницы, посвященныя мозаикамъ храма св. Димитрія въ Солуни (стр. 320—325), заимствованы авторомъ изъ своей же статьи, напечатанной въ Изв. Р. Арх. Инст. въ Константинополѣ въ томѣ XIV за 1909 годъ. Я думаю, было бы интересно привлечь сюда статью Шарля

---

[1]) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1911, окт., с. 382. См. также Ю. Кулаковскій, *Исторія Византіи*. I. 2-е изд. Кіевъ, 1913, с. 183. См. также O. Seeck. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt.* V, Berlin, 1913, S. 321.

[2]) См. напр., Documenti per la storia dell' Augusta ducale Basilica di san Marco in Venezia. A. 1886, p. 11 (№ 86): (кони) cosi belli, famosi et antichi, dicono che furono scolpiti de quel così famoso Lisippo.

[3]) См. I. B. Bury. *A History of the Later Roman Empire.* I, London, 1889, p. 250, note 1.

Диля по поводу тѣхъ же мозаикъ, гдѣ онъ не соглашается съ нѣкоторыми положеніями, высказанными Ѳ. И-мъ въ его статьѣ [1]).

На стр. 352, пр. 1, можно было бы упомянуть, на ряду съ французскимъ изданіемъ такъ называемой хроники Іисуса Стилита, ея болѣе новое изданіе англійское (1882). „Тайная исторія" Прокопія была издана впервые не около 200 лѣтъ тому назадъ (стр. 416 и 418), а около 300 лѣтъ, въ 1623 году. На стр. 425 не ясна ссылка въ примѣчаніи: Cod. Just. 1, 27, I. I. На стр. 441 вмѣсто 588 года надо читать 538 годъ.

На рис. 55, изображающемъ извѣстную, сдѣланную изъ слоновой кости каѳедру епископа Максиміана въ Равеннѣ, подписано, что она находится въ церкви св. Виталія. Это неточно, такъ какъ теперь каѳедра эта сохраняется въ архіепископскомъ дворцѣ. На стр. 470 два раза вмѣсто Юстина II названъ Юстиніанъ II. На стр. 480 приведено въ русскомъ переводѣ мѣсто изъ историка Эвагрія о нападеніи аваровъ въ 588—589 году и сдѣлана ссылка; въ послѣдней же мы вмѣсто Эвагрія находимъ: Erben, „Regesta", № 1. Не установлено единообразное написаніе имени персидскаго царя Кавада: на стр. 483—Кабадъ и Кобадъ; на 484—Кабадъ; на стр. 486—Кобадъ. На стр. 494 упоминается „царство омиритовъ или *Гимайръ*"; въ послѣднемъ, вѣроятно, надо видѣть *Химъяръ*. Возстаніе *Ника*, случившееся въ 532 году, не будетъ *черезъ три года* по вступленіи Юстиніана на престолъ (стр. 508). Юстиніанъ Великій, какъ извѣстно, началъ править въ 527 году.

Французскій переводчикъ извѣстнаго сочиненія Гейда о восточной торговлѣ не Turcy Raynaud, a Furcy Raynaud. Въ ссылкахъ на Косьму Индикоплова (стр. 552 и сл.), можетъ быть, было бы не лишнимъ указывать не только на Migne, но и на новое изданіе Косьмы Winstedt'a (Cambridge, 1909). На стр. 562 опечатка: вмѣсто 234 г. надо читать 534 годъ. Въ послѣдней строкѣ 620 стр. вмѣсто „въ Малую Азіи" надо читать „въ Малой Азіи". На стр. 631 при переводѣ одного мѣста изъ чудесъ св. Димитрія Солунскаго допущена нѣкоторая неточность. Ѳ. И. переводитъ: „Кто не знаетъ, какую тучу пыли поднялъ діаволъ *при Маврикіи*" и т. д. Въ греческомъ текстѣ мы имѣемъ не *при Маврикіи*, а *послѣ Маврикія* [2]). Я думаю, Ѳ. И. не

[1]) Ch. Diehl. *Les mosaïques de Saint-Démétrius de Salonique*. Comptes-Rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1911.

[2]) Ἐπὶ τῆς μετὰ Μαυρίκιον τὸν τῆς εὐσεβοῦς λήξεως βασιλείας, ἴστε σχεδὸν ἅπαντες, οἵους κατὰ πόλιν ἤγειρεν κονιορτοὺς ὁ διάβολος. *Acta Sanctorum*, Oct. IV, col. 132.

совсѣмъ правильно называетъ Ираклія византійскимъ правителемъ въ Египтѣ и говоритъ о Египетскомъ экзархатѣ (стр. 642). Ираклій былъ правителемъ въ Карѳагенѣ, а экзархатъ былъ Африканскій или Карѳагенскій; Египетскаго экзархата не было. Въ прим. 3 къ стр. 655 надо бы при упоминаніи о работѣ Диля „L'origine du régime des Thèmes" указать, что она теперь издана не только въ малодоступномъ сборникѣ въ честь проф. Моно, на который ссылается Ѳ. И., но и въ доступной книгѣ Диля „Etudes byzantines" (Paris, 1905). Нѣкоторое противорѣчіе мы находимъ по вопросу о первомъ примѣненіи „греческаго огня": на стр. 692 сказано, что онъ въ первый разъ былъ примѣненъ въ 626 году, во время осады Константинополя аварами и персами; а на стр. 720 и 869 изобрѣтеніе и первое примѣненіе „греческаго огня" уже относится къ семидесятымъ годамъ VII вѣка, ко времени осады столицы арабами при Константинѣ IV Погонатѣ. Праздникъ Воздвиженія Креста не былъ установленъ по случаю возвращенія Иракліемъ Животворящаго Древа изъ Персіи (стр. 707); онъ совершался и раньше въ память обрѣтенія въ Іерусалимѣ св. Древа Еленою, матерью Константина Великаго [1]).

Прозваніе Юстиніана II „Ринотмитъ" не обозначаетъ „съ прорванными ноздрями" (стр. 725), а „съ отрѣзаннымъ носомъ". Арабскіе географы Хордадбегъ и Кодама, или, лучше говорить Кудама, писали не въ VIII вѣкѣ, какъ говоритъ Ѳ. И. (стр. 791). Хордадбегъ писалъ въ IX вѣкѣ и умеръ въ 849 году, а Кодама писалъ еще позже и умеръ въ 922 году. Нѣкоторое противорѣчіе можно найти во взглядѣ Ѳ. И. на осаду Константинополя арабами при Константинѣ Погонатѣ. Съ одной стороны, онъ пишетъ, что „едва ли можно приписывать этимъ набѣгамъ такое широкое, даже міровое значеніе, какъ это сдѣлалъ Папарригопуло, и сопоставлять дѣятельность Константина IV съ заслугами Карла Мартелла" (стр. 720). Съ другой стороны, Ѳ. И. признаетъ,—и я думаю, что онъ въ этомъ своемъ сужденіи болѣе правъ, чѣмъ въ первомъ, — что „царь Константинъ Погонатъ первый въ длинной серіи византійскихъ царей оказалъ важную услугу христіанству и европейской культурѣ, задержавъ побѣдоносное движеніе арабовъ и поставивъ имъ серьезную пре-

Tougard, *De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes.* Paris, 1874, p. 86. На эту неточность у Ѳ. И. уже обратилъ недавно вниманіе проф. *Ю. Кулаковскій* въ своемъ этюдѣ *Императоръ Фока.* Кіевъ, 1914, стр. 11, пр. 3.

[1]) См. собранныя объ этомъ свѣдѣнія въ работѣ Н. Марра. *Антіохъ Стратигъ. Плѣненіе Іерусалима персами въ 614 г.* С.-Петербургъ, 1909, стр. 5.

граду въ укрѣпленіяхъ Константинополя“ (стр. 871). На стр. 815 пр. 1, авторъ сочиненія о Мухаммедѣ не Sprengel, а Sprenger. На стр. 841 арабскій военачальникъ не Халидъ ибнъ Мелидъ, а Халидъ ибнъ Велидъ. Иногда авторъ какъ бы забываетъ, что онъ уже разъ говорилъ о томъ или другомъ предметѣ, и совершенно въ одинаковыхъ выраженіяхъ повторяетъ ранѣе сказанное. Для примѣра я укажу на слѣдующія мѣста: разсужденіе о римскихъ правовыхъ воззрѣніяхъ и византинизмѣ на стр. 16 = с. 41; разсужденіе о трудности пониманія фактовъ внутренней исторіи на стр. 16—17 мы находимъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ на стр. 50—51; переведенный отрывокъ изъ актовъ св. Димитрія Солунскаго, размѣромъ около двухъ страницъ, на стр. 401—402 повторенъ на стр. 611—612; свѣдѣнія лѣтописей о переселеніяхъ славянъ въ Малую Азію на стр. 398—399 повторены съ нѣкоторыми измѣненіями на стр. 620—621; свѣдѣнія Прокопія и Маврикія о древнихъ славянахъ на стр. 390—391 повторены на стр. 673.

Нѣкоторое сомнѣніе вызываютъ иногда указываемыя авторомъ пособія. Въ предисловіи (стр. XIII) онъ говоритъ, что будетъ указывать пособія *руководящія*, „по которымъ легко найти указанія на литературу предмета“. Къ сожалѣнію, во многихъ отдѣлахъ пособія указаны съ точки зрѣнія современной исторической науки устарѣлыя. Приведу примѣры: на стр. 65, въ прим. первомъ, по вопросу о пожарѣ Рима при Неронѣ указаны пособія, кончая Гаусратомъ и Ренаномъ; о новѣйшей литературѣ ни слова. Изъ общихъ трудовъ о Константинѣ Великомъ читатель, кромѣ извѣстнаго сочиненія Burckhardt'a, ничего не найдетъ. По вопросу о Юліанѣ Отступникѣ на стр. 133 указана старая литература; нѣтъ даже книги Allard'a (1900—1903). Самое новое сочиненіе о готскомъ епископѣ Ульфилѣ, указанное у Ѳ. И., относится къ 1860 году (стр. 152). При изложеніи первоначальной исторіи арабовъ, жизни Мухаммеда и возникновенія ислама новая литература совершенно не принята во вниманіе. Мухаммедъ и начало ислама изложены по сочиненію Авг. Мюллера. Затѣмъ, нельзя теперь излагать исторію завоеванія арабами Сиріи, Палестины и Египта исключительно по старому труду Weil'a „Geschichte der Chalifen“, какъ это дѣлаетъ Ѳ. И. Онъ ни разу не упоминаетъ о работахъ de Goeje, Мѣдникова, Butler'a и др. по данному вопросу (см. гл. VIII и IX).

Цѣль автора отвѣтить народившейся потребности выразить въ опредѣленной формулѣ отношеніе византійской исторіи къ всемірной,

показать, какое же мѣсто принадлежитъ Византіи въ исторіи человѣчества (стр. 3). Первый вышедшій томъ Ѳ. И. этой задачи не рѣшилъ, и, вѣроятно, окончательные выводы по этому сложному вопросу, если только они въ настоящее время вообще возможны, будутъ даны на страницахъ слѣдующихъ томовъ. Къ слѣдующимъ же томамъ мы должны отнести, вѣроятно, исполненіе завѣтной мысли автора, о которой я уже упомянулъ выше, „дать соотечественникамъ цѣльную систему въ такой области, которую онъ считаетъ наиболѣе важной послѣ отечественной исторіи для національнаго самосознанія культурнаго русскаго обывателя“ (пред., стр. XIII). Такой „цѣльной системы“ въ первомъ томѣ мы не находимъ.

Ѳ. И. въ своемъ трудѣ желалъ быть общедоступнымъ (стр. XIII). Со стороны изложенія, несмотря на нѣкоторую мѣстами тяжеловатость слога, авторъ, по моему мнѣнію, рѣшилъ свою задачу удачно. Но общедоступности книги мѣшаетъ высокая цѣна (первый томъ стоитъ болѣе 20 рублей). Правда, цѣна эта оправдывается необычною у насъ роскошью изданія in 4° на прекрасной бумагѣ, напечатаннаго четкимъ шрифтомъ, съ многочисленными иллюстраціями и картами. Но чрезмѣрный объемъ книги и великая ея тяжесть явятся большимъ внѣшнимъ неудобствомъ для читателя. Книга украшена двѣнадцатью таблицами и восьмидесятью семью рисунками въ текстѣ, далеко, впрочемъ, не одинаковаго достоинства. Я отъ души желаю, чтобы авторъ счелъ возможнымъ выпустить въ свѣтъ свою книгу не только въ роскошномъ изданіи, какъ это онъ сдѣлалъ теперь, но и въ общедоступномъ компактномъ изданіи in 8° съ доступною цѣною для большинства нашей читающей публики.

Нельзя не порадоваться, что маститый авторъ выступилъ со своей исторіей Византійской имперіи, чѣмъ оказалъ большую услугу россійской исторической наукѣ. Хочется надѣяться, что Ѳ. И. Успенскій закончитъ предпринятое имъ трудное, но вмѣстѣ съ тѣмъ полезное дѣло, и можно съ увѣренностью сказать, что законченная имъ исторія Византійской имперіи займетъ почетное мѣсто не только у насъ въ Россіи, но и за границей.

А. Васильевъ.

Отвѣтъ на отвѣтъ г. А. М. Миронова.

Отвѣтъ г. Миронова на мой отзывъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1914, май) о его книгѣ: „Изображенія богини побѣды въ греческой пластикѣ“, очевидно, разсчитанъ на лицъ, которыя или вовсе не чи-

тали моей рецензіи, или при чтеніи „Отвѣта“ г. Миронова не заглянуть въ нее вновь.

Г. Мироновъ упрекаетъ меня въ томъ, что я несправедливо обвиняю его въ незнаніи литературы, появившейся послѣ 1898 г. Оставаясь и сейчасъ при томъ же мнѣніи, я долженъ подчеркнуть, что на стр. 144 своей рецензіи и въ примѣчаніи къ этой страницѣ я говорю о „рѣдкихъ исключеніяхъ“, когда г. Мироновъ цитируетъ книги, появившіяся послѣ 1898 г., при чемъ здѣсь перечислены *всѣ случаи* такого цитированія, какіе отмѣчаетъ въ своемъ отвѣтѣ и г. Мироновъ. У меня не упомянуто лишь гимназическое пособіе: *Steuding*, Denkmäler antiker Kunst. Für das Gymnasium ausgewählt. 2. Aufl. 1907. Такимъ образомъ мое обвиненіе въ той формѣ, въ какой я его формулировалъ на стр. 144, только подтверждается самимъ авторомъ.

Изъ „Отвѣта“ г. Миронова вполнѣ ясно, что статьей Мишона (весьма важной, несмотря на увѣренія г. Миронова) онъ нигдѣ не пользовался. Курьезно его заявленіе, что статью Мишона знаетъ Клейнъ, на котораго онъ, Мироновъ, ссылается (но не въ связи съ открытіемъ Мишона), слѣдовательно, и онъ, Мироновъ, знаетъ статью Мишона. Силлогизмъ—оригинальный! Клейнъ знаетъ и многое другое, чего, вѣроятно, не знаетъ г. Мироновъ.

Что касается новаго матеріала, яко бы привлеченнаго г. Мироновымъ (преимущественно изъ Эрмитажа), то онъ такъ незначителенъ и неваженъ сравнительно съ собраннымъ Bulle и Штудницка, что изъ-за него не стоило писать цѣлой книги, достаточно было бы небольшой замѣтки.

Г. Мироновъ говоритъ, что его книга „превышаетъ въ 10 разъ“ статьи названныхъ ученыхъ. Всякій легко убѣдится въ поразительномъ многословіи г. Миронова сравнительно съ сжатымъ стилемъ Булле и Штудницка. Вѣдь и по отношенію къ моей рецензіи въ 13 страницъ г. Мироновъ ухитрился написать отвѣтъ—въ 17 страницъ.

Доказывать мнѣнія, противоположныя мнѣнію г. Миронова, не является задачей рецензента. Я указывалъ лишь на несостоятельность утвержденій г. Миронова и ихъ бездоказательность особенно въ отношеніи снабженія крыльями Венеры Милосской и Венеры изъ Арля.

Что касается второй реставраціи Гескеля Саломана, то я вовсе не говорю, что эта попытка удачна (стр. 150: „Я не склоненъ утвер-

ждать, что эта попытка реставраціи вполнѣ убѣдительна"), а только утверждаю, что съ ней г. Мироновъ не былъ знакомъ, между тѣмъ какъ она представляетъ преимущество передъ собственной реставраціей г. Миронова, такъ какъ считается съ объективными данными Мишона.

Незнаніе литературы по исторіи египетскаго и месопотамскаго искусства, съ памятниками котораго г. Мироновъ оперируетъ столь смѣло, онъ лишній разъ подтверждаетъ въ своемъ „Отвѣтѣ". Здѣсь онъ утверждаетъ, что онъ *впервые* описалъ египетскіе саркофаги изъ Эрмитажа Nos. 771, 775, 776 и 779. Увы! Они были описаны еще до него В. С. Голенищевымъ (Ermitage Impérial. Inventaire de la Collection égyptienne, 1891, p. 101 ss.). Объ этомъ г. Мироновъ, конечно, не подозрѣваетъ.

Не опровергаетъ г. Мироновъ и того, что аргументовъ ученыхъ, отрицающихъ существованіе безкрылыхъ Никъ, онъ не разбираетъ.

Наконецъ, долженъ замѣтить, что всѣ факты касательно происхожденія моей запоздалой рецензіи на книгу г. Миронова, ему прекрасно извѣстны. Такъ какъ о нихъ онъ не находитъ нужнымъ упоминать въ своемъ отвѣтѣ, то не буду говорить о нихъ и я.

Касаться тона „Отвѣта" г. Миронова я считаю ниже своего достоинства.

М. Хвостовъ.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на рецензію г. Шемшурина.

Въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1914 годъ появилась рецензія г. Шемшурина на наше изслѣдованіе „Очерки изъ исторіи славянскаго орнамента. Человѣческая фигура въ русскомъ тератологическомъ рукописномъ орнаментѣ XIV вѣка". Рецензія занимаетъ 14 страницъ (152—166 страницы второго отдѣла журнала) и уже своими размѣрами претендуетъ на обстоятельность; однако, обстоятельности мы никакъ не могли замѣтить, несмотря на то, что г. рецензентъ любитъ не только пространно и разнообразно оцѣнивать мельчайшія фразы нашего текста, но подчасъ строить выводы и на томъ, чего въ текстѣ вовсе нѣтъ.

Для удобства будемъ дѣлать свои замѣчанія шагъ за шагомъ съ указаніемъ страницъ „рецензіи" г. Шемшурина.

Стр. 152—153. Г. Шемшуринъ утверждаетъ, что первая часть нашей работы представляетъ мозаику изъ чужихъ мнѣній, а потому

и не является очеркомъ изъ исторіи, между тѣмъ самъ же указываетъ, что мнѣнія ученыхъ приводятся нами съ критическими замѣчаніями. Г. Шемшуринъ не счелъ нужнымъ быть внимательнымъ къ этимъ критическимъ замѣчаніямъ въ ихъ цѣломъ, тогда какъ ихъ смыслъ и заключается именно въ раскрытіи исторической перспективы, что для каждаго внимательнаго читателя совершенно ясно. Такъ г. Шемшуринъ, по личному ли желанію или невинному заблужденію, дѣлаетъ выводъ объ отсутствіи историчности, не подкрѣпляя этого вывода никакими доказательствами. Быть можетъ, это и удобно для разныхъ цѣлей, но въ наукѣ непозволительно.

Стр. 153. „Одинъ видъ фигуръ“ не „пришлось лишить права на принадлежность къ тератологіи“, какъ говоритъ г. Шемшуринъ, а этотъ видъ, дѣйствительно, не принадлежитъ тому тератологическому орнаменту, который мы изслѣдовали. Хотя г. Шемшуринъ и приводитъ въ примѣчаніи подлинныя наши фразы изъ „Очерковъ“, однако смысла этихъ фразъ не уразумѣлъ [1]).

Стр. 153—154. Г. Шемшуринъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ, что „авторъ не изслѣдовалъ всѣхъ рукописей съ тератологическимъ орнаментомъ“, основываясь на нашихъ собственныхъ указаніяхъ въ предисловіи. Замѣтимъ, что небольшое количество непросмотрѣнныхъ нами рукописей было извѣстно намъ по описаніямъ и изданіямъ, хотя бы того же Стасова и другихъ. Среди этого небольшого количества рукописей нужныхъ намъ мотивовъ встрѣчается ничтожнѣйшее количество, которое мы всегда привлекали къ нашему изслѣдованію указаніемъ на изданія. Для подкрѣпленія своей мысли г. Шемшуринъ обращается къ авторитету проф. В. Н. Щепкина, однако дѣлая видъ, что даетъ совѣты отъ себя. Оставимъ въ сторонѣ иныя имена, совершенно ненужныя для тѣхъ элементарныхъ правилъ научной работы, которыя лишь наивность г. рецензента возводитъ во что-то широковѣщательное.

Нельзя не замѣтить, что при тщательномъ обслѣдованіи книгохранилищъ Петрограда и Москвы лишь единичные случаи нужныхъ намъ мотивовъ оказались незарегистрированными Стасовымъ, и при томъ эти случаи ничего новаго не дали и никакъ общаго историческаго построенія не измѣнили. Тѣмъ не менѣе мы воспроизвели въ своихъ таблицахъ эти отдѣльные образы (см. прим. 2 къ стр. 11 нашихъ

---

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ приведенное неудачное замѣчаніе г. Шемшурина и исчерпываетъ все, сказанное имъ объ основной исторической темѣ нашей работы.

„Очерковъ"). Что касается памятниковъ юго-славянской письменности, то мы здѣсь болѣе были ограничены изданіями, видѣвъ лично лишь немногіе оригиналы [1]). Г. Шемшуринъ утверждаетъ, что изученіе юго-славянскаго орнамента по оригиналамъ можетъ привести къ инымъ заключеніямъ. Однако, г. Шемшуринъ ни разу не указываетъ тѣхъ конкретныхъ данныхъ, на которыя опирается его мысль; безъ нихъ же утвержденіе г. рецензента остается „взглядомъ въ пространство".

Любопытно скромно прячущееся примѣчаніе 2-ое къ стр. 154 о томъ, что намъ осталась неизвѣстной Хлудовская псалтирь XIII в. (?) [2]); это явствуетъ будто бы изъ того, что 1) Хлудовская псалтирь не упомянута нами среди исключеній изъ тератологіи, какъ не употребляющей золота, 2) нѣтъ калекъ изъ этой псалтири; но 1) мы вовсе не ставили себѣ цѣли *перечислить всѣ исключенія*, ограничась немногими примѣрами, на стр. 66, на которую ссылается и г. Шемшуринъ, даже однимъ; добавленіе или уменьшеніе исключеній на 1—2 рукописи почти не измѣнитъ ничтожнаго процентнаго отношенія исключеній; 2) калекъ мы не приводимъ со многихъ рукописей, такъ какъ это далеко не всегда нужно; если бы мы пожелали приводить рисунки къ каждому слову нашего изслѣдованія, то пришлось бы отпечатать альбомъ калекъ не тоньше Стасовскаго атласа. Къ тому же мы и не разсчитываемъ во всѣхъ нашихъ читателяхъ найти вкусъ къ очнымъ ставкамъ, какъ его обнаруживаетъ г. Шемшуринъ. Объ отсутствіи рисунковъ изъ нѣкоторыхъ рукописей мы предувѣдомили въ предисловіи къ нашимъ „Очеркамъ" (стр. 3).

Стр. 155—156. Здѣсь г. Шемшуринъ доходитъ до изложенія третьяго основного, какъ ему кажется, недостатка нашей работы (критика нашей работы до этого мѣста столь у г. Шемшурина неотчетлива, что ясно себѣ представить *два первыхъ основныхъ недостатка* невозможно). Оказывается, никакъ нельзя опираться на датированныя рукописи, предполагая орнаментъ и письмо одновременными, потому что 1) писецъ и рисовальщикъ были лицами разными, 2) существуютъ рукописи съ пустыми мѣстами для орнамента, 3) случается, что дата помѣщается на отдѣльно пришитомъ къ рукописи листѣ, чему примѣръ—Псалтирь 1296 г.

Странная идея мелькаетъ между строкъ г. рецензента! Не пред-

---

[1]) Неизвѣстно, на какомъ основаніи г. рецензентъ предполагаетъ, что мы вовсе не видѣли рукописей Болгаріи и Сербіи.

[2]) Т. е. XIV в.? Псалтирь эта ошибочно была отнесена Амфилохіемъ къ XIII в. Древности. Труды Москов. Археол. Общ.; т. III, вып. 1. Стр. 1—2.

полагаетъ ли онъ, что писецъ XIV в. могъ оставлять пустыя мѣста въ рукописи съ расчетомъ, что какой-нибудь художникъ лѣтъ черезъ 200—300 ихъ заполнитъ? Если столь дикую фантазію и надежду на будущее и могутъ питать какіе-нибудь современные „футуристы“, то люди XIV в. были, вѣроятно, съ болѣе здравымъ смысломъ.

Несомнѣнно, что писецъ и рисовальщикъ могли быть разными лицами при различіи ихъ спеціальностей, но работа ихъ могла быть и одновременна и послѣдовательна, отдѣляясь, однако, незначительнымъ промежуткомъ времени. Если была возможность опредѣлить мѣсто иниціала и заставки въ текстѣ, то рисунокъ могъ быть сдѣланъ и раньше текста; въ противномъ случаѣ рисовальщикъ получалъ уже готовый текстъ съ пустыми мѣстами; быть можетъ, онъ же слѣдилъ за писцомъ попутно съ его работой, указывая, сколько надо оставить мѣста для рисунка. Не было бы ничего невѣроятнаго, если бы текстъ и рисунокъ изготовлялись въ одной мастерской. Во всякомъ случаѣ „время работы писца и рисовальщика раздѣляется“ столь незначительнымъ „промежуткомъ“, что годичная дата имъ не уничтожается, если только работа не была начата въ послѣдніе дни или часы года. Если вслѣдъ за исполненіемъ текста работа рисовальщика не состоится, то рукопись такъ и останется съ пустыми мѣстами, что и случается, какъ замѣчаетъ и г. Шемшуринъ. Что касается датъ на подшитыхъ листикахъ, то рискованно отсюда дѣлать безусловный выводъ о разновременности даты и рукописи. Ничего нѣтъ проще, какъ пришить листикъ для нѣсколькихъ строкъ даты, послѣ того какъ всѣ тетради полностью ушли на текстъ; зачѣмъ для этого пришивать еще цѣлую тетрадку?! Вѣдь и мы подшиваемъ и подклеиваемъ отдѣльные листочки; особенно же это практиковалось въ древности при скудости и дороговизнѣ писчаго матеріала. Поэтому бѣдные памятники часто имѣютъ небрежность исполненія, какъ, напримѣръ, псалтирь 1296 г., которая безусловно относится къ этому времени по даннымъ письма. Обратимъ вниманіе на то, что указаніе на несовременность даты и рукописи звучитъ обвиненіемъ въ подделкѣ. Если мы не имѣемъ поддѣлки современной, то кому нужно было производить ее въ древности?..

Невѣроятнымъ для научнаго изслѣдованія считаетъ авторъ рецензіи (стр. 156—157) наше заявленіе объ оставленіи безъ изученія рукописей XV в., подчеркивая обязательность предварительнаго знакомства съ русскимъ орнаментомъ вообще для историка этого орнамента. Ясно, что г. Шемшуринъ безъ особыхъ размышленій, a priori, увѣренъ въ

отсутствіи у насъ знакомства съ русскимъ орнаментомъ по рукописямъ на всемъ его протяженіи, хотя мы и неоднократно упоминаемъ въ нашемъ изслѣдованіи о характерѣ и памятникахъ орнамента послѣ 1400 г.; не различаетъ г. Шемшуринъ и понятій солиднаго общаго знакомства съ исторіей искусствъ, искусства, какъ идущаго вширь, и изученія, какъ детальнаго анализа вглубь, чему мы только и ставили рамки, какъ ясно изъ всей нашей работы. Такъ странно разъясняетъ г. Шемшуринъ главные недостатки нашихъ „Очерковъ", не находя нужнымъ приводить въ доказательство реальные факты. Сдѣлать это рецензентъ пытается въ указаніи второстепенныхъ, детальныхъ недостатковъ; но и здѣсь дѣло обстоитъ не лучше. Не считая нужнымъ подробно возражать на рецензію подобнаго качества, остановимся вкратцѣ на образцовыхъ мѣстахъ.

Стр. 157. Здѣсь очевидно недоразумѣніе г. Шемшурина, принявшаго формальное методологическое объясненіе орнамента, такъ сказать, его теорію среди другихъ формъ пластическихъ искусствъ, за опредѣленіе русскаго тератологическаго стиля, поэтому отнесшаго фразу о возможности рельефа въ орнаментѣ къ опредѣленію русскаго орнамента.

Стр. 158. Если не тушевка, то перспектива и раккурсъ подчеркиваютъ рельефъ, чего мы въ орнаментѣ XIV в. не видимъ.

На табл. IX, 3 показана не тушевка, а рѣснички, которыя лишь по условіямъ цинкографіи сбиваются на тушевку, въ оригиналѣ же, будучи блѣдно-желтыми, отнюдь не могутъ считаться тушевкой. Рѣснички въ нашей тератологіи столь извѣстны, что ошибка г. Шемшурина весьма странна. Видѣлъ ли рецензентъ рукопись, изъ которой приведенъ образецъ?

Въ той же путаницѣ между орнаментальными принципами, рельефностью и чертами русскаго орнамента XIV в. остается г. Шемшуринъ и далѣе; но изъ чего г. Шемшуринъ заключаетъ (стр. 159), что, введя понятіе рельефа въ русскую тератологію, мы уничтожимъ разницу между человѣческими фигурами перваго и второго образованія? Эта разница устанавливается не отсутствіемъ или присутствіемъ рельефа, а совокупностью многихъ чертъ въ ихъ происхожденіи, разновременностью памятниковъ, постепеннымъ сложеніемъ формъ; рельефность же фигуры перваго образованія можетъ являться лишь какъ слѣдъ непосредственныхъ вліяній со стороны.

На стр. 159—160 г. Шемшуринъ путаетъ описаніе стиля съ его опредѣленіемъ, почему и не знаетъ, считать ли животную форму типичной для орнамента или нѣтъ?

Евангеліе Юрьевское, какъ, впрочемъ, многія рукописи, имѣетъ черты разныхъ стилей, такъ какъ, въ сущности, въ цѣломъ мало оригинально и одними своими рисунками можетъ служить образцомъ для „иконописнаго“ стиля, другими—для „романскаго“, то отражаетъ вліяніе византійскаго искусства, то греко-восточнаго, то болгарскаго и т. д.

Откуда г. Шемшуринъ знаетъ, что господствовавшею художественною школою въ эпоху Юрьевскаго Евангелія, т. е. въ XII в., была школа иконописная? Къ какому виду искусства хочетъ примѣнить это положеніе рецензентъ? Наконецъ, развѣ „иконописная школа“, какъ стиль, и „иконописная школа“, какъ иконная мастерская—одно и то же? Слѣдовало бы избѣгать смѣшенія понятій. О заставкѣ Юрьевскаго Евангелія рецензентъ позабываетъ.

На стр. 161—163 г. Шемшуринъ говоритъ противъ нашихъ наблюденій въ области колорита, плетеній, фигуръ, стараясь обставить свои утвержденія ссылкой на памятники. Не будемъ отрицать, что факты у г. Шемшурина извлечены изъ рукописей добросовѣстно, но остались имъ совершенно непоняты. Естественная вещь, что всякій художественный стиль создаетъ памятники неодинаковой чистоты и цѣнности. Никто не мѣшалъ бездарному живописцу отказаться отъ фигуры въ орнаментѣ, что къ концу XIV в. встрѣчается чаще и чаще, а съ XV в. становится постояннымъ, за немногими исключеніями, а бѣдному писцу обойтись съ одной краской; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ могли найтись любители болѣе пестраго колорита, повидимому, въ сторонѣ отъ Новгорода [1]). Можно ли ожидать, что живое творчество человѣка отольется въ столь строгую формулу, которая не потерпитъ никакихъ исключеній и ничѣмъ не будетъ похожа на другую формулу. Принципіальное разграниченіе имѣетъ лишь значеніе формальной методологіи, объ условности которой мы всегда должны помнить, извлекая типичное изъ самой жизни. Любопытно, что г. Шемшуринъ рукопись считаетъ памятникомъ искусства, между тѣмъ какъ таковымъ долженъ считаться каждый отдѣльный случай украшенія въ рукописи. Слѣдовательно, въ одной рукописи собрано нѣсколько памятниковъ искусства, какъ нѣсколько стилей и школъ знало въ XIV в. искусство на Руси.

Къ стр. 163 скажемъ, что *самостоятельность* стиля можетъ быть при наличности *посторонняго вліянія*, такъ какъ самостоятельность

---

[1]) Соболевскій. Палеографія, С.-Пб. 1908. Стр. 65.

заключается въ оригинальной обработкѣ пришедшаго со стороны; никакой же иной самостоятельности въ человѣческомъ обществѣ пока еще не встрѣчалось.

Злоупотребленіе словомъ „чудовище“ заключалось лишь въ толкованіи его смысла, а не въ самомъ употребленіи, какъ словеснаго символа всѣмъ извѣстныхъ образовъ.

Г. Шемшуринъ упрекаетъ насъ въ неправильной передачѣ мысли другихъ авторовъ (стр. 164—166), при чемъ приводитъ двѣ фразы нашего текста, какъ передающія разсужденіе проф. В. Н. Щепкина; между тѣмъ лишь одна наша фраза (на стр. 6) передаетъ общій выводъ изъ разсужденія проф. В. Н. Щепкина, фраза же на стр. 8 къ этому разсужденію отношенія не имѣетъ и почему приведена г. Шемшуринымъ, неизвѣстно.

Далѣе, г. Шемшуринъ обидѣлся за проф. В. Н. Щепкина, по тому поводу, что мы ссылаемся на наблюденіе г. профессора, который лишь подтвердилъ и развилъ то, что уже было указано Буслаевымъ и Ягичемъ.

Еще далѣе опять г. рецензентъ обижается за того же профессора уже теперь по тому поводу, что мы развили мысль проф. В. Н. Щепкина примѣнительно къ человѣческой фигурѣ. Замѣтимъ, что въ словахъ предшествующей данной выпискѣ мы и не думали перефразировать проф. В. Н. Щепкина.

Послѣднее же указаніе наше на стр. 180—182 изслѣдованія Щепкина о Саввиной книгѣ совершенно справедливо, такъ какъ именно на этихъ страницахъ проф. В. Н. Щепкинъ допускаетъ растительную форму въ образованіи животнаго. Ср. стр. 24, 26 Сборника отдѣл. р. яз. и сл. И. А. Н. 1901, т. LXVII, № 9.

Къ сожалѣнію, мы не могли замѣтить у г. Шемшурина ни одной фактической поправки нашихъ наблюденій, за которую мы, конечно, могли бы быть только благодарны. Еще менѣе того г. Шемшуринъ могъ поколебать наше построеніе, дать какія либо наблюденія историко-художественнаго свойства. На каждомъ шагу мы видимъ отсутствіе научной методологіи и чрезвычайно узкую мысль, стремящуюся сложное явленіе художественной жизни превратить во что-то простое и механическое. Роковымъ образомъ г. Шемшуринъ вращается лишь въ предѣлахъ рукописей Румянцевскаго музея, Синодальной библіотеки и библіотеки Хлудова (судя по указанію на Псалтирь № 2). Не лишено интереса и снисходительное отношеніе г. Шемшурина къ „трудамъ, называющимся рецензіями и путешествіями, правда, авторовъ весьма почтенныхъ“ (стр. 156).

Въ результатѣ г. Шемшуринъ въ своей „интересной“ рецензіи ничего положительнаго отъ себя не даетъ, не имѣя, какъ мы видѣли, солидныхъ основаній и для отрицанія.

Алексѣй Некрасовъ.

Отвѣтъ г. Верховскому.

Считаю долгомъ обратить вниманіе читателей статьи г. Верховского въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* декабрь, стр. 316—330, на рядъ неточностей въ его изложеніи фактовъ и неправильностей въ выводахъ, поскольку задѣта моя работа надъ Духовнымъ Регламентомъ, и формулирую мои важнѣйшія возраженія по пунктамъ.

1) Напрасно г. Верховской приписываетъ (стр. 316) мнѣ выводы, сдѣланные почтеннымъ А. А. Папковымъ: они, равно какъ и допущенныя послѣднимъ разнаго рода неточности и мелкіе промахи во всѣхъ статьяхъ его принадлежатъ ему одному, и я за нихъ не отвѣтственъ нисколько.

2) Краткая характеристика на стр. 320 всего моего „Сборника“ я могу объяснить только незнакомствомъ г. Верховскаго и съ содержаніемъ и пріемами изданія текстовъ въ „Сборникѣ“ и съ современнымъ состояніемъ источниковъ церковнаго права.

3) При изданіи Духовнаго Регламента я хотѣлъ дать только первый опытъ сводки основныхъ данныхъ для критики его текста, а вовсе не очередную диссертацію. Поэтому указанія (на стр. 320—322) на пропуски въ перечняхъ изданій Регламента, переводовъ его на иностранные языки и научной литературы о немъ никакого существеннаго значенія не имѣютъ, тѣмъ болѣе, что они и фактически не всегда вѣрны. Разительнѣйшій примѣръ даже прямого измышленія заключается въ утвержденіи, будто мнѣ не извѣстно изданіе въ т. I Полнаго собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп.: да у меня на стр. 94 указаны даже страницы, а на стр. 89 сдѣланы общія указанія на П. С. П. и П. С. З.!

4) Четвертый списокъ Духовнаго Регламента (Моск. син. типогр. библ. № 361) даже по характеристикѣ г. Верховского не представляется настолько важнымъ, чтобы г. Верховской имѣлъ право утверждать (стр. 323): „Незнаніе этой рукописи проф. Б—чемъ является съ его стороны очень крупнымъ промахомъ, а отсутствіе указаній на ея особенности и варіанты лишаетъ его изданіе какого либо зна-

ченія для науки" [1]). Если „послѣ того, какъ обѣ бѣловыя копіи (т. е. сен. и син.) были списаны, черновая рукопись (т. е. арх.) подверглась новымъ исправленіямъ", и „затѣмъ съ черновой рукописи, принявшей такой видъ, была списана типографская рукопись" (стр. 325), по которой сдѣлано было первое печатное изданіе послѣ предварительной правки ея Ѳеофаномъ Прокоповичемъ на основаніи опять-таки бѣлового списка синодальнаго, считаемаго самимъ Ѳеофаномъ за „подлинный", то всякому знакомому съ дѣломъ изданія текстовъ, станетъ ясно, что три петроградскихъ списка (син., сен. и арх.) вмѣстѣ съ первымъ печатнымъ изданіемъ, использованные мною, въ существенномъ и важномъ должны исчерпывать исторію текста памятника. Именно поэтому мое изданіе должно быть названо критическимъ, а не потому, что дано „изданіе памятника съ варіантами изъ рукописей", какъ думаетъ г. Верховской по поводу изданія въ Полн. собр. пост. т. I, 1879 г.: исправное или хорошее изданіе еще не есть и критическое.

5) Пресловутая „четвертая рукопись" Духовнаго Регламента сдѣлалась извѣстной мнѣ тогда, когда я искалъ кавычный экземпляръ Кормчей книги, кажется, раньше, чѣмъ г. Верховской выступилъ со своимъ первымъ научнымъ трудомъ. Упоминать о ней теперь я отчасти даже не считалъ возможнымъ, да это было и не нужно при нежеланіи воспользоваться ею.

В. Бенешевичъ.

Книжныя новости.

Русская литература по всеобщей исторіи. Выпускъ второй. (Декабрь 1912—декабрь 1913). Библіографическій обзоръ подъ редакціей Д. Н. Егорова. Книгоиздательство „Русская Мысль". Москва—С.-Петербургъ. 1914. Цѣна 60 коп. [2]).

Необходимость подобнаго рода справочныхъ изданій сама по себѣ достаточно ясна. У насъ же въ Россіи она ощущается съ неизмѣримо бо́льшей силой, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ—тѣмъ болѣе, что извѣстная „Книжная Лѣтопись" не достаточно удобно приспособлена для пользованія при научныхъ работахъ въ той или иной области.

---

[1]) Скороспѣлость этого отзыва ясна и изъ того, что самъ г. Верховской на стр. 320 говоритъ скромнѣе: изданіе мое Духовнаго Регламента только „страдаетъ очень существенными недостатками, лишающими его значительной доли его научнаго значенія".

[2]) Выпускъ первый (декабрь 1911—декабрь 1912) вышелъ въ томъ же видѣ и въ томъ же издательствѣ въ 1913 г.

Въ виду этого попытка собрать русскую литературу по всеобщей исторіи въ одно цѣлое должна быть безусловно привѣтствуема.

Редакторъ Д. Н. Егоровъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ предисловіи къ первому выпуску, что при такой попыткѣ встрѣчается масса всякаго рода затрудненій. „Вѣдь, помимо естественныхъ затрудненій, хорошо извѣстныхъ и на Западѣ“, — говоритъ онъ: „у насъ существуютъ еще и спеціальныя „бытовыя“: плохая освѣдомленность книжнаго рынка, странная, но неоспоримая тенденція *локализовать* (курсивъ г-на Д. Н. Егорова) книгу (петербургское изданіе часто „не вхоже“ въ Москву!), неестественно малый тиражъ и т. п.“. Замѣчаніе это совершенно справедливо и тѣмъ самымъ оправдываетъ нѣкоторые недочеты въ этомъ „первомъ опытѣ“.

Обратимся къ разсмотрѣнію книги, при чемъ отмѣтимъ, что порядокъ отдѣловъ перваго выпуска сохраненъ и во второмъ. Первый выпускъ обнимаетъ №№ 1—263, а второй—№№ 264—525. Всѣ 262 номера второго выпуска распредѣлены на 3 части, изъ которыхъ первая часть [1]) должна обнимать, судя по подзаголовку, книги и статьи, вышедшія въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ 1913 года, вторая часть [2])—книги и статьи, вышедшія въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ 1913 г., и, наконецъ, третья часть [3]) должна охватить книги и статьи, появившіяся въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1913 года.

Дальше, каждая такая часть распадается на 12 отдѣловъ: I—философія исторіи и методологія, II—вспомогательныя дисциплины, III—культура и бытъ, IV—исторія всеобщая и отдѣльныхъ странъ, V—древній востокъ, VI—греческій міръ, VII—римскій міръ, VIII—Византія, IX—средневѣковье, X—новая исторія до 1789 года, XI—новѣйшая исторія и XII—внѣевропейскія страны.

Ясное дѣло, что такая группировка матеріала не достаточно опредѣленна. Это замѣчаетъ и самъ редакторъ, помѣщая послѣ алфавитнаго указателя (стр. 46—49) на стр. 50—55 „*Указатель систематическій за 1913 годъ*“, гдѣ уже вышеуказанные отдѣлы—каждый въ отдѣльности—разбиваются вновь на болѣе спеціальные подотдѣлы [4]), такъ, напримѣръ, II отдѣлъ—вспомогательныя дисциплины—въ „указателѣ“ разбитъ на слѣдующіе подотдѣлы: методологія; исторіографія и библіографія; конгрессы; біографіи; музеи; codices; палеографія, нумизматика, хронологія; археологія и древности. Я не буду

---

[1]) Стр. 1—15, (№№ 264—348).

[2]) Стр. 15—28, (№№ 349—425).

[3]) Стр. 28—45, (№№ 426—525).

[4]) При чемъ опять-таки систематическій указатель распредѣленъ на 2 части: I—Общій отдѣлъ (1—философія исторіи и соціологія, 2—вспомогательныя дисциплины, 3—исторія всеобщ. и отдѣльн. странъ, 4—истор. культуры, 5—право и обществ. ученія, 6—экономика, 7—исторія искусства, 8—исторія религіи), II—отдѣлъ спеціальный (1—доисторія, 2—древн. востокъ, 3—Греція, 4—Римъ, 5—Византія, 6—средніе вѣка, 7—возрожденіе, 8—эпоха реформаціи, 9—XVII вѣкъ, 10—славянство въ новое время, 11—XVIII в. и Старый порядокъ, 12—революція и имперія, 13—XIX вѣкъ, 14—внѣевропейскія страны).

приводить распредѣленія другихъ отдѣловъ, полагая, что для общей характеристики этой книги достаточно и одного примѣра.

Однако, ни способъ подраздѣленія на отдѣлы всего матеріала, ни способъ составленія „систематическаго указателя“ нельзя считать совершенно удовлетворительными, хотя, конечно, сама по себѣ систематизація въ данной области вообще очень затруднительна,—такъ что вину полагать всецѣло на составителей библіографіи нельзя, имѣя въ виду, что вѣдь это „первая попытка“. Тѣмъ не менѣе нужно было бы за опытомъ обратиться къ западу, гдѣ подобнаго рода систематизацію все же привыкли дѣлать наиболѣе выпукло. Я пробовалъ, напримѣръ, брать извѣстную библіографію *Dr. P. Herre*, Quellenkunde zur Weltgeschichte (Leipzig 1910) и, согласно систематической схемѣ лейпцигскаго профессора (профессоромъ онъ съ 1913 года), группировать матеріалъ, редактируемый г. Егоровымъ. И мнѣ казалось, что такимъ образомъ группировка получалась наиболѣе удачной и удобной.

Ознакомившись съ внѣшнимъ строеніемъ книги, мы перейдемъ къ передачѣ матеріала. Послѣ каждаго заглавія книги или статьи предлагается краткая замѣтка о содержаніи, а иногда, гдѣ, видимо, возможно, приведены и рецензіи (хотя послѣднее явленіе наблюдается чрезвычайно рѣдко, всего лишь въ 11 случаяхъ) [1]). Впрочемъ, замѣтки о содержаніи чаще всего сводятся лишь къ тому, что передаютъ планъ сочиненія (въ краткой формѣ) [2]), или просто отзывъ о немъ [3]), гдѣ иногда субъективный элементъ слишкомъ даетъ знать о себѣ. Такимъ образомъ полагаться на такого рода замѣтки совершенно не приходится.

Крупнымъ пробѣломъ надо считать неполноту библіографіи, хотя часть вины въ данномъ случаѣ можно снять съ составителей въ виду особыхъ, „бытовыхъ“ условій русскаго книжнаго міра, о чемъ была рѣчь выше. Чтобы провѣрить по данному вопросу лежащую передо мной библіографію, я привлекъ къ дѣлу „Книжную лѣтопись“ за 1913 г. и при простомъ, безпорядочномъ перелистываніи страницъ нашелъ попавшіеся на глаза примѣры въ подтвержденіе того, что библіографія неполна. Такъ у г. Егорова нѣтъ:

Карѣевъ, Собраніе сочиненій. Т. III. Критика экономич. матеріализма. [Старые и новые этюды]. С.-Пб. 1913 [4]).

„Исторія нашего времени“. [Современная культура и ея проблемы]. Подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго и проф. К. А. Тимирязева. С.-Пб. 1913 [5]).

Э. Р. фонъ-Штернъ, Къ оцѣнкѣ дѣятельности Тиверія Гракха. Харьковъ 1913 [6]).

Я не намѣренъ, конечно, перечислять всю недостающую у Д. Н. Егорова литературу; мнѣ хотѣлось лишь указать на неполноту библіографіи. Правда, въ предисловіи къ первому выпуску Егоровъ говоритъ, что „стремленіе къ

---

[1]) №№ 285, 295, 308, 312, 316, 328, 329, 344, 411, 507 и 513.

[2]) Срвн., напр., №№ 347, 348, 362 и много другихъ.

[3]) Срвн. №№ 341, 363, 364 и мн. другихъ.

[4]) См. „Книжн. Лѣтопись“ за 1913 г., № 6714.

[5]) Ibid., № 13832.

[6]) Ibid., № 23907 (см. Сборникъ въ честь проф. В. П. Бузескула).

полнотѣ не исключаетъ, съ другой стороны, и необходимаго самоограниченія!" Но выше приведенные примѣры нельзя отнести къ той категоріи, отъ которой хочетъ отмежеваться г-нъ Егоровъ [1]).

Если мы допустимъ, что упомянутые недочеты въ книгѣ, хотя и съ большой натяжкой, простительны, то неаккуратность, допущенная при изданіи библіографіи, цѣликомъ относится къ винѣ г-на Егорова. А неаккуратность допущена въ довольно-таки большомъ размѣрѣ.

Если мы сравнимъ №№ 272 и 357 („Памятники Синая археологическіе и палеографическіе". Вып. II: 46 снимковъ изъ греч. син. рукописей. Подъ ред. проф. В. Н. Бенешевича. Изд. Имп. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1912. Цѣна 3 руб.), то увидимъ, что здѣсь имѣется въ виду одна и та же книга,—только въ первомъ случаѣ не указаны годъ изданія и цѣна; между тѣмъ оба номера расположены въ разныхъ частяхъ книги: № 272—тамъ, гдѣ помѣщены, какъ гласитъ подзаголовокъ, книги, появившіяся въ январѣ, февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1913 года (sic!), а № 357 помѣщенъ въ слѣдующей части (охватывающей май, іюнь, іюль и августъ 1913 г.).

Уже изъ этого примѣра намъ удалось убѣдиться также и въ хронологической непослѣдовательности, имѣющей мѣсто въ книгѣ. Она доказывается и многими другими примѣрами. Дѣло въ томъ, что, судя по заголовку книги, мы должны бы были ожидать, что въ этой книгѣ данъ библіографическій обзоръ сочиненій, вышедшихъ въ концѣ 1912 и въ 1913 году. Ничуть не бывало. Начиная съ № 382 [2]), мы встрѣчаемъ много книгъ, годъ изданія которыхъ поставленъ 1914-й. Это — слѣдующіе №№ 382, 410, 426, 429, 439, 456, 477, 480, 493, 502, 513 и 524. Конечно, здѣсь идетъ рѣчь о такъ назыв. „издательскомъ лѣтосчисленіи". Но въ справочникѣ нужно было отмѣтить эту условную датировку.

Кромѣ хронологической непослѣдовательности, къ неаккуратности надо отнести необозначеніе года изданія во многихъ случаяхъ [3]). Обозначить годъ изданія было нужно уже просто потому, что въ книгѣ даны намъ три года изданія 1912 [4]), 1913, 1914 (см. выше)!

Я перечисляю №№ книгъ, гдѣ годъ изданія не обозначенъ: 284, 287, 308, 361, 372, 375, 468, 473, 500, 504, 505 и 511, всего двѣнадцать случаевъ. Годъ изданія не проставленъ и во многихъ журналахъ,—а это необходимо при частыхъ справкахъ,—и потому я выдѣлю тѣ №№, гдѣ годъ отсутствуетъ, для того, чтобы при пользованіи къ нимъ примѣнялась нѣкоторая осторожность; это—слѣдующіе №№: 323, 345, 359, 376, 396, 413, 448, 472, 485 и 486.

---

[1]) Онъ говоритъ, что надо „отмежеваться отъ спеціально русской исторіи (на почвѣ юбилейной литературы—особенно сложно), отбросить, наконецъ, все ультра-популярное, а тѣмъ паче quasi-историческую литературу эфемеридъ, созданныхъ злобой дня" (см. предисловіе къ первому выпуску).

[2]) Этотъ номеръ вѣдь отнесенъ ко второй части книги, гдѣ помѣщены книги, появившіяся на книжномъ рынкѣ въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ, августѣ 1913 года (sic!).

[3]) Правда, иногда случается, что на книгѣ годъ вообще не проставленъ. Но тогда составителямъ нужно отмѣчать такія недатированныя изданія.

[4]) 23 случая, а именно: №№ 266, 267, 277, 291, 299, 300, 305, 310, 311, 317, 319, 320, 321, 326, 327, 330, 334, 337, 344, 347, 357, 383, 390 и 425.

Упомяну еще одинъ пріемъ, который, по моему мнѣнію совершенно долженъ быть недопустимымъ въ подобнаго рода библіографическихъ справочникахъ. Подъ № 306 мы читаемъ: „*П. Бицилли*, Тацитъ и римскій имперіализмъ“ (Записки Импер. Одесск. О-ва Исторіи и Древн.).—Нѣтъ ни года, ни обозначенія тома, ни страницы! Конечно, догадаться можно, о которомъ томѣ идетъ рѣчь [1]), но все же точность справочника черезъ это очень страдаетъ.

Такимъ образомъ, резюмируя вышесказанное, мы должны констатировать, во-первыхъ, что начинаніе г-на Д. Н. Егорова по существу безусловно симпатично, во-вторыхъ, что въ книгѣ есть большіе пробѣлы, отчасти, видимо, объясняемые недостаточно хорошими распорядками въ нашемъ книжномъ мірѣ,—при чемъ мы искренно желаемъ, чтобы эти распорядки поскорѣе измѣнились къ лучшему; въ-третьихъ, что въ книгѣ есть пробѣлы—неаккуратность,—цѣликомъ относимые на счетъ редактора [2]), и въ-четвертыхъ, что книгой пользоваться нужно, благодаря только что упомянутымъ двумъ обстоятельствамъ, съ нѣкоторой осторожностью. Ясное дѣло, что недостатки, отмѣченные нами, вполнѣ исправимы и не подрываютъ основного значенія книги.

См.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ 1914 года.

— *Ольденбургъ, С. Ѳ.* Русская Туркестанская экспедиція 1909—1910 года, снаряженная по Высочайшему повелѣнію состоящимъ подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи. Краткій предварительный отчетъ. Съ 53 таблицами, 1 планомъ внѣ текста и 73 рисунками и планами въ текстѣ по фотографіямъ и рисункамъ художника С. М. Дудина и планамъ инженера Д. А. Смирнова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1914. VIII+88+LIII таблицы. Цѣна 18 руб.

— *Grünwedel, Albert.* Tāranātha's Edelsteinmine, das von den Vermittlern der Sieben Inspirationen. Aus dem Tibetischen übersetzt. I—II. Petrograd 1914. 242 стр. Цѣна 2 руб. (Bibliotheca Buddhica. XVIII).

— Русская библіографія по естествознанію и математикѣ, составленная состоящимъ при Императорской Академіи Наукъ бюро международной библіографіи. Томъ VI. (1907). Петроградъ 1914. VI+212 стр. Цѣна 2 руб.

— *Бергсонъ, Анри.* Творческая эволюція. Авторизованный переводъ съ французскаго. Съ портретомъ автора. Книгоиздательство „Русская Мысль“. М. и С.-Пб. 1914. IX+332 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

— *Карѣевъ, Н.* Роль парижскихъ секцій въ переворотѣ 9 термидора. По архивнымъ источникамъ. Петроградъ 1914. 86 стр. Цѣна 50 коп.

---

[1]) Томъ XXX (1912), стр. 378 слѣд.

[2]) Участниками библіографическаго обзора состояли, какъ сообщаетъ редакторъ, г-жи Е. А. Ефимова, Д. Г. Зандбергъ, В. М. Панина, М. П. Титова и гг. И. И. Шитцъ, В. Н. Перцевъ, А. М. Васютинскій и самъ редакторъ Д. Н. Егоровъ.

— *Соловьевъ, С. В.* Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы. Съ приложеніемъ некролога и портрета автора. С.-Пб. 1914. XXXIX+343 стр. Цѣна 2 руб.

— *Шкловскій, Владиміръ Б.* Неофилологическіе опыты. Петроградъ 1915. 43 стр. Цѣна 40 коп.

— *Карѣевъ, Н. И.* Было ли Парижское возстаніе 13 вандемьера IV года роялистическимъ? Харьковъ 1914. 16 стр.

— *Романовъ, Н. С.* Иркутская лѣтопись 1857—1880 г. (Продолженіе „Лѣтописи" П. И. Пежемскаго и В. А. Кротова). Подъ редакціей И. И. Серебрянникова. Иркутскъ 1914. 410+XV стр.

— Труды опытныхъ станцій при Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ. Селекціонная станція. Подъ редакціей Д. Л. Рудзинскаго. М. 1914. № 2. *С. Жегаловъ.* Матеріалы по селекціи ржи въ 1909—1913 гг. 42 стр.— № 3. Матеріалы по селекціи краснаго клевера. 117 стр.—№ 4. Отчетъ о дѣятельности станціи за 1913 г. 123 стр.

— Годичный отчетъ о состояніи Императорскаго Казанскаго университета за 1913 годъ. Казань 1914. 227+37+41 стр.

— Труды Вятской ученой архивной комиссіи. 1914 годъ. Вып. II—III-й. Вятка 1914. 70+50+VI+513+V+VII+16+5 стр.

— Труды Костромского Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края. Выпускъ II. Кострома 1914. 100 стр.+16 табл.

— *Федоровскій, В. К.* Торговля Россіи съ Франціей и Бельгіей и нашъ вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ эти страны. М. 1915. XI+227 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Егоровъ, Д. Н.* Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII вѣкѣ. Томъ I. Матеріалъ и методъ. М. 1915. 567 стр. Цѣна 4 руб. Приложеніе: Registrum Raceburgense a 1229/30. M. 1915. 54 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, КАКЪ ФАКТОРЪ НРАВСТВЕННАГО И ЭСТЕТИЧЕСКАГО ВОСПИТАНІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

I.

Изъ произведеній человѣческаго духа ни одно не соприкасается такъ тѣсно съ кардинальными вопросами жизни и нравственности, ни одно такъ широко не вліяетъ на жизнь, какъ литература. Ей, этой дивной силѣ, этому языку боговъ, присуща власть затрогивать самые живые, насущные вопросы бытія. Взятая независимо отъ историческихъ условій, очищенная отъ наслоеній времени и мѣста, литература всѣхъ народовъ и на протяженіи всѣхъ вѣковъ отражаетъ въ своихъ твореніяхъ всегда присущія человѣческой природѣ жизненныя проблемы о цѣли и смыслѣ жизни, о нравственности, объ отношеніи человѣка къ людямъ, природѣ и проч. На протяженіи всей исторіи это общечеловѣческое исканіе, это вѣчное стремленіе человѣка къ истинѣ и добру воплотили въ прекрасныхъ образахъ писатели и поэты разныхъ временъ и народовъ. Съ этой точки зрѣнія литература—наиболѣе богатая сокровищница человѣческаго опыта. Являясь сама результатомъ эстетическихъ запросовъ человѣческаго духа, она затѣмъ глубоко вліяетъ на этотъ духъ, развивая его. „Сколько отчаявшихся, потерявшихъ пути жизни, говоритъ одинъ моралистъ, литература спасла отъ нравственной смерти, сколькимъ на порогѣ жизни она явилась путеводной звѣздой, лучезарнымъ блескомъ перваго знанія о себѣ, другихъ людей, міра и Бога, какому множеству людей она была дверью въ жизнь, дверью, благодаря которой они начинали яснѣе понимать до тѣхъ поръ загадочный сфинксъ жизни, сколько слезъ и восторговъ видали и воспринимали въ

себя творенія поэтовъ міровой литературы. Это обаяніе поэтическихъ произведеній до такой степени впиталось въ художественное слово, сроднилось съ нимъ, что невольно со словомъ „литература" возникаетъ въ душѣ представленіе о чемъ-то прекрасномъ, благородномъ, изящномъ, свѣтломъ и добромъ. Такъ надо сказать о литературѣ всѣхъ народовъ. Но касательно русскаго поэтическаго творчества хочется еще настойчивѣе оттѣнить эту мысль, и не потому, конечно, что и „дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ", а потому, что по существу дѣла русская литература [1]), какъ учительница жизни, занимаетъ въ міровомъ искусствѣ совершенно особое и даже болѣе того одно изъ первыхъ мѣстъ [2]). Это первенство русской литературы среди другихъ европейскихъ литературъ съ гордостью отмѣчаетъ очень популярный современный критикъ и горячій апологетъ русской литературы С. А. Венгеровъ. „Есть область, гдѣ всѣ слои русскаго общества могутъ соединиться въ одномъ общемъ національномъ чувствѣ, — говоритъ онъ въ своей рѣчи по поводу празднованія столѣтняго юбилея Общества любителей россійской словесности, — это въ чувствѣ глубокаго національнаго удовлетворенія тѣмъ фактомъ, что въ теченіе какихъ-нибудь ста лѣтъ мы создали первостепенную литературу и выросли въ міровую литературную державу, и никто нашего ранга въ ней не оспариваетъ. И тутъ мы можемъ быть патріотами и даже шовинистами. Съ однимъ и тѣмъ же благоговѣніемъ мы всѣ одинаково можемъ преклониться предъ великою литературою нашею, всегда уносящею въ горныя высоты духа, въ міръ несравненной красоты и художественной, и нравственной" [3]).

Безъ сомнѣнія, главнымъ основаніемъ того, что русская литература заняла одно изъ первыхъ мѣстъ, является специфическая особенность, основная черта русской литературы, рѣзко отличающая ее отъ литературъ другихъ европейскихъ народовъ и состоящая въ

---

[1]) Если мы говоримъ о русской художественной литературѣ, то имѣемъ въ виду не современную литературу, а исключительно ту литературу, изученіе которой включено въ программу средней школы, именно, такъ называемую, классическую русскую литературу, которая начинается съ Кантемира, Ломоносова, Державина и др. и кончается А. П. Чеховымъ, которымъ, по общему признанію критики, заканчивается циклъ художниковъ-классиковъ.

[2]) *Ктитаревъ*. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. 1909, стр. 5.

[3]) *С. А. Венгеровъ*. „Въ чемъ очарованіе русской литературы XIX вѣка". Рѣчь, сказанная на празднованіи столѣтняго юбилея Общества Любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ 22-го октября 1911 года. С.-Пб. 1912, стр. 16.

томъ, что „наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто художественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово [1]). Уже первый русскій критикъ, говоря объ учительствѣ и проповѣдническомъ характерѣ русской литературы, настаивалъ на той мысли, что „поэзія и литература должна быть выраженіемъ жизни въ обширномъ значеніи этого слова, обнимающаго собою весь міръ физическій и нравственный, должна давать отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, должна быть исполнена скорбію этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ“ [2]). „Русскій читатель прямо таки требуетъ отъ писателей художниковъ учительства, руководительства, и наши художники отвѣчали этому настойчивому требованію и нерѣдко даже бросали художественное творчество для проповѣдничества, публицистики и философіи“ [3]). И дѣйствительно, наша литература въ той, или другой формѣ отзывалась на потребности времени, а писатели-художники были моралистами и проповѣдниками добра и правды, „живою совѣстью человѣчества“. Литература разрѣшала мучительные вопросы жизни и нравственности, проблемы о цѣли и смыслѣ жизни человѣка на землѣ, разгадывала тайны бытія, указывала человѣчеству пути къ счастью, къ идеаламъ добра и красоты, говорила объ отношеніи человѣка къ людямъ и природѣ, иначе говоря, художники работали надъ разрѣшеніемъ самыхъ интересныхъ, дорогихъ и цѣнныхъ для человѣчества вопросовъ [4]). Исполненная гражданскихъ мотивовъ, міровой скорби, поэзія нашихъ художниковъ-классиковъ дышитъ любовью, всепрощеніемъ, свѣтлымъ идеализмомъ и красивой мечтой о будущемъ счастьѣ, радости и земномъ раѣ. И въ этомъ-то кроется дѣйствительный источникъ ея обаянія и очарованія, въ этомъ и единственный ключъ къ пониманію русской литературы.

Въ одномъ изъ своихъ недавно вышедшихъ писемъ А. П. Чеховъ даетъ прекрасную оцѣнку и указываетъ, какъ на характерную особенность русской классической литературы, — это серьез-

[1]) *С. А. Венгеровъ.* Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. С.-Пб. 1909, стр. 12.

[2]) *В. Бѣлинскій.* Соч. т. IV, стр. 78.

[3]) *А. Е. Модестовъ.* О смыслѣ жизни въ русской художественной литературѣ XIX вѣка. С.-Пб. 1914, стр. 5.

[4]) Подробно о томъ, какъ художники разрѣшали проблемы о смыслѣ и цѣли жизни, о счастьи на землѣ, см. нашу брошюру: „Взглядъ художниковъ на жизнь“. (По поводу самоубійствъ среди учащихся). Москва, изд. журн. „Вѣстникъ Воспитанія“. 1913 г.

ность вопросовъ, которая покоряетъ и плѣняетъ читателя. „Вспомните, — приглашаетъ писатель, — что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и васъ зовутъ туда же, и вы чувствуете не умомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, что у нихъ есть какая-то цѣль, какъ у тѣни отца Гамлета, которая недаромъ приходила и тревожила воображеніе. У однихъ, смотря по калибру, цѣли ближайшія — крѣпостное право, освобожденіе родины, политики, красоты, у другихъ цѣли отдаленныя—Богъ, загробная жизнь, счастье человѣчества. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь такою, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, какъ сокомъ, сознаніемъ цѣли, вы кромѣ жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это плѣняетъ васъ“ [1]).

„Думать, что источникъ очарованія, которое уже сто лѣтъ производитъ на русскаго читателя родная литература, говоритъ С. А. Венгеровъ, лежитъ только въ ея чисто-художественныхъ достоинствахъ, только въ ея чисто-эстетическомъ совершенствѣ, — значитъ не только идти противъ фактовъ, но и подставлять подъ понятіе „литература“ не то, съ чѣмъ связано въ представленіи русскаго читателя это понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, буду ли я неправъ, если скажу, что для русскаго читателя литература есть нѣчто такое, отъ чего бьется сердце и горитъ голова. Упрекнетъ ли меня кто-нибудь въ преувеличеніи, если я скажу, что для русскаго читателя русская литература всегда была одной изъ тѣхъ святынь, въ общеніи съ которой онъ становился и чище и лучше, къ которой относился всегда съ чувствомъ поистинѣ религіознымъ. А разъ — святыня, значитъ нельзя ограничиваться внѣшностью, значитъ, никоимъ образомъ нельзя сводить сущность воздѣйствія русской литературы на душу русскаго читателя къ очарованію формы. Само собою разумѣется, что форма должна быть превосходной, — но художественное произведеніе западаетъ въ душу читателя только тогда, когда оно даетъ ему не только эстетическую эмоцію, но и эмоцію нравственную, когда оно уноситъ его въ свѣтлую лазурь идеала, когда оно вводитъ его въ тѣ героическія настроенія, изъ которыхъ слагается психологія дѣйствующихъ лицъ русскихъ художественныхъ произведеній. И

---

[1]) Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ IV (1892—1896). Москва. 1914.

мнѣ представляется, что основная задача всякой исторіи новой русской литературы къ тому и сводится, чтобы выявить эту нравственную красоту, чтобы показать, какъ въ новой русской литературѣ высоко-гармонично сочетались эстетика съ этикой, художественное совершенство съ нравственной силой [1]). Иностранная критика давно уже отмѣтила ту важную культурную роль, какая выпала на долю художественной классической литературы въ исторіи русской жизни. Андреевичъ въ „Опытѣ философіи русской литературы" [2]) приводитъ нѣсколько такихъ мнѣній.

„Насъ поражаетъ,—говоритъ одинъ западноевропейскій критикъ,—эта серьезность русскихъ во всемъ. Они какъ будто не пишутъ, а священнодѣйствуютъ, они постоянно въ заколдованномъ кругу вопросовъ «зачѣмъ и почему», выйти изъ котораго зачастую не могутъ иначе, какъ съ помощью креста и молитвы". Французскій писатель Мельхіоръ-де-Вогюэ, этотъ тонкій цѣнитель нашихъ писателей, говоритъ о русской литературѣ: „Если бы вы знали, какъ читаютъ поэтовъ тамъ, въ Россіи,—обращается онъ къ своимъ соплеменникамъ. То, что для насъ не болѣе, какъ баловство, предметъ роскоши, для нихъ насущный трудъ". Очень основательный и солидный французскій изслѣдователь художественнаго творчества вполнѣ справедливо и вѣрно подводитъ всѣ выдающіяся особенности русской литературы подъ понятіе „дидактическаго, т. е. поучающаго реализма". „Главной добродѣтелью тѣхъ русскихъ романистовъ, говоритъ онъ, которые смѣнили собою романтиковъ, служитъ теплое сочувствіе къ себѣ подобнымъ. Это истинное, искреннее сочувствіе, доходящее до проповѣди о помощи, исходитъ изъ христіанской любви къ ближнему, которая предписываетъ любить людей въ Богѣ и укрѣплять человѣческое сознаніе общаго братства чувствомъ поклоненія" [3]).

Если мы теперь захотѣли бы искать подтвержденія высказанныхъ выше мыслей у самихъ художниковъ-классиковъ и познакомиться, поинтересоваться, какъ смотрѣли сами художники на свое призваніе, въ чемъ полагали они свою дѣятельность, свое служеніе, то можемъ констатировать, что художники-классики глубоко вѣрили въ свое творчество, сознавали себя орудіемъ Высшаго Добра, Божественнаго творчества, истинными служителями, стражами правды и прекраснаго. Свое призваніе они видѣли въ томъ, чтобы учить народъ добру, такъ

[1]) Въ чемъ очарованіе литературы XIX вѣка, стр. 7.

[2]) *Андреевичъ*. Опытъ философіи русской литературы. 1909, стр. 4.

[3]) *Д. Соважо*. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ.

какъ „поэтъ писатель—истины герольдъ, учитель грозный свѣта. Его удѣлъ порокъ разить и обличать, людей на правый путь наставить, научать; поэтъ есть органъ истинъ вѣчныхъ“ (Н. Надеждинъ). Лучшіе изъ писателей, не обинуясь, называли себя пророками; вспомнимъ Пушкинскаго или Лермонтовскаго „Пророка“ — оба они написаны, какъ „credo“ поэзіи. Почитая себя орудіемъ Божественной воли и носителями Божественнаго вдохновенія, художники-классики очень возвышенно и серьезно смотрѣли на свое служеніе, полагая, что они выполняютъ великую нравственную и отвѣтственную миссію предъ человѣчествомъ, что ихъ священная обязанность — „провозглашать чистое ученіе любви и правды“, „глаголомъ жечь сердца людей, пробуждая въ нихъ добрыя чувства и милость къ падшимъ“, очищать дѣйствительность или жизнь отъ того, что ее прячетъ въ банальный механизмъ обычныхъ представленій и скрываетъ отъ мало наблюдательныхъ глазъ, вести человѣчество къ свѣту, правдѣ, давать отвѣты на волнующіе человѣчество вопросы, окрылять свѣтлою надеждой и вести послѣднее къ совершенству. Поэтому актъ творчества писатели-художники считали „тяжелымъ подвигомъ жизни, великой борьбой и торжествомъ духа“. Самое вдохновеніе, безъ котораго немыслимъ творческій актъ, представляли художники какъ бы понятіемъ, откровеніемъ свыше, и въ эти моменты вдохновенія, въ моменты интуитивнаго творческаго процесса художники вѣрили, что душа ихъ соприкасается съ Божествомъ, что здѣсь происходитъ соприкосновеніе лучшей части человѣческаго существа съ однимъ изъ моментовъ такого же объективнаго мірового совершенства. Уже Пушкинъ высоко ставилъ миссію художника, этого „небеснаго избранника“, который долженъ свой „даръ“ посвятить на служеніе человѣчеству, чтобы сердца собратьевъ исправлять и давать имъ смѣлые уроки. Въ стихотвореніяхъ „Эхо“ и „Пророкъ“ Пушкинъ еще болѣе подчеркнулъ, что поэтъ долженъ быть отзывчивъ на явленія общественной жизни, ему должны быть близки и дороги вопросы и думы человѣчества, и миссія его — „глаголомъ жечь сердца людей“. Оправданіе своей творческой дѣятельности Гоголь находитъ въ искреннемъ желаніи принести пользу людямъ, жаждѣ просвѣтить человѣчество. „Ты правъ совершенно, признавая важность литературы,—пишетъ Гоголь Плетневу,—но какъ много нужно, какое полное знаніе жизни, сколько разума и безпристрастія старческаго нужно для того, чтобы создать такіе живые образы и характеры, которые пошли бы навѣки въ урокъ людямъ, которыхъ бы никто не знавалъ въ то же время

идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего тѣла, изъ нашей же русской природы" [1]). Поэтъ, какъ провозвѣстникъ всего прекраснаго, по взгляду Гоголя, долженъ стоять на высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія. Постоянное самоусовершенствованіе— его главная цѣль. Въ повѣсти „Портретъ" старый художникъ совѣтуетъ сыну: „Спасай чистоту души своей! Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душой" [2]). По взгляду перваго русскаго критика В. Бѣлинскаго, поэзія и литература должны служить общественнымъ интересамъ, охватывать весь внутренній міръ человѣка; въ каждомъ истинно-художественномъ произведеніи должна быть частица міровой идеи, въ этомъ заключается, по нему, тайна эстетическаго наслажденія. Идеалъ истиннаго поэта, какъ общественнаго дѣятеля, рисуетъ намъ В. Жуковскій, когда говоритъ о себѣ, что онъ не ищетъ въ этомъ мірѣ счастья, славы, а хочетъ быть крыломъ могучимъ, подъемлющимъ родныя сердца на высоту, воспламенителемъ великихъ думъ, глаголомъ правды, лѣкарствомъ душъ".

Ту же проповѣдь гуманности, блага, нравственныхъ основъ жизни видѣли въ своей дѣятельности Лермонтовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и др. Для Добролюбова мѣрою достоинства писателя или отдѣльнаго произведенія является то, насколько они служатъ выраженіемъ естественныхъ стремленій извѣстнаго времени и народа. Высшей задачей жизни, по убѣжденію Л. Толстого, является проповѣдь, наученіе людей ихъ благу. „Учить тому, сколько козявокъ на свѣтѣ, разсматривать пятна на солнцѣ, писать романы и оперу можно не страдая, но учить людей ихъ благу, которое только въ отверженіи себя и служеніи другимъ, и выражать сильно это ученіе нельзя безъ отреченія отъ себя". Лучшимъ подтвержденіемъ той мысли, что художникъ является глашатаемъ вѣковыхъ истинъ человѣчеству съ тѣмъ, чтобы вести его къ свѣтлому будущему, можетъ служить поэзія Некрасова, проникнутая сознаніемъ высокой отвѣтственности поэта предъ обществомъ. Интеллигентный пѣвецъ народа считаетъ идеалы красоты и поэзіи противорѣчащими дѣятельной любви къ народу, такъ какъ для него есть нѣчто высшее. Прекрасно быть поэтомъ, нужны міру пѣвцы, но „поэтомъ можешь ты не быть, а гражданиномъ быть обязанъ". Вотъ то, что для всякаго человѣка, а въ томъ числѣ и для поэта, должно стоять на первомъ планѣ. „Неужели,

[1]) *Н. В. Гоголь.* Соч. т. VI, изд. Кулиша, стр. 417.
[2]) Ibid., изд. Маркса, стр. 484.

спрашиваетъ Некрасовъ, въ то время, когда буря рветъ снасти корабля и готовится сокрушить его, поэтъ могъ бы, сидя въ отдаленной каютѣ, „лѣнивцевъ уши услаждать и бури грохотъ заглушать". Нѣтъ, позорно „въ годину горя красу долинъ, небесъ и моря и ласку милой воспѣвать".

Такимъ образомъ, мы видимъ, что главный и почти исключительный интересъ у русскихъ писателей сосредоточивается на внутреннемъ смыслѣ явленій жизни; отъ этихъ преходящихъ явленій они поднимаются мыслью къ ихъ внутреннему значенію. Исканіе Бога, правды, разгадка тайнъ бытія проходитъ красной нитью чрезъ творчество всѣхъ русскихъ писателей. Это сообщаетъ произведеніямъ русскаго слова печать глубокой нравственной серьезности, философской вдумчивости, даже религіозности.

Если среди культурныхъ цѣнностей и произведеній человѣческаго творчества самымъ дорогимъ, очаровательнымъ и интереснымъ богатствомъ для каждаго русскаго человѣка является его родная литература, эта добрая и прекрасная „учительница" жизни, то тѣмъ болѣе она составляетъ драгоцѣнность для юношества, такъ какъ пытливая юность больше всякаго другого возраста волнуется тѣми тревожными вопросами, разрѣшенію которыхъ посвятила себя русская литература; она (молодежь) больше всякой другой поры склонна мучиться разгадкой коренныхъ запросовъ человѣческаго духа о смыслѣ, цѣли жизни, счастьѣ, истинѣ и красотѣ. Эту пытливость русской молодежи въ уясненіи себѣ кардинальныхъ вопросовъ бытія прекрасно отмѣчаетъ великій философъ и знатокъ русской души Ѳ. М. Достоевскій. „Вѣдь русскіе мальчики, говоритъ этотъ писатель устами Ивана Карамазова, если соберутся вмѣстѣ, будутъ непремѣнно разсуждать о міровыхъ вопросахъ, не иначе: есть ли Богъ, есть ли безсмертіе. А которые въ Бога не вѣруютъ, то тѣ о соціализмѣ, или анархизмѣ заговорятъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату, но это вѣдь все тѣ же вопросы, только съ другого конца" [1]). Болѣе рельефно и образно изобразилъ эту постоянно присущую юношеству жажду истины Гейне въ извѣстномъ стихотвореніи:

Ночью надъ берегомъ дикаго моря
Юноша грустный стоитъ;
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ
Такъ онъ волнамъ говоритъ:

[1]) *Ѳ. М. Достоевскій.* „Братья Карамазовы", изд. Маркса, стр. 277.

О, разрѣшите мнѣ, что тайна отъ вѣка,
Въ чемъ состоитъ существо человѣка,
Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ.
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

Изображенный Гейне юноша, конечно,—символъ всего человѣчества, ищущаго, мучающагося и даже утомившагося въ поискахъ разгадки вѣковыхъ истинъ и правды, но эти вопросы, волнующіе умъ всего человѣчества, повторяемъ, болѣе близки, сродны и дороги для проникнутаго свѣтлымъ идеализмомъ, не утомленнаго „бреніемъ годовъ" и сутолоки жизни чистаго и добраго юношества.

Изъ самаго существа русской литературы открывается ея глубокое моральное и воспитательное значеніе, и что она является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ воспитанія молодежи, а также учащагося юношества въ средней школѣ, гдѣ русской литературѣ отведено довольно почетное мѣсто. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, литература можетъ оказывать свое гуманизирующее, моральное вліяніе на человѣчество вообще, въ частности на учащееся юношество? Для уясненія этого интереснаго вопроса необходимо обратиться къ выясненію характера и сущности художественнаго творчества.

Сущность художественнаго творчества составляетъ вдохновеніе (divinatio), которое, по мѣткому опредѣленію В. Бѣлинскаго, есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго, но глубокаго созерцанія таинства жизни; оно какъ бы магическимъ жезломъ вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтленною и гармоническою. „Подъ вліяніемъ вдохновенія, продолжаетъ писатель, поэтъ видитъ во всемъ формы, краски и всему даетъ форму и цвѣтъ, овеществляетъ невещественное, дѣлаетъ земнымъ небесное—да свѣтитъ земное небеснымъ свѣтомъ" [1]). Художникъ въ моменты вдохновенія обладаетъ необыкновенной способностью къ наблюдательности, острымъ орлинымъ зрѣніемъ и тонкимъ слухомъ; ничто не ускользаетъ отъ зоркости и чуткости художника: „прилежнымъ взоромъ" онъ умѣетъ въ чистомъ эѳирѣ „слѣдить полетъ ангела", въ тихую ночь онъ „чуетъ", какъ „пустыня внемлетъ Богу и звѣзда съ звѣздою говоритъ"; онъ имѣетъ способность наблюдать даже духъ человѣческій въ его сокровеннѣйшихъ проявленіяхъ, уловляя тончайшіе оттѣнки

[1]) *В. Бѣлинскій.* Соч. т. II, изд. Павленкова, стр. 102.

чувствъ и настроеній. Наблюдательность художника нельзя ставить въ рядъ съ наблюдательностью обыкновенныхъ смертныхъ, такъ какъ поэтъ часто оказывается въ состояніи объяснить то, что невооруженный геніальнымъ воображеніемъ и чувствомъ умственный взоръ никогда не замѣтитъ. „Вдохновенному взору художника, пишетъ проф. Булгаковъ, порою открываются такія тайны жизни, которыя не подъ силу уловить точному, но неуклюжему и неповоротливому аппарату науки; озаренному свыше мыслителю-художнику иногда яснѣе открыты вѣчные вопросы, нежели школьному философу, задыхающемуся въ книжной пыли своего кабинета; поэту дано глаголомъ жечь сердца людей такъ, какъ не можетъ и иногда не смѣетъ скромный, научный спеціалистъ“ [1]. „Ни одно ученое изслѣдованіе, по словамъ русскаго критика, не даетъ такой возможности подмѣтить затаенныя движенія человѣческой души, какъ геніальная повѣсть“ [2].

Такимъ образомъ, наличность „ясновидѣнія“ въ моменты вдохновенія даетъ возможность открывать человѣчеству постигнутыя только художникомъ тайны мірозданія, идеи истины и добра, а также „общія, вѣчныя глубины духа и характера человѣческаго“; пламенникомъ своей фантазіи художникъ освѣщаетъ всѣ сердечные изгибы своихъ героевъ, всѣ тайныя причины ихъ дѣйствій, часто непонятныя простому наблюдателю. Онъ снимаетъ съ разсказываемаго событія все случайное, представляя нашимъ глазамъ одно необходимое, т. е. самое существенное. Далѣе, не одно вѣдь констатированіе фактовъ и точное воспроизведеніе дѣйствительности ставитъ себѣ задачей художественное творчество: герои нѣкоторыхъ литературныхъ созданій несутъ въ себѣ чутко подмѣченныя общечеловѣческія черты. Задача художниковъ—проявить душу человѣка, проникнуть въ самые глубокіе, въ самые сокровенные тайники ея. Они открываютъ намъ нашу собственную душу, раскрываютъ намъ насъ самихъ, они углубляютъ наше сознаніе, утончаютъ нашъ духовный міръ. „Искусство, пишетъ одинъ серьезный французскій изслѣдователь искусства, достигаетъ созданія типовъ вполнѣ жизненныхъ, способныхъ существовать и дѣйствовать. Художникъ творитъ свои созданія не изъ ничего, а послѣднія представляютъ новый синтезъ дѣйствительно-существующаго. Угадывая, что есть невѣдомаго въ каждой отдѣльной личности, художникъ комбинируетъ это не иначе, какъ въ строгихъ предѣлахъ возможнаго, такъ что вымыселъ его реалистическихъ произ-

[1]) Проф. *Булгаковъ*. Чеховъ, какъ мыслитель. Кіевъ. 1905, стр. 7.
[2]) *В. Гольцевъ*. О художникахъ и критикахъ. М. 1899, стр. 183.

веденій можетъ быть поставленъ въ параллель съ тѣмъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительности, которое получается даже въ результатѣ рефлективной работы ученаго изслѣдователя" [1]). Поэтому правъ былъ Бѣлинскій, опредѣляя искусство, „какъ непосредственное созерцаніе истины или мышленіе въ образахъ", а англійскій психологъ-натуралистъ Друммондъ признавалъ, что „истинная поэзія есть тоже наука, лишь въ измѣненной формѣ" [2]). Такимъ образомъ, художественное произведеніе содержитъ въ себѣ тѣ же идеи, тѣ же выводы—результатъ, быть можетъ, очень глубокаго и продолжительнаго изученія явленій, какъ и людей, ученый трактатъ, но только не въ сухомъ и отвлеченномъ видѣ, а въ лицахъ и образахъ. Въ этомъ случаѣ представляется возможность усвоить мысли автора умомъ и получить закрѣпляющее впечатлѣніе для сердца. Идея тогда можетъ быть воспринята всѣми силами духа и проведена въ жизнь, а это—уже наука для всякой науки. Неизсякаемымъ источникомъ, откуда почерпаются матеріалъ и впечатлѣнія для художественныхъ произведеній, является міръ дѣйствительности, дѣйствительная жизнь. Художникъ только силою своего творчества придаетъ имъ наибольшую характерность или типичность. Эта общность источника воспріятій содѣйствуетъ тому, что художественныя произведенія будятъ и шевелятъ въ душѣ воспринимающаго родственные предметы и чувства и являются, такимъ образомъ, связующимъ звеномъ между художникомъ и воспринимающимъ. Благодаря творчеству художниковъ, мы вступаемъ въ новую область, соприкасаемся съ извѣстными тайнами, съ міровыми загадками бытія. Разъ постигнувъ обаяніе генія, мы не можемъ отдалить его отъ своего „я". Онъ становится намъ близокъ, дорогъ. Поэтому-то мы и плачемъ и смѣемся съ его героями; они безконечно дороги намъ; „вещи самыя чуждыя въ нашей привычной жизни, скажемъ словами критика Добролюбова, кажутся намъ близкими въ созданіи художника: намъ знакомы, какъ будто родственны и мучительныя исканія Фауста, и ожесточеніе Чайльдъ-Гарольда; читая ихъ, мы до того подчиняемся творческой силѣ генія, что находимъ въ себѣ силы, даже изъ-подъ всей грязи и пошлости, обсыпавшей насъ, просунуть голову на свѣтъ и свѣжій воздухъ и сознать, что дѣйствительно созданіе поэта вѣрно человѣческой природѣ, что такъ должно быть, что иначе и быть не можетъ" [3]).

---

[1]) *Guyau.* L'art au point de vue sociologique, p. 20.

[2]) *Г. Друммондъ.* Естественный законъ въ духовномъ мірѣ, стр. 193.

[3]) *Н. Добролюбовъ.* Соч. т. II, стр. 508.

Но, быть можетъ, „учительство“, мораль русской литературы лучше было бы замѣнить обыкновенной проповѣдью, трогательными рѣчами, обычными описаніями событій, хроникой происшествій и проч. „Къ чему, скажутъ, писать повѣсти? говоритъ Достоевскій. Просто напросто написалъ бы, что вотъ такой-то фактъ существуетъ потому-то и потому-то,—и короче, и яснѣе, и солиднѣе. А тутъ еще сказки разсказывать“. Думать такъ,—даетъ отвѣтъ тотъ же писатель,—значитъ совершенно не понимать художественности. Цѣль какого бы то ни было писателя—передать какъ можно точнѣе собственное пониманіе явленія. А художественность именно и есть способность до того ясно выразить въ лицахъ и образахъ романа мысль, что читатель, прочтя романъ, совершенно такъ же понимаетъ мысль писателя, какъ самъ писатель понималъ ее, создавая свое произведеніе [1]). Художникъ-писатель, желая изобразить предметъ, нарисовать какую-нибудь обстановку жизни, которая живою картиною представляется его воображенію, старается представить его при помощи слова такъ, чтобы у другого при чтеніи въ воображеніи также картиною возсоздался тотъ же предметъ, та же обстановка жизни. Истинный художникъ, проникая въ явленіе гораздо глубже, чѣмъ это доступно для обыкновеннаго наблюдателя, дѣлится затѣмъ своимъ проникновеніемъ и чрезъ это оказываетъ громадную услугу. Благодаря такой живости въ передачѣ глубины авторскаго пониманія явленій, работа художника, человѣка способнаго лучше другихъ разбирать строки изъ книги дѣйствительной, а не сочиненной жизни, приноситъ неоспоримую моральную пользу. Иллюстрируемъ свои мысли примѣромъ. Исторіи духовной жизни, скажемъ, героевъ Достоевскаго такъ психологически вѣрны и такъ по существу захватываютъ жизнь, что не только завлекаютъ читателя, а скорѣе потрясаютъ его до глубины души и заставляютъ задуматься. Не страницы живоописаній мелкой, внѣшней обыденно-ничтожной жизни мелькаютъ здѣсь предъ вашими глазами, а самая суть души развертывается, какъ таинственный, но крайне интересный и поучительный свитокъ. Поэтому чтеніе его романовъ—не просматриваніе легкихъ и пріятныхъ беллетристическихъ картинъ для препровожденія времени, а сильное нравственное и психическое переживаніе вмѣстѣ съ авторомъ психическихъ настроеній и состояній выведенныхъ лицъ. Не безъ основанія одинъ изъ русскихъ спеціалистовъ по психологіи,

---

[1]) *Ѳ. Достоевскій.* Дневникъ писателя, т. IX, ч. I, стр. 57.

Владиславлевъ, отмѣчая печальное явленіе—полное отсутствіе въ высшей степени цѣнной въ научномъ отношеніи связи между психологіей и художественной литературой, признавалъ романы Достоевскаго заслуживающими самой серьезной разработки. „Анализъ, описаніе и посильное объясненіе его типовъ, увѣряетъ этотъ психологъ, могутъ раскрыть многія глубокія стороны человѣческой природы" [1]).

[1]) *Владиславлевъ.* Психологія т. I, стр. 21. Очень жаль, что наша средняя школа этому, а также другому великому писателю земли русской Л. Н. Толстому удѣляетъ очень мало вниманія и ихъ высокимъ художественнымъ произведеніямъ отводитъ очень незначительное мѣсто въ своей программѣ: въ VII классѣ изъ произведеній Ѳ. М. Достоевскаго положено по программѣ „Бѣдные люди" и Л. Н. Толстого „Дѣтство и отрочество", а въ VIII классѣ—„Война и миръ" Толстого и изъ Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе". (См. программу русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. и объяснительныя къ нимъ записки. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1912, іюль). Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ назадъ членъ ученаго комитета Мин. Нар. Просв., проф. В. В. Сиповскій, бывшій самъ преподавателемъ литературы въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, по вопросу о введеніи въ курсъ исторіи русской словесности новѣйшей русской литературы, горячо доказывалъ, что необходимо включить въ программу по литературѣ великихъ писателей земли русской Достоевскаго и Толстого, и къ несомнѣннымъ и ближайшимъ послѣдствіямъ изученія въ классѣ произведеній этихъ и другихъ писателей новѣйшей литературы онъ относилъ, на основаніи личнаго опыта, прежде всего, то „оживленіе", которое сразу овладѣваетъ классомъ съ того момента, когда раскроется томикъ сочиненій Толстого, Достоевскаго, Тургенева. Интересы учениковъ сразу возрастаютъ, мысль ихъ сосредоточивается въ каждомъ новомъ образѣ, каждой мысли автора; ученики разсѣянные замѣтно фиксируютъ свое вниманіе: лучшіе ученики волнуются, — по ихъ лицамъ, ихъ глазамъ видно, какъ въ нихъ разрастаются новыя мысли, новые запросы... Ни Пушкинъ, ни Гоголь не задѣваютъ ихъ вниманія въ такой мѣрѣ. Это „оживленіе не замираетъ даже послѣ урока, когда группы учениковъ продолжаютъ споры, неоконченные въ классѣ; находились желающіе расширять свои познанія въ этой области и обращались съ просьбою устраивать съ этой цѣлью внѣклассныя вечернія бесѣды, гдѣ можно было бы читать рефераты по разнымъ вопросамъ русской литературы и обмѣниваться взглядами. Эта тревога мысли и чувства, конечно, сама по себѣ можетъ повести къ разнымъ послѣдствіямъ, но несомнѣнно одно: живой интересный предметъ подыметъ интересъ къ осмысленному чтенію, быть можетъ, пріучитъ уважать чужое мнѣніе, заставитъ внимательнѣе относиться къ своимъ собственнымъ заключеніямъ. Рефераты, споры, безъ сомнѣнія, разовьютъ у многихъ даръ слова, способность спорить и убѣждать. Второе и очень важное наблюденіе, сдѣланное авторомъ, касается нравственнаго воздѣйствія новой литературы, въ частности Достоевскаго и Толстого. „Для меня, говоритъ упомянутый профессоръ, сдѣлалась ясной внутренняя работа, происходившая въ нѣкоторыхъ юныхъ сердцахъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ идеями этихъ писателей. Знакомство и изученіе художественныхъ произведеній этихъ писателей пріучило внимательнѣе всматриваться въ

Вообще говоря, художественныя произведенія всѣхъ писателей, особенно русскихъ, представляютъ богатый матеріалъ для вопросовъ морали, психологіи и психологическихъ наблюденій и изслѣдованій. „Для пониманія чувства и его разнообразнѣйшихъ проявленій, пишетъ русскій психіатръ, художественныя изображенія представляютъ неизсякаемый источникъ наблюденій“ [1]. „Въ глубинѣ каждаго хорошаго литературнаго произведенія, — подтверждаетъ ту же мысль одинъ иностранный романистъ-психологъ, — скрывается подтвержденіе какой-нибудь великой психологической или моральной истины подобно тому, какъ въ каждомъ прекрасномъ произведеніи живописи или скульптуры скрывается подтвержденіе какой-нибудь великой анатомической истины“ [2]. Если бы нужно было поискать рельефное подтвержденіе только что высказанныхъ общихъ положеній о моральномъ и психологическомъ значеніи русской литературы, то достаточно было бы указать хотя бы на поэзію А. С. Пушкина. Объясненіе изумительнаго обаянія его поэзіи, ея превосходнѣйшихъ художественныхъ достоинствъ и глубокаго общаго нравственнаго вліянія на душу человѣка нужно искать въ общемъ колоритѣ поэзіи Пушкина, который составляютъ внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. „Высокая цѣнность поэзіи Пушкина и благотворное вліяніе на душу человѣка, говоритъ одинъ авторъ, заключается въ томъ, что своими высокими художественными формами и изображеніемъ красоты, не воображаемой, не сочиненной, а дѣйствительной, эта поэзія учитъ насъ понимать и цѣнить ее въ природѣ и жизни, воспитываетъ въ насъ умѣнье подмѣчать ее, наслаждаться ею, будетъ ли это милая, скромная красота нашей родимой, безграничной коренной Россіи, или грандіозныя выси еще полудикаго Кавказа. Своими безсмертными произведеніями онъ научилъ и учитъ насъ понимать, цѣнить и наслаждаться прекраснымъ въ поэзіи и искусствѣ вообще. Того, кто даетъ себѣ трудъ внимательно изучить хотя бы главнѣйшія изъ его созданій и подумать надъ ними,

---

жизнь своей и чужой души; оно заставило задуматься надъ такими вопросами, на которыхъ само по себѣ вниманіе юноши, быть можетъ, и не остановилось бы, если бы великій писатель не заставилъ это вниманіе остановиться“. (См. записку члена ученаго комитета В. В. Сиповскаго по вопросу о введеніи въ курсъ исторіи русской словесности новѣйшей русской литературы. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1905, августовск. кн.).

[1]) *И. А. Сикорскій.* Жизненное значеніе и успѣхи художественнаго творчества. Сборникъ научно-литературныхъ статей по психологіи. Кіевъ. 1900, стр. 160.

[2]) *П. Бурже.* Очерки современной психологіи, стр. 96.

Пушкинъ научитъ понимать условія истинно-прекраснаго, т. е. поможетъ развитію интеллектуально-эстетическихъ чувствованій и раскроетъ его пониманію основные законы прекраснаго. Особенно же поэзія Пушкина учитъ насъ понимать и цѣнить красоту души человѣка, ея силъ, движеній, радостей, даже самаго горя и этимъ оказываетъ глубокое нравственное вліяніе на нашу душу" [1]).

Такимъ могущественнымъ факторомъ нравственнаго воспитанія, какъ русская литература, должна въ самомъ широкомъ масштабѣ воспользоваться средняя школа въ цѣляхъ культивированія у учащагося юношества свѣтлаго идеализма, гуманности, высокихъ идеаловъ, вѣры въ добро и счастье, которыми проникнута русская литература. Необходимо воспитывать юношество на лучшихъ образцахъ литературы, въ которой можно видѣть настойчивое стремленіе брать изъ жизни то, что въ ней есть лучшаго, постоянное усиліе художниковъ находить даже въ пошломъ и низкомъ свѣтлыя черты. Въ этомъ исканіи свѣта во тьмѣ заключается, какъ выше было сказано, характерная особенность русской литературы. Секретъ благотворнаго нравственнаго воздѣйствія и несомнѣннаго вліянія послѣдней на учащихся находится въ прямой зависимости отъ личности учителя, а также и самаго преподаванія этой интересной науки. Первымъ необходимымъ условіемъ, обезпечивающимъ интересъ симпатіи и любовь учащихся къ родной литературѣ настолько, чтобы молодежь заражалась идеалами и увлекалась тѣми идеями истины, добра и красоты, которыя высказываются писателями въ художественныхъ произведеніяхъ, чтобы „созданные художниками" живые образы и характеры, какъ говоритъ Гоголь, пошли въ урокъ юношеству, является то, чтобы самъ преподаватель проникнутъ былъ сознаніемъ высокой важности своего предмета, чтобы онъ горѣлъ любовью къ родной литературѣ, былъ страстнымъ апологетомъ ея, а затѣмъ съ полной искренностью и увлеченіемъ преподавалъ и знакомилъ учащихся съ художественными произведеніями нашихъ русскихъ геніевъ; только при этомъ условіи преподаватель можетъ заинтересовать свою аудиторію, зажечь сердца молодежи любовью къ родной литературѣ; только тогда учащіеся будутъ увлекаться и зачитываться художественными произведеніями и усвоять гуманныя идеи, литературные образы и типы. Что касается самаго преподава-

---

[1]) *Г. Дорофеевъ.* Образовательное и воспитательное вліяніе поэзіи А. С. Пушкина, стр. 15.

нія литературы, то чтобы оно не возбуждало апатіи у учащихся, и они не скучали, сидя за страницами художественныхъ произведеній, а напротивъ, чтобы оно было жизненнымъ и благотворнымъ по нравственному вліянію литературы на психику учащихся, необходимо нужно, прежде всего, привить и воспитать у учащихся высокій взглядъ на литературу, которой мы обязаны пробужденіемъ сознательной мысли, что на ней мы часто вырабатываемъ свое міровоззрѣніе; очарованные волшебнымъ словомъ поэта, мы не разъ забываемъ весь міръ и себя, погрузившись въ духовное созерцаніе его дивныхъ созданій; къ нему прибѣгаемъ мы за помощью въ минуты душевнаго разлада, гнетущаго одиночества, разочарованія въ людяхъ и жизни, словомъ, что литература—наша наука, религія, философія, идеалы личной и общественной жизни, что это—наше все. Далѣе, на урокахъ литературы, которую очень желательно было бы выдѣлить въ отдѣльный самостоятельный предметъ [1]), изученіе художественныхъ произведеній должно начинаться не съ исканія такъ называемой „главной идеи" произведенія, а всегда съ изученія той картины живой жизни, которую нарисовалъ авторъ, того міра духовной жизни людей, который писатель хотѣлъ изобразить; путемъ совмѣстнаго чтенія и бесѣдъ преподаватель долженъ стремиться къ тому, чтобы изображаемые въ художественныхъ произведеніяхъ жизнь и люди предстали предъ учащимися, какъ живые, такъ, чтобы они видѣли предъ собою человѣческія лица, слышали ихъ голоса, ощущали горячее дыханіе жизни. Довести слушателей аудиторіи до этого, помогать имъ въ этомъ—первая и главная задача преподавателя литературы. Сознательное чтеніе русскихъ писателей поставитъ учащихся въ соприкосновеніе съ психологіей и нравственными вопросами личности и съ интересами общественной жизни въ художественной формѣ ихъ выраженія. Это цѣль и задача преподаванія словесности въ средней школѣ, съ этимъ придутъ къ ученику знанія предмета, а съ ними выработается его міросозерцаніе и воспитается его духъ. Что касается вопроса о томъ, знакомить ли учащихся какъ съ положительными, такъ и отрицательными типами и характерами, выводимыми въ художественныхъ произведеніяхъ, знакомить ли съ ненормальностями

[1]) Т. е. обязательное чтеніе и разборъ художественныхъ произведеній въ классѣ. Авторъ готовитъ для печати статью, въ которой подробно коснется вопроса о желательной постановкѣ преподаванія русской литературы, характерѣ и методѣ преподаванія и о распредѣленіи учебнаго матеріала по литературѣ въ программѣ средней школы.

и уродствами жизни, которыя изображаются въ литературѣ, или же предпочтительно или даже исключительно, какъ рекомендуется программой, знакомить нужно съ положительной стороной жизни и положительными и идеальными типами и характерами, то разрѣшеніе этого вопроса вытекаетъ изъ самаго понятія художественнаго творчества и взгляда на художниковъ, какъ учителей человѣчества. „Художники, по вѣрному опредѣленію одного автора,—общественная совѣсть: они вносятъ на страницы своихъ произведеній всѣ земныя стороны общественной жизни, они заставляютъ насъ, какъ въ зеркало, присмотрѣться въ ихъ искусство, чтобы увидѣть всѣ пятна, которыхъ мы не видимъ и часто стараемся не видѣть сами; они подводятъ итоги нашихъ капиталовъ и неумолимо подчеркиваютъ дефициты“ [1]).

Огромное нравственное вліяніе на людей имѣютъ искусства и въ частности литература не только при изображеніи прекраснаго, но и при воспроизведеніи безобразнаго въ прекрасной формѣ, потому что отрицательнымъ путемъ они все же внушаютъ человѣку стремленіе къ противоположному тому, что представляетъ неприглядная дѣйствительность. Подъ перомъ или кистью истиннаго художника темныя стороны жизни и типы пошлыхъ, порочныхъ людей получаютъ такую окраску, что, пробуждая въ учащихся сознаніе, невольно будутъ вселять въ ихъ душѣ стремленіе ко всему прекрасному, высокому и нравственному. Если художникъ съ чистою душой воспроизведетъ въ своей душѣ нечистую идею, она предстанетъ предъ нимъ во всемъ своемъ безобразіи, ненормальности. Такой же она отразится и въ соотвѣтствующей объективной формѣ; такою же будетъ воспринята и нравственно-чистымъ созерцателемъ. И не только не заразятся и не пострадаютъ отъ нея художникъ и созерцатель, но напротивъ, еще болѣе укрѣпятся въ своей чистотѣ, болѣе возлюбятъ добро и совершенство. Благотворное воздѣйствіе на созерцателя или читателя достигается, значитъ, художникомъ въ томъ случаѣ, если послѣдній относится къ явленіямъ жизни не только строго, но и гуманно, если, рисуя печальную и пошлую обстановку дѣйствительности и указывая на различныя жертвы ея, самъ лично соболѣзнуетъ о ней и своимъ сочувствіемъ вызываетъ, на ряду съ чувствомъ отвращенія, другія добрыя качества и участіе. Какъ добрый учитель заботится о наилучшемъ личномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ,

---

[1]) *И. Гливенко.* Мопасанъ и Чеховъ. Сравнительный этюдъ. Кіевъ, 1904, стр. 29.

такъ и поэтъ, писатель невольно выражаетъ въ своихъ твореніяхъ лучшія стороны своего существа, свои лучшія идеи и стремленія, благодаря чему художественныя произведенія и оказываютъ гуманизирующее вліяніе на общество. Это не мѣшаетъ, повторяемъ, художнику выводить въ своихъ произведеніяхъ также пошлость и ужасы, встрѣчающіеся въ жизни, но такъ, чтобы при этомъ изображаемое возбуждало смѣхъ или негодованіе, если это пошлость, и чувство жалости и страха, если изображаемое трагично. Прекрасное разрѣшеніе вопроса о томъ, съ какими сторонами жизни и типами нужно школѣ знакомить молодежь, находимъ у Н. В. Гоголя. „Забирайте съ собою въ путь, — совѣтуетъ писатель юношеству, — выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте... не подымите потомъ“. „Программа по литературѣ, справедливо говоритъ Н. А. Котляревскій, должна имѣть въ виду ознакомленіе съ наиболѣе сильными, глубокими по смыслу и вѣчными по длительности психическими движеніями человѣка. Вся гамма чувствъ, безъ которыхъ немыслимъ человѣкъ, должна быть пройдена. Пусть самые типичные люди встанутъ предъ учащимися на страницахъ романовъ, разсказовъ, драмъ и поэмъ, люди, съ которыми жизнь ихъ не сталкиваетъ, но которые всегда налицо, незамѣчаемые, ихъ окружаютъ. Пусть въ періодъ своей жизни, огражденный отъ житейской борьбы, подрастающій человѣкъ пробудетъ нѣкоторое время въ обществѣ героевъ великихъ моментовъ цивилизаціи. Пусть онъ встрѣтится и съ преступными людьми и со святыми, съ людьми пустыми и людьми глубокими, съ людьми всѣхъ сословій отъ коронованныхъ особъ до слоя самаго низшаго по своему общественному положенію, отъ героевъ духа до самыхъ нищихъ духомъ. Знакомство съ такими людьми не отзовется вредно на юномъ умѣ и характерѣ, а наоборотъ, закалитъ этотъ характеръ и умъ и разовьетъ въ немъ самое цѣнное,—способность съ разныхъ точекъ зрѣнія смотрѣть на жизнь, умѣніе дополнять одну страницу жизни другой, умѣніе заглядывать людямъ въ душу, не говоря уже о томъ, что, пройдя такую предварительную школу, человѣкъ былъ бы подготовленъ къ болѣе мягкому и къ болѣе справедливому суду надъ ближнимъ“ [1]).

Необходимо, затѣмъ, привить учащимся взглядъ на писателей,

[1]) *Н. А. Котляревскій.* Къ вопросу о реформѣ средней школы. Школа и Жизнь. 1913.

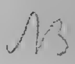
художниковъ, что они—лучшіе друзья, учителя и воспитатели человѣчества, честно и открыто повѣдавшіе міру свои думы, свои мысли, указывая намъ путь къ счастью, разгадывая тайны бытія, что они страдали за насъ, вынашивая свои произведенія, изъ желанія не славы себѣ, а блага человѣчеству, и, будучи призваны „учить" и исправлять сердца людей, они умирали съ сознаніемъ исполненнаго долга предъ людьми. Воспитанію такой любви, симпатіи у учащихся къ писателямъ, поэтамъ помогутъ идейныя біографіи, монографіи, мемуары, письма художниковъ, въ которыхъ часто бываетъ затронута интимная ихъ жизнь, богатая своею содержательностью, поучительностью, научныя книги и статьи, въ которыхъ выясняется психологія творчества писателей и поэтовъ. Съ такимъ матеріаломъ преподаватели должны знакомить учащихся, чтобы зажечь у послѣднихъ огонекъ любви къ великимъ личностямъ. Вѣдь при чтеніи и наслажденіи произведеніями художниковъ неизбѣженъ такой психологическій актъ: наслаждаясь, зачитываясь, мы мысленно воспроизводимъ свѣтлый обликъ художниковъ, насъ очень интересуетъ ихъ жизнь и при томъ самыя интимныя стороны и мелкія подробности ея. Конечно, не въ силу празднаго любопытства мы ими интересуемся, а въ силу сознательнаго или инстинктивнаго желанія въ живомъ примѣрѣ ихъ жизни почерпнуть новое и сильнѣйшее доказательство жизненности и истинности ихъ ученія и заразиться новыми чувствами и настроеніями. Тогда-то созданные художниками литературные и поэтическіе образы, типы, эти носители высокихъ идеаловъ, въ связи съ высокимъ представленіемъ личности писателей, поэтовъ, будутъ легко усвояться мягкимъ сердцемъ учащихся, они будутъ легко заражаться тѣми идеями истины, правды, добра, любви, счастья, которыми проникнуто истинное произведеніе художника; тогда-то „божественный глаголъ" пророковъ дѣйствительно будетъ „жечь" сердца молодого поколѣнія, дѣлая его кроткимъ, гуманнымъ, давая ему здоровую пищу и предохраняя отъ пороковъ и заблужденій. Мало того, что „вѣщее слово" пророковъ будетъ живо и дѣйственно, сами „пророки", „жрецы" искусства, благодаря знакомству учащихся съ ними, какъ личностями, будутъ окружены молодежью ореоломъ величія, славы; она проникнется благоговѣйнымъ почитаніемъ „жрецовъ" искусства, будетъ подражать имъ въ своей жизни, и тогда поэты и писатели, дѣйствительно, явятся для нихъ великими учителями, глашатаями высокихъ истинъ, которымъ будетъ внимать учащаяся молодежь.

Въ качествѣ живого примѣра и характернаго подтвержденія того, насколько важно знакомство съ идейными біографіями, письмами писателей, въ связи съ художественными произведеніями ихъ, для воспитанія у молодежи симпатій, любви и даже благоговѣнія къ художникамъ-писателямъ родной литературы, нельзя не привести исповѣди одного юноши-воспитанника среднеучебнаго заведенія, въ которой онъ знакомитъ съ тѣмъ увлеченіемъ, благоговѣніемъ, которыми онъ проникнутъ былъ къ личности Л. Н. Толстого. „Я перешелъ въ старшій классъ учебнаго заведенія, пишетъ юноша, когда толстовскія идеи сдѣлались для меня какой-то религіей, властно требовавшей отъ меня немедленнаго осуществленія этихъ идей во всѣхъ мелочахъ моей жизни. „Царство Божіе внутри насъ. Наступленіе его часа ни отъ кого другого не зависитъ, какъ отъ самихъ людей. Стоитъ только каждому начать дѣлать то, что мы должны дѣлать, и перестать дѣлать то, чего мы не должны дѣлать, чтобы сейчасъ же наступило Царство Божіе“. Такъ говорилъ мой учитель, и я съ юношеской горячностью принялся осуществлять Царство Божіе. Благоволеніе ко всему живому, о которомъ училъ мой „пророкъ“, дошло до того, что я не иначе ходилъ по дорогѣ, какъ разсмотрѣвъ заранѣе, не ползетъ ли подъ ногами какая нибудь козявка, чтобы какъ-нибудь не раздавить ее. Въ той комнатѣ, гдѣ я спалъ, висѣлъ на стѣнѣ портретъ графа. Эти грубыя мужицкія черты лица, эти нависшія брови съ какой-то царственной надменностью всегда глядѣли на меня изъ черной рамки портрета и были постояннымъ укоромъ въ моемъ времяпрепровожденіи. Проснешься, бывало, странное лицо графа глядитъ на меня съ такимъ укоромъ, что я моментально вскакиваю съ постели, быстро одѣваюсь, непремѣнно самъ убираю постель и иду въ садъ чистить дорожки. Это занятіе я тогда считалъ недостойнымъ себя: вѣдь, дорожка въ саду — уже вредная роскошь. Я долженъ идти въ деревню на тяжелый и полезный трудъ, и я мысленно просилъ у своего учителя прощенія „за дорожки“, обѣщая ему въ скоромъ времени явиться въ лаптяхъ среди унылыхъ полей и здѣсь работать, работать до кроваваго пота. Иногда мнѣ приходила мысль поѣхать въ Ясную Поляну и удостоиться видѣть собственными глазами своего учителя. Но мнѣ казалось, что я не вынесу его слишкомъ близкаго присутствія и здѣсь же, у ногъ его, умру отъ слишкомъ огромнаго счастья“ [1]). Мы привели одинъ примѣръ, являющійся

[1]) См. „Вѣстникъ Знанія“, 1907, апрѣльская книжка.

показателемъ того, насколько велико бываетъ увлеченіе, идеализація чуткимъ и отзывчивымъ юношествомъ своихъ „кумировъ", авторитетовъ. Долгъ, поэтому, школы позаботиться, чтобы подобное отрадное явленіе возможно чаще встрѣчалось въ ея стѣнахъ, и чтобы юность воспитывалась на высокихъ образцахъ добродѣтели и гуманности, которые являютъ намъ поэты, писатели и вообще великіе люди.

Анализъ занимавшаго насъ вопроса далъ въ итогѣ несомнѣнные выводы, что русская художественная литература вся проникнута морализмомъ, и разрѣшеніе вопросовъ религіи и морали составляетъ отличительную и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадную ея особенность, вслѣдствіе чего литература является важнымъ факторомъ воспитанія человѣчества вообще, въ частности учащагося въ средней школѣ юношества. И если школа воспользуется этимъ, имѣющимся въ ея распоряженіи, факторомъ и обратитъ серьезное вниманіе и умѣло приложитъ его къ дѣлу нравственнаго образованія учащихся, то получатся прекрасные результаты, и школа, такимъ образомъ, выполнитъ одну изъ своихъ благородныхъ миссій.

II.

Русская художественная литература представляетъ собою большую цѣнность не только моральной своей стороной, какъ прекрасный факторъ нравственнаго воспитанія, но она не менѣе важна и цѣнна, какъ факторъ эстетическаго воспитанія учащагося въ школѣ юношества. Если попытаемся трактовать литературу съ эстетической точки зрѣнія, то должны разсматривать ее какъ область искусства, а затѣмъ поскольку это искусство можетъ использовать школа въ цѣляхъ эстетическаго воспитанія учащейся молодежи. Говоря вообще объ эстетическомъ воспитаніи учащихся въ средней школѣ, нужно констатировать, что школа мало удѣляетъ вниманія этой области въ общей системѣ воспитанія. Развивая умственныя способности изученіемъ разнаго рода предметовъ, нравственныя силы — воздѣйствіемъ на учащихся примѣромъ, предупрежденіемъ и пресѣченіемъ проступковъ, школа не освѣщаетъ того уголка души, который нуждается въ полномъ озареніи — чувствованія, и между ними самый дорогой и самый очаровательный, но, къ великому сожалѣнію, почти забытый— эстетическія чувства. А, вѣдь, педагогика трактуетъ, что прежде чѣмъ говорить уму, въ особенности уму дѣтей и молодыхъ людей, нужно говорить сердцу, воображенію и чувствамъ. Далѣе, если учащійся воспринялъ нравственныя истины и рѣшился всегда дѣйство-

вать, согласно нравственнымъ требованіямъ, то ему необходимо умѣть надлежащимъ образомъ вести себя въ каждомъ данномъ случаѣ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ (напр., любезно обращаться, корректно вести себя), а для этого требуется эстетическое образованіе. По тѣсной, близкой связи эстетическихъ чувствованій съ моральными, развитіе первыхъ благодѣтельно отражается на моральной сферѣ, такъ что правильно поставленное эстетическое воспитаніе — гарантія благородства гуманности, аристократизма души учащихся, словомъ того, что составляетъ цѣль нравственнаго воспитанія юношества въ школѣ. Поэтому, упуская безъ вниманія, игнорируя идею эстетическаго образованія, школа не можетъ достигать хорошихъ результатовъ въ сферѣ нравственнаго воспитанія. Мало того, школа, мало считающаяся съ эстетическими запросами учащихся, создаетъ личностей апатичныхъ къ жизни, зараженныхъ ядомъ пессимизма, вялыхъ и чуждыхъ того свѣтлаго идеализма, который такъ пріятно встрѣчать въ каждомъ молодомъ человѣкѣ. Уже покойный педагогъ В. Острогорскій съ грустью указывалъ на это печальное явленіе въ жизни нашей молодежи, объясняя его, какъ результатъ индифферентнаго отношенія школы къ эстетическому образованію. „Представьте себѣ, читаемъ въ его письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи, юношу, окончившаго курсъ, положимъ, въ гимназіи, университетѣ или другомъ любомъ учебномъ заведеніи, слѣдовательно, взявшаго все, что можетъ дать ему въ настоящее время у насъ формальное образованіе. Этотъ юноша проглотилъ всю мудрость школьной науки; онъ по натурѣ добрый, очень симпатичный человѣкъ, у него, пожалуй, и много знаній и общихъ, и спеціальныхъ; предъ нимъ широко открыты двери къ разносторонней дѣятельности, могущей, повидимому, удовлетворить и его самого, приносящей пользу отечеству, и, между тѣмъ, что же вы видите? Этотъ юноша, съ развитымъ, недюжиннымъ умомъ, съ знаніями, крайне тяготится жизнью, или вовсе къ ней равнодушенъ, объясняя себѣ ее теоріями крайняго пессимизма. Что же недостаетъ этому юношѣ, обладающему и умственнымъ развитіемъ и знаніями, чтобы хотя сколько-нибудь быть счастливымъ самому, внутри себя носить духовный миръ съ самимъ собой, свои радости и утѣшенія, ободряющія духъ человѣка. Недостаетъ ему „общаго бодраго здороваго внутренняго настроенія, недостаетъ любви къ миру и человѣку, живого интереса къ жизни“ [1]). Такое бодрое, здоровое настроеніе,

---

[1]) *В. Острогорскій.* Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Москва, 1908, стр. 14.

о которомъ говоритъ почтенный педагогъ, и какого такъ недостаетъ нашей интеллигентной молодежи, слагается, конечно, вслѣдствіе очень многихъ историческихъ, экономическихъ и соціальныхъ условій и причинъ, но безспорно, что въ числѣ другихъ факторовъ, создающихъ заровное, бодрое настроеніе, не послѣднее, если не первое мѣсто, занимаетъ воспитаніе чувства и воображенія, которыя, главнымъ образомъ, и складываютъ характеръ человѣка, направляя, укрѣпляя или парализуя его волю и сердце. Это-то воспитаніе воображенія и чувствъ, въ связи съ развитіемъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи разума, какъ высшей степени ума, съ цѣлью воспитать въ человѣкѣ особое постоянное настроеніе—интересъ и вкусъ къ жизни, способность находить въ ней наслажденія въ созерцаніи изящнаго въ искусствѣ и людяхъ, въ стремленіи къ самоусовершенствованію и совершенію поступковъ, которые составляли бы внутреннюю потребность и тоже наслажденіе (быть вѣжливымъ, корректнымъ, скромнымъ, джентльменомъ), и называется воспитаніемъ эстетическимъ. Или короче выразимся словами упомянутаго педагога: „эстетическое воспитаніе есть воспитаніе человѣка въ чувствѣ красоты, изящества, въ любви къ прекрасному, высокому и не только въ любви, но и въ постоянномъ, дѣятельномъ стремленіи къ нему, иначе—въ стремленіи къ нравственному идеалу, чѣмъ и способствуетъ такое воспитаніе улучшенію нравовъ“ [1]).

И такимъ могущественнымъ факторомъ образованія и воспитанія учащихся въ чувствѣ и красотѣ, въ любви къ прекрасному, высокому, идеальному является словесное искусство (поэзія и вообще литература), каковое искусство по богатству содержанія, по силѣ нравственнаго вліянія и по доступности и легкости усвоенія занимаетъ первое мѣсто среди другихъ искусствъ. Мы заранѣе извиняемся за нѣсколько обширную выписку, ярко характеризующую роль и значеніе области поэзіи и литературы, какъ искусства, а также положеніе его въ ряду другихъ искусствъ. „Всѣ искусства связаны братскими узами,—читаемъ у одного профессора изящныхъ искусствъ,—потому что они—порожденіе одной и той же силы, т. е. человѣческаго генія, всѣ они имѣютъ одну и ту же задачу—выражать идею прекраснаго, всѣ предназначаются къ одной и той же цѣли—возбуждать эстетическое удовольствіе. Но все-таки поэзія занимаетъ первое мѣсто. Ея царство безгранично; ея дѣйствія, если не всегда равняются дѣйствію музыки

1) Ibid., стр. 17.

по силѣ напряженія, зато, несомнѣнно, важнѣе по своей устойчивости и воспитательному значенію. Поэзія рисуетъ кистью, рѣжетъ рѣзцомъ, приводитъ въ порядокъ, водворяетъ гармонію—однимъ словомъ, выполняетъ задачи всѣхъ прочихъ искусствъ и при томъ съ эффектомъ, надо сказать, не меньшимъ. Поэзія — самое гуманное, самое доступное и всеобъемлющее искусство; она полнѣе другихъ выясняетъ личность художника; болѣе прямымъ и дѣйствительнымъ способомъ выражаетъ всего человѣка съ его способностями; въ одно цѣлое соединяетъ факты, создаетъ характеры, рисуетъ страсти, возбуждаетъ сердечныя движенія съ такой широтой, какая недоступна другимъ искусствамъ. Изъ поэзіи постоянно берутъ сюжеты живописцы, скульпторы, архитекторы. Воистину, это — царица всѣхъ искусствъ“ [1]).

Теперь интересно выяснить, какъ же, въ самомъ дѣлѣ, литература, какъ искусство, является факторомъ эстетическаго развитія и воспитанія учащихся въ средней школѣ? Эстетическое воспитаніе имѣетъ своимъ объектомъ красоту, прекрасное, которое составляетъ сущность искусства вообще, въ частности и литературы. Красота [2]) заключаетъ въ себѣ элементы внѣшняго и внутренняго содержанія. Красота, прекрасное съ внѣшней, такъ сказать, непосредственной стороны, дѣйствуетъ на внѣшнія чувства зрѣнія, слуха: лаская нашъ взоръ или слухъ, доставляя человѣку удовольствіе отъ созерцанія формъ, гармоніи, она съ этой стороны мало даетъ сознательныхъ ощущеній уму и сердцу. Съ внѣшней стороной непремѣнно соединяется и внутренняя, высшая духовная сторона красоты, которая, кромѣ удовольствія для внѣшнихъ чувствъ, доставляетъ еще человѣку высокое духовное наслажденіе, при которомъ пріятно возбуждаются всѣ наши силы души: и умъ, проникающій въ смыслъ жизни, и чувства любви къ человѣку, и воображеніе, и самая воля, въ смыслѣ желаній и порывовъ, стремленій, такъ что все духовное существо наше, посредствомъ такого наслажденія становится какъ бы просвѣтленнѣе, выше, лучше. И это потому, что красота за внѣшней

---

[1]) *Піо Ферріери.* Лекціи по теоріи искусства вообще и поэзіи въ частности. Петроградъ, стр. 89.

[2]) Красота, прекрасное въ поэзіи и литературѣ, помимо красивой художественной формы изложенія самыхъ твореній художниковъ, является, какъ красота идей истины, добра, правды, красоты идеаловъ, которыми увлекаетъ насъ художникъ, красота души человѣка, красота характеровъ, поступковъ, дѣйствій, красота природы и проч.

своей оболочкой скрываетъ во внутренней сторонѣ идеи истины, добра, правды, всего благороднаго, честнаго, достохвальнаго.

Красота, прекрасное, воплощая въ себѣ идеи истины, добра, правды въ изящной формѣ, обладаетъ чуднымъ свойствомъ: дѣлать доступными, понятными, а главное привлекательными тѣ идеи, которыя въ ней проявляются. Слѣдовательно, прекрасное въ воспитательномъ отношеніи важно тѣмъ, что оно, глубоко волнуя насъ пріятными переживаніями, лаская наше воображеніе, помогаетъ, способствуетъ легкому усвоенію (благодаря общепонятности и заманчивости) тѣхъ моральныхъ истинъ, общечеловѣческой правды, которыя оно воплощаетъ. Далѣе, будучи всегда привлекательною и благотворно дѣйствуя на всѣ психическія силы, она способствуетъ очищенію души отъ всего сквернаго, смягчаетъ ее, дѣлаетъ нѣжною, доброю, такъ какъ возбуждаетъ въ ней любовь къ порядку, гармоніи, слѣдовательно, ненависть къ безпорядку, разногласію и порокамъ, которые разстраиваютъ прекрасную связь общежитія. Частое наслажденіе прекраснымъ имѣетъ своимъ результатомъ воспитаніе любви, тяготѣнія къ себѣ со стороны субъекта, проявляющееся въ стремленіи къ подражанію и копированію прекраснаго въ своей внутренней и внѣшней жизни. Человѣкъ, которому часто доступны эстетическія наслажденія, постепенно привыкаетъ требовательнѣе относиться къ себѣ, начиная со своей наружности, окружающей обстановки, отношеній къ людямъ и кончая высшими нравственными требованіями, изъ желанія согласить свою жизнь и дѣятельность съ той гармоніей, которая присуща всему прекрасному, изящному. Эстетически развитый человѣкъ становится воспріимчивъ, чутокъ ко всѣмъ проявленіямъ духовной и нравственной жизни, и на безнравственные поступки онъ неспособенъ. Эстетическое воспитаніе, значитъ, предохраняетъ отъ всего грубаго, низкаго, отъ той наглости, цинизма, которые такъ близко граничатъ съ безнравственностью. Уважающій изящное, если не во имя добра, то во имя эстетическихъ требованій, всегда удержится отъ дурного поступка, такъ какъ все дурное въ моральномъ смыслѣ, въ большинствѣ случаевъ, является некрасивымъ и съ эстетической точки зрѣнія: воровство, пьянство, разгулъ, уничтоженіе человѣческой личности одинаково отвратительны какъ для нравственнаго, такъ и для эстетическаго чувства. „Прекрасное въ дѣятельности воли, по вѣрному взгляду проф. Покровскаго, обнаруживается въ мягкости, въ кроткихъ незлобивыхъ свойствахъ человѣка, когда онъ, влекомый высшими благородными чувствами, всегда добродушенъ,

ласковъ, веселъ, привѣтливъ, общителенъ, чуждъ злобы и вражды, готовъ всякому вспомоществовать" [1]). Наоборотъ, тотъ, въ комъ нѣтъ любви къ музыкѣ, кого не трогаетъ согласіе сладостныхъ звуковъ (т. е. кому совершенно чужды эстетическія эмоціи), способенъ къ измѣнѣ, воровству и хищности. Движенія души его темны, какъ ночь, а наклонности мрачны, какъ Эребъ (Шекспиръ).

Красота, такимъ образомъ, ведетъ человѣка къ самоулучшенію. „Эстетическое восхищеніе, по словамъ одного мыслителя, обозначаетъ въ насъ извѣстнаго рода нравственное улучшеніе: право, утверждаетъ онъ, мы становимся нравственно лучше въ то время, когда восхищаемся" [2]). Эстетическія отношенія къ самому себѣ, природѣ, людямъ, искусству, обществу, какъ результатъ эстетическаго воспитанія, создаютъ въ человѣкѣ особый духовный міръ съ самимъ собою, то доброе настроеніе, то единеніе съ міромъ, то постоянное стремленіе къ духовной красотѣ, къ служенію общей пользѣ, къ честному труду и борьбѣ со зломъ,—словомъ то, что единственно только и составляло во всѣ времена человѣческое счастье. Это счастье не достигается какимъ угодно развитіемъ ума, какимъ угодно разностороннимъ знаніемъ; оно возможно только при правильномъ развитіи съ дѣтскихъ лѣтъ привычекъ къ красотѣ какъ внѣшней, со стороны формы, такъ и внутренней, состоящей въ умонаклоненіи къ добру и правдѣ, конечно, въ связи съ возможно гармоническимъ развитіемъ всѣхъ способностей, особенно чувства и воображенія.

Отсюда открывается очень важное значеніе литературы, какъ искусства, въ воспитательномъ отношеніи, такъ какъ прекрасное способствуетъ нравственности и нравственному развитію, и само по себѣ, какъ носитель или воплотитель нравственной красоты и прекрасно-нравственныхъ идей и идеаловъ. Конечно, съ идеальной точки зрѣнія нравственное, скажемъ, добро не должно нуждаться ни въ какихъ прикрасахъ. Человѣкъ долженъ любить и уважать добро само по себѣ, независимо отъ того наслажденія, которое оно доставляетъ. Но это—идеальная точка зрѣнія. „Тотъ человѣкъ, прекрасно говоритъ Шиллеръ, безспорно занялъ бы высшее мѣсто въ ряду духовныхъ существъ, который не нуждался бы въ возбужденіяхъ красоты, чтобы вести себя сообразно внушеніямъ разума, но все-таки извѣстныя границы человѣчества принуждаютъ даже самаго суроваго этика нѣсколько уклоняться отъ строгости его системы въ приложе-

---

[1]) Проф. *Покровскій.* Поэзія, какъ факторъ эстетическаго развитія.

[2]) *М. Гюйо.* Задачи современной эстетики, стр. 42.

ніи, и укрѣпить благо человѣчества на крѣпкомъ якорѣ эстетическаго чувства“ [1]). Несомнѣнная заслуга искусства вообще и литературы въ частности будетъ и въ томъ, что оно помогаетъ человѣку, способствуетъ достиженію такого состоянія, при которомъ возможно постиженіе и усвоеніе добра ради самаго добра; такъ человѣкъ, восхищаясь сначала добромъ ради его красоты, можетъ со временемъ настолько полюбить его само по себѣ, что станетъ благоговѣть предъ нимъ, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. Прекрасное, красота, значитъ, есть первая, самая простая, ощутительная и понятная форма, въ которой являются человѣку высшія идеи или предметы, именно, истина и нравственное благо. Хотя истина принадлежитъ области отвлеченнаго мышленія и общихъ понятій, постигаемыхъ разсудкомъ, а нравственность, по существу своему, всецѣло коренится во внутреннемъ душевномъ настроеніи и относится всецѣло къ области внутренней жизни человѣка, но ни уразумѣніе высшихъ и общихъ идей науки невозможно безъ образованія посредствомъ занятія искусствомъ и поэзіей мысли и чувства къ идеальному (древне-греческій народъ, положившій начало философіи и науки, пришелъ къ нимъ путемъ искусства и поэзіи) и вообще безъ наблюденія и усвоенія конкретныхъ индивидуальныхъ формъ и явленій (а конкретныя и индивидуальныя формы суть области эстетики), ни нравственность не можетъ развиться и образоваться, если человѣкъ не будетъ видѣть обнаруженій внутренняго нравственнаго существа человѣческаго и индивидуальной и соціальной жизни, или образцовъ дѣятельности, если не будетъ стараться выражать въ благородныхъ и соотвѣтствующихъ формахъ и свои собственныя внутреннія состоянія. Высказанныя мысли въ какомъ либо комментированіи не нуждаются; вѣдь, каждый по личному опыту глубоко убѣжденъ въ той истинѣ, что отвлеченными моральными разсужденіями, сентенціями нельзя достигать нравственныхъ цѣлей. „Понятіе о благѣ, какъ нравственно добромъ,—отвлеченно,—говоритъ одинъ философъ,—и по своей общности трудно опредѣлимо. Любовь возможна къ чему либо конкретному. Поэтому, чтобы благо было предметомъ любви, для этого необходимо воплощеніе идей добра въ чемъ либо болѣе или менѣе опредѣленномъ. Прежде всего, этой цѣли служатъ правила, законы, заповѣди. Поэтому и любовь къ добру выражается прежде всего въ любовномъ отношеніи къ нравственнымъ

---

[1]) *Шиллеръ.* Соч. т. III, стр. 470.

правиламъ, въ свободномъ и ревностномъ усвоеніи ихъ. Болѣе конкретный характеръ имѣетъ примѣръ исполненія правилъ нравственныхъ, представляемый отдѣльными достопамятными дѣяніями, цѣлою жизнью нѣкоторыхъ лицъ, важными по своему нравственному значенію историческими событіями. Созерцаніемъ такого рода примѣровъ, изученіемъ ихъ и вниканіемъ въ ихъ духъ въ особенности воспитывается любовь къ добру. Но, кромѣ реальныхъ воплощеній идей добра въ самой жизни, въ дѣйствительности, существуетъ цѣлая обширная область воплощеній той же идеи въ конкретныхъ образцахъ, создаваемыхъ людьми, обладающими особымъ даромъ творчества, располагающимъ ихъ къ этому высокому и достойному всяческой любви дѣлу. Это область изящныхъ искусствъ". Не можемъ, однако, не иллюстрировать высказанныхъ положеній примѣромъ. Представимъ себѣ, человѣку доказываютъ, что онъ не имѣетъ нравственнаго права убивать подобнаго себѣ даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній не приноситъ никому пользы своимъ существованіемъ и даже вредитъ окружающимъ людямъ, и когда изъ его убійства можно извлечь массу пользы для другихъ хорошихъ личностей. Теоретически доказать эту мысль почти невозможно... Напротивъ, чисто разсудочнымъ путемъ можно, пожалуй, прійти къ противоположному выводу. Отъ убійства безполезнаго и даже вреднаго члена общества, во-первыхъ, уничтожается то зло, какое онъ могъ бы сдѣлать, и во-вторыхъ, увеличится благосостояніе другихъ лицъ на тѣ средства, которыя отъ него останутся. Слѣдовательно, въ результатѣ такого преступленія увеличится сумма общечеловѣческаго счастья и уменьшится сумма многихъ страданій. Отсюда можетъ возникнуть мысль о законности такого рода убійства, какъ возникла она у Раскольникова. Но великій писатель Достоевскій въ своемъ романѣ „Преступленіе и наказаніе" показываетъ всю безнравственность подобной мысли, показываетъ не путемъ строго логическихъ доказательствъ, а тѣмъ, что рисуетъ психологическую картину состоянія души преступника въ моментъ убійства и послѣ него и, несомнѣнно, достигаетъ своей цѣли. Прочитавши этотъ романъ, всякій почувствуетъ, что, дѣйствительно, ни одинъ человѣкъ не имѣетъ нравственнаго права проливать кровь другого человѣка, какія бы ни преслѣдовались при этомъ цѣли.

Такое важное значеніе литературы для эстетическаго воспитанія учащихся съ психологической и моральной стороны въ общей воспитательной системѣ поставляетъ школу въ необходимость считаться съ такимъ важнымъ факторомъ. Какъ же можетъ школа осуществить,

выполнить идею эстетическаго образованія и воспитанія молодежи при наличности имѣющагося въ ея распоряженіи такого важнаго фактора, какъ изящная литература?

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что при преподаваніи литературы, какъ эстетической области, какъ области искусства, преподаватели необходимо должны подолгу останавливать и обращать серьезное вниманіе учащихся на ту красоту, все прекрасное, которое воплощено въ красивыхъ образахъ, на тѣ идеально красивые типы, характеры героевъ, которые невольно становятся привлекательными своей кристальной чистотой, цѣльностью своей натуры, красивыми замыслами, идеальнымъ міросозерцаніемъ, которые способны настолько увлечь насъ, что мы готовы подражать имъ, копировать ихъ въ своей жизни. Подолгу и внимательно останавливаться на этихъ образахъ, типахъ, воспитывать на нихъ учащихся необходимо, и усвоеніе послѣдними тѣхъ образовъ, которые нарисованы перомъ художника въ любомъ произведеніи, очень важно въ воспитательномъ отношеніи, такъ какъ справедливо говоритъ упомянутый нами французскій мыслитель и изслѣдователь: „для ребенка, а можетъ быть и для насъ образъ служитъ лучшей иллюстраціей идеи“. Поэтъ лучше всѣхъ охватываетъ такую зависимость формы отъ изображаемыхъ эмоцій и мысли и, при помощи образовъ, проявляетъ то невѣдомое, что таится хорошаго въ нашей душѣ. Вотъ почему древніе смотрѣли на поэта, какъ на существо божественное, по крайней мѣрѣ, вдохновленное богами; они считали Орфея воспитателемъ самой природы и во всѣхъ поэтахъ видѣли лучшихъ единственныхъ воспитателей юношества [1]). Такими художествами красивыхъ, жизненныхъ образовъ богата наша классическая литература. Для примѣра достаточно вспомнить хотя бы стараго слугу Савельича въ „Капитанской дочкѣ“—Пушкина, Макара Дѣвушкина въ „Бѣдныхъ людяхъ“ — Достоевскаго, „Антона Горемыку“—Григоровича и нескончаемую вереницу другихъ страдальцевъ изъ народа: старца Зосиму, родителей Базарова, Петра Каратаева въ „Войнѣ и миръ“—Толстого. Развѣ это — не живая иллюстрація къ страницамъ Евангелія, не лучшіе образцы Христовой любви, сердечной чуткости, незлобивости и всепрощенія!

Помимо этихъ художественныхъ воплощеній, этихъ дорогихъ и родныхъ для сердца русскаго человѣка типовъ, красивыхъ образовъ, которыми преподаватель литературы долженъ широко пользоваться

---

[1]) *М. Гюйо.* Воспитаніе и наслѣдственность. Стр. 156.

въ цѣляхъ нравственно-эстетическаго воспитанія учащагося юношества на прекрасныхъ образцахъ, примѣрахъ добродѣтели, гуманности русской художественной литературы, необходимо обращать серьезное вниманіе и на внѣшнюю форму искусства, на то, чтобы учащіеся запоминали и запечатлѣвали въ своихъ юныхъ сердцахъ образныя поэтическія выраженія, готовыя красивыя формулы, на каждомъ шагу встрѣчающіяся въ твореніяхъ нашихъ художниковъ. Одинъ авторъ, констатируя фактъ, что школа мало обращаетъ вниманія на эту важную въ воспитательномъ отношеніи область, указываетъ на печальные результаты такого игнорированія. Обыкновенно, когда заходитъ рѣчь о воспитательномъ и эстетическомъ значеніи поэзіи и литературы, говоритъ этотъ авторъ, имѣютъ въ виду тѣ хорошія мысли, нравственныя идеи, тѣ добрыя чувства, которыми заражаетъ поэтическій образъ читателя, слушателя, а не обращаютъ вниманія на тѣ образныя выраженія, формулы, которыя встрѣчаются въ любомъ произведеніи. Результатомъ этого бываетъ то, что школа воспитываетъ безличныхъ, вялыхъ юношей, этихъ преждевременныхъ стариковъ, тоскующихъ, унылыхъ, скучающихъ,—людей, у которыхъ своихъ словъ нѣтъ, у которыхъ нѣтъ пѣсни про черный день, а между тѣмъ истинная поэзія должна воспитывать человѣка-бойца, вооруженнаго мѣткимъ словомъ, человѣка, умѣющаго претворять самыя обыкновенныя, повидимому, впечатлѣнія въ готовыя формулы, которыя, когда нужно, явятся сами собой (по вдохновенію) изъ запаса мимолетныхъ впечатлѣній, встрѣчъ, случаевъ и даже самыхъ незначущихъ моментовъ жизни. Поэтому, продолжаетъ авторъ, если задача воспитанія и образованія состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы открыть широкую и вольную дорогу для самовоспитанія, самообразованія, то пріучить учащихся къ образному мышленію, научить ихъ пользоваться художественной формой и способами выраженія мыслей и чувствъ, мѣткими словами, выраженіями, которыми такъ богата русская литература—значитъ дать въ руки самое надежное средство, самый лучшій, благороднѣйшій изъ видовъ самопомощи. Пусть же молодежь, совѣтуетъ въ заключеніе авторъ, увлекается въ юности этими образами-формулами, выраженіями, пусть она запасается этимъ оружіемъ въ арсеналѣ устнаго преданія родной литературы; трудно будетъ безъ нихъ потомъ, когда жизнь потребуетъ битвъ, когда сутолока окутаетъ ихъ туманомъ мелочныхъ недоразумѣній, предубѣжденій [1]).

[1]) Подробно объ этомъ см. В. Харціевъ. Психологія поэтическаго образа въ

Наконецъ, въ цѣляхъ нравственнаго и эстетическаго воспитанія учащейся молодежи очень важное значеніе имѣютъ темы и рефераты по искусству вообще [1]), такъ какъ послѣднее имѣетъ тѣсную связь съ областью словеснаго искусства. „Нѣтъ ни одного почти явленія въ русской литературѣ стараго и новаго времени, справедливо говоритъ проф. А. Яцимирскій, которое не нашло бы себѣ отраженія, напр., въ живописи, начиная хотя бы съ фресокъ Кіево-Софійскаго собора и отраженія въ нихъ апокрифическихъ мотивовъ и кончая типами художниковъ у Гоголя, Тургенева, Гончарова и другихъ беллетристовъ". Помимо тѣсной связи всѣхъ родовъ искусства, которая облегчитъ учащимся постиженіе и усвоеніе области литературы, указанныя темы, рефераты по искусству вообще еще имѣютъ свою хорошую сторону въ томъ, что учащіеся могутъ знакомиться не только съ геніями мысли, но и съ геніями, талантами въ другихъ областяхъ художественнаго творчества и жизни, путемъ знакомства съ ними, какъ личностями, а также путемъ изученія извѣстной эпохи искусствъ. Такое знакомство и изученіе разныхъ отраслей искусства будетъ имѣть своимъ результатомъ воспитаніе у учащихся любви къ искусству и художникамъ и стремленіе ко всему изящному, идеальному, къ гармоніи и красотѣ, какъ нравственной, такъ и физической. Тогда станетъ для учащихся понятна и ясна та важная роль, какую имѣетъ искусство въ жизни отдѣльной личности—индивидуума, а также въ общей экономіи жизни человѣчества, какъ соціальной единицы. Они поймутъ, что искусство призвано на землю дополнить этотъ видимый вещественный міръ и дать душѣ новый духовный, „чтобы звуки его, какъ голосъ неба для земли, въ сердца послушныя текли, врачуя горести и муки" (А. Толстой).

А. Гладкій.

примѣненіи къ воспитанію. Вопросы теоріи и психологіи творчества. Сборникъ статей. Харьковъ.

[1]) Вопросъ о темахъ по искусству обстоятельно разработанъ профессоромъ А. И. Яцимирскимъ въ его статьѣ: „Письменныя работы въ средней школѣ на темы по искусству". Русская Школа. 1909 г., іюль-августъ и сентябрь. Въ журналѣ „Вѣстникъ воспитанія" за 1909 г. сентябрь, № 6, помѣщена интересная статья о рефератахъ К. С—ва, въ которой авторъ, на основаніи личнаго опыта, даетъ много указаній для руководства ученическими рефератами.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО [1]).

Послѣ смерти императрицы Екатерины, по указу императора Павла отъ 12-го ноября 1796 г. верховное управленіе воспитательнымъ обществомъ перешло къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Несмотря на то, что при жизни Екатерины II Марія Ѳеодоровна держалась вдали отъ общественной дѣятельности и даже рѣдко посѣщала Смольный, она обнаружила съ первыхъ же шаговъ необыкновенную энергію и неожиданную освѣдомленность въ исторіи развитія просвѣщенія въ Россіи. Императрица не только обладала опредѣленными взглядами на воспитаніе, но составила детально продуманный планъ его осуществленія.

Зная печальное состояніе хозяйственной части воспитательнаго общества, императрица прежде всего обратила вниманіе на улучшенія въ этой области. Она покрыла изъ собственныхъ средствъ растрату, совершенную экономомъ Боголюбовымъ еще въ царствованіе Екатерины II, и во избѣжаніе подобныхъ случаевъ повелѣла раздѣлить должности эконома, секретаря и казначея и опредѣлила обязанности всѣхъ троихъ. Всѣ они должны были представлять ежемѣсячные отчеты о расходахъ правительницѣ для разсмотрѣнія ихъ совѣтомъ и утвержденія императрицей, съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ. На должность эконома былъ назначенъ лично извѣстный Маріи Ѳеодоровнѣ Муравьевъ, который, въ силу особаго довѣрія императрицы, занялъ въ обществѣ совершенно исключительное положеніе. Одинъ изъ членовъ совѣта, по назначенію императрицы, долженъ былъ ежедневно провѣрять расходы за день и сообщать госу-

---

[1]) *Продолженіе.* См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1914 годъ.

дарынѣ „свои примѣчанія“. Вообще постоянныя указанія, получавшіяся совѣтомъ отъ императрицы, и зависимость отъ нея во всѣхъ случаяхъ лишали его всякой инціативы и сводили его дѣятельность къ исполненію точныхъ предначертаній свыше.

Вслѣдъ затѣмъ совѣту общества было предписано, при замѣщеніи вакансій воспитательницъ и учителей, тщательно провѣрять „доказательства о ихъ званіи, поведеніи и способности къ исполненію всѣхъ обязанностей, съ сими мѣстами сопряженныхъ“. Начальница и наиболѣе достойныя дамы изъ состава общества должны были путемъ неоднократныхъ бесѣдъ и наблюденій близко узнавать качества кандидата и опредѣлять его пригодность для службы въ Смольномъ.

Повидимому, это недовѣрчивое отношеніе императрицы къ Смольному продолжалось недолго. Уже черезъ пять мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ Павла Петровича, де-Лафонъ получила орденъ Св. Екатерины. Совѣтъ также заслужилъ не разъ отъ императрицы выраженіе ея удовольствія и благодарности. Составъ его былъ пополненъ назначеніемъ ген.-ад. Плещеева и фельдмаршала кн. Репнина.

Къ концу 1799 г. къ нимъ были присоединены д. т. с. Соймоновъ, баронъ А. И. Васильевъ и т. с. Трощинскій, а въ ноябрѣ 1800 г. сенаторъ Г. Р. Державинъ.

Довѣріе императрицы къ совѣту было проявлено тѣмъ, что ему было поручено попеченіе объ училищѣ ордена Св. Екатерины. Измѣненія въ составѣ начальствующихъ лицъ произошли естественнымъ образомъ. Преклонный возрастъ де-Лафонъ и ея плохое здоровье побуждали императрицу искать ей преемницу. Повидимому, она не считала на это способной помощницу начальницы Монахтину и, по уходѣ ея въ ноябрѣ 1797 г., назначила на ея мѣсто съ согласія де-Лафонъ Е. А. Пальменбахъ, рожденную Черкасову, бывшую воспитанницу Смольнаго.

Въ виду затруднительнаго финансоваго положенія общества, еще при жизни Екатерины II предполагалось испросить ежегодную прибавку на содержаніе Смольнаго въ размѣрѣ сорока четырехъ тысячъ рублей. Приписывая, однако, разстройство хозяйственной части, главнымъ образомъ, обнаруженнымъ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, императрица Марія Ѳеодоровна сократила эту сумму вдвое, прибавляя однако, что если при аккуратномъ веденіи дѣлъ этихъ денегъ не хватитъ, то общество можетъ разсчитывать на монаршую милость. Вмѣстѣ съ тѣмъ по докладу государыни, императоръ повелѣлъ уплатить изъ государственнаго казначейства долги общества, превышав-

шіе 73.000 р. Однако, уже въ концѣ 1797 г. оказалось необходимымъ ассигновать еще до 22.000 р. въ годъ изъ остаточнаго казначейства. Кромѣ того немало давалось денегъ изъ личныхъ средствъ императорской фамиліи.

Въ цѣляхъ сокращенія расходовъ были достигнуты нѣкоторыя уступки со стороны поставщиковъ общества, и взамѣнъ служившихъ по найму лицъ были опредѣлены въ Смольный по случаю уничтоженія „корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ“ состоявшіе при немъ пятьдесятъ три человѣка. Въ числѣ ихъ оказалось двѣнадцать музыкантовъ, составившихъ собственный оркестръ Смольнаго.

Императрица привлекла къ заботамъ о Смольномъ также великихъ княгинь и княженъ, которыя часто посѣщали монастырь и обращались къ Маріи Θеодоровнѣ съ рапортами по случаю замѣченныхъ ими недостатковъ. Сама государыня также не разъ пріѣзжала въ Смольный, чтобы лично узнать состояніе его матеріальной и учебной части, входя въ мельчайшія детали общежитія и обращая большое вниманіе на чистоту помѣщеній, устройство лазарета, дортуаровъ и т. д.

Въ концѣ февраля 1797 г. произведенъ былъ первый выпускъ воспитанницъ Смольнаго въ новомъ царствованіи. Императрица пожелала, чтобы впредь шифры выдавались съ ея вензелемъ, а золотыя и серебряныя медали съ изображеніемъ государя. На оборотной сторонѣ былъ изображенъ виноградникъ съ надписью „посѣти виноградъ сей“.

По утвержденіи императрицей списковъ воспитанницъ, признанныхъ достойными наградъ, 23-го и 24-го февраля были произведены публичные экзамены, а 25-го послѣдовала раздача шифровъ и медалей, которую взяла на себя сама императрица въ присутствіи императорской фамиліи и „многочисленнаго собранія знатныхъ особъ и дворянства“.

Еще раньше, 4-го января 1797 г., императрица прислала въ совѣтъ воспитательнаго общества проектъ преобразованія Смольнаго.

Въ этомъ проектѣ императрица высказывала мысль, что пріемъ въ Смольный пятилѣтнихъ дѣтей нежелателенъ, такъ какъ жестоко лишать ихъ материнской заботы, которая одна только нужна въ такомъ нѣжномъ возрастѣ; всякое учрежденіе будетъ безсильно замѣнить ее. Съ другой стороны ни ученіе, ни систематическое воспитаніе непримѣнимы къ ребенку такого возраста. Императрица предлагала принимать въ Смольный дѣтей 8—9 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы они проходили три класса, въ теченіе 9 лѣтъ. Въ училище для малолѣт-

нихъ дѣвушекъ предполагалось принимать дѣвочекъ 11 лѣтъ и обучать ихъ въ двухъ классахъ, въ продолженіе 6 лѣтъ. Обученіе должно было состоять изъ преподаванія русскому языку, Закону Божію, ариѳметикѣ, „чтобы онѣ могли вести расходную книгу въ хозяйствѣ“, и всякимъ рукодѣліямъ и домоводству. Въ этой программѣ вполнѣ сказалось воззрѣніе императрицы на женщину, которое сохранилось въ альбомѣ ея матери, принцессы Фредерики.

Il n'est pas honnête, et pour beaucoup de causes,
Qu' une femme étudie et sache tant de choses.
Former aux bonnes moeurs l'esprit de ses enfants,
Faire aller son ménage, avoir l'œil sur les gens
Et régler la dépense avec économie:
Doit être son étude et sa philosophie.

Впрочемъ, Марія Ѳеодоровна прибавляла, что если было бы замѣчено, что воспитанница училища обнаруживаетъ качества, „которыя могли бы сдѣлать изъ нея даму общества“, такихъ, въ небольшомъ количествѣ, можно было бы допускать въ классы воспитательнаго общества.

Далѣе, императрица настаивала на разобщеніи благородныхъ дѣвицъ отъ мѣщанскихъ дѣвушекъ, такъ какъ обязанность ихъ и призваніе весьма различны и смѣшивать ихъ было бы вредно и для тѣхъ и для другихъ. Пріобрѣтеніе свѣтскихъ талантовъ (des arts d' agréments), существенное для благородныхъ, не только вредно, но даже опасно для мѣщанки, такъ какъ отрываетъ ее отъ ея среды и толкаетъ ее на связи, опасныя для нравственности.

Сокращая число классовъ, императрица могла увеличить пріемы и выпуски воспитанницъ, число дѣвочекъ одного пріема въ училищѣ было оставлено прежнее, въ воспитательномъ обществѣ было удвоено. Составъ Смольнаго былъ опредѣленъ въ 400 воспитанницъ, 300 для общества и 100 для училища. Далѣе императрица касалась расходовъ, сопряженныхъ съ этой реформой и съ новымъ распредѣленіемъ помѣщеній. Она предлагала помѣстить оба бѣлыхъ класса въ помѣщеніи бѣлыхъ и сѣрыхъ, оба класса сѣрыхъ на мѣсто синихъ и коричневыхъ и, наконецъ, оба синихъ въ лучшія помѣщенія мѣщанскихъ дѣвочекъ.

Главную пользу отъ осуществленія этого проекта Марія Ѳеодоровна видѣла въ томъ, что „черезъ каждые три года мы будемъ вручать государству по сту выращенныхъ юныхъ дѣвицъ, вмѣсто 50-ти; сокращая же срокъ воспитанія изъ 12-ти въ 9 лѣтъ, удвоимъ пользу сего прекраснаго установленія, и увеличимъ черезъ то благотворенія

Монарха, отца ввѣреннаго ему Богомъ народа, любовь и благодарность его подданныхъ". „Хотя Я и отъимаю два класса у мѣщанокъ, писала императрица въ другомъ мѣстѣ, и уменьшаю время воспитанія ихъ шестью годами, однако же число ихъ ни мало чрезъ то не уменьшится, ибо чрезъ каждые три года выходить и вступать ихъ будетъ 50, а такъ какъ онѣ останутся въ монастырѣ только 6 лѣтъ, то и благотворенія Монарха на сію часть его подданныхъ, такъ сказать, удвоятся, потому что прежде надобно было времени 12 лѣтъ для врученія государству 50 воспитанницъ, вмѣсто того, что теперь мы чрезъ шесть лѣтъ предуспѣемъ ввѣрить имъ чувствованія и свѣдѣнія, кои имъ нужны".

Совѣтъ воспитательнаго общества согласился безпрекословно съ мнѣніемъ императрицы. Императоръ утвердилъ 11-го января 1797 г. докладъ императрицы о преобразованіи Смольнаго, однако выразилъ желаніе, чтобы число дѣвочекъ училища было также увеличено до 200. На содержаніе вторыхъ ста воспитанницъ императоръ назначилъ добавочную сумму въ 16769 р. 80 к. 27-го февраля императрица прислала въ совѣтъ воспитательнаго общества новый подробный планъ ученія въ Смольномъ, написанный ею собственноручно.

Согласно этому плану, предметами обученія въ первомъ возрастѣ были чтеніе, письмо и грамматика трехъ языковъ, Законъ Божій, географія, исторія и ариѳметика, вводившіеся въ нѣкоторой постепенности. Кромѣ того, рисованіе, танцы, музыка и рукодѣлья. На все полагалось 42 часа въ недѣлю, т. е. на день приходилось семь часовъ занятій.

Въ среднемъ возрастѣ преподавались тѣ же предметы, но число учебныхъ часовъ въ недѣлю достигало 46. Въ старшемъ возрастѣ прибавлялись логика, геометрія, естественная исторія и физика.

При этомъ императрица указывала и руководства: букварь, изданный комиссіей народныхъ училищъ, священную исторію гражданской печати и катехизисъ церковной. Для чтенія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ рекомендовалась изданная комиссіей на трехъ языкахъ книга „Зрѣлища вселенной" и т. д.

Программы преподаванія были весьма ограничены. Ариѳметика состояла изъ четырехъ правилъ, хотя преподавателю и предоставлено было право въ старшихъ классахъ сообщать имъ другія „особенно употребительныя правила". Исторія литературы не преподавалась вовсе.

Реформа воспитательнаго общества сообразно взглядамъ Маріи

Ѳеодоровны кореннымъ образомъ измѣнила характеръ Смольнаго. Широкія просвѣтительныя и общественныя задачи, которыя лелѣяла Екатерина и Бецкой, проникнутыя гуманнымъ духомъ философскаго вѣка, отошли назадъ передъ воззрѣніями болѣе узкими и утилитарными. Для подготовленія добрыхъ супругъ, хорошихъ матерей и хорошихъ хозяекъ не было нужды читать „О должностяхъ человѣка и гражданина", рекомендованную въ Екатерининское время книгу для учебныхъ заведеній. При императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ стали читать и объяснять „Отеческіе совѣты моей дочери", переведенные съ нѣмецкаго, въ которыхъ говорилось, что „Богъ и человѣческое общество хотѣли, чтобы женщина зависѣла отъ мужчины, чтобы она ограничила кругъ своей дѣятельности домомъ, чтобы она признавала свою слабость и преимущество мужа во всякомъ случаѣ..., что женщина должна быть совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка, должна раздѣлять свое существованіе между дѣтской и кухней, погребомъ, амбаромъ, дворомъ и садомъ".

Образованность запрещалась женщинѣ подъ угрозой навлечь на себя „справедливое нареканіе и презрѣніе".

Строгое различеніе сословій также шло вразрѣзъ съ духомъ Екатерининскаго времени. Принципіальное разграниченіе „сферъ" дворянъ и недворянъ было новымъ элементомъ, особенно рѣзко проявившимся въ дѣлѣ народнаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно была нова мысль, что дѣвушку изъ одного круга можетъ только развратить общеніе съ высшимъ кругомъ. Въ этомъ, помимо чисто практическаго соображенія, вынесеннаго изъ личныхъ наблюденій, вѣроятно, сказалась и общая для того времени боязнь и реакція по отношенію къ французской революціи.

Введеніе новаго строя въ Смольномъ произошло не сразу. Нельзя было скоро найти подходящихъ учителей и приноровиться къ новымъ программамъ, тѣмъ болѣе, что реформа касалась и распредѣленія помѣщеній и новыхъ расходовъ и заботъ. Переходное время продолжалось еще въ 1798 г. Между прочимъ при пріемѣ воспитанницъ въ воспитательное общество въ этомъ году, оказалось, что многія дѣвочки „изрядно обучены французскому языку мѣщанками, изъ того же общества выпущенными". Это побудило Марію Ѳеодоровну вновь ввести преподаваніе языковъ въ училищѣ изъ практическихъ цѣлей: чтобы дать окончившимъ училище больше шансовъ на заработокъ. Софья Ивановна де-Лафонъ скончалась 11-го августа 1797 г. Болѣзнь ея продолжалась долго и смерть не была неожиданной. На

мѣсто начальницы въ тотъ же день Высочайшимъ указомъ была назначена Пальменбахъ. Это назначеніе было естественно. Пальменбахъ предназначалась быть преемницей де-Лафонъ и фактически была уже съ весны 1797 г. полновластной распорядительницей въ Смольномъ. Пальменбахъ недолго пробыла начальницей. Не отличаясь хорошимъ здоровьемъ, она просила уволить ее въ отставку. 12-го апрѣля 1802 г. Высочайшимъ указомъ она была уволена, и на ея мѣсто назначалась Ю. Ѳ. Адлербергъ, рожденная Багговутъ.

Въ составѣ классныхъ дамъ произошли также перемѣны, особенно въ первые годы новаго царствованія. Ушла изъ Смольнаго инспектрисса третьяго возраста Дешанъ, нѣкоторыя классныя дамы были уволены, однѣ—по состоянію здоровья, другія—вслѣдствіе признанія ихъ непригодности. Кромѣ того, въ 1797 г., по ходатайству Новгородскаго митрополита, была перемѣщена въ другіе монастыри часть монахинь, жившихъ въ Смольномъ, очевидно ради освобожденія помѣщеній, въ виду увеличенія пріема воспитанницъ. Однако, этого было недостаточно, и въ томъ же году были произведены значительныя перестройки. При этомъ былъ упраздненъ большой Смольнинскій театръ. Въ нижнемъ его этажѣ были устроены классы, въ верхнемъ дортуары и комнаты классныхъ дамъ. Одновременно были перестроены деревянные дома, расположенные за каналомъ, на мѣстѣ теперешней Пальменбахской улицы, и выстроенъ новый домъ для монахинь внутри ограды монастыря. Расходы на эти работы были отчасти покрыты изъ экстренныхъ суммъ, отчасти продажей строительныхъ матеріаловъ, оказавшихся излишними, въ виду сокращенія проекта Растрелли. Такъ было продано Олонецкимъ казеннымъ заводамъ 276 чугунныхъ капителей и вазъ, вѣсомъ въ 22000 п.; для постройки Михайловскаго замка и Исаакіевскаго собора также пригодились различные, неиспользованные въ Смольномъ, матеріалы.

Послѣ трагической кончины императора Павла, Марія Ѳеодоровна взяла всецѣло въ свои руки высшее управленіе учебно-вспомогательными заведеніями и ревниво оберегала его отъ всякаго вмѣшательства, предпочитая, въ противномъ случаѣ, совсѣмъ отстраниться отъ этой дѣятельности.

Въ этотъ періодъ жизни Марія Ѳеодоровна создала себѣ кружокъ просвѣщенныхъ и даровитыхъ людей. Императрица обладала большимъ художественнымъ вкусомъ, живымъ памятникомъ котораго является Павловскъ. Она прекрасно владѣла рѣзцомъ,—искусство, которому научилъ ее извѣстный медальеръ Лебрехтъ,—любила литературу и соби-

рала рѣдкія книги. Въ Гатчину и Павловскъ на ея радушный зовъ съѣзжались художники Кипренскій, Гонзаго и Мартосъ, архитекторы Воронихинъ и Тотонъ. Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Крыловъ устраивали у нея литературные вечера. Секретарь ея Вилламовъ издавалъ для этихъ дней юмористическій „Courrier de Gatchina". Жизнерадостный характеръ Маріи Θеодоровны, ея удивительное душевное спокойствіе и пониманіе юмора дѣлали эти собранія настоящимъ салономъ высокаго стиля. Общительный и нѣсколько сентиментальный характеръ Маріи Θеодоровны отражался и въ ея отношеніяхъ къ Смольному. Она часто посѣщала его и скучала по немъ, когда ей приходилось уѣзжать изъ Петербурга; съ трогательной заботой думала заочно о воспитанницахъ и посылала имъ подарки. Довѣріе ея къ воспитательному обществу выразилось между прочимъ и въ томъ, что она помѣстила въ Смольный двухъ принцессъ Биронъ и дочерей своей умершей подруги Бенкендорфъ.

Отдавая Смольному свои заботы и время, императрица умѣла привлекать къ этой дѣятельности и всѣхъ тѣхъ, кого она любила и уважала и кто былъ ей близокъ. Вся царская семья являлась сотрудницей ея въ дѣлѣ благотворительности и просвѣщенія. Нерѣдко императрица поручала своимъ дочерямъ и невѣсткамъ наблюденіе надъ отдѣльной частью Смольнаго. Ближайшимъ другомъ и сотрудникомъ Маріи Θеодоровны была кн. Ш. К. Ливенъ, часто замѣнявшая императрицу въ ея сношеніяхъ съ Адлербергъ и въ руководящихъ совѣтахъ по управленію монастыремъ. Необыкновенная прямота и тактичность кн. Ливенъ много способствовала искреннему довѣрію и уваженію, которое питала къ ней вся царская семья, и дѣлаетъ понятнымъ то вліяніе, которое она имѣла на жизнь воспитательнаго общества. Еще ближе къ Смольному стоялъ другъ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, Нелидова, бывшая воспитанница Смольнаго и фрейлина Екатерины II. Нелидова жила въ Смольномъ въ 1793—96 и 1798—1801 гг. Послѣ смерти императора Павла Нелидова окончательно поселилась въ монастырѣ, гдѣ у нея было особое помѣщеніе, и принимала большое участіе въ жизни Смольнаго. Императрица поручила ея заботамъ дочерей Бенкендорфа и, находясь съ ней въ постоянныхъ сношеніяхъ и перепискѣ, часто дѣлала ее посредницей между собой и воспитательнымъ обществомъ. Черезъ Нелидову императрица вносила деньги за своихъ пенсіонерокъ, передавала подарки, дѣлала всякаго рода распоряженія и указанія совѣту и начальницѣ. Она обсуждала съ ней хозяйственныя нужды монастыря, способности

лицъ учебнаго и воспитательнаго персонала, поведеніе воспитанницъ и т. д. Нелидова умерла 82 лѣтъ въ Смольномъ, какъ она и мечтала, но послѣдніе годы ея жизни протекли въ печальномъ одиночествѣ. По ея желанію, она погребена противъ Смольнаго, на Охтенскомъ кладбищѣ.

Наконецъ, весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ Смольнаго принимали секретари Маріи Θеодоровны, Вилламовъ, Полетика, Новосильцевъ, Шторхъ, Вольфъ и Мейендорфъ.

Особенно внимательно относилась императрица Марія Θеодоровна къ педагогическому персоналу Смольнаго. Обладая трезвымъ и практичнымъ умомъ и умѣніемъ распознавать людей, императрица прилагала много стараній къ тому, чтобы подобрать хорошій составъ воспитательницъ и учителей и замѣнить достойными лицами неспособныхъ и непригодныхъ къ дѣлу. Чрезвычайно взыскательная и настойчивая въ тѣхъ требованіяхъ, которыя она предъявляла къ служащимъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ всегда замѣчала усердіе и исполнительность, любовь къ дѣлу и пониманіе его задачъ, и вознаграждала за нихъ щедрыми и трогательными заботами. Весьма важно было то, что принимая въ расчетъ постепенное вздорожаніе жизни и ростъ личныхъ потребностей, Марія Θеодоровна весьма много сдѣлала для улучшенія матеріальнаго положенія педагогическаго персонала въ Смольномъ. Первоначально прибавки къ содержанію давались отдѣльнымъ лицамъ, въ видѣ награды, но скоро императрица признала справедливымъ установить опредѣленныя прибавки для каждой должности. Это было сдѣлано въ 1815 г. Были установлены также и размѣры пенсій. Сверхъ пенсіи нерѣдко отводилась квартира въ зданіяхъ общества. Ранѣе пенсіи колебались отъ 100 до 600 р. въ годъ, иныя не получали ея вовсе.

Такое же внимательное и сердечное отношеніе императрица проявляла и къ воспитанницамъ передъ пріемомъ дѣвочекъ въ Смольный. Она подробно разсматривала прошенія кандидатокъ и списки ихъ и нерѣдко, несмотря на всю свою любовь къ точному и строгому порядку, отступала по добротѣ своей отъ правилъ пріема, составленныхъ ею самой въ 1805 г. Считая неудобнымъ заполнять казенныя вакансіи своими кандидатками, Марія Θеодоровна содержала многихъ дѣвочекъ на счетъ Государя, на счетъ своихъ сыновей и дочерей и на свой собственный. Такъ, въ 1806 г. на счетъ императрицы содержались 19 воспитанницъ въ воспитательномъ обществѣ и 25 въ училищѣ. При этомъ Марія Θеодоровна не только хорошо знала своихъ

пансіонерокъ, но и вообще проявляла трогательную заботливость о вновь принятыхъ воспитанницахъ, просила начальницъ не быть съ ними слишкомъ строгими и помогать имъ всячески освоиться съ заведеніемъ. Она пріѣзжала въ Смольный со специальной цѣлью поскорѣй познакомиться съ вновь принятыми воспитанницами, и дѣвочекъ, почему либо не присутствовавшихъ при этомъ осмотрѣ, нарочно возили къ ней во дворецъ для представленія. И впослѣдствіи императрица съ вниманіемъ слѣдила за тѣмъ, какъ постепенно дѣвочки пріобрѣтали манеры и выдержку институтокъ.

Большое значеніе въ этомъ періодѣ исторіи воспитательнаго общества получила должность инспектора классовъ, обязанности котораго были изложены императрицей въ особой инструкціи. Онъ долженъ былъ знать составъ учителей и поддерживать его на необходимой высотѣ, слѣдить за манерой преподаванія и провѣрять успѣшность его, заботиться о библіотекѣ общества и вести запись движенія книгъ. Обо всемъ происшедшемъ за день въ учебномъ отношеніи онъ обязанъ былъ представлять ежедневные отчеты начальницѣ. Ежемѣсячныя вѣдомости о пройденномъ, объ успѣшности воспитанницъ и о поведеніи учителей, составленныя инспекторомъ, представлялись черезъ начальницу императрицѣ. Наконецъ, въ концѣ года инспекторъ составлялъ списокъ книгъ и учебныхъ пособій, желательныхъ для пріобрѣтенія въ библіотеку общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ совѣту и отдѣльнымъ преподавателямъ о различныхъ новыхъ учебникахъ и о новыхъ методахъ преподаванія.

Первые два „инспектора надъ классами", Кирьякъ (ум. въ 1799 г.) и Малоземовъ (ум. въ 1813 г.), трудолюбивые педагоги и старательные исполнители указаній императрицы, не обладали качествами, способными дать имъ руководящее вліяніе на жизнь Смольнаго.

Кандидатъ на эту должность, преподаватель Смольнаго Соколовъ не былъ утвержденъ въ ней, такъ какъ у него „нѣтъ достоинства во внѣшности". Назначенъ былъ инспекторомъ профессоръ логики и метафизики Главнаго Педагогическаго института П. Д. Лодій, уроженецъ Венгріи, докторъ изящныхъ искусствъ, правъ и теологіи, читавшій лекціи въ Львовскомъ и Краковскомъ университетахъ. Несмотря на свою эрудицію и большой педагогическій опытъ, Лодій имѣлъ крупный недостатокъ. Онъ былъ педантъ, крайне нетерпимый къ чужимъ взглядамъ и, поэтому, плохо ладилъ съ людьми. Въ 1815 г. имъ былъ составленъ новый „Планъ ученія", въ которомъ главное вниманіе было обращено на преподаваніе языковъ, знаніе

грамматики, искусство переводовъ и сочиненій. Математика стояла на второмъ мѣстѣ. Важное замѣчаніе было сдѣлано противъ заучиванія уроковъ чтеніемъ вслухъ, а не молча. Въ 1819 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Коммерческаго училища и оставилъ службу въ Смольномъ. На его мѣсто былъ опредѣленъ К. Ѳ. Германъ, питомецъ Геттингенскаго университета, съ 1795 года преподававшій въ Россіи сначала въ Морскомъ шляхетскомъ корпусѣ, потомъ въ Педагогическомъ институтѣ. Очень даровитый и преданный своему дѣлу педагогъ, просвѣщенный и сердечный, Германъ скоро завоевалъ большое уваженіе и довѣріе со стороны императрицы и начальницы Адлербергъ, которыя защищали его отъ преслѣдованій Магницкаго и Рунича.

Въ планъ преподаванія Лодія Германъ внесъ много цѣнныхъ добавленій и поправокъ, сообразно требованіямъ педагогической практики. Германъ тоже клалъ въ основу изученіе языковъ; первыя два отдѣленія должны были изучать только языки. Исторія и географія начинались въ третьемъ отдѣленіи. Нѣкоторые предметы должны преподаваться на иностранныхъ языкахъ, для лучшаго усвоенія послѣднихъ. Вмѣсто сочиненій, задаваемыхъ на заранѣе назначенныя темы, которыя писались внѣ классовъ, Германъ ввелъ классныя сочиненія на тему, объясненную непосредственно передъ урокомъ. Онъ очень поощрялъ внѣклассныя групповыя чтенія подъ наблюденіемъ классныхъ дамъ и бесѣды на иностранныхъ языкахъ о прочитанномъ. Онъ предполагалъ отмѣнить ежегодные экзамены, оставляя только переходные изъ одного возраста въ другой, т. е. черезъ каждые три года. Ежегодные экзамены онъ полагалъ оставить лишь въ бѣломъ и голубомъ классахъ.

При такомъ распредѣленіи экзаменовъ провѣрка знаній будетъ производиться не въ серединѣ курса, а по завершеніи опредѣленной программы. Всѣ проекты были утверждены императрицей безъ измѣненій.

Комитетъ по учебнымъ дѣламъ, учрежденный въ 1820 г., при Германѣ проявилъ необыкновенную дѣятельность; ему пришлось разсматривать проекты улучшеній постановки учебнаго дѣла, на которые былъ щедръ неутомимый инспекторъ, обсуждать вопросы о распредѣленіи уроковъ между преподавателями, давать отзывы объ учебникахъ и т. д. За время инспекторства Германа значительно повысился и уровень педагогическаго персонала. Въ Смольномъ въ это время преподавали: адъюнктъ Арсеньевъ, профессоръ Бутырскій, про-

фессоръ Эртель, Плетневъ, проф. Срезневскій, преподаватели Ободовскій и Тимаевъ, получившіе заграничное образованіе, образованные иностранцы Борде, Фобаръ и др.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было произведено становившееся настоятельно необходимымъ улучшеніе матеріальнаго положенія преподавателей. Высшей платой было установлено 200 р. за годовой часъ или 125 р. при казенной квартирѣ, средней—150 р. или 100 р. при квартирѣ и низшей 100 р. или 70 р. при квартирѣ. Высшая плата полагалась только за преподаваніе физики въ старшемъ отдѣленіи бѣлаго класса, такъ какъ оно должно было вестись на французскомъ языкѣ, а соединеніе знанія этого языка и физики было въ то время рѣдкимъ явленіемъ.

Большое значеніе имѣло не только для Смольнаго, но для женскаго образованія въ Россіи вообще, учрежденіе въ 1803 г. класса пепиньерокъ при Смольномъ, проектъ котораго былъ собственноручно написанъ императрицей. При этомъ она имѣла въ виду съ одной стороны устроить судьбу двѣнадцати лучшихъ, но бѣдныхъ воспитанницъ, и съ другой подготовить изъ нихъ новый кадръ классныхъ дамъ въ желательномъ и свойственномъ институту духѣ. Императрица сразу же намѣтила для пепиньерокъ, во-первыхъ, расширеніе познаній воспитанницъ путемъ слушанія спеціальныхъ курсовъ по географіи, исторіи и математикѣ на французскомъ языкѣ и занятій музыкой и пѣніемъ, и, во-вторыхъ, изученіе педагогическихъ пріемовъ наблюденіемъ за манерой преподаванія опытныхъ учителей и собственной практикой въ младшихъ классахъ и въ занятіяхъ съ отсталыми воспитанницами. Черезъ два года оставленіе воспитанницъ пепиньерками было распространено и на мѣщанское отдѣленіе. Лучшія воспитанницы училища, число которыхъ было ограничено восемью, по окончаніи своего шестилѣтняго курса, должны были посѣщать три года уроки старшаго класса воспитательнаго общества, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ особо исторіей, географіей, математикой и литературой на французскомъ языкѣ.

Императрица Марія Θеодоровна, сама обладавшая художественнымъ вкусомъ, владѣвшая искусствомъ рѣзьбы по камню, гравировки, лѣпки и музыки и любившая изящныя рукодѣлія, выказала большой интересъ къ постановкѣ обученія искусствамъ и рукодѣліямъ въ Смольномъ. Преподаваніе рисованія было поставлено въ уровень съ научными предметами, и только въ 1820 г. Германъ, различая по существу прилежаніе отъ таланта, испросилъ разрѣше-

ніе на то, чтобы отмѣтка „bien“ по рисованію равнялась très bien по другимъ предметамъ. Императрица очень заботилась, чтобы преподаваніе искусствъ находилось въ рукахъ талантливыхъ людей, и разрѣшала воспитанницамъ, проявлявшимъ способности, брать отдѣльные уроки музыки и рисованія. Часто она сама лично выбирала модели изъ гипса и картины, въ качествѣ учебныхъ пособій, а общее наблюденіе за постановкой рисованія было поручено профессору Шебуеву.

Преподаваніе танцевъ было поставлено прекрасно. Знаменитая Дидло и талантливая Новицкая достигали не только умѣнья танцовать въ совершенствѣ классическіе и характерные танцы, но даже разучивать цѣлые балеты. Преподаваніе пѣнія было поручено Кавосу, бывшему тогда на верху славы. Императрица поощряла церковное пѣніе, и ему обучалъ спеціальный учитель изъ придворной пѣвческой капеллы. Не разъ воспитанницы пѣли обѣдню подъ управленіемъ знаменитаго Бортнянскаго.

Не говоря уже объ училищѣ, въ которомъ весьма большое мѣсто было отведено рукодѣліямъ, шитью и кройкѣ, въ воспитательномъ обществѣ обученіе женскимъ работамъ, преимущественно изящнымъ, стояло также на большой высотѣ, при чемъ съ первыхъ же лѣтъ, по мнѣнію императрицы, въ нихъ развивали „le goût de l'ouvrage“. Эти занятія производились главнымъ образомъ лѣтомъ. Кромѣ всевозможныхъ художественныхъ вышивокъ нитками, шелками, шерстью и золотомъ, воспитанницы дѣлали искусственные цвѣты, плели кружева, рисовали по атласу и т. д. Въ этихъ работахъ воспитанницы достигали такого совершенства, что получали заказы отъ двора. Кромѣ различныхъ подарковъ членамъ царской семьи, смолянки вышивали знамена для гвардейскихъ полковъ, бордюры по бархату для Михайловскаго дворца, покрышки на мебель для Павловскаго дворца и т. д.

Изъ событій, нарушавшихъ обычное теченіе жизни Смольнаго во время главнаго управленія императрицы Маріи Ѳеодоровны, самыми значительными были переходъ воспитательнаго общества въ новое зданіе въ 1808 г., работы и тревоги въ связи съ Отечественной войной 1812 г. и наводненіе 1824 г.

Новое зданіе было выстроено С.-Петербургскимъ опекунскимъ совѣтомъ для вдовьяго дома на мѣстѣ, гдѣ помѣщался „мастерской дворъ“ воспитательнаго общества съ служебными постройками. Постройкою завѣдывалъ Гваренги, и характеръ этого художника вполнѣ выразился въ этомъ произведеніи: строгая простота линій, классиче-

ское совершенство формъ достигаетъ въ немъ поразительнаго эффекта. Зданіе въ 104 сажени по прямой линіи не только не вызываетъ скуки и не теряетъ цѣльности замысла, но внушаетъ удивительно живое и глубокое впечатлѣніе гармоніи и достоинства. Внутри отдѣлка зданія отличалась той же художественной простотой, въ которой особенно выигрывалъ великолѣпный залъ въ два свѣта, весь бѣлый, съ рядами колоннъ, балюстрадой, лѣпными украшеніями по стѣнамъ и люстрами по рисункамъ Гваренги. Одновременно отдѣлывалась для этого зданія домовая церковь въ одной изъ башенъ Смольнаго монастыря, заложенная еще въ 1748 г., но до сихъ поръ служившая учебной комнатой. Однако, когда зданіе было готово, Марія Өеодоровна рѣшила перевести въ него воспитательное общество, а зданіе этого послѣдняго передать Опекунскому совѣту. Переходъ этотъ состоялся въ 1810 г. Эта мысль, впрочемъ, явилась у императрицы значительно раньше: объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ условія, на которыхъ была предоставлена земля для постройки зданія, такъ и самый планъ зданія. Въ нижнемъ этажѣ новаго владѣнія общества было 43 комнаты, во второмъ 49, въ третьемъ 44. Мѣста было такъ много, что временно въ немъ помѣщались цѣлые институты, въ 1816—20 гг. Павловскій, въ 1824—5 гг. Маріинскій, который сильно пострадалъ отъ наводненія 1824 года.

Въ 1812 г., когда Петербургу грозила опасность наступленія Наполеона и Удино, были приняты мѣры для вывезенія изъ столицы государственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, соотвѣтствующія распоряженія были сдѣланы и относительно Смольнаго, воспитанницъ котораго предполагалось отправить въ Финляндію, въ Кексгольмъ. Отъѣздъ долженъ былъ состояться въ придворныхъ экипажахъ, кромѣ того были куплены кибитки и наняты суда, приготовлялись теплыя вещи, одѣяла и т. д. Отступленіе Наполеона изъ Москвы устранило всякую опасность для Петербурга и остановило дальнѣйшее исполненіе принятаго рѣшенія.

Больно отозвалась въ Смольномъ кончина императрицы Маріи Өеодоровны, послѣдовавшая 24 октября 1828 года послѣ непродолжительной болѣзни. Въ торжественной процессіи принимали участіе члены воспитательнаго общества и воспитанницы Смольнаго. Воспитанницы любили императрицу и проявляли къ ней всегда чувства глубокой преданности. Въ отношеніяхъ къ ней не было того восторженнаго поклоненія, которое вызывала Екатерина II, пріѣзжавшая въ Смольный отдохнуть отъ государственныхъ заботъ и вносившая съ

собой блескъ и пышность, присущую ея времени. Марія Θеодоровна бывала въ Смольномъ слишкомъ часто, чтобы ея пріѣзды были праздниками, и пріѣзжала она не какъ всемогущая государыня, а скорѣе какъ хозяйка. Марія Θеодоровна не обладала чарующимъ обаяніемъ, которое дѣлало столько человѣческихъ сердецъ слѣпыми и восторженными поклонниками великой монархини и дѣлало возможными яркіе порывы, сближавшіе съ ней людей и оставлявшіе ихъ до гроба ея рабами. Приверженность Маріи Θеодоровны къ этикету не допускала никакой близости между ней и воспитанницами, никакихъ слишкомъ глубокихъ выраженій чувствъ. Но постоянное вниманіе, съ которымъ она относилась къ Смольному, и неустанныя трогательныя заботы, которыми она окружала дѣтей и старалась имъ замѣнить материнское отношеніе, оставались у нихъ въ памяти навсегда и научали ихъ чувствовать къ ней глубокую благодарность и преданность.

Воспитательное общество было обязано императрицѣ своимъ финансовымъ благосостояніемъ, хозяйственными порядками, новымъ зданіемъ и многими улучшеніями матеріальной части. Учебно-воспитательная сторона также была поставлена на большую высоту. Первоначально слишкомъ утилитарныя воззрѣнія императрицы на женское образованіе, мало-по-малу, при ближайшемъ соприкосновеніи съ русской дѣйствительностью и въ усердной и горячей работѣ на учебномъ поприщѣ, приняли болѣе возвышенный и гуманитарный характеръ. Обладая умѣньемъ выбирать себѣ сотрудниковъ и относиться къ нимъ съ нужной требовательностью и вмѣстѣ съ полнымъ довѣріемъ, Марія Θеодоровна сумѣла остаться въ сторонѣ отъ мистическихъ увлеченій, которыя имѣли такое вліяніе на жизнь учебныхъ заведеній въ это время, и неуклонно вести развитіе подчиненныхъ ей учрежденій по ихъ историческому пути.

Б. К.

СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

I.

Идеи свободнаго воспитанія проповѣдывались уже давно. Рабское преклоненіе предъ авторитетомъ въ средневѣковой схоластической школѣ и почти полное игнорированіе ею самостоятельности, индивидуальности учащагося не могло не вызвать со временъ Возрожденія пересмотра установившихся школьныхъ идеаловъ. И вотъ уже въ XV вѣкѣ мы видимъ попытки построить систему воспитанія на совершенно новыхъ началахъ. Фельтре устроилъ на такихъ началахъ въ Мантуѣ придворную школу, которую онъ напередъ назвалъ „домомъ радости“. Изъ нея онъ предполагалъ изгнать наказанія и другіе способы устрашенія. По мысли этого педагога, нужно возбуждать въ учащихся интересъ и взаимное соревнованіе, предоставлять имъ свободу дѣйствій, давать имъ возможность слѣдовать естественной наклонности. При своемъ высокомъ взглядѣ на человѣческую природу, Фельтре, въ противоположность средневѣковому аскетизму, былъ увѣренъ, что въ человѣкѣ отъ рожденія коренятся благородные задатки: благожелательность, интересъ къ знанію, любовь къ труду; въ немъ надо пробудить свойственное ему чувство чести, и тогда развернется вся сила его благородной личности. Послѣ Фельтре мы можемъ отмѣтить въ XVII вѣкѣ Монтэня, Коменскаго, Локка и особенно, позднѣе, Руссо и Спенсера, а въ Россіи—гр. Л. Н. Толстого съ его Яснополянской школой.

Но всѣ эти личности высказывали идеи, только по отдѣльнымъ вопросамъ сходныя съ идеями цѣлой плеяды современныхъ защитниковъ свободнаго воспитанія, которые являются представителями новаго направленія въ исторіи педагогическихъ идей, и которыхъ поэтому мы, по примѣру другихъ критиковъ, вполнѣ можемъ назвать

модернистами [1]). Эти современные новаторы въ области воспитанія есть и за границей, есть и у насъ въ Россіи. Здѣсь они создали цѣлую большую свободнопедагогическую литературу, ведутъ спеціальный журналъ („Своб. Воспитаніе"), дѣлаютъ, хотя и робкіе, шаги въ области реализаціи своихъ высокихъ идеаловъ [2]).

Идеи современнаго модернизма возникли на почвѣ недовольства современнымъ воспитаніемъ и образованіемъ и представляютъ имъ рѣзкую оппозицію.

Уже самая цѣль современнаго воспитанія возбуждаетъ сильный протестъ со стороны защитниковъ новой школы. „Дѣтей подготовляютъ къ „жизни",—говоритъ одинъ изъ ревностныхъ новаторовъ г. Клечковскій,—подгоняютъ къ требованіямъ какой-нибудь профессіи или карьеры, налегаютъ на тѣ предметы, которые подобаетъ знать спеціалисту" [3]). „Существующая школа,—сожалѣетъ бельгійскій модернистъ Эльсландеръ, — остается при своемъ прежнемъ назначеніи: внѣдрить идеи, необходимыя для поддержанія существующаго строя" [4]). По мнѣнію третьяго усерднаго поборника идей свободнаго воспитанія, г. Вентцеля, при современномъ воспитаніи ребенка „мы стремимся сдѣлать его воплощеніемъ *нашихъ* идеаловъ, мы готовимъ изъ него *удобнаго* члена того общественнаго порядка, въ которомъ *мы* живемъ и въ которомъ, по нашему предположенію, и ему придется жить" [5]). Итакъ, узко-практическая цѣль—вотъ что служитъ, по мнѣнію модернистовъ, мотивомъ современной школы. Но это не мѣшаетъ тому же г. Вентцелю упрекать послѣднюю и въ совершенно противоположномъ, въ томъ, что она „дѣлаетъ душу складочнымъ амбаромъ" „всевозможныхъ понятій", которыя „не имѣютъ никакого практическаго жизненнаго значенія" [6]).

Возставая противъ цѣлей и задачъ существующаго воспитанія, модернисты, въ противовѣсъ имъ, выставляютъ свои. „Должно готовить ребенка, говоритъ Лакомбъ, къ той единственной профессіи, про которую мы достовѣрно знаемъ, что онъ къ ней предназначенъ—

---

[1]) *Житомірскій*, Педагогическій модернизмъ. Педагог. Сб. 1909 г. № 2—4.

[2]) Объ опытахъ подобнаго рода мы встрѣчаемъ сообщенія частью въ журналѣ „Св. Восп.", частью въ отдѣльныхъ изданіяхъ, напр. въ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Дѣти—работники будущаго", 1907 г.

[3]) Современ. воспитаніе и новые пути, М. 1912, стр. 17.

[4]) Новая школа, М. 1908, стр. 74.

[5]) Освобожденіе ребенка, М. 1908, стр. 3. (*Курсивъ подл.*).

[6]) Этика и педагогика творческой личности, М. 1912, т. II, стр. 514.

къ профессіи *человѣка* и дать ему возможность исполнить свое назначеніе съ наибольшимъ счастьемъ для себя и наибольшей пользой для другихъ"[1]).

Подобное отрѣшеніе отъ задачъ современной („старой") школы обозначается у модернистовъ терминомъ „освобожденіе ребенка", которое и ставится во главу угла „новой" школы. „Освобожденіе ребенка и доставленіе освобожденному ребенку всѣхъ положительныхъ данныхъ для развитія его своеобразной индивидуальности,— говоритъ г. К. Вентцель—такова та идеальная цѣль, къ осуществленію которой должна стремиться школа"[2]). Нѣсколько шире смотритъ на задачу воспитанія Эльсландеръ. Она, по его мнѣнію, состоитъ не только въ томъ, чтобы „подготовить къ жизни дѣтей", но „и помогать жить взрослымъ"[3]). Итакъ, создать „новаго" человѣка, выработать изъ ребенка свободную личность, стоящую выше всѣхъ „предразсудковъ" современной жизни и могущую критически отнестись къ ней,—вотъ идеалъ модернизма.

Какими же средствами можно достигать подобной цѣли?

Въ этомъ отношеніи очень важенъ взглядъ защитниковъ свободной школы на отношеніе образованія къ воспитанію, при чемъ первое должно оказывать, по ихъ мнѣнію, содѣйствіе послѣднему. Правда, только одинъ Лакомбъ прямо высказывается по этому вопросу. „Истинное образованіе,—говоритъ онъ,—помогаетъ находить средства, пригодныя для достиженія намѣченной цѣли, и, укрѣпляя въ довѣріи къ нимъ, содѣйствуетъ развитію воли, потому мы видимъ, что, во 1-хъ, между воспитаніемъ и образованіемъ имѣется тѣсная связь, и, во 2-хъ, что существуютъ такіе пріемы въ дѣлѣ образованія, которые обладаютъ большой воспитательной силой"[4]). Равно и по мнѣнію гр. Л. Толстого, образованіе имѣетъ воспитывающее значеніе. Мнѣнія же другихъ модернистовъ выясняются изъ ихъ подробныхъ разсужденій о воспитательныхъ проектахъ и въ общемъ примыкаютъ къ приведенному взгляду Лакомба и мнѣнію Л. Толстого, что „и воспитаніе и образованіе нераздѣльны", что „нельзя воспитывать, не передавая знаній, всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно"[5]).

---

[1]) Воспитаніе, основанное на психологіи ребенка, М. 1908, стр. 6. (*Курсивъ подл.*).

[2]) Новые пути воспитанія и образованія дѣтей, М. 10, стр. 7—8.

[3]) Цит. соч., стр. 76.

[4]) Цит. соч., стр. 50.

[5]) Педагогич. сочиненія, приложен. къ газетѣ „Школа и Жизнь" 1911 г.,

Лишь одинъ г. Вентцель діаметрально расходится съ такимъ взглядомъ и прямо полемизируетъ съ нимъ въ своей книгѣ „Этика и педагогика творческой личности“ [1]). Однако, излагая свой планъ воспитанія въ брошюрѣ „Новые пути“, онъ на дѣлѣ тѣсно сближаетъ образованіе съ воспитаніемъ.

Затрагивая воспитательныя мѣры въ собственномъ смыслѣ, модернисты желаютъ поставить рѣшеніе этого вопроса на научную почву. Въ этомъ случаѣ они думаютъ опереться на факты, данные эмбріологіей и эволюціей человѣчества. Еще Спенсеръ высказалъ мысль, что „зарожденіе и развитіе знанія въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ должно идти тѣмъ же путемъ, какимъ шло зарожденіе и развитіе знанія въ цѣлой расѣ“, и что „воспитаніе ребенка какъ относительно формы, такъ и относительно порядка должно вполнѣ соотвѣтствовать воспитанію человѣчества“ [2]). Подобно этому и Эльсландеръ,—основываясь на мысли эмбріолога Э. Перье „о чрезвычайномъ сокращеніи каждаго изъ существенныхъ фазисовъ, проходимыхъ организмомъ для достиженія его настоящаго состоянія“, — выводитъ и свое понятіе о воспитаніи. „Подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ развитіе зародыша есть воспроизведеніе развитія вида, первоначальная жизнь ребенка есть возобновленіе жизни человѣчества. Подобно тому, какъ зародышъ находитъ въ яйцѣ всѣ питательныя вещества, необходимыя для его полнаго развитія, такъ и въ школѣ ребенокъ долженъ найти средства, которыя помогаютъ ему быстро пройти путь, пройденный человѣчествомъ“. Это, по мнѣнію Эльсландера, и есть основной принципъ, котораго одного достаточно для постановки раціональнаго воспитанія [3]). Такимъ образомъ, весь воспитательный періодъ жизни человѣка есть повтореніе исторіи человѣчества до нашихъ дней. И Эльсландеръ указываетъ иногда точно, что такой-то періодъ воспитанія повторяетъ исторію человѣчества до такого-то времени [4]). А такъ какъ природа ребенка носитъ въ себѣ наслѣдіе человѣчества всѣхъ періодовъ его развитія, то она сама и должна указывать путь, направленіе и средства воспитанія.

Каковы же эти пути и средства?

стр. 371. Здѣсь Л. Н. Толстой отказывается отъ своего прежняго мнѣнія, которое онъ развивалъ въ 60-хъ годахъ и которое онъ называетъ „искусственнымъ“.

[1]) Гл. VII, стр. 612—631.

[2]) Воспитаніе умст., нравств. и физическое. С.-Пб. 94, стр. 95.

[3]) Цит. ст., стр. 7.

[4]) Цит. ст., стр. 26.

Чтобы ребенку въ нѣсколько лѣтъ пройти вѣка, пройденные человѣчествомъ, чтобы ему „изъ маленькаго дикаря превратиться въ современнаго человѣка",—этого мы можемъ достигнуть, по мнѣнію Эльсландера, не иначе, какъ „предоставляя ребенку полную свободу, полное самоопредѣленіе" [1]). „Руководящимъ началомъ для воспитанія,—по словамъ Вентцеля,—должно служить свободное развитіе ребенка въ томъ направленіи, которое указывается природою самого ребенка". „Ребенокъ и его свободное развитіе—это самодовлѣющая цѣль воспитанія и образованія, которая ни въ чемъ не должна терпѣть умаленія" [2]). „Освобожденіе ребенка—вотъ то единственное средство, которое можетъ спасти культуру человѣчества отъ погибели, можетъ повести къ возрожденію и обновленію современной культуры, можетъ повести къ созданію высшей истинно человѣческой культуры" [3]). Итакъ, свободу, воспѣваемую на разные мотивы—вотъ что модернисты считаютъ основнымъ средствомъ воспитанія.

Въ чемъ же состоитъ эта пресловутая свобода?

Относясь отрицательно къ современному воспитанію, модернисты видятъ главные недостатки его въ тѣхъ стѣсненіяхъ ребенка, которыя онъ испытываетъ въ нравственномъ, умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Отсюда свобода и должна состоять въ освобожденіи ребенка отъ всякаго рода стѣсненій и въ предоставленіи ему возможности самостоятельнаго развитія". Единственный способъ научить ребенка основамъ нравственности,—по словамъ г. Клечковскаго,—заключается въ томъ, чтобы предоставить его волю свободнымъ воздѣйствіямъ среды, подобно тому какъ наилучшій способъ научить его владѣть умомъ заключается въ предоставленіи ему полной свободы самостоятельнаго развитія въ общеніи съ окружающимъ живымъ и предметнымъ міромъ" [4]).

На этомъ основаніи сторонники свободнаго воспитанія рѣшительно протестуютъ противъ всякихъ мѣръ, которыя такъ или иначе стѣсняютъ эту свободу. Всякаго рода принужденія, побужденія и насиліе въ отношеніи къ ребенку, въ какой бы формѣ они ни выражались, не должны имѣть правъ гражданства въ воспитаніи. Всякое вмѣшательство въ жизнь ребенка осуждается модернистами. Разнообразныя приказанія, запрещенія, награды, наказанія, надзоръ, подозрительные

---

[1]) Цит. ст., стр. 4.
[2]) Этика и пр., стр. 619.
[3]) *Вентцель*, „Новые пути" и пр., 108.
[4]) Цит. соч., стр. 53.

взгляды могутъ, по ихъ мнѣнію, лишь подстрекать къ дурнымъ поступкамъ [1]. „Угрозы наказаній и обѣщанія наградъ,—говоритъ Л. Толстой,—обусловливающія пріобрѣтеніе тѣхъ или другихъ знаній, не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего мѣшаютъ истинному образованію" [2]). Изъ личныхъ наблюденій въ своей Яснополянской школѣ Толстой убѣдился во вредѣ наказаній [3]). Подобныхъ взглядовъ держатся и всѣ другіе защитники свободнаго воспитанія [4]).

Но предосудительными считаются не только подобные болѣе грубые способы принужденія, но и болѣе тонкія формы насилія [5]), въ видѣ внушенія, наставленія и даже простого совѣта, не вызваннаго просьбой самого ребенка, такъ какъ все это является навязываніемъ ребенку своихъ идей [6]). Вентцель горячо протестуетъ противъ состоянія гипноза, въ которомъ многіе находятся благодаря воспитанію, и не придаетъ никакой цѣли гипнотической нравственности, „внушенному добру, какъ нравственности автоматической, а не самостоятельно и творчески рожденной въ душѣ ребенка" [7]). Внушая тѣ или иныя идеи ребенку, воспитатель тѣмъ самымъ закрываетъ дорогу для его самостоятельнаго развитія, которое возможно лишь въ томъ случаѣ, если душа ребенка будетъ свободна отъ предвзятыхъ идей, будетъ какъ бы tabula rasa.

Единственное, что Вентцель считаетъ возможнымъ въ сферѣ вмѣшательства—это чисто профилактическія средства, заключающіяся „въ дѣятельномъ содѣйствіи ребенку къ скорѣйшему освобожденію своей воли отъ подчиненія аффектамъ, страстямъ, случайнымъ, мимолетнымъ влеченіямъ, капризнымъ желаніямъ, преходящимъ настроеніямъ". А это достигается въ томъ случаѣ, если мы знакомимъ ребенка съ такими фактами, которыхъ ему недостаетъ, и которые, если бы они были въ его распоряженіи, удержали бы его отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій [8]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Вент-

---

[1]) *Клечковскій*, стр. 33.

[2]) Педагог. соч., стр. 371.

[3]) *Л. Н. Толстой*, Педагог. соч., стр. 191—3.

[4]) *Вентцель*, Новые пути и пр., стр. 66—67. *Чеховъ*, *Н. В.* Свободная школа, стр. 8—36.

[5]) *Вентцель*, Этика 617—643. „Внушать, поучать, закладывать то или другое въ душу—что это, какъ не производить надъ этой самой душой насиліе, но только насиліе тонкое, невидимое, неосязаемое!".

[6]) *Клечковскій*, стр. 33. *Толстой*, 354.

[7]) Этика и пр., стр. 570.

[8]) Этика и пр., стр. 600—602.

цель считаетъ допустимымъ и прямое противодѣйствіе волѣ ребенка. Такъ, опасаясь развить въ ребенкѣ своеволіе, онъ находитъ нужнымъ исполнять не всякую его волю. „Если это исполненіе воли,—говоритъ онъ,—связано съ нарушеніемъ правъ другихъ людей, окружающихъ его, или если это можетъ повести къ какимъ либо послѣдствіямъ, могущимъ вредно отозваться на жизни, здоровьѣ и развитіи самого ребенка, то каждый разумный воспитатель долженъ отказать ребенку въ своемъ содѣйствіи и даже, если понадобится, оказать ему и противодѣйствіе. И это нисколько не роняетъ принципа свободы ребенка, какъ не роняетъ принципа свободы взрослаго человѣка тотъ фактъ, когда мы, видя, какъ кто-нибудь въ припадкѣ раздраженія хочетъ прибить кого-нибудь другого, удерживаемъ перваго и не даемъ ему это сдѣлать, или если мы больного, лежащаго въ жару на постели, не допускаемъ слѣзть на холодный полъ, чтобы не подвергнуть опасности его жизнь“ [1]). Подобнымъ образомъ и Клечковскій допускаетъ возможность вмѣшательства воспитателя въ исключительныхъ случаяхъ, хотя и „кроткаго“, спокойнаго, устраняющаго зло безъ крика, гнѣва и упрековъ [2]).

При нормальномъ же теченіи дѣла самое большое, что могутъ допустить защитники свободнаго воспитанія,—это выдвигать дисциплину естественныхъ послѣдствій [3]) или добиваться заранѣе санкціи со стороны самого ребенка на тѣ мѣры, которыя воспитатель вынужденъ будетъ примѣнить къ нему въ случаѣ совершенія имъ ненормальныхъ поступковъ; тогда ребенокъ будетъ подчиняться тому закону, который онъ самъ же установилъ и, слѣдовательно, не будетъ чувствовать въ дѣйствіяхъ руководителей какого-нибудь произвола въ отношеніи къ нему [4]).

При особомъ мнѣніи остается Н. В. Чеховъ, который признаетъ принципъ „тонкаго“ невмѣшательства въ корнѣ ошибочнымъ. „Ребенокъ,—говоритъ онъ,—не можетъ жить одинъ безъ того, чтобы въ его жизнь не вмѣшивались его близкіе, родные, прислуга, товарищи, знакомые. Всѣ они при этомъ сохраняютъ свое право высказывать свои мысли и чувства и стараться убѣдить ребенка въ чемъ-нибудь, привлечь его къ чему-нибудь. Почему же только воспитатели

[1]) Этика, стр. 595—596.

[2]) *Клечковскій*, стр. 67.

[3]) *Клечковскій*, *Кей* и др.

[4]) *Вентцель*, Новые пути и пр., стр. 66.

должны быть лишены этого естественнаго права?“ [1]). Относительно же грубыхъ формъ насилія, какъ наказанія, и относительно наградъ и Чеховъ согласенъ съ своими единомышленниками [2]).

Всѣ указанныя мѣры воздѣйствія, встрѣтившія протестъ со стороны модернистовъ, составляютъ, по ихъ мнѣнію, лишь частичныя проявленія одной и той же системы—„послушанія“ или повиновенія, къ достиженію которой будто бы только и стремится современная школа. Эта система послушанія, по ихъ представленію, способна лишь разбить волю, всѣми силами помѣшать ея проявленію, „добиться лишь устрашенія и пассивнаго подчиненія [3]). Словомъ, никакихъ другихъ послѣдствій, помимо отрицательныхъ, она не имѣетъ.

Наоборотъ, свобода не только не создаетъ препятствій истинному воспитанію, но и оказываетъ ему прямое содѣйствіе. „Думаю,—пишетъ Л. Н. Толстой,—что одна такая полная свобода, т. е. отсутствіе принужденій и выгодъ какъ для обучаемыхъ, такъ и для обучающихъ, избавила бы людей отъ большой доли тѣхъ золъ, которыя производитъ теперь принятое вездѣ принудительное и корыстное образованіе“ [4]). Но не только съ этой отрицательной стороны, но и въ положительномъ смыслѣ такая свобода воспитанія имѣетъ благопріятныя послѣдствія. При ея наличности, легко и свободно развиваются индивидуальныя силы и способности ребенка. А въ этой индивидуализаціи—идеалъ воспитанія, такъ какъ только при ея наличности всѣ способности должны раскрываться съ возможною интенсивностью и полнотою, только при ней, избѣгая многихъ ошибокъ въ отношеніяхъ къ дѣтямъ, можно послѣдовательно и настойчиво проводить раціональное воспитаніе. „Только при полной свободѣ,—говоритъ Л. Толстой,—можно вести лучшихъ учениковъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти, а не задерживать ихъ ради слабыхъ... Только при свободѣ можно узнать, къ какой спеціальности какой ученикъ имѣетъ склонность, только свобода не нарушаетъ воспитательнаго вліянія“ [5]). Непосредственнымъ слѣдствіемъ всего этого долженъ явиться небывалый подъемъ творческаго духа человѣка въ умственной и нравственной сферахъ, а значитъ, и увеличеніе качества творческихъ геніальныхъ личностей, что, въ конеч-

---

[1]) Свобод. школа, М. 1907, стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 36.

[3]) *Клечковскій*, стр. 28—31.

[4]) Педаг. соч., стр. 371—372.

[5]) Мысли о воспит. и обучен. „Всем. Вѣст.“ 1906, № 9, стр. 13, ср. 18.

номъ счетѣ, должно повлечь за собою „всеобщее коренное обновленіе существующей ненормальной личной и общественной жизни“ [1]).

Но свобода въ сущности лишь отрицательное понятіе, поскольку она состоитъ лишь въ невмѣшательствѣ въ жизнь ребенка, и ничего положительнаго въ этомъ случаѣ въ ней не мыслится. Что же будетъ регулировать эту жизнь? Природныя потребности, личные интересы, склонности—вотъ что модернисты считаютъ важнѣйшимъ руководителемъ человѣческой жизнедѣятельности. „Непосредственный интересъ,—писалъ еще Руссо,—вотъ великій двигатель, единственный, который ведетъ вѣрно и далеко“ [2]). Равно и Л. Толстой успѣхъ обученія ставитъ въ зависимость отъ „аппетита къ обученію“, безъ котораго люди дѣлаются „умственными калѣками“ [3]). Въ томъ же смыслѣ высказываются и модернисты. „Въ основаніи всякой дѣятельности, какъ физической, такъ и интеллектуальной, должна лежать естественная потребность“, говоритъ Клечковскій [4]).

Въ умственномъ отношеніи этотъ интересъ выражается какъ любопытство или любознательность, въ физическомъ—какъ желаніе. Но для того, чтобы достигать цѣли, недостаточно одной неопредѣленной потребности; надо имѣть способность удовлетворять потребность. Есть ли она у ребенка? Модернисты отвѣчаютъ утвердительно. Клечковскій прямо заявляетъ: „Ребенокъ обладаетъ всѣми необходимыми средствами, чтобы использовать для своего физическаго развитія ту обстановку, которою мы его окружили... То же и въ отношеніи ума“; равно и въ нравственномъ отношеніи: ребенокъ, отъ природы эгоистъ, „мало-по-малу сначала почувствуетъ, потомъ пойметъ, что его благополучіе основывается на гармоніи желаній и поступковъ“ [5]). Къ этому же нужно присоединить и инстинктъ подражанія, который иногда проявляется чисто механически, безъ всякаго соображенія о желательныхъ результатахъ [6]). Обладая такими способностями, ребенокъ, не стѣсняемый никѣмъ, имѣетъ, по представленію модернистовъ, всѣ шансы на успѣшное развитіе въ смыслѣ совершенствованія.

---

[1]) *Вентцель*, Этика и пр. стр. 631, 628—630 и др.

[2]) *Эмиль*, II, § 150.

[3]) *Кросби*, Л. Н. Толстой какъ школьный учитель, стр. 36.

[4]) Стр. 8—9. Срав. *Чеховъ*, стр. 16—17.

[5]) Стр. 46—48, 52 и др.

[6]) *Лакомбъ*, стр. 8—9; *Вентцель*, Этика и пр., стр. 492 и сл. *Эльсландеръ*, стр. 13.

А какъ же быть съ дурными качествами, унаслѣдованными или вообще полученными ребенкомъ отъ природы? Неужели и имъ предоставлять свободу развиваться и тормозить этимъ самымъ развитіе положительныхъ сторонъ? На эти вопросы защитники свободнаго воспитанія отвѣчаютъ почти полнымъ отрицаніемъ дурной наслѣдственности. Если они (но не всѣ) и соглашаются еще признать у ребенка природный эгоизмъ [1]), то они приписываютъ ему удивительное свойство — самостоятельно переходить къ возвышенному альтруизму [2]). Всѣ же другія нежелательныя наклонности дѣтей они стараются объяснить дурнымъ воспитаніемъ. Правда, модернисты признаютъ все же „возможность зла" въ дитяти, но эта возможность парализуется, по ихъ мнѣнію, „свободною и счастливою жизнью", которая тяготѣетъ къ добру [3]). При такихъ условіяхъ дѣйствительно приходится устранить вмѣшательство взрослыхъ въ жизнь ребенка, которое можетъ лишь принести вредъ и во всякомъ случаѣ излишне.

Однако, какъ ни хороши качества ребенка, доставшіяся ему отъ природы, они могутъ развиваться, по мнѣнію модернистовъ, нормально лишь при томъ условіи, если благопріятна для него окружающая его среда. Подъ этой средой разумѣется какъ внѣшняя природа, такъ и общество людей. Въ первомъ случаѣ симпатіи модернистовъ склоняются въ сторону „естественной" обстановки, подъ которой они понимаютъ деревенскую природу [4]) (земля, растенія и животныя), куда и Руссо удалилъ своего Эмиля. Съ этой обстановкой, по ихъ мнѣнію, дѣтямъ легче всего завязать сношенія, тогда какъ искусственная среда (напр., на фабрикѣ) чужда ребенку, который въ своей жизни воспроизводитъ жизнь какого-то дикаря, и не можетъ, поэтому, содѣйствовать его нормальному развитію [5]). Но и „естественную" среду приходится подобрать, потому что и здѣсь встрѣчается кое-что неблагопріятное для ребенка—острые камни, глубокая рѣка, пропасть и т. п.—отъ чего нужно отстранить, обезопа-

---

[1]) *Клечковскій*, 51; *Вентцель*, Новые пути, 24 и др. Горбуновъ-Посадовъ въ примѣчаніи къ 51 стр. у Клечковскаго отрицаетъ природный эгоизмъ ребенка.

[2]) *Клечковскій*, 50.

[3]) Тамъ же, стр. 49.

[4]) *Клечковскій*, 43; *Вентцель*, Этика, 516, Новые пути, 10; *Эльсландеръ*, стр. 11 и др.

[5]) Впрочемъ, въ брошюрѣ „Новые пути" домъ своб. ребенка рисуется Вентцелю въ видѣ промышленнаго городка, что является уже непослѣдовательнымъ въ смыслѣ повторенія дѣтьми жизни дикарей.

сить его. Но если сравнительно легко сдѣлать это съ внѣшней, физической средой, то много труднѣе дѣло обстоитъ съ средой духовной, съ обществомъ людей. Здѣсь, прежде всего, важенъ выборъ воспитателя. Затѣмъ важна и семья. „Самая благопріятная среда для воспитанія въ нравственномъ смыслѣ,—говоритъ Вентцель,—это та, гдѣ всѣ члены трудятся по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, гдѣ слово праздность совершенно незнакомо“ [1]). Но и во всемъ остальномъ члены семьи должны быть проникнуты идеями свободнаго воспитанія, написать принципъ: „освобожденіе ребенка“ на своемъ знамени, такъ чтобы семья стала „семьей свободнаго ребенка“. Для этого недостаточно одной любви родителей къ дѣтямъ, такъ какъ эта любовь можетъ, по мнѣнію Вентцеля, оказаться корыстной, властной и въ этомъ случаѣ сдѣлать ихъ послушными рабами [2]), противъ чего придется потомъ бороться воспитателямъ. Если же семейная среда далеко не всегда благопріятствуетъ свободному развитію дѣтей, то еще менѣе это можно сказать объ обществѣ остальныхъ людей, которымъ Вентцель очень недоволенъ [3]).

Наличность природныхъ потребностей и способностей къ ихъ удовлетворенію, благопріятная среда,—все это обезпечиваетъ ребенку, по мнѣнію модернистовъ, цѣлесообразное развитіе и гарантируетъ его отъ какой либо безпорядочности, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ будетъ руководствоваться природными задатками и вступать въ живое общеніе съ природой, а въ природѣ „все отмѣчено стремленіемъ къ гармоніи“ [4]).

Но если дитя должно быть предоставлено самому себѣ, если въ работу природы нельзя вмѣшиваться, то остается ли что-нибудь на долю воспитателя? Не будетъ ли онъ лишь постороннимъ зрителемъ дѣятельности ребенка? Нѣтъ. „Устраненіе принудительнаго начала, это признаніе свободы за личностью ребенка...—по мнѣнію Вентцеля, — нисколько не означаетъ отказа воспитателя отъ активнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія, нисколько не ведетъ къ практикѣ laissez faire, laissez passer въ этой области. Напротивъ того, для активной дѣятельности воспитателя здѣсь открывается еще болѣе широкое поприще, но только перемѣщается центръ тяжести ея. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать прямо на воспитанника, воспитатель

---

[1]) Этика и пр., стр. 531.

[2]) Этика и пр., стр. 606, 607, 608.

[3]) Этика и пр., стр. 520 и дал.

[4]) *Клечковскій*, стр. 65, 70.

дѣйствуетъ на окружающую воспитанника среду, стараясь, чтобы она была тѣмъ чистымъ воздухомъ и той здоровой почвой, благодаря которымъ его свободное самопроизвольное развитіе пошло бы нормальнымъ путемъ" [1]). Такимъ образомъ, на долю педагога выпадаютъ чрезвычайно широкія задачи. Онъ долженъ содѣйствовать развитію молодой жизни, долженъ быть ежеминутно готовымъ отвѣчать на возникающія потребности ребенка; онъ же долженъ и заботиться о созданіи благопріятной обстановки, чтобы его питомецъ не наскочилъ на камень, не упалъ въ рѣку или въ пропасть, а равно чтобы и окружающіе его люди своимъ дурнымъ примѣромъ не повліяли на ребенка въ нежелательномъ смыслѣ. И это послѣднее обстоятельство особенно важно для воспитателя, такъ какъ онъ „въ одинъ прекрасный день можетъ увидѣть къ своему ужасу, что воспитаніе его принесло совсѣмъ не тѣ плоды, которыхъ онъ ожидалъ" [2]). Поэтому онъ непремѣнно долженъ выступать въ роли общественнаго реформатора [3]).

Въ созданной такимъ путемъ „здоровой" средѣ воспитатель „становится по отношенію къ дѣтямъ не учителемъ, а старшимъ товарищемъ, къ которому они обращаются въ случаѣ нужды" [4]). По Вентцелю, ни ребенокъ, ни воспитатель не должны подчиняться одинъ другому, только тогда воля обоихъ достигнетъ полнаго своего проявленія. Равно и „воспитывать долженъ не только воспитатель ребенка, но и ребенокъ воспитателя" [5]). Только при послѣдовательномъ проведеніи этого принципа, который Вентцель самъ считаетъ звучащимъ парадоксально, воспитаніе будетъ достигать наибольшихъ результатовъ [6]).

Такой режимъ свободнаго воспитанія модернисты считаютъ подходящимъ не только для дѣтей дошкольнаго возраста, но и въ періодъ школьнаго обученія. Восклицаніе Клечковскаго „долой классы, уроки и расписанія!" относится и къ послѣднему. Хозяевами школы являются сами дѣти [7]). Поэтому, придя въ школу, они сохраняютъ право

---

[1]) Этика и пр., стр. 643. Ср. 534, 536.
[2]) Этика, 536.
[3]) Этика, 535.
[4]) *Клечковскій*, 61, *Лакомбъ*, 13.
[5]) Этика и пр., стр. 593—594. Освобожденіе ребенка, 9.
[6]) Этика, стр. 594.
[7]) *Чеховъ*.

бѣгать, играть, пока имъ не надоѣстъ [1]), а также приходить или не приходить на урокъ. Но, повидимому, эти условія будутъ мѣшать систематическимъ занятіямъ, которыя мы привыкли видѣть въ современной школѣ? Отсюда естественно спросить: какъ же будетъ организована „новая школа"?

Разумѣется, и внѣшняго и внутренняго распорядка въ этой школѣ мы не можемъ ожидать такого, какой необходимъ въ современной школѣ. И модернисты не обманываютъ нашихъ ожиданій. Правда, они еще не пришли къ какому-нибудь одному взгляду на этотъ вопросъ. Въ то время какъ Вентцель думаетъ устроить воспитательно-образовательное учрежденіе-общину — „Домъ свободнаго ребенка", гдѣ бы „ребенокъ, работая надъ задачами жизни, возникающими въ этой малой общинѣ, пріучался работать на болѣе широкомъ поприщѣ надъ тѣми же задачами жизни, только въ болѣе увеличенномъ масштабѣ"; гдѣ жили бы, помимо дѣтей обоихъ половъ, и родители и воспитатели [2]),—другіе хотятъ устроить непремѣнно школу [3]), т. е. „учрежденіе, имѣющее строго опредѣленныя задачи, формы и планъ своей дѣятельности", но, разумѣется, мало похожую на современную.

Какъ же долженъ организоваться распорядокъ въ этой школѣ? Должны ли быть въ ней какія-нибудь лица, которыя управляли бы ею, направляли бы ея ходъ и отвѣчали за порядокъ и успѣхъ ея? Разсуждая послѣдовательно, защитники свободной школы, должны бы все это отвергнуть. Но не всѣ идутъ такимъ путемъ. Несмотря на то, что дѣти должны быть хозяевами школы, Чеховъ рекомендуетъ учредить особый школьный совѣтъ изъ родителей учащихся и педагоговъ, которому и должны принадлежать предварительная организація школы и верховное право въ опредѣленіи способовъ удовлетворенія умственныхъ запросовъ дѣтей, опредѣленіе денежныхъ средствъ, порядокъ пріема новыхъ учащихся, приглашеніе и увольненіе преподавателей, измѣненіе программы и всѣхъ прочихъ условій обученія и воспитанія [4]). Но при разсмотрѣніи вопросовъ, доступныхъ пониманію дѣтей, вопросовъ, касающихся выясненія ихъ желаній и стремленій, по мнѣнію модернистовъ, желательно добровольное участіе дѣтей, которыя должны имѣть равное право при рѣшеніи

---

[1]) *Чеховъ*, 21.

[2]) Новые пути, 12.

[3]) *Чеховъ*, 9.

[4]) Стр. 13.

вопросовъ, разбираемыхъ на совѣтѣ, и право предъявленія своихъ желаній, требованій и т. п.

Помимо этого, модернисты совѣтуютъ создавать ученическія организаціи, въ родѣ клубовъ, въ цѣляхъ воспитанія общественности въ дѣтяхъ, заинтересовывать ихъ въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся школы, и при всякомъ возможномъ случаѣ предоставлять имъ право рѣшать эти дѣла. Для той же цѣли рекомендуется выборное начало для исполненія разныхъ обязанностей, въ родѣ дежурныхъ, уполномоченныхъ, старостъ и т. п. [1]). Нѣсколько далѣе идетъ Вентцель: по его мнѣнію, дѣятельное участіе самихъ дѣтей необходимо и для первоначальнаго устройства школы [2]); они, какъ и у Чехова, должны время отъ времени устраивать свои дѣтскія собранія [3]). Нѣчто подобное производилось въ клубѣ, устроенномъ Московскимъ обществомъ „Сетлементъ" [4]), хотя и не для однихъ учебныхъ занятій. Въ одной же изъ „новыхъ" школъ дѣтскія собранія и въ учебное время стали регуляторомъ школьной жизни. Здѣсь сами дѣти наводили порядокъ и въ смыслѣ дисциплины: на собраніяхъ постановлено было, чтобы на урокахъ не баловаться, смирно сидѣть, изъ класса не уходить безъ спросу, не болтать [5]).

Если интересъ побуждаетъ къ пріобрѣтенію знаній, то онъ одинъ долженъ лежать и въ основѣ классной группировки. Соединенія здѣсь возможны лишь по сходству и по индивидуальнымъ склонностямъ дѣтей [6]) даже вслѣдствіе ихъ интерсса не къ извѣстному предмету, а къ личности того преподавателя, общеніе съ которымъ для нихъ плодотворно [7]). При отсутствіи или устраненіи этихъ условій, группировки распадаются такъ же легко, какъ и создались. Выборъ матеріала для урока опредѣляется не программами, а тѣмъ, на чемъ остановилось вниманіе дѣтей: приходя въ классъ, учитель, по мнѣнію Вентцеля, долженъ спрашивать дѣтей, что ихъ интересуетъ [8]). Самый урокъ ведется при оживленномъ сотрудничествѣ учениковъ, которые могутъ предлагать свои сомнѣнія, возраженія и сами выяс-

---

1) Стр. 14—15.
2) Новые пути, 8.
3) Тамъ же, 13.
4) См. „Дѣти—работники будущаго". М. 1908.
5) *Кайданова*, Изъ жизни одной школы. Своб. Восп., 11—12, I, стр. 10, 15.
6) *Клечковскій*, 93—97. *Вентцель*, Новые пути, 41.
7) *Вентцель*, Н. 88.
8) Тамъ же, 37.

нять вопросъ. Характера случайности такія занятія не могутъ получить, по мнѣнію модернистовъ, уже по тому одному, что „всякій свободный трудъ неизбѣжно логиченъ [1]), и поэтому ученикъ самъ послѣдовательно будетъ переходить отъ простого къ сложному. Естественное взаимодѣйствіе между средой и организмомъ приводитъ къ потребности подводить наблюдаемыя явленія подъ общіе законы и, слѣдовательно, къ организаціи знанія. Эта послѣдняя потребность, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ дѣятельности, и должна служить руководящей нитью въ дѣлѣ образованія, съ самаго начала до самаго конца [2]). Но если и предположить, что знанія, сообщенныя при такихъ условіяхъ, и дѣйствительно безсвязны, то все же эти знанія, пріобрѣтенныя съ интересомъ, по мнѣнію модернистовъ, лучше свѣдѣній, полученныхъ по принятымъ образцамъ, потому что вѣдь и послѣднія остаются въ памяти, въ сущности, тоже въ видѣ разрозненныхъ клочковъ и при томъ непрочно, тогда какъ первыя оставляютъ представленіе объ изучаемомъ предметѣ, какъ объ интересномъ, что важно для развитія вкуса къ чтенію сочиненій изъ области этого предмета въ томъ возрастѣ, когда чтеніе будетъ дѣйствовать не на одно только чувство [3]).

Тотъ же интересъ долженъ быть, конечно, руководителемъ и при выборѣ предметовъ преподаванія. Такъ какъ больше всего и прежде всего въ раннемъ дѣтствѣ сказывается потребность къ физической дѣятельности, то модернисты и стараются использовать эту особенность дѣтскаго организма въ воспитательномъ смыслѣ. Отсюда, игры занимаютъ большое мѣсто въ воспитательной системѣ модернистовъ, особенно для ранняго дѣтства. Правда, въ пониманіи смысла и значенія игры они расходятся. Для однихъ „первый трудъ дѣтей, первыя ихъ научныя занятія будутъ, вѣроятно, имѣть характеръ игры и только мало-по-малу пріобрѣтутъ характеръ серьезнаго дѣла“, и никакой бѣды нѣтъ въ томъ, что маленькій ребенокъ, играя, исполняетъ поручаемыя ему работы или обогащается въ игрѣ тѣмъ или другимъ запасомъ цѣнныхъ знаній [4]). Для другихъ же трудъ и игра имѣютъ совершенно разную природу и разные мотивы, и „превращеніе работы и обученія въ игру—плохая подготовка къ жизни“ [5]). Однако,

---

[1]) *Клечковскій*, 96. *Лакомбъ*, 43.
[2]) *Клечковскій*, 72.
[3]) *Лакомбъ*, 33.
[4]) *Вентцель*, Новые пути, стр. 65.
[5]) Слова Гюйо у Эльсландера, стр. 16—17.

модернисты все же согласны въ вопросѣ о большомъ воспитательномъ значеніи игры, но лишь при томъ условіи, если она не всегда будетъ устраиваться взрослыми и будетъ представлять большой просторъ дѣтской фантазіи и предпріимчивости.

Еще болѣе широкое поле отводятъ модернисты ручному труду. Въ своей брошюрѣ „Новые пути" Вентцель посвящаетъ ему обширный панегирикъ [1]).

Трудъ имѣетъ, по его мнѣнію (да этого не отрицаютъ и другіе модернисты), глубокое и всестороннее воспитательное значеніе. Онъ является наилучшимъ средствомъ для установленія естественной дисциплины. Съ его помощью можно наиболѣе успѣшно бороться съ недостатками дѣтей, дѣлая и самого ребенка воспріимчивымъ къ великой радости творческой работы надъ самимъ собой. Благодаря ему повышается въ человѣкѣ самоуваженіе; онъ облегчаетъ ребенку раннее открытіе имъ своего призванія, воспитываетъ уваженіе ко всякому труду, создаетъ гармонію между мыслью и дѣятельностью. Коллективный трудъ является наилучшей школой общественной дѣятельности. Короче, въ творческомъ производительномъ трудѣ затрогивается и нашъ интеллектъ, и чувство, и воля,—вся наша личность въ своемъ гармоническомъ единствѣ [2]). Въ виду такого всесторонняго вліянія ручного труда, защитники свободнаго воспитанія полагаютъ его въ основу не только воспитанія, но и образованія въ узкомъ смыслѣ этого слова. Вентцель предлагаетъ обратить свой „Домъ свободнаго ребенка" въ земледѣльческій и промышленный городокъ [3]). Здѣсь ребенокъ познакомится со многими видами производительнаго труда: сюда войдутъ пряденье, ткачество, шитье, приготовленіе пищи, обработка бумаги и картона, дерева, металла, глины, культура почвы и мн. др. [4]). Цѣлью этихъ занятій будутъ не практическіе расчеты и удовлетвореніе только физическихъ потребностей, но и умственное развитіе. Параллельно съ работой и по поводу ея дѣти получатъ и всевозможныя знанія: изучатъ волокна, получатъ понятіе о географическихъ широтахъ и другихъ условіяхъ, въ которыхъ выростаетъ сырой матеріалъ, о крупныхъ центрахъ промышленности и торговли, о физическихъ силахъ, которыми пользуются въ процессѣ производства... Кромѣ того, ручной трудъ даетъ естественный поводъ для

[1]) Стр. 96—103.

[2]) Ср. *Дьюи*, Школа и общество. М. 1907. стр. 14—18.

[3]) Новые пути, 63.

[4]) Тамъ же, 61.

введенія въ школу и общихъ научныхъ знаній, которыя освѣщаютъ и осмысливаютъ этотъ трудъ, а равно и даетъ возможность окинуть взоромъ весь путь историческаго развитія человѣчества, понять всю трудность этого пути, сравнивая на опытѣ однѣ формы производства съ другими [1]).

Конечно, и методъ занятій долженъ быть особенный: обученіе физическимъ работамъ должно состоять не столько въ показываніи цѣлесообразныхъ методовъ работы, сколько, соотвѣтственно основной мысли модернистовъ, въ доставленіи имъ возможности самимъ находить эти методы [2]). При такихъ условіяхъ дѣти сами изобрѣтаютъ первобытную чесалку для шерсти, вновь переизобрѣтаютъ простѣйшій способъ пряденія шерсти и т. д. Словомъ, въ историческомъ порядкѣ дѣти продѣлываютъ и изучаютъ всѣ улучшенія, которымъ подвергались орудія производства, всѣ главныя изобрѣтенія [3]).

Тотъ же интересъ, „аппетитъ къ ученью", то же развитіе самостоятельности требуется и при выборѣ и преподаваніи предметовъ научнаго характера. Защитники свободной школы считаютъ возможнымъ допустить и опредѣленный планъ обученія, но ищутъ его логическій порядокъ и оправданіе въ самомъ ребенкѣ [4]): руководителемъ здѣсь должны быть тѣ естественные пути, по которымъ направляется вниманіе ребенка и которые учитель долженъ расширить и углубить въ томъ направленіи, которое указывается эволюціей ума ребенка [5]).

Въ отношеніи выбора предметовъ модернисты, однако, сильно разногласятъ. По мнѣнію Клечковскаго, не слѣдуетъ преподавать исторію, въ которой дѣти не нуждаются да и не могутъ нуждаться [6]). Дьюи считаетъ возможнымъ для ребенка окинуть взоромъ весь путь историческаго развитія человѣчества при занятіяхъ ручнымъ трудомъ [7]). Лакомбъ придаетъ исторіи большое значеніе въ умственномъ развитіи и считаетъ возможнымъ сильно заинтересовать ею учениковъ и развивать въ нихъ съ ея помощью чувство симпатіи [8]).

---

[1]) *Дьюи*, стр. 14—15. *Вентцель*, Новые пути, стр. 61.

[2]) *Вентцель*, Новые пути, 61.

[3]) *Дьюи*, 15.

[4]) *Клечковскій*, 74.

[5]) *Вентцель*, Новые пути, 81, 86.

[6]) Стр. 88.

[7]) Стр. 14, 16.

[8]) Стр. 29 и 32.

Кей придаетъ исторіи свойство обогащать умъ сокровищницей наблюденій и сужденій, зажигать чувство и его теплотой спаивать разнородный матеріалъ и то единство, которое одно только и есть образованіе [1]). Также и Л. Толстой стоитъ за ея пользу [2]), тогда какъ раньше онъ высказывался противъ [3]). Математику, въ видѣ ариѳметики и геометріи, Вентцель ставитъ на первое мѣсто въ циклѣ рекомендуемыхъ имъ наукъ [4]). Лакомбъ увѣряетъ, что дѣти интересуются ариѳметикой больше, чѣмъ того можно было бы ожидать, судя по отвлеченному характеру этого предмета [5]). Наоборотъ, Эльсландеръ считаетъ ненужнымъ „всѣ эти сложенія, дѣленія, извлеченія квадратныхъ корней", исключая тѣхъ случаевъ, если найдутся математики [6]). Равно и Кей признаетъ необходимымъ сократить математику до минимума, такъ какъ она не имѣетъ развивающаго умъ и образовательнаго значенія [7]). Географію Вентцель считаетъ необходимой [8]), Дьюи признаетъ знаніемъ, объединяющимъ всѣ науки [9]), Клечковскій [10]) и Эльсландеръ [11])—тоже полезной. Но Л. Толстой въ прежніе годы считалъ ея преподаваніе до университета даже вреднымъ [12]). Даже относительно естествознанія не всѣ согласны во всѣхъ пунктахъ [13]). Расходясь въ оцѣнкѣ предметовъ преподаванія, модернисты всѣ, однако, согласно признаютъ, что обученіе нужно вести практическимъ, нагляднымъ, а не отвлеченнымъ путемъ.

Признавая интересъ руководящимъ началомъ въ выборѣ предметовъ, что можно сказать о начальной стадіи обученія—обученія чтенію и письму? Лакомбъ признаетъ его поистинѣ изсушающимъ занятіемъ для каждаго безъ исключенія ребенка [14]). А потому съ этимъ занятіемъ модернисты не совѣтуютъ спѣшить. Согласно съ

---

[1]) Стр. 192.
[2]) Сочин., стр. 389.
[3]) Ibid., стр. 252—256.
[4]) Новые пути, стр. 26.
[5]) Стр. 19.
[6]) Стр. 21.
[7]) Стр. 191—192.
[8]) Новые пути, 29.
[9]) Стр. 13.
[10]) Стр. 85 и сл.
[11]) Стр. 53.
[12]) Пед. соч., стр. 256.
[13]) См. *Кей*, стр. 171.
[14]) Стр. 17.

Руссо, который предлагалъ отсрочить его до 12 лѣтъ, и Эльсландеръ заявляетъ, что „дѣтямъ до 8—9, даже 10 лѣтъ незачѣмъ умѣть читать“ [1]). Все обученіе рекомендуется на первыхъ порахъ сдѣлать изустнымъ, что уже одно должно внести оживленіе въ школу [2]), а къ чтенію и письму переходить лишь тогда, когда ребенку самому захочется, когда у него наберется запасъ наблюденій, о которыхъ ему захочется разсказать, или когда онъ пожелаетъ услышать объ опытахъ другихъ. Что же касается чтенія дѣтьми книгъ, то оно, по мнѣнію Эльсландера, можетъ быть даже вреднымъ для нихъ [3]).

II.

Обращаясь къ критическому обзору взглядовъ модернистовъ, мы прежде всего должны сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Полемизируя съ современной школой, они направляютъ свои удары не противъ идеаловъ, которыми проникнута педагогика, а противъ практики современнаго воспитанія и обученія, при чемъ часто эта практика берется въ самыхъ отрицательныхъ своихъ проявленіяхъ, и противопоставляютъ послѣдней свои идеалы, свои теоріи. Такая постановка дѣла неправильна въ самомъ корнѣ. Затѣмъ, отъ своихъ построеній модернисты ждутъ слишкомъ большихъ результатовъ, которымъ, по ихъ мысли, современная дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ. Самыя эти построенія не всегда основаны на реальныхъ фактахъ, а часто на личныхъ симпатіяхъ и потому страдаютъ кабинетностью, фантастичностью и утопичностью. Отсюда противорѣчія даже между самими новаторами, которыя часто не позволяютъ ихъ взгляды свести къ единству. Все же, однако, ихъ взгляды и ихъ дѣятельность должны оказать извѣстное вліяніе на современную педагогическую мысль въ смыслѣ пересмотра, а можетъ быть, и переоцѣнки установившихся воззрѣній.

Прежде всего неосновательно возраженіе модернистовъ противъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ будто бы современное воспитаніе. Дѣтей будто бы подготовляютъ къ практической жизни, къ какой-нибудь профессіи, карьерѣ. Но развѣ современная школа, даже если взять ее въ практическомъ осуществленіи, а не въ идеѣ, задается этой цѣлью? Къ какой профессіи, напр., готовитъ дѣтей самая распро-

[1]) Стр. 56.
[2]) *Лакомбъ*, 42.
[3]) *Эльсландеръ*, 58—9.

страненная средняя школа—гимназія? Да и всѣ остальныя школы, такъ называемыя „спеціальныя“, въ широкихъ размѣрахъ включаютъ въ свои программы элементъ общеобразовательный, а спеціальные предметы переносятъ на послѣдніе годы. Не противорѣчатъ ли себѣ сами модернисты, часто спрашивая: зачѣмъ нуженъ тотъ или другой предметъ въ современной школѣ? Правда, средняя школа пользуется извѣстными правами, но значитъ ли это, будто разные предметы, изучаемые въ ней, изучаются ради этихъ правъ и привилегій? Если такое практическое настроеніе и имѣетъ мѣсто среди учащихся, то это лишь печальный фактъ, но какое отношеніе онъ имѣетъ къ педагогикѣ, къ идеалу? Можно ли педагогику упрекать въ томъ, будто она когда-нибудь проповѣдывала предоставленіе правъ питомцамъ школъ, какъ полезное воспитательное средство? Можно ли серьезно увѣрять, что педагогика считаетъ нужнымъ пріохочивать дѣтей къ соблазнительнымъ перспективамъ полученія въ будущемъ умопомрачительныхъ гонораровъ знаменитаго юриста, доктора, инженера? Можно утверждать лишь, что идеаломъ педагогики всегда было и есть то, чего требуютъ отъ нея и модернисты—именно готовить ребенка къ единственной профессіи, профессіи *человѣка*. Конечно, эта профессія понималась различно въ разныя времена и у разныхъ народовъ, въ зависимости отъ чего различались и программы, и способы обученія и воспитанія. Но по мѣрѣ развитія сознанія человѣчества, развивалась и совершенствовалась, облагораживалась идея воспитанія именно высшихъ человѣческихъ свойствъ. Все же чуждое педагогикѣ, все разсчитанное на практицизмъ и играющее на низшихъ струнахъ человѣческой души—все это внесено въ школу лишь по требованію общества, государства и т. п., цѣли и задачи которыхъ часто очень далеки отъ педагогическихъ. Слѣдовательно, упреки модернистовъ направлены не по адресу.

По вопросу о разграниченіи воспитанія отъ образованія, склоняясь къ вышеприведенной мысли Л. Н. Толстого [1]), мы не считаемъ нужнымъ распространяться, въ виду того, что противъ этой мысли возражаетъ лишь Вентцель, да и тотъ на дѣлѣ противорѣчитъ себѣ.

Самый вопросъ о наилучшей системѣ воспитанія ставится модернистами въ связь съ законами наслѣдственности. Каждый индивидуумъ, по ихъ мнѣнію, не только получаетъ по наслѣдству извѣстныя силы и способности, но наслѣдственностью же опредѣляется и самый по-

[1]) См. выше, стр. 49, прим. 5. См. Мысли о воспитаніи и обучен., стр. 9.

рядокъ ихъ проявленія и развитія, въ которомъ отпечатлѣвается путь развитія всего человѣчества. Отсюда, для правильной постановки воспитанія необходимо сообразоваться съ исторіей культуры, съ исторіей развитія человѣческихъ знаній. Такъ ли это?

По выводамъ эволюціонной теоріи, только тѣ особенности могутъ передаваться по наслѣдству, которыя явились въ результатѣ приспособленія къ окружающимъ условіямъ, тѣ же, которыя условій для дальнѣйшаго существованія не имѣютъ, должны мало-по-малу атрофироваться. Поэтому, если человѣчество перешло изъ одной стадіи развитія въ другую, то наклонности и привычки и т. п., пріобрѣтенныя въ первой, должны постепенно исчезнуть. Какимъ же образомъ порядокъ прохожденія стадій развитія можетъ быть унаслѣдованъ ребенкомъ?—Затѣмъ, несомнѣнно, что однообразнаго порядка въ постепенной смѣнѣ стадій развитія для всего человѣчества не могло быть, такъ какъ оно въ каждый данный моментъ жило въ разныхъ условіяхъ и, слѣдовательно, должно было пріобрѣтать различные приспособительные навыки. Равно и каждый отдѣльный народъ въ своей исторіи проходилъ эти стадіи не въ одинаковомъ порядкѣ. Современная наука признаетъ теперь шаткость традиціоннаго представленія, будто каждый народъ переживалъ постепенно періоды жизни охотниковъ, скотоводовъ, земледѣльцевъ и т. д. Съ другой стороны, и многія знанія возникали безъ всякаго отношенія къ практической жизни, въ результатѣ лишь чистаго, на нашъ взглядъ, „капризнаго“, стремленія къ знанію. Можно ли послѣ этого говорить о существованіи какого-то необходимаго порядка, „которому человѣчество подчинило различные роды знаній?“ [1]).

Къ тому же, взглядъ модернистовъ приводитъ насъ къ странному представленію объ исторіи дѣтства. Мы должны думать, будто ребенокъ долженъ пройти постепенно стадіи каменнаго вѣка, охотниковъ, степняковъ и, наконецъ, земледѣльцевъ. Но какъ это происходитъ—объ этомъ едва ли кто имѣетъ какое-нибудь понятіе. Между тѣмъ, модернисты хотятъ отстаивать свою теорію не только въ общей формѣ, но видятъ доказательства ея и въ различныхъ мелочахъ. Напр., Эльсландеру извѣстна врожденная любовь ребенка ко всѣмъ предметамъ и существамъ, напоминающимъ первобытную жизнь, „къ растеніямъ и животнымъ“. „Земля, камешки, вода — первые предметы его игръ“; „онъ издаетъ радостный крикъ при видѣ собаки или кошки“,

---

[1]) *Спенсеръ*, цит. сочин., 96.

потому что „всѣ эти предметы ему близки и понятны". Наоборотъ, ребенокъ городской живетъ будто бы въ „чуждомъ ему мірѣ, гдѣ все противорѣчитъ его потребностямъ, желаніямъ и инстинктамъ" [1]).

Равно и для Клечковскаго природа представляетъ „*необходимую*" для ребенка обстановку, ради которой, напр., ради воды, песка, соломы и т. п., онъ бросаетъ все, „слишкомъ отдаленное отъ первобытной природы", напр., сложныя игрушки. Какъ будто бы ребенокъ не бросаетъ естественныхъ игрушекъ ради „искуственныхъ", какъ будто ему не захочется погулять въ красиво разбитомъ цвѣтникѣ или правильно распланированномъ саду, а непремѣнно захочется идти въ дремучій лѣсъ, въ которомъ свойственно жить дикарю.

Но если даже и признать указанную модернистскую гипотезу, то какіе выводы можно сдѣлать изъ нея въ смыслѣ воспитанія? Какого режима нужно держаться въ отношеніи къ дѣтямъ, воспроизводящимъ въ своей жизни постепенно разныя ступени жизни человѣчества? Человѣчество сначала пользовалось свободой, затѣмъ переживало эпоху ограниченныхъ монархій, потомъ деспотій, наконецъ, опять переходитъ къ свободной жизни, но все же до послѣднихъ дней не отказалось еще отъ принудительныхъ мѣръ для водворенія порядка. Проводя ребенка по всѣмъ этимъ стадіямъ, мы должны сначала предоставить ему свободу, затѣмъ постепенно стѣснять его, а потомъ опять ослаблять режимъ [2]), но до самаго конца воспитанія не отказываться отъ принудительныхъ мѣръ воздѣйствія на питомца. Такъ, разсуждая послѣдовательно, мы приходимъ къ выводу, съ которымъ модернисты не согласятся, такъ какъ они не допускаютъ никакихъ стѣсненій. Слѣдовательно, и эволюціонная теорія не можетъ здѣсь сослужить имъ желательную службу.

Но если мы согласимся съ мыслью о повтореніи ребенкомъ воспитательнаго періода человѣчества въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ перехода отъ болѣе грубаго состоянія къ болѣе культурному, то можно ли отсюда выводить, будто ребенку должна быть предоставлена свобода развитія его природныхъ силъ и способностей? Д. Селли, принимая эволюціонную теорію, приходитъ, однако, къ діаметрально противоположнымъ выводамъ относительно постановки воспитанія. Онъ говоритъ: „Если ходъ развитія у индивидуума является краткимъ развитіемъ расы, то мы должны ожидать, что въ ребенкѣ обнаружится по край-

---

[1]) Цит. соч., стр. 10.

[2]) *Житомірскій*, Педагогическій модернизмъ („Педагог. Сборн." 1909, № 3, стр. 206).

ней мѣрѣ зачатокъ той страстности и сварливости, которая характеризуетъ животное и дикаря, прежде чѣмъ проявятся свойства нравственныя, присущія цивилизованному человѣку. Поэтому нужно сказать, что дитя при рожденіи и спустя еще долгое время является представителемъ дикой, *неукрощенной натуры, которую воспитанію надлежитъ покорить и преобразовать въ нѣчто высшее и лучшее*" [1]. И такой выводъ намъ представляется болѣе правильнымъ, такъ какъ онъ основанъ на фактахъ и такъ какъ, подвергая ребенка вліянію воспитателей, мы тѣмъ самымъ еще болѣе сокращаемъ тотъ путь развитія, который онъ долженъ пройти, тогда какъ, предоставляя ему свободу, мы даемъ ему возможность пройти весь путь (если это только возможно) не раньше зрѣлаго возраста. Но уже и самая возможность сдѣлать два совершенно противоположныхъ вывода изъ одной и той же гипотезы доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, безполезность ссылки на нее въ отысканіи лучшей системы воспитанія.

О соотвѣтствіи историческаго воспитанія человѣчества воспитанію индивидуума говорить, конечно, можно, но лишь въ смыслѣ простого сравненія, аналогіи. Однако, comparatio non est ratio, и единственно возможный выводъ отсюда въ педагогическомъ отношеніи лишь тотъ, что нужно воспитаніе и обученіе вести отъ простого къ сложному, отъ эмпирическаго къ раціональному, какъ это, между прочимъ, признаетъ и Спенсеръ [2]. Но подобный выводъ не представляетъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что было высказано и много раньше.

Гораздо лучше обстоитъ у модернистовъ дѣло съ идеализаціей природныхъ качествъ ребенка. Они или признаютъ въ дѣтяхъ отъ природы только хорошія качества, или думаютъ, что, при условіи свободы, будутъ развиваться только послѣднія, и потому считаютъ излишнимъ и даже вреднымъ всякое вмѣшательство въ жизнь ребенка.

Но дѣйствительно ли у ребенка есть только хорошія наклонности? Психологи находятъ у дѣтей много общаго съ животными [3], отмѣчаютъ въ нихъ жестокость, лживость, а также эгоизмъ, выражающійся въ безграничной жадности и въ страстномъ желаніи овладѣть всѣмъ, что находится предъ ними [4],—эгоизмъ, признаваемый и самими защитниками свободнаго воспитанія. Поэтому на поставленный вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. Другое мнѣніе, будто при сво-

---

[1] Очерки психологіи дѣтства, стр. 260.
[2] Цит. соч., стр. 97.
[3] *Селли*, 260.
[4] Ibid., 298—299.

бодѣ развиваются только хорошія наклонности, опирается лишь на афоризмъ: „свободная и счастливая жизнь тяготѣетъ къ добру" [1]). Но на чемъ, въ свою очередь, основано это положеніе? Не встрѣчаемъ ли мы среди свободныхъ и счастливыхъ людей крайнихъ эгоистовъ или безполезныхъ трутней? Не ведетъ ли свобода часто къ распущенности, лѣни, а счастье — къ забвенію о другихъ, къ беззаботности, легкомысленному отношенію къ жизни и т. п.? „Зло порождается,—говорятъ намъ—мученіемъ и насиліемъ" [2]). Но часто мученіе или насиліе заставляетъ насъ, наоборотъ, опомниться, критически отнестись къ своимъ дѣйствіямъ, а мученія совѣсти, несомнѣнно, могутъ быть вѣрнымъ руководителемъ нравственнаго поведенія.

Съ другой стороны, какъ мы только что сказали, зло можетъ порождаться и не мученіемъ и насиліемъ, а наоборотъ, свободой. И самъ Клечковскій не отрицаетъ этого [3]).

Поэтому, безпечно полагаясь на свободное развитіе добрыхъ качествъ и забывая о дурныхъ (какъ это совѣтуетъ Клечковскій), мы, несомнѣнно, уклоняемся отъ подавленія послѣднихъ, а они съ теченіемъ времени дадутъ о себѣ знать. Но можетъ быть они проявятся,—согласно съ мнѣніемъ Клечковскаго,—лишь въ такую пору, когда опасность будетъ устранена [4])? Почему, однако, дурныя наклонности не проявятся именно въ опасную пору? Отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ у модернистовъ.

Съ другой стороны, если бы дурныя наклонности дѣйствительно имѣли тенденцію развиваться лишь въ критическую пору, то откуда же все-таки онѣ являются у дѣтей? Подъ вліяніемъ воспитателей и среды,—отвѣчаютъ модернисты. Клечковскій старается подробно выяснить, ка́къ нѣкоторыя дурныя качества получаются изъ хорошихъ [5]), но онъ, въ сущности, лишь *констатируетъ переходъ* однихъ въ другія, а *ка́къ и почему́* это происходитъ,—онъ не выясняетъ. Съ другой стороны, и у этого модерниста, и у другихъ есть какое-то предвзятое мнѣніе противъ воспитателей и вообще среды: почему-то и тѣ и другая, по ихъ представленію, могутъ имѣть роковое значеніе для ребенка и при томъ только отрицательное. Несомнѣнно, что нѣкоторыя дурныя наклонности замѣтны въ ребенкѣ въ такомъ воз-

[1]) *Клечковскій*, 49.
[2]) *Клечковскій*, 49.
[3]) Стр. 31.
[4]) Тамъ же.
[5]) Стр. 48.

растѣ и въ такихъ условіяхъ, когда ни о какомъ стороннемъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи; что, съ другой стороны, среда можетъ быть измѣнена по желанію того же воспитателя въ благопріятную для ребенка сторону,—а этого не отрицаютъ и модернисты,—и, значитъ, только отрицательно-роковое ея вліяніе весьма сомнительно. Очевидно, для удовлетворительнаго объясненія появленія дурныхъ наклонностей въ ребенкѣ, крайне недостаточно ссылаться лишь на воспитателя и среду: необходимо указать и какой-нибудь другой факторъ. И болѣе правильно, на нашъ взглядъ, поступаетъ Спенсеръ, который, обвиняя въ дѣтскихъ недостаткахъ въ большинствѣ случаевъ родителей и воспитателей, все же болѣе склоняется къ мысли, что всѣ дѣти рождаются дурными [1]).

Признавая передачу ребенку по наслѣдству и отрицательныхъ качествъ, а равно и возможность ихъ свободнаго развитія на ряду съ положительными, мы тѣмъ самымъ до нѣкоторой степени уже предрѣшаемъ свое отрицательное отношеніе и къ самому принципу свободы воспитанія. Но въ виду кардинальнаго значенія этого вопроса въ общей системѣ воззрѣній модернистовъ, мы разсмотримъ его подробнѣе.

Что такое свобода воспитанія? Со стороны отрицательной — это невмѣшательство взрослыхъ въ развитіе ребенка, когда онъ объ этомъ вмѣшательствѣ не проситъ; со стороны положительной — это предоставленіе ребенку возможности руководствоваться въ своемъ развитіи своими потребностями, своимъ интересомъ.

Отстаивая принципъ невмѣшательства, защитники свободнаго воспитанія нападаютъ на современное воспитаніе. Это послѣднее не только безполезно, такъ какъ не способствуетъ развитію силъ и способностей ребенка, но и вредно, такъ какъ ставитъ препятствія ихъ развитію, подавляетъ ихъ.

Вовсе не желая превозносить современное воспитаніе, которое, по нашему мнѣнію, далеко отъ идеала, мы все же не думаемъ, чтобы оно не стремилось развивать физическихъ, умственныхъ, нравственныхъ и другихъ природныхъ задатковъ. Въ умственномъ отношеніи всякій, даже средній, добросовѣстный педагогъ не только старается сообщить знанія, но и развить интеллектъ въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Но мы полагаемъ, что при этомъ сообщеніи знаній

[1]) „Мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ лорда Пальмерстона, будто «всѣ дѣти рождаются добрыми»; противоположное мнѣніе, при всей его бездоказанности, кажется намъ гораздо болѣе близкимъ къ истинѣ“ (стр. 140).

и развитіи самостоятельной мысли чрезвычайно необходимо во-время вмѣшаться въ работу ребенка, даже и тогда, когда онъ этого не проситъ, и защитники свободнаго воспитанія должны согласиться съ этимъ. Самъ Спенсеръ, который склоненъ ограничить наше вмѣшательство въ работу природныхъ силъ и на котораго ссылаются и модернисты [1]), приходитъ въ одномъ мѣстѣ упомянутаго сочиненія къ такому выводу: „Какъ бы ученикъ ни былъ малоспособенъ, но если ему *правильно объяснятъ предметъ съ самаго начала*, то онъ побѣдитъ всѣ послѣдующія затрудненія *почти* безъ посторонней помощи". А немного далѣе онъ говоритъ: „Если бы эту понятливость (ребенка) *систематически направить* на нужные предметы . . . . . . то онъ скоро достигъ бы ихъ безъ содѣйствія другихъ" [2]). А между тѣмъ, безъ просьбы дитяти, по мысли модернистовъ, нельзя не только „систематически" вторгаться въ работу его мысли, но и давать какое-нибудь единичное разъясненіе. Но если ребенокъ самъ не сможетъ сдѣлать непосильной работы и все-таки не обратится съ просьбой помочь ему? Не заставитъ ли это его совсѣмъ бросить начатую, можетъ быть, и интересную и полезную работу? А опытъ показываетъ, что, дѣйствительно, дѣти не всегда обращаются за разъясненіями интересующихъ ихъ вопросовъ, хотя бы условія для этого были и благопріятны.

Ту же идею невмѣшательства и, пожалуй, съ еще большей щепетильностью, апологеты свободнаго воспитанія думаютъ провести и въ *нравственно-волевой* сферѣ. Существующую систему воспитанія въ этой области Клечковскій характеризуетъ какъ систему „послушанія", которая сопровождается всевозможными правилами, предписаніями и наставленіями и подкрѣпляется приказаніями, запрещеніями, угрозами и наказаніями. Такая система, по его представленію только парализуетъ волю, а не развиваетъ ея, и, вмѣсто нравственности, вноситъ разложеніе [3]).

Модернисты указываютъ на *безцѣльность* вмѣшательства въ жизнь ребенка. „Путь свободнаго развитія, говоритъ Клечковскій, строго согласенъ съ естественнымъ закономъ, т. е. съ закономъ перехода отъ эгоизма къ альтруизму" [4]). Но если этотъ путь тотъ же, что и путь, пройденный человѣчествомъ, то—уже не задаваясь вопросомъ

---

[1]) *Эльсландеръ*, 4.

[2]) Стр. 99.

[3]) *Клечковскій*, 31.

[4]) Стр. 50.

объ осуществимости для дѣтей такого рода работы—можно спросить, не лучше ли ребенку начать съ того, на чемъ остановилось послѣднее, чтобы идти дальше? Не разумнѣе ли, въ видахъ экономіи силъ и ускоренія прогресса, принять это наслѣдіе, какъ основу, какъ исходный пунктъ, отъ которыхъ придется отправляться дальше? Иначе, вѣдь, вся работа человѣчества можетъ походить на ткань Пенелопы или на Сизифову работу, гдѣ, достигнувъ уже извѣстной ступени, извѣстнаго результата, приходится возвращаться къ началу.—Но вмѣшательство въ развитіе ребенка, по мнѣнію модернистовъ, не только безполезно, а и прямо *вредно*. „Внушенія, поученія и закладыванія въ душу дѣтей тѣхъ или другихъ истинъ можетъ подавлять и запугивать въ нихъ духъ творчества“ [1]), тогда какъ безъ этихъ внушеній „ребенку будетъ дана возможность самому открыть новыя религіозныя и нравственныя истины, которыя въ такой же мѣрѣ превзошли бы нынѣ признаваемыя большинствомъ людей, . . въ какой эти истины нѣкогда превосходили все то, что считалось за высшую точку язычниками и дикарями“. Но вѣдь содержаніе нравственныхъ принциповъ всегда является продуктомъ соціальной среды. И если соціальная среда, въ которой дѣти будутъ вырабатывать свои нравственныя цѣнности, по существу ничѣмъ не отличается отъ той, въ которой созданы и нравственныя цѣнности всего человѣчества; если силы и способности людей могутъ отличаться одна отъ другой только степенью, а не качествомъ; если законы развитія ихъ для всѣхъ людей одинаковы,—словомъ, если всѣ факторы для выработки нравственныхъ идей у ребенка существенно тѣ же, что и у всего человѣчества,—то и дитя, при своемъ свободномъ развитіи; можетъ прійти самое большее къ тому же, къ чему пришло и это послѣднее. Чтобы имѣть право думать, будто въ этомъ отношеніи ребенокъ можетъ уйти настолько же дальше отъ современнаго человѣчества, насколько это послѣднее отъ первобытнаго дикаря, надо предварительно доказать, что среда, въ которой „творческому духу ребенка приходится совершать свою работу, должна быть и непремѣнно будетъ настолько же выше современной, насколько нынѣшнія соціальныя условія выше условій дикаря. Но доказать это не удалось, да и едва ли когда удастся. Слѣдовательно, и мысль о возможности для ребенка при помощи лишь собственныхъ силъ перерасти на цѣлую голову все человѣчество приходится отвергнуть, какъ совершенно

---

[1]) *Вентцель*, Этика, стр. 618.

утопичное предположеніе. Къ этому же заключенію насъ должно склонять и то, что силы, которыми Вентцель мечтаетъ надѣлить „творческій духъ“ ребенка, переоцѣниваются имъ до такой степени, что кажется, будто рѣчь идетъ не о среднемъ типѣ дѣтей, а о какихъ-то феноменахъ. Съ такой переоцѣнкой, конечно, невозможно согласиться, не имѣя для нея ровно никакихъ основаній. Слѣдовательно, и надежды модернистовъ на поразительные успѣхи свободнаго творчества ребенка мы должны признать не имѣющими подъ собой твердой почвы.

Но, съ другой стороны, нельзя отрицать положительнаго значенія и даже необходимости сообщенія и внушенія ребенку нравственно-практическихъ и другихъ нормъ. Совершенно вѣрно, что эти нормы суть „готовыя истины“, выработанныя не самимъ ребенкомъ, и что онѣ до извѣстной степени предопредѣляютъ его поведеніе. Но вѣдь эти истины, несмотря на свою относительность (такъ какъ онѣ выработаны въ условіяхъ данной соціальной среды), выражаютъ результаты нашего приспособленія къ средѣ и работы надъ ней. Поэтому онѣ являются жизненными, практическими, и въ этомъ смыслѣ, обладаніе ими прямо необходимо. Однако, мы сами не можемъ иногда не замѣчать, что онѣ перестаютъ отвѣчать вновь назрѣвающимъ задачамъ, которыя человѣчество ставитъ себѣ. Отсюда, у насъ является стремленіе видоизмѣнить или кореннымъ образомъ переработать ранѣе усвоенныя нормы, переоцѣнить прежнія цѣнности, иногда даже совсѣмъ сдать ихъ въ архивъ. И усвоеніе готовыхъ истинъ отнюдь не закрываетъ для насъ дороги къ выработкѣ новыхъ, если только негодность первыхъ и необходимость послѣднихъ становится для насъ очевидной.

Итакъ, на первыхъ порахъ внушеніе ребенку готовыхъ истинъ является необходимымъ въ интересахъ ускоренія дальнѣйшаго прогресса человѣчества. А съ теченіемъ времени, оно не можетъ ставить непреодолимыхъ и даже вообще сколько-нибудь сильныхъ препятствій для проявленія его творческихъ силъ въ дальнѣйшей разработкѣ имъ своего нравственнаго и всякаго другого міровоззрѣнія.

Правда, это внушеніе, повидимому, можетъ предопредѣлять направленіе творческихъ силъ ребенка. Однако, если эти силы ярко выражены, то никакое стороннее вмѣшательство не въ состояніи подавить ихъ или дать несвойственное имъ направленіе, съ чѣмъ соглашаются иногда и сами модернисты [1]. Съ другой стороны, если какое

---

[1]) *Клечковскій*, 51.

либо внушеніе и можетъ положить свою печать на міровоззрѣніе воспитанника, то во всякомъ случаѣ эта печать не является неизгладимой, и, при наступленіи возраста, называемаго критическимъ, всѣ истины, пріобрѣтенныя раньше путемъ внушенія, могутъ снова подвергнуться безпощадной критикѣ, могутъ быть и совершенно отвергнуты, какъ это часто бываетъ съ такъ называемыми предразсудками, суевѣріями и т. п. А принимая во вниманіе, что творческая работа наиболѣе плодотворной является лишь въ зрѣломъ возрастѣ, нужно признать, что опасность отъ „внушенныхъ“ истинъ минуетъ сама собой, когда дѣло дойдетъ до самостоятельной выработки міровоззрѣнія. Если же критической переоцѣнки всего добытаго путемъ внушенія духовнаго багажа у какого-нибудь человѣка не происходитъ, то приходится думать, что самостоятельныя творческія способности у него слишкомъ невысоки, что это пассивный характеръ и что рано или поздно онъ все равно подчинится вліянію окружающихъ и никогда ничего не выработаетъ самостоятельно.

Нельзя обойти молчаніемъ и то, что апологеты свободнаго воспитанія, возставая противъ „тонкаго, невидимаго насилія“, которое обнаруживается во внушеніи, поученіи и т. п., сами прибѣгаютъ, въ сущности, къ нему же, только въ другой формѣ. Они хотятъ поставить ребенка въ благопріятную для него среду людей, которые своими примѣрами будутъ оказывать на него благотворное вліяніе. Но развѣ такимъ путемъ не создаются у ребенка тенденціи *извѣстнаго* рода, столь же, если угодно, односторонія, предвзятыя, заглушающія и подавляющія „живой духъ творчества“, столь же дѣлающія его неспособнымъ къ „выработкѣ новыхъ истинъ“, какъ и истины, закладываемыя въ душу при помощи поученій? Не такъ же ли опасны примѣры другихъ людей,—примѣры, которые, при склонности ребенка къ подражанію, внушаютъ ему *извѣстный* образъ мыслей, какъ и внушенія при помощи словъ? И если „внушенная нравственность“ автоматична и поэтому не имѣетъ цѣны [1]), то столь же малоцѣнна нравственность, возбужденная хорошими примѣрами, тѣмъ болѣе, что подражаніе этимъ примѣрамъ, и по сознанію самихъ модернистовъ, можетъ быть и механическимъ [2]).

Еще яснѣе тонкое насиліе модернистовъ проглядываетъ въ ихъ желаніи сдѣлать ребенка не просто tabula rasa, но и написать на

---

[1]) *Вентцель,* Этика, стр. 569—570.

[2]) *Лакомбъ,* 8.

этой tabula положительныя заповѣди, но только не общепринятыя, а свои собственныя, діаметрально расходящіяся съ послѣдними. Вопросъ не о полезности или правѣ внушенія или вліянія на тотъ или другой образъ мыслей и поведенія, а о томъ, какими мѣрами достигается подобное внушеніе.

Система „послушанія" вообще не можетъ быть квалифицирована какъ положительный или отрицательный типъ воспитанія. Все дѣло въ томъ, понимается ли оно въ смыслѣ разумнаго согласія ребенка съ тѣмъ, что ему внушаютъ", или въ смыслѣ его слѣпого подчиненія. Въ первомъ смыслѣ вопросъ отпадаетъ самъ собою, такъ какъ и г. Клечковскій не полемизируетъ съ нимъ [1]). Но и во второмъ случаѣ нужно принять во вниманіе множество привходящихъ обстоятельствъ, которыя значительно ослабляютъ терминъ „слѣпое подчиненіе", понимаемый въ смыслѣ подавленія воли.

Что такое повиновеніе? Слѣдованіе извѣстному порядку, извѣстнымъ нормамъ, выработаннымъ даннымъ обществомъ въ цѣляхъ лучшаго удовлетворенія всѣми своихъ потребностей. Если такъ, то можно ли побуждать къ осуществленію подобнаго порядка и дѣтей? Клечковскій не допускаетъ и мысли, чтобы ребенокъ „призналъ справедливость какого бы то ни было закона", потому что „всякій законъ посягаетъ на его эгоизмъ, который долженъ представляться ему въ высокой степени справедливымъ". Итакъ, одно изъ низшихъ свойствъ человѣческой природы возводится на степень регулятора нормальной жизни! Но гдѣ же тѣ другія, лучшія, природныя качества ребенка, на наличности которыхъ въ другомъ мѣстѣ настаиваетъ самъ Клечковскій и которыя могли бы хоть немного смягчить силу конфликта эгоизма съ закономъ? О нихъ модернисты почему-то умалчиваютъ. Приходится эгоизмъ признавать чуть не единственнымъ свойствомъ ребенка, съ которымъ, игнорируя всѣ другія, лучшія, и нужно считаться. Но тогда въ какомъ же видѣ представлять его свободную жизнь? Неужели она должна состоять въ свободномъ проявленіи только эгоистическихъ чувствъ? Даже такой рьяный поборникъ дѣтской свободы, какъ Вентцель, и тотъ понимаетъ эту свободу не съ такими крайностями. „Установленіе гармоніи между своею жизнью и жизнью остального человѣчества", вотъ, по словамъ его, „цѣль, составляющая высшую задачу нравственности" [2]). „Ребенокъ дол-

---

[1]) Стр. 29.

[2]) Этика, стр. 396.

женъ помнить, — говоритъ онъ въ другой книгѣ, — что насколько священна его свобода, настолько священна свобода и каждаго другого, настолько же священна и защита каждымъ своей свободы и защита каждымъ свободы всѣхъ другихъ отъ какихъ бы то ни было посягновеній" [1]). И каждая семья, по мнѣнію Вентцеля, должна имѣть свой modus vivendi, которому долженъ подчиняться каждый ея членъ, если онъ желаетъ, чтобы его семья являлась гармоническимъ цѣлымъ и чтобы каждый изъ членовъ семьи пользовался максимумомъ свободы, жизни и счастья [2]). Если такъ, то эгоизмъ ребенка неизбѣжно долженъ потерпѣть извѣстное стѣсненіе при подчиненіи порядку.

Впрочемъ и такое подчиненіе, въ конечномъ счетѣ, направляется опять-таки къ эгоистическимъ цѣлямъ и уже по одному этому должно быть признано имѣющимъ положительное значеніе и даже желательнымъ. Но если всякое стѣсненіе свободы нужно признавать отрицательнымъ, то все же не нужно упускать изъ виду, что противорѣчіе нашему эгоизму не есть еще противорѣчіе и всѣмъ другимъ природнымъ наклонностямъ, а слѣдовательно, и стѣсненіе эгоистическихъ проявленій не есть еще стѣсненіе вообще свободнаго развитія человѣческихъ силъ и способностей. Необходимо упомянуть о наклонностяхъ соціальнаго характера. Вступаетъ ли въ конфликтъ съ ними наше стремленіе подчинить дитя порядку? Извѣстный изслѣдователь психологіи дѣтства Д. Селли признаетъ въ ребенкѣ „врожденную склонность держаться всего обычнаго и установленнаго" [3]), которая переходитъ въ „уваженіе къ приличному и благородному поведенію, къ обычаю и общему правилу" [4]). Такъ какъ эта склонность составляетъ существенный элементъ въ подчиненіи ребенка приказаніямъ родителей, то Селли и совѣтуетъ воспользоваться ею въ воспитаніи. Если же такъ, то всегда ли въ актѣ подчиненія можно видѣть конфликтъ приказанія съ личными склонностями ребенка, съ его „я"? Въ очень многихъ случаяхъ, если противъ исполненія этого приказанія стоятъ чисто эгоистическія чувства, за исполненіе—чувства соціальныя. Тѣ и другія стремятся склонить волю каждыя въ свою сторону, и если она склоняется въ сторону послѣднихъ, то, значитъ, послѣднія побѣждаютъ, хотя бы и съ помощью привходящихъ извнѣ

---

[1]) Новые пути, стр. 92.
[2]) Освобожденіе ребенка, стр. 8—9.
[3]) Очерки психологіи дѣтства, стр. 316.
[4]) Тамъ же, стр. 319.

обстоятельствъ. При частомъ повтореніи такихъ случаевъ происходитъ упражненіе воли въ сторону соціальныхъ мотивовъ. Но такъ какъ воспитатель въ данномъ случаѣ беретъ себѣ въ союзники склонности самого дитяти, то никакого подавленія воли мы здѣсь не видимъ. Еще замѣтнѣе это бываетъ, когда дитя само обнаруживаетъ нерѣшительность, колебаніе воли, когда оно испытываетъ разнородные, часто противоположные, мотивы и не можетъ рѣшить, какому изъ нихъ послѣдовать, такъ какъ не въ состояніи опредѣлить ихъ сравнительной цѣнности. Вмѣшаться въ борьбу этихъ мотивовъ, дать перевѣсъ болѣе цѣнному изъ нихъ, по нашему мнѣнію,—прямой долгъ воспитателя, такъ какъ насиловать волю, ломать ее не приходится, а приходится, наоборотъ, сообщать ей болѣе устойчивый, болѣе рѣшительный характеръ, хотя и въ направленіи опредѣленнаго рода мотивовъ, которые есть въ душѣ ребенка. Наличность этихъ послѣднихъ должна гарантировать ребенку сознаніе своей самостоятельности въ совершенномъ затѣмъ дѣйствіи, а самое разрѣшеніе волевой энергіи въ опредѣленномъ направленіи дастъ ему лишній шансъ и въ слѣдующій разъ, въ аналогичномъ случаѣ, склониться въ ту же сторону, можетъ быть, уже безъ посторонней помощи.

Совсѣмъ при другихъ условіяхъ происходитъ подавленіе воли или ея расшатываніе.

Не принимая во вниманіе крайностей, мы видимъ много случаевъ неповиновенія, въ которыхъ, повидимому, приходится подавлять своеволіе или упрямство дисциплинарными мѣрами. Однако же и здѣсь наклонность къ порядку и хорошему поведенію не всегда совсѣмъ исчезаетъ, иногда вызывая въ ребенкѣ страданія, которыя являются началомъ настоящихъ угрызеній совѣсти [1]). Когда мы имѣемъ въ наличности такой фактъ, то запретъ или приказаніе воспитателя, признанные ребенкомъ сначала несправедливыми, потомъ, при раскаяніи, сознаются имъ какъ вполнѣ соотвѣтствующіе принятымъ нормамъ. Если же мы имѣемъ дѣло съ фактами упорнаго неповиновенія безъ всякаго раскаянія и при томъ съ фактами нарушенія не дисциплины въ собственномъ смыслѣ, какъ внѣшняго только порядка, но и свободы другихъ, то мы, очевидно, должны считаться уже съ испорченной, дурно направленной волей [2]), или съ какими-нибудь природными или пріобрѣтенными физическими болѣзнями. Въ первомъ случаѣ подавленіе

---

[1]) Селли, ц. с., 324.

[2]) И съ этимъ согласны и сами модернисты (*Вентцель*, см. выше, стр. 14—15).

дурной воли является необходимымъ, но не въ смыслѣ подавленія формальной способности приводить свои намѣренія и желанія въ дѣйствіе, а въ смыслѣ устраненія дурныхъ мотивовъ, дѣйствующихъ на волю, и усиленія мотивовъ цѣнныхъ. Самая способность приводить въ дѣйствіе свои намѣренія остается; слѣдовательно, воля не парализуется, а ослабляются только мотивы, въ которыхъ дѣйствуютъ неправильно составленныя представленія, окрашенныя какимъ-нибудь чувствомъ низшаго порядка. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ не подавленіе воли, а ея перевоспитаніе.

Какими же мѣрами можно стремиться къ достиженію этой цѣли? Допустимы ли здѣсь приказанія, запреты, угрозы и, особенно, наказанія? На этотъ вопросъ мы заранѣе можемъ отвѣтить въ принципѣ отрицаніемъ и можемъ оправдывать допущеніе всѣхъ этихъ мѣръ лишь необходимостью.

Посмотримъ, какіе результаты печальная дѣйствительность даетъ въ случаѣ непримѣненія наказаній. Предоставимъ голосъ самимъ защитникамъ свободнаго воспитанія. Г. Шацкій говоритъ о дѣтскомъ клубѣ, устроенномъ обществомъ „Сетлементъ“: „Бывали времена, когда начинался полный разладъ; когда въ дѣтяхъ проявлялись дикіе инстинкты улицы; когда казалось, что наша напряженная упорная работа остается безплодной, и наши отношенія къ дѣтямъ только развиваютъ въ нихъ сознаніе безнаказанности и возможности дѣлать что угодно, не считаясь ни съ чѣмъ; въ такія минуты съ ихъ стороны выказывались удивительная требовательность и насмѣшливое отношеніе къ „слабой волѣ“ сотрудниковъ. Особенно плохой примѣръ другимъ подавала старшая группа мальчиковъ-учениковъ машиностроительнаго завода. Они являлись на всѣ вечеринки, требовали, чтобы ихъ впускали, грозили выбить стекла, устраивали „баррикады“, т. е. заваливали двери досками, бочками и полѣньями, которыя валялись на дворѣ, и наводили паническій страхъ на маленькихъ своихъ товарищей, а потомъ объясняли все „простой шуткой“ и обидой на своихъ же товарищей. Между тѣмъ напуганныя такими „шутками“ дѣти скорѣе соглашались отказаться отъ вечеринки, чѣмъ видѣть у себя такихъ „гостей“ [1]). Много подобнаго рода дефектовъ было и въ лѣтней колоніи, устроенной тѣмъ же обществомъ [2]). Немногимъ лучше мы видимъ и въ одной школѣ свободнаго типа. Въ

---

[1]) „Дѣти-работники“ и пр., стр. 62—63.
[2]) Стр. 28—29 и др.

отчетѣ о ней говорится: „Дѣвочкамъ можно поручить дѣло и оставить однѣхъ, мальчиковъ же однихъ оставить было невозможно: они бы разлили воду, стали бы драться, перебили бы посуду или уставили бы ее немытую въ шкапъ, что они нѣсколько разъ покушались дѣлать“ [1]).

Правда, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ приходилось имѣть дѣло съ дѣтьми, уже получившими дурное воспитаніе, которое должно было сказаться на нихъ и по переходѣ ихъ въ другія условія. Но, вѣдь, и современнымъ воспитателямъ приходится воспитывать дѣтей съ извѣстными нежелательными навыками. Если бы воспитаніе въ современной жизни можно было начинать съ самаго момента рожденія или по меньшей мѣрѣ съ первыхъ проблесковъ сознанія, какъ это совѣтуютъ модернисты [2]), то и тогда, если воспитательное учрежденіе не будетъ закрытымъ, уберечь дитя отъ общенія „съ дурной средой“ почти не представляется никакой возможности. Когда же этихъ условій нѣтъ, справиться съ пріобрѣтенными или унаслѣдованными дурными наклонностями еще труднѣе.

Конечно, дисциплинарныя мѣры, начиная съ самыхъ мягкихъ, какъ правила, наставленія, и кончая строгими, въ родѣ наказаній, имѣютъ и другую сторону, отрицательную. Онѣ возбуждаютъ чувство страха и связанное съ нимъ чувство стыда; и то и другое причиняетъ страданіе, а эти страданія могутъ повести и къ нежелательнымъ результатамъ, посѣять враждебныя чувства къ воспитателю, содѣйствовать къ проявленію обмана, лицемѣрія; а при частомъ повтореніи возникаетъ привычка къ примѣняемымъ мѣрамъ и даже безшабашность, своеобразное удальство въ смыслѣ полнаго презрѣнія ко всякаго рода дисциплинарнымъ мѣрамъ, которое среди товарищей-дѣтей иногда окружается даже ореоломъ героизма. Однако, все это происходитъ отъ неумѣлаго пользованія подобнаго рода мѣрами или отъ злоупотребленія ими, чего рекомендовать мы не собираемся. Мы можемъ говорить о необходимости лишь такого пользованія дисциплинарными средствами, которое, въ конечномъ счетѣ, давало бы положительные результаты.

И сами защитники свободнаго воспитанія, во избѣжаніе, очевидно, эксцессовъ, подобныхъ указаннымъ выше, допускаютъ необходимость правилъ, которымъ должны подчиняться дѣти, и даже на-

[1]) *Кайданова*, Изъ исторіи одной школы (Своб. Восп., 11—12 г. 1 стр.).

[2]) *Вентцель*, Этика, стр. 604; *Чеховъ*, 34. Клечковскій думаетъ, что воспитаніе должно восходить къ жизни ребенка въ утробѣ матери (стр. 6).

казаній. Самъ Вентцель считаетъ необходимымъ требованіе соблюдать извѣстныя правила для правильнаго функціонированія „Дома свободнаго ребенка". Правда, эти правила „естественны" и направлены къ достиженію „высокой" цѣли, но все это не измѣняетъ положенія дѣла: и современные воспитатели руководятся правилами не для низкихъ цѣлей.

Рекомендуя избѣгать наказаній, защитники свободнаго воспитанія, съ своей стороны, однако, указываютъ мѣры, которыя, по какому-то недоразумѣнію, они не считаютъ наказаніями. Лакомбъ, въ доказательство возможности осуществить свободное воспитаніе, ссылается на техническое училище Брадфорда, въ которомъ дѣтямъ, ведущимъ себя плохо, не работающимъ и мѣшающимъ другимъ, „*угрожаетъ просьба* остаться дома". И почему-то Лакомбъ вѣритъ, что тамъ не было наказаній [1])! Изъ школы М. Монтессори (въ Италіи) увольняются дѣти, которыя 1) оказываются неопрятными, 2) не въ состояніи подчиняться дисциплинѣ и 3) родители которыхъ недостаточно почтительно относятся къ должностнымъ лицамъ школы. И авторъ статьи объ этой школѣ увѣряетъ, что въ ней нѣтъ наказаній [2]).

И разсуждая теоретически, модернисты допускаютъ насиліе, хотя бы только въ „исключительныхъ случаяхъ" [3]). Нечего уже говорить о г-жѣ Кей, которая, стоя на точкѣ зрѣнія Спенсеровской дисциплины естественныхъ послѣдствій, къ дѣтямъ до трехъ лѣтъ считаетъ возможнымъ примѣнять „легкую физическую боль" (т. е. тѣлесное наказаніе), которую признаетъ „необходимымъ педагогическимъ средствомъ" [4]). Дальше этого уже некуда идти!

Мы не коснулись еще одного соображенія модернистовъ,—будто бы дисциплина подавляетъ индивидуальность, на которую они возлагаютъ большія надежды; наоборотъ, свобода будто бы содѣйствуетъ наивозможно большему развитію ея. Такъ какъ это соображеніе касается, главнымъ образомъ, систематическаго школьнаго обученія, то мы и перейдемъ къ разбору взглядовъ модернистовъ на этотъ вопросъ.

Прежде всего, необходимо имѣть въ виду, что въ индивидуальности каждаго ребенка, какъ и каждаго человѣка вообще, мыслятся

---

1) Стр. 45.

2) Свобод. Воспит. 11—12 г., I, стр. 57.

3) См. выше, стр. 53, прим. 1 и 2.

4) Вѣкъ ребенка, С.-Пб. 05, стр. 88.

и отрицательныя стороны психики, которыя при свободномъ воспитаніи тоже могутъ развиваться. А это едва ли можетъ быть признано желательнымъ, и въ такомъ случаѣ подавленіе ихъ (если оно только удается и не сопровождается болѣе печальными послѣдствіями) можно только привѣтствовать.

Но и принимая во вниманіе лишь положительныя качества ребенка, посмотримъ, такъ ли ужъ правы модернисты, нападая на современную школу, а затѣмъ, насколько дѣйствительны тѣ внутренніе мотивы, на почвѣ которыхъ они предлагаютъ развивать индивидуальность, и насколько благопріятны для этого развитія тѣ внѣшнія условія, въ которыя они желали бы поставить ребенка.

Правда, мы не должны закрывать глаза на то, что дисциплина до нѣкоторой степени дѣйствительно стираетъ индивидуальныя отличія, иногда очень желательныя, и объ этомъ, конечно, приходится жалѣть. Но нельзя сказать, чтобы современная педагогическая мысль и даже практика, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, совершенно игнорировала вопросы индивидуальности. „Извѣстная степень индивидуализаціи является здравымъ требованіемъ современной педагогики",—говоритъ Мюнстербергъ—и если учитель игнорируетъ многообразіе предрасположеній и оперируетъ отвлеченной схемой человѣческой природы, его лучшія усилія должны оставаться безплодными" [1]. И подъ этими словами не можетъ не подписаться всякій добросовѣстный учитель, который, по силѣ возможности, и старается согласовать свои мѣры воздѣйствія на учениковъ въ воспитаніи и обученіи съ ихъ индивидуальными силами и способностями.

Нельзя не упомянуть и о томъ, что модернисты и сами ослабляютъ силу своихъ нападокъ на отрицательныя стороны дисциплины въ смыслѣ нивеллировки учащихся. „Рано или поздно,—увѣряетъ Клечковскій,—природа вступитъ въ свои права и будетъ продолжать во что бы то ни стало свой прерванный медленный путь" [2]. А если такъ, то о какомъ же подавленіи индивидуальности можетъ быть рѣчь? Если оно и имѣетъ мѣсто, то во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть рокового значенія для дѣтей, такъ какъ ему противостоитъ сама дѣтская природа, уступающая ему свои права, самое большее, лишь на время. Слѣдовательно, и бояться роковыхъ послѣдствій отъ примѣненія дисциплинарныхъ мѣръ не приходится даже и въ томъ

---

[1]) Психологія какъ учитель, стр. 163.

[2]) Стр. 51.

случаѣ, если строго придерживаться принциповъ свободнаго воспитанія.

Что хотятъ признать руководителемъ въ опредѣленіи и развитіи индивидуальности ребенка сами защитники свободнаго воспитанія? Личныя потребности, личный интересъ его. Во имя этого интереса они и возстаютъ противъ учебныхъ программъ, противъ расписанія уроковъ, противъ обязательнаго ихъ посѣщенія.

Конечно, интересъ ученика къ какому-нибудь предмету важенъ для учителя, который и долженъ пользоваться имъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Но принципъ интереса не всегда можетъ служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія, а слѣдовательно, и основой развитія индивидуальныхъ силъ и способностей. Если бы интересъ ребенка представлялъ нѣчто постоянное, то онъ могъ бы быть еще показателемъ индивидуальныхъ склонностей и руководителемъ при выборѣ предметовъ преподаванія. Но самимъ защитникамъ свободной школы не чужда мысль, что „ребенокъ—существо слабое и неустойчивое“ [1]). А какъ же такія неустойчивыя, можетъ быть мимолетныя, желанія, проявляющіяся часто подъ вліяніемъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, можно принять въ качествѣ критерія для опредѣленія того, чѣмъ дѣйствительно интересуется ребенокъ? Но если мы выберемъ даже наиболѣе устойчивые интересы, то все же нельзя думать, будто только въ направленіи этихъ интересовъ и нужно развивать дитя. Дѣло въ томъ, что если въ однихъ случаяхъ интересы ребенка оказываются слишкомъ неустойчивыми, то въ другихъ случаяхъ одинъ какой-нибудь изъ нихъ пріобрѣтаетъ устойчивость въ ущербъ другимъ, такъ что, при свободномъ развитіи, нарушается равновѣсіе между ними. Поэтому, въ видахъ правильнаго, гармоническаго развитія личности, необходимо регулировать проявленіе интересовъ и не давать одному перевѣса надъ всѣми другими. Затѣмъ, жизнь ребенка не можетъ исчерпываться только этими „естественными“ интересами. Можно и возбуждать новые интересы, которые будутъ уже „пріобрѣтенными“, и въ этомъ смыслѣ искусственными. Такое возбужденіе новыхъ интересовъ весьма важно въ цѣляхъ всесторонняго, болѣе полнаго развитія личности ребенка. И оно можетъ происходить не путемъ подавленія индивидуальныхъ склонностей, но въ тѣсной связи съ ними.

Помимо этого, и самое удовлетвореніе „естественнаго“ интереса,

---

[1]) *Клечковскій*, 50.

хотя бы очень сильнаго, еще не обусловлено только наличностью его. Дѣтскій интересъ любознательности предполагаетъ непосредственное удовлетвореніе и удовольствіе. Между тѣмъ, въ жизни для удовлетворенія извѣстнаго интереса требуется иногда продѣлать такую работу, которая сейчасъ не доставляетъ удовлетворенія и на неокрѣпшей натурѣ ребенка можетъ сказаться ослабленіемъ самого интереса.

Теоретически признавая эти интересы слабыми и неустойчивыми, модернисты, сами того не подозрѣвая, и практически доказываютъ мысль о невозможности на основѣ ихъ построить какую-нибудь программу обученія. Мы уже видѣли, какъ они противорѣчатъ другъ другу, стараясь отыскать предметы, наиболѣе отвѣчающіе интересамъ дѣтей. Если же то, что одному представляется интереснымъ для ребенка, другому, наоборотъ, кажется скучнымъ, мертвящимъ,—то не значитъ ли это, что самое понятіе интереснаго и неинтереснаго не такъ-то ужъ легко опредѣлить и что оно въ значительной степени носитъ на себѣ печать субъективизма? А при такомъ субъективномъ пониманіи самого интереса, строить индивидуальное воспитаніе по меньшей мѣрѣ рискованно.

Наконецъ, и условія, которыхъ модернисты желаютъ для индивидуальнаго развитія ребенка, уже не такъ благопріятны для достиженія этой цѣли, какъ это имъ кажется. Разъ они не сторонники изолированнаго, одиночнаго воспитанія въ духѣ Руссо, а наоборотъ, проектируютъ, для воспитанія соціальныхъ чувствъ, учрежденія, въ которыхъ дѣти могли бы сталкиваться, имѣть общеніе другъ съ другомъ, то они должны поневолѣ умѣрить и свои вожделѣнія относительно результатовъ въ смыслѣ развитія индивидуальностей. Вѣдь новыя школы будутъ, несмотря ни на какую свободу, заключать много нивеллирующихъ тенденцій. Не надо забывать,—скажемъ мы словами одного изъ горячихъ апологетовъ свободнаго воспитанія Лакомба,—о свойственной дѣтямъ потребности не отставать отъ другихъ, о той стадности, которая слишкомъ еще присуща и взрослымъ людямъ [1]). А если помнить объ этой стадной подражательности, которая иногда дѣйствуетъ механически, подобно какой-нибудь заразѣ [2]), то о пробужденіи и развитіи индивидуальности въ условіяхъ модернистскаго общежитія можно говорить лишь съ большими оговорками.

[1]) Стр. 45.

[2]) Тамъ же, стр. 8—9.

Въ одномъ только не расходятся всѣ модернисты—въ вопросѣ о введеніи въ систему школьнаго воспитанія и обученія ручного труда. Едва ли можно въ принципѣ отрицать необходимость для дѣтей этой отрасли занятій, всестороннее воспитательное и образовательное значеніе которой никѣмъ не подвергается сомнѣнію. И въ практикѣ школьной,—впрочемъ, больше заграничной—она начинаетъ уже завоевывать себѣ почетное мѣсто. Поэтому и единодушіе модернистовъ въ отношеніи ручного труда можно только привѣтствовать. Можно ли, однако, отводить ему такую громадную роль, какой желаютъ ему защитники свободной школы? Конечно, онъ можетъ содѣйствовать проявленію и упражненію индивидуальныхъ силъ и способностей. Но для всѣхъ ли онъ самъ по себѣ можетъ представляться интереснымъ? Неужели такъ-таки и нельзя найти дѣтей, которыя не чувствовали бы къ нему ни малѣйшей склонности? Это съ одной стороны. А съ другой, можно ли, при обученіи ручному труду, дѣйствительно сообщать, попутно, свѣдѣнія изъ разнообразныхъ областей знанія, какъ предполагаетъ дѣлать Дьюи, и какіе результаты, въ смыслѣ систематичности, а слѣдовательно и полезности знаній, могутъ получиться при такомъ способѣ обученія? Можно ли, принимая во вниманіе лишь принципіально-педагогическую сторону, превратить школу въ промышленный и земледѣльческій городокъ, какъ предлагаетъ Вентцель? Мысль о такомъ радикальномъ преобразованіи школы настолько нова, что категорическій отвѣтъ на эти вопросы можно дать лишь на основаніи практическаго осуществленія этихъ идей, хотя бы въ формѣ частичнаго эксперимента. Что же касается возможности проведенія этихъ идей въ современной жизни вообще, то и самъ Вентцель смотритъ на это отрицательно, сознаваясь, что его проектъ лишь „мечта отдаленнаго будущаго", что реализація его возможна лишь тогда, „когда люди проникнутся сознаніемъ великаго значенія педагогическихъ задачъ и когда для лучшаго ихъ осуществленія они не будутъ жалѣть ни своихъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ [1]).

Въ связи съ вопросомъ объ интересѣ учащихся, приходится рѣшать и вопросъ, осуществима ли школа безъ расписаній, безъ опредѣленныхъ часовъ, отводимыхъ на извѣстныя занятія, безъ программы. Этотъ вопросъ можно разсматривать, конечно, прежде всего съ педагогической стороны. Допустимо ли, съ этой именно точки зрѣнія, принудительное посѣщеніе учебныхъ занятій, или можно имъ

[1]) Новые пути, стр. 63.

предоставить бывать на урокахъ лишь по желанію? Конечно, при полномъ отсутствіи интереса, едва ли можно добиться какихъ либо результатовъ. Можно бы устроить въ школѣ нѣчто въ родѣ факультативнаго преподаванія, гдѣ ученики занимались бы лишь тѣми предметами, которыми они интересуются, какъ это устроено въ нѣкоторыхъ американскихъ школахъ [1]). Но, съ одной стороны, можно опасаться въ этомъ случаѣ односторонности развитія вслѣдствіе слишкомъ ранней специализаціи. Съ другой стороны, въ практическомъ отношеніи, препятствія могутъ встрѣчаться въ матеріальныхъ затратахъ: если предоставлять каждому ребенку дѣлать то, что ему интересно въ данный моментъ, то нужно имѣть столько же комнатъ, сколько можетъ быть разнообразныхъ желаній для того, чтобы исполненіе одного желанія (напр., пѣніе, музыка, игра) не мѣшало исполненію другого, и столько же руководителей, которые всегда должны быть въ школѣ, чтобы въ каждый данный моментъ быть готовыми, если потребуются ихъ спеціальныя знанія, удовлетворить то или другое желаніе дѣтей. Такъ, съ практической точки зрѣнія, вопросъ о распредѣленіи занятій по часамъ рѣшается совсѣмъ иначе, чѣмъ съ чисто педагогической. А такъ какъ школа учрежденіе не чисто педагогическое, а представляющее компромиссъ между идеей и жизнью, то намъ и приходится поневолѣ становиться на точку зрѣнія практическую. Эти же соображенія заставили и нѣкоторыхъ изъ модернистовъ отказаться отъ мысли устроить школу безъ опредѣленнаго расписанія занятій. Даже такой ревностный защитникъ свободы воспитанія, какъ Вентцель, и тотъ допускаетъ возможность назначенія опредѣленнаго времени для учебныхъ занятій въ Домѣ свободнаго ребенка [2]).

Кромѣ того необходимо обратить вниманіе и на *систематичность образованія*, получаемаго при правильномъ распредѣленіи занятій. Каждая наука здѣсь должна представляться ученику въ болѣе или менѣе связномъ видѣ, а не представлять цѣпи отрывковъ, не имѣющихъ между собою никакой связи.

Возможна ли организація школы самими дѣтьми [3]), въ смыслѣ составленія проспектовъ преподаванія, распредѣленія занятій, приглашенія преподавателей и т. п.? Въ связи уже съ представленіемъ о дѣтской натурѣ, какъ неустойчивой, на этотъ вопросъ приходится

[1]) Педагог. Сбор., 908, стр. 385—386.
[2]) Новые пути, 71.
[3]) Какъ этого желаетъ Вентцель (Новые пути, стр. 8).

отвѣчать отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣти непостоянны въ своихъ желаніяхъ, то какъ же имъ предоставлять рѣшеніе вопросовъ: какіе предметы слѣдуетъ преподавать въ школѣ, сколько часовъ требуется для извѣстнаго предмета и т. п. Еще болѣе дѣло осложняется тѣмъ, что дѣти совершенно еще не имѣютъ понятія о наукахъ, не знаютъ и не могутъ оцѣнить лицъ, которыя могли бы преподавать эти науки, не знаютъ и жизни вообще, въ условіяхъ которой имъ приходится получать образованіе. Также и участіе дѣтей въ обсужденіи вопросовъ, касающихся школы [1]), едва ли можетъ привести къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, такъ какъ и для этого требуется очень ясное представленіе о тѣхъ предметахъ, которые будутъ обсуждаться, и способность разобраться въ сложныхъ, часто запутанныхъ, вопросахъ жизни, школы и т. д.

Что касается совѣта создавать въ школѣ разнообразныя такъ называемыя „общественныя должности", въ родѣ дежурныхъ, старостъ, уполномоченныхъ и т. п., то эти должности частью практикуются и въ современной школѣ. Думается, что нѣтъ никакихъ препятствій и къ тому, чтобы эти „должностныя лица" не назначались начальствомъ, а выбирались товарищами. Можно ли отдать всецѣло въ руки учениковъ наблюденіе за дисциплиной въ школѣ? При положительномъ рѣшеніи этого вопроса, съ плечъ педагоговъ была бы снята значительная доля прямо неблагодарнаго труда. И кажется, что въ принципѣ противъ такого рѣшенія едва ли что можно имѣть. Въ этомъ еще болѣе должны убѣдить и опыты совершенно безпристрастныхъ педагоговъ. Эксперименты въ этомъ отношеніи, произведенные американцами [2]) и имѣвшіе большой успѣхъ, послужили толчкомъ и примѣромъ и для европейскихъ школъ, въ которыхъ также стали вводить новые порядки, извѣстные подъ громкимъ именемъ „школьнаго самоуправленія" [3]). Результаты, въ смыслѣ улучшенія дисциплины,

[1]) Какъ этого желаетъ Чеховъ (стр. 13).

[2]) Своб. Восп. 1911—12 г., № 2, стр. 51. Въ 1897 г. довольно удачные опыты произвелъ В. Джиль, которому было потомъ поручено устроить школьное самоуправленіе и въ рядѣ другихъ школъ.

[3]) Сущность этого самоуправленія состоитъ въ копированіи съ внѣшней стороны порядковъ городского самоуправленія: избираются мэръ, члены управы, письмоводитель, полиціймейстеръ, полицейскіе, которые всѣ должны произносить обѣтъ, что будутъ дѣйствовать сообразно основнымъ законамъ школы. Въ каждомъ классѣ, соотвѣтствующемъ городскому избирательному округу, совѣтчикомъ должностныхъ лицъ является учитель класса. Въ затруднительныхъ случаяхъ, особенно въ судебныхъ дѣлахъ, рѣшающій голосъ принадлежитъ завѣдующему школой (С. В., тамъ же).

превзошли всякія ожиданія. Замѣчательно, что идея этого самоуправленія съ большимъ успѣхомъ проведена Фр. Фёрстеромъ, прямымъ врагомъ идей свободнаго воспитанія, защитникомъ безпрекословнаго подчиненія авторитету, стоящимъ за строгое наказаніе малолѣтнихъ дѣтей-преступниковъ, за строгую мелочную дисциплину, котораго, поэтому, нельзя упрекать въ какомъ либо пристрастномъ отношеніи къ данному вопросу. Однако въ Германіи и вообще въ Европѣ „самоуправленіе“ практикуется съ значительно суженной компетенціей, касающейся лишь дисциплинарныхъ вопросовъ. Въ болѣе свободныхъ школахъ новые порядки служатъ и цѣлямъ планомѣрной совмѣстной работы учениковъ и взаимопомощи въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній. За цѣли второго рода и стоятъ особенно защитники свободнаго воспитанія. По мнѣнію одного изъ нихъ, „въ практику школьной жизни должны войти постоянныя конференціи школьниковъ, на которыхъ они обсуждали бы всѣ школьныя дѣла и нужды“, „дѣти должны обсуждать не какъ вести себя на улицѣ“, „на прогулкѣ“, а то, „какъ помочь товарищу догнать другихъ, какъ издавать школьный журналъ, какъ лучше распредѣлить между собой ту или иную школьную работу“ [1]). Если исключить вопросъ о журналѣ, всѣ подобныя идеи въ томъ или другомъ видѣ проводятся и въ современной, даже казенной, школѣ. Въ нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ преподавателями устраиваются такія „конференціи“ (во внѣклассное время) для разработки вопросовъ, касающихся преподаваемыхъ имъ предметовъ, устраиваемыхъ самими учениками выставокъ и т. п. На этихъ собраніяхъ выступаютъ и „должностныя лица“ и въ обычное учебное время, какъ напр. завѣдующіе волшебнымъ фонаремъ, завѣдующіе собираемыми учениками картинами, относящимися къ извѣстной области знанія, такъ же какъ въ заграничныхъ школахъ наблюдающіе за гербаріемъ, за игрой, за чистотой и т. п. [2]). Правда, собранія учениковъ происходятъ подъ руководствомъ учителя, а не выбраннаго предсѣдателя, но все же ученикамъ предоставляется каждому право высказывать свое мнѣніе.

Въ заключеніе мы не можемъ не сказать о полной оторванности отъ жизни и полной неосуществимости воспитательныхъ проектовъ модернистовъ ни въ настоящее время, ни даже въ отдаленномъ будущемъ, если условія для реализаціи этихъ проектовъ дѣйствительно

---

[1]) Тамъ же, стр. 59.

[2]) С. В., стр. 60 (11—12, № 2).

должны быть такими, какими ихъ представляютъ защитники новой школы. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій является духовная среда, которая должна окружать свободнаго ребенка. Послѣдній не долженъ видѣть дурныхъ примѣровъ, и, чтобы ему всецѣло проникнуться идеями свободной школы, всѣ окружающіе его должны быть проникнуты тѣмъ же. Но какъ это устроить? Если создать домъ свободнаго ребенка, по рецепту Вентцеля, то этимъ еще не рѣшенъ вопросъ: долженъ ли этотъ домъ представляться, во избѣжаніе духовной заразы, чѣмъ-нибудь въ родѣ оазиса или необитаемаго острова, изолированнымъ отъ остального общества? Если да, то какую цѣнность будетъ представлять человѣкъ, воспитанный въ идеальной средѣ и очутившійся въ реальной дѣйствительности, къ которой онъ вовсе не подготовленъ? Чтобы приспособиться къ этой новой средѣ, онъ долженъ почти на каждомъ шагу идти на компромиссы, иначе онъ будетъ напоминать тепличное растеніе, которое не можетъ жить во внѣоранжерейныхъ условіяхъ и скоро захирѣетъ въ нихъ. Если же домъ свободнаго ребенка будетъ въ близкомъ соприкосновеніи съ жизнью общества, то какъ уберечь ребенка отъ вреднаго вліянія послѣдняго? Вентцель предлагаетъ для этого реформировать окружающую его духовную среду. „Воспитатель,—говоритъ онъ,—долженъ прилагать всѣ свои усилія къ тому, чтобы его идеалъ получилъ возможно болѣе широкое признаніе въ самой этой средѣ... и практическое осуществленіе и чтобы у идей противоположнаго рода была отнята всякая точка опоры въ сознаніи личностей, составляющихъ данную соціальную среду", — словомъ воспитатель долженъ стать „общественнымъ реформаторомъ" [1]). Но общество не отличается легкою возбудимостью, и замѣтныхъ успѣховъ вліянія воспитателя (въ количественномъ смыслѣ) придется ожидать лишь въ чрезвычайно отдаленномъ будущемъ. А вмѣстѣ съ этимъ и осуществленіе свободнаго воспитанія необходимо отодвинуть въ безпредѣльную даль вѣковъ. Но этого мало. Свободное воспитаніе возможно осуществить *лишь* въ обществѣ свободныхъ людей, а эти люди, въ свою очередь, создаются *только* при условіяхъ свободнаго воспитанія [2]). Получается безысходный логическій кругъ. Но идеальныхъ людей нѣтъ, и существующая среда, по мнѣнію Вентцеля, оказываетъ лишь развращающее вліяніе на дѣтей [3]). Значитъ, свободное воспитаніе не можетъ

---

[1]) Этика, стр. 527, 535.

[2]) Освобожд. ребенка, стр. 15.

[3]) Этика, стр. 520, 524—525.

быть осуществлено и въ отдаленномъ будущемъ. Оно есть утопія. Утопичность его для насъ станетъ еще яснѣе, если принять во вниманіе, что одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ воспитанія—самъ воспитатель, — по воззрѣнію модернистовъ, есть лишь „представитель" роковой среды, „ея часть" [1]), между тѣмъ требованія, предъявляемыя къ нему свободнымъ воспитаніемъ, чудовищно высоки: наряду съ реформаторскою дѣятельностью, онъ долженъ „отдавать всю свою личность ученикамъ" [2]), долженъ съ умственной стороны быть энциклопедистомъ [3]), а съ моральной—являть дѣтямъ примѣръ постояннаго и неутомимаго нравственнаго совершенствованія. [4]) Все это—такія условія, которыхъ, можно быть увѣреннымъ, мы никогда и нигдѣ не найдемъ. Такъ, г. Вентцель и другіе модернисты сами подписываютъ смертный приговоръ своимъ проектамъ. Если же всѣ ихъ крайнія сужденія, на которыя мы опираемся въ своей критикѣ, не слѣдуетъ принимать за чистую монету, а лишь за красивыя фразы, то очень трудно узнать, гдѣ же у модернистовъ истинное убѣжденіе и гдѣ фраза.

Но если проекты модернистовъ въ общемъ представляютъ собой утопію, то нельзя сказать, будто проповѣдь идей свободнаго воспитанія въ отдѣльности не можетъ имѣть никакого *положительнаго значенія* для нашей педагогической мысли и жизни.

Конечно, едва ли можно утверждать, что модернизмъ займетъ какое-нибудь болѣе или менѣе самостоятельное мѣсто въ исторіи педагогическихъ идей. Его идеи не могутъ быть признаны оригинальными. Въ большинствѣ случаевъ, особенно въ наиболѣе центральныхъ пунктахъ, онѣ являются воспроизведеніемъ того, что было высказано много раньше прежними идеологами свободнаго воспитанія, особенно Руссо и Спенсеромъ. Свобода, какъ существенное условіе нормальнаго воспитанія; интересъ, какъ регуляторъ естественныхъ силъ и способностей; устраненіе принужденія въ разнообразныхъ формахъ—все это уже не ново. Новымъ здѣсь можно назвать лишь стремленіе до нѣкоторой степени пересмотрѣть эти вопросы и внести нѣкоторыя измѣненія въ деталяхъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго ихъ развитія (напр., въ идеѣ полнаго „невмѣшательства" въ развитіе ребенка) или дополненія (напр., идея ручного труда—хотя сама эта

[1]) Этика, стр. 535.
[2]) Новые пути, стр. 88.
[3]) Ib., стр. 25.
[4]) Ib., стр. 75; *Толстой*, Педаг. соч., стр. 348, 350 и др.; *Кей*, стр. 80.

идея у модернистовъ тоже не оригинальная). Новыми же можно признать и самые проекты (хотя и общіе) и планы воспитательно-образовательныхъ учрежденій и попытки примѣнить свои идеи на практикѣ.

Но если въ исторіи педагогическихъ идей модернизмъ не займетъ виднаго положенія, то въ педагогической жизни онъ можетъ имѣть большое положительное значеніе. Едва ли можно согласиться, будто своимъ утопизмомъ онъ способенъ въ однихъ возбуждать лишь смѣхъ; другихъ испугать недоступностью задачи и заранѣе сложить оружіе; третьихъ, сдѣлавшихъ попытки,—повергнуть въ разочарованіе; четвертыхъ—побудить отвергнуть и самый идеалъ и возможность приближенія къ нему [1]).

Думается, что разсудительный педагогъ отнесется къ идеямъ защитниковъ свободной школы гораздо серьезнѣе, но и осторожнѣе. При общемъ недовольствѣ современной школой, при общемъ желаніи реформировать ее, появленіе этихъ идей весьма своевременно. Идеалъ, написанный на знамени модернистовъ, при всемъ его утопизмѣ, все же заслуживаетъ большого вниманія и можетъ указывать общее направленіе, въ которомъ педагогу слѣдовало бы идти для достиженія большихъ результатовъ. Правда, у добросовѣстнаго педагога всегда предполагается извѣстный идеалъ, реализація котораго возможна въ отдаленномъ будущемъ, но этотъ идеалъ часто заслоняется массой мелочей практической жизни, и на этой почвѣ возможны часто незамѣтныя, безсознательныя отклоненія отъ него. А потому уже одно освѣженіе его въ памяти является крайне необходимымъ. „Какъ путникъ въ лѣсу, чтобы не сбиться съ дороги,—говоритъ одинъ изъ критиковъ модернизма,—долженъ почаще влѣзать на высокое дерево или на гору; какъ капитанъ въ безбрежномъ океанѣ долженъ почаще смотрѣть на компасъ,—такъ и воспитатель среди всѣхъ трудностей и препятствій долженъ почаще провѣрять свою работу съ болѣе высокой точки зрѣнія“ [2]). Но этотъ идеалъ не только можетъ прояснять направленіе, по которому педагогъ долженъ неуклонно идти, но онъ можетъ имѣть для послѣдняго и моральное, ободряющее значеніе. Наступаютъ иногда трудные моменты въ дѣятельности педагога, когда онъ, при видимой безуспѣшности своихъ стремленій, начинаетъ отчаиваться въ возможности своими силами достигнуть

---

[1]) *Обуховъ*, Свободное воспитаніе и дисциплина (Вѣст. Восп. 1909 г., № 7, стр. 81).

[2]) Тамъ же, стр. 80.

поставленной цѣли, но—подобно тому, какъ путнику, въ ночной тьмѣ выбивающемуся изъ силъ, начинаетъ казаться, что онъ не дойдетъ до конца своего пути, но вдругъ блеснувшій передъ нимъ огонекъ вновь вызываетъ въ немъ подъемъ энергіи и рѣшимость далѣе продолжать свой путь,—подобно этому и идеалъ, такъ ярко и выпукло нарисованный передъ глазами отчаявшагося было педагога, можетъ вдохнуть въ него свѣжія силы, можетъ пробудить въ немъ сильную готовность вновь слѣдовать по намѣченному пути, вновь приняться работать, не покладая рукъ и стыдясь проявленнаго имъ малодушія. Въ этомъ отношеніи и самая страстность проповѣди модернистовъ, которою въ значительной степени объясняются крайности ихъ выводовъ, ихъ, мы бы сказали, парадоксы могутъ возбуждающимъ образомъ дѣйствовать на педагога. „Нельзя—говоритъ Спенсеръ—не сочувствовать людямъ, питающимъ себя такими черезчуръ смѣлыми надеждами. Энтузіазмъ, который доходитъ до фанатизма, является полезнымъ и, быть можетъ, даже необходимымъ двигателемъ. Очевидно, что самый пламенный политикъ никогда не принялъ бы на себя гигантскихъ трудовъ и не сталъ бы приносить тѣхъ жертвъ, которыя онъ приноситъ, если бы не вѣрилъ, что реформа, за которую онъ берется, необходима... Оттого мы смѣло можемъ сказать, что чрезмѣрныя надежды тѣхъ людей, которые считаютъ умственное и нравственное воспитаніе всеисцѣляющимъ средствомъ,—небезполезны; очень можетъ быть, что ихъ непоколебимая вѣра въ успѣхъ имѣетъ большое вліяніе на благодѣтельный ходъ вещей“ [1]).

Но модернисты не ограничиваются лишь соображеніями объ идеалѣ истиннаго воспитанія и образованія, не рисуютъ только проектовъ воспитательно-образовательныхъ учрежденій, напоминающихъ воздушные замки: они иногда спускаются и на землю и даютъ нерѣдко весьма цѣнныя практическія указанія въ сферѣ методики того или другого предмета. Эти указанія въ большомъ количествѣ разсѣяны по страницамъ „Свободнаго Воспитанія“ и другихъ изданій „Библіотеки Свободнаго Воспитанія“.

Съ другой стороны, рѣзкая критика существующей системы воспитанія и обученія невольно заставляетъ добросовѣстнаго педагога осмотрѣться вокругъ себя, тщательно пересмотрѣть весь тотъ арсеналъ педагогическихъ средствъ, которыя находятся въ его распоряженіи, и серьезно задуматься надъ вопросомъ: надлежащимъ ли об-

---

[1]) Стр. 140—141.

разомъ онъ пользуется имъ, нельзя ли улучшить кое-что въ его пріемахъ воздѣйствія на дѣтей, нельзя ли нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ сдать въ архивъ, какъ негодные, и замѣнить новыми, болѣе усовершенствованными. Такая самокритика, такой контроль надъ самимъ собой крайне необходимъ, какъ весьма дѣйствительное средство противъ рутины, которая возможна и въ дѣлѣ педагогическомъ, но которая здѣсь сопровождается, можетъ быть, большими нежелательными послѣдствіями, чѣмъ во всякомъ другомъ дѣлѣ. Нельзя обойти здѣсь молчаніемъ упреки модернистовъ современному воспитанію въ пренебреженіи къ ручному труду, а иногда и въ полномъ игнорированіи его. Воспитательное и образовательное значеніе его, кажется, никѣмъ не заподазривается, но все же до сихъ поръ, можетъ быть именно благодаря рутинѣ, онъ не пользуется въ школѣ правами, равными съ другими предметами, если не сказать никакими. Поэтому и критика современнаго воспитанія по данному вопросу, можетъ быть, и закончится предоставленіемъ ручному труду болѣе почетнаго мѣста въ нашей школѣ.

А. Спасскій.

ЭКЗАМЕНЫ.

(Сравнительный очеркъ).

Англія.

Школьное дѣло въ Англіи носитъ совершенно своеобразный характеръ, ярко отражающій любовь англичанъ къ свободѣ и независимости и ихъ боязнь передъ всякой опекой со стороны государства. Школы среднія и высшія являются совершенно частными предпріятіями. Для нихъ не существуетъ установленныхъ государствомъ программъ, для учителей не требуется опредѣленнаго образовательнаго ценза. Только въ 1899 г. создано въ Англіи центральное вѣдомство для руководства дѣломъ просвѣщенія. Однако полномочія его очень ограничены, такъ какъ только школы, получающія отъ государства субсидію, находятся подъ правительственнымъ надзоромъ, частныя же школы ревизуются правительствомъ лишь по ихъ собственному желанію. Если не считать приготовительныхъ классовъ, то курсъ нормальный продолжается четыре года. Вступаютъ въ такую школу ученики не моложе 13, оканчиваютъ ее въ возрастѣ 17—19 лѣтъ. Коренное отличіе англійскихъ школъ отъ континентальныхъ заключается въ томъ, что англійскій учитель спеціально занимается съ отдѣльными учениками, стараясь ихъ въ кратчайшій срокъ приготовить къ экзамену, черезъ нихъ прославиться и прославить свою школу, между тѣмъ какъ у насъ преподаватель долженъ двигать впередъ цѣлый классъ. Что касается дисциплины, то англійская школа ставитъ себѣ цѣлью подготовить ученика къ самостоятельности, расширяя постепенно рамки свободы и усиливая отвѣтственность питомца. Такъ какъ плата за ученіе и содержаніе въ школѣ достигаетъ очень высокой суммы въ нѣсколько тысячъ рублей въ годъ, то чтобы открыть доступъ къ ученію и болѣе бѣднымъ дѣтямъ, учреждено такое количество стипендій, что всякій способный, но не имѣющій средствъ юноша можетъ безплатно пройти среднюю и высшую школу. Для распредѣленія стипендій установлены

конкурсные экзамены (Competitive Examinations). Путемъ такихъ же экзаменовъ выбираются и кандидаты на государственную службу (Civil Service). Кромѣ этихъ экзаменовъ при школахъ существуютъ испытанія (Pass или Local Examinations), установленныя для провѣрки уровня знаній воспитанниковъ и производимыя комиссіей Оксфордскаго или Кембриджскаго университета или соединенной комиссіей обоихъ университетовъ (The Oxford and Cambridge Joint Board). Самое производство экзаменовъ отличается слѣдующими характерными особенностями. Во-первыхъ, экзамены бываютъ только письменные. Вопросы, на которые экзаменующіеся должны дать отвѣтъ, напечатаны на экзаменаціонныхъ листкахъ (Examination Papers). Комиссія получаетъ работы, снабженныя нумерами, такъ что фамиліи экзаменующихся ей при исправленіи работъ остаются неизвѣстны. Устныя испытанія не прививаются въ Англіи, потому что они требуютъ слишкомъ много времени и, по мнѣнію англичанъ, не могутъ быть такъ безпристрастно обставлены, какъ письменныя. За исходную точку для оцѣнки работы англичанинъ принимаетъ положительныя стороны работы,—*плюсы* ея, если можно такъ выразиться.

Сочиненіе можетъ показать хорошее развитіе ученика, оригинальность мыслей, владѣніе рѣчью, грамотность и т. п. Такихъ плюсовъ (marks) въ одной работѣ можетъ оказаться 30, въ другой—40. Послѣдняя будетъ оцѣнена выше, хотя число ошибокъ въ обѣихъ можетъ оказаться совершенно одинаковымъ. Система конкурсныхъ экзаменовъ создала особыхъ натаскивателей (Crammer), хорошо извѣстныхъ и въ нашей практикѣ.

Франція.

По закону 31-го марта 1902 г. преподаваніе въ средней французской школѣ такъ поставлено, что оно является продолженіемъ курса народной школы. Однако зажиточные классы, несмотря на республиканскій строй своего государства, не желаютъ отдавать своихъ дѣтей въ одну школу съ простонародіемъ (un bourgeois met son enfant en lycée, non pas pour en faire un savant, mais pour ne pas le mettre dans le même établissement que le fils de son concierge). Поэтому при среднихъ школахъ устроены четырехлѣтніе приготовительные курсы, раздѣляющіеся на двухлѣтнія „Division préparatoire" и „Division élémentaire". Среднія школы распадаются на правительственные лицеи, городскіе коллежи и частныя школы (écoles libres). Лицеи и коллежи находятся въ полной зависимости отъ правительства въ смыслѣ про-

граммъ и постановки дѣла. Ecoles libres принадлежали духовнымъ конгрегаціямъ, у которыхъ на бумагѣ отнято право преподаванія, на дѣлѣ же все остается попрежнему: школы конгрегацій считаются болѣе аристократичными, и высшій свѣтъ посылаетъ туда своихъ дѣтей (coquetterie scolaire des parents!). Однако и этимъ школамъ приходится держаться правительственныхъ программъ, чтобы успѣшно готовить своихъ учениковъ къ вступительному экзамену въ университетъ.

Курсъ средней школы во Франціи семилѣтній. Въ низшемъ концентрѣ ученикъ можетъ выбирать между двумя отдѣленіями: гимназическимъ, въ которомъ латинскій языкъ начинается съ перваго года, а греческій *для желающихъ* съ третьяго, и реальнымъ, въ которомъ значительно больше уроковъ отведено родному языку, математикѣ и естествознанію. Въ старшемъ концентрѣ четыре развѣтвленія: 1) древніе языки (Latin-Grec), 2) латинскій и новые языки (Latin-Langues vivantes), 3) латинскій и точныя науки (Latin-Sciences), 4) новые языки и точныя науки (Sciences-Langues vivantes). Послѣ шестого года ученія происходитъ экзаменъ въ объемѣ одной изъ группъ. Послѣ этого испытанія группы 1 и 2 соединяются въ одну—Philosophie, группы 3 и 4 въ Mathématique. Послѣ этого класса снова сдается экзаменъ, который вмѣстѣ съ предыдущимъ и является условіемъ для поступленія въ университетъ. Всѣ отдѣленія признаны равноцѣнными: „tous les enseignements peuvent et doivent avoir, lorsqu'ils émanent de maîtres éminents, comme les nôtres, une vertu éducatrice". На первомъ экзаменѣ послѣ шестого года надо написать три письменныхъ работы, затѣмъ сдать общіе для всѣхъ четырехъ группъ устные экзамены по исторіи, географіи, математикѣ, физикѣ, французскому и одному новому языку. Къ этому присоединяются спеціальные предметы группъ. Для окончательнаго экзамена въ секціи философіи требуются письменные экзамены по философіи и естествознанію, устные экзамены по философіи, новой исторіи, физикѣ, химіи и естествознанію. По отдѣлу математики — письменные экзамены по философіи, математикѣ и физикѣ, устные по математикѣ, физикѣ, химіи, естествознанію, философіи и новой исторіи. Въ предѣлахъ этихъ предметовъ ученики имѣютъ еще возможность выбирать между нѣсколькими темами или новыми языками. Провалившіеся въ концѣ года (въ іюлѣ) могутъ снова сдавать экзамены осенью (въ октябрѣ) въ началѣ учебнаго года. Экзаменуетъ учениковъ особая комиссія изъ университетскихъ профессоровъ и преподавателей средней школы (но не своихъ!).

Комиссія до мелочей связана предписаніями министерства и точно должна держаться ихъ. Для оцѣнки удовлетворительныхъ работъ и отвѣтовъ учениковъ существуетъ четыре термина: passable, assez bien, bien, très bien. Умѣнье владѣть рѣчью и извѣстная самостоятельность и независимость въ сужденіяхъ считаются большими достоинствами. Оба эти экзамена на аттестатъ зрѣлости—baccalauréat являются какъ бы вступительнымъ экзаменомъ въ университетъ и происходятъ внѣ лицея. Изъ класса въ классъ учениковъ переводятъ весьма снисходительно и только baccalauréat производитъ отборъ болѣе способныхъ.

Австрія.

Въ Австріи существуютъ семиклассныя реальныя училища и восьмиклассныя классическія гимназіи. Тотъ и другой типъ, какъ извѣстно, оказалъ свое вліяніе на наши среднія школы.

Для поступленія въ среднюю школу надо подвергнуться испытанію письменному и устному. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что хорошая отмѣтка за письменный экзаменъ даетъ испытательной комиссіи право освободить вступающаго въ школу отъ устнаго испытанія по родному языку или математикѣ. На экзаменѣ принимаются во вниманіе отмѣтки, полученныя въ народномъ училищѣ, и четверка даетъ опять-таки право вовсе освободить экзаменующаго отъ экзамена по Закону Божьему. Неудовлетворительная отмѣтка на письменномъ испытаніи лишаетъ права экзаменоваться дальше. Вступительные экзамены происходятъ въ Австріи въ концѣ учебнаго года. Изъ класса въ классъ учениковъ переводятъ по годовымъ отмѣткамъ. Если преподаватель не рѣшается поставить опредѣленной отмѣтки, то тогда по закону 11-го іюня 1908 г. назначается ученику экзаменъ по данному предмету въ присутствіи директора или ассистента. Для производства выпускныхъ экзаменовъ образуется комиссія изъ преподавателей послѣдняго класса даннаго учебнаго заведенія, при чемъ предсѣдателемъ можетъ быть назначенъ и профессоръ университета. Преподаватели посылаютъ черезъ директора предсѣдателю комиссіи экзаменаціонныя темы. Темъ предлагается ученикамъ нѣсколько на выборъ. Исправляетъ работу преподаватель класса; затѣмъ съ нею знакомятся всѣ члены комиссіи и въ общемъ совѣщаніи устанавливаютъ отмѣтку. Неудовлетворительныя отмѣтки за письменныя работы не лишаютъ ученика права держать устныя испытанія. Комиссія кромѣ того имѣетъ право присудить аттестатъ зрѣлости ученику,

получившему по одному предмету неудовлетворительный баллъ. Любопытно отмѣтить, что экзамена по Закону Божьему не бываетъ. Экзаменъ выпускной продолжается 5—6 дней для класса въ 40—45 учениковъ и каждый ученикъ на устныхъ испытаніяхъ экзаменуется по всѣмъ предметамъ въ одинъ день. Впрочемъ въ австрійскихъ гимназіяхъ всего 4 устныхъ экзамена [1]). Въ аттестатѣ зрѣлости не ставится больше отмѣтокъ, а просто указывается, что такой-то признанъ зрѣлымъ для посѣщенія университета (единогласно, или большинствомъ голосовъ, или съ отличіемъ).

Германія.

Въ Германіи въ отдѣльныхъ союзныхъ государствахъ и даже вольныхъ городахъ существуютъ свои школьные законы. Тѣмъ не менѣе можно установить извѣстное единообразіе, и во всякомъ случаѣ аттестатъ зрѣлости любой гимназіи или реальнаго училища признается во всей имперіи. Средняя школа распадается на классическую, затѣмъ реальную гимназію и реальное училище. Курсъ во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ девятилѣтній и признается равноцѣннымъ.

Въ сѣверной Германіи и особенно въ Пруссіи пріемъ въ школу зависитъ всецѣло отъ директора, который можетъ единолично экзаменовать вступающаго или поручить экзаменъ преподавателю, оставляя за собою въ послѣднемъ случаѣ право принять экзаменующагося даже съ неудовлетворительной отмѣткой. Югъ Германіи предоставляетъ право пріема педагогической коллегіи. На сѣверѣ контингентъ учениковъ средней школы вербуется изъ болѣе состоятельныхъ слоевъ общества, отдающихъ своихъ дѣтей въ сравнительно дорогіе приготовительные классы. На югѣ приготовительныхъ классовъ, которые, несомнѣнно, приняли сословный характеръ, нѣтъ, и поставляютъ учениковъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ народныя школы.

Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ существуютъ опредѣленныя правила относительно перевода учениковъ изъ класса въ классъ, въ другихъ такой регламентаціи не существуетъ и педагогическому совѣту предоставлена полная свобода вплоть до назначенія экзаменовъ или нѣтъ. Переводы бываютъ съ осенними переэкзаменовками, бываютъ переводы на пробу съ правомъ перевести ученика назадъ, затѣмъ переводы съ предостереженіемъ о необходимости заняться извѣстнымъ предметомъ, переводъ съ неудовлетворительной

---

[1]) 1) Родной языкъ, 2) древніе яз., 3) исторія и 4) математика.

отмѣткою по одному предмету, переводъ съ неудовлетворительною отмѣткою по одному или двумъ предметамъ, компенсируемою хорошими отмѣтками по другимъ предметамъ. Вопросъ о переводѣ рѣшается въ поклассныхъ засѣданіяхъ.

На сѣверѣ переводные экзамены почти совсѣмъ не практикуются, на югѣ они во многихъ государствахъ обязательны для всѣхъ классовъ. Выпускные экзамены раздѣляются на письменные и устные. Особенностью ихъ является, во-первыхъ, возможность освободить абитуріентовъ отъ устныхъ экзаменовъ при наличности хорошихъ отмѣтокъ на письменныхъ испытаніяхъ и, во-вторыхъ, право допускать съ неудовлетворительными отмѣтками на письменныхъ испытаніяхъ къ устнымъ экзаменамъ. Наконецъ третьей особенностью является такъ называемая компенсація, т. е. возможность загладить двойку по одному предмету—четверкою или пятеркою по другому. Письменные экзамены происходятъ нерѣдко по два въ день (7—10 и 3—5), устные для группы учениковъ въ 10 человѣкъ всѣ въ одинъ день. Экзаменуетъ комиссія изъ учителей выпускного класса подъ предсѣдательствомъ правительственнаго комиссара. Послѣднимъ иногда назначается и директоръ школы.

Россія.

У насъ для поступленія въ первый классъ дѣтямъ приходится держать конкурсные экзамены. Ученики первыхъ двухъ классовъ переводятся по отмѣткамъ рѣшеніемъ педагогическаго совѣта, ученики остальныхъ классовъ—по экзаменамъ. Minimum этихъ экзаменовъ строго установленъ. Педагогическій совѣтъ имѣетъ право для всего класса или отдѣльныхъ учениковъ установить сверхъ minimum'a еще другіе экзамены. Выпускные экзамены у насъ бываютъ письменные и устные. При этомъ экзаменаціонныя работы необыкновенно щепетильно исправляются цѣлою комиссіею и для отзыва поступаютъ въ округъ и даже ученый комитетъ. Устныя испытанія продолжаются цѣлый мѣсяцъ.

Нельзя не отмѣтить, что по сравненію съ другими странами, у насъ въ Россіи педагогической коллегіи при пріемѣ учениковъ, переводѣ ихъ изъ класса въ классъ и присужденіи аттестатовъ зрѣлости даны болѣе широкія полномочія, чѣмъ гдѣ либо. Рѣшеніе педагогическаго совѣта въ этихъ вопросахъ является окончательнымъ.

Необходимо настолько увеличить число среднеучебныхъ заведеній, чтобы всѣ, выдержавшіе въ 1-ый классъ экзаменъ, находили себѣ

7*

мѣсто въ школѣ. Въ интересахъ здоровья дѣтей желательно, чтобы срокъ для вступительныхъ экзаменовъ былъ назначенъ одинъ весною и дни экзаменовъ были бы въ большихъ городахъ одни и тѣ же для всѣхъ школъ. Теперь дѣтей безпощадно треплютъ по нѣсколькимъ школамъ. Кромѣ того необходимо, чтобы педагогическіе совѣты устанавливали норму для учениковъ, экзаменующихся въ одинъ день (20—25 уч.). Переводные экзамены поставлены у насъ вполнѣ нормально и не могутъ въ настоящее время считаться особенно обременительными для учащихся. При производствѣ выпускныхъ испытаній желательно въ интересахъ дѣла расширить права педагогическаго совѣта, предоставивъ всецѣло ему рѣшеніе вопроса о допущеніи къ устному испытанію учениковъ и постороннихъ лицъ, предоставивъ ему освободить учениковъ отъ того или другого устнаго экзамена, назначать сроки экзаменовъ и т. п. На испытанія отнюдь не слѣдуетъ тратить столько времени, какъ мы это дѣлаемъ. Экзамены могутъ непосредственно начаться послѣ прекращенія уроковъ и должны продолжаться не больше недѣли. При нынѣшней постановкѣ ихъ они слишкомъ сокращаютъ учебный годъ и нарушаютъ правильный ходъ ученія въ остальныхъ классахъ. Устныя испытанія должны происходить въ присутствіи всѣхъ преподавателей выпускного класса по всѣмъ предметамъ въ одинъ день для извѣстнаго числа учениковъ (10—15). Темы для письменныхъ испытаній должны быть выбраны такія, чтобы ученикъ могъ показать свое развитіе и умѣнье самостоятельно пользоваться необходимыми пособіями и источниками. На устныхъ экзаменахъ ученикъ долженъ также показать извѣстное развитіе и общее пониманіе курса, при чемъ всѣ подробности и мелочи должны быть откинуты. Экзаменаторы наши должны поучиться производству испытаній у англичанъ: не искать только, чего ученикъ не знаетъ, а стараться показать, что ученикъ знаетъ. Исправляя письменную работу питомца, надо оставлять все, что такъ или иначе можетъ быть оправдано, а не показывать своей учености, забывая, что имѣешь дѣло съ ученической работой. Нѣтъ нужды къ этому прибавлять, что вся манера экзаменатора держать себя и провѣрять учениковъ должна показать воспитанникамъ, что они имѣютъ дѣло съ требовательнымъ, но доброжелательнымъ наставникомъ, а не придирчивымъ слѣдователемъ.

Г. Зоргенфрей.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

Волны вѣчности въ русской художественной литературѣ. Изданіе Кіевскаго религіозно-философскаго общества.

Отъ собранія стихотвореній одного автора не требуешь ничего, кромѣ художественности. Другое дѣло хрестоматія,—тутъ возникаетъ вопросъ: какая цѣль ея и насколько заданіе удачно выполнено. Разбираемый нами сборникъ „Волны вѣчности" на вопросъ о цѣли отвѣчаетъ кратко уже своимъ заглавіемъ, а болѣе подробно въ предисловіи.

Трезвый, повседневный и научный языкъ способенъ выразить только ту часть содержанія сознанія, которую умъ можетъ отчетливо выдѣлить изъ общаго потока сознанія, придавъ ей строго очерченную форму. Все текучее, съ неопредѣленнымъ контуромъ, недоступно для его выраженія. Составитель разбираемой нами хрестоматіи называетъ эту область „невыразимымъ", подразумѣвая подъ этимъ словомъ ту область, которая находитъ выраженіе только въ художествѣ въ широкомъ смыслѣ слова, и въ частности въ художественной литературѣ. Но сборникъ „Волны вѣчности" имѣетъ въ виду не всю область художественной литературы, а только ту ея часть, которая трактуетъ религіозныя переживанія: „по содержанію предлагаемой книги", говоритъ составитель сборника, „ее слѣдовало бы назвать книгой о Богѣ". Поэтому мы въ правѣ требовать отъ собранныхъ въ разбираемой нами хрестоматіи стихотвореній опредѣленнаго содержанія и настроенія.

---

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

Составителю „Волнъ вѣчности“ не удалось, по нашему мнѣнію, вполнѣ послѣдовательно провести свое намѣреніе—дать книгу о Богѣ и о религіозныхъ переживаніяхъ. Уже въ первомъ отдѣлѣ сборника, озаглавленномъ „Невыразимое“ и долженствующемъ служить введеніемъ въ хрестоматію и оправданіемъ ея, собраны весьма не однородныя по настроенію и по содержанію „невыразимаго“ стихотворенія.

Отношеніе поэта къ невыразимости душевнаго міра можетъ быть троякое: во-первыхъ, онъ считаетъ, что нашъ повседневный языкъ слишкомъ бѣденъ для его выраженія, и онъ можетъ быть выраженъ только языкомъ поэта; во-вторыхъ, невыразимъ онъ потому, что человѣкъ одинокъ среди другихъ людей и потому не можетъ быть понятъ ими; и, въ-третьихъ, душевный міръ не нуждается въ словесномъ выраженіи, достаточно любовно относиться къ людямъ, чтобы понять, что происходитъ въ ихъ душахъ, и быть понятымъ ими. Только послѣднее пониманіе невыразимаго и есть истинно религіозное настроеніе, имъ и проникнуты почти всѣ стихотворенія Вл. Соловьева за рѣдкимъ исключеніемъ, а помѣщенное въ этомъ отдѣлѣ разбираемаго нами сборника стихотвореніе „Въ Альпахъ“ не болѣе, а скорѣе менѣе другихъ. Остальныя же стихотворенія этого отдѣла говорятъ о „невыразимомъ“, какъ предметѣ поэзіи вообще, а не какъ содержаніи религіозныхъ переживаній, и только въ стихотвореніи Жуковскаго „Невыразимое“ заключается та же мысль:

„И лишь молчаніе понятно говоритъ“.

Помѣщенное же въ этомъ отдѣлѣ „Silentium“ Тютчева, вообще характерное для настроенія этого поэта, совершенно не отвѣчаетъ идеѣ разбираемой нами книги, ибо въ немъ какъ разъ отсутствуетъ религіозное настроеніе, которое далеко не чуждо Тютчеву и нашло выраженіе во многихъ его стихотвореніяхъ.

Вообще въ разбираемой нами книгѣ непріятно поражаетъ отсутствіе пониманія Тютчева и Вл. Соловьева, поэтовъ, наиболѣе непосредственно соприкасавшихся съ тѣмъ міромъ, который по замыслу составителя сборника является его содержаніемъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ „Вѣчность“ помѣщено стихотвореніе Вл. Соловьева „Бѣдный другъ истомилъ тебя путь“, вѣроятно ради стиховъ:

„Смерть и время царятъ на землѣ
Ты владыками ихъ не зови“;

но основная мысль этого стихотворенія есть та, что любовь есть владыка міра и вѣчна, а это есть основная мысль почти всѣхъ стихотво-

реній Вл. Соловьева. Если же говорить о вѣчности въ смыслѣ безсмертія, то для этого отдѣла самымъ подходящимъ было бы стихотвореніе „Если желанья бѣгутъ словно тѣни", въ которомъ авторъ говоритъ:

„Вѣчность нужна ли для праздныхъ стремленій,
Вѣчность нужна-ль для обманчивыхъ словъ;
Что жить достойно, живетъ безъ сомнѣній,
Высшая сила не знаетъ оковъ".

Но самая грубая ошибка по отношенію Вл. Соловьева это помѣщеніе стихотворенія „Воскресшему" въ отдѣлѣ „Божьи дни". Оно до такой степени не соотвѣтствуетъ ни отдѣлу, въ которомъ оно помѣщено, ни общей идеѣ сборника, что мы готовы были бы заподозрить автора въ томъ, что онъ прочелъ только заглавіе стихотворенія и предположилъ, что въ немъ говорится о воскресеніи Христа, на самомъ же дѣлѣ въ немъ говорится о расцвѣтѣ души подъ вліяніемъ весны и любимаго взора:

„Души созрѣвшаго расцвѣта
Не сдержитъ снѣгъ сѣдыхъ кудрей,
Лишь эту смѣсь зимы и лѣта
Освѣтитъ взоръ твоихъ очей".

Также недостаточно вдумчиво и отношеніе составителя сборника къ Тютчеву. Такъ напримѣръ, въ отдѣлѣ „Природа" помѣщено стихотвореніе „День и ночь". Тема этого стихотворенія не есть день и ночь въ природѣ, они играютъ здѣсь только роль символовъ, а подъ ними подразумѣвается день и ночь сознанія человѣка, сознательная и подсознательная области нашего духа. Тютчевъ высоко цѣнилъ ясность сознанія и мышленія, и его пугала и въ то же время привлекала подсознательная область, и этой темѣ онъ посвятилъ много стихотвореній, но они не нашли мѣста въ „Волнахъ вѣчности", а тѣ изъ нихъ, которыя попали въ хрестоматію, помѣщены въ совершенно несоотвѣтствующіе отдѣлы; такъ стихотвореніе „О вѣщая душа моя" попало въ отдѣлъ „Христосъ", очевидно только изъ-за послѣдней строчки, въ которой упоминается имя Христа, содержаніе же его—борьба въ душѣ человѣческой двухъ міровъ.

Вообще размѣщеніе стихотвореній по отдѣламъ задача трудная, а составитель разбираемой нами книги еще усугубилъ ея трудность, раздѣливъ тему на слишкомъ сходные отдѣлы: такъ вмѣсто одного отдѣла „Молитва" онъ сдѣлалъ два отдѣла: „Молитва" и „О чемъ они молятся?", при чемъ ни въ одномъ изъ нихъ не нашли мѣста

ни Пушкинское „Отцы-пустынники и жены непорочны“, ни Лермонтовское „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“, ни Соловьевское „Хвалы и моленія Пресвятой Дѣвѣ“. То, что послѣднее заимствовано изъ Петрарки, не можетъ служить оправданіемъ, такъ какъ въ разбираемой нами книгѣ есть стихотвореніе, заимствованное изъ Лонгфелло. Затѣмъ мы имѣемъ три отдѣла: „Храмъ нездѣшній“, „Отчизна“ и „Взыскующіе града“, трактующіе одинаковую тему, такъ напримѣръ стихотвореніе Вл. Соловьева „Въ туманѣ утреннемъ“, помѣщенное въ послѣднемъ изъ нихъ, могло бы быть помѣщено и въ первомъ; но Пушкинскій „Монастырь на Казбекѣ“ не подходитъ ни къ одному изъ нихъ, ибо въ немъ говорится о „здѣшнемъ храмѣ“, хотя и построенномъ надъ облаками. Затѣмъ отдѣлы: „Природа“ и „Въ великомъ храмѣ природы“. По идеѣ хрестоматіи въ ней только и могутъ быть тѣ стихотворенія, въ которыхъ природа разсматривается какъ великій храмъ.

Составителю разбираемаго нами сборника, повидимому, ближе и понятнѣе новѣйшіе поэты, и его книга выиграла бы въ однородности настроенія, если бы онъ ограничился только ими; тѣмъ болѣе, что уже имѣется одинаковый по заданію сборникъ Л. Сиземскаго „Религія въ поэзіи“, вышедшій въ 1902 г., о которомъ упоминаетъ въ предисловіи составитель „Волнъ вѣчности“. Въ этомъ сборникѣ поэты прошлаго вѣка представлены съ бо́льшей полнотой и пониманіемъ ихъ, чѣмъ въ „Волнахъ вѣчности.“

Неоспоримый интересъ разбираемой нами хрестоматіи заключается въ ознакомленіи публики съ тѣмъ, насколько и какъ религіозные сюжеты привлекаютъ въ послѣднее время вниманіе нашихъ поэтовъ, т. е. съ новѣйшимъ матерьяломъ. Если бы составитель ограничился этой болѣе доступной для него задачей, то въ данный размѣръ книги онъ могъ бы вмѣстить болѣе полный матерьялъ, онъ навѣрное нашелъ бы подходящія по темѣ стихотворенія и у Гумилева, и у Ахматовой, пріобрѣтшей въ послѣдніе годы большую популярность; укажемъ для примѣра два ея стихотворенія, отвѣчающія, по нашему мнѣнію, заданію разбираемой книги: „Плотно сомкнуты губы сухія“ и „Далъ ты мнѣ молодость трудную“. Но во всякомъ случаѣ желательно было бы не такъ много Сергѣя Соловьева; непонятно, почему составитель помѣстилъ въ одномъ отдѣлѣ „Христосъ“ три его стихотворенія на одну и ту же тему: „Марія Магдалина“, „Сестрѣ“ и „Ангелъ и Мѵроносицы“.

Составитель разбираемой книги высказываетъ въ предисловіи со-

жалѣніе о томъ, что размѣръ книги не позволилъ шире использовать нашу художественную прозу; мы же полагаемъ, что было бы лучше, если бы онъ совсѣмъ отказался отъ нея, ибо вырванные изъ цѣлаго отрывки часто искажаютъ идеи автора. Какое, напримѣръ, понятіе о религіозныхъ переживаніяхъ Достоевскаго даетъ такой отрывокъ изъ „Бѣсовъ“: „Слушай большую идею; былъ на землѣ одинъ день и въ серединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія“ и т. д. Этотъ отрывокъ не освѣщаетъ полно и души богохульствующаго Кирилова. Но если въ этомъ отрывкѣ все же чувствуется „трепетъ души“, то въ отрывкѣ изъ романа Л. Толстого „Воскресеніе“ совершенно отсутствуетъ и это.

Нашими замѣчаніями мы вовсе не хотимъ сказать, что книга „Волны вѣчности“ неинтересна. Напротивъ, именно потому, что она затрагиваетъ такую животрепещущую тему и даетъ весьма богатый матерьялъ, намъ и желательно было бы видѣть этотъ матерьялъ лучше обработаннымъ. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, она навѣрно найдетъ много благодарныхъ читателей.

Ѳ. Давыдова.

**А. Шалыгинъ.* Учебный курсъ исторіи русской литературы (отъ Петра Великаго до смерти Пушкина) и хрестоматія. Петроградъ, 1915. XIV+2 нен. +332+247 стр. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Въ нашей учебной литературѣ, обширной по своимъ размѣрамъ, но небогатой хорошими трудами, книга г. Шалыгина займетъ, безспорно, видное мѣсто. Большая начитанность, значительный педагогическій опытъ, развитое чувство изящнаго, способность тонко анализировать художественныя произведенія—вотъ тѣ качества, въ которыхъ нельзя отказать автору и которыя выгодно отразились на его учебникѣ. Видно, что г. Шалыгинъ не спѣшилъ съ выпускомъ своего „Курса“, что онъ работалъ медленно, тщательно взвѣшивая каждое выставляемое имъ положеніе, каждую развиваемую имъ мысль и старательно отдѣлывая свой слогъ. Въ книгѣ нѣтъ обычныхъ пересказовъ содержанія и подробныхъ характеристикъ,—она сообщитъ ученику лишь необходимыя свѣдѣнія для самостоятельной работы надъ литературными памятниками.

Тѣ замѣчанія, которыя я хочу высказать по поводу „Курса“ г. Шалыгина, не имѣютъ цѣлью умалить достоинства послѣдняго:

они—результатъ внимательнаго чтенія разбираемаго труда и, можетъ быть, не окажутся излишними для его послѣдующихъ изданій. Фактическихъ неточностей, и то незначительныхъ, я нашелъ очень немного. Прежде всего, отмѣчу, что литературное обогащеніе, пришедшее изъ Польши черезъ Кіевъ и Западную Русь въ Москву, выразилось не только въ реторическомъ панегирикѣ, схоластической проповѣди и въ силлабическомъ стихѣ (2). Ко всему этому слѣдуетъ прибавить школьную драму. „Комедіи Симеона Полоцкаго, по словамъ Н. С. Тихонравова, познакомили Москву XVII вѣка съ формою и существенными принадлежностями ученой, школьной польской драмы“ (Примѣчанія ко II тому драматическихъ произведеній, 504; *Л. Майковъ*. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. С.-Пб. 1889, стр. 122).

Далѣе годъ рожденія Кантемира—не 1708 (26), а 1709. Первая дата заимствована изъ книги академика Байера: „Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира“. Проф. Е. В. Пѣтуховъ убѣдительно доказываетъ, что на этотъ источникъ полагаться опасно (Русская литература. Древній періодъ. Юрьевъ, 1911, стр. 720—721).

Въ отдѣлѣ: „Французская классическая драма“ есть неудачная фраза о „Ревизорѣ“ Гоголя. „Самообманъ лицъ „Ревизора“, читаемъ на стр. 41-ой, не могъ бы продолжаться и нѣсколькихъ дней“. Между тѣмъ единство времени не соблюдено въ этой пьесѣ; стоитъ припомнить слова Осипа: „Погуляли здѣсь *два* денька — ну, и довольно“ (дѣйствіе IV, явленіе IX).

Въ главѣ V, посвященной Ломоносову, такъ говорится о его дѣтствѣ: „лѣтъ 8-ми Ломоносовъ лишился матери; отецъ вступилъ *еще разъ* въ бракъ; дурное обращеніе мачехи сдѣлало невыносимымъ его пребываніе дома“ (49). Изъ этого контекста можно вывести заключеніе, что отецъ Ломоносова былъ женатъ два раза, и что его вторая жена плохо относилась къ пасынку. На самомъ же дѣлѣ Василій Дороѳеевъ былъ женатъ три раза, и не вторая, а третья его жена преслѣдовала молодого Ломоносова (*Б. Меншуткинъ*. М. В. Ломоносовъ. С.-Пб. 1911, стр. 7—8. Ломоносовскій сборникъ. Изданіе Академіи Наукъ. С.-Пб. 1911, стр. 45).

Опредѣляя научныя качества „Исторіи Государства Россійскаго“, г. Шалыгинъ слишкомъ отрицательно смотритъ на труды предшественниковъ Карамзина и на состояніе тогдашней исторической науки (180). Конечно, предметъ былъ недостаточно разработанъ, но нельзя

сказать, что Карамзинъ почти не воспользовался работами ученыхъ XVIII в. Въ сочиненіяхъ Татищева, Шлецера, Болтина и др. исторіографъ нашелъ немало матеріала и немало цѣнныхъ мыслей, а зависимость его отъ Щербатова можетъ считаться точно установленной (*П. Милюковъ*. Главныя теченія русской исторической мысли. М. 1898, т. I, стр. 152—164).

Наконецъ, еще одинъ мелкій фактическій недочетъ есть въ біографіи Крылова (188). Здѣсь сказано, что литературный успѣхъ пришелъ къ поэту поздно, и что этому успѣху „*способствовалъ* Дмитріевъ: онъ горячо одобрилъ басни Крылова въ рукописи и самъ устроилъ ихъ въ *Московскомъ Зрителѣ*, сумѣвъ стать выше зависти къ баснописцу-сопернику“. Отсюда естественно сдѣлать выводъ, что до 1806 г. Крыловъ не писалъ басенъ и что открылъ въ немъ талантъ и направилъ его на поприще баснописца И. И. Дмитріевъ. Однако, на самомъ дѣлѣ Крыловъ сочинялъ басни еще съ 1788 г., а содѣйствіе И. И. Дмитріева было очень скромное и едва ли заслуживающее упоминанія: оно сводилось къ литературному посредничеству, къ передачѣ нѣсколькихъ басенъ въ редакцію журнала (*Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности*, 1900, т. V, кн. I, стр. 204—259). Вмѣсто Дмитріева было бы умѣстнѣе упомянуть А. Н. Оленина, который сыгралъ большую роль въ жизни знаменитаго баснописца, называвшаго его своимъ меценатомъ и обратившагося къ нему съ трогательными стихами:

И можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,—
И я бы умеръ весь для свѣта.
(*Сѣверные Цвѣты* на 1828 г., стр. 77).

Помимо фактической стороны, въ книгѣ г. Шалыгина обращаютъ на себя вниманіе два вопроса, поставленные имъ и разрѣшенные такъ, какъ обычно рѣшаются, хотя они могли бы быть освѣщены нѣсколько иначе, кое въ чемъ измѣнены, кое-гдѣ дополнены. Первый вопросъ—о романтизмѣ Жуковскаго, второй—объ иностранномъ вліяніи на поэзію Пушкина.

„Психологическое обновленіе русской литературы *по примѣру романтиковъ* было дѣломъ Жуковскаго“, такъ какъ онъ участвовалъ въ *возрожденіи воображенія и фантазіи* и всей своей поэзіей и всей своей жизнію училъ *свободѣ творчества*. Таково мнѣніе г. Шалыгина (227—228), вызывающее на размышленія. Оставляя въ сторонѣ свободу творчества, которая ярко обнаружилась и у сентименталистовъ,

я позволю себѣ утверждать, что фантастика романтиковъ и фантастика Жуковскаго—явленія не однородныя. Это отмѣчено покойнымъ А. Н. Веселовскимъ. „Балладные мотивы, видѣнія кладбища при невѣрномъ свѣтѣ луны, тѣ черти и вѣдьмы, нѣмецкіе и англійскіе, которыхъ у насъ, вмѣстѣ съ мечтательностью и меланхоліей, считали признакомъ романтизма",—„не романтизмъ, а автобіографическія признанія сердца, шедшаго на встрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы и созвучнаго оссіановскаго настроенія" (*А. Веселовскій.* В. А. Жуковскій (чтеніе). С.-Пб. 1902, стр. 5). У Жуковскаго „нѣтъ богатства ассоціацій, пантеистически обнимающихъ весь міръ, вездѣ раскрывающихъ символы—подъ опасеніемъ заслонить живую природу дріадами и ореадами". Поэтъ „чувствуетъ мучительное желаніе слиться съ прекраснымъ и великимъ въ природѣ, но останавливается передъ ней въ сентиментальной рефлексіи" (*А. Веселовскій.* В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія. С.-Пб. 1904, стр. 482).

Другой вопросъ—о вліяніи французскихъ классиковъ и Вальтера Скотта на Пушкина затронутъ г. Шалыгинымъ при анализѣ драмъ: „Скупой рыцарь", „Моцартъ и Сальери", и повѣсти „Капитанская дочка".

„Въ исторіи развитія Пушкина, какъ поэта", говоритъ г. Шалыгинъ: „они (небольшія драматическія произведенія) имѣютъ слѣдующее значеніе: Пушкинъ примѣнилъ въ нихъ шекспировскій реализмъ въ изображеніи характеровъ, отказавшись въ то же время отъ шекспировской *разрозненности* сценъ. Онъ вернулся, напротивъ, къ ихъ тѣсной *связанности,* при которой каждая предыдущая сцена вызываетъ послѣдующую: другими словами, онъ вернулся къ драматической системѣ Корнеля и Расина" (306). Справедливость взгляда г. Шалыгина какъ будто подтверждается и собственными словами поэта, заявившаго въ письмѣ къ Н. Н. Раевскому, что *всѣ* литературныя „секты для него равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону" (Переписка. Изд. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1908, т. II, стр. 21). Откинувъ невыгодныя стороны Шекспира и французскихъ классиковъ, онъ могъ бы сочетать въ своихъ твореніяхъ одни ихъ достоинства. Въ дѣйствительности, дѣло обстояло нѣсколько иначе. Находясь въ Болдинѣ, Пушкинъ имѣлъ подъ руками Парижское однотомное изданіе (1829 г.), въ которомъ собраны произведенія Мильмана, Боульса, Вильсона и Барри Корнваля. Послѣдній драматургъ, къ которому поэтъ, по словамъ П. В. Анненкова (Матеріалы. С.-Пб. 1873, стр. 302—303), сохранялъ особенное расположе-

ніе и пьесы котораго незадолго до смерти поручилъ перевести А. О. Ишимовой (Переписка. Изд. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1911, т. III, стр. 451), оказалъ воздѣйствіе на драмы „Скупой рыцарь", „Моцартъ и Сальери" и „Каменный гость". „Форма ихъ", писалъ извѣстный литераторъ и переводчикъ Мих. Лар. Михайловъ въ своей любопытной и теперь забытой статьѣ (*Русское Слово*, 1860, № 3): „очень напоминаетъ Корнваля: та же краткость, та же простота, то же отсутствіе всего лишняго, ненужныхъ лицъ, ненужныхъ словъ, а главное—то же стремленіе двумя-тремя бѣглыми сценами дать почувствовать драму, для полнаго развитія которой понадобились бы очень широкіе размѣры".

Разбирая повѣсть „Капитанская дочка", г. Шалыгинъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Пушкинъ, какъ историческій художникъ, былъ подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ Скотта, въ которомъ онъ цѣнилъ именно то, что историческія лица выводились „въ домашней обстановкѣ" (317). Мысль — правильная; но ея недостаточно, чтобы вполнѣ выяснить степень вліянія англійскаго писателя на Пушкина.

Оставляя въ сторонѣ суровый и едва ли справедливый приговоръ Тэна, надо замѣтить, что даже Брандесъ, этотъ строгій критикъ Вальтера Скотта, признаетъ въ его произведеніяхъ *„колоритъ извѣстной мѣстности и исторической эпохи"* (*Брандесъ*. Англійская литература. С.-Пб. 1898, стр. 116). Новѣйшій изслѣдователь указываетъ и другія достоинства. *Преобладаніе историческаго элемента въ ущербъ любовной интригѣ, получившей второстепенное значеніе*; *художественная обрисовка* не отдѣльныхъ личностей, но *типовъ, воплощавшихъ въ себѣ тотъ или иной классъ общества*; прекрасное драматическое дѣйствіе; отчетливая характеристика народа — вотъ отличительныя черты романовъ Вальтера Скотта (*L. Maigron*. Le roman historique à l'époque romantique. Paris, 1908, pp. 80—86, 175).

Становится понятно увлеченіе Пушкина, называвшаго эти романы еще въ 1824 г. „пищей для души" и перечитывавшаго ихъ съ прежнимъ интересомъ черезъ десять-одиннадцать лѣтъ, въ 1834—1835 гг. (Переписка. Изд. Акад. Наукъ, т. I, стр. 140, 207; т. III, стр. 165, 230). Изъ этого чтенія поэтъ вынесъ новое представленіе объ историческомъ романѣ, вылившееся у него въ оригинальной формулѣ: „подъ словомъ романъ разумѣемъ *историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи*" (*Литературная Газета*, 1830, т. I, № 5, стр. 37). Для созданія подобнаго романа потребовалось тщательное изученіе эпохи. Не удовлетворенный архивными

документами, которые онъ собиралъ для „Исторіи пугачевскаго бунта“, Пушкинъ посѣтилъ Оренбургскую и Казанскую губерніи и разспрашивалъ бердскую казачку о самозванцѣ (Переписка. Изданіе Академіи Наукъ, т. III, стр. 32, 50.—*Л. Майковъ*. Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стр. 427—432).

Новое представленіе объ историческомъ романѣ вызвало и новые пріемы творчества. Таковы были результаты увлеченія „шотландскимъ чародѣемъ“. А кромѣ того, въ „Капитанской дочкѣ“ есть и прямое подражаніе Вальтеру Скотту: дочь капитана Миронова, пріѣхавшая въ Петроградъ съ цѣлью защитить доброе имя нареченнаго жениха, „поставлена въ одинаковое положеніе съ героиней „Эдинбургской темницы“, Дженни, дочерью шотландскаго фермера“. Сходство сюжетовъ обоихъ произведеній было отмѣчено въ свое время А. Д. Галаховымъ (*Русская Старина*, 1888, январь, стр. 27—30).

Заканчивая рецензію, считаю нужнымъ указать, что мои замѣчанія касаются деталей, частностей; въ его цѣломъ, въ основныхъ положеніяхъ, трудъ г. Шалыгина выдержитъ даже строгую критику. Онъ—рѣдкое и пріятное исключеніе среди современныхъ учебныхъ руководствъ и пособій.

Н. Козминъ.

**Д. А. Бемъ, А. А. Волковъ, Р. Э. Струве.* Сборникъ упражненій и задачъ по элементарному курсу алгебры. Часть I. (Курсъ III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Книгоизд—во Т-ва И. Д. Сытина. Отдѣлъ средней школы. Подъ ред. Д. Д. Волкова, Д. Н. Егорова и др. Москва. 1914 г. 331 стр. Цѣна 1 р. Часть II. Курсъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 427 стр. Москва. 1915 г. Цѣна въ папкѣ 1 р. 15 к.

Первая часть разсматриваемаго нами сборника представляетъ переработку изданнаго фирмою Тейбнера въ 1905 г. на нѣмецкомъ языкѣ реформированнаго задачника Бардея, подъ заглавіемъ Bardey-Litzmann, Aufgabensammlung für Arithmetik, Algebra und Analysis. Reformausgabe. Задачникъ Бардея (въ прежнихъ изданіяхъ, вышедшихъ до 1905 г.) былъ очень распространенъ въ Германіи; имъ пользовались также нѣкоторые учителя и въ Россіи. Реформированное изданіе, предпринятое Литцманномъ, значительно отличается отъ предыдущаго; оно вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что за послѣднее время характеръ преподаванія алгебры въ германской средней школѣ подвергся значительному измѣненію, подъ вліяніемъ идей, проводимыхъ профессоромъ Клейномъ и его послѣдователями.

Русская переработка задачника Бардея-Литцманна, въ свою оче-

редь, значительно отличается отъ нѣмецкаго оригинала и дѣлаетъ этотъ задачникъ болѣе приспособленнымъ къ потребностямъ преподаванія въ русской средней школѣ. Кромѣ того, благодаря нѣкоторымъ измѣненіямъ, сдѣланнымъ въ русскомъ изданіи, его нельзя не признать болѣе совершеннымъ, чѣмъ нѣмецкій оригиналъ, какъ по внутреннему содержанію, такъ и по внѣшнему виду. Главное отличіе русскаго изданія отъ нѣмецкаго оригинала состоитъ въ томъ, что нѣкоторые отдѣлы, какъ то статьи объ отрицательныхъ числахъ и о приближенныхъ вычисленіяхъ, обработаны совершенно иначе и гораздо полнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Помимо этого, число задачъ по всѣмъ отдѣламъ, кромѣ послѣдняго V (таблицы и графики, графическое представленіе и изслѣдованіе функцій), значительно увеличено. Послѣдній отдѣлъ, наоборотъ, нѣсколько сокращенъ, въ виду того, что, какъ говорятъ составители, при существующемъ въ настоящее время планѣ преподаванія, вопросамъ этого отдѣла врядъ ли можно удѣлить много времени. Однако и въ этомъ, нѣсколько сокращенномъ видѣ, отдѣлъ этотъ заключаетъ въ себѣ достаточное число упражненій по вопросамъ, съ которыми въ наше время долженъ быть знакомъ всякій ученикъ, который не будетъ ими заниматься въ высшей школѣ; для тѣхъ же учениковъ, которые поступятъ затѣмъ на математическіе факультеты или въ высшія техническія школы, знакомство съ этими вопросами будетъ служить полезною подготовкою къ предметамъ ихъ будущихъ занятій.

Весьма полезнымъ добавленіемъ къ оригиналу въ русскомъ изданіи надо признать краткое догматическое изложеніе опредѣленій и правилъ, относящихся къ различнымъ отдѣламъ курса, напечатанное жирнымъ шрифтомъ послѣ каждаго отдѣла. Благодаря этимъ добавленіямъ почти весь курсъ III класса и отчасти IV можно проходить съ учениками безъ помощи учебника. Ученикъ, продѣлавшій задачи извѣстнаго отдѣла и выучившій то, что напечатано жирнымъ шрифтомъ, хорошо будетъ знать этотъ отдѣлъ.

Нельзя не обратить вниманія на превосходный выборъ задачъ для упражненій, содержаніе которыхъ взято изъ физики, механики, геометріи, или относится къ вопросамъ, встрѣчающимся въ обыденной жизни, или, наконецъ, имѣетъ историческій интересъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, составителямъ приходилось только слѣдовать оригиналу, въ которомъ имѣется множество подобныхъ задачъ.

Сопоставляя все вышесказанное, можно сказать, что разсматриваемый нами задачникъ одинъ изъ лучшихъ, имѣющихся въ нашей

учебной литературѣ и будетъ служить весьма полезнымъ учебнымъ пособіемъ въ нашей средней школѣ.

Укажемъ въ заключеніе нѣкоторые, замѣченные нами пункты, которые желательно было бы исправить въ слѣдующихъ изданіяхъ.

На стр. 157 вмѣсто термина *двойныя* дроби предпочтительнѣе былъ бы терминъ *обобщенныя* дроби.

На стр. 160 въ задачѣ n⁰ 532 заданіе было бы яснѣе, если бы было сказано, что требуются значенія, приближенныя *по недостатку* и *по избытку*. Эти послѣдніе термины слѣдовало бы вообще ввести въ отдѣлѣ о приближенныхъ вычисленіяхъ.

На стр. 281 сказано („по Курдову"); слѣдовало бы подробнѣе цитировать, какая статья или какой учебникъ тутъ подразумѣвается.

На стр. 282 двѣ различныя фигуры обозначены однимъ и тѣмъ же n⁰ 10.

На стр. 310 не совсѣмъ ясно дано опредѣленіе *главнаго* значенія дроби, да и терминъ *главное* слѣдовало бы замѣнить общепринятымъ *„истинное"*.

На рисункахъ масштабовъ на прозрачной бумагѣ слѣдовало бы поставить у одного „дюймъ", у другого „сантиметръ".

Число примѣровъ въ § 1, по нашему мнѣнію, можно было бы сократить.

Вторая часть сборника составлена еще болѣе оригинально и, въ общемъ, производитъ также очень хорошее впечатлѣніе. Но по нѣкоторымъ пунктамъ можно, по нашему мнѣнію, сдѣлать довольно важныя замѣчанія.

Перерабатывая нѣмецкій оригиналъ (Bardey-Litzmann-Zühlke, Aufgabensammlung. Reformausgabe B: für Realanstalten. II. Theil. Oberstufe), составители сдѣлали еще большія, чѣмъ въ первой части отступленія отъ оригинала, не только въ распредѣленіи матерьяла, но и по содержанію.

Опущены нѣкоторыя статьи оригинала, добавлены новыя, самостоятельно составленныя; иныя статьи сокращены, другія, наоборотъ, развиты. Большую часть такихъ отступленій можно признать цѣлесообразными, но есть и исключенія.

1. Въ оригиналѣ (стр. 51) § 10 излагается, въ видѣ конспекта, „построеніе системы чиселъ, начиная отъ натуральнаго и кончая комплекснымъ". Этотъ § совершенно опущенъ въ русскомъ сборникѣ, а по нашему мнѣнію его слѣдовало бы перевести цѣликомъ, такъ

какъ въ немъ весьма просто, послѣдовательно и кратко, изложена вся эволюція понятія о числѣ.

2. Опущены всѣ задачи, въ которыхъ встрѣчается производная логариѳмической функціи „во избѣжаніе обремененія курса“, какъ сказано въ предисловіи на стр. 5.

Обремененіе, по нашему мнѣнію, было бы незначительно, а исключеніе производной логариѳмической функціи изъ курса составляетъ существенный пробѣлъ, особенно въ программѣ реальныхъ училищъ.

3. Отдѣлъ V сборника, 7-я глава, въ которой разсматриваются вопросы, относящіеся къ логариѳмамъ, заключаетъ въ себѣ особенно много добавленій къ оригиналу. Не всѣ эти добавленія удачны. Много замѣчаній можно сдѣлать, напримѣръ, относительно стр. 238.

а) На первой же строкѣ неправильное выраженіе „равна или меньше *суммъ*“ вмѣсто „не больше суммы“; подобная же ошибка на третьей строкѣ: „равна или меньше *суммы*“.

б) „Четырехзначный табличный логариѳмъ опредѣляетъ соотвѣтствующее число съ относительной ошибкой приблизительно равной 0,012%; пятизначный съ относительной ошибкой приблизительно равной 0,0012% и т. д. до конца страницы.

Относительно сказаннаго здѣсь можно замѣтить, 1) что изъ всего предыдущаго нельзя видѣть, на чемъ основано приведенное здѣсь утвержденіе; выведено ли оно эмпирически изъ разсмотрѣнія таблицъ или теоретически изъ какихъ-нибудь установленныхъ въ курсѣ формулъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что всякая попытка вывести упомянутый результатъ безъ помощи разложенія логариѳма въ рядъ съ дополнительнымъ членомъ (формулы $\mathrm{Log}\,(a+h)-\mathrm{Log}\,a=$ $=M\left(\frac{h}{a}-\frac{h^2}{2(a+\theta h)^2}\right)$ гдѣ $M=\frac{1}{\log_e\,.\,10}$, $0<\theta<1$) будетъ неудачна, а съ другой стороны эта формула врядъ ли предполагается извѣстною учащимся.

Съ другой стороны врядъ ли можно считать эмпирическіе результаты, не сопровождаемые теоретическими выводами, умѣстными въ курсѣ алгебры.

Кромѣ того, сами по себѣ результаты, приведенные на стр. 238, даже въ видѣ упражненій, не имѣютъ значенія.

При опредѣленіи точности результата въ логариѳмическихъ вычисленіяхъ важно знать, за сколько десятичныхъ знаковъ можно ручаться, а не относительную ошибку въ %.

Вообще § 6 (точность логариѳмическихъ вычисленій), по нашему мнѣнію, нужно было бы или передѣлать или вовсе опустить.

Укажемъ еще нѣкоторыя неточности и редакціонныя погрѣшности.

На стр. 29 такое же неправильное выраженіе, какъ указанное выше на стр. 238: помѣщеніе слова (меньше) въ скобкахъ его не исправляютъ.

На стр. 9 при опредѣленіи координатъ нужно сказать не просто „разстоянія", а разстоянія, взятыя со знаками + или —; назначеніе положительныхъ и отрицательныхъ направленій на осяхъ выражено слишкомъ безусловно.

На стр. 206 неправильно сказано: „*предѣлъ*, суммы этого ряда равенъ" и т. д.

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ коснуться вопроса объ отношеніи содержанія разсматриваемаго сборника къ дѣйствующимъ въ настоящее время программамъ алгебры въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ сборникѣ, особенно во второй его части, разсматриваются многіе вопросы, выходящіе за предѣлы настоящихъ программъ гимназическаго курса алгебры. Несмотря на это и мы не затруднились бы считать обѣ части разсматриваемаго сборника задачъ полезнымъ учебнымъ пособіемъ во всѣхъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ реальныхъ училищахъ сборникъ будетъ безусловно полезенъ во всѣхъ своихъ частяхъ; въ гимназіяхъ, конечно, большинство учениковъ должно будетъ пропускать нѣкоторые отдѣлы, что, однако, не помѣшаетъ имъ пользоваться другими, а наиболѣе способные къ математикѣ найдутъ здѣсь обильную пищу своей любознательности.

Наконецъ, мы думаемъ, что должна же когда-нибудь осуществиться реформа преподаванія математики въ нашихъ среднихъ школахъ, а для реформированной школы разсматриваемый сборникъ будетъ весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

К. Поссе.

Л. Львовъ. Элементарный курсъ теоріи словесности. Съ рисунками. Изданіе книжнаго магазина „Трудъ". Одесса 1914. Стр. III+191. Цѣна 90 коп.

Курсъ теоріи словесности г. Львова предназначается, повидимому, для четвертаго класса среднихъ учебныхъ заведеній. Нѣкоторые отдѣлы его изложены болѣе или менѣе удовлетворительно; нѣкоторые оставляютъ желать лучшаго, такъ какъ въ нихъ немало различныхъ промаховъ.

Съ одной стороны, въ учебникѣ есть неточности и даже ошибки; съ другой—самый способъ изложенія не вездѣ заслуживаетъ одобренія.

Всѣ словесныя произведенія, по мнѣнію г. Львова, раздѣляются на три группы: 1) поэтическія, 2) научныя, 3) простыя или обиходныя (7—8), при чемъ подъ обиходными сочиненіями подразумѣваются письма, каталоги, прейскуранты (11) и т. п. Дѣленіе весьма неудачное! Вмѣсто того, чтобы поэзіи противопоставить прозу, г. Львовъ заговорилъ о научныхъ сочиненіяхъ, хотя они иногда могутъ быть поэтическими (ср. стр. 11), и распространился о каталогахъ и прейскурантахъ, о которыхъ можно было и не упоминать въ теоріи словесности.

Опредѣляя поэтическое произведеніе (8—9), авторъ утверждаетъ, что первой главной чертой его является глубокая нравственная идея, забывая, что, держась такой точки зрѣнія, легко признать не поэтическими многія произведенія Байрона, Гейне, Лермонтова и др.

Въ § 30 находится трактатъ о „ходѣ поэтическаго творчества“ (70—76), гдѣ сказано, что періодовъ творчества четыре, что третій „обычно именуется вдохновеніемъ“ и, большею частью, протекаетъ весьма болѣзненно, такъ какъ „постоянная напряженная работа мысли вызываетъ усиленный притокъ крови къ головѣ, а это создаетъ подчасъ мучительныя головныя боли и общую слабость тѣла“ (72).

Въ § 32 неотчетливо характеризованы литературныя направленія XVIII и XIX вв. Напримѣръ, недовольство жизнью, презрѣніе къ слабымъ людямъ и любовь къ природѣ далеко не исчерпываютъ понятія о романтизмѣ (78—79).

Кромѣ того, встрѣчаются и фактическіе недочеты. Г. Львовъ заявляетъ, что правила Буало о классической одѣ „основаны на изученіи древнихъ одъ и «поэтики» древнегреческаго писателя Аристотеля“, который, какъ на грѣхъ, не говоритъ подробно о лирикѣ въ вышеупомянутомъ сочиненіи (147). Тотъ же Буало яко бы создалъ „правило о единствѣ мѣста“ (175), тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было формулировано впервые въ Англіи въ концѣ XVI в., да и во Франціи было признано еще до Буало Шапленомъ (*H. Breitinger*. Les unités d'Aristote avant le Cid de Corneille. Genève-Bâle-Lyon, 1895, pp. 3—4, 37—38, 47—49). На стр. 163 неудачно отмѣчена борьба Пушкинскаго Бориса съ совѣстью, такъ какъ борьба честолюбія съ голосомъ совѣсти должна была предшествовать убіенію царевича Дмитрія, а этотъ періодъ жизни Бориса не изображенъ поэтомъ. Далѣе

неправильно истолковано ученіе Аристотеля о трагическомъ впечатлѣніи. Философъ упоминаетъ о страхѣ (φόβος), который можетъ испытывать зритель или читатель, опасаясь за свою собственную судьбу, а не объ ужасѣ (164), и даже извѣстный Корнель перевелъ греческій терминъ словомъ crainte, а не terreur. Наконецъ, литературная дѣятельность Лафонтена невѣрно отнесена къ XVIII вѣку (112), свѣдѣнія о Гомерѣ и Эзопѣ (101, 111) очень скудны, въ числѣ лучшихъ поэмъ Байрона не названъ „Манфредъ" (127), и время жизни многихъ писателей точно не указано (напр. 125, 133, 138 и др.).

Изложеніе г. Львова довольно своеобразно: онъ употребляетъ слово „понятіе", не выясняя значенія этого слова (3), и излагаетъ содержаніе разныхъ произведеній: „Иліады" (102), „Пѣсни о Роландѣ" (106—107), „Божественной комедіи" (120—122), хотя это совершенно излишне. А нѣкоторыя страницы написаны имъ столь оригинально, что невольно обращаютъ на себя вниманіе. На стр. 2-й рѣчь идетъ о способности человѣка „выражать душевную жизнь" разными „способами". „Представьте себѣ", говоритъ г. Львовъ: „что вы стоите у окна и видите, какъ штукатуръ, работавшій у стѣны противоположнаго дома, сорвался со своей подвѣски и падаетъ внизъ. Вы вскрикнете: „Ахъ!", и всякій, кто увидитъ или услышитъ васъ въ эту минуту, пойметъ, что вы испытываете ужасъ. Встрѣтивъ неожиданно пріятеля, вы невольно произнесете „А!"... „Кромѣ этого способа (восклицаніе, звукъ), есть и другіе". Такъ „желая остановить разыгравшагося шалуна, мы погрозимъ ему пальцемъ" (2) и т. д.

Слогъ г. Львова не вездѣ хорошъ: попадаются слова: „классицисты" (вм. классики) [78], „циклизоваться" (94).

Издана книжка удовлетворительно, но корректура продержана не безупречно (79, 126, 138 и др.).

Н. Козминъ.

*Постановка классныхъ опытовъ по физикѣ. *А. И. Ивановъ, О. І. Кучевскій, А. Н. Николаевъ, И. А. Челюсткинъ, И. Ф. Яговдъ.* Часть I. Рига, 1914 г. Стр. IV+112. Цѣна 1 руб. 2) То же. Часть II. Свѣтъ, Электричество. Рига. 1914 г., стр. 129. Цѣна 75 коп.

Исторія возникновенія этой книги изложена въ предисловіи, начало котораго выписываемъ: „Въ апрѣлѣ 1911 г. въ г. Ригѣ была устроена педагогическая выставка по отдѣламъ преподаваемыхъ въ средней школѣ предметовъ. Въ отдѣлѣ физики кружкомъ преподавателей были поставлены опыты, которые, по мнѣнію устроителей

отдѣла, считаются необходимыми при прохожденіи курса физики въ средней школѣ. Описаніе большей части этихъ опытовъ со сдѣланными впослѣдствіи измѣненіями и составляетъ содержаніе выпускаемаго руководства“. Далѣе читаемъ: „Авторы дали описаніе только тѣхъ опытовъ, которые, по ихъ мнѣнію, являются основными въ курсѣ средней школы; при этомъ имѣлись въ виду лишь *классные* опыты, т. е. такіе, которые слѣдуетъ и можно показывать передъ цѣлымъ классомъ“. Затѣмъ въ предисловіи указано, какимъ образомъ работа составленія книги была распредѣлена между пятью лицами; обязательнымъ для нихъ принципомъ было установлено, чтобы описывались только тѣ опыты, которые были провѣрены.

Изъ предисловія ко второй части усматривается, что составители пользовались цѣнными совѣтами и методическими указаніями, высказанными профессоромъ Юрьевскаго университета А. И. Садовскимъ при ревизіи преподаванія физики въ Рижскомъ учебномъ округѣ въ 1910 году. Описаніе нѣкоторыхъ опытовъ, указанныхъ проф. А. И. Садовскимъ, вошло въ разсматриваемую книгу.

Первая часть содержитъ описаніе опытовъ, относящихся къ ученіямъ о жидкостяхъ (11 опытовъ), газахъ (9 оп.), частичныхъ силахъ (16 оп.), волнообразномъ движеніи (18 оп.), звукѣ (23 оп.) и теплотѣ (8 группъ опытовъ).

Во второй части помѣщены опыты по свѣту (26 оп.) и по электричеству (58 оп.). Всего въ обѣихъ частяхъ описаны 169 опытовъ. Схема описанія отдѣльныхъ опытовъ слѣдующая. Сперва дается перечень приборовъ и различныхъ другихъ предметовъ, которые необходимы для даннаго опыта. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе того, какъ слѣдуетъ опытъ производить, на какія обстоятельства обращать особое вниманіе, какія принимать предосторожности и т. д. Почти каждое описаніе опыта сопровождается рисункомъ. Всего въ обѣихъ частяхъ 188 рисунковъ.

Разсматриваемую книгу нельзя не признать въ высокой степени полезной и, въ общемъ, весьма хорошо составленной. Описанные опыты, дѣйствительно, принадлежатъ къ наиболѣе важнымъ и основнымъ въ курсѣ физики средней школы. Изложеніе деталей опытовъ почти вездѣ вполнѣ ясное и исчерпывающее. Рисунки, за немногими исключеніями, удовлетворительны.

Промаховъ весьма немного, но между ними нашлась, къ величайшему нашему удивленію, одна весьма крупная научная ошибка, а именно: на стр. 12 второй части говорится о фотометрѣ Бунзена, и

здѣсь мы читаемъ: „если же освѣщеніе съ обѣихъ сторонъ одинаково, то пятно становится незамѣтнымъ“. Это совершенно невѣрно, и то же самое относится ко всему дальнѣйшему описанію опыта, который въ такой формѣ никакихъ результатовъ дать не можетъ. Это весьма странно, такъ какъ авторы утверждаютъ, что они всѣ опыты провѣряли. Нельзя говорить объ исчезновеніи жирнаго пятна фотометра Бунзена, не указавъ, съ которой стороны наблюдатель смотритъ на экранъ, такъ какъ пятно никогда не исчезаетъ одновременно на обѣихъ сторонахъ. Пятно исчезаетъ для наблюдателя, смотрящаго на одну изъ сторонъ экрана, когда на этой сторонѣ сумма количествъ свѣта, отраженныхъ бумагой и пропущенныхъ ею, равняется такой же суммѣ для жирнаго пятна. Это условіе не удовлетворено, когда освѣщенія съ обѣихъ сторонъ одинаковыя. Когда пятно исчезаетъ съ одной стороны, то оно непремѣнно остается видимымъ на сторонѣ противоположной (см. „Курсъ физики“ рецензента, т. II, изданіе третье, 1911 года, стр. 447—448).

Изъ мелкихъ промаховъ укажемъ слѣдующіе.

Часть I, стр. 40. Описаніе опыта XVI, несмотря на рисунокъ, нельзя назвать удобопонятнымъ.

Рис. 1 на стр. 80 сдѣланъ очень плохо, и то же самое относится къ рис. 16 на стр. 91, гдѣ вовсе не указана вода, о которой говорится въ текстѣ.

На стр. 105 яко бы описывается „опытъ превращенія тепловой энергіи въ энергію механическую“. Въ дѣйствительности, описанный опытъ обнаруживаетъ превращеніе работы въ теплоту. Кромѣ того, непонятенъ и самый терминъ „механическая энергія“; таковаго не существуетъ.

На стр. 106 описывается „Опытъ Clément Desormes“. Читатель подумаетъ, что рѣчь идетъ объ *одномъ* лицѣ; слѣдовало написать „Clément и Desormes“ или „Clémens-Desormes“.

Часть II, стр. 9. Говорится о какой-то скользящей тѣни. Рѣчь идетъ о самой обыкновенной тѣни, и непонятно, почему она „скользящая“.

Стр. 44. „Источникъ испусканія средина раскаленныхъ паровъ или газовъ“. Совершенно непонятно, что здѣсь означаетъ слово „средина“. Вообще слѣдовало сказать „источникъ испусканія—свѣтящіеся пары и газы“, такъ какъ весьма сомнительно, чтобы газы и пары свѣтились при одномъ повышеніи температуры.

Стр. 68: „Причина этого явленія въ томъ, что въ моментъ при-

косновенія руки къ стержню электроскопа съ него уходитъ въ землю не только сообщенный раньше положительный зарядъ, но и часть положительнаго электричества, существующаго въ немъ, какъ во всякомъ тѣлѣ". Отъ послѣднихъ словъ такъ и вѣетъ какимъ-то наивнымъ анахронизмомъ.

Стр. 85 и др. Напрасно авторы пишутъ „клеммы" вмѣсто „зажимные винты", или просто „зажимы".

Стр. 95. „Одинъ элементъ аккумулятора". Выраженіе непонятное! Слѣдовало просто сказать „одинъ аккумуляторъ".

Весьма желательно, чтобы эта полезная книга получила широкое распространеніе среди преподавателей средней школы.

Ѳ. Хвольсонъ.

С. К. Запорожцевъ. Руководство къ естествовѣдѣнію. Настоящее руководство составлено примѣнительно къ программѣ естественной исторіи для женскихъ гимназій, а также можетъ служить руководствомъ и при прохожденіи курса природовѣдѣнія въ низшихъ классахъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Изд. кн. маг. „Новое Время". С.-Пб. 1914. Стр. IV+360+1 ненум. Цѣна 1 р. 70 коп.

Зоологическая часть слишкомъ сжата, мѣстами конспективна, она не безъ ошибокъ, что сейчасъ увидимъ. Ближе всего зоологическая часть стоитъ, если мнѣ не измѣняетъ память, къ учебнику Левина.

Мѣстами она не лишена архаичности. Такъ пора оставить термины: однокопытовыя и двукопытовыя (стр. 271—272), пора оставить дѣленіе на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ и отнюдь не слѣдуетъ пытаться дать характеристику послѣднихъ, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ давать невѣрную характеристику, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 313.

Нельзя, напр., характеризовать ихъ присутствіемъ незамкнутаго кровообращенія, во-первыхъ, потому, что у многихъ изъ нихъ нѣтъ никакого кровообращенія, а у другихъ, какъ у нѣкоторыхъ червей, оно замкнутое. Пора оставить невѣрное объясненіе роли плавательнаго пузыря рыбъ (стр. 312) и многое другое.

Встрѣчаются и просто неточности. Такъ неточно, напр., опредѣленіе понятія „железа" на стр. 217; нельзя въ учебникѣ для средней школы ставить рядомъ усики и другія конечности рака со стебельками, несущими глаза (стр. 331); не надо помѣщать висцеральные гангліи пластинчатожаберныхъ *надъ* заднимъ мускуломъ замыкателемъ, когда они лежатъ *подъ* нимъ (въ приложенныхъ опечаткахъ испра-

вленія этого мѣста нѣтъ); нельзя утверждать, что у инфузорій вообще два сократимыхъ пузырька (стр. 356), когда это свойственно лишь нѣкоторымъ и т. д.

В. Шимкевичъ.

Ботаническая часть составлена хорошо. Въ ней главное вниманіе обращено на морфологію и органографію. Систематикѣ цвѣтковыхъ растеній отведено второстепенное мѣсто. Встрѣчаются иногда не совсѣмъ точныя выраженія, но ихъ мало. Такъ, на 199 стр. употребляется слово „сила" вмѣсто энергія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто термина „клѣтка" авторъ говоритъ или крупинки (стр. 153, 175) или полость (стр. 160). Издана книга очень хорошо, на хорошей бумагѣ, термины и опредѣленія напечатаны жирнымъ шрифтомъ, съ большимъ количествомъ хорошихъ рисунковъ. Цѣна умѣренная.

В. Палладинъ.

Отдѣлъ, касающійся „неживой" природы, въ частности минералогіи и геологіи, составленъ удовлетворительно, исключая нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ замѣчены различные дефекты какъ со стороны фактической, такъ и со стороны изложенія. Укажемъ для примѣра нѣсколько страницъ по порядку. На стр. 18 нельзя назвать удачной фразу: „Всякое тѣло, будетъ ли оно элементъ, или сложное тѣло, отличается отъ другихъ тѣлъ признаками, которые зависятъ или отъ состава или отъ строенія". Дальнѣйшая же фраза совсѣмъ невѣрна. Вызываетъ недоразумѣніе конецъ той же стр. и начало 19-й, гдѣ авторъ характеризуетъ различіе смѣси отъ химическаго соединенія. На стр. 36 совершенно напрасно авторъ приравниваетъ бертолетову соль къ перекиси марганца. Стр. 52 пестритъ неуклюжими оборотами. То же самое встрѣчается и на стр. 53, гдѣ кромѣ того имѣется неправильное утвержденіе, что „осадочныя породы болѣе поздняго происхожденія". Такого общаго утвержденія дѣлать никакъ невозможно. Неудачныя слова встрѣчаются на стр. 54-й. На 55-й стр. совершенно ложное представленіе о прозрачности пластовъ каменной соли. На стр. 58 имѣется ссылка на рис. (48-й), который совершенно не соотвѣтствуетъ тексту. На этой же стр. помѣщенъ рисунокъ (49-й), на который нѣтъ ссылки въ текстѣ. На стр. 65 говорится, что известняки, будто бы, бываютъ прозрачными. На той же страницѣ смѣшаны въ одно понятіе о горной породѣ съ понятіемъ о минералѣ. На стр. 71 гранитъ названъ самой старой породой; въ дѣйствительности же гранитъ бываетъ разнаго возраста. Смѣшеніе понятій до-

пущено и на стр. 72. Можно было бы указать немало и другихъ страницъ съ тѣми или другими недостатками.

П. Земятченскій.

К. А. Тюлеліевъ. Образовательная цѣнность латинскаго языка, передъ судомъ современной педагогической науки. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и Москва 1914 г.—23 стр. Цѣна 15 коп. („Задушевное воспитаніе". Собраніе популярныхъ очерковъ, лекцій и статей по педагогическимъ вопросамъ. Подъ ред. Виктора Русакова. № 34).

Брошюра г. Тюлеліева—апологія классическаго образованія и въ частности латинскаго языка; въ ней убѣдительно, хотя и коротко, доказывается важность и даже необходимость изученія латинскаго языка. Исходя изъ педагогическихъ воззрѣній Барта (П. Бартъ, Элементы воспитанія и обученія на основаніи современной психологіи и философіи), г. Тюлеліевъ въ началѣ своей статьи устанавливаетъ двѣ цѣли, которыя преслѣдуются преподаваніемъ учебныхъ предметовъ, формальную и матеріальную. Несомнѣнно, изученіе латинскаго языка важно по матеріальнымъ или утилитарнымъ соображеніямъ для будущихъ филологовъ-классиковъ и филологовъ-романистовъ, для историковъ и юристовъ и даже для естественниковъ и медиковъ.

Однако, продолжаетъ авторъ, въ основу образованія нельзя класть утилитарнаго принципа, который выдвинутъ былъ Руссо и Базедовымъ; ему слѣдуетъ противопоставить понятіе формальнаго образованія, установленное нѣмецкими гуманистами XVIII в. и усвоенное затѣмъ какъ кантіанцами, такъ и Фихте, Шеллингомъ, Гегелемъ и даже Шопенгауеромъ. Формальное образованіе есть выработка способности быстро анализировать предметы или мысли, видѣть логическую связь вещей и явленій, вытекающее отсюда умѣніе открывать новое и пріобрѣтать новыя познанія... Оно опирается на апперцептивное мышленіе въ смыслѣ Вундта, между тѣмъ какъ навыкъ основанъ на ассоціативномъ мышленіи.

Латинскій языкъ — „специфическое средство" для формальнаго образованія, а именно для одного изъ трехъ видовъ его—рефлектирующаго. Каждый урокъ латинскаго языка есть урокъ логики, но онъ въ то же время и урокъ русскаго языка.

Кромѣ того, ученики, изучая древніе языки и знакомясь съ мыслью грековъ и римлянъ, усваиваютъ самыя цѣнныя, вѣчныя истины этики.

Нужно признать, что автору вполнѣ удалось популярно изложить

эти мысли и доказать важность и незамѣнимость латинскаго языка въ системѣ образованія.

Въ заключеніе, не могу не указать на нѣкоторыя неудачныя выраженія автора.

На стр. 20 г. Тюлеліевъ говоритъ: „Изучая античную литературу, мы изучаемъ исторію въ ея различныхъ источникахъ. *Другія свѣдѣнія ученый черпаетъ изъ десятыхъ рукъ*, но древнюю культуру изучаетъ по первоисточникамъ; читая Ливія, онъ имѣетъ первоисточникъ римской исторіи“. Съ напечатанной курсивомъ фразой, конечно, нельзя согласиться.

Стр. 22: „Поэзія и музыка направлены на внутренній міръ и потому могутъ совпадать въ одной личности (Терпандръ, Рихардъ Вагнеръ)“. Рядомъ съ Терпандромъ слѣдовало во всякомъ случаѣ упомянуть греческихъ трагиковъ.

Трудно согласиться съ выраженіемъ на стр. 23: „Геній Леонардо-да-Винчи... витаетъ исключительно въ предѣлахъ объективнаго міра“. Леонардо въ своей геніальной всесторонности совмѣщалъ въ себѣ натуралистическіе интересы съ гуманитарными.

А. Брокъ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ 1914 года.

— Историческая хрестоматія. Сборникъ историческихъ разсказовъ русскихъ писателей. Составилъ для юношества *В. П. Авенаріусъ*. Рисунки В. В. Спасскаго. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1915. 609 стр. Цѣна 2 руб. 25 коп.

— Судебные уставы 20-го ноября 1864 года за пятьдесятъ лѣтъ. Петроградъ 1914. Томъ первый. XI+786 стр.—Томъ второй. 831 стр.

— Сказки современныхъ русскихъ писателей. (Для средняго возраста). Собрала *Клавдія Лукашевичъ*. Изданіе 2-е. Томъ I-й. Съ иллюстраціями Ел. Бёмъ, М. Андреева, П. Воронцова, Е. Лебедевой и Н. Николаевской. Изданіе въ пользу кассы литераторовъ и ученыхъ. М. 1914. 273 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Лукашевичъ, Клавдія*. Во время войны. Сборникъ. Обложка и рисунки Е. Лебедевой и др. Въ пользу дѣтей воиновъ. М. 1915. 165 стр. Цѣна 90 коп.

— *Лукашевичъ, Клавдія*. Школьный праздникъ въ память М. Ю. Лермонтова. Содержаніе: 1) Предисловіе. 2) Лермонтовъ (краткая біографія). 3) Стих. М. Ю. Лермонтову (къ юбилею). 4) Стих. Лермонтова. 5) Отрывки изъ прозаическихъ сочиненій. 6) Сцены. 7) Хоровыя пѣсни (на слова Лермонтова) сочиненіе Н. Сассъ-Тисовскаго. М. 1914. 116 стр. Цѣна 60 коп.

— *Пушкинъ.* Сочиненія. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ одиннадцатый. Исторія Пугачевскаго бунта. Петроградъ 1914. X+482+364 стр. Цѣна 3 руб.

— *Кривенко, С. Н.* М. Е. Салтыковъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изданіе 3-е, съ портретомъ М. Е. Салтыкова и предисловіемъ и примѣчаніями А. Югорскаго. Петроградъ 1915. IX+105 стр. Цѣна 75 коп.

— *Трубецкой, Евгеній, князь.* Сигналъ войны. Выпускъ I. Путь. М. 1914. 47 стр. Цѣна 30 коп.

— *Эрнъ, В.* Розмини и его теорія знанія. Изслѣдованіе по исторіи итальянской философіи XIX столѣтія. Путь. М. 1914. 296 стр. Цѣна 1 руб. 80 коп.

— Колядки. Петроградъ 1914. 31 стр. Цѣна 25 коп.

— *Дѣвинъ, П. І.* Философія преподаванія родного языка. Выпускъ I. Основныя положенія. Петроградъ 1914. 70 стр. Цѣна 50 коп.

— *Иваницкій, Н. С.* Нужды народнаго образованія въ Приамурскомъ краѣ. Докладъ окружнаго инспектора. Хабаровскъ 1914. 99 стр. (Матеріалы по изученію Приамурскаго края. Выпускъ XIX).

— *Спекторскій, Е.* Происхожденіе протестантскаго раціонализма. Варшава 1914. 67 стр. Цѣна 40 коп.

— *Степовичъ, А.* Славянскія извѣстія. Воронежъ 1914. 26+38+9 стр.

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Къ русскимъ учителямъ начальной, средней и высшей школы. Учитель и школа въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. М. 1912. 80 стр. Цѣна 30 коп. (Библіотека новаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ XXXI).

— *Богословскій, Евгеній.* Въ помощь семьѣ и школѣ. Тридцать три примѣрныхъ урока по этимологіи и синтаксису. Методическое пособіе по русской грамматикѣ. Для 8-го класса женскихъ гимназій, для учительскихъ институтовъ, семинарій, начальныхъ школъ и младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Баку 1914. 8+294 стр. Цѣна 1 руб. въ переплетѣ.

— *Адамовичъ, Ф.* Географія для начальныхъ училищъ. Книгоиздательство „Педагогъ". Рига 1914. 116 стр.

— *Платоновъ, Д. И.* Тетрадь для записи прочитанныхъ книгъ (младшій и средній возрастъ). Пригот.—4 клас. Изданіе 6-е. Кишиневъ. 64 стр. Цѣна 20 коп.

— *Голубковъ, В.* Новый путь. Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. 2-е, переработанное, изданіе. Съ 3 рис. въ текстѣ. М. 1914. 200 стр. Цѣна 80 коп.

— *Симоновъ, И. С.* Педагогическій Сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ. 1864—1914. Краткій историческій очеркъ. Петроградъ 1914. 85 стр.

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Почему я никогда не пью спиртныхъ напитковъ

и водки, пива и вина—и всѣмъ совѣтую никогда ихъ не пить? (Про алкоголь и про то, почему онъ такъ опасенъ для людей). По Квензелю. Съ 11-ю рисунками. М. 1913. 32 стр. Цѣна 8 коп.

— *Задушевное Слово.* Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ и М. 1914. Чтеніе для дѣтей младшаго возраста. Томъ LIV.—То же. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста.

— *Боргманъ, А.* Царство бабочекъ. 129 раскрашенныхъ изображеній бабочекъ на 12 таблицахъ въ краскахъ съ описательнымъ текстомъ. Переводъ М. М. Кругловскаго. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 28 стр.

— *Мейеръ, Бернардъ.* Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. 12 таблицъ въ краскахъ съ объяснительнымъ текстомъ. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ и М. 1914.

— *Волковъ, М.* Футболъ. Англійская игра въ мячъ. Съ рисунками. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ и М. 1914. 44+II стр. Цѣна 50 коп.

— *Ольхинъ, П. М.* Альбомъ рѣдкихъ марокъ. 12 таблицъ съ 350 изображеніями рѣдкихъ почтовыхъ марокъ, съ описательнымъ текстомъ, указаніемъ цѣнъ, отличительныхъ признаковъ и пр. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Цѣна 75 коп.

— *Васильевскій, М. Н.* Скаутингъ. Служба юныхъ развѣдчиковъ, ея цѣли и устройство. Съ 8 рисунками. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ и М. 1914. 20 стр. Цѣна 15 коп.

— *Соколовскій, М. К.* Героическая дѣтская литература. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ и М. 1914. 21 стр. Цѣна 15 коп.

— *Чечулинъ, Н. Д.* Римская исторія, изложенная по Моммсену. Съ портретами Моммсена и Юлія Цезаря и указателемъ личныхъ именъ. Изданіе князя А. К. Горчакова. Изданіе второе. Петроградъ 1914. 4+387+XII стр. Цѣна 1 руб.

— *Линниченко, И. А.* Психологія борьбы. Одесса 1914. 15 стр.

— *Кадилинъ, П. И.* Историческій подвигъ Россіи въ эти дни въ дѣлѣ освобожденія славянъ. Житоміръ 1914. 50 стр. Цѣна 20 коп.

— *Огіенко, И. И.* Тетрадь для литературнаго разбора и записыванія прочитанныхъ книгъ. Пособіе для домашняго и классанаго чтенія. Кіевъ 1914. Цѣна 5 коп.

— Орѳографическій словарь. Справочная книжка по русскому языку. Кіевъ 1914. 320 стр. Цѣна 10 коп.

— Лѣтопись Императорской Александровской Кіевской гимназіи. Томъ I. 1911—1912 г. Кіевъ 1912. X+253+13 стр. Цѣна 5 руб.—Томъ II. 1912—1913 г. Кіевъ 1913. VIII+392 стр. Цѣна 5 руб.—Томъ III. 1913—1914 г. Кіевъ 1914. VII+312 стр. Цѣна 3 руб.

— *Демковъ, М. И.* Уголокъ дѣтской жизни. Разсказы для дѣтей отъ 9 до 11 лѣтъ. Съ рисунками художника А. И. Подтыканаго. М. 1915. 176 стр. Цѣна 1 руб.

— *Зеленская, А. Я.* Общая психологія. Петроградъ 1915. 275+VII стр. Цѣна 1 руб. 40 коп.

— *Алексѣевъ, П. С.* Чѣмъ помочь великому горю, какъ остановить пьянство. 47 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1½ коп., на лучшей—3 коп.

— *Антиповъ, Ѳ. В.* На желѣзной дорогѣ. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 543. М. 1905. 81 стр. Цѣна 8 коп.

— *Бунге, Г.* Алкоголизмъ и вырожденіе. Переводъ Л. Б. Градовскаго. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— *Бодрилларъ.* Берегитесь спиртныхъ напитковъ. Двадцать бесѣдъ для самостоятельнаго чтенія юношества и для преподаванія основныхъ свѣдѣній о вредѣ алкоголизма. Съ французскаго. М. 1914. 40 стр. Цѣна 10 коп.

— *Бодрилларъ.* Приключенія бутылки съ виномъ, разсказанныя ею самою. Съ французскаго перевела В. Величкина. М. 1910. 96 стр. Цѣна на простой бумагѣ 15 к., на лучшей—20 к.

— *Гауле, I.* Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. (Вліяніе алкоголя). Съ нѣмецкаго перевела В. И. Величкина. М. 1913. 16 стр. Цѣна 4 к.

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Грѣхъ и безуміе пьянства. Сборникъ поученій противъ пьянства. М. 1914. 48 стр., на простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 коп.

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло и что для него полезно и вредно. Съ 29 рисунками. Съ англійскаго. 68 стр. Цѣна 30 к.

— *Желтовъ, Ф. А.* Передъ людьми. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 120. М. 1912. 48 стр. Цѣна 1½, 2½ и 3 к.

— *Ильина, М.* Исповѣдь запойнаго пьяницы. М. 1914. 16 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Козыревъ.* Школа. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 48. М. 1911. 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Крепелинъ, Э.* Къ молодежи. (Наша молодежь и спиртные напитки). 31 стр. Цѣна 6 к.

— *Лангъ, О.* Спиртные напитки какъ причина преступленій. (Алкоголизмъ и преступность). М. 1912. 32 стр. Цѣна 5 к.

— *Линдрумъ, Л.* Уроки трезвости. Руководство для учащихся, учащихъ и для самообразованія. Перевела съ нѣмецкаго М. А. Порѣцкая. Съ 24 рисунками. М. 1913. 79 стр. Цѣна 35 к.

— *Лавровъ, Д. М.* Вліяніе алкогольныхъ напитковъ на человѣка. Двѣ публичныя лекціи. М. 1913. 80 стр. Цѣна 15 к.

— *Лукъянская, В.* Какой вредъ дѣлаетъ человѣку вино. М. 1914. 64 стр. Цѣна на простой бумагѣ 2 к., на лучшей—4 к.

— *Лукъянская, В.* Пьянство—горе наше. Сборникъ разсказовъ, стихотво-

реній, изрѣченій и пословицъ о вредѣ вина и пагубѣ пьянства. Изданіе „Посредника". № 460. М. 1910. 64 стр. Цѣна 12 к.

— *Новиковъ, М.* Братьямъ крестьянамъ. Крестьянская бесѣда о крестьянской жизни. М. 1912. 14 стр. Цѣна на простой бумагѣ 2 к., на лучшей—4 к.

— *Панинъ, А.* Пора опомниться. М. 16 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—3 к.

— *Пэйверинтъ, Піетари.* Загубленная жизнь или исповѣдь пьяницы. Изданіе „Посредника". № 481. 64 стр. Цѣна на простой бумагѣ 2 к., на лучшей—4 к.

— *Полушинъ, Н.* Василиса Марковна или правда и въ сарафанѣ сильна. Сцены изъ деревенской жизни. Изданіе „Посредника". № 79. 48 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Полушинъ, Н.* Разуваевскіе мужики у Московской кумы. Разговорное сказаніе. Изданіе „Посредника". № 241. 31 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Полушинъ, Н.* Омутъ или въ городъ на чалочкѣ, а изъ города на палочкѣ. Разсказъ въ лицахъ изъ деревенской жизни. Изданіе „Посредника". № 87. 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Рахмановъ, В.* Бесѣда о томъ, какая отрава въ водѣ, винѣ и пивѣ, и о томъ, какъ надо лѣчить людей, отравившихся этими напитками. 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Савихинъ, В.* Кривая доля. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 125. 48 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к., не обр. 1 к., обр. 1½ к.

— *Савихинъ, В.* Прошумѣла слава. Повѣсть. Изданіе „Посредника". № 269. 64 стр. Цѣна на простой бумагѣ 2 к., на лучшей—4 к.

— *Сажинъ, И. В.* Умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе отъ нихъ? М. 1914. 40 стр. Цѣна 10 к.

— *Сажинъ, И. В.* Чахотка и алкоголизмъ. С.-Пб. 1912. 40 стр. Цѣна 15 к.

— *Сажинъ, И. В.* Что говоритъ о спиртныхъ напиткахъ наука. М. 1913. 32 стр. Цѣна 10 к.

— *Сажинъ, И. В.* Наиболѣе распространенныя причины алкоголизма и необходимость борьбы съ ними. М. 1914. 31 стр. Цѣна 8 к.

— *Сажинъ, И. В.* О вліяніи спиртныхъ напитковъ на растущій организмъ. Роль семьи въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. М. 1914. 31 стр. Цѣна 8 коп.

— *Саломатинъ, П.* Не пей и не кури. Собраніе задачъ и вопросовъ, вычисляющихъ вредъ и убытки отъ пьянства и куренія. М. 1914. 48 стр. Цѣна 10 коп.

— *Семеновъ, С. Т.* Будь трезвъ. Письмо къ брату. Изданіе „Посредника". № 157. 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Семеновъ, С. Т.* Порченый. Комедія въ 1 дѣйствіи. Изданіе „Посредника". № 934. 48 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Семеновъ, С. Т.* Хорошее житье. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 560. 32 стр. Цѣна на лучшей бумагѣ 3 к.

— *Семеновъ, С. Т.* Васька. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 388. 80 стр. Цѣна на простой бумагѣ 2½ к., на лучшей—5 к.

— *Семеновъ, С. Т.* Вино. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 70. 48 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Семеновъ, С. Т.* Вѣрное средство. (Въ трактирѣ). Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 259. 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Савихинъ, В.* Два сосѣда. Деревенская побывальщина. Въ стихахъ. Изданіе „Посредника". № 62. 79 стр. Цѣна на простой бумагѣ 2½ к., на лучшей—5 к.

— *Старининъ, И.* Получка. Изданіе „Посредника". 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—3 к.

— *Толстой, Л. Н.* Первый винокуръ или какъ чертенокъ краюшку заслужилъ. Комедія. Изданіе „Посредника". № 25. 48 стр. Цѣна 1, 1½ и 3 к.

— *Толстой, Л. Н.* Благодарная почва. (Изъ дневника). Изданіе „Посредника". № 825. 16 стр. Цѣна на простой бумагѣ ¾ к., на лучшей—2 к.

— *Толстой, Л. Н.* Праздникъ просвѣщенія. Изданіе „Посредника". № 731. М. 1914. 8 стр. Цѣна 3 к.

— *Толстой, Л. Н.* Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ. Изданіе „Посредника". № 784. 16 стр. Цѣна на простой бумагѣ ¾ к., на лучшей—2 к.

— *Толстой, Л. Н.* Богу или маммонѣ? М. 1914. 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Толстой, Л. Н.* Для чего люди одурманиваются. Изданіе „Посредника". № 608. 48 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—4 к.

— *Толстой, Л. Н.* Отъ ней всѣ качества. Комедія. Изданіе „Посредника". № 1105. 32 стр. Цѣна 1, 1½, 2 и 3 к.

— *Ѳомушкинъ, К.* Счастливый день Дудкина. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 548. М. 1900. 128 стр. Цѣна 10 к.

— *Форель, А.* Спиртные напитки, какъ причина сумасшествія. (Алкоголь и душевныя разстройства). М. 1914. 32 стр. Цѣна 5 к.

— *Форель, А.* Къ студенчеству. (Студенчество и пьянство). М. 1910. 32 стр. Цѣна 6 к.

— *Францманъ.* Объ алкоголизмѣ. М. 1912. 40 стр. Цѣна 8 к.

— *Фокъ.* Народное здоровье и разрушеніе его водкой, виномъ и пивомъ. (Алкоголизмъ и народная гигіена). М. 1912. 16 стр. Цѣна 3 к.

— *Хотымскій, П.* Гришка. Разсказъ. Изданіе „Посредника". № 387. М. 1910. 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

— *Хотымскій, П.* О пьянствѣ. Изданіе „Посредника". № 984. 16 стр. Цѣна на простой бумагѣ ¾ к., на лучшей—1½ к.

— *Хотымскій, П.* Вино—ядъ. Изданіе „Посредника". № 359. 32 стр. Цѣна на простой бумагѣ 1 к., на лучшей—2 к.

Листы по пьянству:

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Я не врагъ себѣ. На простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Что должна знать каждая мать. На простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Фабричные гуляютъ. На простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Желтовъ, Ф.* Перестанемъ пить вино. На простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Толстой, Л. Н.* Что дѣлаетъ вино съ человѣкомъ. На простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Толстой, Л. Н.* Богу или маммонѣ? На простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Толстой, Л. Н.* О пьянствѣ. На простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

— *Толстой, Л. Н.* Пора опомниться. На простой бумагѣ 1½ к., на лучшей—3 к.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ ХУДОЖЕСТВЪ.

(1764—1914 гг.).

4-го ноября минувшаго года исполнилось 150 лѣтъ со дня дарованія Императрицею Екатериною II Императорской академіи художествъ ея перваго устава, преобразовавшаго ее изъ рисовальнаго отдѣленія Московскаго университета въ самостоятельную академію художествъ, призванную стоять во главѣ русскаго искусства.

Въ теченіе полутора вѣковъ академія художествъ руководитъ художественною жизнью страны и, конечно, за столь продолжительный періодъ времени смѣнялись не только ряды поколѣній воспитанныхъ ею художниковъ, но и самые взгляды на искусство и его формы.

Заимствованное и перенесенное на русскую почву въ XVIII вѣкѣ западное искусство нуждалось, для своего дальнѣйшаго развитія, въ соотвѣтствующей художественной средѣ. Хотя еще при первыхъ царяхъ Дома Романовыхъ въ Москвѣ, при оружейной палатѣ, было образовано нѣчто въ родѣ художественно-технической школы, гдѣ пріѣзжіе европейскіе художники обучали русскихъ учениковъ своему искусству, но весь московскій укладъ жизни былъ все же такъ далекъ отъ западныхъ формъ, что и искусство, которому обучались русскіе люди, не могло тамъ укрѣпиться въ достаточной мѣрѣ, и лишь съ созданіемъ новой, на европейскій ладъ, столицы проявилась сознательная въ немъ необходимость.

Выроставшей, по волѣ Великаго Петра, на берегахъ Невы столицѣ предназначалось почетное мѣсто среди главнѣйшихъ городовъ Запада; въ соотвѣтствіи съ этимъ европеизирующейся Россіи стали необходимы услуги спеціалистовъ - архитекторовъ, живописцевъ и

скульпторовъ. Быстрый ростъ обновленной русской жизни, смѣнившій ея прежній московскій складъ, сказался и въ области искусствъ. Приглашенные сначала западные мастера скоро не могли уже удовлетворять наросташимъ художественно-промышленнымъ и техническимъ потребностямъ, и потому пришлось озаботиться объ образованіи своихъ собственныхъ, русскихъ мастеровъ и художниковъ.

Для созданія этого новаго класса отечественныхъ дѣятелей въ области художественнаго творчества, далеко ушедшаго впередъ отъ вѣкового кустарнаго мастерства, требовалось учредить новую школу. Идея такой школы, заложенная Великимъ Преобразователемъ, была осуществлена въ царствованіе его державной дочери, Императрицы Елисаветы Петровны, учрежденіемъ въ Петроградѣ И. И. Шуваловымъ художественнаго отдѣленія только что открытаго Московскаго университета. Новая школа, выросшая затѣмъ въ академію художествъ, получила государственное значеніе при Екатеринѣ Великой, даровавшей этому художественному учрежденію, посвященному свободнымъ художествамъ, уставъ и привилегію людей „свободныхъ и вольныхъ съ ихъ дѣтьми и потомками".

I.

Въ 1755 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ открытіи, по проекту Шувалова, Московскаго университета, при которомъ онъ думалъ учредить и особую академію художествъ. Однако, какъ видно изъ представленія Шувалова въ сенатъ, относящагося къ 1757 г., мысль эта не могла быть осуществлена въ Москвѣ „по причинѣ, что лучшіе (заграничные) мастера не хотятъ въ Москву ѣхать, какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизнью", и потому рѣшено было учредить академію въ Петроградѣ и на первое время отпустить на ея содержаніе 6.000 рублей. Такъ возникаетъ „Академія трехъ знатнѣйшихъ художествъ", числившаяся до 1763 г. при Московскомъ университетѣ, изъ котораго были набраны и ея первые ученики. Въ началѣ 1758 г. 16 студентовъ были привезены въ Петроградъ, гдѣ къ нимъ присоединилось еще до 20 мальчиковъ, набранныхъ большей частью изъ солдатскихъ дѣтей. Воспитаніе и надзоръ за ними были поручены французу Дю-Буле, а рисованію, на первыхъ порахъ, обучалъ живописецъ Ротари, пока не пріѣхали приглашенные изъ-за границы профессоры искусствъ—граверъ Шмидтъ, скульпторъ Жилле и живописецъ Ле-Лорренъ. Кромѣ искусствъ въ академіи преподавались также и

общеобразовательные предметы; для воспитанниковъ была учреждена особая форма, а первымъ директоромъ новоучрежденной академіи былъ назначенъ кн. Хованскій.

Увлеченный осуществленіемъ своей идеи Шуваловъ жертвуетъ академіи большое собраніе картинъ, рисунковъ и книгъ и старается привлечь вниманіе высшаго общества къ новому учрежденію путемъ избранія вліятельныхъ вельможъ въ почетные члены академіи. Вскорѣ выясняется, что отпущенныхъ на содержаніе академіи 6.000 рублей далеко недостаточно и, по ходатайству Шувалова, отпускается дополнительно изъ доходовъ портовой таможни еще 20.000 руб.; также оказывается недостаточнымъ и первоначальное помѣщеніе академіи, вслѣдствіе чего она переводится на Васильевскій Островъ въ домъ, называвшійся, по имени своихъ прежнихъ владѣльцевъ, Головкинымъ. Однако, скоро и это помѣщеніе оказалось слишкомъ тѣснымъ и его пришлось расширить путемъ прикупки сосѣднихъ домовъ. Перестройка ихъ для нуждъ академіи и производство этихъ работъ было поручено академическому архитектору Валуа, котораго позже замѣнилъ извѣстный архитекторъ Валленъ Деламотъ, принимавшій большое участіе въ постройкѣ нынѣ существующаго зданія академіи.

Для усиленія преподавательскаго персонала, состоявшаго почти исключительно изъ иностранцевъ, принимаются „живописными подмастерьями“ бывшіе пѣвчіе, ученики живописца Аргунова—К. Головачевскій, А. Лосенко и С. Саблуковъ, настолько уже преуспѣвшіе въ искусствахъ, что живописца Лосенко, вмѣстѣ съ архитекторомъ В. Баженовымъ, академія отправила въ 1760 г. для дальнѣйшаго усовершенствованія за границу. Въ 1761 г. на мѣсто уволеннаго Константинова, замѣнившаго кн. Хованскаго, назначается директоромъ кн. Щербатовъ, а помощникомъ его и сотоварищемъ становится академическій архитекторъ А. Ф. Кокориновъ.

Горячо интересуясь академіею, Шуваловъ входитъ во всѣ подробности ея жизни и, не довольствуясь „обстоятельнѣйшими донесеніями подполковника кн. Щербатова и господина маіора Кокоринова“, самъ неоднократно посѣщаетъ академію и наблюдаетъ за ея порядками, при чемъ не всегда остается доволенъ видѣннымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его „промеморія“ отъ 30-го мая 1762 г.: „сегодня будучи я въ академіи усмотрѣлъ крайній во всемъ непорядокъ: было 4 часа по полудни, но еще третьей части учениковъ не было, и офицеръ караульный сказалъ, что токмо ихъ повѣщать начали.... на верху, гдѣ живутъ ученики, видѣлъ великую нечистоту... нѣкоторые уче-

ники босые и затѣмъ въ классы не ходятъ"... Въ виду такихъ упущеній Шуваловъ „наикрѣпчайше поручаетъ—обоимъ директорамъ—всѣ оныя неудобства исправить", для чего онъ предлагаетъ имъ „всякой день ѣздить въ академію, докуда все оное придетъ въ должный порядокъ". Содиректорство кн. Щербатова и Кокоринова продолжалось недолго, и въ 1764 г. по увольненіи его изъ академіи исполнять директорскія обязанности было поручено одному Кокоринову.

Успѣхи учениковъ въ искусствахъ были настолько значительны, что въ декабрѣ 1762 г. на торжественномъ актѣ собраніе всѣхъ членовъ академіи и „постороннихъ искуснѣйшихъ художниковъ", разсматривая художественныя работы—копіи съ картинъ, оригинальныя скульптурныя группы и гравюры, отмѣчаетъ ихъ высокое художественное достоинство. Также успѣшно работаютъ и оба заграничные пенсіонера академіи—Лосенко и Баженовъ; по разсмотрѣніи полученныхъ отъ нихъ работъ они производятся въ „адъюнкты", вмѣстѣ съ живописцами Рокотовымъ, Саблуковымъ и Головачевскимъ. Выдвинувшійся въ области гравировальнаго искусства Евграфъ Чемесовъ удостаивается званія академика и, въ виду отъѣзда иностранныхъ профессоровъ гравированія — Шмидта и Тейхера, получаетъ въ свое завѣдываніе гравировальный классъ.

Императрица Екатерина II удѣляетъ академіи много вниманія, неоднократно посѣщая ее и заботясь о ея дальнѣйшемъ процвѣтаніи. По волѣ императрицы Шуваловъ составляетъ проектъ „Учрежденія Императорской Академіи Художествъ", содержавшій полную организацію академіи и регламентъ со штатомъ, при чемъ на содержаніе ея было исчислено въ годъ 26.000 рублей.

Надолго покинувъ въ 1763 г. Россію, Шуваловъ и на чужбинѣ не перестаетъ заботиться о близкомъ его сердцу дѣтищѣ, пересылаетъ ей статуи, слѣпки съ античныхъ произведеній скульптуры, картины и неизмѣнно оказываетъ покровительство всѣмъ русскимъ художникамъ, попадавшимъ въ то время за границу.

II.

По Высочайшему указу преемникомъ Шувалова былъ назначенъ извѣстный филантропъ Ив. Ив. Бецкій, вскорѣ сдѣланный президентомъ академіи художествъ. Однимъ изъ первыхъ очередныхъ вопросовъ въ началѣ его президентства явилась постройка новаго зданія для академіи. Еще въ 1756 г., когда Шуваловъ предполагалъ учредить академію художествъ въ Москвѣ, онъ имѣлъ въ

виду построить для нея особое зданіе и съ этою цѣлью обратился къ французскому архитектору Блонделю за составленіемъ проекта. Этотъ проектъ „Сѣверной Академіи“ l'Academie du Nord и легъ въ основу разработаннаго Кокориновымъ, совмѣстно съ Валленъ-Деламотомъ, грандіознаго плана теперешней академіи, при чемъ главный фасадъ и планъ вестибюля были выработаны Деламотомъ; что же касается самой постройки, то, какъ усматривается изъ строительныхъ дѣлъ „экспедиціи строенія академіи“, производилъ ее одинъ Кокориновъ, „а господинъ профессоръ Деламотъ, хотя и опредѣленъ по оному строенію, но онъ только былъ въ однихъ совѣтахъ, а въ производствѣ дѣла не касался“. Зданіе было закончено къ 1772 г., но долгое время оставалось неотдѣланнымъ и неоштукатуреннымъ.

Въ 1764 г. по мысли Бецкаго, увлеченнаго французскими идеями о воспитаніи, приступаютъ къ учрежденію при академіи „воспитательнаго училища“, цѣль котораго было „созданіе новаго поколѣнія, свободнаго отъ недостатковъ общества“. Для выполненія этой задачи былъ набранъ особый штатъ гувернеровъ, гувернантокъ и учителей, которымъ было поручено воспитаніе и „приготовленіе дѣтей къ занятіямъ искусствами“. Поэтому въ академію стали принимать мальчиковъ 5—6 лѣтъ отъ роду, а для лучшаго выполненія французскихъ педагогическихъ идей главнымъ воспитателемъ былъ приглашенъ французъ Кювелье.

4-го ноября 1764 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе представленнаго Бецкимъ проекта управленія академіею художествъ съ воспитательнымъ при нею училищемъ; въ томъ же году, 13-го декабря, Бецкій назначается президентомъ академіи. Изготовленный по волѣ государыни проектъ новаго академическаго зданія былъ одобренъ, и въ 1765 г. состоялась торжественная закладка „новаго для академіи художествъ строенія“. Празднованіе по поводу закладки зданія академіи и академической церкви было обставлено необычайно пышно, благодаря особой любви Бецкаго ко всякаго рода празднествамъ и торжествамъ. Прежнее зданіе академіи было богато декорировано снаружи и внутри. На Невѣ передъ академіею были устроены на баркахъ три разукрашенныя пристани, откуда прибывшая вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ государыня прошла къ мѣсту закладки. Тамъ, въ числѣ различныхъ подобающихъ такому торжественному случаю предметовъ, была приготовлена особая золоченая доска съ надписью: „Благословеніемъ всемогущаго Творца и Высочайшимъ повелѣніемъ Всесвѣтлѣйшія Державнѣйшія

Великія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссійскія и проч. и проч. и проч. babприсутствіи Ея Величества положено основаніе Санктъ петербургской Императорской академіи художествъ и храма во имя святого и преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина въ лѣто отъ Рождества Христова 1765 г. Царствованія Ея Величества въ четвертый годъ". По совершеніи молебна президентъ, отъ имени Государыни, положивъ въ особо приготовленную скрынку монеты и медали, поставилъ ее въ заранѣе приготовленное въ камнѣ фундамента отверстіе и прикрылъ доской съ вышеуказанной надписью, а присутствующіе профессоры академіи замазали края доски известью. Затѣмъ государыня положила сверху камень и „пріявъ лопатку и известь изволила оныя вмазать при 31 пушечномъ выстрѣлѣ съ яхтъ и при играніи на балконахъ трубъ и литавръ" [1]. По совершеніи церемоніи самой закладки императрица прослѣдовала въ празднично убранный залъ, гдѣ „помимо разнаго рода орнаментальныхъ измышленій не малую роль играли и картины". Здѣсь конференцъ-секретарь А. М. Салтыковъ привѣтствовалъ императрицу рѣчью на французскомъ языкѣ, послѣ чего была прочитана Высочайше дарованная академіи привилегія, и профессоры получили изъ рукъ государыни дипломы. По окончаніи церемоніи „инавгураціи" для знатныхъ особъ былъ данъ обѣдъ на 100 кувертовъ; „послѣ стола потчиваны были всѣ бывшіе при столѣ кофемъ и потомъ разъѣхались", а академія была затѣмъ въ теченіе цѣлой недѣли открыта для обозрѣнія публики, которой „какъ въ тотъ день такъ и во всѣ восемь дней съ утра и до вечера неописанное множество было имѣя случай каждый видѣть, сколь несказанно велика милость великой нашей Монархини" [2].

По дарованіи „регламента" и штата, составъ академіи увеличивается принятіемъ новыхъ лицъ въ число ея членовъ и академиковъ. 25-го іюня 1765 г. великій князь Павелъ Петровичъ, по полученному отъ него письму съ изъявленіемъ желанія быть принятымъ въ число членовъ академіи, былъ признанъ почетнымъ ся любителемъ. Первыми академиками по части искусствъ были избраны русскіе художники: архитекторъ Баженовъ и живописцы Козловъ, Рокотовъ, Головачевскій и Саблуковъ, а изъ иностранцевъ—Ролланъ и Гротъ.

Благодаря августѣйшему покровительству, академія продолжала

---

[1]) *Петровъ*, Матеріалы для Исторіи И. А. Х., т. I.

[2]) *Петровъ*, Матеріалы для Исторіи И. А. Х., т. I.

привлекать къ себѣ вниманіе высшаго общества, и въ число ея почетныхъ любителей поступаютъ такіе именитые вельможи, какъ графъ Г. Орловъ, Н. Панинъ, князь А. Голицынъ, Олсуфьевъ и друг. Императрица и цесаревичъ неоднократно посѣщаютъ академію и слѣдятъ за ея дѣятельностью и успѣхами. Филантропъ-президентъ Бецкій принимаетъ на себя обязательство матеріально поддерживать рядъ воспитанниковъ; многіе изъ его пенсіонеровъ стали впослѣдствіи извѣстными художниками и архитекторами.

Въ іюлѣ 1767 г. состоялся первый выпускъ академіи въ числѣ 20 учениковъ. Семеро изъ нихъ, получившіе золотыя медали, были посланы для дальнѣйшаго усовершенствованія за границу. Сосредоточенное въ рукахъ такихъ талантливыхъ художниковъ, какъ портретистъ Левицкій, историческій живописецъ Козловъ, пейзажистъ Щедринъ и друг., преподаваніе художественныхъ предметовъ даетъ отличные результаты, и въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка русское искусство дѣйствительно сдѣлало громадные успѣхи, неоднократно засвидѣтельствованные „западными собратьями". Кромѣ чистаго искусства въ академіи преподавались и художественно прикладныя его отрасли, напримѣръ рѣзьба по дереву, литейно-чеканное мастерство, слесарное, столярно-модельное и даже часовое. Преподаваніе этихъ предметовъ было поручено приглашеннымъ иностраннымъ спеціалистамъ, которыхъ, однако, академіи приходилось часто замѣщать другими, въ виду того обстоятельства, что многіе изъ нихъ оставляли свои мѣста ранѣе срока заключеннаго съ ними контракта. Одной изъ главныхъ причинъ частой смѣны преподавателей являлось скудное вознагражденіе, и потому совѣтскія дѣла академіи того времени пестрятъ ходатайствами о прибавкахъ жалованья. Такъ инспектору Головачевскому, по его ходатайству, выдается „сверхъ настоящаго его оклада двумъ стамъ рублямъ, еще каждый день по семи фунтовъ говядины и по одному ситному хлѣбу"; скульпторъ Ролланъ взятъ за долги изъ дому и „въ погребу содержится".

Но все же, хотя и скудно, служба въ академіи до нѣкоторой степени обезпечивала художниковъ. При относительно маломъ спросѣ въ тѣ времена на художественныя произведенія, многіе, даже талантливые ученики, выйдя изъ академіи, не могли примѣнять своихъ талантовъ къ поддержкѣ своего существованія и должны были, оставивъ искусство, занимать мѣста, ничего общаго съ нимъ не имѣющія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слезное прошеніе извѣстнаго скульптора Шубина, который писалъ въ академію, прося предоставить ему хоть

какую-нибудь платную должность, „такъ, что воистину не имѣю чѣмъ и содержаться, будучи безъ жалованья и безъ работы“.

Первые годы „командованія“ академіею Бецкаго ознаменованы цѣлымъ рядомъ различныхъ проектовъ, клонящихся къ улучшенію ея положенія. Однако, далеко не все могло быть осуществлено; да и отъ того, что было проведено въ жизнь, многое не дало ожидаемыхъ результатовъ. Бывшій по профессіи красильщикъ Жанъ Кювилье, которому, единственно въ виду его французскаго происхожденія, было поручено завѣдываніе воспитательнымъ училищемъ и образованіе „новой породы людей“, оказался мало пригоднымъ для выполненія порученной ему задачи. По отзыву его современника Сумарокова „онъ такая бестія и такая невѣжа, какой другой нѣтъ въ Россіи; надобно метлами его отсюда вонъ выгнать“. Кромѣ французскаго языка онъ преподавалъ исторію, географію и миѳологію. О томъ, какъ шли занятія у сыновей солдатъ и разночинцовъ, изъ которыхъ состояло большинство академическихъ учениковъ, можно судить по слѣдующему отзыву академическаго собранія, относящемуся къ 1785 г. „Пребываніе... губернантокъ француженокъ... не приноситъ никакой пользы, въ разсужденіи того, что они не зная россійскаго языка, а... воспитанники французскаго не могутъ юношамъ дѣлать вразумительныя наставленія по встрѣчающимся иногда надобностямъ“. По теоріи Бецкаго всѣ предметы, кромѣ чтенія, письма и Закона Божія, были необязательны и предоставлялись „собственной охотѣ учащихся, безъ всякаго принужденія“, но на практикѣ это, конечно, было далеко не такъ; однако, среди принудительныхъ мѣръ тѣлесныхъ наказаній не полагалось, на что указываетъ академическій гувернеръ Moissonier, критикуя постановку воспитательнаго дѣла и настаивая на необходимости ввести „châtiment corporel“.

Уволеннаго въ 1780 годахъ изъ академіи Кювилье замѣнилъ Головачевскій, который, не зная иностранныхъ языковъ, не могъ никакъ объясняться съ набранными его предшественникомъ иностранными гувернерами и гувернантками, и потому его вскорѣ замѣнилъ снова французъ Сенъ-Мартенъ. Однако, неудовлетворительные результаты французскаго воспитанія были настолько ярки, что въ 1783 г. самъ Бецкій, окончательно разочаровавшись въ своей затѣѣ, констатируетъ, что „недавно выпущенные воспитанники навлекаютъ внутри и внѣ государства безславіе на наше воспитаніе“. Пришлось снова мѣнять всю систему воспитанія, поставивъ на первое мѣсто обученіе русскому языку и чтеніе всѣхъ предметовъ по-русски; однако, вслѣд-

ствіе „недостатка учителей съ русскимъ языкомъ“, особаго улучшенія не замѣчалось. О томъ, каковы были тогда академическіе педагоги и какое существовало къ нимъ отношеніе, можно судить по постановленію академіи, относящемуся къ 1777 г.: „въ разсужденіи приключившейся учителю россійскаго чтенія сержанту Гончарову глухоты“, рѣшено было „оставаться (ему) только при должности оркестра“ [1]). Другой педагогъ Николай Фоняевъ, обучавшій, кромѣ россійскаго чтенія и церковнаго пѣнія, позднѣе и рисованію, былъ опредѣленъ въ 1786 г. въ помощь консьержу „при стояніи у дверей конференцъ-залы во время публичнаго собранія, а также у наблюденія чистоты мѣста для натуры“ [2]). Таковы были нѣкоторые изъ русскихъ педагоговъ; къ сожалѣнію, и среди иностранцевъ, обучавшихъ въ академіи кромѣ искусствъ различнымъ ремесламъ, музыкѣ и танцамъ, тоже нерѣдко можно было встрѣтить людей, мало отвѣчавшихъ возложеннымъ на нихъ задачамъ. Напримѣръ, учителю столярно-модельнаго класса Бернгарду Бахофену, черезъ годъ по его вступленіи въ академію, рѣшено было отказать въ виду того, что въ немъ „усмотрѣнъ нетокмо человѣкъ неисправный, но и житія совсѣмъ не такого, какого бы академія желала, ибо находится въ пьянствѣ“; другой преподаватель-музыкантъ Генсъ оказывается большимъ лѣнтяемъ и только значится, будто „преподаетъ клавесинъ“: на уроки является онъ рѣдко, при чемъ зимою отговаривался, будто ледъ на Невѣ слишкомъ слабъ, однако, „несмотря на слабость льда за жалованьемъ всегда преисправно приходитъ“ [3]). Вообще многое относящееся къ этому періоду жизни академіи поражаетъ своею простотою и примитивностью; это, конечно, особенно сильно должны были чувствовать пріѣзжіе иностранцы, плохо понимавшіе или вовсе не говорившіе по-русски. Напримѣръ, уволенный въ отставку профессоръ живописи Стефанъ Торелли никакъ не могъ уѣхать, такъ какъ у него украли камзолъ, и потому онъ пишетъ президенту: „Je vous supplie très humblement, Votre Excellence, d'ordonner qu'on fasse les plus exactes recherches et qu'on la rende telle comme on me l'a volée“. По разслѣдованіи этого дѣла оказалось, что нѣкій Евстафій Гавриловъ объявилъ, что заложила ему по знакомству камзолъ господина Торелля кухарка Вѣра Степанова въ 4-хъ рубляхъ, а „камзолъ (этотъ) положилъ ей въ закладъ ученикъ господина Торелля, кото-

[1]) *Петровъ*, Матеріалы для Исторіи И. А. Х., т. I.
[2]) *Петровъ*, Матеріалы для Исторіи И. А. Х., т. I.
[3]) Архивъ И. А. Х., 1776 г., д. № 29.

рый уѣхалъ за море“ [1]). Такъ и осталось неизвѣстнымъ, получилъ ли обратно свой камзолъ Торелли.

Хотя, какъ было указано выше, „тѣлесное наказаніе было запрещено вовсе“, все же случаи кулачной расправы далеко не рѣдкость въ тѣ времена. Среди гувернеровъ особенно выдѣлялся своею грубостью воспитатель нѣмецъ Циммерманъ, съ которымъ произошелъ слѣдующій, относящійся къ 1793 г. случай, ярко обрисовывающій всю жестокость этого педагога: „іюля 4-го дня г. Циммерманъ, булучи гувернеромъ при воспитанникахъ, велъ ихъ въ садъ; въ сіе время въ темныхъ корридорахъ брошено въ него хлѣбомъ, онъ, разгорячась, за сіе перваго воспитанника, который возлѣ шелъ, А. Ермолаева камышевою палкою билъ безъ пощады, надѣлалъ на спинѣ и на рукахъ знаки великіе и прибилъ его до того, что отведенъ былъ въ лазаретъ“ [2]). Впослѣдствіи этотъ Ермолаевъ, занимавшій должность помощника библіотекаря при публичной библіотекѣ, былъ опредѣленъ президентомъ Оленинымъ въ академію художествъ и около десяти лѣтъ исправлялъ должность конференцъ-секретаря. Случай съ Циммерманомъ, къ сожалѣнію, далеко не единичный. Напримѣръ, скульпторъ и рѣзчикъ по дереву Шварцъ наноситъ жестокіе побои своему подмастерью Карлу Лебрехту, на что академическое начальство обращаетъ особое вниманіе и передаетъ это дѣло „правосудію главной полиціймейстерской канцеляріи“.

Но все же, не взирая на такіе крупные недочеты и упущенія въ дѣлѣ воспитанія, академія являлась въ тѣ времена единственнымъ разсадникомъ всего изящнаго и прекраснаго. Ея ученикамъ прививается любовь къ художествамъ и искусствамъ; они увлекаются театромъ, учатся музыкѣ, танцуютъ менуэты и контрдансы подъ руководствомъ особаго учителя Жирарди, „maître de danse et compositeur des ballets“. Этому же Жирарди въ торжественныхъ случаяхъ посѣщенія императрицею академіи поручается подносить „пукеты“.

Любовь Бецкаго ко всякаго рода празднествамъ и торжествамъ передается и воспитанникамъ, принимавшимъ самое близкое и живое участіе въ работахъ по устройству иллюминацій, фейерверковъ, живыхъ картинъ и театральныхъ представленій, на которыя съѣзжалась вся петербургская знать. Такъ, въ 1775 г. по случаю заключенія мира съ Турціею былъ устроенъ торжественный праздникъ, на

---

[1]) Архивъ И. А. Х., 1769 г., д. № 20.

[2]) Тамъ же, 1793 г., д. № 4.

которомъ передъ академіею появился на Невѣ цѣлый островъ съ различными эмблематическими и аллегорическими картинами и декораціями; празднество это продолжалось почти всю ночь и на улицѣ толпилось „превеликое число людей разнаго званія и чина“, любовавшихся на невиданный доселѣ „плывущій островъ“; почти всѣ участники этого праздника были щедро награждены; о нѣкоторыхъ только сказано: „а имъ за порочные поступки—ничего“ [1]). Увлеченіе различными затѣями доходитъ, наконецъ, до того, что самъ же Бецкій ставитъ академіи на видъ „несоразмѣрное съ должною экономіею употребленіе на театръ и забавы юношества“.

Хозяйственная часть вообще причиняла академіи много хлопотъ, и нѣкоторые изъ ея членовъ, напримѣръ, конференцъ-секретари Салтыковъ и позже Фолькнеръ были отрѣшены отъ должностей вслѣдствіе обнаружившихся безпорядковъ и злоупотребленій въ денежной отчетности.

Вторымъ послѣ президента административнымъ лицомъ, которому ввѣрялось общее управленіе академіею художествъ, „письмоводство и экономія“, былъ ея директоръ. „Директоръ по президентѣ есть вторая персона и въ небытіи онаго всю должность его отправляетъ; избирается же президентомъ и собраніемъ изъ трехъ ректоровъ по большинству баловъ черезъ каждые четыре мѣсяца“ [2]).

Въ первое время существованія академіи директорами были лица мало причастныя къ художественной жизни и къ интересамъ искусства, таковы: кн. Хованскій, замѣнившій его Константиновъ—зять академика Ломоносова и подполковникъ кн. Щербатовъ, занимавшій сначала директорскую должность вмѣстѣ съ архитекторомъ Кокориновымъ. Конечно, это обстоятельство не могло отражаться особенно благопріятно на ходѣ академическихъ дѣлъ, и потому, послѣ смерти Кокоринова, къ которому всецѣло перешло послѣ ухода кн. Щербатова директорство, рѣшено было замѣщать эту должность исключительно лицами, стоящими въ непосредственной близости къ искусству. Къ сожалѣнію, далеко не у всѣхъ художниковъ имѣлись необходимыя для этого административныя способности, и это обстоятельство побудило академическій совѣтъ въ 1774 г. снова призвать въ директоры академіи „кого либо не изъ художниковъ, а изъ постороннихъ лицъ“. Такимъ „постороннимъ лицомъ“ является сперва полковникъ Закрев-

---

[1]) Архивъ И. А. Х., 1775 г., д. № 19.

[2]) Уставъ И. А. Х., 1764 г.

скій и смѣнившій его бригадиръ баронъ Мальтицъ, оставившій по себѣ столь добрую память, что по уходѣ его совѣтъ единогласно избираетъ его почетнымъ членомъ академіи „тѣмъ съ вящшимъ удовольствіемъ, что таковою отличностью будетъ можно ему доказать признательность за понесенные имъ въ продолженіи директорства его къ пользѣ Академіи труды... и тѣмъ удовлетворить чувствамъ искренняго къ нему уваженія его сотоварищей“ [1]). При немъ конференцъ-секретаремъ былъ назначенъ П. Чекалевскій, игравшій впослѣдствіи большую роль въ академіи, какъ ея вице-президентъ. Что касается дѣятельности отставного полковника Закревскаго какъ директора, то можно лишь указать, что всѣ дѣла при немъ велъ конференцъ-секретарь Фелькнеръ, дозволявшій себѣ вмѣстѣ съ „директоромъ“ всякаго рода насильственные поборы, за что въ 1784 г. они оба и были устранены изъ академіи.

Къ девяностымъ годамъ XVIII вѣка блестящее положеніе художественнаго образованія настолько сильно пошатнулось, что взамѣнъ умершихъ или вышедшихъ изъ академіи профессоровъ, составлявшихъ нѣкогда славу и гордость русскаго искусства, вновь пришлось приглашать учителей изъ-за границы, да и тѣ ѣхали не особенно охотно, и оставляли свои мѣста часто до истеченія еще срока заключеннаго съ ними контракта, какъ напримѣръ „парижскій профессоръ Дойенъ“, замѣнившій умершаго въ 1791 г. профессора исторической живописи Козлова.

Блескъ академіи, давшей въ первые годы президентства Бецкаго такихъ мастеровъ, какъ Шубинъ, Соколовъ, Скородумовъ, Козловскій, сталъ меркнуть. Но тутъ, по счастію, на смѣну имъ выступили два новыхъ крупныхъ художника: Акимовъ и Угрюмовъ; послѣдній, въ ожиданіи пріѣзда Дойена, получилъ въ свое завѣдываніе классъ исторической живописи.

Художественно-прикладной отдѣлъ и классы ремеслъ въ академіи также замѣтно стали падать, и многіе изъ нихъ были закрыты. Одно лишь литейное мастерство, благодаря заказамъ императрицы, непрерывно развивалось и настолько шло успѣшно, что рѣшено было построить даже особую „литейную палату“, въ которой можно было бы исполнять многочисленные заказы. Главнымъ руководителемъ былъ назначенъ литейно-чеканный мастеръ Эдмъ Гастклу, впервые отлившій въ 1781 г., по Высочайшему повелѣнію, статую Венеры и тѣмъ

---

[1]) *Петровъ*, Матеріалы для исторіи И. А. Х., т. I.

давшій толчокъ для дальнѣйшаго развитія этой обширной художественно-прикладной отрасли искусства, процвѣтавшей въ академіи до середины прошлаго столѣтія. Помощниками его были молодые русскіе скульпторы Гордѣевъ, Прокофьевъ, Козловскій и др., а также спеціалисты-литейщики Можаловъ, Бирюковъ, Баженовъ и др.

Къ концу президентства Бецкаго, болѣвшаго послѣдніе годы и потому не могшаго входить, какъ прежде, во всѣ академическія дѣла, въ академіи возникаетъ сплоченная партія, съ Гордѣевымъ и Семеномъ Щедринымъ во главѣ. Пользуясь „изнеможеніемъ по древности лѣтъ“ Бецкаго, они верховодятъ всѣми внутренними распорядками академіи.

III.

Въ 1794 г. чрезвычайному собранію академіи директоръ ея, извѣстный архитекторъ Ю. Фельтенъ, замѣнившій ушедшаго барона Мальтица, докладываетъ Высочайшій указъ, коимъ „въ разсужденіи долговременной болѣзни“ Бецкаго назначается преемникомъ президента А. И. Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный своими просвѣщенными взглядами и обладатель цѣнной библіотеки. Въ привѣтственной рѣчи академическому собранію новый преемникъ президента не даромъ сказалъ, что у него „пламенѣетъ сердце желаніемъ и усердіемъ къ ревностному званія прохожденію“: энергія и искреннее желаніе принести пользу дѣлу русскаго художественнаго образованія сказывается во всѣхъ его распоряженіяхъ. Въ видахъ большей экономіи и соотвѣтствія съ академическимъ уставомъ, Мусинъ-Пушкинъ вводитъ болѣе простую форму мундировъ для всѣхъ членовъ академіи и отклоняетъ всѣ прибавки къ содержанію и жалованью, данныя при Бецкомъ. Для большей согласованности и стройности системы преподаванія онъ объединяетъ различные подъотдѣлы классовъ живописи и скульптуры, поручивъ управленіе ими старшимъ „оныхъ художествъ профессорамъ“. Нѣкоторые классы живописи, какъ напримѣръ звѣрей и птицъ, совсѣмъ упраздняются, ибо „какъ по опытамъ довольно извѣстно, что обучавшіеся въ немъ ученики по выпускѣ ихъ изъ академіи не могутъ продолженіемъ своего художества себя пропитать, а оставляя оное, опредѣляются совсѣмъ въ иной родъ жизни“.

Въ 1795 г. Именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ Высочайше повелѣно: „Тайному Совѣтнику и преемнику Президента Императорской Академіи Художествъ Алексѣю Мусину-Пушкину, быть той Академіи Президентомъ“. Желая возбудить въ художникахъ „по-

хвальное любочестіе“, Мусинъ-Пушкинъ предлагаетъ всѣмъ членамъ академіи „приготовлять къ тому времени, какъ открывается для всенароднаго обозрѣнія академія (іюль мѣсяцъ), такую работу, какую кто изберетъ“, и назначаетъ за лучшія произведенія преміи, предоставивъ на это свое жалованье. Въ 1797 г. онъ присуждаетъ скульптору Козловскому премію въ 500 руб. за группу „Минерва“, пейзажисту Мартынову 200 руб. за „Видъ Италіи“ и такую же премію получаетъ Боровиковскій за портретъ гр. Бутурлиныхъ. Составъ преподавателей и педагоговъ въ недолгое президентство Мусина-Пушкина былъ почти прежній, за исключеніемъ гравировальнаго класса, во главѣ котораго сталъ приглашенный изъ-за границы профессоръ гравированія Игнатій Клауберъ, съумѣвшій быстро поставить клонившееся было къ упадку граверное дѣло на должную высоту и выработавшій такихъ талантливыхъ мастеровъ, какъ Уткинъ, Скотниковъ, братья Чесскіе и др.

IV.

Въ 1797 г. Мусина-Пушкина, назначеннаго въ сенатъ, смѣняетъ на посту президента академіи художествъ графъ Шуазель Гуфье. Французскій дипломатъ и археологъ, онъ былъ королевскимъ посланникомъ въ Константинополѣ; не желая признавать французскую республику, графъ Шуазель Гуфье пріѣхалъ въ Россію и былъ милостиво принятъ императрицей Екатериной II, а по вступленіи на престолъ Павла Петровича назначенъ сначала директоромъ библіотеки, а затѣмъ, какъ любитель искусствъ — президентомъ академіи художествъ.

Новый президентъ ставитъ своихъ подчиненныхъ въ затруднительное положеніе въ виду того, что онъ не знаетъ русскаго языка, и всѣ бумаги для него приходится переводить на французскій. Съ первыхъ же шаговъ онъ оказываетъ явное предпочтеніе иностранцамъ въ ущербъ русскимъ художникамъ и мастерамъ. По его предложенію академія входитъ въ переговоры съ директоромъ французской академіи Менажо, приглашая его на службу въ Россію, а на сдѣланное по этому поводу академическимъ совѣтомъ возраженіе президентъ рѣзко замѣчаетъ: „нахожу представленіе академіи невмѣстнымъ и отвѣчаю какъ на оное, такъ и на всякое другое такого рода, что я есть и буду лично порукою во всѣхъ данныхъ мною приказаніяхъ“. Однако, Менажо пріѣхать отказался, и Шуазель пригласилъ въ академію другого иностранца—Дойеня; также пользовался его

покровительствомъ и итальянецъ Бевани, рѣдко посѣщавшій академическіе классы, но котораго президентъ долгое время не соглашался замѣнить русскимъ художникомъ—Фарофонтьевымъ. Среди иноземцевъ, пользовавшихся покровительствомъ француза-президента, выдѣлились своими способностями только два мастера—Эдмъ Гастлу, имѣвшій большое значеніе въ дѣлѣ развитія литейнаго мастерства, и Пьеръ Ажи(съ).

Въ 1799 г., взамѣнъ упраздненной должности директора, учреждается должность вице-президента, на которую назначается талантливый русскій архитекторъ В. И. Баженовъ, одинъ изъ первоначальныхъ учениковъ академіи, съумѣвшій за свое недолгое пребываніе въ академіи пробудить оживленіе и интересъ въ академической жизни. Черезъ мѣсяцъ послѣ его назначенія, по Высочайшему повелѣнію, приступлено къ собранію различныхъ рисунковъ, плановъ, проектовъ и чертежей, которые предполагалось издать подъ заглавіемъ: „Россійская архитектура"; имъ же былъ составленъ для государя обстоятельный докладъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ, какими можно было бы поднять академію на должную высоту, такъ какъ, по словамъ Баженова, „болѣе тридцати лѣтъ примѣтно стало, что отъ академіи художествъ желаемаго успѣха не видно". Докладъ этотъ удостоился милостиваго отзыва императора Павла Петровича: „съ большимъ удовольствіемъ вижу употребленіе, которое дѣлаете вы изъ извѣстныхъ мнѣ талантовъ и способностей вашихъ"...

Широкіе замыслы Баженова, къ сожалѣнію, не успѣли осуществиться за его смертью, послѣдовавшею 2-го августа 1799 г. Несмотря, однако, на кратковременное пребываніе Баженова въ академіи, ему все же удалось провести нѣкоторыя реформы, какъ, напримѣръ, разрѣшеніе „постороннимъ художникамъ, хотя и не принадлежащимъ къ академіи, во время отворенія оной выставлять свои работы", т. е. помѣщать свои работы на ежегодныхъ выставкахъ произведеній оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ.

За смертію Баженова на его мѣсто опредѣляется бывшій конференцъ-секретарь академіи П. П. Чекалевскій, при которомъ отмѣняется нововведеніе въ литейномъ дѣлѣ, которымъ было ознаменовано президентство Шуазель-Гуфье; по его приказанію, въ видахъ экономіи, статуи, исполняемыя по Высочайшему заказу, стали отливать не изъ бронзы, но изъ свинца. Чекалевскій, интересовавшійся литейнымъ дѣломъ и написавшій по нему руководство—„Опытъ ваянія изъ бронзы однимъ пріемомъ колоссальныхъ статуй", отлично

понялъ всю несостоятельность подобной погони за дешевизною, въ виду непрочности свинца, и по его настоянію академическому совѣту было объявлено Высочайшее повелѣніе „объ отлитіи въ Петергофъ бронзовыхъ статуй вмѣсто свинцовыхъ, стоящихъ нынѣ тамо на Каскадѣ противу средняго схода".

Благодаря любви императора Павла Петровича къ гравюрѣ въ его царствованіе было обращено особое вниманіе на этотъ родъ искусства, при чемъ при кабинетѣ государя былъ образованъ даже спеціальный гравировальный ландшафтный классъ, находившійся подъ надзоромъ адъюнктъ-ректора Щедрина; изъ этого класса вышли такіе талантливые мастера, какъ Галактіоновъ, Ухтомскій, Телѣгинъ и др.

V.

Въ январѣ 1800 г. Высочайшимъ указомъ графу А. С. Строганову повелѣно быть президентомъ академіи художествъ. Просвѣщенный любитель искусствъ, обладавшій цѣнною картинною галлереею, гр. Строгановъ старается съ первыхъ же шаговъ быть полезнымъ русскому искусству, и дѣйствительно при немъ оказывается явное предпочтеніе русскимъ художникамъ передъ иностранными, которымъ такъ покровительствовалъ его предшественникъ. Согласно указаніямъ императора Павла I онъ вѣдаетъ отливкой памятника Суворову и слѣдитъ за постановкой монумента Петру I, что нынѣ стоитъ передъ Инженернымъ Замкомъ; въ его президентство учреждается особый медальерный классъ, завѣдываніе которымъ поручено Карлу Лебрехту. Обновляется при немъ и составъ академическихъ преподавателей, но недостатокъ въ спеціально подготовленномъ учительскомъ персоналѣ видимо въ тѣ времена былъ очень великъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ адъюнктъ-профессоръ математики и физики И. А. Скобовскій, которому, помимо его прямыхъ обязанностей—преподаванія математики, былъ порученъ еще и „классъ литературы, въ которомъ, читая сочиненія россійскихъ и переводы иностранныхъ стихотворцевъ и авторовъ, (онъ) показывать будетъ ученикамъ красоты стиля, касаясь митологіи, исторіи и географіи".

Президентство гр. Строганова ознаменовано важнымъ въ жизни академіи событіемъ, дарованіемъ ей новыхъ штатовъ и „Дополнительныхъ статей" къ ея первоначальному уставу. На основаніи этихъ статей, срокъ пребыванія въ академіи былъ сокращенъ до 12 лѣтъ, вмѣсто прежнихъ 15; въ воспитательное училище принимаются дѣти уже въ возрастѣ отъ 8—9 лѣтъ, вслѣдствіе чего положенный въ уставѣ 1764 г.

дѣтскій классъ былъ отмѣненъ и состоявшія при немъ учительницы, гувернантки и „мадамы“ увольняются изъ академіи. Програма какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціально художественныхъ предметовъ была значительно расширена, и потому въ дополненіе къ искусствамъ и наукамъ, упоминаемымъ въ Екатерининскомъ уставѣ, былъ прибавленъ еще цѣлый рядъ другихъ, для чего были приглашены лучшіе спеціалисты изъ другихъ учебныхъ заведеній. Помимо измѣненій въ учебно-педагогическихъ частяхъ, расширяется и дѣятельность самой академіи, которой вмѣняется въ обязанность „заниматься проектами украшеній столицы и городовъ“. Всѣ „памятники славы отечественной“ могутъ воздвигаться лишь съ одобренія академіи, при чемъ академическимъ художникамъ должно быть оказываемо въ этомъ отношеніи предпочтеніе передъ другими, въ томъ числѣ и иностранцами. Назначенный въ 1800 г. предсѣдателемъ особой комиссіи по постройкѣ церкви Казанской Божіей Матери (нынѣ Казанскій соборъ) Строгановъ широко осуществляетъ эту идею, привлекая къ работамъ русскихъ художниковъ и членовъ академіи. Въ связи съ предположенными украшеніями названнаго собора при академіи строятся большія литейныя мастерскія—„Литейный домъ“, по проекту архитекторовъ А. Захарова и Михайлова. Эта литейная мастерская, въ которой процессъ литья былъ облегченъ и обставленъ всевозможными удобствами, являлась одною изъ достопримѣчательностей Петербурга и постоянно привлекала къ себѣ вниманіе пріѣзжихъ иностранцевъ и любителей искусствъ. Въ 1809 г. Литейный домъ удостоился посѣщенія императора Александра I съ иностранными высокими особами—королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ съ наслѣднымъ принцемъ и блестящей свитой, передъ которыми была произведена отливка одной изъ статуй для Казанскаго собора. Участіе академическаго персонала въ постройкѣ Казанскаго собора, сооруженнаго по проекту архитектора А. Воронихина, не ограничилось однимъ исполненіемъ живописныхъ и скульптурныхъ работъ, но распространилось и на учениковъ архитектурнаго класса, которыхъ, для практическаго ознакомленія съ ходомъ архитектурныхъ работъ, стали посылать на постройку по нѣсколько разъ въ недѣлю.

Кромѣ исчисленныхъ по новымъ штатамъ на содержаніе академіи 146.000 руб. въ годъ, для поощренія отечественныхъ талантовъ было постановлено ежегодно отпускать изъ суммъ кабинета Его Императорскаго Величества по 10.000 руб. на „воздаяніе художниковъ, писавшихъ программы, заданныя академіею на темы изъ отечественной

исторіи", для помѣщенія которыхъ предполагалось устроить даже особую галлерею въ одномъ изъ дворцовъ. Вѣяніе новаго времени сказывается и въ выборѣ темъ для программныхъ работъ, задаваемыхъ какъ самою академіею, такъ и ея отдѣльными членами, какъ напримѣръ, гр. С. Потоцкимъ и Муравьевымъ. Прежніе классическіе и библейскіе сюжеты теперь замѣняются страницами изъ русской исторіи и становятся болѣе національными и патріотическими. Въ 1804 г. Государь Александръ Павловичъ самъ назначилъ программы для академіи: „представить въ картинѣ великодушное дѣйствіе Петра Великаго подъ Прутомъ" и „представить родоначальника фамиліи Романовыхъ патріарха Филарета Никитича". Прежніе Кентавры, Несусы, Геркулесы, Минервы смѣняются темами въ родѣ—„Мареы Посадницы", „Побѣды надъ Мамаемъ" и др. Новый президентъ обратилъ также вниманіе и на болѣе регулярную посылку пенсіонеровъ за границу, и въ 1803 г., послѣ пятилѣтняго перерыва, были посланы, для дальнѣйшаго усовершенствованія, живописцы: Егоровъ, Шебуевъ и Варнекъ, граверъ Уткинъ, скульпторъ Демутъ и архитекторъ Дудинъ.

Имѣя во главѣ столь доброжелательнаго и просвѣщеннаго президента, академія крѣпнетъ и широко развиваетъ свою художественную дѣятельность, при чемъ даже иностранцы свидѣтельствуютъ о художественныхъ успѣхахъ ея питомцевъ, награждая русскихъ пенсіонеровъ медалями, какъ напримѣръ, гравера Уткина въ 1810 г. за выставленный имъ въ Луврѣ эстампъ—„Эней спасаетъ своего отца Анхиза", или архитекторовъ Мельникова и Калашникова, получившихъ въ томъ же году отъ „Римской Сенлукской академіи" званія „римскихъ академиковъ".

Въ видахъ поощренія гравировальнаго искусства, ставшаго, благодаря искусному мастеру Клауберу, на прежнюю свою высоту, Строгановъ предпринимаетъ большое изданіе своей художественной галлереи въ „гравированныхъ очеркахъ", исполняемыхъ академическими мастерами; также имъ поручается иллюстрировать описаніе путешествій двухъ русскихъ мореплавателей Крузенштерна и Сарычева.

Въ началѣ XIX вѣка, въ виду укрѣпившагося въ русскомъ обществѣ сознанія значенія художественнаго образованія, понемногу начинаютъ открываться, по почину частныхъ лицъ, художественно-рисовальныя школы, которымъ академія въ видахъ поощренія занятій искусствами оказывала, съ своей стороны, всяческую поддержку и вниманіе. Оцѣнивая художественную дѣятельность какъ своихъ чле-

новъ, такъ и вообще русскихъ художниковъ присужденіемъ имъ различныхъ художественныхъ званій, въ томъ числѣ почетнаго званія академика, академія художествъ въ 1809 г. удостоила этимъ званіемъ живописца А. Ступина, основавшаго въ 1802 г. въ городѣ Арзамасѣ первую въ Россіи провинціальную художественную школу, „яко перваго заводителя дѣла еще необыкновеннаго".

Въ 1811 г., за смертью гр. Строганова, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, „чтобы академія впредь управляема была вице-президентомъ, подъ вѣдѣніемъ г. министра народнаго просвѣщенія". Вслѣдствіе чего управленіе академіею было ввѣрено ея вице-президенту П. Чекалевскому, который вскорѣ представилъ бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому отчетъ по академіи, изъ котораго усматривалось, что хозяйственная ея часть находится далеко не въ блестящемъ положеніи и что на академіи числится долгу болѣе 50.000 рублей. По предложенію министра было приступлено къ исправленію этого недочета, при чемъ для сокращенія расходовъ со стороны академіи предлагалось даже вовсе упразднить воспитательное училище, но Разумовскій на это не соглашался, и возникшее разногласіе между академіею и министромъ затянуло разрѣшеніе этого вопроса.

Грозныя событія 1812 г. и первоначальныя тревожныя опасенія за судьбу Петербурга, конечно, заслонили собою разрѣшеніе этого дѣла и побудили академію предпринять рядъ мѣръ къ охраненію ея художественныхъ сокровищъ, для чего было предположено перевезти ихъ въ Петрозаводскъ вмѣстѣ съ преподавательскимъ составомъ и учениками, выбравъ изъ нихъ тѣхъ, „кои по успѣхамъ своимъ подали уже несомнѣнную надежду при продолженіи ученія сдѣлаться искусными художниками". Дальнѣйшія событія Отечественной войны устранили, однако, необходимость этого путешествія, и все дѣло ограничилось лишь отправкою вещей, которыя, перезимовавъ въ деревнѣ Закручье Петрозаводскаго уѣзда, были снова водворены въ академію.

Задержка въ виду политическихъ событій и разногласія возникшаго между министромъ и членами академіи, ея реформы привела къ довольно печальнымъ результатамъ не только одну финансовую ея сторону, такъ что къ концу управленія Чекалевскаго задолженность достигла свыше 200.000 рублей, но отразилась также весьма неблагопріятно и на самой академіи, приходившей въ явный упадокъ. Былая слава академіи стала замѣтно меркнуть. За время

своего 6-лѣтняго управленія Чекалевскій настолько запустилъ всѣ академическія дѣла, что взамѣнъ прежняго строгаго порядка воцарилась полная небрежность и дезорганизація всей академіи. При такомъ положеніи дѣлъ настоятельная необходимость въ новомъ руководителѣ академическою жизнью въ лицѣ энергичнаго, хозяйственнаго президента, могущаго вывести академію изъ ея затруднительнаго финансоваго и далеко неудовлетворительнаго общаго состоянія, стала очевидной.

Для выясненія способовъ улучшенія положенія академіи, при преемникѣ гр. Разумовскаго по министерству народнаго просвѣщенія, князѣ А. Н. Голицынѣ, въ 1816 г., былъ образованъ особый „комитетъ для разсмотрѣнія нуждъ академіи" подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена академіи художествъ А. Н. Оленина, выказавшаго, на первыхъ же порахъ, кипучую дѣятельность и искреннее желаніе привести художества въ „цвѣтущее состояніе". Спустя годъ по вступленіи Оленина въ названный комитетъ, онъ былъ Высочайшимъ указомъ назначенъ президентомъ академіи художествъ, и вся послѣдующая его дѣятельность въ теченіе свыше 25 лѣтъ по академіи была всецѣло посвящена на благо ввѣреннаго ему „разсадника молодыхъ художниковъ" [1]).

Ознакомившись съ затруднительнымъ финансовымъ положеніемъ академіи еще въ бытность свою въ комитетѣ, Оленинъ тотчасъ по вступленіи въ должность президента обращаетъ на эту сторону особое вниманіе; по его ходатайству и благодаря „Всемилостивѣйшему пособію, полученному отъ царскихъ щедротъ" [2]), академія не только расплатилась съ долгами, но и получила возможность произвести необходимыя постройки и починки. Только при немъ впервые было оштукатурено все зданіе академіи и произведенъ необходимый какъ внутренній, такъ и наружный ремонтъ.

Путемъ всякихъ сокращеній и строгой экономіи Оленинъ старается поскорѣе вывести академію изъ ея печальнаго финансоваго положенія, и для этого онъ не останавливается передъ сокращеніемъ, какъ числа ея питомцевъ, такъ и служащаго персонала, уволивъ „всѣхъ престарѣлыхъ чиновниковъ академіи, кои не въ состояніи уже нести службу" [3]). Изъ-за экономическихъ же соображеній сокращается и число заграничныхъ пенсіонеровъ, и академическому совѣту съ тру-

---

1) *Оленинъ*, Краткое историческое извѣстіе о состояніи Акад. Худож.
2) *Оленинъ*, Краткое историческое извѣстіе о состояніи Акад. Худож.
3) *Петровъ*, Матеріалы для исторіи И. А. Х.

домъ удается убѣдить новаго президента о посылкѣ за границу хотя бы трехъ такихъ талантливыхъ питомцевъ, какъ Щедринъ, Гальбергъ и Глинка. Со вступленіемъ Оленина на постъ президента, отмѣняется „комитетъ по дѣламъ академіи“, и взамѣнъ его учреждено „временное правленіе академіи“, главной задачей котораго было „скорѣйшее устроеніе воспитательной, хозяйственной и строительной частей академіи“, въ виду чего въ вѣдѣніи академическаго совѣта остаются только отдѣлы художественный и научный, требовавшіе также значительныхъ реформъ.

Дѣйствительно, педагогическая сторона академической жизни была въ тѣ времена весьма неудовлетворительна, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный граверъ Ѳ. И. Іорданъ въ своихъ запискахъ [1]). „Въ наше время въ академіи художествъ былъ недостатокъ въ должныхъ учителяхъ, и онъ происходилъ отъ скудости содержанія и примѣрнаго своеволія учениковъ. Казалось, что порядочные люди страшились поступать въ академію. Драки и пьянство были въ ней дѣянія обыкновенныя. Старшій классъ объявлялъ войну младшимъ, и мы, низшіе классы, съ ужасомъ шли по нескончаемымъ корридорамъ, въ которыхъ старшіе ловили мальчиковъ и били безъ всякой причины. Равномѣрно гувернеры и учителя наказывали дѣтей безъ всякой вины, пользуясь только своимъ правомъ наказывать“.

Среди педагогическаго персонала пользуется особою любовію и уваженіемъ лишь престарѣлый инспекторъ К. И. Головачевскій, помнившій академію съ самаго ея основанія. На ряду съ заброшенностью учениковъ, на которыхъ Чекалевскій обращалъ мало вниманія, Оленина поражаетъ хаотическій видъ и всего помѣщенія академіи. До 1817 года „рисовальные классы, особенно натурный, были совершенно похожи на курень“. „Освѣщались они посредствомъ смрадныхъ простыхъ лампадъ, расположенныхъ рядами на нѣсколькихъ желѣзныхъ сковородахъ, надъ которыми поставлена была широкая желѣзная труба, проведенная сквозь крышу зданія, для уменьшенія копоти; но вмѣсто того она въ большіе морозы служила проводникомъ несноснаго холода прямо на голую натуру и на учениковъ. Профессора и учащіеся, пробывъ два часа и въ натурномъ и гипсовомъ классахъ, плевали и сморкали нѣсколько часовъ сряду одною только копотью“ [2]). Главный входъ въ академію оставался всегда от-

---

[1]) „Русская Старина“ 1891 г.

[2]) *Оленинъ,* Краткое историческое извѣстіе о состояніи Акад. Худож.

крытымъ, и потому въ зимнее время его настолько заносило снѣгомъ, что „снѣгу по нѣсколько возовъ вывозили въ день...; наверху же лѣстницы, колонны, украшающія великолѣпный сей входъ, оставались всегда обледенѣлыми“ [1]). Гигіеническія условія, въ которыхъ жили воспитанники, были столь неудовлетворительными, что изъ 296 питомцевъ болѣе шестидесяти человѣкъ были больны зобомъ, болѣзнью, которую академическій врачъ Трейдеръ приписывалъ дурному воздуху, плохой пищѣ и отвратительнымъ санитарнымъ условіямъ, въ которыхъ приходилось жить академическимъ ученикамъ. Насколько плохо была поставлена хозяйственная часть въ академіи, можно судить по слѣдующему заявленію Оленина, который, положивъ много труда на упорядоченіе академической жизни, писалъ въ 1829 г., подводя итоги своей работѣ: „теперь каждый воспитанникъ и ученикъ имѣетъ свою фуражку, а для зимняго времени на нѣкоторое число воспитанниковъ сдѣланы шинели для выхода со двора“. При его предшественникѣ воспитанники имѣли только по одной парѣ изношеннаго платья, похожаго, по заявленію Оленина, на рубище; при такомъ положеніи, конечно, заведенныя при немъ шинели „на нѣкоторое число воспитанниковъ“ были уже роскошью и показывали, насколько ему удалось упорядочить эту сторону академическаго хозяйства. Доискиваясь причинъ, приведшихъ „къ современному разстройству сего разсадника молодыхъ художниковъ“ [2]), Оленинъ, между прочимъ, приходитъ къ выводу, что упадку нравственности и дисциплины среди учениковъ много способствовало пребываніе между ними крѣпостныхъ, вслѣдствіе чего послѣднихъ отсылаютъ обратно къ ихъ господамъ, а нерадивыхъ и буйныхъ учениковъ исключаютъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ привилегіею академіи, гдѣ прямо указано, что прежде всего слѣдуетъ обращать вниманіе на „честное и похвальное поведеніе и благонравіе“, а потомъ уже на художественныя способности. Такія мѣропріятія значительно сократили количество штатныхъ питомцевъ и дали возможность соблюсти необходимую въ средствахъ экономію, которая была отчасти употреблена на увеличеніе окладовъ преподавателямъ и учителямъ, и тѣмъ улучшенъ ихъ составъ.

Обладавшій энергичнымъ и настойчивымъ характеромъ и преисполненный желанія сдѣлать добро для академіи, Оленинъ не оста-

---

[1]) *Оленинъ*, Краткое историческое извѣстіе о состояніи Акад. Худож.

[2]) *Оленинъ*, Краткое историческое извѣстіе о состояніи Акад. Худож.

навливается иногда даже передъ рѣшительными мѣрами, являясь полновластнымъ хозяиномъ ввѣренной ему академіи. Когда въ 1819 г. никто изъ учениковъ, переведенныхъ въ 3 возрастъ, т. е. когда нужно было уже выбирать какую либо художественную спеціальность, не пожелалъ „посвятить себя“ скульптурѣ, онъ, разсуждая, что при опредѣленіи дѣтей въ академію родители отдаютъ ихъ въ ея полное распоряженіе и, слѣдовательно, академія имѣетъ „все право требовать, чтобы ученики ея обучались тѣмъ художествамъ, къ которымъ она ихъ предназначитъ“, самъ распредѣлилъ учениковъ по спеціальностямъ, при чемъ 10 изъ нихъ назначилъ въ скульптурный классъ.

Будучи самъ любителемъ искусствъ и занимаясь археологіею, въ томъ числѣ и русскими древностями, Оленинъ обращаетъ особое вниманіе на художественныя коллекціи академіи, пришедшія отъ времени, а также изъ-за спѣшной укладки при отправленіи ихъ въ 1812 г. въ Петрозаводскъ, въ довольно печальное состояніе. Благодаря его стараніямъ картины „всякаго званія отъ употребленія ли, или отъ другихъ причинъ“ поврежденныя, или замазанныя красками, приводятся въ надлежащій порядокъ, такъ же какъ и скульптурный музей, который Оленинъ особенно старался пополнить, въ чемъ ему оказалъ большую поддержку англійскій скульпторъ Гайдонъ, приславшій ему въ 1818 г. въ даръ слѣпки съ декоративныхъ скульптуръ Пареенона.

Одной изъ главныхъ заботъ Оленина въ началѣ его президентства было улучшеніе матеріальнаго положенія академіи и связанная съ этимъ необходимость экономіи, что сказалось и въ отношеніи къ суммамъ, спеціально ассигнованнымъ на пріобрѣтеніе произведеній русскихъ художниковъ. Желая увеличить бюджетъ академіи, Оленинъ кладетъ ежегодно ассигнуемыя на это дѣло 10.000 рублей въ банкъ; для лучшаго же употребленія этихъ суммъ вырабатываются особыя правила покупки работъ, которыя „должны быть помѣщены въ Императорскомъ Дворцѣ, въ особо назначенной для того галлереѣ“. Однако, съ выработкой правилъ не спѣшатъ, и лишь въ 1831 г. пріобрѣтается за 10.000 руб. картина Егорова „Истязаніе Спасителя“, признанная „истинно-классическимъ твореніемъ“. Этой покупкой и ограничивается вся дѣятельность въ области „возбужденія истинныхъ талантовъ и достойной ихъ наградѣ“, и дальнѣйшія ассигнованія были впослѣдствіи употреблены на внутреннюю отдѣлку академической церкви.

Неудачнымъ оказался и художественный конкурсъ, учрежденный въ 1836 г. А. Н. Демидовымъ, ассигновавшимъ на него большія суммы и считавшимъ его „средствомъ къ развитію еще незнаемыхъ или моло-

дыхъ способностей и для усовершенствованія тѣхъ, кои могли пріобрѣтать истинную славу“ [1]). Главное сужденіе въ этомъ конкурсѣ было предоставлено академіи художествъ, которая, разсмотрѣвъ въ 1838 г. представленныя работы, никому изъ художниковъ премій не присудила и ассигнованныя деньги возвратила обратно Демидову съ заключеніемъ, что „не настало еще время къ поощренію отечественныхъ искусствъ“ [2]).

Возникшее въ 1820 г., по иниціативѣ любителей искусства, Общество поощренія художествъ неоднократно приходило на помощь академіи въ дѣлѣ посылки за границу выдающихся талантовъ, въ особенности на первыхъ порахъ, когда академія художествъ, выйдя, благодаря стараніямъ Оленина, изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія, все же еще весьма осторожно пользовалась своими средствами для заграничныхъ командировокъ. Такъ, за счетъ упомянутаго общества были посланы за границу братья К. и А. Брюловы, Александръ Ивановъ и нѣсколько другихъ выдающихся своимъ талантомъ художниковъ.

Неоднократно оказывалъ академіи художествъ существенную поддержку и Кабинетъ Его Императорскаго Величества, какъ ассигнованіемъ довольно крупныхъ суммъ на поощреніе художественныхъ талантовъ, такъ и принятіемъ на себя расходовъ по заграничнымъ командировкамъ ея питомцевъ. Благодаря такой поддержкѣ положеніе академіи къ 30-мъ годамъ минувшаго столѣтія настолько укрѣпилось, что она могла начать регулярную посылку своихъ пенсіонеровъ. Къ этому же времени относится и введеніе новаго академическаго штата и „Прибавленія къ установленіямъ Императорской Академіи Художествъ“, на основаніи которыхъ курсъ преподаванія былъ сокращенъ до 6 лѣтъ, вмѣсто прежнихъ 12-ти. Для пріема воспитанниковъ назначенъ 14-тилѣтній возрастъ, а къ посѣщенію академіи допущены теперь и вольноприходящіе, которымъ было разрѣшено учиться не только рисованію, но и „художествамъ“.

Въ теченіе своего свыше 25-лѣтняго президентства Оленинъ былъ полновластнымъ хозяиномъ и душею академіи, приведя ее изъ запущеннаго состоянія, въ которомъ она находилась въ началѣ XIX вѣка, въ то блестящее положеніе, которое она занимала при немъ, но, несмотря на всю его энергію и искреннее желаніе быть ей полезнымъ,

---

[1]) *Петровъ*, Матеріалы для исторіи И. А. Х.

[2]) *Петровъ*, Матеріалы для исторіи И. А. Х.

проявляемое даже въ мелочахъ, его дѣятельность все же не могла быть столь плодотворною, если бы академіи не было оказано августѣйшее покровительство императора Николая Павловича, искренно любившаго русское искусство и заботившагося объ его преуспѣяніи.

Желаніе императора Николая Павловича, „чтобы художества въ Россіи процвѣтали все болѣе и болѣе“, побуждаетъ какъ членовъ академіи, такъ и вообще всѣхъ русскихъ художниковъ съ особою ревностью стремиться къ успѣшному и благотворному развитію русскаго искусства. Указомъ отъ 9-го февраля 1829 г. государь принимаетъ академію художествъ подъ свое покровительство, благодаря чему она поступаетъ „подъ главное начальство“ министра императорскаго двора. Неоднократно посѣщая академію, Николай Павловичъ внимательно слѣдитъ за художественными трудами русскихъ художниковъ и ободряетъ ихъ дѣятельность, обѣщая „поддерживать таланты и деньгами и отличіями“. Всякій подававшій надежды художникъ могъ разсчитывать на содѣйствіе и помощь со стороны государя.

Сознавая всю важность въ дѣлѣ развитія русскаго искусства монаршаго вниманія и благоволенія, академія старалась достойнымъ образомъ оправдать таковое, и дѣйствительно, къ этому періоду относится расцвѣтъ такихъ талантовъ русской живописи, какъ К. Брюловъ, Ѳ. Бруни, В. Шебуевъ и др.

Въ соотвѣтствіи съ установившимися регулярными посылками наиболѣе выдающихся воспитанниковъ въ Италію для дальнѣйшаго ихъ усовершенствованія въ искусствахъ, въ 1840 г. Николай Павловичъ призналъ нужнымъ учредить въ Римѣ особое начальство надъ русскими художниками, въ распоряженіе котораго ежегодно ассигновывалась нѣкоторая сумма для покупки произведеній и поддержки нашихъ художниковъ, работавшихъ за границей. Въ томъ же 1840 г. состоялось упраздненіе бывшаго при академіи воспитательнаго училища. Въ связи съ этимъ была значительно сокращена программа общеобразовательныхъ предметовъ, и отнынѣ вольноприходящіе ученики главное свое вниманіе должны были обращать лишь на художества, „поелику поступающіе въ академію ученики могутъ проходить оныя (науки) въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ“ [1]).

Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Оленина по академіи былъ назначенный въ 1828 г. вице-президентомъ гр. Ѳ. П. Толстой, извѣст-

[1]) Переобразованіе училища при И. А. Х., 1840 г., § 2.

ный медальеръ и скульпторъ, оказавшій огромное вліяніе на русское искусство и руководившій при послѣдующихъ августѣйшихъ президентахъ всею жизнью и художественнымъ направленіемъ академіи.

Къ концу президентства Оленина былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ при академіи художествъ спеціальнаго „мозаическаго заведенія“ для исполненія въ мозаикѣ образовъ для строившагося Исаакіевскаго собора и вообще насажденія этого вида древняго искусства въ Россіи. Провести это предположеніе, весьма заинтересовавшее Оленина, въ жизнь, однако, ему не удалось; онъ скончался въ 1843 г.

Со смертію Оленина для академіи художествъ начинается новый періодъ ея жизни, руководимый отнынѣ особами императорской фамиліи. Эта высокая милость, свидѣтельствовавшая объ особомъ монаршемъ благоволеніи къ академіи, обязываетъ ее съ особенною тщательностью и вниманіемъ руководить ввѣреннымъ ей дѣломъ художественнаго просвѣщенія.

Слѣдующимъ послѣ Оленина президентомъ академіи художествъ былъ назначенъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, состоявшій въ супружествѣ съ любимою дочерью императора Николая Павловича, великою княгинею Маріею Николаевною. Военная служба герцога Лейхтенбергскаго, требовавшая частыхъ его отлучекъ изъ столицы, не давала ему возможности входить во всѣ подробности академической жизни, и потому разрѣшеніе и направленіе большинства академическихъ дѣлъ были имъ ввѣрены вице-президенту академіи гр. Ѳ. Толстому, ближайшему сподвижнику покойнаго Оленина.

Съ упраздненіемъ воспитательнаго при академіи училища, окончилась та бытовая жизнь академіи, когда принятые въ юномъ возрастѣ ученики получали не только образованіе, но и художественное воспитаніе, накладывавшее на нихъ особый отпечатокъ, дѣлавшій прежнихъ художниковъ какими-то особенными людьми съ ихъ преклоненіемъ передъ красотой. Прежняя академія была обособленнымъ міромъ, отгороженнымъ толстыми стѣнами отъ остальной жизни—теперь въ нее приходятъ только учиться и на смѣну старыхъ традицій былыхъ временъ появляются новыя вѣянія въ искусствѣ.

Возбужденный еще при Оленинѣ вопросъ объ образованіи мозаическаго отдѣленія, благодаря особому интересу, проявленному Николаемъ Павловичемъ къ этому роду искусства, получаетъ реальное осуществленіе. Для обученія русскихъ мастеровъ выдѣлкѣ смальты (мозаической массы), необходимой для производства мозаичныхъ ра-

ботъ, были выписаны въ 1848 г. изъ Рима опытные мастера итальянцы—профессоръ Рафаэлли съ помощникомъ; для обученія же собственно мозаическому искусству посылаются въ Римъ, славившійся въ тѣ времена своей обширной мозаической фабрикой при Ватиканѣ, три русскихъ художника—Раевъ, Шаповаловъ и Федоровъ. Къ половинѣ минувшаго вѣка русскіе художники и мастера настолько овладѣли мозаическимъ искусствомъ, что болѣе не представлялось уже нужнымъ пользоваться услугами итальянскихъ мастеровъ, и русскіе мозаичисты, замѣнивъ уѣхавшихъ иностранцевъ, приступили къ выполненію обширныхъ работъ по украшенію Исаакіевскаго собора мозаическими образами. Постройка какъ этого собора, такъ и храма Спасителя въ Москвѣ давала много работы въ религіозномъ направленіи русскимъ живописцамъ и скульпторамъ какъ, напр. Бруни, Шебуеву, Басину, Брюлову, Маркову, бар. Клодту, Логановскому, Пименову и друг.

Интересъ къ художественному просвѣщенію сталъ понемногу прививаться и въ провинціи и, вслѣдъ за Арзамасской школой академика Ступина, возникаютъ другія частныя рисовальныя школы—Надеждина въ г. Козловѣ (1836 г.), Макарова въ г. Саранскѣ (1847 г.) и друг. Москва также обращаетъ вниманіе на развитіе художественной стороны, и въ 1830 г., по иниціативѣ группы любителей-художниковъ, возникаетъ художественный классъ, развившійся позднѣе въ обширное училище живописи, ваянія и зодчества, стоявшее долгое время въ тѣсной зависимости отъ академіи художествъ.

На разсмотрѣніе академіи и къ ея компетенціи обращаются всѣ вѣдомства, такъ или иначе имѣющія касательство къ интересамъ искусства, и потому она является дѣйствительно средоточіемъ всей художественной жизни страны, а ежегодныя посылки ея питомцевъ за границу и болѣе близкое знакомство съ западными ея собратьями укрѣпляютъ связь съ европейскимъ искусствомъ.

Въ 1852 г., за кончиною герцога Лейхтенбергскаго, постъ президента академіи занимаетъ великая княгиня Марія Николаевна. Унаслѣдовавшая отъ августѣйшаго родителя любовь къ искусствамъ и художествамъ великая княгиня проявляетъ живой интересъ къ судьбамъ русскаго искусства, оказывая ему неизмѣнное покровительство. Вице-президентомъ попрежнему состоитъ гр. Ѳ. Толстой, которому было ввѣрено управленіе дѣлами академіи на время отсутствія августѣйшаго президента, часто предпринимавшаго заграничныя путешествія.

Неизмѣннымъ покровительствомъ и вниманіемъ пользуется академія со стороны государя, не щадившаго средствъ ни на отправку художниковъ въ Италію, ни на расширеніе и пополненіе Эрмитажа. Николай Павловичъ внимательно слѣдилъ за художественнымъ направленіемъ въ русскомъ искусствѣ, постоянно обозрѣвая всѣ выдающіяся произведенія русскаго творчества и давая цѣнныя указанія ихъ авторамъ.

Пробудившійся въ половинѣ прошлаго вѣка интересъ къ памятникамъ русской старины нашелъ живой откликъ въ академіи художествъ. По иниціативѣ состоявшаго при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ художника-любителя кн. Г. Г. Гагарина, назначеннаго въ 1859 г. вице-президентомъ академіи, вмѣсто гр. Ѳ. Толстого, при академіи былъ учрежденъ особый классъ православнаго иконописанія, на который были отпущены значительныя средства; въ связи съ нимъ былъ учрежденъ при академіи музей древне-христіанскаго искусства и предметовъ русской старины. Царившій до первой половины прошлаго вѣка условный академизмъ съ его преклоненіемъ передъ отвлеченною классическою формою началъ понемногу замѣняться національными формами и идеями отечественнаго искусства. Это художественное движеніе особенно ярко сказалось въ образованіи сначала художественной артели, позже преобразованной въ Товарищество передвижныхъ выставокъ, создавшее новое направленіе русскаго искусства, такъ называемое „передвижническое“ и понемногу вытѣснившее прежній академическій классицизмъ, замѣнивъ его бытовымъ и гражданскимъ элементами.

Строгая дисциплина, царившая въ эпоху Николая Павловича, конечно, не могла не коснуться и академіи, которой такъ интересовался государь. Такъ, въ 1848 г. президентъ дѣлаетъ „увѣщаніе“ профессору медальеру П. Уткину, который не сдержалъ своего обѣщанія относительно изготовленія въ срокъ заказанной ему медали, и ставитъ ему на видъ, что „Его Высочество никогда не потерпитъ подобныхъ случаевъ неповиновенія“. Обозрѣвая художественныя выставки, государь строго критикуетъ работы русскихъ художниковъ, дѣлая тонкія замѣчанія и быстро подмѣчая всѣ недостатки.

Важнымъ актомъ президентства великой княгини явилось дарованіе академіи въ 1859 г. новаго устава и штата. Этимъ уставомъ значительно расширялся курсъ общеобразовательныхъ предметовъ, въ видахъ поднятія уровня общаго образованія и развитія русскихъ художниковъ. Къ этому времени измѣнился нѣсколько и составъ ака-

демической администраціи. Престарѣлый гр. Ѳ. Толстой назначается товарищемъ президента, а мѣсто вице-президента занимаетъ кн. Г. Г. Гагаринъ, большой цѣнитель и знатокъ византійскаго искусства, одинъ изъ первыхъ указавшій на необходимость его изученія для русскихъ художниковъ. Должность конференцъ-секретаря занимаетъ Ѳ. Львовъ, бывшій одновременно и секретаремъ Общества поощренія художествъ, являвшійся такимъ образомъ связующимъ звеномъ между академіей и обществомъ, столь много потрудившимся на пользу русскаго искусства.

Съ кончиною въ 1855 г. императора Николая Павловича академія потеряла своего высокаго покровителя, оказывавшаго ей въ теченіе 30 лѣтъ неизмѣнное монаршее благоволеніе. Поглощенный великими государственными реформами императоръ Александръ II, хотя и не проявляетъ уже такого интереса къ академіи, какъ его державный родитель, однако онъ, какъ и почти всѣ члены Императорской фамиліи, аккуратно посѣщаетъ академическія выставки, и русскіе художники нерѣдко удостоиваются Высочайшихъ заказовъ.

Въ 1860 г. по волѣ государя принимаются мѣры къ устройству пріюта для недостаточныхъ учениковъ академіи, и для полученія средствъ на это устраивается въ залахъ академіи художествъ выставка рѣдкихъ художественныхъ произведеній.

Въ 1862 г. академія принимаетъ участіе въ Лондонской международной выставкѣ; устроитель русскаго отдѣла профессоръ Ѳ. И. Іорданъ „извѣщаетъ между прочимъ академію художествъ, что послѣ размѣщенія картинъ и когда явилась публика изъ художниковъ, любителей и простыхъ зрителей, видно было удивленіе видѣвшихъ въ первый разъ русскую школу и въ ней столько достойныхъ произведеній“ [1]).

Однако, несмотря на успѣхи русскаго искусства, положеніе нашихъ художниковъ было въ большинствѣ случаевъ далеко не удовлетворительно какъ изъ-за отсутствія еще у большинства русскаго общества потребности въ произведеніяхъ искусства, такъ и потому, что многіе заказы, дѣлаемые въ то время, очень часто попадали въ руки иностранныхъ артистовъ, которыхъ приглашали, какъ пишетъ профессоръ Басинъ въ 1863 г., „наши русскіе патріоты, блуждающіе по Европѣ“. Это мнѣніе Басина объ „утѣсненіи иностранцами“ раздѣлялось, очевидно, большинствомъ русскихъ художниковъ, такъ какъ

[1]) *Петровъ*, Матеріалы для исторіи И. А. Х., т. III.

въ томъ же 1863 г. совѣтъ академіи утвердилъ проектъ представленія министру Императорскаго двора о томъ, чтобы иностраннымъ художникамъ не давать никакихъ художественныхъ званій.

Хотя во главѣ управленія художественной стороной академіи стояли еще такіе люди, какъ Шебуевъ, Басинъ и другіе ихъ современники, съ ихъ прежними взглядами на искусство и его идеалы, однако вѣяніе времени понемногу стало проникать въ академическую жизнь, и на ряду съ прежними библейскими и классическими темами стали появляться такія произведенія, какъ „Первый чинъ" Перова, „Послѣ получки" Корзухина, „Привалъ арестантовъ" Якоби и друг. Всѣ эти „жанры" были настолько талантливы и свѣжи сравнительно съ казенно-офиціальными прежними темами, что несмотря на строгіе завѣты старины относительно того, что предметомъ искусства можетъ быть только „важное и великое", какъ напримѣръ высказывалъ художникъ А. А. Ивановъ, особенно враждовавшій противъ жанра, „новое теченіе невольно увлекало академическихъ профессоровъ и авторы ихъ награждались золотыми и серебряными медалями наравнѣ съ историками, т. е. художниками, посвятившими себя исторической живописи, гдѣ именно преобладали академическія темы. О томъ, насколько въ тѣ времена строго различали характеръ живописи, свидѣтельствуетъ „Современная лѣтопись", негодовавшая въ 1863 г. на художника Н. Ге за его картину „Тайная вечеря" и находившая, что „низводить религіозные сюжеты до степени жанра кажется намъ дѣломъ черезчуръ смѣлымъ; не шагнулъ ли г. Ге уже слишкомъ далеко?""

Но, несмотря на нѣкоторое увлеченіе новымъ теченіемъ въ русскомъ искусствѣ, академія все же продолжаетъ отстаивать свою прежнюю точку зрѣнія и всѣ конкуренты на первую золотую медаль попрежнему должны выполнять одну и ту же программу, при чемъ въ видѣ уступки и опыта въ 1863 г. предположено было задать такія отвлеченныя темы, какъ гнѣвъ, радость, любовь къ отчизнѣ и т. п. Выходившіе на конкурсъ въ тотъ годъ молодые художники, все же найдя для себя стѣснительнымъ работать по опредѣленной задачѣ, просили „о дозволеніи свободно выбрать сюжеты тѣмъ, которые сего пожелаютъ, помимо заданной темы". Ходатайство это академическій совѣтъ не призналъ возможнымъ удовлетворить, вслѣдствіе чего тринадцать конкурентовъ подали просьбу объ ихъ увольненіи изъ академіи. Этимъ художественнымъ силамъ оказались слишкомъ тѣсны академическія воззрѣнія на искусство, и, выйдя изъ академіи, они образовали

„Художественную артель", преобразовавшуюся впослѣдствіи въ „Товарищество передвижныхъ выставокъ", оказавшее такое сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу русскаго искусства.

Въ 1864 г. исполнилось столѣтіе со дня дарованія академіи ея перваго устава. Предположенное празднованіе столѣтняго юбилея было отложено до окончанія предпринятыхъ въ то время въ академіи внутреннихъ перестроекъ и ограничилось лишь изданіемъ обширнаго труда почетнаго вольнаго общника академіи художествъ П. Петрова „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ" и чеканкой особой медали по модели профессора Реймерса. За годъ передъ тѣмъ академія обогатилась обширной художественной коллекціей, завѣщанной ей любителемъ искусствъ графомъ Кушелевымъ-Безбородко. Вынужденная, согласно волѣ завѣщателя, выставить это собраніе для обозрѣнія публики, академія обращаетъ также вниманіе и на свои художественныя коллекціи и, приведя ихъ въ должный порядокъ, дѣлаетъ доступнымъ обозрѣніе ихъ не только своимъ профессорамъ и ученикамъ, но и публикѣ.

Къ этому же времени относится и освященіе выстроеннаго при академіи особаго зданія для производства мозаическихъ работъ. Участвуя въ 1866 г. на Парижской выставкѣ, академія организуетъ русскій отдѣлъ, гдѣ на ряду съ художественными произведеніями были выставлены и работы русскихъ художниковъ-мозаичистовъ, настолько уже къ тому времени усовершенствовавшихся въ этомъ искусствѣ, что „русскую мозаику" признаютъ стоящей выше конкурса, и мозаическому отдѣленію была присуждена золотая медаль.

Августѣйшій президентъ неизмѣнно оказываетъ готовность придти на помощь какъ академическому начальству, такъ и учащемуся юношеству, отдавая для поддержки послѣдняго полагающіяся ей по штату, какъ президенту, столовыя суммы. Ея высочество охотно посѣщаетъ академію и неизмѣнно ходатайствуетъ передъ государемъ о вознагражденіи талантовъ, искусства, трудолюбія и дѣятельности какъ членовъ академіи, такъ и вообще даровитыхъ русскихъ художниковъ. Благодаря ходатайству великой княгини въ 1871 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ ежегодномъ отпускѣ 10.000 рублей на поощреніе художественной дѣятельности академіи. Большое вниманіе удѣляетъ великая княгиня и развитію академическаго музея и библіотеки, которыя неоднократно получали отъ нея цѣнныя и щедрыя приношенія.

Въ 1868 г., по уходѣ, за преклонностью лѣтъ, графа Ѳ. Толстого его замѣняетъ Высочайше назначенный товарищемъ президента ве-

ликій князь Владиміръ Александровичъ, ревностно отдавшійся служенію на пользу русскаго искусства и которому къ концу своего президентства великая княгиня ввѣрила веденіе всѣхъ академическихъ дѣлъ. Въ 1872 г. по иниціативѣ великаго князя, академія принимаетъ участіе въ Лондонской международной выставкѣ и при томъ настолько успѣшно, что англійская печать единодушно отводитъ „русской галлереѣ" первое мѣсто; при этомъ особое вниманіе и интересъ представляли работы „не академически-классическаго характера", а бытовыя, среди которыхъ особенно выдѣлились русскіе художники М. М. Антокольскій, В. В. Верещагинъ, К. Е. Маковскій и нѣкоторые другіе. Въ слѣдующемъ году академія участвуетъ въ Вѣнской международной выставкѣ, и число экспонируемыхъ ею произведеній возрастаетъ съ каждымъ разомъ, разносторонне знакомя западную публику съ ходомъ развитія и направленіемъ русскаго искусства.

Помимо спеціальныхъ школъ распространеніе художественнаго просвѣщенія шло также при посредствѣ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но, за недостаткомъ спеціально подготовленныхъ для этой цѣли педагоговъ, не особенно успѣшно, что дало поводъ академіи художествъ въ 1831 г. заявить, что „искусству рисованія нигдѣ еще въ училищахъ не обучаютъ надлежащимъ образомъ". Желая придти въ этомъ случаѣ на помощь министерству народнаго просвѣщенія, особенно остро чувствовавшему недостатокъ въ учителяхъ рисованія для низшей и средней школы, въ 1872 г. при академіи художествъ были учреждены „воскресные классы рисованія", въ которыхъ, съ цѣлью практической подготовки учителей рисованія, занимались старшіе ученики академіи. Позже эти классы были закрыты, и вмѣсто нихъ были учреждены „Педагогическіе курсы для приготовленія учителей рисованія". Великій князь Владиміръ Александровичъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ постановки художественно-педагогическаго образованія и, благодаря его неусыпному попеченію, эти педагогическіе курсы начали функціонировать съ 1879 г., служа разсадникомъ цѣлой плеяды учителей рисованія, обладающихъ какъ художественнымъ, такъ и необходимымъ общеобразовательнымъ цензомъ. Съ тою же цѣлью способствовать распространенію художественнаго просвѣщенія путемъ разработки методическихъ пріемовъ въ дѣлѣ обученія рисованію, академія художествъ учредила конкурсъ по рисованію для среднихъ учебныхъ заведеній.

За кончиною въ 1876 г. великой княгини Маріи Николаевны, постъ президента занимаетъ великій князь Владиміръ Александро-

вичъ, оказавшій за время своего президентства огромныя услуги какъ русскому искусству, такъ и самой академіи художествъ. Вступивъ въ обязанности президента, великій князь неусыпно заботится о всѣхъ дѣлахъ и нуждахъ академіи, ея составѣ и художественныхъ успѣхахъ. Стремясь къ развитію отечественнаго искусства путемъ ознакомленія съ западными вѣяніями и теченіями въ области художественнаго творчества, великій князь побуждаетъ академію и вообще русскія художественныя силы принимать участіе во всѣхъ международныхъ выставкахъ, при чемъ успѣхи русскаго искусства отмѣчаются высокими наградами, неоднократно присуждаемыми нашимъ даровитымъ художникамъ.

Начиная съ 1880 г. академія обращаетъ вниманіе на поддержаніе провинціальныхъ художественныхъ школъ, и Одесская рисовальная школа получаетъ отъ академіи субсидію въ 3.000 рублей; вмѣстѣ съ тѣмъ Августѣйшій президентъ оказываетъ ей исключительное вниманіе, неоднократно давая въ своихъ рескриптахъ указанія и лично руководя ея дальнѣйшимъ устройствомъ и организаціею.

1883 г. былъ ознаменованъ введеніемъ новыхъ академическихъ штатовъ, по которымъ ежегодно ассигновывалось 33.000 руб. на художественную дѣятельность академіи; вмѣстѣ съ тѣмъ академія рѣшается отнынѣ привлекать на свои выставки всѣ художественныя силы, и потому въ составъ художественныхъ жюри, на ряду съ представителями отъ академіи приглашаются и члены, выбранные отъ экспонентовъ. Этимъ шагомъ академія предполагала сгладить существовавшую еще рознь между академическимъ направленіемъ и такъ называемымъ передвижническимъ. Однако, на первыхъ порахъ ожидаемое сближеніе не даетъ желаемыхъ результатовъ, и лишь по реформированіи академіи въ 1893 г. видные представители „оппозиціи" вступаютъ въ члены академіи, и имъ поручается руководительство мастерскими.

Въ томъ же 1883 г. академія предпринимаетъ изданіе художественнаго журнала „Вѣстникъ изящныхъ искусствъ" подъ редакціей своего почетнаго вольнаго общника А. И. Сомова.

Не довольствуясь экспонированіемъ художественныхъ произведеній въ обѣихъ столицахъ Россіи и за границей, академія, по иниціативѣ своего Августѣйшаго президента, обращаетъ вниманіе и на провинцію и предпринимаетъ рядъ мѣръ, способствовавшихъ пробужденію интереса и любви къ искусству во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи. Такъ, въ связи съ открытіемъ художественныхъ провинціальныхъ

школъ, возникаютъ и художественные музеи, которые академія щедро снабжаетъ картинами, рисунками и скульптурой, руководствуясь этой цѣлью при своихъ покупкахъ на художественныхъ выставкахъ. Благодаря такой дѣятельности академіи, число поддерживаемыхъ ею художественныхъ музеевъ непрерывно возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждается интересъ къ искусству и появляются различныя художественныя общества и кружки, которымъ академія неустанно оказываетъ всяческое содѣйствіе. Всѣ художественныя школы въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Казань, приняты ею подъ свое покровительство и преобразованы въ ея приготовительныя отдѣленія, откуда художественно подготовленные ученики поступаютъ въ академію для прохожденія высшаго курса по искусствамъ.

Примѣръ и значительный успѣхъ, выпавшій на долю передвижныхъ выставокъ, побудили академію также не ограничивать свои выставки только Петербургомъ, но отправлять ихъ и въ крупные города Россіи, Одессу, Ригу, Казань и друг., гдѣ благодаря этимъ выставкамъ публика знакомилась съ ходомъ русскаго искусства и новѣйшими произведеніями.

Въ заботахъ объ улучшеніи быта академическихъ учениковъ великій князь принимаетъ дѣятельное участіе въ основаніи Владиміро-Маріинскаго пріюта-дачи для лѣтняго пребыванія тѣхъ учениковъ, которымъ по разстроенному или слабому здоровью необходимо проводить лѣтніе мѣсяцы на чистомъ воздухѣ и въ гигіенической обстановкѣ, и гдѣ въ то же время питомцы академіи могли бы продолжать свои художественныя занятія, работая съ натуры подъ руководствомъ своихъ профессоровъ, періодически посѣщавшихъ академическую дачу.

Къ концу 80-хъ годовъ прошлаго вѣка общая свѣтлая картина жизни и дѣятельности академіи на время омрачается раскрытыми въ ней злоупотребленіями и нарушеніями закона, въ виду чего составъ правленія смѣняется, мѣсто вице-президента занимаетъ графъ А. А. Бобринскій, а конференцъ-секретаремъ назначается графъ И. И. Толстой.

Но не въ одномъ упорядоченіи дѣлъ правленія нуждалась къ этому времени академія художествъ. Назрѣвавшая потребность ея полнаго и коренного преобразованія стала неотложною необходимостью. Прежній уставъ и весь строй академической жизни далеко не соотвѣтствовали художественнымъ задачамъ времени, и поэтому

на очередь выступаетъ вопросъ о полномъ пересмотрѣ академическаго устава 1859 г.

Для болѣе всесторонняго обсужденія и освѣщенія истинныхъ нуждъ художественнаго просвѣщенія и выработки проекта новаго устава была образована особая комиссія изъ художниковъ и лицъ, близко стоящихъ къ искусству и понимающихъ его педагогическую сторону. Стремясь къ наиболѣе детальному и разностороннему освѣщенію желательныхъ реформъ, Августѣйшій президентъ, помимо упомянутой комиссіи, обратился къ компетентнымъ лицамъ, которымъ дороги интересы русскаго искусства, съ предложеніемъ сообщить свои мнѣнія и сужденія, въ чемъ именно и какимъ путемъ надлежитъ произвести реорганизацію академіи. Полученный такимъ путемъ матеріалъ послужилъ членамъ комиссіи по выработкѣ новаго академическаго устава цѣннымъ подспорьемъ, ознакомивъ ихъ съ различными воззрѣніями и взглядами на задачи и цѣли академіи художествъ.

Выработанный редакціонною комиссіею проектъ новаго устава удостоился въ 1893 г. Высочайшаго утвержденія императоромъ Александромъ III, явившимъ высокую милость академіи художествъ, предоставивъ ей возможность свободной и плодотворной дѣятельности въ предѣлахъ ея новаго устава.

Со времени введенія этого устава дѣятельность реформированной академіи пошла по новому пути. Теперь ея художественная школа стала въ дѣйствительности высшимъ художественнымъ училищемъ, открытымъ для пріема лицъ, уже получившихъ предварительное художественное образованіе, или отмѣченныхъ талантомъ учениковъ, прошедшихъ курсъ среднеучебныхъ заведеній и, слѣдовательно, достаточно уже подготовленныхъ къ прохожденію высшаго художественнаго курса. Въ основу преподаванія положено устройство мастерскихъ, въ которыхъ ученики работаютъ подъ руководствомъ избраннаго ими самими профессора по той отрасли, къ которой они чувствуютъ наиболѣе склонность. Коренному измѣненію въ своемъ составѣ и дѣятельности подверглась „старая академія“, превратившаяся изъ замкнутой группы преподавателей въ обширную корпорацію, состоящую не только изъ художниковъ всѣхъ трехъ родовъ искусства, но также и лицъ, оказавшихъ пользу художествамъ своею дѣятельностью, какъ то: коллекціонеровъ, критиковъ, профессоровъ искусствъ и любителей. Эти члены академіи, подъ руководствомъ президента, вѣдаютъ направленіемъ всѣхъ дѣлъ въ академіи и черезъ нее вообще соприкасаются съ художественною жизнью страны, рѣшая на общихъ со-

браніяхъ всѣ вопросы, касающіеся какъ самой академіи, такъ и подвѣдомственныхъ ей художественныхъ школъ, а также разсматривая и давая свои заключенія по всѣмъ поступающимъ на обсужденіе и заключеніе академіи вопросамъ, связаннымъ съ искусствомъ во всѣхъ его отрасляхъ. Согласно новому уставу на академическое собраніе возлагается нынѣ „поддержаніе, развитіе и распространеніе искусства въ Россіи".

Въ быстромъ и успѣшномъ ходѣ академической реформы немалую роль сыграли благожелательность, любовь къ искусству и внимательность Августѣйшаго президента ко всѣмъ проявленіямъ художественнаго творчества, независимо отъ принадлежности ихъ къ той или иной школѣ.

При пополненіи профессорскаго персонала высшаго художественнаго училища въ качествѣ профессоровъ-руководителей приглашаются „художники-передвижники", ведшіе въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ открытую борьбу съ прежней академической рутиной; таковы: В. Е. Маковскій, И. Е. Рѣпинъ, И. И. Шишкинъ и другіе. Сообразно съ преобразованіемъ живописно-скульптурнаго отдѣленія былъ реформированъ и архитектурный отдѣлъ, руководительство которымъ было поручено такимъ извѣстнымъ профессорамъ, какъ Л. Н. Бенуа, А. Н. Померанцевъ и друг.

Являясь отнынѣ высшимъ художественнымъ училищемъ въ Имперіи, академія художествъ тѣмъ самымъ должна была обратить особое вниманіе на провинціальныя художественныя школы и училища, являющіяся какъ бы ея подготовительными отдѣленіями, ежегодно доставляющія ей контингентъ художественно подготовленныхъ учениковъ. Сообразно съ этимъ ею былъ послѣдовательно выработанъ рядъ положеній и правилъ для этихъ училищъ и школъ, принятыхъ ею въ свое вѣдѣніе и ежегодно субсидируемыхъ. Въ связи съ этими художественно просвѣтительными учрежденіями академія, попрежнему, прилагаетъ заботу о пополненіи и расширеніи провинціальныхъ художественныхъ музеевъ, пересылая имъ пріобрѣтаемыя ею на различныхъ художественныхъ выставкахъ цѣнныя произведенія русскаго искусства.

Къ крупнымъ событіямъ академической жизни послѣднихъ лѣтъ слѣдуетъ отнести учрежденіе въ 1897 г. при ближайшемъ участіи великаго князя Владиміра Александровича „Русскаго Музея Императора Александра III", которому академія передала обширное собраніе произведеній русскаго искусства, послужившее основаніемъ его худо-

жественнаго отдѣла, а также всѣ предметы изъ бывшаго при академіи церковно-христіанскаго музея.

Послѣдующіе годы въ жизни академіи были ознаменованы рядомъ такихъ отрадныхъ явленій, какъ, напримѣръ, пополненіе художественныхъ академическихъ коллекцій принесенными ей въ даръ собраніями картинъ М. Н. Никонова и В. Э. Краузольда, пожертвованіемъ дѣйствительнымъ членомъ академіи профессоромъ живописи А. И. Куинджи капитала въ 100.000 рублей для выдачи премій изъ %% съ этого капитала на академическихъ выставкахъ, открытіемъ новыхъ провинціальныхъ художественныхъ школъ и учрежденій и рядомъ другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о плодотворной и дружной работѣ всѣхъ русскихъ художественныхъ силъ.

4-го февраля 1909 г. явилось днемъ глубокой скорби для академіи, а вмѣстѣ съ нею и для русскаго искусства—это день кончины Августѣйшаго президента великаго князя Владиміра Александровича, стоявшаго во главѣ ея въ теченіе 33 лѣтъ и столь много потрудившагося на пользу и преуспѣяніе родного искусства.

Ближайшій сотрудникъ покойнаго Августѣйшаго президента по академіи художествъ, состоявшій въ теченіе 12 лѣтъ ея вице-президентомъ графъ И. И. Толстой, обрисовывая личность великаго князя Владиміра Александровича, такъ характеризуетъ отношеніе усопшаго президента къ академіи: „Академію художествъ великій князь искренно любилъ, болѣлъ ея горестями, радовался и гордился ея хотя бы самыми незначительными успѣхами. Искусство онъ не считалъ забавою, а дѣломъ важнымъ, имѣющимъ государственное значеніе, и всегда былъ готовъ повсюду защищать интересы искусства“.

За кончиною великаго князя Владиміра Александровича постъ президента академіи художествъ заняла великая княгиня Марія Павловна, стремящаяся къ продолженію благожелательныхъ и просвѣщенныхъ традицій, установившихся при почившемъ Августѣйшемъ президентѣ, и проявившая, въ теченіе минувшаго ряда лѣтъ, особое участіе и горячій интересъ какъ въ отношеніи самой академіи, такъ и вообще къ судьбамъ русскаго искусства.

С. Кондаковъ.

И. И. ЯНЖУЛЪ.

(Некрологъ).

Академикъ Иванъ Ивановичъ Янжулъ умеръ 18-го октября 1914 г. въ Висбаденѣ, куда онъ поѣхалъ весною, надѣясь поправить здоровье. И умеръ онъ на чужой враждебной сторонѣ, вдали отъ любимой имъ родины.

И. И. Янжулъ представляетъ интересную и своеобразную личность въ области русской науки, а въ смыслѣ характера—цѣльную натуру. На компромиссы онъ не шелъ, и если кого не любилъ или не сочувствовалъ научнымъ взглядамъ, то не стѣсняясь высказывался съ нѣкоторою рѣзкостью.

Я не буду говорить о дѣтскихъ годахъ, о гимназической жизни И. И. Объ этомъ онъ самъ достаточно говорилъ въ написанныхъ имъ интересныхъ воспоминаніяхъ. Для общества интересенъ И. И. Янжулъ какъ выдающійся профессоръ, ученый авторъ многихъ сочиненій по экономическимъ вопросамъ и какъ общественный дѣятель. Я, какъ и многіе изъ бывшихъ студентовъ слушателей, обязанъ И. И. пробужденіемъ интереса къ изученію экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, и на мнѣ лежитъ нравственный долгъ почтить память этого уважаемаго крупнаго научнаго дѣятеля.

Трудно быть вполнѣ объективнымъ, когда приходится говорить о близкомъ человѣкѣ. Быть можетъ, я ошибаюсь, но скажу, какъ я понимаю, какъ я чувствую. Жизнь И. И. Янжула трудовая въ настоящемъ смыслѣ этого слова и въ первые юношескіе годы полна лишеній. Объ этомъ я не разъ слышалъ отъ него. Въ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ, какъ тяжело ему приходилось во время студенческой жизни. По его словамъ, если бы вначалѣ онъ не испыталъ нужды, то быть можетъ и не привыкъ бы къ труду.

Отсутствіе средствъ, нужда, при крѣпкомъ здоровьѣ, закалили

характеръ И. И., и онъ проявлялъ рѣдкое упорство въ трудѣ. И какимъ рѣзкимъ онъ могъ казаться, когда даже болѣе близкимъ знакомымъ и друзьямъ безъ стѣсненія выговаривалъ, когда они навѣщали его во время работы!

Многихъ, даже искренне къ нему расположенныхъ людей коробили его рѣзкія сужденія. Недостатокъ этотъ искупался искренностью и честностью убѣжденій И. И. и его доброжелательностью и отзывчивостью къ людямъ. Проявлялъ онъ доброжелательность не на словахъ, а и на дѣлѣ. Людямъ, близко его знавшимъ, И. И. внушалъ чувства глубокаго уваженія и симпатіи. Даже нетерпимость И. И., какъ я имѣлъ случай убѣдиться на личномъ примѣрѣ, смягчалась, когда онъ убѣждался въ искренности человѣка, оспаривавшаго его убѣжденія, и несогласіе во взглядахъ не мѣшало поддерживать съ нимъ дружескія отношенія.

Успѣхъ въ университетѣ, извѣстность ученаго онъ взялъ съ бою. Очеркъ его жизни, въ связи съ его работами, представляетъ много поучительнаго, подтверждая, что упорный постоянный трудъ въ научной области, внося нѣчто въ сокровищницу человѣческихъ знаній, даетъ работнику, въ извѣстной степени, нравственное удовлетвореніе. Несомнѣнно по серьезности, по знаніямъ и по мастерству разработки экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, въ ряду русскихъ и иностранныхъ ученыхъ И. И. является выдающимся.

Будучи студентомъ, И. И. для заработка отправился на урокъ въ домъ одного тверского помѣщика. Въ свободное отъ уроковъ время, разбирая имѣвшіяся въ имѣніи книги, онъ напалъ на сочиненіе знаменитаго статистика А. Кетлэ „О человѣкѣ и развитіи его способностей“ и заинтересовался книгой, въ которой рукою мастера, въ увлекательной формѣ, набросана картина закономѣрнаго развитія человѣческаго общества. Юный адептъ науки, увлеченный идеями автора, попытался на основаніи имѣвшагося въ церковныхъ записяхъ мѣстныхъ приходовъ матеріала о рожденіяхъ, смертяхъ и бракахъ провѣрить правильность выводовъ Кетлэ.

Написанное сочиненіе, какъ курсовое (студенты въ то время, при переходѣ на слѣдующій курсъ, были обязаны представлять сочиненія), онъ подалъ профессору политической экономіи И. К. Бабсту, который, какъ мнѣ съ горечью передавалъ много лѣтъ спустя послѣ этого И. И., не удостоивъ его бесѣды, вернулъ черезъ мѣсяцъ поданную работу не читая. Такіе случаи были и въ послѣдующее время [1]).

[1]) Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ около 200 моихъ однокурсниковъ

Не смущаясь этимъ, И. И. представилъ черезъ годъ другую работу тому же профессору „Торговые пути Россіи въ Среднюю Азію“, встрѣтившую одинаковый пріемъ. Такое невнимательное отношеніе профессора удручающимъ образомъ подѣйствовало на И. И., и онъ пересталъ работать, предавшись легкимъ, соблазнительнымъ удовольствіямъ.

Когда надо было подавать сочиненіе на третьемъ курсѣ, И. И. сдѣлалъ то же, что дѣлали и другіе студенты: онъ подалъ прошлогоднее сочиненіе проф. финансоваго права Ѳ. Б. Мюльгаузену, который отнесся совершенно иначе: онъ заинтересовался юнымъ авторомъ. Это было важнымъ моментомъ въ жизни И. И., такъ какъ профессоръ, прочтя сочиненіе и переговоривъ основательно съ авторомъ, обѣщалъ ему, если онъ станетъ заниматься, оставить его при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Окончивъ университетъ въ 1869 г., И. И. поступилъ на службу по судебному вѣдомству, которое, впрочемъ, онъ быстро оставилъ, получивъ стипендію въ университетѣ. Въ это время произошелъ съ нимъ эпизодъ, о которомъ И. И. не охотно распространялся. Какъ-то случайно, на обращенное къ нему грубое замѣчаніе полицейскаго чиновника на пожарѣ, онъ попросилъ его быть болѣе вѣжливымъ. Послѣдній отправилъ его въ участокъ, и надо было слышать, съ какимъ ужасомъ И. И., много лѣтъ спустя, передавалъ объ этомъ возмутительномъ поступкѣ. Обстоятельство не прошло безслѣдно для политическаго міровоззрѣнія И. И., подвергшагося лишенію свободы безъ всякой съ его стороны вины. Въ немъ укрѣпилось сознаніе необходимости гарантій свободы личности отъ произвола. Въ особенности это чувство окрѣпло, когда онъ прожилъ въ Англіи, и гдѣ на эту тему нерѣдко у насъ происходили горячіе диспуты.

Какъ оставленный при университетѣ стипендіатъ, И. И. получалъ въ годъ 400 руб. и, готовясь къ магистерскому экзамену, для поддержанія скуднаго бюджета долженъ былъ давать уроки. По сдачѣ экзамена ему удалось получить лекціи по статистикѣ въ Московскомъ техническомъ училищѣ.

подали сочиненія одному весьма снисходительному профессору юридическаго факультета, при чемъ нѣкоторые даже склеили страницы, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли профессоръ не читаетъ подаваемыхъ ему сочиненій. Передача была возложена на одного очень милаго однокурсника, смутившаго своимъ появленіемъ съ тюкомъ сочиненій профессора, который потребовалъ только предъявленія списка подавшихъ, на которомъ и отмѣтилъ всѣмъ удовлетворительно.

Въ 1872 г. состоялась страстно имъ ожидаемая командировка за границу для усовершенствованія въ наукахъ одновременно съ другимъ молодымъ магистрантомъ, впослѣдствіи извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета А. И. Чупровымъ. Направился И. И. въ Лейпцигъ, гдѣ въ то время политическую экономію преподавалъ глава исторической школы В. Рошеръ. Здѣсь И. И. слушалъ проф. Кнаппа и др.

Общіе курсы не могутъ представить особеннаго интереса для русскихъ магистрантовъ, успѣвающихъ въ теченіе двухъ лѣтъ основательно познакомиться съ главнѣйшими сочиненіями выбранной ими спеціальности, и потому обыкновенно они ограничиваются посѣщеніями частныхъ курсовъ. Вспоминая о Рошерѣ, И. И. передаетъ, что русскіе въ то время подсмѣивались надъ взглядами ученаго нѣмца о вредномъ вліяніи общины, побуждающей, по его словамъ, крестьянъ разсчитывать на новую прирѣзку надѣловъ или приводящую къ погромамъ и захватамъ частновладѣльческихъ земель.

Къ этому періоду относится вступленіе И. И. въ бракъ съ Екатериною Николаевною, съ которой онъ и направился въ свадебное путешествіе по Швейцаріи и затѣмъ въ Лондонъ, сдѣлавшійся съ этого времени любимымъ пребываніемъ И. И. Такихъ удобствъ для занятій, какъ Британскій музей, не представляетъ ни одна библіотека въ мірѣ, и здѣсь И. И. занялся изученіемъ матеріала для диссертаціи объ акцизахъ, т. е. косвенныхъ налогахъ на предметы внутренняго потребленія, навѣянной, въ значительной степени, сочиненіемъ Лассаля о косвенныхъ налогахъ. Въ своемъ сочиненіи Лассаль стремился доказать, какъ, пользуясь этою формою обложенія, имущіе классы перелагаютъ тяжесть обложенія на недостаточныхъ. Взглядъ этотъ принятъ въ финансовой наукѣ, между тѣмъ Лассаль, говоря о косвенныхъ налогахъ, имѣлъ въ виду существовавшіе въ его время въ Пруссіи тяжелые налоги на хлѣбъ и мясо. И. И. задался цѣлью выяснить вліяніе косвенныхъ налоговъ на населеніе и промышленность Англіи, въ связи съ экономическимъ положеніемъ страны и борьбою политическихъ партій. Благодаря парламентарному строю и свободѣ обсужденія общественныхъ вопросовъ въ этой странѣ, по этимъ вопросамъ сложилась обширная литература.

Результатомъ работы явилось интересно и живо написанное сочиненіе „Акцизъ“, исторія косвенныхъ налоговъ въ Англіи, которая можетъ быть прочтена съ пользою каждымъ, кто интересуется косвенными налогами, какъ одной изъ излюбленныхъ практикою формъ обло-

женія, и какъ она отражается на разныхъ сторонахъ экономической жизни. Занимаясь изученіемъ вопросовъ обложенія предметовъ внутренняго потребленія, И. И. намѣтилъ и тему для докторской диссертаціи—о вліяніи падающихъ на привозные заграничные товары таможенныхъ сборовъ, которая вылилась у него въ историко-экономическое изслѣдованіе „Англійская свободная торговля".

По защитѣ магистерской диссертаціи, И. И. получилъ мѣсто доцента въ Московскомъ университетѣ, но такъ какъ лекціи финансоваго права читалъ Ѳ. Б. Мюльгаузенъ, то И. И., до выхода послѣдняго въ отставку, было поручено временно читать курсъ по исторіи финансовыхъ учрежденій и финансовой политикѣ западно-европейскихъ государствъ.

Старѣйшій въ Россіи Московскій университетъ имѣлъ большое значеніе въ умственной жизни Москвы. Тысячи молодыхъ людей, окончившихъ курсъ, поддерживали связи съ своею alma mater, и научное движеніе въ университетѣ всегда встрѣчало среди нихъ живой откликъ. Профессора Московскаго университета всегда пользовались большимъ вниманіемъ московскаго общества, и къ голосу ихъ, какъ представителей науки, особенно охотно прислушивались. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ истекшаго вѣка на юридическомъ факультетѣ читали лекціи знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, особую науку Общественное право В. Н. Лешковъ, уголовное право С. И. Баршевъ, финансовое право Ѳ. М. Мюльгаузенъ, римское право Н. И. Крыловъ, судебную медицину В. А. Легонинъ, исторію русскаго права И. Д. Бѣляевъ и др. Это были симпатичные и ученые люди. Нѣкоторые, однако, изъ нихъ отстали отъ научнаго движенія. На смѣну имъ явились молодые, серьезные ученые съ твердою вѣрою въ науку, умѣвшіе внушить это чувство своимъ слушателямъ: А. И. Чупровъ, С. А. Муромцевъ, А. С. Павловъ, И. И. Янжулъ и другіе. Думаю, я не погрѣшу противъ истины, назвавъ эту эпоху свѣтлой въ исторіи юридическаго факультета Московскаго университета.

Благодаря выдающимся способностямъ, работоспособный И. И. Янжулъ быстро пріобрѣлъ себѣ почетное положеніе, какъ среди научныхъ дѣятелей—сочиненіями, такъ и среди студентовъ не только строгостью и требовательностью, но и какъ прекрасный лекторъ. Обладая даромъ живого, яснаго изложенія, И. И. пояснялъ положенія теоріи массою историческихъ и статистическихъ данныхъ изъ исторіи разныхъ государствъ и эпохъ. Самъ лекторъ вносилъ вѣру

въ научныя истины и умѣлъ передать ее многочисленнымъ своимъ слушателямъ.

Охотно посѣщая лекціи И. И., студенты побаивались требовательнаго экзаменатора. Среди нихъ ходили легенды и преувеличенные слухи о строгости И. И. на экзаменахъ. И дѣйствительно, своимъ зычнымъ голосомъ онъ внушалъ студентамъ боязнь, въ особенности, явившимся на экзаменъ безъ достаточной подготовки и знаній.

Заинтересовавшись его лекціями и набравшись смѣлости, я, за годъ до окончанія курса, направился къ И. И. спросить, что онъ посовѣтуетъ мнѣ прочесть по финансовой наукѣ. Онъ въ то время занималъ квартиру на окраинѣ Москвы, за Зоологическимъ садомъ, въ Грузинахъ. Въ тѣсномъ кабинетѣ, окруженный студентами сидѣлъ И. И. и велъ бесѣду о русской общинѣ и о только что вышедшей книгѣ проф. Постникова „Общинное землевладѣніе“ и объ язвительномъ по ея поводу памфлетѣ покойнаго нынѣ проф. П. П. Цитовича. Онъ съ величайшимъ удовольствіемъ отвѣчалъ на студенческіе вопросы и занимающимся экономическими и финансовыми науками охотно давалъ книги изъ своей библіотеки.

Сердечное, милое отношеніе и отзывчивость со стороны серьезнаго, солиднаго ученаго къ студентамъ привлекало не мало молодыхъ людей къ изученію экономическихъ и финансовыхъ наукъ подъ его руководствомъ.

Ближе пришлось мнѣ познакомиться съ И. И., встрѣтившись съ нимъ въ 1880 г. въ Лондонѣ, куда я проѣхалъ, прослушавъ два семестра въ нѣмецкихъ университетахъ. И. И., на другой же день послѣ встрѣчи, повлекъ меня въ Британскій музей... Въ то время онъ самъ занимался продолженіемъ изслѣдованія о свободной торговлѣ. По его мысли, этотъ трудъ находился въ связи съ первой диссертаціей. Цѣлью намѣченнаго И. И. сочиненія было прослѣдить исторію хода и развитія идей свободной торговли и выяснить условія развитія началъ экономической политики и результаты, къ которымъ привела Англію свобода торговли.

Первый томъ исключительно посвященъ анализу старой литературы и объясненію меркантильнаго періода экономической науки съ указаніемъ перехода отъ системы денежнаго баланса къ торговому. Во второмъ томѣ этого сочиненія И. И. въ особенности подробно остановился на объясненіи причинъ, пошатнувшихъ вѣру въ принципы и незыблемость законовъ политической экономіи. Причины, подъ вліяніемъ которыхъ измѣнились отношенія общественнаго мнѣнія къ

наукѣ, онъ сводитъ къ альтруизму, соціализму, индивидуализму и протекціонизму. Вышедшее сочиненіе имѣло успѣхъ.

Этотъ періодъ жизни почтеннаго И. И. былъ очень производителенъ въ научномъ отношеніи: онъ помѣстилъ въ разныхъ журналахъ много статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, привлекавшимъ вниманіе русскаго образованнаго общества. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія: „Причины и послѣдствія отмѣны соляного налога въ Англіи и Россіи". Въ этомъ сочиненіи имъ были разработаны и выяснены послѣдствія отмѣны налога на разныя стороны экономическаго строя, на сельское хозяйство и промышленность. Ежегодно почти посѣщая Британскій музей, являющійся не только богатѣйшимъ книгохранилищемъ, но представляющимъ такія удобства, какъ ни одно книгохранилище въ мірѣ, И. И. въ Москвѣ прочелъ докладъ объ этомъ образцовомъ учрежденіи и познакомилъ съ его устройствомъ русское общество. Предоставляемыя музеемъ удобства скрашивали для И. И. даже неприглядныя стороны пребыванія въ Лондонѣ. Какъ-то въ разговорѣ я пожаловался на скуку и на это получилъ такой отвѣтъ: „я не понимаю, какъ можно скучать, когда здѣсь находится такое замѣчательное книгохранилище, какъ Музей". По словамъ И. И., періодъ его пребыванія въ Лондонѣ, относящійся къ 1880—81 г., былъ интересенъ: тамъ собралось нѣсколько профессоровъ по преимуществу магистрантовъ-экономистовъ, Н. И. Зиберъ, В. П. Даневскій, Н. А. Каблуковъ, Н. А. Русановъ, П. В. Макаровъ, В. Г. Яроцкій и др. Вся русская семья, послѣ занятій, обыкновенно собиралась у радушнѣйшихъ хозяевъ И. И. и Екатерины Николаевны, заботившихся объ угощеніи земляковъ. Дѣлясь свѣдѣніями о родинѣ, мы оживленно обсуждали наиболѣе насъ всѣхъ тогда интересовавшіе экономическіе вопросы.

Скромное матеріальное положеніе, улучшившееся только съ полученіемъ мѣста ординарнаго профессора, не тяготило И. И. Онъ уже прошелъ тяжелую школу каждаго посвящающаго себя ученой дѣятельности. До этого онъ жилъ съ женою въ томъ же Лондонѣ на 1.500 рублей въ годъ и даже умудрялся покупать необходимыя книги, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ. Едва ли многіе изъ читателей его статей представляли себѣ, при какихъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ приходилось ему работать. Его окрыляла мысль, вѣра въ торжество научныхъ идей...

Говоря объ И. И., я, главнымъ образомъ, остановлюсь на его сочиненіяхъ. Въ нихъ прошла его жизнь, ими онъ жилъ и интересо-

вался. Это та духовная сторона жизни, которая наиболѣе его интересовала. И. И. работалъ, не покладая рукъ. Останавливаясь на Россіи и на необходимости сокращенія непроизводительныхъ расходовъ, онъ въ сочиненіи „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ" изобразилъ исторію борьбы учрежденнаго частнаго общества съ непроизводительными государственными расходами въ Англіи, поведшую къ очищенію и улучшенію бюджета расходовъ, указывая на ту роль, которую въ этомъ можетъ имѣть частная самодѣятельность. Въ особенности же въ это время привлекло его вниманіе положеніе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, и онъ написалъ „Дѣтскій и женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи". Въ этомъ сочиненіи были собраны данныя объ общемъ санитарномъ положеніи фабрикъ и безправномъ и беззащитномъ положеніи дѣтей, женщинъ и рабочихъ на фабрикахъ съ указаніемъ на прогрессъ фабричнаго законодательства Англіи. Изъ послѣдующихъ сочиненій можно упомянуть: „Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими", „Московскіе фабричные рабочіе", „Промышленная статистика и фабричное законодательство" и др.

Изданіе этихъ сочиненій совпало съ проявленіемъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XIX в. интереса въ обществѣ и правительствѣ къ положенію рабочаго класса. Положеніе рабочихъ было не обезпечено законодательными нормами, въ смыслѣ договоровъ, полученія платы, санитарнаго устройства, положенія малолѣтнихъ и женщинъ. Съ быстрымъ ростомъ промышленности, увеличивалось количество рабочихъ и, въ виду важнаго государственнаго и политическаго значенія рабочаго вопроса, связаннаго съ благоустройствомъ жизни, правительство, въ лицѣ министра финансовъ, нашло необходимымъ обратить особое вниманіе на огражденіе труда русскихъ рабочихъ и сдѣлало это въ очень осторожной формѣ, введя законы, касающіеся труда женщинъ и малолѣтнихъ на фабрикахъ, подчинивъ ихъ фабричному надзору. Въ 1882 году И. И., съ учеными трудами котораго былъ хорошо знакомъ бывшій въ то время министръ финансовъ, достойный памяти Н. Х. Бунге, было предложено занять мѣсто московскаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ и женщинъ. Онъ горячо принялся за это важное дѣло. Вначалѣ ему пришлось заняться изученіемъ положенія рабочаго класса на фабрикахъ и заводахъ. Работа требовала постоянныхъ разъѣздовъ въ московскомъ районѣ. Хотя законъ былъ изданъ 1-го іюня 1882 года, приведенъ, однако, въ исполненіе 1-го мая 1884 года, и дѣятельность инспекторовъ сводилась главнымъ образомъ къ изученію и собиранію свѣдѣній по всѣмъ родамъ производ-

ства о положеніи рабочихъ, ихъ возрастѣ, заработной платѣ, гигіеническихъ условіяхъ и т. д.

При объѣздѣ фабрикъ И. И. поражало отсутствіе среди фабрикантовъ свѣдѣній объ изданіи близко касающихся ихъ интересовъ законовъ и индиферентное къ нимъ отношеніе. При обращеніи за разъясненіями, нерѣдко фабриканты уклонялись отъ сообщенія свѣдѣній, рекомендуя поговорить, если его что либо интересуетъ, съ ихъ служащими, такъ какъ у фабрикантовъ болѣе серьезныя дѣла, напримѣръ поѣздка въ амбары и т. п. Поражало и предложеніе взятокъ, на что безъ всякой надобности такъ охотно идетъ русскій человѣкъ.

Результатомъ обслѣдованій фабрикъ и изученія положенія рабочихъ явился „Отчетъ" фабричнаго инспектора, въ которомъ авторъ, приведя большое количество наблюденій, представляетъ интересную картину условій фабричнаго труда. Отчетъ встрѣтилъ разную оцѣнку: въ литературѣ и обществѣ одобрительную, въ нѣкоторыхъ заинтересованныхъ кругахъ находили многое преувеличеннымъ и даже усматривали что-то соціалистическое.

Въ 1885 г. И. И. принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, для пересмотра отношеній между хозяевами и рабочими. Результатомъ было изданіе закона 3-го іюля 1886 года, опредѣлившаго сроки расплатъ, которыхъ раньше не было, ограниченіе штрафовъ и вычетовъ съ рабочихъ и переименованіе инспекторовъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ въ фабричныхъ инспекторовъ.

Въ виду возникшихъ жалобъ московскаго промышленнаго района на конкуренцію основанныхъ нѣмцами фабрикъ на нашей западной границѣ въ лодзинскомъ районѣ, министерство финансовъ рѣшило послать комиссію для выясненія условій конкуренціи фабрично-заводской промышленности Царства Польскаго съ промышленностью Центральной Россіи и предложило принять въ ней участіе И. И.

Результатомъ изученія появился „Отчетъ по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ" 1888 г. Какъ кажется, и до настоящаго времени это лучшее изслѣдованіе по этому вопросу на русскомъ языкѣ. Въ обстоятельномъ историческомъ очеркѣ авторъ излагалъ тѣ условія, которыя наиболѣе соотвѣтствовали развитію промышленности въ Привислинскомъ краѣ. Россія была ограждена запретительными тарифами отъ всего свѣта, и лишь Польшѣ предоставлялась свобода въ этой стѣнѣ. Съ улучшеніемъ путей со-

общенія, положеніе польской промышленности еще улучшилось. Промышленному развитію Польши содѣйствовалъ Польскій банкъ, оказывавшій широкія ссуды на производство. Этими благопріятными условіями воспользовались иностранные предприниматели. Стремясь снабжать своими товарами Россію, они достигли осуществленія этой цѣли устройствомъ фабрикъ и заводовъ на русской границѣ и избѣгали уплаты таможенныхъ налоговъ.

Съ назначеніемъ въ 1887 г. министромъ финансовъ Вышнеградскаго, повидимому предубѣжденнаго противъ И. И., послѣдній почелъ за лучшее покинуть службу по фабричной инспекціи, несмотря на то уваженіе, которымъ онъ пользовался благодаря его знаніямъ, настойчивости и строгому примѣненію закона.

Вышнеградскій принадлежалъ къ тому типу практическихъ умныхъ людей, лишенныхъ широкаго государственнаго кругозора, для которыхъ общественные вопросы заслонялись болѣе узкими конкретными задачами. Положеніе рабочаго класса, какъ это видно изъ предпринятыхъ въ его управленіе министерствомъ финансовъ мѣропріятій, совершенно его не интересовало, а о послѣдствіяхъ игнорированія назрѣвшаго къ этому времени рабочаго вопроса онъ не задумывался.

Послѣ выхода въ отставку изъ министерства финансовъ, И. И. исключительно отдался профессорской дѣятельности и издалъ читанный студентамъ курсъ подъ заглавіемъ „Основныя начала финансовой науки". Несмотря на неполноту и пропускъ такихъ важныхъ отдѣловъ, какъ ученіе о государственномъ кредитѣ и государственныхъ расходахъ, этотъ учебникъ финансовой науки по ясности, научности и точности изложенія является лучшимъ въ нашей финансовой литературѣ.

Научныя работы выдѣлили И. И. изъ ряда современныхъ финансистовъ, и онъ былъ избранъ въ 1894 г. въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, а затѣмъ къ концу 25-лѣтней профессорской дѣятельности ординарнымъ академикомъ. Къ принятію этого мѣста, по его словамъ, его побудили не только высокій почетъ, оказанный избраніемъ, но и еще одна причина: скандалъ, устроенный ему студентами, когда онъ отказался подчиниться ихъ требованіямъ—прекратить чтеніе лекцій въ день 19-го февраля. И. И. съ достоинствомъ и отличавшею его твердостью отказался выполнить требованія и читалъ лекціи, справедливо указывая, что нельзя ничѣмъ лучше почтить этотъ день, какъ трудомъ, къ которому призываетъ освобожденный народъ Творецъ великаго акта 19-го февраля 1861 года.

Съ назначеніемъ академикомъ и переѣздомъ И. И. въ Петроградъ, предполагалось изданіе академіей экономическаго словаря, въ чемъ чувствовалась потребность. Вслѣдствіе кончины Н. Х. Бунге это предположеніе не получило осуществленія.

Предъ переѣздомъ И. И. принялъ новую работу, по порученію министра финансовъ С. Ю. Витте. Онъ поѣхалъ въ Америку на Чикагскую выставку, и въ результатѣ его наблюденій и изученія появилось первое и самое обстоятельное на русскомъ языкѣ сочиненіе о синдикатахъ.

Экономическая жизнь приняла такіе широкіе размѣры, что уже не вкладывалась въ готовыя рамки. Благодаря развитію промышленной жизни, существовавшія акціонерныя общества съ крупными капиталами оказались недостаточными для огражденія предпринимателей въ особенности передъ международной конкуренціей, и принципъ, регулирующій производство—конкуренція, сталъ терять значеніе.

Для огражденія отъ пониженія прибыли явилась совершенно новая форма—соединеніе капиталовъ. Это синдикаты. Съ точки зрѣнія теоріи, разумѣется, противъ нихъ возражать трудно, но, какъ всякая новая форма экономической жизни, она требуетъ изученія и анализа. Америка для этого представляла особо благопріятныя условія, и И. И. использовалъ накопившуюся обширную литературу по вопросу.

Его взгляды встрѣтили въ нашей литературѣ отрицательное отношеніе, будто И. И. являлся защитникомъ синдикатовъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ онъ былъ болѣе талантливымъ изслѣдователемъ этого новаго явленія экономической жизни. Онъ выясняетъ, что государство должно дѣлать по отношенію къ синдикатамъ, и подробно разсматриваетъ отношеніе государства къ этой формѣ соединенія капиталовъ.

Послѣднею крупною работой И. И. является сочиненіе о торговыхъ музеяхъ, какъ одномъ изъ способовъ успѣшной борьбы на внѣшнихъ рынкахъ путемъ ознакомленія промышленниковъ и торгующихъ съ требуемыми товарами для разныхъ странъ, ихъ цѣнами, способами доставки, укупоркой ихъ и т. п. Для расширенія путей сбыта Германія, Австрія, Бельгія въ значительной мѣрѣ пользуются торговыми музеями, и И. И., тщательно изучивъ устройство и вліяніе ихъ въ разныхъ государствахъ, описалъ ихъ, указавъ возможность пользоваться торговыми музеями для успѣшнѣйшаго сбыта производимыхъ нами товаровъ.

Перечень сочиненій И. И. указываетъ, въ какой степени онъ примѣнялъ свои знанія и умѣнье къ изслѣдованію научныхъ и практи-

ческихъ вопросовъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, ознакомленіе съ ними русскаго общества для достиженія практическихъ цѣлей. По тщательности обработки матеріала, обстоятельности и объективности изложенія И. И. едва ли имѣетъ себѣ соперниковъ среди современныхъ ему русскихъ научныхъ дѣятелей.

Съ переѣздомъ въ Петроградъ, дѣятельность И. И. нѣсколько измѣнилась. Онъ редактировалъ экономическій и финансовый отдѣлъ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и писалъ небольшія статьи по интересовавшимъ его вопросамъ. Публичныхъ лекцій въ Петроградѣ, какъ дѣлалъ раньше въ Москвѣ, онъ почти не читалъ. Въ эпоху 1905—1907 гг. И. И. принялъ дѣятельное участіе въ одной изъ правыхъ партій. Не гонясь за популярностью и не будучи зараженъ кружковщиною, И. И. смѣло и рѣшительно высказывался противъ притязаній анархистовъ и соціалъ-демократовъ и той разрухи, которая была у насъ въ 1905—1907 гг.

Вообще къ происшедшимъ перемѣнамъ онъ относился сдержанно и, сочувствуя порядку, какъ обезпечивающему закономѣрность общественнаго развитія, былъ противникомъ крайностей въ политикѣ. Это обстоятельство не прошло безслѣдно для его личныхъ отношеній къ нѣкоторымъ изъ его пріятелей и знакомыхъ. Разница политическихъ убѣжденій раздѣляетъ людей. Въ особенности это разъединеніе, при отсутствіи политическаго воспитанія, приняло рѣзкія формы у насъ, гдѣ, на смѣну литературной кружковщины, выступила едва ли не худшая, политическая. Ослабленіе сложившихся отношеній съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ было чувствительно для И. И., который сохранялъ живой интересъ къ явленіямъ общественной жизни и привязанность къ тѣмъ людямъ, къ которымъ онъ привыкъ. Общество людей И. И. очень любилъ и охотно принималъ у себя по воскресеньямъ. Встрѣчались у него люди разныхъ направленій и взглядовъ. Въ московскій періодъ жизни преобладалъ профессорскій элементъ: Н. И. Стороженко, А. И. Чупровъ, М. М. Ковалевскій, Н. П. Боголѣповъ; посѣщали его также университетскіе товарищи: земскій дѣятель В. Ю. Скалонъ, А. Ѳ. Кони, основатель картинной галлереи русскихъ художниковъ И. Е. Цвѣтковъ и др. Посѣщали его и аспиранты на разныя амплуа въ административномъ или ученомъ мірѣ, которые, получивъ желаемое, исчезали.

Во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, послѣдній, имѣя въ виду преобразованіе совершенно несоотвѣтствовавшаго новымъ потребностямъ, устарѣвшаго Центральнаго

статистическаго комитета включеніемъ особаго отдѣла для рабочей статистики и расширеніемъ другихъ отдѣловъ, предложилъ занять мѣсто директора комитета И. И., на предложенныхъ послѣднимъ условіяхъ. Впрочемъ, назначеніе не состоялось, какъ кажется, въ силу измѣнившихся условій, вопреки желанію В. К. Плеве.

Къ этой послѣдней эпохѣ жизни И. И. относится изданіе имъ въ высокой степени интересныхъ очерковъ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва“; „Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства“ 1907 г. Послѣ изданія этой работы И. И. занялся писаньемъ „Воспоминаній о пережитомъ и видѣнномъ“, появившихся въ „Русской Старинѣ“ и вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Послѣдніе три, четыре года крѣпкій могучій организмъ сталъ сдавать, и И. И. сталъ часто прихварывать, въ особенности, его недомоганіе усилилось въ 1913 и 1914 гг. Въ апрѣлѣ текущаго года онъ уѣхалъ въ Висбаденъ. Какъ передавали, у него былъ повторный ударъ, и онъ не могъ ходить. Повидимому, состояніе здоровья не позволило ему выѣхать изъ враждебной страны послѣ объявленія войны, и послѣднее время, при невозможности знать дѣйствительное положеніе дѣла на родинѣ, сложилась тяжелая жизнь. Умеръ И. И. въ Висбаденѣ и тамъ похороненъ.

Въ лицѣ И. И. русская экономическая наука имѣла выдающагося ученаго, умѣвшаго объективно относиться и всесторонне освѣтить и разработать каждый вопросъ, которымъ онъ занимался. И. И. не далъ новыхъ идей въ сочиненіяхъ и не создалъ особой школы—это удѣлъ немногихъ—но на собственномъ примѣрѣ показалъ, какъ надо работать. Будучи превосходнымъ преподавателемъ финансовой науки, онъ возбудилъ къ ней интересъ среди обширной аудиторіи Московскаго университета и оставилъ нѣсколько учениковъ, изучившихъ подъ его руководствомъ финансовую науку. Изъ нихъ многіе успѣли заявить себя солидными работами въ этой области.

Со смертью И. И. изъ рядовъ выбылъ выдающійся русскій ученый, честный, своеобразный человѣкъ, выдающійся профессоръ, о которомъ съ теплымъ, хорошимъ чувствомъ вспомнятъ многочисленные его ученики по Московскому университету и читатели его сочиненій.

В. Судейкинъ.

АЛЕССАНДРО Д'АНКОНА.

(Некрологъ).

На этихъ дняхъ получилось запоздалое извѣстіе о кончинѣ Алессандро Д'Анконы, послѣдовавшей послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни 3-го ноября. Въ лицѣ умершаго европейская наука утратила крупную, необычайно дѣятельную силу, Италія же, кромѣ того, и гражданина, имя котораго вписано на страницы исторіи ея національнаго объединенія.

Д'Анкона родился 20-го февраля 1835 г. въ Пизѣ въ еврейской семьѣ, давшей Италіи нѣсколько выдающихся людей: Самсонъ Д'Анкона, министръ финансовъ въ кабинетѣ Рикасоли, впослѣдствіи депутатъ итальянскаго парламента отъ г. Пезаро и сенаторъ, Вито, талантливый художникъ, и Цезарь, извѣстный профессоръ палеонтологіи флорентійскаго института,—братья Алессандро.

Пребываніе Д'Анконы въ такъ называемомъ институтѣ отцовъ семействъ во Флоренціи дало ему серьезную литературную и научную подготовку и воспитало въ немъ интересъ къ научнымъ изысканіямъ. Общественныя и политическія стремленія и обстановка бурной эпохи, въ которой протекали его юношескіе годы, направили пытливый молодой умъ въ сторону изученія соціально-политическихъ вопросовъ, которое живой темпераментъ Д'Анконы побудилъ и помогъ сочетать вскорѣ съ практической дѣятельностью. Темой первой серьезной его работы было міровоззрѣніе Кампанеллы, анализъ котораго явился цѣннымъ введеніемъ къ собранію сочиненій итальянскаго утописта, изданному Д'Анконой въ 1854 г. [1]). Третья глава *Discorso* появилась отдѣльно, годомъ раньше, въ литературно-научномъ журналѣ *Genio*,

[1]) *Opere di T. Campanella precedute da un discorso sulla vita e le dottrine dell'autore.* Torino, Pomba, 2 vol. in-16, 1854.

въ которомъ Д'Анкона сталъ сотрудничать съ 1852 г. и гдѣ помѣщены первыя историко-литературныя статьи молодого ученаго.

Въ 1855 г. онъ перебирается въ Туринъ для занятій правомъ, но увлеченіе современнымъ политическимъ движеніемъ отстраняетъ ихъ на второй планъ. Д'Анкона сближается съ Кавуромъ и становится представителемъ Тосканы въ національномъ союзѣ. Послѣ крымской кампаніи ему дается почетное порученіе поднести шпагу генералу Ламармора. По возвращеніи во Флоренцію, въ 1859 г., Д'Анкона несетъ сперва различныя мелкія должности въ центрально-итальянской арміи, а съ августа того же года становится, по просьбѣ Рикасоли, редакторомъ *La Nazione*, въ которой выступаетъ съ программной статьей и пишетъ затѣмъ почти ежедневно, вплоть до сентября 1860 г., рядъ замѣтокъ и статей по политическимъ вопросамъ.

Въ 1861 г. политическій дѣятель уступаетъ мѣсто ученому. Приглашенный доцентомъ по каѳедрѣ исторіи итальянской литературы въ пизанскій университетъ (при Де-Санктисѣ) Д'Анкона въ томъ же году становится профессоромъ Сапіенцы и остается въ этой роли до 1901 г. Этотъ промежутокъ времени заполненъ кипучей научной дѣятельностью, которая становится особенно продуктивной съ конца 60-хъ годовъ, когда затихъ звонъ оружія и страсти стали понемногу успокаиваться. По подсчету авторовъ библіографическаго указателя трудовъ Д'Анконы, приложеннаго къ поднесенному ему въ 1901 г. учениками и почитателями *Raccolta di studi critici* (Firenze, Barbèra), за истекшія 40 лѣтъ имъ напечатано около 700 работъ: книгъ, статей, изданій текстовъ, критическихъ отзывовъ и замѣтокъ въ *Nuova Antologia*, *Propugnatore*, *Rassegna settimanale*, *Rassegna bibliografica*, во французскихъ журналахъ *Romania*, *Revue critique* и мн. друг. Къ 1914 г. списокъ этотъ увеличился на нѣсколько десятковъ нумеровъ, и имя Д'Анконы попрежнему продолжало встрѣчаться на страницахъ многихъ періодическихъ изданій и обложкахъ книгъ. Темы, трактованныя Д'Анконой, крайне разнообразны и охватываютъ всю исторію итальянской литературы, отъ ея началъ и до Мандзони и Леопарди. Наиболѣе значительные труды скончавшагося ученаго посвящены исторіи итальянскаго театра и итальянской народной поэзіи: *Sacre rappresentazioni dei secoli XIV, XV, XVI, raccolte e illustrate* [1]), *Origini del teatro in Italia* [2]), *La poesia popolare italiana* [3]),

---

[1]) Firenze, Le Monnier, 1872, 3 тома. Новое изд. Torino, Loescher, 1891.

[2]) Firenze, Le Monnier, 1877, 2 тома.

[3]) Livorno, Vigo, 1878, 1 томъ.

и *Poemetti popolari italiani* [1]). Широкой извѣстностью пользуется также его обстоятельное и крайне цѣнное руководство по исторіи итальянской литературы, составленное въ сотрудничествѣ съ О. Баччи [2]).

Какъ историкъ литературы, Д'Анкона принадлежитъ той трезвой и критической исторической школѣ, которая развилась въ Италіи съ конца 60-хъ годовъ прошлаго вѣка и которая отлилась, въ конечномъ итогѣ, въ современную филологическую школу. Благодаря усиліямъ ея былъ собранъ и тщательно просмотрѣнъ и изученъ прежде всего огромный средневѣковый матерьялъ, а за нимъ и памятники болѣе поздней поры, къ обслѣдованію которыхъ во многихъ случаяхъ былъ приложенъ тотъ же строгій методъ, тотъ же тонкій и всесторонній анализъ. Исключительно широкое знакомство Д'Анконы съ родной ему литературой и необычайная энергія, съ которой талантливый историкъ велъ свои разысканія, дѣлаютъ его одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ этого движенія и въ Европѣ, и въ Италіи. Сборникъ, который отмѣтилъ 40-лѣтній юбилей профессорской дѣятельности Д'Анконы, показываетъ, что въ рядахъ современныхъ изслѣдователей итальянской литературы немало блестящихъ именъ, группирующихся вокругъ Д'Анконы какъ своего учителя, въ прямомъ или переносномъ смыслѣ этого слова.

За послѣдніе годы въ изученіи итальянской поэтической старины намѣчаются новыя теченія, дѣлаются попытки анализа болѣе интимныхъ сторонъ въ памятникахъ искусства слова, выдвигаются въ первую очередь элементы эстетическіе, цѣнные не только какъ выраженіе *жизни*, которую они даютъ возможность возстановить, что̀ и является подлинной задачей науки объ историческомъ развитіи поэзіи. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ современныхъ выразителей этого направленія слѣдуетъ считать пришедшій на смѣну своимъ старшимъ товарищамъ (въ 1883 г.) *Giornale storico della lett. ital.* и группирующихся вокругъ него сотрудниковъ. На противоположномъ полюсѣ вырисовывается кружокъ журнала *La Critica*, въ лицѣ своего основателя и вдохновителя, Бенедетто Кроче, связующаго искателей новыхъ путемъ со старикомъ Де-Санктисомъ и его историко-эстетическими работами, встрѣчающими нынѣ сочувствіе уже и за предѣлами родины. Заслуга этого теченія въ выясненіи цѣлаго рода принципіальныхъ недочетовъ въ положеніяхъ „филологовъ". Промахи неизбѣжны

---

[1]) Bologna, Zanichelli, 1889, 1 томъ.

[2]) Съ 1892 г.—95. 2-ое изданіе, Firenze, Barbèra, 1900 и сл.

и у „молодыхъ", но они руководятся совершенно правильно беконовскимъ: citius veritas emergit ex errore quam ex confusione, и надо надѣяться, что сдѣланное обяжетъ дать и дастъ еще большее.

На этомъ пути необходимому пересмотру подвергнется и многое въ построеніяхъ Д'Анконы. Но онъ останется навсегда однимъ изъ классиковъ той школы, которая предварила новую и которая яркостью своихъ конечныхъ выводовъ во многомъ опредѣлила ея програму и обезпечила ея успѣхъ.

В. Шишмаревъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Я писалъ вамъ о трехъ первыхъ выпускахъ прекраснаго труда сорбонскаго профессора г. Лансона „Manuel Bibliographique de la littérature française moderne (1500—1900)". Теперь появились 4-ый и 5-ый выпуски, которые и заканчиваютъ эту книгу, составляющую въ цѣломъ около 1.800 страницъ. Послѣдній выпускъ представляетъ весьма полный алфавитный указатель. Отнынѣ всякій, кто захочетъ писать о какомъ-нибудь вопросѣ по литературѣ или объ авторѣ, долженъ будетъ обращаться къ этой отличной справочной книгѣ, которой мѣсто въ каждой публичной библіотекѣ. Цѣна ея, около 20 фр., не кажется большой, если принять во вниманіе, сколько труда и времени она сохранитъ изслѣдователю.

Г. Эрнестъ Доде—неутомимый изслѣдователь и издатель, у него, какъ говорится, счастливая рука. Одновременно у двухъ издателей вышли: третій томъ „les Mémoires du comte Rodolphe Apponyi" и первый томъ „le Journal de Victor Balabine". Викторъ Балабинъ былъ секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ съ 1842 по 1852 гг. Оба молодыхъ дипломата, Балабинъ и Аппоньи, повѣствуютъ приблизительно объ одномъ и томъ же періодѣ, и интересно сравнить ихъ впечатлѣнія. Викторъ Балабинъ, родившійся въ 1813 г. въ Петроградѣ, былъ старшимъ братомъ Евгенія Балабина, который въ ранней молодости перешелъ въ католичество, поступилъ въ орденъ іезуитовъ, провелъ большую часть своей жизни во Франціи и умеръ въ 1895 г. въ Каирѣ. Въ русскомъ посольствѣ въ Парижѣ онъ замѣстилъ кн. Ивана Гагарина,—того Гагарина, который игралъ роль въ трагической исторіи Пушкина, и который также принялъ католичество и сдѣлался іезуитомъ. Въ то время въ Парижѣ, можетъ быть подъ вліяніемъ знатной русской дамы г-жи Свѣчиной, среди русской колоніи существовала настоящая эпидемія обращенія въ католичество. Викторъ Балабинъ не послѣдовалъ примѣру своего брата. Из-

вѣстно, какъ натянуты были отношенія между Людовикомъ-Филиппомъ и императоромъ Николаемъ I: въ Парижѣ не было посла, а только исполняющій должность посла, Николай Киселевъ, и нѣсколько секретарей, пользовавшихся симпатіями общества. Викторъ Балабинъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, чтобы все повидать и всему поучиться: онъ посѣщалъ лекціи въ Сорбоннѣ и въ Collège de France, посѣщалъ засѣданія палатъ, драматическіе и музыкальные вечера. Его впечатлѣнія, записанныя правдиво и на прекрасномъ французскомъ языкѣ, даютъ живую картину послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика-Филиппа. Слѣдующій томъ будетъ обнимать періодъ съ 1848 по 1852 гг.

Третій томъ Мемуаровъ графа Аппоньи обнимаетъ періодъ съ 1835 по 1843 годъ и не менѣе интересенъ, чѣмъ первые два. Онъ даетъ картину свѣтской и политической жизни. Молодой графъ посѣщаетъ катакомбы, участвуетъ въ карнавальномъ весельи, разсказываетъ о столкновеніяхъ, вызванныхъ этикетомъ, о матеріальныхъ кризисахъ, набрасываетъ портреты выдающихся людей: Людовика-Филиппа, герцога Орлеанскаго, Тьера, Гизо... и все это такъ откровенно, какъ пишетъ человѣкъ для себя, зная, что его замѣтки, если и будутъ опубликованы, то только послѣ его смерти. Въ числѣ великихъ историческихъ событій мы находимъ здѣсь описаніе перенесенія останковъ Наполеона въ Парижъ (въ 1840 г.) и трагической смерти герцога Орлеанскаго. Графъ Аппоньи пишетъ по-французски, какъ настоящій парижанинъ, и вѣроятно онъ написалъ бы не лучше на нѣмецкомъ языкѣ или на венгерскомъ, который былъ его роднымъ языкомъ.

Серія, издаваемая фирмой Плонъ, обогатилась книгой, болѣе мрачной, чѣмъ мемуары Балабина и Аппоньи—„les Mémoires de Barthelemy". Авторъ ихъ, въ настоящее время позабытый, былъ племянникомъ академика Бартелеми, автора „Путешествія молодого Анархарсиса", пользовавшагося въ восемнадцатомъ вѣкѣ извѣстностью. Благодаря протекціи дяди, молодой Бартелеми получилъ мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ секретаремъ посольства въ Стокгольмѣ и въ Лондонѣ. Сдѣлавшись посланникомъ въ Швейцаріи, онъ тамъ оставался даже послѣ смерти Людовика XVI и заключилъ въ 1795 г. знаменитый Базельскій договоръ съ Пруссіей и Испаніей. Два года спустя, онъ былъ назначенъ членомъ Директоріи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ высланъ въ Гвіану. Ему удалось оттуда бѣжать. Бонапартъ сдѣлалъ его сенаторомъ и импер-

скимъ графомъ. Но онъ принялъ участіе въ сверженіи его и участвовалъ въ депутаціи, которой было поручено принести поздравленія императору Александру I въ 1814 г. При реставраціи онъ сдѣлался перомъ Франціи и маркизомъ. Въ сущности это была довольно неважная личность. Его мемуары далеко не такъ привлекательны, какъ тѣ, о которыхъ я сообщалъ выше. Они написаны въ безцвѣтномъ стилѣ и представляютъ интересъ преимущественно для историка Швейцаріи и революціонной эпохи. Чтеніе ихъ довольно тяжело.

Г. Луи Гальфенъ (профессоръ исторіи въ университетѣ Бордо) былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ учениковъ école des chartes, и многіе изъ его трудовъ по среднимъ вѣкамъ были премированы академіей нравственныхъ наукъ и академіей надписей. Въ книгѣ, озаглавленной „L'histoire en France depuis cent ans“, онъ даетъ общій очеркъ исторіи этой науки, которой онъ посвятилъ свою жизнь. До революціи интересъ къ научнымъ трудамъ во Франціи поддерживали главнымъ образомъ монашескіе ордена, особенно бенедиктинцы. И теперь еще о трудолюбивомъ ученомъ у насъ говорятъ: „онъ настоящій бенедиктинецъ“. Тревожное царствованіе Наполеона не было благопріятно для научныхъ трудовъ. „Геній христіанства“ Шатобріана вызвалъ интересъ къ прошлому; послѣ его историческаго романа „Мученики“ первые вѣка христіанства вошли въ моду; средніе вѣка стали давать сюжеты для балладъ, эпопей и романовъ. Но особенно возбудилъ интересъ къ исторіи Вальтеръ Скоттъ. Среди поклонниковъ Шатобріана и Вальтеръ Скотта былъ и Огюстенъ Тьерри, который былъ истиннымъ реставраторомъ исторіи. На ряду съ нимъ появились Гизо, Тьеръ, Минье. Благодаря имъ исторія дѣйствительно воскресла, но они занимались главнымъ образомъ доказательствомъ какого либо тезиса, а не давали историческихъ очерковъ. Созданіе въ царствованіе Людовика-Филиппа école des chartes и напечатаніе неизданныхъ документовъ, касающихся исторіи Франціи, направили историческія изслѣдованія по дѣйствительно научному пути. Г. Гальфенъ разсказываетъ, какъ развивались, начиная съ этого времени, историческія изданія, даетъ характеристику главныхъ историковъ, описываетъ всѣ общества, имѣющія цѣлью занятія историческими науками или поощреніе ихъ, перечисляетъ всѣ журналы, посвященные историческимъ наукамъ. Эта небольшая книжка (въ 200 приблизительно страницъ) особенно интересна для иностранцевъ.

Изъ книгъ по исторіи искусствъ самой значительной является „l'Histoire de la musique“, написанная г. Лавиньякомъ, профессоромъ

гармоніи въ Парижской консерваторіи, въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими лицами. Появились уже три тома этого труда. Въ нихъ болѣе 2.000 страницъ, украшенныхъ многими иллюстраціями и музыкальными цитатами, вставленными въ текстъ. Эти три тома обнимаютъ періодъ съ самаго зарожденія музыки до новѣйшаго времени, по крайней мѣрѣ въ той части, которая относится къ Италіи и Германіи. Затѣмъ идутъ Франція, Англія, Бельгія, Португалія и Испанія, Польша, Россія; затѣмъ Азія, Африка, Мадагаскаръ, Америка. Каждый отдѣлъ написанъ выдающимся спеціалистомъ. Такъ въ первомъ томѣ о Китаѣ и Японіи написалъ Морицъ Конганъ, о Греціи г. Эммануэль, о греческихъ инструментахъ—лирѣ и киѳарѣ—знаменитый композиторъ Сенъ-Сансъ. Во второмъ томѣ объ итальянской музыкѣ написано итальянцами, а о нѣмецкой написалъ Ромэнъ Ролланъ. Третій томъ посвященъ Франціи. Если два послѣднихъ тома, въ которыхъ будетъ рѣчь о русской и польской музыкѣ, будутъ обладать тѣми же достоинствами, что и первые три, то наша литература обогатится безподобной книгой.

Вотъ книга особенно интересная благодаря войнѣ между Франціей и Германіей: „les Universités allemands au vingtième siècle". Ея авторъ, г. Рене Крюше, состоитъ профессоромъ медицинскаго факультета въ Бордо. Онъ началъ посѣщеніе германскихъ университетовъ въ 1900 г. и посѣтилъ ихъ всѣ. Особенно, конечно, его интересовали медицинскіе факультеты, и онъ ихъ подробно описываетъ, ихъ клиники и лабораторіи и наиболѣе выдающихся профессоровъ. Но онъ не ограничился этой чисто технической стороной. Онъ наблюдалъ нравы, обычаи, лица и посвящаетъ этимъ наблюденіямъ страницы, полныя жизни и юмора. Въ то же время онъ даетъ историческіе очерки. Онъ описываетъ исторію открытія 21 университета, затрудненія и успѣхи первыхъ лѣтъ существованія, соперничество съ сосѣдними учрежденіями, образъ жизни профессоровъ и студентовъ, вызываетъ образъ наиболѣе прославившихся студентовъ, напримѣръ Гете, память котораго онъ встрѣчаетъ сначала въ Лейпцигѣ, потомъ въ Страсбургѣ, затѣмъ въ Іенѣ. Его симпатія къ научной Германіи не мѣшаетъ ему указывать на педантизмъ и ученое самомнѣніе нѣмцевъ. Эта книга является одной изъ лучшихъ книгъ, посвященныхъ въ послѣднее время Германіи.

За послѣдніе годы бельгійскіе французы или, какъ ихъ тамъ называютъ, валлонцы, упорно борятся за сохраненіе французскаго языка, которому фламандцы (les flamingants) противопоставляютъ фла-

мандскій языкъ, которымъ они даже пытаются замѣнить его. Въ прошломъ году въ Арлонѣ (бельгійскій Люксембургъ) состоялся конгрессъ французскаго языка, и самымъ рьянымъ защитникомъ его явился профессоръ Льежскаго университета г. Вильмотъ. Другимъ не менѣе дѣятельнымъ защитникомъ его является критикъ Евгеній Жильберъ, который въ продолженіе четверти вѣка работаетъ надъ тѣмъ, чтобы познакомить своихъ соотечественниковъ съ произведеніями французскихъ авторовъ, а французскую публику съ произведеніями бельгійскихъ. Его книга „le Roman en France au dix-neuvième siècle" получила премію отъ французской академіи. Въ Парижѣ мало читаютъ бельгійскіе газеты и журналы. Г. Жильберъ собралъ свои статьи, разбросанныя по этимъ журналамъ, и издалъ ихъ отдѣльной книгой въ два тома, напечатанной въ Парижѣ и представленной французской публикѣ двумя академиками: Полемъ Бурже и Рене Базеномъ. Въ этой книгѣ для насъ интереснѣе та часть, въ которой разбираются бельгійскіе романисты и поэты. Укажу на статью, помѣщенную во второмъ томѣ, о принцѣ де Линь, столѣтняя годовщина котораго празднуется въ этомъ году и который былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ бельгійцевъ. Настоящія политическія событія придаютъ особый грустный интересъ этой книгѣ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь французамъ слѣдуетъ поддерживать французскую литературу въ Бельгіи.

Прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ я впервые писалъ вамъ о г. С. Рошблавѣ. Это было по поводу его книги о графѣ де Кэлюсъ, вышедшей въ 1889 г. Этотъ графъ де Кэлюсъ игралъ значительную роль въ исторіи французскаго искусства въ XVIII в. Книга получила премію французской академіи. И другіе труды автора, такъ его книга „Агриппа д'Обинье", были награждены академіей. Г. Рошблавъ интересуется не только исторіей французской литературы, но и исторіей искусства. Когда четверть вѣка тому назадъ книгоиздательство Армана Колленъ издало подъ редакціей покойнаго Пти де Жюллевиля обширную исторію французской литературы, въ которой приняли участіе выдающіе спеціалисты, г. Рошблавъ предложилъ издателю прибавить къ каждой статьѣ нѣсколько страницъ о взаимодѣйствіи искусства и литературы. Эти-то страницы, разбросанныя въ V, VI и VII томахъ, онъ теперь издалъ отдѣльной книгой, озаглавленной „le Goût en France, les arts et les lettres de 1600 à 1900". Въ ней онъ доказываетъ, какъ параллельно развивались литература и искусство въ различные періоды нашей исторіи, причемъ онъ дѣлаетъ чрезвычайно интересныя сопоставленія. Въ книгѣ

имѣется около двадцати иллюстрацій произведеній, наиболѣе характерныхъ для каждой данной эпохи.

Въ 1881 г. впервые появилась въ собраніи Дюрюи „Исторія оттоманской имперіи“ г. де ла Жонкьера, бывшаго профессора исторіи въ государственной военной школѣ въ Комбаръ Хане въ Константинополѣ. Съ тѣхъ поръ авторъ постоянно жилъ въ Константинополѣ и былъ свидѣтелемъ трагическихъ событій, ареной которыхъ было это государство и его столица. Онъ записывалъ изо дня въ день эти событія и теперь даетъ въ томъ же собраніи новое изданіе своей книги, продолженное до 1913 г. Книга увеличилась больше чѣмъ вдвое. Первое изданіе состояло изъ одного тома, снабженнаго четырьмя картами. Второе изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ съ 12 картами. Въ первомъ томѣ исторія заканчивается смертью Абдулъ Меджида (1861 г.). Второй томъ обнимаетъ только полстолѣтія и заканчивается балканской войной. Послѣднія триста страницъ посвящены современному состоянію Турціи. Авторъ даетъ самыя подробныя свѣдѣнія относительно этнографіи, администраціи, флота, народнаго образованія. Книга заканчивается весьма пессимистической главой о будущемъ Турціи. Эта книга появилась весьма кстати теперь, когда поставленъ вопросъ объ окончательной ликвидаціи Оттоманской имперіи. Къ книгѣ прибавлена весьма подробная библіографія.

Русскіе іезуиты, жившіе въ Парижѣ, собрали весьма цѣнную библіотеку изъ русскихъ и славянскихъ книгъ, помѣщавшуюся въ домѣ на улицѣ Севръ. Когда они были окончательно изгнаны изъ Франціи, они перевезли свою библіотеку въ Брюссель, гдѣ ее называютъ Славянской библіотекой. Въ настоящее время главою русскихъ іезуитовъ состоитъ отецъ Пирлингъ, прекрасные труды котораго о Россіи и папскомъ престолѣ извѣстны многимъ изъ нашихъ читателей. Отецъ Пирлингъ открылъ не подозрѣвавшимъ того французамъ, что Екатерина II сохранила за іезуитскимъ орденомъ право проживать въ Россіи въ то время, когда онъ былъ изгнанъ изъ всей Европы. Въ 1791 г. папская грамота легализировала каноническое существованіе общества іезуитовъ, и этотъ орденъ, какъ извѣстно, былъ возстановленъ во всей Европѣ въ 1814 г. Первый государь, потребовавшій его возстановленія, былъ Павелъ I, который писалъ 11-го августа 1800 г., что онъ относится къ ордену съ особымъ интересомъ.

По случаю столѣтія ордена отецъ Пирлингъ напечаталъ небольшую книжку, озаглавленную „A propos du centinaire du Rétablisse-

ment des jésuites. Correspondance". Эта переписка на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ обнимаетъ періодъ съ 1789 по 1803 гг. и касается сохраненія ордена въ предѣлахъ Россіи. Въ ней около ста страницъ.

Тѣмъ, кого интересуетъ исторія французскихъ іезуитовъ, укажу на недавно вышедшую книгу іезуита отца Іосифа Бюрнишона „la Compagnie de Jésus en France de 1814 á 1914". Авторъ книги не скрываетъ отъ себя, что его могутъ обвинить въ пристрастіи, что онъ, говоря словами Монтескье, пишетъ для своего монастыря; но это обвиненіе, говоритъ онъ, можетъ быть сдѣлано всѣмъ, пишущимъ исторію своей страны. Первый томъ содержитъ исторію реставраціи, во время которой вліяніе іезуитовъ было особенно могущественно. Послѣ революціи 1830 г. начинается періодъ борьбы съ противниками, которые въ концѣ концовъ побѣждаютъ.

Въ послѣдніе годы вошли въ моду публичныя лекціи, и самые извѣстные наши академики охотно бесѣдуютъ съ публикой о великихъ классикахъ и романтикахъ. Такъ были прочтены циклы лекцій о Мольерѣ, Шатобріанѣ, Боссюэтѣ и др. Въ большинствѣ случаевъ эти лекціи печатаются въ какомъ-нибудь журналѣ, а затѣмъ издаются отдѣльной книжкой. Наибольшій успѣхъ въ 1914 г. имѣли лекціи г. Морица Доннэ (Donnay) объ Альфредѣ Мюссе. Г. Доннэ не профессіональный критикъ, а прежде всего драматическій писатель. Его книжка объ Альфредѣ Мюссе не претендуетъ на то, чтобы дать полное представленіе о произведеніяхъ этого поэта. Авторъ не касается большинства его прозаическихъ произведеній—напримѣръ, его новеллъ, которыя прелестны—и разбираетъ только его поэтическія и драматическія произведенія. Книга представляетъ сборникъ остроумныхъ бесѣдъ, но она не можетъ заставить забыть монографію Арвидъ Баринъ, въ сборникѣ великихъ французскихъ писателей.

Г. Эрнестъ Сейльеръ (Seillière), новый членъ Академіи нравственныхъ наукъ, написалъ нѣсколько книгъ по философіи и литературной критикѣ, въ которыхъ онъ изучаетъ то, что онъ называетъ имперіализмомъ, иными словами, эгоизмъ, побуждающій однихъ лицъ властвовать надъ другими. Это чувство свойственно и отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ художественнымъ и литературнымъ группамъ. Недавно этому самому имперіализму онъ посвятилъ книгу, озаглавленную „Le mal romantique, essai sur l'impérialisme irrationel"; эта книга получила премію отъ французской академіи. Теперь онъ написалъ книгу „Le romantisme des réalistes", посвященную главнымъ обра-

зомъ Густаву Флоберу, считавшемуся до Золя главою реалистической школы. Флоберъ мало писалъ, но нѣкоторые изъ его романовъ представляютъ настоящіе шедевры (Мадамъ Бовари, Соламбо, Три сказки), и въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ онъ также превосходенъ, какъ его другъ Тургеневъ. Книга г. Сейльера даетъ не столько литературный, сколько психологическій очеркъ Флобера. Подобно вашему Достоевскому, Флоберъ жилъ на границѣ сумасшествія, многіе предполагаютъ, что онъ страдалъ тою же болѣзнью, что и Достоевскій. Онъ былъ страшно самолюбивъ. Въ жизни онъ признавалъ только литературу, а въ литературѣ только свои произведенія. Онъ любилъ парадоксы, которые доводилъ до крайности. Послѣ путешествія по востоку онъ сталъ восторгаться Турціей, какъ позднѣе Пьеръ Лоти, за то что она сохранила свой характеръ. Онъ заявляетъ, что народъ вообще безсердеченъ, и онъ задается страннымъ вопросомъ: гдѣ теперь находится это коллективное сердце, въ которомъ сосредоточены всѣ благородныя силы человѣческаго существа? Онъ отвѣчаетъ: въ Константинополѣ, въ груди нѣсколькихъ лохматыхъ дервишей, рычащихъ на московитовъ. И онъ восторгается этими добрыми турками, и хотѣлъ бы вмѣстѣ съ ними призывать на улицахъ Константинополя къ священной войнѣ. Онъ дѣлаетъ видъ, что не знаетъ ничего о современныхъ политическихъ вопросахъ, чрезвычайно удивленъ пораженіемъ Франціи въ 1870 г. и рѣшаетъ, что долженъ покинуть ее, такъ какъ въ ней теперь не могутъ больше жить люди со вкусомъ. Онъ думаетъ обратиться къ своему другу Тургеневу, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, что надо сдѣлать, чтобы стать русскимъ подданнымъ. Въ сущности Флоберъ является столько же объектомъ для психіатра, сколько и для литературнаго критика.

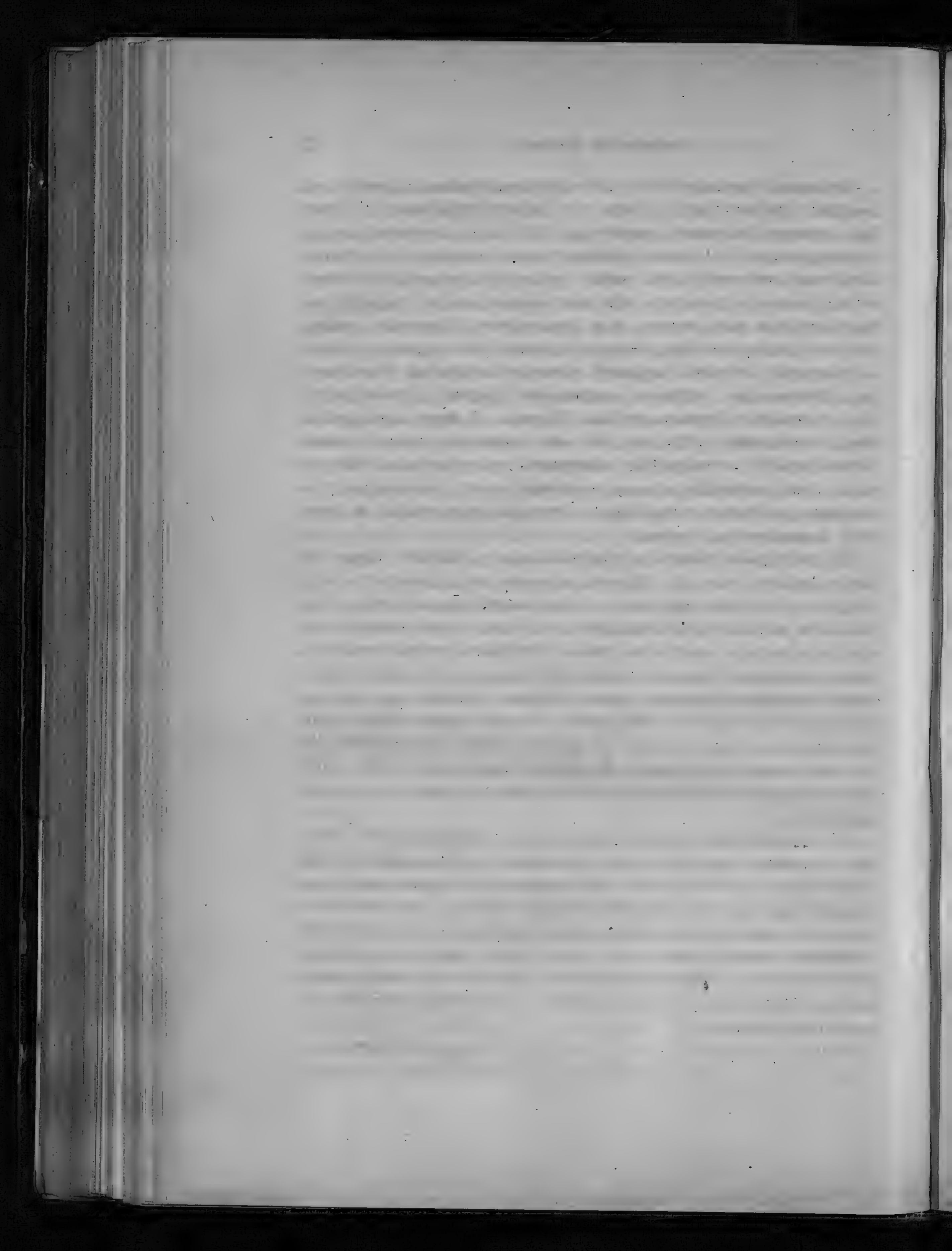
Г. Луи Леже продолжаетъ писать въ журналахъ и издавать сборники своихъ статей по славянскимъ вопросамъ. Въ прошломъ году онъ выпустилъ книгу, озаглавленную „Сербы, кроаты и болгаре“, въ этомъ году въ книгѣ, озаглавленной „La Russie intellectuelle“, онъ собралъ свои рѣчи, прочитанныя въ академіи, лекціи въ Collège de France и свои статьи, напечатанныя въ самыхъ противоположныхъ журналахъ: въ парижскомъ Correspondant, большомъ католическомъ журналѣ, въ Лозаннскомъ la Bibliothèque universelle, большомъ протестантскомъ журналѣ. Изъ этихъ статей укажу на слѣдующія: о литературныхъ трудахъ Екатерины II, о Жуковскомъ, Шевченко, Кольцовѣ, Алексѣѣ Толстомъ, Островскомъ и др.

Въ началѣ учебнаго 1914—15 г. Сорбонна лишилась двухъ выдающихся профессоровъ: г. Газье и г. Видаль де Лаблашъ. Г. Газье былъ лучшимъ знатокомъ литературы XVII вѣка, особенно духовной литературы. Г. Видаль де-Лаблашъ самъ вышелъ въ отставку. Какъ членъ института, онъ имѣлъ право преподавать до 75 лѣтъ, но онъ пожелалъ посвятить себя всецѣло изданіямъ по географіи, которыя онъ или самъ пишетъ, или редактируетъ. Извѣстно, какимъ успѣхомъ пользуются его атласы и созданный имъ журналъ Annales de géographie. Въ этомъ журналѣ ежегодно печатается географическая библіографія, успѣшно замѣнившая прежній „Année géographique" покойнаго Вивьена де-Сенъ Мартена. У меня подъ руками книга, посвященная 1913 году. Въ ней содержатся отзывы о свыше тысячи изданій по географіи, вышедшихъ въ различныхъ частяхъ свѣта. Это чрезвычайно цѣнная справочная книга, являющаяся прекраснымъ дополненіемъ къ Собранію трудовъ по географіи, къ которому я какъ-нибудь вернусь.

Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ вамъ о Жоржѣ Перро по поводу десятаго тома его „Исторіи искусства въ древности"; я восхищался его молодой старостью и неутомимой дѣятельностью. Онъ скончался внезапно и безболѣзненно 1-го іюля, и его кончина была такъ же счастлива, какъ и его жизнь. Онъ былъ профессоромъ Сорбонны, директоромъ высшей нормальной школы, постояннымъ секретаремъ академіи, кавалеромъ légion d'honneur, вообще его карьера была одной изъ самыхъ блестящихъ въ наше время. Изъ Малой Азіи, куда онъ былъ посланъ съ ученою цѣлью Наполеономъ III, онъ привезъ полную копію съ Анкирскаго памятника. Всѣмъ эллинистамъ и археологамъ извѣстны его прекрасные труды по греческой археологіи.

Изъ французской академіи смерть уноситъ больше жертвъ, чѣмъ изъ остальныхъ академій, словно дѣятельность воображенія тяжелѣе отзывается на организмѣ, чѣмъ другіе виды интеллектуальнаго труда. Недавно эта академія лишилась Жюля Леметра, которому было только 61 годъ. Онъ былъ литературнымъ критикомъ, драматическимъ писателемъ, новеллистомъ, и во всѣхъ этихъ жанрахъ первокласснымъ писателемъ. Особенно интересна его книга по исторіи литературы 19-го вѣка „Nos contemporains", въ которой собраны его критическія статьи.

Л. Л—ръ.

ПРАВО ВЛАДѢНІЯ ЗЕМЛЯМИ ПАХОТНОЙ И ВИНОГРАДНОЙ ВЪ ПТОЛЕМЕЕВСКОМЪ ЕГИПТѢ.

Несмотря на обиліе матеріала, а, можетъ быть, потому, что его слишкомъ много, полная и всесторонняя исторія земельныхъ отношеній птолемеевскаго Египта не была написана вплоть до недавняго времени, пока не появилась первая глава „Studien zur Geschichte des römischen Kolonats“ М. И. Ростовцева. Эта глава останется всегда краеугольнымъ камнемъ каждаго построенія въ области аграрной исторіи птолемеевскаго Египта. Кардинальный вопросъ, не находившій до тѣхъ поръ, несмотря на неоднократныя попытки, удовлетворительнаго отвѣта — существовала ли въ Египтѣ Птолемеевъ частная земельная собственность [1]), былъ, наконецъ, разрѣшенъ въ этомъ трудѣ. М. И. Ростовцевъ доказалъ неопровержимыми аргументами, что въ Египтѣ того времени рѣчь можетъ идти лишь о земельномъ владѣніи, а отнюдь не о собственности, ибо собственникомъ всей земли безъ исключенія являлся βασιλεύς [2]). Помимо этого М. И. Ростовцевъ далъ

---

[1]) Одинъ *Масперо* въ своихъ „Les finances de l'Égypte sous les Lagides“ чувствовалъ инстинктомъ вѣрное рѣшеніе вопроса, что въ птолемеевскомъ Египтѣ собственникомъ всей земли является царь, но онъ не сумѣлъ этого доказать. Противъ него могли поэтому съ успѣхомъ выступить поборники частной земельной собственности: *St. Waszynski*, Die Bodenpacht. Agrargeschichtliche Papyrusstudien, 51 слѣд.; *W. Otto*, Priester und Tempel, II, 106 прим. 1 и 343; *M. Weber*, Agrargeschichte des Altertums (Handwört. d. Staatswiss. 3-ье изданіе), 90 и 138, и *U. Wilcken*, *Archiv f. Papyrusforschung*, IV, 226. *Bouché-Leclercq*, Histoire des Lagides, III, 178 сл., пытался примирить эти противуположныя рѣшенія указаніемъ на противуположность между теоріей и практикой въ дѣлѣ пользованія государствомъ своего права собственности на земли Египта.

[2]) Къ этимъ аргументамъ я прибавилъ бы еще слѣдующій, почерпнутый изъ важнаго папируса Tebt. I, 27, 54 сл.: γενηματοφύλακες должны были смотрѣть, чтобы

отвѣтъ и на множество другихъ вопросовъ связанныхъ съ исторіей аграрныхъ отношеній, и несмотря на то, что большинство изъ нихъ было имъ впервые поставлено и для рѣшенія ихъ у него не было подготовительныхъ работъ, съ выводами его надо безусловно согласиться.

Рѣшеніе только одного изъ этихъ вопросовъ можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе, а именно вопроса о возникновеніи частнаго владѣнія, этой наиболѣе трудной проблемы, по выраженію U. Wilcken'a [1], аграрной исторіи того періода. Изслѣдуя пути развитія частнаго землевладѣнія, М. И. Ростовцевъ приходитъ къ заключенію, что исходную точку ихъ надо искать въ области усадебной, виноградной и садовой земель. Здѣсь оно развилось первоначально, и—мало того—право владѣнія названными категоріями земель строго различалось въ теченіе всего птолемеевскаго періода отъ права владѣнія пахотной землей: если владѣніе первыми является, дѣйствительно, настоящимъ частнымъ владѣніемъ, то право владѣнія послѣднею соотвѣтствуетъ лишь наслѣдственной арендѣ. Уже въ своей рецензіи на книгу Otto „Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten, I. II" М. И. Ростовцевъ подчеркнулъ, что ни въ коемъ случаѣ нельзя смѣшивать владѣніе усадебной землей съ владѣніями полей. Землевладѣніе возникло сперва лишь по отношенію къ домамъ и строевымъ участкамъ, а также и виноградникамъ и садамъ, которые онъ, очевидно, поэтому причисляетъ къ усадебной землѣ, и только лишь въ позднѣйшее время по отношенію и къ пахотной землѣ [2]). Въ „Studien zur Geschichte des römischen Kolonats" М. И. Ростовцевъ пытался обстоятельнѣе обосновать свою точку зрѣнія. Однимъ изъ аргументовъ являлось

μηθένα τῶν γεωργούντων τὴν| βασιλικὴν καὶ τὴν ἐν ἀφέσει [γῆν] ἐφάψεσθαι τῶν χλωρῶν καὶ τῶν ἄλλων| ἐπισπόρων κτλ...., изъ чего слѣдуетъ, что государство урожай считало своею собственностью, а отнюдь не принадлежащимъ тому, трудамъ котораго урожай обязанъ своимъ всходомъ. Если по отношенію къ обрабатывающимъ γῆ βασιλική это могло бы объясняться тѣмъ, что зерно для посѣва выдавалось изъ казны, то по отношенію къ γεωργοῦντες γῆν ἐν ἀφέσει, которымъ не выдавалось это пособіе, подобный взглядъ можетъ быть объясняемъ лишь точкой зрѣнія государства на землю ихъ, какъ на свою собственность. Въ составъ же γῆ βασιλική и γῆ ἐν ἀφέσει входятъ всѣ земли Египта безъ исключенія. Ср. *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 79.

[1]) *Wilcken-Mitteis*, Grundzüge u. Chrestomatie der Papyruskunde, I B. I H., 284.

[2]) *Göttingische Gelehrte Anzeigen*, 1909, 621. Подъ усадебной землей я понимаю его „Grundbesitz innerhalb bewohnter Flächen", что, по его словамъ, нельзя смѣшивать съ „ländlichem Grundbesitz". Другого значенія этого „Grundbesitz innerhalb bewohnter Flächen" я не могъ найти.

наблюденіе, что иной разъ въ папирусахъ птолемеевскаго времени слово κτῆμα служитъ обозначеніемъ виноградника, или сада. Примѣра названія пахотной земли тѣмъ же словомъ М. И. Ростовцевъ не нашелъ и изъ подобнаго ограниченнаго употребленія этого термина онъ дѣлаетъ выводъ, что долговременное индивидуальное владѣніе развилось сперва въ области садовой земли [1]). Владѣнія подобнаго рода, по мнѣнію М. И. Ростовцева, существовали, вѣроятно, уже и въ до-птолемеевское время. Птолемеи признали ихъ владѣніями и зафиксировали право на нихъ терминомъ κτῆμα [2]). Наряду съ владѣніями садовой земли, также, вѣроятно, уже въ до-птолемеевское время, развилось и владѣніе γῆ σιτόφορος, преимущественно въ области храмовой земли. Но это владѣніе Птолемеи не признали таковымъ. Они разсматривали его лишь какъ μίσθωσις εἰς πατρικά, а не какъ κτήματα, подобно садовой землѣ. Если садовая земля обязана была платить обычные денежные φόροι—налоги, то пахотная—натуральные ἐκφόρια, которые по природѣ своей, какъ арендная плата, могли быть всегда повышены. Государство при продажѣ земель изъ βασιλικόν гарантируетъ лишь право на домовую и садовую землю, пахотная же земля разсматривается и въ этомъ случаѣ лишь, какъ арендованная. Это различіе правъ владѣнія садовой и пахотной землей распространяется на всѣ категоріи земель Египта, не исключая и γῆ ἱερά [3]).

Въ послѣдующей литературѣ, затрагивающей данный вопросъ, и которая, надо сказать, весьма немногочисленна, М. И. Ростовцевъ не встрѣтилъ противорѣчія. U. Wilcken въ I части „Grundzüge“ соглашается, въ общемъ, съ нимъ. Онъ также строго отличаетъ право владѣнія γῆ σιτόφορος отъ права владѣнія садовой земли, признавая лишь второе истиннымъ владѣніемъ, а первое лишь наслѣдственной арендой [4]). Объ одномъ важномъ пунктѣ, въ которомъ они расходятся, рѣчь будетъ ниже. Соглашаются съ М. И. Ростовцевымъ и издатели „Δικαιώματα“ александрійскихъ [5]). Mitteis, правда, во II части „Grundzüge“ оставляетъ вопросъ этотъ открытымъ, но не приводитъ никакихъ основаній для своего колебанія [6]).

---

[1]) l. c. 15.

[2]) l. c. 18.

[3]) l. c. 39.

[4]) l. c. I B. I H., 285.

[5]) Δικαιώματα. Auszüge aus Alexandrinischen Gesetzen u. Verordnungen in einem Papyrus des philologischen Seminars der Universität Halle, 1913, 142.

[6]) l. c. II B. I H., 95: Dabei bleibt allerdings das Einzelne noch sehr dunkel,

Я думаю, что подобное строгое различеніе правъ владѣнія пахотной и садовой землями, какъ его установилъ М. И. Ростовцевъ, а также и стоящій въ связи съ этимъ различеніемъ взглядъ его на возникновеніе и развитіе частнаго земельнаго владѣнія, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я надѣюсь доказать правоту моего мнѣнія внимательнымъ разборомъ аргументовъ, на основаніи которыхъ М. И. Ростовцевъ пришелъ къ своему положенію. Первымъ изъ этихъ аргументовъ было указаніе на то особое положеніе, которое занимали, по праву владѣнія на нихъ, усадебные участки среди прочей земли, использованной инымъ способомъ, и причисленіе къ усадебной землѣ виноградниковъ и садовъ. Но уже первая часть этого положенія, указаніе на эксцепціональность права владѣнія усадебной землей, вызываетъ весьма сильное сомнѣніе. Въ правѣ ли мы говорить о ней, коль скоро до насъ дошли тексты, доказывающіе, сколь широкія права имѣло государство на частную усадебную землю, дѣлавшія иллюзорными права владѣльцевъ ихъ? Таковымъ было столь тягостное и раззорительное для населенія неограниченное право государства требовать постоя для своихъ солдатъ [1]). Населеніе Египта обязано было безвозмездно отдавать половину своихъ домовъ расквартированнымъ среди нихъ солдатамъ. Этой передачей оно лишалось всякаго права владѣнія на нихъ. Половины домовъ, отданныя на σταθμός солдатамъ, назывались βασιλικοί, т. е. превращались въ государственное имущество [2]). При Филадельфѣ эта обязанность тяготѣла надъ всѣмъ безъ исключенія населеніемъ Египта [3]).

При Евергетѣ II государство нѣсколько облегчило участь сословій, стоящихъ болѣе близко къ его сердцу, а именно греческихъ στρα-

---

namentlich auch die Frage, inwieweit es sich in diesen Verhältnissen (онъ говоритъ о владѣніи пахотной землей) um eigentliches Eigentum, oder um eine Art der Erbpacht handelt. Досадно, что юристъ, подобно Mitteis'у, пользуется еще терминомъ „Eigentum“ для обозначенія права на землю въ птолемеевскомъ Египтѣ и послѣ труда М. И. Ростовцева.

[1]) Папирусъ № 449 хрестоматіи Wilcken'а ярко рисуетъ намъ, какъ сильно населеніе тяготилось этой повинностью постоя и къ какимъ оно прибѣгало уловкамъ, вплоть даже до порчи своихъ домовъ, чтобы избѣгнуть ненавистнаго ему постоя.

[2]) Четвертый изъ царскихъ указовъ времени Филадельфа, касающихся σταθμοί, запрещаетъ продажу и прочія финансовыя операціи надъ ними, мотивируя указаніемъ, что οἱ γὰρ [σταθμ]οί ε[ἰσι] βασιλικοί. № 450 Col. II, 16 хрестоматіи Wilcken'а.

[3]) Τῶν σταθμῶν καὶ τῶν περιβόλων τὰ μὲν| [ἡ]μίση τοὺς ἐπιστάθμους ἔχειν, τὰ δὲ ἡμίση| τοὺς κυρίους. № 450, Col. III, 3—5.

τευόμενοι [1]), жрецовъ, γεωργοὶ βασιλικοὶ и рабочихъ при государственныхъ мануфактурахъ. Эти сословія были свободны отъ постоя, по крайней мѣрѣ, въ своихъ жилыхъ домахъ, и лишь отъ своихъ доходныхъ домовъ (δόσιμοι) они должны были отдавать половину въ пользу σταθμός [2]). Но и въ такомъ облегченномъ видѣ эта повинность населенія Египта доказываетъ, что по отношенію къ государству право

---

[1]) Они, конечно, давали постой своимъ коллегамъ, поскольку имѣли свои собственные дома.

[2]) ἀνεπιστάθμους [δ'] εἶν[αι] καὶ τοὺς στρατευ|ομένους Ἕλληνας [καὶ τοὺ]ς ἱερεῖς καὶ τούς| γεω(ργοῦντας) βα(σιλικὴν) γῆν καὶ τοὺς [......]ς καὶ τοὺς ποκόφους ...... слѣдуютъ различныя категоріи рабочихъ при государственныхъ мануфактурахъ...... τοὺς τελοῦντας τὰ καθή(κοντα) εἰς τὸ βασ(ιλικὸν) ἑκάστων αὐ(τῶν)| οἰκίας μιᾶς ἐν ἧ αὐτὸς καταγείνεται, τῶν δ' ἄλλων τῶν δοσίμων μὴ πλεῖον ἐπι|σταθμεύεσθαι τοῦ ἡμίσους. Tebt. P. I, 5, 168—177. U. Wilcken'y, какъ это ни странно, представляется на основаніи этого предписанія Евергета и указа Филадельфа, цитированнаго мною выше, ходъ развитія обязанности постоя обратный тому, какъ я его изобразилъ. Указъ Филадельфа, разсуждаетъ онъ, рисуетъ намъ положеніе дѣла въ томъ видѣ, что половина домовъ, предназначенныхъ на σταθμός, принадлежала владѣльцу, какого бы онъ ни былъ сословія, и лишь другая половина солдату-постояльцу. Изъ предписанія προστάγματα Евергета II въ Tebt. I, 5, 168 слѣд. вытекаетъ, что только нѣкоторыя сословія, освобожденныя отъ постоя въ жилыхъ своихъ домахъ, имѣли привилегію отдавать лишь половину прочихъ домовъ (т. е. нежилыхъ), которые передавались безвозмездно (δοσίμων). Поэтому, заключаетъ Wilcken, кажется, что во времена Евергета II было привилегіей нѣкоторыхъ классовъ то, что въ эпоху Филадельфа было правомъ всѣхъ (Введеніе къ № 450 хрестоматіи). Не говоря уже о томъ, что подобное развитіе a priori весьма невѣроятно, ибо права населенія на имущество свое въ теченіе птолемеевскаго времени расширялись, по мѣрѣ ослабленія правительственной власти, и сами тексты отнюдь не уполномочиваютъ Вилькена къ его выводу. Вѣдь къ нему Вилькенъ приходитъ, очевидно, ограничивая, по своему усмотрѣнію, понятіе σταθμός. Онъ понимаетъ подъ σταθμός не всякій домъ, а какой-то спеціально предназначенный къ расквартированію солдатъ и такимъ образомъ можетъ отожествить σταθμός № 450 его хрестоматіи съ οἰκίων δοσίμων Tebt. P. I, 5, противупоставленныхъ жилымъ домамъ. Но это ограниченіе произвольно, такъ какъ σταθμός для составителя указа Филадельфа являлся всякимъ домомъ, что слѣдуетъ изъ послѣдующихъ строкъ (5 слѣд.) цитированнаго текста: Ἐὰν δέ τις ἀποβιάσηται, ἀποτει|σάτω ὁ ἀποβιασάμενος τοῦ οἰκήματος (вмѣсто σταθμός 3-ьей строки) κτλ., ибо всякій домъ могъ быть использованъ, какъ σταθμός. Предписаніе Филадельфа относится поэтому ко всѣмъ домамъ всѣхъ домовладѣльцевъ Египта, и προστάγματα Евергета II, такимъ образомъ, по сравненію съ нимъ являются облегченіемъ. Они, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые классы населенія освобождаютъ отъ постоя въ ихъ жилыхъ домахъ и требуютъ съ нихъ половину только ихъ доходныхъ домовъ. Въ пониманіи „δόσιμοι", какъ „доходные дома" я схожусь съ М. И. Ростовцевымъ (l. c. 71) и несогласенъ съ пониманіемъ Эртеля (введеніе къ 450 № хрестоматіи Wilcken'a): „то, что отдается безвозмездно", ибо тогда надо предположить, что жилые дома вообще отдавались на постой за плату, а этого мы не можемъ пока доказать.

владѣнія его на дома и усадебную землю было столь же мало обезпечено, какъ и владѣніе иными объектами. Изъ стр. 134—136 (= 147—150) пятаго тебтунисскаго папируса: προστετάχασι δὲ καὶ τοὺς κυρίους τῶν | κατε[σπ]ασμένων καὶ ἐμπεπυρισμένων | οἰκιῶν ἐὰν οἰκοδομεῖν ἐπὶ τὰ τῶν ὑποκείμενα | μέτρα мы узнаемъ, что для новаго построенія сгорѣвшихъ или разрушенныхъ домовъ требовалось разрѣшеніе правительства, подчеркивавшаго при этомъ право построенія лишь по разъ установленнымъ размѣрамъ, чтобы не уменьшить прочую γῆ [1]). Эта прерогатива правительства тоже, кажется, говоритъ за то, что оно по отношенію и къ домамъ и усадебной землѣ своихъ подданныхъ отнюдь не отказалось отъ своего права непосредственнаго владѣнія, которое оно поддерживало и по отношенію къ прочему ихъ движимому [2]), такъ и недвижимому, имуществу. Изъ одного текста римскаго времени [3]) мы узнаемъ, что переведеніе своей усадебной земли въ другую категорію было связано не только съ разрѣшеніемъ правительства, но и съ уплатой такъ называемаго πρόστιμον. И въ этомъ фактѣ уплаты за право засадки собственнаго ἴδιον οἰκόπεδον πρόστιμον, являющагося, въ сущности, маскированной по-

---

[1]) Въ такомъ пониманіи цѣли предписанія Tebt. I, 5, 147—54) я вполнѣ согласенъ съ комментаріемъ Preisigke къ даннымъ строкамъ декрета Евергета II (*F. Preisigke*, Die Friedenskundgebung des Königs Euergetes II. *Arch. f. Papyrusforschung*, V, 315). Несогласенъ я только со взглядомъ его на отнесеніе всей усадебной земли къ области γῆ ἰδιόκτητος (Ibid., прим. 1). Мнѣ думается, что и на усадебную землю существовали такія же различныя права, какъ и на прочіе разряды недвижимаго имущества. Но даже если согласиться съ этимъ мнѣніемъ Preisigke, все-таки въ такомъ случаѣ усадебная земля трактовалась на равныхъ правахъ, по крайней мѣрѣ, съ одной частью пахотной земли, а именно входящей также въ область γῆ ἰδιόκτητος.

[2]) Я имѣю въ данномъ случаѣ въ виду P. Par. 63, 173 слѣд., гдѣ требуется отъ всѣхъ землевладѣльцевъ скотъ ихъ для обработки γῆ βασιλική: ἵνα [μ]έντοι γε πάν|τα τὰ κτήνη μὴ μόνων τὰ τοῖς μαχίμοις..., слѣдуетъ перечисленіе различныхъ категорій землевладѣльцевъ... διαταχ[θῆι π]ρὸς τὴν τῆς [β]α[σι]λικῆ[ς] γεωργίαν.

[3]) P. Ox. VII, 1032 (162 г. по Р. Х.). Не слѣдуетъ удивляться, что я, изучая аграрныя правоотношенія птолемеевскаго Египта, пользуюсь сравнительно столь позднимъ римскимъ папирусомъ. Имѣя въ виду тотъ фактъ, что въ римскую эпоху право населенія на землю расширилось, мы можемъ со спокойной совѣстью обращаться къ римскимъ документамъ, говорящимъ о какомъ-либо сильно ограничивающемъ право земельной собственности фактѣ, ибо и въ птолемеевское время ограниченіе это, во всякомъ случаѣ, существовало и притомъ въ усиленной формѣ. Текстами же римскаго времени, говорящими о какой-либо льготѣ въ области права землевладѣнія, мы, конечно, для птолемеевской эпохи пользоваться не можемъ.

купной суммой, М. И. Ростовцевъ видитъ признаки того, сколь мало отказалось правительство отъ своихъ верховныхъ правъ на усадебную землю [1]). Если, такимъ образомъ, до насъ дошло нѣсколько текстовъ, доказывающихъ, насколько урѣзаны были права частныхъ лицъ на ихъ усадебную землю, то, съ другой стороны, мы не имѣемъ ни одного текста, который говорилъ бы намъ, что сумма правъ на дома была бо̀льшая, чѣмъ на пахотное поле. Стр. 231—235 Tebt. P. I, 5, говорящія по мнѣнію М. И. Ростовцева, о какомъ-то особомъ положеніи домовъ γεωργοὶ βασιλικοί по сравненію съ ихъ прочимъ недвижимымъ имуществомъ, были не совсѣмъ поняты имъ. Вѣдь стр. 231—235 προστάγματα Евергета II не говорятъ о запрещеніи продажи жилыхъ домовъ γεωργοὶ βασιλικοί, какъ это предполагаетъ М. И. Ростовцевъ [2]), но лишь о запрещеніи продажи домовъ, въ которыхъ хранятся ихъ земледѣльческія орудія: προστετάχασι δὲ καὶ τῶν βα(σιλικῶν) γεω(ργῶν) μὴ πωλεῖν| ἕως οἰκίας μιᾶς ἐν ᾗ τὴν γεωρ[[γικα]]|γικὴν κατασκευὴν ἀπεριδεῦσαι κτλ. и поэтому запрещаютъ не столько продажу этихъ домовъ, являющихся простыми сараями, сколько содержащееся въ нихъ. Это подтверждается и послѣдующими словами декрета: μηδὲ τὰ κτήνη, μηδὲ τὰ ἄλλα τὰ πρὸς τὴν| γεωργίαν σκεύη стр. 234—235, Tebt. 1, 5 и является параллелью къ предписанію въ пользу мануфактурныхъ рабочихъ: κτᾶσθαι, μηδὲ χρῆσθαι τοῖς τε λινου|φαντικοῖς καὶ βυσσουργικοῖς ἐργαλείοις| πλὴν τῶν αὐτῶν τῶν ὑποτελῶν (242—244, ibidem). Кромѣ этого невѣрно понятаго предписанія указа Евергета II, какихъ-либо иныхъ текстовъ, свидѣтельствующихъ о болѣе широкомъ правѣ владѣнія на усадебную землю у насъ не имѣется, а потому я и полагаю, что первая часть положенія М. И. Ростовцева не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Также не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и вторая часть его аргумента—причисленіе виноградниковъ и садовъ къ усадебной землѣ. М. И. Ростовцеву представлялись, вѣроятно, при этомъ правовыя отношенія землевладѣнія птолемеевскаго Египта приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ иной разъ при общинномъ землевладѣніи, хотя бы, напр., у насъ въ Россіи. Усадебная земля нашего крестьянина считается его собственностью въ противоположность его пахотнымъ полямъ, собственности общины. Въ составъ же усадебной земли входятъ и небольшіе огороды, которые онъ разби-

---

[1]) *Rostowzew*, l. c. 112.

[2]) *Rostowzew*, l. c. 71.

ваетъ себѣ на оставшемся свободнымъ отъ построекъ пространствѣ. Но оставивъ даже въ сторонѣ вопросъ объ особомъ положеніи усадебной земли, подобная аналогія можетъ вызвать сомнѣнія въ виду отожествленія значенія виноградниковъ и садовъ птолемеевскаго Египта съ огородами нашихъ крестьянъ. На югѣ, вѣдь, виноградники и сады могутъ играть ту же роль, которую въ сѣверныхъ краяхъ играетъ пахотное поле: они являются такими же кормильцами населенія, какъ и послѣднее [1]). Кромѣ того введенію садовъ и виноградниковъ въ усадебную землю птолемеевскаго времени противорѣчатъ и дошедшіе до насъ отъ конца II вѣка кадастры двухъ деревень Фаюмскаго нома, Керкеосириса и Магдолы, изданные Grenfell'емъ и Hunt'омъ въ I томѣ тебтунисскихъ папирусовъ. Правда, первыя строки Tebt. I, 60 краткаго перечисленія земель, приписанныхъ къ деревнѣ Керкеосирисъ, казалось бы, говорятъ за подобное отожествленіе усадебной и садовой земель: 1 сл. Κερκεο[σίρεω]ς | ἔστιν τὸ ἀναγραφόμενον πᾶν ἔδαφος | ἕως τοῦ νβ′ (ἔτους) γῆς (ἄρουραι) ͵Δψ, τούτων| κώμηι σὺν περιστάσει ο∠δ′| ἀφ' ὧ[ν π]αρα(δείσου) ἐ[ρ]ή(μου) αδ′|, но тотчасъ же слѣдуетъ, κατα(λείπονται) κώ[μ]ης ξθ∠, а съ 38 строки, послѣ перечисленія γῆ ἱερά и γῆ κληρουχικά вновь появляются эти $1^1/_2$ аруры садовой земли и исчисляются вмѣстѣ съ 20 арурами садовъ, находящимися въ области γῆ ἱερά, въ особый разрядъ земли: παρα(δείσων) τῶν ἐν περιμέτρῳ τῆς κώ(μης)| ἐν λαχανεί(αι) ἐρή(μου) αδ′, καὶ ἐν τῇ ἱερᾷ γῇ Σούχο[υ] θε(οῦ) μεγά-

[1]) Правда, и на югѣ можетъ войти въ составъ усадебной земли садовая въ видѣ маленькихъ садовъ передъ домами, въ которыхъ могутъ быть цвѣты, деревья, овощи. Такіе сады по-гречески назывались κῆποι (ср. *Grenfell*, Revenue Laws, 95), а другіе, дающіе возможность существованія своимъ владѣльцамъ, независимо отъ какихъ-либо другихъ угодій, назывались παράδεισοι. Сады, называющіеся κῆποι, встрѣчаются въ описаніи соціалистическаго государства Евгемера Діодоромъ (V, 45 сл.). Здѣсь не существуетъ, по Діодору, частнаго землевладѣнія; только домомъ и садомъ позволено владѣть: 1. 1. 5 καθόλου γὰρ οὐδὲν ἔξεστιν ἰδίᾳ κτήσασθαι πλὴν οἰκίας καὶ κήπου. М. И. Ростовцевъ видитъ въ этомъ описаніи хорошую параллель къ поземельнымъ отношеніямъ Египта, гдѣ также пахотная земля не принадлежала крестьянину, а онъ имѣлъ право лишь на οἰκόπεδον и παράδεισος. Я думаю, что если говорить въ данномъ случаѣ о параллели, то лишь пожалуй по отношенію къ владѣнію домомъ, относительно же сада Діодоръ и птолемеевскіе папирусы говорятъ о совсѣмъ различныхъ видахъ его, о κῆπος первый, а послѣдніе о παράδεισοι. Если бы и Діодоръ говорилъ о παράδεισος, то въ такомъ случаѣ соціалистическая идея была бы проведена непослѣдовательно въ государствѣ Евгемера. Дѣйствительно, пахотная земля была бы, правда, изъята изъ частнаго владѣнія, зато виноградники и сады, играющіе на югѣ ту же роль, что и первая, могли бы почему-то оставаться въ составѣ частныхъ владѣній.

(λου) κ | καδ'. Въ Tebt. P. I, 61a, въ болѣе пространномъ перечисленіи земель той же деревни, мы имѣемъ подраздѣленіе ихъ на слѣдующіе 7 классовъ: 157 сл. ⌈ἀπὸ (ἀρουρῶν) ʼΔψ, κώ(μης) ξθ∠, ὑπὸ[λό(γου)]
ο[[...]]
ρξθ∠ἱς', ἱερᾶς Σϙα∠δ'ή⌉|⌊κλη(ρουχικῆς) ʼΑφξδ∠δ' ἱς'λ'β', ἀμ(πέλου) καδ', νο(μῶν) ροεδ'ή|ʼΒΣοβδ'ήλ'β'⌋|καταλείπονται βασιλικῆς εἰς τὸ νγ (ἔτος) γῆς ʼΒυκζ∠ἱς'λ'β'. Изъ этой классификаціи кадастра вытекаетъ, что составитель его не только отличалъ вообще садовую землю отъ усадебной, но даже и тѣ сады, которые разбивались на усадебной землѣ, выводились имъ изъ нея и составляли съ прочей садовой землей особый классъ.

Превращеніе усадебной земли въ садъ, или виноградникъ было связано съ извѣстными формальностями. Съ ними знакомитъ насъ упомянутый папирусъ римскаго времени (162 г.): P. Ox. VII, 1032. Два брата, желавшіе засадить часть принадлежавшаго имъ по наслѣдству ἴδια οἰκόπεδα, должны были заплатить πρόστιμον и также позаботиться о внесеніи (παράθεσις) своего засаженнаго участка въ списки φόριμοι ἀμπελῶνες. Я отнюдь не хочу, на основаніи этого текста, вывести заключеніе, что правительство трактовало садовую землю, разведенную на усадебной, по иному праву, чѣмъ послѣднюю, до ея засадки [1]). Но мнѣ интересно и важно отмѣтить на основаніи какъ кадастра Фаюмской деревни птолемеевскаго времени, такъ и Оксиринхскаго папируса римскаго времени, что правительство, по крайней мѣрѣ съ фискальной точки зрѣнія, строго отличало садъ и виноградникъ отъ усадебной земли, понимая подъ послѣдней лишь землю, использованную, главнымъ образомъ, для постройки дома, причемъ оставлялось конечно, извѣстное незастроенное пространство, на которомъ, однако, безъ особаго на то разрѣшенія правительства, можно было, очевидно, развести одинъ лишь κῆπος [2]). При этомъ тотъ фискаль-

---

[1]) Καταφύτευσις усадебной земли, или части ея, въ особенности виноградными лозами, было, вѣроятно, явленіемъ частымъ въ птолемеевско-римскомъ Египтѣ. Вѣдь для разведенія виноградниковъ требуются склоны холмовъ, а деревни и дома Египта сооружаются, въ виду ежегодныхъ наводненій, преимущественно на холмахъ.

[2]) Причина этого строгаго различенія была, конечно, та, что правительство каждый участокъ усадебной земли, превращенный въ παράδεισος, или ἀμπελών облагало черезъ извѣстный срокъ, истекшій по καταφύτευσις налогами, свойственными садовой землѣ. Въ этомъ отношеніи птолемеевско-римское правительство Египта было болѣе скаредно, чѣмъ римское правительство въ Малой Африкѣ. Здѣсь фиговыя деревья сада, принадлежащаго виллѣ, были свободены отъ налоговъ (*Rostowzew*, l. c. 346). Эта маленькая черта отличія аграрнаго быта эллинистической Африки и аграр-

ный принципъ, на основаніи котораго составитель кадастра отличаетъ садовую землю, разведенную на усадебной, отъ послѣдней, иной, чѣмъ тотъ, на основаніи котораго сады, принадлежащіе храмамъ, выдѣляются изъ γῆ ἱερά, а νομαί выводятся изъ γῆ βασιλική. Сады и пастбища выдѣляются изъ земель, къ которымъ они принадлежатъ по праву владѣнія въ виду иного способа платежа съ нихъ, а именно обычно они платятъ деньгами [1]), въ то время, какъ пахотныя земли, натуральными взносами. $1^1/_2$ аруры садовой земли выдѣлены изъ состава κώμη и 169 аруръ ἄφορον ὑπόλογον изъ γῆ βασιλική не на основаніи различія платежа, денежнаго или натуральнаго, а какъ земли, приносящія государству урожайный доходъ (сады и γῆ βασιλική) и не приносящія таковаго (κώμη и ἄφορον ὑπόλογον). Этимъ принципомъ руководился, очевидно, составитель классификаціи земель строкъ 157—160 тебтунисскаго 61а папируса, ставя во главѣ своего перечисленія κώμη и ἄφορον ὑπόλογον, а затѣмъ уже различныя категоріи земель съ урожайнымъ доходомъ. Но каковъ бы ни былъ принципъ данной классификаціи, послѣдняя свидѣтельствуетъ, какъ я уже говорилъ, о выдѣленіи садовой земли изъ усадебной даже и тогда, когда первая оказывалась въ области второй.

наго быта эллинистическаго Египта весьма любопытна и даже важна, ибо она предостерегаетъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія моднымъ теперь понятіемъ единообразія эллинистическаго права на всемъ протяженіи эллинистическаго міра.

[1]) ἀμπελῶνες, въ большинствѣ случаевъ, платили деньгами, см. *Wilcken*, l. c. 171, хотя и есть одно важное исключеніе изъ этого правила (см. выше). Относительно выдѣленія νομαί изъ γῆ βασιλική у Grenfell-Hunt'а объясненіе не совсѣмъ ясно. По ихъ мнѣнію, νομαί выдѣлены изъ государственной земли не потому, что они πρὸς χαλκὸν διοικούμεναι, а γῆ βασιλική платитъ натуральные ἐκφόρια, но потому, что эти пастбища ἐκτὸς μισθώσεως (*Grenfell-Hunt*, Tebt. P. I, 542). Интересно было бы при такомъ взглядѣ на принципъ выдѣленія пастбищъ изъ γῆ βασιλική узнать, какимъ же путемъ государство получало съ этихъ своихъ владѣній доходъ, коль скоро оно не отдавало ихъ въ аренду. Но надъ этимъ не приходится задумываться, ибо взглядъ Grenfell'я непріемлемъ. Упоминаніе Tebt. P. I, 61a, 154 νομαί, πρὸς χαλκὸν διοικούμεναι находящимися ἐκτὸς μισθώσεως указываетъ не на ихъ постоянное положеніе, а лишь на случайное, что доказывается стр. 41—42 Tebt. P. I, 60, въ которыхъ ἐκτὸς μισθώσεως отсутствуетъ, и вмѣсто него указана причина нахожденія этихъ νομαί внѣ аренды: νομῶν τῶν πρὸς χα[λκὸν] διοικουμένοις| ἣν ἐφημμίσθαι διὰ τὸ πα(ρακεῖσθαι) τῶι ὄρι (ἄρουραι) ροεδ'ή. Тотъ же фактъ, что они являются πρὸς χαλκὸν διοικούμεναι упоминается и здѣсь; ясно поэтому, что онъ являлся для составителя кадастра характерной особенностью положенія этихъ пастбищъ. Ὑπόλογον ἄφορον τὸ ἐκτὸς μισθώσεως тоже не выдѣляется изъ γῆ βασιλική не потому, что онъ ἐκτὸς μισθώσεως (*Grenfell-Hunt*, ibidem, 540—541), а потому, что онъ ἄφορον, т. е. не даетъ урожайнаго дохода.

Этотъ фактъ выдѣленія, въ свою очередь, вызываетъ сильныя сомнѣнія въ правильности взгляда, что сады входятъ въ область усадебной земли. Сомнѣнія эти усугубляются еще свѣдѣніями, получаемыми изъ другихъ папирусовъ кадастроваго характера той же тебтунисской серіи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ при перечисленіи земель по тѣмъ категоріямъ, на которыя онѣ распадались согласно различію лица ихъ владѣтеля (γῆ ἱερά, γῆ κληρουχική и пр.) въ составъ этихъ категорій входили не только γῆ σιτόφορος, но и παράδεισοι и ἀμπελῶνες. Однимъ изъ папирусовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ, является 64 Тебтунисскій папирусъ. Онъ тоже описываетъ земли Керкеосириса, но болѣе детально, чѣмъ извѣстные уже намъ 60 и 61a папирусы той же серіи. Начинается онъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ сохранился, съ перечисленія γῆ ἱερά: 1 слѣд. ἱερᾶς γῆς· Σούχου θεοῦ μεγάλου [μεγάλου ρμα∠| τούτων ἀμπέλου ἐρήμ]ου κ| σιτοφόρου ἐμβρόχου [ρκαδ'| ὧν ἐστιν κτλ. Эти слова доказываютъ съ очевидностью, что о какомъ-либо различіи правъ владѣнія на сады и на пахотную землю, по крайней мѣрѣ въ области γῆ ἱερά, для составителя кадастра и рѣчи быть не могло, а разсматривалъ онъ оба эти разряда земель, какъ входящіе въ составъ γῆ ἱερά на вполнѣ равныхъ правахъ. То же невыдѣленіе παράδεισοι и ἀμπελῶνες изъ области, какъ γῆ ἱερά, такъ и другихъ категорій земельныхъ владѣній, мы находимъ въ папирусахъ 80—83 Tebt. P. I, сохранившихъ обрывки кадастровъ деревни Магдолы (кромѣ, можетъ быть, перваго изъ нихъ, см. введеніе къ нему Grenfell-Hunt'a), сосѣдней Керкеосирису [1]). Изъ кадастра, дошедшаго до насъ въ 82 папирусѣ и составленномъ въ связи съ результатомъ производимой ежегодно ἐπίσκεψις, мы узнаемъ, что въ области γῆ ἱερά, принадлежащей Собку, главному божеству деревни, считались 150 арурь ἀμπ(ελίτιδος) χέρσου (82, 3—5). Изъ ἐπίσκεψις выясняется, что только часть этого ареала является, дѣйствительно, неорошаемой (χέρσος) виноградной землей, другая же часть его или превращена въ виноградникъ (стр. 10, 18, 19, 21), или же является ἐλαιοφόρος (стр. 12, 19, 24), или же засѣяна какимъ-нибудь хлѣбнымъ злакомъ (стр. 17, 27, 32). 83 тебтунисскій папирусъ свидѣтельствуетъ, что въ область γῆ κληρουχική Магдолы входила виноградная земля наряду съ пахотной: стр. 77—

---

[1]) Въ противуположность Керкеосирису, гдѣ παράδεισοι занимали очень малую часть площади земли, приписанной къ нему, въ Магдолѣ виноградники и сады не исчезаютъ въ общей суммѣ земель. Этотъ фактъ въ дальнѣйшемъ будетъ имѣть для меня нѣкоторое значеніе.

78 Πτολεμαίου τοῦ Ἡρώδου ἀπ[ο..]'.κ, Ι ἀμ(πελίτιδος) ε[| Ἀσκληπιάδου τοῦ Διμναίου ἀπὸ λα ἀμ(πελίτιδος) ς[... 80 тебтунисскій папирусъ перечисляетъ κατὰ φύλλον земли той категоріи, названіе которой, вслѣдствіе порчи начала папируса (1—2 стр.: Ἔτους παρὰ]...ς κωμ[ογ]ρ[αμμ]ατέως Μαγδώλων|...]α κατὰ φύλλον το[ῦ αὐ]τοῦ ἔτους) не сохранилось. Въ числѣ $156^1/_8$ арурь, причисленныхъ къ ней, входятъ $31^5/_6$ арурь садовъ и виноградниковъ. Участки, на которые распадается этотъ комплексъ земель, описаны по одной и той же схемѣ, безразлично, будь то участокъ садовой, или же пахотной земли. Для каждаго изъ нихъ указаны владѣлецъ его, число арурь, и, что въ особенности интересно, также число артабъ, платимыхъ съ него [1]. Почти всѣ изъ нихъ платили съ аруры 5 артабъ. Изъ этого упоминанія размѣра платежа, въ связи съ обстоятельствомъ выплачиванія его натурою и виноградниками, можно заключить о той категоріи земель, къ которой принадлежатъ $156^1/_8$ арурь 80 тебтунисскаго папируса. Дѣйствительно, изъ высокаго размѣра платежа, 5 артабъ за аруру, вытекаетъ, что мы въ данномъ случаѣ не имѣемъ передъ собой ни γῆ κληρουχική, ни γῆ ἱερά [2]. Остается поэтому лишь, или γῆ βασιλική, или γῆ ἰδιόκτητος [3]. Послѣдняя тоже исключается, ибо

---

[1]) *U. Wilcken* несмотря на 80 тебтунисскій папирусъ, держится того взгляда, что вся безъ исключенія земля виноградная и садовая несла денежные платежи, l. c. 171.

[2]) *U. Wilcken*, l. c., 283 о платежахъ клеруховъ; γῆ ἱερά, судя по свидѣтельству россетскаго декрета, стр. 29—30, была, кажется, совсѣмъ свободна отъ поземельнаго налога.

[3]) Γῆ ἰδιόκτητος, по крайней мѣрѣ, поскольку она являлась купленной изъ βασιλικόν платила, какъ и γῆ βασιλική, τὰ ἐκφόρια ἐπιγεγραμμένα, ср. XIV элефантинскій папирусъ. Свѣдѣнія о платежахъ γῆ ἰδιόκτητος, по предположенію М. И. Ростовцева, даетъ намъ загадочный P. Petrie 100 a—b. Это λόγος σιτικός, гдѣ наряду съ платежами γῆ βασιλική, фигурирують взносы въ пользу σπέρμα, ἐκφόριον и ἀγοραστός, производимыхъ ἐκ τοῦ ἰδίου. По мнѣнію М. И. Ростовцева, предположеніе, что передъ нами въ данномъ случаѣ κλῆροι, мало вѣроятно, ибо только части перечисленныхъ лицъ, вносящихъ названные платежи, являются военными, и потому онъ склоненъ видѣть здѣсь упоминаніе γῆ ἰδιόκτητος. Я съ этимъ предположеніемъ несогласенъ и думаю, что въ данномъ папирусѣ вслѣдъ за владѣльцами γῆ βασιλική, съ ихъ платежами, слѣдуетъ все же перечисленіе клеруховъ, платящихъ ἐκ τοῦ ἰδίου (κλήρου) упомянутые взносы. Мнѣ кажется, что это слѣдуетъ изъ итога стр. 9 col. II. P. Petrie 100 b. κληρουχικῆς πα и изъ названія лицъ, перечисленныхъ въ стр. 14 сл. (ibidem) μαχίμων πενταρούρων, указывающаго тоже на то, что и въ предыдущихъ строкахъ были перечислены военные, хотя и другого класса. Но спрашивается, что же это за клерухи, вносящіе ἐκφόριον? Мнѣ думается, что данный папирусъ намъ свидѣтельствуетъ объ интересной параллели птолемеевскаго времени къ γῆ προσόδου римскаго

она, надо полагать, платила со своей садовой земли ἀργυρικοὶ φόροι, а не натуральные, какъ аруры виноградниковъ нашего кадастра [1]). Поэтому и придется за неимѣніемъ другого выбора, предположить, что мы имѣемъ въ земляхъ 80 тебтунисскаго папируса γῆ βασιλική. Самъ по себѣ фактъ принадлежности царю нѣкоторой части παράδεισοι и ἀμπελῶνες не долженъ насъ смущать [2]). М. И. Ростовцевъ не отрицаетъ возможности того, что сады и виноградники могли входить въ составъ государственной земли [3]), хотя ему и слѣдовало бы отрицать подобную возможность очень категорично, коль скоро аргументомъ его служитъ то наблюденіе, что въ иныхъ случаяхъ сады и виноградники (притомъ въ 37 col. Revenue Laws всѣ безъ исключенія) обозначаются κτήματα. Дѣйствительно, сады и виноградники въ своей совокупности называются κτήματα, словомъ, которое, по мнѣнію М. И. Ростовцева, обозначаетъ видъ особенно обезпеченнаго права владѣнія, строго отличающагося отъ какого-либо вида аренды, и въ то же время часть этихъ κτήματα входятъ въ составъ γῆ βασιλική наряду съ пахотной землей и являются, такимъ образомъ, простымъ арендным владѣніемъ. Этотъ тупикъ, въ который мы попадаемъ, лишній разъ доказываетъ всю основательность предостереженія М. И. Ростовцева, высказываемаго имъ неоднократно въ своемъ трудѣ [4]), строить выводы на терминологіи эллинистическаго времени въ виду ея неустойчивости и неопредѣленности.

Однимъ изъ такихъ колеблющихся терминовъ эллинистическаго періода является и слово κτῆμα. Оно соотвѣтствуетъ латинскому

періода (о γῆ προσόδου см. *Rostowzew*, l. c., 135 слѣд. и *Wilcken*, l. c. 297). P. Petrie III, 100 a—b перечисляетъ, предполагаю я, κλῆροι, владѣльцы которыхъ задолжали государству, но они остаются пока еще въ рукахъ своихъ владѣльцевъ. Въ виду своего обѣдненія эти задолжавшіеся клерухи должны пользоваться выдачей посѣвного зерна, какъ и γεωργοὶ βασιλικοί. Они должны отдавать ἐκφόριον—со своихъ земель, который прочіе клерухи брали въ свою пользу, государству, чтобы погасить свой долгъ. Они должны, наконецъ, вносить въ казну еще и ἀγοραστός за то, что государство воздерживается пока отъ ἀγόρασις ихъ κλῆροι.

[1]) См. XIV, Eleph. P. стр. 2—3.

[2]) О фактѣ владѣнія γεωργοὶ βασιλικοί и садовой землей свидѣтельствуетъ намъ P. Tebt. I, 5, 200 слѣд.: ὁμοίως δὲ καὶ τοὺς βα(σιλικοὺς) γεω(ργοὺς) καὶ τοὺ[ς ἱερεῖς] καὶ τοὺς <ἄλλους> τοὺς τὴν ἐν ἀφέσει γῆν ἔχ[οντας καὶ] μὴ| καταπεφ<υτ>ευκότας τὰς καθη[κούσας...] | ἕως τοῦ νά (ἔτους) τῶν ἐξακολουθούντων προστίμων, | τὴν δὲ φυτείαν ποιεῖσθαι ἀπὸ τοῦ νβ´ (ἔτους).

[3]) L. c., 47.

[4]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 21, прим. 1. 64.

possessio, также не имѣющаго въ эпоху эллинизма опредѣленнаго содержанія [1]). Κτῆμα могло употребляться тогда, какъ для обозначенія собственности, такъ и для обозначенія владѣнія самыхъ различныхъ оттѣнковъ. Если, напр., κτῆμα въ извѣстномъ опредѣленіи абсолютной монархіи τὰ δημόσια τῆς βασιλείας κτήματα можетъ соотвѣтствовать только собственности, то κτῆμα въ 3-ей пріенской надписи, въ которой оно употребляется по отношенію къ землевладѣнію подданнаго туземнаго населенія въ округѣ этого города (стр. 12 слѣд.: γῆς δὲ ἔγκτησιν ἄχρι ταλάντων π[έντε] ἀπεχούσης τῶν ὅρων τῶν πρὸς τ[ὴ]ν Ἐφεσίη[ν μὴ ἐ]λάσσονι σταδίων δέκα, τῶν δὲ κτημάτων ὧν [οἱ Πε]διεῖς κέκτηνται μὴ εἶναι αὐτῷ κτ[ή]σασθαι), обозначаетъ, конечно, лишь владѣніе и притомъ, вѣроятно, вытекающее изъ наслѣдственной аренды. Ср. также употребленіе κεκτῆσθαι для употребленія права владѣнія при наслѣдственной арендѣ въ одномъ македонскомъ документѣ III-го в. Dittenberger, Syll. 178 стр. 6 сл.: ἐμ πατρικοῖς καὶ αὐτοῖς καὶ ἐκγόνοις, κυρίοις οὖσι κεκτῆσθαι καὶ ἀλλάσσεσθαι καὶ ἀποδόσθαι. Въ птолемеевскомъ Египтѣ содержаніе его, пожалуй, еще менѣе опредѣленно. Доказательствомъ могутъ служить 36 и 37 колонны Revenue Laws. Въ предписаніи, дошедшемъ до насъ въ 37 col. R. L. требуется отъ владѣтелей виноградной и садовой земли ἀπογραφή ихъ участковъ: 10 слѣд. [ὅσοι ἔ]χουσιν ἀμπελῶνας ἢ παραδείσους τρόπῳ ὡιτ[ινου]ν | [διδό]τωσαν πάντες τοῖς τε παρὰ Σατύρου πραγματ[ευομένοις] | [καὶ το]ῖς παρὰ Διονυσοδώρου τεταγμένοις ἐγλογι[σταῖς κατὰ]| [νό]μους χε[ι]ρογραφίας ἢ αὐτοὶ ἢ οἱ διοικοῦντες ἢ [οἱ γεωργοῦ]|[ν]τες τὰ κτήματα αὐτῶν κτλ. Въ рескриптѣ 36 col., разосланномъ нѣсколько позже, требуется то же самое отъ владѣтелей ἀμπελῶνες и παράδεισοι, причемъ перечисляются категоріи, на которыя распадались [ὅσοι ἔ]χουσιν ἀμπελῶνας ἢ παραδείσους τρόπωι ὡιτ[ινου]ν.—36 col. стр. 11 слѣд. ὡσαύτω[ς] | δὲ καὶ τ[οὺ]ς κ[ληρο]ύχους τοὺς ἔχοντας <τοὺς> ἀμπελῶ[νας] | ἢ παρα[δείσ]ου[ς ἐ]ν τοῖς κλήροις οἷς εἰλήφασι παρὰ τ[ο]ῦ βα|σιλέως καὶ τ[οὺ]ς λοιποὺς πάντας τοὺς κεκτημένους | ἀμπελῶνας ἢ παραδείσους ἢ ἐν δωρεαῖς ἔχοντας ἢ γε|ωργοῦντας καθ' ὅντινουν τρόπον κτλ. Здѣсь, по мнѣнію М. И. Ростовцева, перечисляются три категоріи ихъ: владѣльцы-клерухи и прочіе, далѣе владѣющіе землями ἐν δωρεαῖς и, наконецъ, государственные арендаторы [2]). Владѣнія всѣхъ этихъ трехъ категорій землевладѣльцевъ называются κτήματα, а поэтому и κτῆμα, судя по данному

---

[1]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., примѣры употребленія possessor и possidere, для обозначенія владѣнія на стр. 238, для обозначенія аренды на стр. 317.

[2]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 14.

тексту, не является въ птолемеевское время понятіемъ, устанавливающимъ какое-либо строго опредѣленное право владѣнія, коль скоро подъ него могутъ подойти правовыя отношенія владѣнія, устанавливаемыя какъ клерухіей, такъ и арендой [1]). М. И. Ростовцевъ, правда, приходитъ на основаніи того же текста, только что указаннаго мною (стр. 11 слѣд. 36 col. Revenue Laws), къ обратному выводу, а именно, что слово κτῆμα служитъ выраженіемъ особыхъ опредѣленныхъ отношеній владѣнія въ противоположность инымъ способамъ владѣнія и пользованія [2]). Но это недоразумѣніе. Онъ видитъ въ данныхъ строкахъ, какъ я уже указывалъ, перечисленіе слѣдующихъ трехъ категорій воздѣлывателей виноградниковъ и садовъ: 1) частныхъ владѣльцевъ (κεκτημένοι) — клеруховъ и другихъ: 2) держащихъ виноградники и т. д. ἐν δωρεᾷ и 3) γεωργοῦντες — государственныхъ арендаторовъ. Онъ переводитъ текстъ, очевидно, слѣдующимъ образомъ: равно какъ клерухи, владѣющіе (ἔχοντες) виноградниками, ..., такъ и всѣ прочіе частные владѣльцы,....., а также и владѣющіе ἐν δωρεαῖς и арендующіе какимъ-либо способомъ... Но при подобномъ переводѣ М. И. Ростовцевъ упускаетъ изъ виду, что κληρούχους κτλ. и τοὺς λοιποὺς πάντας τοὺς κεκτημένους соединены другъ съ другомъ черезъ посредство καὶ.... καὶ, а ἐν δωρεαῖς ἔχοντας и γεωργοῦντας κτλ. черезъ ἤ..... ἤ. Καὶ.... καὶ и ἤ.... ἤ различаются весьма строго. Поэтому приходится перевести этотъ текстъ иначе: равно, какъ клерухи,........, такъ и всѣ прочіе κεκτημένοι, ..., будь это владѣющіе ἐν δωρεαῖς, или же арендующіе (обрабатывающіе) какимъ-либо способомъ; изъ такого пониманія текста вытекаетъ, что и глаголъ, отъ котораго κτῆμα является производной, а именно κέκτημαι, столь же мало выражаетъ какое-либо строго опредѣленное частновладѣльческое право. Въ виду столь широкаго значенія, какъ κέκτημαι, такъ и κτῆμα, опасно дѣлать выводы о большемъ объемѣ права владѣ-

[1]) Также мало опредѣленно было содержаніе κτῆμα и въ римское время, судя по строкамъ 31—32 эдикта префекта Ti. Jul. Alexandri: ἄδικον γάρ ἐστιν τοὺς ὠνησαμένους κτή|ματα καὶ τιμὰς αὐτῶν ἀποδόντας ὡς δημοσίους ἐκφόρια ἀπαιτεῖσθαι τῶν ἰδίων ἐδαφῶν. Вѣдь для составителя эдикта несправедливость состояла не въ томъ, что κτήματα должны были платить ἐκφόρια, но въ томъ, что купившіе κτήματα и заплатившіе τιμή за нихъ, трактовались какъ простые δημόσιοι γεωργοί, и поэтому, когда онъ хочетъ подчеркнуть также особое правовое положеніе самой купленной земли, то говоритъ не о κτήματα, а объ ἰδίων ἐδαφῶν. Очевидно, префекту Египта времени Гальбы представлялись еще другіе виды κτήματα, попавшіе въ руки ихъ владѣльцевъ иными способами, а не куплей.

[2]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 14.

нія садовой землею, называемой иной разъ κτῆμα [1]), по сравненію съ правомъ владѣнія пахотной землей. Это тѣмъ болѣе опасно, что и право владѣнія послѣднею обозначается иногда тѣмъ же глаголомъ κέκτημαι. Такъ въ XIV Eleph. P. (225 г. до Р. Х.) этотъ глаголъ служитъ обозначеніемъ права владѣнія на купленную изъ βασιλικόν садовую, какъ и пахотную землю [2]): κυριεύσουσι δὲ καθ' ἃ καὶ οἱ πρῶ-

[1]) Изъ текстовъ, называющихъ сады и виноградники κτήματα, М. И. Ростовцевъ приводитъ кромѣ уже разобранныхъ цитатъ изъ Revenue Laws еще шесть: P. Petrie, III, 28 e и 67 b; P. Hibeh, 29 v. I, 20 и 113. 19; P. Tebt., 5, 51 сл. и P. Tebt. 120. Изъ шести перечисленныхъ текстовъ необходимо, по моему, три исключить изъ числа свидѣтельствъ, доказывающихъ обозначеніе садовъ и виноградниковъ иной разъ κτήματα, а именно P. Hibeh, 29 v. I, 20, 113, 14 и P. Tebt., 5, 51. Первый изъ нихъ P. Hibeh, 29 v. I, весьма плохо сохранился, такъ что изъ него можно сдѣлать только выводъ о его принадлежности къ какому-нибудь νόμος τελωνικός. Совсѣмъ поврежденъ контекстъ, въ которомъ встрѣчается слово κτῆμα, 19 стр. сл.: [.........] δικιμ[α]σταὶ παρευρέσ[ει ἡ]τινιοῦν [[παρευρέσει ητινιουν]] [.........]. ετελ... τῆς ἀρχῆς ο[..]ν στερέσθω τοῦ κτήματος [.........] κοσ[.] [...].. τιμητας., и въ виду этого κτῆμα можетъ въ данномъ случаѣ обозначать что угодно. Мнѣ, напр. казалось бы наиболѣе вѣроятнымъ, что оно здѣсь соотвѣтствовало имуществу вообще. P. Hibeh, 113, 11, хотя и лучше сохранился, чѣмъ предыдущій, но изъ его контекста отнюдь не вытекаетъ, что κτήματα упомянутыя въ концѣ его, стояли въ какой-либо связи съ ἀμπελῶνες, или παράδεισοι, а поэтому и онъ не можетъ быть использованъ для доказательства обозначенія только садовъ и виноградниковъ посредствомъ κτήματα. Я думаю, наоборотъ, что какъ разъ этотъ папирусъ, пожалуй, противорѣчитъ подобному правилу употребленія κτῆμα. P. Hibeh, 113 является перечисленіемъ недоимокъ и платежей какого-то учрежденія (вѣроятно, банка). Лица, за которыми числятся недоимки, всѣ являются причастными къ дѣлу пивного и маслянаго налога. Потому и можно съ нѣкоторой вѣроятностью предположить, что ἀσθενοῦντες γεωργοί, слѣдующіе тотчасъ же за перечисленіемъ должниковъ и которымъ выплачивается извѣстная сумма εἰς ἔργα τῶν κτημάτων, являются обрабатывающими поля солода и различныхъ видовъ растеній, изъ которыхъ добывалось масло. Относительно же послѣдняго разряда полей, мы знаемъ, что они причислялись къ γῆ σπόριμος (см. Rev. L. col. 41. col. 43). Если это такъ, то мы имѣли бы примѣръ названія и γῆ σπόριμος κτῆμα. Кромѣ этого P Hibeh, 113 интересенъ еще тѣмъ, что и онъ указываетъ на широкое пониманіе κτῆμα, коль скоро обладатели κτήματα называются имъ γεωργοί, а γεωργοί въ эллинистическое время большей частью служатъ обозначеніемъ арендаторовъ (см. *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 238). Относительно цѣнности свидѣтельства P. Tebt. P. 5, 51, сл. см. мои соображенія въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1913, XII, 509, пр. 1. Въ остающихся трехъ изъ перечисленныхъ шести текстовъ, въ P. Petrie 28 e и 67 b и T. Tebt 120, гдѣ словомъ κτῆμα названы дѣйствительно виноградники, κτῆμα употреблено въ значеніи исключительно бытовомъ, безъ какого-либо юридическаго оттѣнка.

[2]) Но не κυριεύειν, какъ полагаетъ М. И. Ростовцевъ на стр. 21 l. c. Κυριεύειν указываетъ лишь на фактъ обладанія, но не на право владѣнія и можетъ

τον κύριοι ἐκέκτηντο (стр. 22). Почти та же формула употреблена и въ B. G. U. 992 (162 г. до Р. X.) II, 5: [ἐφ'] ᾧ κυριεύσει τῆς διασταλ(είσης)] | καθὰ καὶ οἱ ἀρχαῖοι κύριοι ἐκ[έκ]τηντο, содержаніемъ котораго является уплата за проданную изъ казны γῆ σιτόφορος. Κτῆμα мнѣ, правда, не удалось пока найти въ примѣненіи къ пахотной землѣ, но зато имѣется κτῆσις, замѣняющее κτῆμα [1]). Κτῆσις называется виноградникъ въ Lond. P. II 401 изъ Θиваиды (116 г. до Р. X.). Документъ содержитъ жалобу двухъ женщинъ на нѣкоего Аристаса, захватившаго принадлежавшій имъ ἀμπελών: Ἄρισταν Ἀθηνοδότου τῶν ὑπὸ Διὸς πόλεως τῆς μεγάλης βιαιότερον ἐμβατεύσας εἰς τὸ δηλούμενον ἔδαφος τοῦ ἀμπελῶνος..... κατεγνωκὼς τῷ γυναίκας ἡμᾶς εἶναι καὶ ἑτέρῳ κατοικούσας μὴ τυχερῶς δύνασθαι ἐπιβαλεῖν ἐπὶ τὴν σημαινομένην κτῆσιν. Тѣмъ же словомъ κτῆσις называется, если и не сама пахотная земля, то документъ, доказывающій право на нее: Ὡς δ' ἦν τούτου ἀληθῶς οὐδαμῶς | συνίστων, ἡ δὲ σημαινομένη ἐπὶ τοῦ | Ἀλεξικράτου συνχώρησις ἐφαίνετο | παρὰ τὸ δὲ ἀνεπιτετελεσμένη ἐκ τοῦ | μηδὲ τὸν δεσπόζοντα τῶν κτήσεων | Θράσωνα ἐπιδεδωκέναι αὐτὴν, или 83 слѣд.: συνέταξεν | κρατεῖν τὴν Σενενοῦπιν τῶν | μετρικῶν ἀκολούθως αἷς ἔχει | κτήσεσιν [2]). Κτῆσις встрѣчается и въ извѣстномъ процессѣ Герміаса (Wilcken-Mitteis, Chrestomatie, II B. II H. № 31, col. 8, 26). Здѣсь оно также обозначаетъ документъ, содержаніемъ котораго является право на недвижимое имущество, но не на пахотную землю, а на домъ. Подобное употребленіе слова κτῆσις могло, конечно, установиться только тѣмъ путемъ, что документъ, формулирующій это право κτῆσις на какую-либо землю, сталъ называться именемъ этого права. Сами же участки земли называются κτῆσις въ 18—19 стр. россетскаго камня. Эпифанъ προσέταξεν δὲ καὶ τοὺς καταπορευομένους ἔκ τε τῶν μαχίμων καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἀλλότρια | φρονησάντων ἐν τοῖς κατὰ τὴν ταραχὴν καιροῖς καθελθόντας μένειν ἐπὶ τῶν ἰδίων κτήσεων. Нельзя предположить, что въ данномъ случаѣ говорится лишь о домахъ и садовой землѣ μάχιμοι. Поэтому,

---

поэтому употребляться по отношенію къ краткосрочной арендѣ (напр. R. L. 46, 10 сл.). Въ виду этого я предложилъ бы перевести этотъ passus XIV Eleph. P. 22: κυριεύσουσι δὲ—καθ' ἃ καὶ οἱ πρῶτον κύριοι ἐκέκτηντο, „они будутъ обладателями по праву владѣнія прежнихъ обладателей".

[1]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 27 и *U. Wilcken* (l. c. введеніе къ № 339) считаютъ это κτῆσις столь же характернымъ, какъ и κέκτημαι и κτῆμα.

[2]) Schriften der wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg. 13 Heft. Ein Erbstreit aus dem ptolemäischen Aegypten von *O. Gradenwitz*, *F. Preisigke*, *W. Spiegelberg*, Strassburg 1912.

въ концѣ концовъ, учитывая все вышесказанное, мы съ необходимостью приходимъ къ выводу, что аргументъ въ пользу строгаго отличенія правъ владѣній виноградниками и пахотной землей, опирающійся на употребленіи въ текстахъ κτῆμα и κέκτημαι, теряетъ свою силу въ виду неопредѣленнаго содержанія этихъ терминовъ, а также и вслѣдствіе пользованія ими (или, по крайней мѣрѣ, тожественными съ ними по значенію терминами) по отношенію къ пахотной землѣ.

Слѣдующій аргументъ М. И. Ростовцева сводится къ тому, что платежи, которые были обязаны нести обѣ разбираемыя категоріи земель, всегда юридически отличались другъ отъ друга. Главной его опорой въ данномъ случаѣ служитъ свидѣтельство Eleph. P. XIV 1 слѣд.: ἐπὶ τοῖσδε πωλοῦμεν ἐφ' οἷ[ς] οἱ [ἀγ]οράσαντ[ε]ς διορθώσονται εἰς τὸ βα(σιλικὸν) κατ' ἐνιαυτὸν τῶν μὲν ἀμπελώνων τοὺς καθήκοντας ἀργυρικοὺς φόρους καὶ τὴν γενομένην ἀπόμοιραν τῆι Φιλα[δέλφωι, τῆς] δὲ γῆς τὰ ἐπιγεγραμμένα σιτικὰ ἐκφόρια καὶ εἴ τι [ἄλλο καθήκει] πρὸς [τὴν] γῆν δίδοσθαι.... Но, если принять во вниманіе, что въ этомъ папирусѣ, какъ уже было выше сказано, права на владѣнія пахотной и садовой землями назывались одинаково, да и что вообще въ немъ оба эти разряда земель трактуются на вполнѣ равныхъ правахъ, предположеніе о существованіи какого-либо правового различія между καθήκοντες ἀργυρικοὶ φόροι и τὰ ἐπιγεγραμμένα σιτικὰ ἐκφόρια [1]), а именно, что первые являлись поземельнымъ налогомъ, а вторые арендной платой, будетъ почти невозможно. Ἐκφόρια служили, правда, въ греческихъ папирусахъ Египта обозначеніемъ арендной платы, но доказать противное относительно φόροι, что они представляютъ поземельный налогъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Кромѣ XIV Eleph. P. рѣчь идетъ о φόροι въ связи съ садовой землей еще въ P. P. II, XLIIIa и P. P. III, LXVIIb. Платились они, судя по этимъ текстамъ, деньгами [2]), въ противуположность ἐκφόρια, выплачиваемымъ натурою. Подобное различіе намъ не даетъ еще права причислять φόροι къ разряду поземельныхъ налоговъ. Принципъ взиманія съ одной категоріи земель деньгами, а съ другой натурою, объясняется весьма просто неудобствомъ использованія продуктовъ одной изъ нихъ въ ихъ натуральномъ видѣ [3]). Epitheton ornans φόροι въ XIV Eleph.

[1]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 39.

[2]) Хотя и выраженіе ἀργυρικοὶ φόροι, казалось бы, указывало на существованіе какихъ-то другихъ, не ἀργυρικοὶ φόροι.

[3]) *Wilcken*, Ostraka, I, 201.

P. καθήκοντες не долженъ насъ также смущать, ибо и платежи γεωργοὶ βασιλικοί могли также называться καθήκοντα, напр., Tebt. P. I, 5, 168 слѣд.: ἀνεπιστάθμους [δ'] εἶναι καὶ τοὺς στρατευομένους Ἕλληνας [καὶ τοὺ]ς ἱερεῖς καὶ τοὺς | γεω(ργοῦντας) βα(σιλικὴν) γῆν καὶ τοὺς.... перечисленіе различныхъ классовъ ὑποτελεῖς... τοὺς τελοῦντας τὰ καθή(κοντα) εἰς τὸ βασ(ιλικόν). Различіе же, приводимое М. И. Ростовцевымъ, постоянство φόροι [1]) и возможное повышеніе ἐκφόρια, вытекающее изъ ихъ понятія арендной платы, не имѣетъ, кажется, значенія по отношенію къ τὰ ἐπιγεγραμμένα ἐκφόρια Eleph. P. XIV и B. G. U. 992. Вѣдь самъ же М. И. Ростовцевъ указываетъ на то, что, по свидѣтельству этихъ папирусовъ, продажа изъ βασιλικόν ничего не измѣнило въ условіяхъ владѣнія [2]). Я полагаю, кромѣ того, что выраженіе τὰ ἐπιγεγραμμένα ἐκφόρια имѣетъ техническое значеніе. Ἐκφόρια подобнаго рода пестрятъ на строкахъ P. P. 61b и 72 P. Tebt. I, напр. 61b, 21 сл.: τῆς μ[ισθω]θείσης ὑπό τε | [τῶ]ν ἐπιμελητῶν [καὶ οἰ]κονόμων καὶ τῆς ἄνευ συναλλ[άξ]εως ἐλάσσωι | [τῶ]ν ἐπιγεγραμμένω[ν ἐκ]φορίων и означаетъ какъ здѣсь, такъ и въ иныхъ случаяхъ, нормальный ἐκφόριον, т. е. платимый съ участка γῆ βασιλική въ его нормальномъ состояніи. По мнѣнію Grenfell-Hunt'a и М. И. Ростовцева, этотъ нормальный ἐκφόριον не подвергался какому-либо повышенію [3]). Повышенію подлежали лишь ἐκφόρια (не называвшіяся τὰ ἐπιγεγραμμένα) земель, сданныхъ ἐξ ἀξίας. Если же τὰ ἐπιγεγραμμένα ἐκφόρια участковъ γῆ βασιλική, сданныхъ въ простую аренду, не повышались, то тѣмъ паче не могли повышаться τὰ ἐπιγεγραμμένα ἐκφόρια земель, купленныхъ съ сравнительно большей затратой капитала изъ казны въ наслѣдственную аренду. Доказать, такимъ образомъ, какое-либо правовое различіе между φόροι и ἐκφόρια XIV Eleph. P. невозможно, и придется поэтому вмѣстѣ съ Wilcken'омъ согласиться, что они вполнѣ однородны [4]); опредѣляя ἐκφόρια арендной платой, надо будетъ подъ то же опредѣленіе подвести и φόροι. Съ такимъ взглядомъ на φόροι отлично согласовалось бы употребленіе φόροι въ Tebt. P. I, 6, 33 сл.: ἐνίους μισθουμέν[ου]ς | γῆς τε καὶ ἕτερα ἐπὶ πλείονα χρόνον, τινὰς δε καὶ βιαζο|μέν[ου]ς ἄνευ συναλλάξεων μὴ τελεῖν τοὺς καθήκοντας φόρους. Подтверждался бы онъ и свидѣтельствомъ P. Grenfell, II, 39

[1]) Мнѣ неизвѣстно, на основаніи какихъ текстовъ М. И. Ростовцевъ могъ бы доказать это постоянство φόροι.

[2]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 24.

[3]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 33.

[4]) *U. Wilcken*, l. c., 285.

объ уплатѣ денежнаго φόρος двумя ζυτοποιοί, т. е. лицами, причисленными, судя по P. Par. 63, IV, 3, такъ и по Tebt. P. I, 5, 171, къ классу ὑποτελεῖς, составляющими вмѣстѣ съ γεωργοὶ βασιλικοί сословіе ἐπιπληγμένοι ταῖς προσόδοις [1]), и поэтому платежи ихъ столь же мало могутъ быть квалифицируемы въ видѣ налога, какъ и взносы γεωργοὶ βασιλικοί [2]). Изъ текстовъ же римскаго времени Grenfell-Hunt и Mitteis заключаютъ, что тогда φόροι служили обозначеніемъ денежной арендной платы, а ἐκφόρια натуральной [3]).

Другая противуположность въ податномъ языкѣ, кромѣ φόροι и ἐκφόρια, а именно σιτικὴ μίσθωσις и ἀργυρικὴ πρόσοδος, является, по мнѣнію М. И. Ростовцева, также слѣдствіемъ противоположности между пахотной землей—наслѣдственной арендой и садовой—землевладѣніемъ. Примѣрами такого противупоставленія онъ приводитъ P. Amherst 31 (112 г. до P. X.), 5 сл. и P. Tebt. I, 5. 10 слѣд. Эта формула встрѣчается также въ россетской надписи времени Эпифана, но въ немного измѣненной формѣ стр. 11: ἀνατέθεικεν εἰς τὰ ἱερὰ ἀργυρικάς καὶ σιτικὰς προσόδους. Этотъ варіантъ формулы весьма характеренъ; онъ доказываетъ, что центръ тяжести данной противоположности лежитъ не на противопоставленіи πρόσοδος и μίσθωσις, а на ἀργυρικός и σιτικός, т. е. на томъ же самомъ, что и въ предыдущей φόροι и ἐκφορια. Эти противоположности являются въ сущности одной и той же, но они разсматриваются съ двухъ точекъ зрѣнія. Φόροι и ἐκφόρια—платежи съ точки зрѣнія вносителя ихъ, а σιτικὴ μίσθωσις и ἀργυρικὴ πρόσοδος—тѣ же платежи, но съ точки зрѣнія принимающаго ихъ государства. Ἀργυρικὴ πρόσοδος оно получало съ садовой земли, а σιτικὴ μίσθωσις съ пахотной. Взиманіе недоимокъ съ обоихъ доходовъ поручалось однимъ и тѣмъ же лицамъ. P. Amh. 31, 5 слѣд.: διεπεμψάμεθα τοὺς παρ' ἡμῶν | εἰς τὰς τοπαρχίας σχεθησομένους τῆς εἰσαγωγῆς τῶν ὀφειλομένων πρός τε τὴν σιτικὴν μίσθωσιν καὶ τὴν ἀργυρικὴν πρόσοδον. Это тоже, кажется, не говоритъ въ пользу того, что государство дѣлало какое-либо юридическое различіе между этими обоими доходами, кромѣ лишь фактическаго, что одинъ собирался деньгами, а другой натурою. Вполнѣ же убѣдительнымъ доказательствомъ того,

---

[1]) Ср. *Grenfell-Hunt,* комментарій къ строкѣ 170 P. Tebt, I, 5.

[2]) Ср. также φόρος въ реконструированномъ Вилькеномъ ostrakon № 1536 (II стол. до P. X.): φόρος τῶν μ[εμισθ(ωμένων) σοι] φοινίκων.

[3]) *Grenfell-Hunt,* P. Tebt. II, 377, l. 23—27; *Mitteis,* l. c., II B. II H., введеніе къ № 151. *P. M. Meyer* убѣжденъ, что φόρος имѣетъ это значеніе и въ птолемеевское время. См. Giessener P., прим. къ № 37, I, 14.

что βασιλεύς смотрѣлъ какъ на σιτικὴ μίσθωσις, такъ и на ἀργυρικὴ πρόσοδος лишь какъ на доходъ съ аренды являлись бы 10—13 строки προστάγματα Евергета II отъ 118 г.: [ἀφιᾶσι] δὲ π[ά]ν[τας] τῶ[ν ὀφ]ειλ[ο]-μένων τ[...... τοὺς | [αὐτο]ὺς χρόνους πρός τε τὴν σιτικὴν μί[σθωσιν) κα[ὶ ἀργυ(ρικὴν) π]ρ(όσοδον) πλὴν | τῶν μεμισθωμένων εἰς τὸ πατρικὸν [ὑπὲ]ρ ὧν δ[ι]εγγύ(ημα) | ὑπάρχει. Свою реконструкцію Grenfell-Hunt обосновываютъ только что приведенными словами P. Amh. 31, 5 слѣд. [1]) и съ нею, очевидно, соглашается М. И. Ростовцевъ, коль скоро онъ рѣшается привести эти строки 5 тебтунисскаго папируса въ видѣ примѣра противопоставленія ἀργυρικὴ πρόσοδος и σιτικὴ μίσθωσις [2]). Но если признать ее, слѣдующіе выводы вытекаютъ съ логической необходимостью изъ даннаго текста: 1) часть обязанныхъ платить ἀργυρικὴ πρόσοδος были простые μισθωταί, γεωργοὶ βασιλικοί, 2) другая часть ихъ причисляется къ μεμισθωμένοι εἰς πατρικόν, т. е. наслѣдственнымъ арендаторамъ. Выходитъ такимъ образомъ, что и ἀργυρικὴ πρόσοδος, доходъ βασιλεύς'а съ садовой земли, разсматривается имъ также лишь какъ доходъ съ арендованной и съ наслѣдственно-арендованной земли. Съ этимъ положеніемъ соглашается, въ концѣ концовъ, и М. И. Ростовцевъ (l. c. 58): sie (обрабатывающіе земли Египта) müssen Pachtzins bezahlen (gleichgültig, ob in Geld, oder in natura; charakteristisch, dass der Geldzins ἀργυρικὴ πρόσοδος Geldeinkommen des Staates heisst) [3]).

Послѣднимъ изъ аргументовъ, требующихъ строгаго различенія

---

[1]) Въ своемъ комментаріи къ 59 строкѣ 5 тебтунисскаго папируса Grenfell-Hunt указываютъ, что ἀργυρικὴ πρόσοδος и σιτικὴ μίσθωσις часто (often) объединяются вмѣстѣ въ названную формулу, но мнѣ не удалось, несмотря на внимательный просмотръ матеріала, найти еще примѣръ подобнаго соединенія, кромѣ P. Amh. 31. Явленіе же, встрѣчающееся лишь разъ, назвать частымъ, немного странно.

[2]) Съ этой реконструкціей соглашается и *Preisigke* въ своей статьѣ „Die Friedenskundgebung des Konigs Euergetes II" въ *Archiv für Papyrusforschung*, V. Въ комментаріи къ этимъ строкамъ онъ замѣчаетъ: Der König erlässt also den Zahlungspflichtigen alle rückständigen Schulden, gleichviel ob diese in Korn, oder in Geld zahlbar waren.

[3]) По мнѣнію *Steiner*, какъ разъ ὁ ἐπὶ τῶν προσόδων является начальникомъ οἰκονόμος σιτικῶν, а начальникомъ οἰκονόμος ἀργυρικῶν, по мнѣнію его, στρατηγός. См. стр. 31 его „Der Fiscus der Ptolemäer". Къ сожалѣнію, онъ самъ разрушаетъ свою странную систему разграниченія вѣдомствъ натуральныхъ и денежныхъ поступленій указаніемъ на то, что, вѣроятно, стратегъ, по крайней мѣрѣ во II в. (а именно тогда совершились раздѣленія οἰκονόμοι на οἰκονόμοι σιτικῶν и οἰκονόμοι ἀργυρικῶν) были и ὁ ἐπὶ τῶν πρόσοδων, и поэтому былъ общимъ начальникомъ οἰκονόμοι σιτικῶν и ἀργυρικῶν (стр. 37, l. c.). Эту несуразность не отмѣтилъ *Ад. Бергеръ* въ своей довольно-таки уничтожающей критикѣ книги Штейнера (*G. G. A.* 1914, 32—45).

права владѣнія на παράδεισοι и ἀμπελῶνες, съ одной стороны, и землю пахотную—съ другой, являлось наблюденіе, будто государство при продажѣ изъ βασιλικόν гарантировало право владѣнія лишь на домовую и садовую землю, γῆ σιτόφορος же разсматривалась и трактовалась, какъ арендованная земля. Это основывается на P. Tebt. I, 5, 99 сл.: προστετάχασι δὲ καὶ τοὺς ἠγορασκότας ἐκ τοῦ βα(σιλικοῦ) οἰκ[ία]ς ἢ ἀμπελῶνας ἢ παραδείσ[ο]υς | ἢ ἄλλα σταθὰ ἢ πλοῖα ἢ ἄλλο τι καθ' ὁ{υ}ντινοῦν τρόπον μ[έν]ειν κυρίως | καὶ τὰς ο[ἰ]κίας μὴ ἐπισταθμεύεσθαι | [ὁμοίω]ς δὲ καὶ τὰς γεγονυίας [πρὸς τοὺς γεωργοὺς σ]ιτικὰς μισθώσεις μένειν [κυρίως..... Но чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого текста для нашего вопроса, надо знать, что Tebt. I, 5, содержаніемъ котораго являются προστάγματα Евергета II отъ 118 г., не представляетъ собою полной и тщательной копіи названнаго эдикта, а лишь выписки изъ него, сдѣланныя κωμογραμματεύς'омъ деревни Керкеосирисъ для своихъ надобностей, и притомъ весьма бѣгло и неаккуратно [1]). Первая часть только что приведеннаго предписанія προστάγματα (стр. 99—101) списана также весьма невнимательно. Ἠγορασκότες было забыто и лишь потомъ вписано поверхъ строки [2]); а въ ὁ{υ}ντινοῦν вписано ни къ чему υ, наконецъ, безсмысленное σταθά. Относительно послѣдняго Grenfell полагаетъ, что оно попало сюда по ошибкѣ изъ соотвѣтствующаго ему въ слѣдующей строкѣ ἐπισταθμευεσθαι вмѣсто хотя бы κτήματα [3]). Стр. 102—103 весьма плохо сохранились. Въ подлинномъ текстѣ мы имѣемъ лишь слѣдующіе остатки .....ς δὲ καὶ τὰς γεγονυίας.................. ιτικας μισθώσεις μένειν....... Первое слово ὁμοίως Grenfell и Hunt реконструируютъ на основаніи другихъ параллельныхъ текстовъ того же 5 тебтунисскаго папируса, а πρὸς τοὺς γεωργούς они возстановляютъ съ помощью 12 и 13 строкъ 61 b папируса тебтунисской серіи: [ὑπ]ὲρ ὧν ἀπολογ[ίζετα]ι | [ὁ κ]ωμογρ(αμματεύς)..[.....]. ειν ταῖς γεγονυίαις πρὸς τ[οὺς | [γε]ωργοὺς μισ[θώσεσι]ν. Съ реконструкціей ихъ можно и не согласиться, какъ это дѣлаетъ, напр., Preisigke [4]). На основаніи столь сильно испорченнаго текста, отчасти вслѣдствіе небрежности его составителя, отчасти въ виду плохой его сохранности, М. И. Ростовцевъ строитъ весьма важный выводъ о непризнаніи полнаго права владѣнія на проданную изъ βασιλικόν пахотную землю. Таковое при-

[1]) См. введеніе *Grenfell-Hunt*'а къ Tebt. P. I, 5.

[2]) Замѣчаніе *Grenfell-Hunt*'а къ написанію стр. 99: ἠγορασκότας: the word is above the line.

[3]) Комментарій *Grenfell-Hunt*'а къ 100 строкѣ тебтунисскаго 5 папируса.

[4]) См. *Preisigke*, l. c. 314.

знавалось, разсуждаетъ онъ, лишь за домами, садами и виноградниками. Если же рѣчь заходила о пахотной землѣ, то исчезало κέκτημαι, или κτῆσις, и говорилось лишь о σιτικαὶ μισθώσεις [1]). На это можно возразить, что коль скоро слово σταθά завѣдомо ошибочно, то, вѣдь, вмѣсто него могло стоять и не κτήματα, а ἐγγαία, слово охватывающее въ XIV элефантинскомъ папирусѣ и γῆ σιτόφορος. Далѣе, реконструкція Grenfell-Hunt'омъ 102 строки, какъ я уже сказалъ, можетъ быть необязательной. Поэтому можно ее измѣнить и, наприм., вмѣсто [πρὸς τοὺς γεωργούς] читать [ἀργυρικὰς καὶ τὰς σ]ιτικὰς κτλ., т. е. Евергетъ II въ такомъ случаѣ сохранялъ и за наслѣдственно-арендными договорами юридическую силу, что весьма понятно для того времени, когда въ эпоху смутъ враждующія партіи, примирившіяся теперь, раздавали изъ βασιλικόν на различныхъ другъ у друга условіяхъ имущество. Я конечно, отнюдь не настаиваю на моей реконструкціи, но хочу ею только подчеркнуть, какія возможныя толкованія допускаетъ данный текстъ въ виду своей плохой сохранности. Въ виду этого и основываться на испорченныхъ текстахъ и выводить изъ нихъ важныя слѣдствія—методъ весьма опасный, даже въ томъ случаѣ, если о данномъ предметѣ вообще не существуетъ другихъ лучше сохранившихся источниковъ [2]). Но онъ становится недопустимымъ, коль скоро имѣются тексты хорошо сохранившіеся и говорящіе обратное тому, о чемъ свидѣтельствуетъ испорченный текстъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился.

По вопросу о различіи правъ владѣнія на сады и на пахотную землю мы можемъ пользоваться, кромѣ испорченнаго параграфа προστάγματα, еще нѣсколькими текстами, хорошо сохранившимися [3]). При этомъ одинъ изъ нихъ, а именно неоднократно упомянутый XIV Eleph. P., являются царскимъ νόμος ὠνῆς, т. е. памятникомъ общаго характера; въ немъ продается изъ βασιλικόν, какъ мы видѣли, пахотная земля на равныхъ правахъ съ виноградниками. Поэтому о

---

1) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 27.

2) М. И. Ростовцевъ строитъ для римской Африки на основаніи испорченнаго текста выводъ о положеніи садовой земли, аналогичный тому, который онъ получилъ изъ названныхъ строкъ пятаго тебтунисскаго папируса о положеніи παράδεισοι и ἀμπελῶνες въ птолемеевскомъ Египтѣ, l. c., 347. Мнѣ казался бы подобный методъ немного опаснымъ; но тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ другихъ текстовъ, лучше сохранившихся, и свидѣтельствующихъ объ обратномъ положеніи.

3) XIV Eleph. P. (225 г.). B. G. U. 992 (162 г.). Gr. Pap. I, 11 (157 г.) и P. Gen. 20 (109 г.).

какомъ-либо привлеченіи Tebt. P. I, 5,99—103 въ дѣлѣ рѣшенія даннаго вопроса и рѣчи быть не можетъ. Каковъ бы ни былъ дѣйствительный видъ подлиннаго предписанія Евергета II, во всякомъ случаѣ, это предписаніе не противорѣчило бы νόμος ὠνῆς Евергета I, а вслѣдствіе этого и не говорило бы объ обезпеченіи права за купившими домъ, садъ, или виноградникъ, вмѣстѣ съ непризнаніемъ таковаго за купившими пахотную землю [1]). Предположеніе же, что при Евергетѣ I могла существовать и признаваться купля изъ βασιλικόν на равныхъ правахъ, какъ виноградниковъ, такъ и γῆ σπόριμος, во время же Евергета II купля суживается областью однихъ лишь домовъ, садовъ и виноградниковъ, конечно невѣроятно, ибо съ теченіемъ времени, при постепенномъ паденіи мощи Птолемеевой династіи, могло происходить лишь расширеніе, а отнюдь не ограниченіе права частнаго землевладѣнія. U. Wilcken былъ поэтому вынужденъ согласиться, что при продажѣ земли изъ βασιλικόν и притомъ земель, еще не причисленныхъ къ ὑπόλογον (лишь о таковой, кажется, рѣчь идетъ въ Eleph. P. XIV), право владѣнія на γῆ σιτόφορος и παράδεισοι и ἀμπελῶνες было тожественно и соотвѣтствовало наслѣдственной арендѣ [2]). Но, несмотря на это онъ все же надѣется спасти противопоставленіе права владѣнія садовой и право владѣнія пахотной землей. По его мнѣнію, лица, создавшія садовую землю изъ пустырей, пріобрѣтали на нее полное право владѣнія, которое за купленной садовой землей никогда не признавалось. Они поэтому, будучи настоящими владѣльцами, и не платили уже ἐκφόρια, а настоящіе налоги [3]). Основаніемъ этого положенія служитъ Wilcken'у предписаніе προστάγματα Евергета II въ Tebt. P. I, 5,93 сл., которое, какъ это ни странно, разсматривается, всѣми изслѣдователями, какъ устанавливающее эмфитевти-

---

[1]) Эту недоказательность даннаго отрывка пятаго тебтунисскаго папируса чувствовалъ, кажется, и М. И. Ростовцевъ, судя по 2 прим. къ стр. 110 l. c.; онъ сравниваетъ здѣсь προστάγματα Евергета II и эдиктъ префекта Тив. Александра относительно права продажи земель изъ βασιλικόν: der einzige Unterschied ist nur, dass aus diesen Verkäufen (scil. въ προστάγματα Евергета II) die γῆ σιτοφόρος scheinbar ausgeschlossen wird.

[2]) *U. Wilcken*, l. c. 285; *Preisigke* въ своемъ „Die Friedenskundgebung des Königs Euergetes II" не дѣлаетъ изъ Tebt. P. 5, 99—101, вывода о различеніи правъ на купленныя изъ βασιλικόν земли пахотную, или садовую, но понимаетъ значеніе даннаго предписанія эдикта, какъ признаніе купчихъ изъ βασιλικόν вообще l. c. 314.

[3]) *U. Wilcken*, l. c. B. I, H. II, введеніе къ № 339 и B. I, H. I, стр. 285.

ческое право владѣнія [1]): προστετάχασι δὲ καὶ τοὺς γεω(ργοῦντας) κα[[ὶ]]τὰ τὴν χώραν γ[ῆν ἀ]μπελῖτιν [ἢ] παραδείσους | ἃς ἂν καταφυτ[ε]ύσωσι ἐν τῆι κατακεκλ[υσ]μένηι καὶ κεχερ[σ]ωμένη{ς} | ἀπὸ τοῦ νγ' (ἔτους) ἕως τοῦ νζ' (ἔτους) ἀτελεῖς ἀφεῖναι ἀφ' οὗ ἂν α[ὐ]τὰς καταφυτεύσωσι ἐφ' ἔτηι ε' | κ[α]ὶ ἀπ[ὸ το]ῦ ς' (ἔτους) εἰς ἄλλα τρία ἔλασσον τοῦ καθήκοντος πράσσειν τῷ τετάρτωι | ἔτει, ἀπὸ δὲ τοῦ θ' (ἔτους) πάντας τελεῖν, καθὰ καὶ οἱ ἄλλοι [οἱ] τὴν [φ]όριμον κεκτημένοι.... Но даже и при такомъ пониманіи этого текста, съ выводомъ, который дѣлаетъ изъ него U. Wilcken, нельзя согласиться. Вѣдь засадившіе пустырь и превратившіе его въ виноградники и сады не причисляются къ особому классу владѣльцевъ садовой земли, а ко всѣмъ прочимъ владѣльцамъ φόριμος γῆ, платя вмѣстѣ съ ними всѣ φόροι: ἀπὸ δὲ τοῦ θ' ἔτους πάντας τελεῖν καθὰ καὶ οἱ ἄλλοι [οἱ] τὴν [φ]όριμον κεκτημένοι. Кромѣ того, какъ я уже намекнулъ, подобное пониманіе текста, какъ устанавливающаго эмфитевтическое право владѣнія, не соотвѣтствуетъ его реальному значенію. Единственная цѣль, которую преслѣдовалъ Евергетъ II этимъ предписаніемъ προστάγματα, было не установленіе новаго права владѣнія, а облегченіе платежей тѣмъ изъ γεωργοῦντες, которые вновь засаживали запустѣвшіе участки. Дѣйствительно, изъ словъ этого текста: „они (т. е. Евергетъ II и сестры его) предписали, чтобы провинціальные (κατὰ τὴν χώραν, въ противоположность Александріи) γεωργοῦντες виноградной земли и садовъ, которые они создадутъ или въ наводненной, или же лишенной орошенія почвѣ, освобождались отъ платежей (ἀτελεῖς ἀφεῖναι) въ промежуткѣ времени между 53 и 57 годомъ, начиная съ того года, въ которомъ они произведутъ засадку, на 5 лѣтъ, а съ шестого года въ теченіи слѣдующихъ 3 лѣтъ они платятъ вплоть до четвертаго года меньше положеннаго (καθήκοντος), съ этого же девятаго года они платятъ φόροι въ полномъ ихъ размѣрѣ (πάντας, scil. φόρους) подобно прочимъ владѣльцамъ (κεκτημένοι) земли, дающей φόρος (τὴν [φό]ριμον), γεωργοῦντες же въ области Александріи прибавляются, по сравненію съ провинціальными γεωργοῦντες, еще 3 года“, казалось бы невозможно вывести, кромѣ облегченія въ платежахъ, еще установленія какого-то особеннаго права владѣнія. Единственно, почему до сихъ поръ изслѣдователи приходили къ этому выводу, было то, что въ началѣ нашего текста

[1]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 15; *Preisigke*, l. c. 314, правда, въ своемъ комментаріи совсѣмъ не касается вопроса о правѣ владѣнія и говоритъ только о податномъ облегченіи, но, судя по прим. 1 къ той же страницѣ, онъ согласенъ со взглядомъ М. И. Ростовцева.

землевладѣльцы, приступавшіе къ καταφύτευσις своихъ запустѣлыхъ участковъ, называются γεωργοῦντες, потомъ же засадка эта предполагается законченной, и они причисляются къ οἱ ἄλλοι κεκτημένοι. Κεκτημένοι, какъ и κτῆμα, считались до сихъ поръ терминами съ опредѣленнымъ юридическимъ содержаніемъ, указывающими на полное право владѣнія, въ противоположность наслѣдственной и всякому другому виду аренды. Теперь мы знаемъ, что эти термины были столь же мало опредѣленны, какъ и вся прочая терминологія эллинистическаго времени, знаемъ, что въ Rev. L. col. 36,14 сл. терминомъ κεκτημένος обозначались и γεωργοῦντες: καὶ τ[οὺ]ς λοιποὺς πάντας τοὺς κεκτημένους | ἀμπελῶνας ἢ παραδείσους ἢ ἐν δωρεαῖς ἔχοντας ἢ γεωργοῦντας καθ' ὅντινουν τρόπον; а поэтому изъ обозначенія γεωργοῦντες вновь созданныхъ садовъ κεκτημένοι объ измѣненіи права ихъ владѣнія еще заключать нельзя. Если же Wilcken, кромѣ этого, пытается подкрѣпить свое положеніе о превращеніи эмфитевтовъ въ настоящихъ владѣльцевъ, указаніемъ на то, что они, какъ κεκτημένοι платятъ не ἐκφόρια, а настоящіе налоги, то, очевидно, онъ выводитъ это наблюденіе объ измѣненіи характера ихъ платежа изъ слова ἀτελεῖς. Эмфитевты становятся ἀτελεῖς на первые 5 лѣтъ. Кромѣ этого слова нѣтъ ничего, что̀ говорило бы за превращеніе платежей ихъ въ налоги. Подобный выводъ изъ употребленія текстомъ слова ἀτελεῖς кажется мнѣ страннымъ. Ἀτελής обозначаетъ состояніе свободное отъ платежей вообще, будь то ἐκφόρια, или φόροι, или τέλη, подобно тому, какъ и τελέω обозначаетъ платить вообще, какъ ἐκφόρια, такъ и τέλη [1]). Поэтому тотъ фактъ, что γεωργοῦντες нашего текста становятся ἀτελεῖς, не доказываетъ еще, что они не платятъ τέλη, а лишь то, что они свободны отъ какого-либо платежа; и изъ слѣдующихъ словъ предписанія мы узнаемъ, что они должны, на исходѣ льготныхъ лѣтъ, платить не τέλη, а нѣчто другое, не πάντα (scil. τὰ τέλη), а πάντας (scil. τοὺς φόρους). Но если даже и ἀτελής значило бы въ данномъ текстѣ, освобожденіе отъ платежа τέλη, то и это доказывало бы весьма мало. Дѣло въ томъ, что подъ τέλος отнюдь нельзя понимать лишь налогъ, какъ это готовъ думать Wilcken, но слѣдуетъ понимать также и платежи, которые не могутъ трактоваться съ иной точки зрѣнія, какъ и ἐκφόρια, а именно платежи, которые вносятъ государственные арендаторы земли, засѣянной кротономъ, или сезамомъ, съ каждой артабы

---

[1]) Точно также ἄφορος обозначаетъ не только землю, не приносящую φόρος, но и ἐκφόριον.

своего урожая, называются τέλη [1]). Изъ 43 col. 11 слѣд. Rev. L.: [ὅσ]οι δ' ἀτελεῖς εἰσιν κατὰ τὴν χώραν ἢ ἐν δ[ωρεᾶ]ι | [ἢ] ἐν συντάξει ἔχουσι<ν> κώμας καὶ γῆν κτλ., мы видимъ, что какъ разъ держатели γῆ ἐν ἀφέσει [2]), которые уже скорѣе несли платежи, подходящіе подъ категорію налоговъ, называются ἀτελεῖς, а наоборотъ ὑποτελεῖς [3]) составляютъ тотъ классъ людей, который по отношенію къ государству стоитъ въ томъ же правовомъ отношеніи, какъ и γεωργοὶ βασιλικοί, вмѣстѣ съ которыми онъ объединяется подъ общимъ названіемъ ἐπιπληγμένοι ταῖς προσόδοις въ одно сословіе отдѣленное отъ прочаго населенія извѣстными правами и большей зависимостью отъ правительственныхъ чиновниковъ [4]). Но если, такимъ образомъ, ни κεκτημένοι, ни ἀτελεῖς не указываютъ на какое-то особое право владѣнія, то, я думаю, дѣйствительно, единственной цѣлью предписанія Евергета II, дошедшаго до насъ въ Tebt. P. I, 5,93 было лишь облегченіе платежей для производящихъ καταφύτευσις въ запустѣвшей землѣ, а отнюдь не установленіе какого-либо особаго эмфитевтическаго права, какъ это предполагаетъ U. Wilcken. Это предписаніе Евергета II являлось единственнымъ текстомъ, который говорилъ, казалось бы, объ особомъ эмфитевтическомъ правѣ владѣнія на сады и виноградники. Коль скоро доказано, что этотъ текстъ говоритъ о совсѣмъ иномъ, то и само собой отпадаетъ положеніе о какихъ-то болѣе широкихъ правахъ эмфитевта садовой земли, чѣмъ эмфитевта пахотной [5]), за полнымъ отсутствіемъ матеріала, могущаго доказать это.

Подведемъ теперь итоги всему вышесказанному. Результатомъ его является то, что ни одинъ изъ аргументовъ, приведенныхъ М. И. Ростовцевымъ, а также и аргументъ Вилькена, не уполномочиваетъ насъ къ строгому разграниченію правъ владѣнія садовой и пахотной землями. Дѣйствительно, нельзя доказать и даже сдѣлать вѣроятнымъ ни особое положеніе усадебной земли по праву владѣнія на нее, ни принадлежность къ ней παράδεισοι и ἀμπελῶνες. Изъ обо-

---

[1]) Rev. Laws. col. 39—42 и col. 57—59.

[2]) Я въ пониманіи даннаго текста вполнѣ согласенъ съ *P. M. Meyer* и вмѣстѣ съ нимъ вижу здѣсь не только держателей γῆ ἐν δωρεᾷ, но и прочей γῆ ἐν ἀφέσει, кромѣ γῆ ἱερά. Hamburger P. Heft I, №.

[3]) См. противопоставленіе ἀτελής и ὑποτελής въ Rev. Laws col. 28,18—col. 29,1: [ἐ]ὰν δὲ τοῖς ἀτελέσι τὰ ὑποτελῆ γενή[μα]τα|[.......]λ[..] ὡς ὄντα τῶν ἀτ[ελων ἐπιμίσγωσι].

[4]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 63—65 и *U. Wilcken*, l. c. 247—248.

[5]) Судя на основаніи матеріала, даннаго *И. Н. Бороздинымъ* въ его интересной работѣ „Замѣтки по греческому эмфитевзису“ и въ самой Греціи право владѣнія эмфитевта пашни не отличалось отъ права владѣнія эмфитевта садовой земли.

значенія иной разъ садовъ и виноградниковъ κτήματα нельзя сдѣлать какого-либо вывода относительно особыхъ правъ владѣнія, въ виду, очевидно, широкаго употребленія этого термина въ эллинистическомъ Египтѣ, а также и вслѣдствіе того, что иногда право владѣнія обѣими категоріями земель называется одинаково κέκτημαι и словомъ, тожественнымъ по значенію съ κτῆμα, κτῆσις. Правового различія между платежами садовой и платежами пахотной земли также нельзя установить. Какого-либо различія въ гарантіи правъ на γῆ σιτόφορος, съ одной, и ἀμπελῶνες и παράδεισοι, съ другой стороны, при продажѣ изъ βασιλικόν, не существовало. Предположеніе о существованіи какого-то эмфитевтическаго права на садовую землю, недоказуемо, за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ.

Изъ этого ряда отрицательныхъ сужденій возможенъ выводъ о равенствѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, права владѣнія обѣими категоріями земель. Но для полнаго и удовлетворительнаго рѣшенія вопроса, поставленнаго мною, необходимо еще установить, распространялось ли это равенство права владѣнія садовой и права владѣнія пахотной землями на всѣ разряды земель, на которыя распадался птолемеевскій Египетъ, если брать въ основу дѣленія лицо ихъ владѣтеля, т. е. на γῆ ἐν ἀφέσει и ея подраздѣленія γῆ ἰδιόκτητος, ἱερά, κληρουχική и ἐν δωρεᾷ и на γῆ βασιλική, или же только на часть ихъ. Въ предѣлахъ же каждой изъ названныхъ категорій надо прослѣдить, существовало ли это равенство въ теченіе всей птолемеевской эпохи, или же только одного періода ея, повсемѣстно въ птолемеевскомъ Египтѣ, или же только въ нѣкоторыхъ областяхъ его.

Начнемъ съ γῆ ἰδιόκτητος. Это названіе одной изъ категорій земель, и владѣтели ея, ἰδιοκτήμονες, встрѣчаются лишь по одному разу въ птолемеевскихъ папирусахъ и то въ сравнительно позднее время, во вторую половину II вѣка, хотя, правда, въ документахъ общаго характера въ часто упоминаемыхъ προστάγματα Евергета II (P. Tebt. I, 5,110—111): κατεσχή]κασι [τ]οὺς δὲ τὴν ἰδιόκτητον καὶ τ[ὴν ἱερὰν καὶ τὴν κληρουχικὴ]ν καὶ τὴν ἄλλην | τὴν ἐν ἀφέσει... и προστάγματα, касающихся спеціально клеруховъ, вѣроятно, того же царя (P. Tebt. 124,32): ἕτεροι δὲ ἐξ ἰδιοκτη(μόνων) καὶ ἐξ ἄλλων εἰδῶν μεταβεβή(κασιν) εἰς τὴν κα(τοικίαν). Поэтому нѣчто опредѣленное относительно ея нельзя установить. Но, именно, благодаря этой неопредѣленности и понимая подъ ней вообще землю, находящуюся въ частномъ владѣніи [1]),

[1]) Внѣ разсмотрѣнія останутся земли, приписанныя къ области греческихъ го-

можно втиснуть въ нее такія земли, которыя не подходятъ подъ другія подраздѣленія γῆ ἐν ἀφέσει, характеръ которыхъ намъ все же яснѣе. М. И. Ростовцевъ и U. Wilcken разсматриваютъ подъ видомъ подобнаго неопредѣленнаго частнаго землевладѣнія землю, проданную изъ βασιλικόν въ наслѣдственную аренду [1]). Этотъ видъ, дѣйствительно, прекрасно согласовался бы съ этимологическимъ значеніемъ γῆ ἰδιόκτητος, т. е. земли, пріобрѣтенной на собственныя средства [2]). Источникомъ для знакомства съ этимъ классомъ земель для второй половины вѣка, является памятникъ общаго характера, а именно часто упомянутый мною XIV элефантинскій папирусъ, νόμος ὠνῆς Евергета I. Этотъ текстъ, какъ мы видѣти, трактовалъ виноградники, какъ и γῆ σπόριμος, проданные изъ βασιλικόν, на вполнѣ равныхъ правахъ. Отъ середины II вѣка мы имѣемъ для Ѳиваиды цѣлый рядъ частныхъ актовъ, свидѣтельствующихъ продажу изъ βασιλικόν, какъ садовой, такъ и пахотной земли, безъ какого-либо различія въ правѣ владѣнія [3]). Отъ 118—117 г. дошелъ до насъ 5 тебтунисскій папирусъ, содержащій копію комограмматевса προστάγματα Евергета II. Въ нихъ, какъ мы видѣли, тоже говорится о продажѣ изъ βασιλικόν недвижимаго имущества. Къ сожалѣнію, свидѣтельство его не имѣетъ никакой цѣны, въ виду завѣдомо испорченнаго состоянія текста (см. выше). Да его, пожалуй, и не требуется для удовлетворительнаго рѣшенія интересующаго вопроса. Вѣдь уже на основаніи прочихъ хорошо сохранившихся источниковъ доказывается существованіе равенства правъ владѣнія на купленныя изъ βασιλικόν земли садовую и пахотную [4]). М. И. Ростовцевъ (l. c. 41) и U. Wilcken (l. c. 285) причисляютъ къ особому виду частновладѣльческой земли также и землю, сданную въ μίσθωσις ἐξ ἀξίας, съ которой познакомили насъ тебтунисскіе

родовъ (Александріи, Навкратиса и Птолемаиды). Земли этихъ городовъ, какъ и внѣегипетскихъ греческихъ городовъ, трактовались по особому праву. По отношенію къ нимъ царь отказался отъ своего права собственника. Граждане этихъ городовъ имѣли право пріобрѣтать себѣ свободную отъ податей поземельную собственность. Ср. *Wilcken*, l. c. 286 и Δικαιώματα, замѣтка къ 142 стр.

1) *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 41 и *U. Wilcken*, l. c. 285.

2) γῆ ἰδιόκτητος имѣется еще и въ римское время и является однимъ изъ разрядовъ γῆ ἰδιωτική. По предположенію Wilcken'a, въ составъ γῆ ἰδιόκτητος входили земли, купленныя изъ βασιλικόν, которыя были еще плодородными, въ противоположность γῆ ἐωνημένη, которая составлялась изъ неплодородныхъ земель, проданныхъ βασιλικόν.

3) См. перечисленіе ихъ у *Wilcken*, l. c. 285.

4) См. выше.

папирусы 61 b и 72. Это γῆ βασιλική, потерявшая свою обычную доброкачественность и сдаваемая поэтому въ аренду не на основаніи нормальныхъ арендныхъ контрактовъ (уплата τὰ ἐκφόρια ἐπιγεγραμμένα), а на основаніи новыхъ, принявшихъ во вниманіе ея временную малоцѣнность, ἐξ ἀξίας, согласно ея реальной цѣнности. Но, вѣдь, это земля, сданная ἐξ ἀξίας, продолжала числиться въ составѣ γῆ βασιλική; поэтому я считаю неудобнымъ выдѣлять ее при классификаціи земель на основаніи различія правъ владѣнія на нее, изъ класса государственной земли въ составъ γῆ ἰδιόκτητος, ибо въ такомъ случаѣ классификація современная не соотвѣтствовала бы классификаціи, установленной чиновниками птолемеевскаго государства. Можетъ быть, правда, и проданная въ наслѣдственную аренду земля тоже считалась γῆ βασιλική, но этого мы доказать не можемъ на основаніи текстовъ, и поэтому имѣемъ до поры до времени право, для удобства классификаціи, считать ее не входящей въ составъ государственной земли. Къ γῆ, сданной въ аренду ἐξ ἀξίας, я еще вернусь при изслѣдованіи положенія садовой и пахотной земли въ области γῆ βασιλική (см. выше). Вмѣсто нея я причислилъ бы сюда земли, о которыхъ говорится въ такъ называемой Gebelen-серіи, документахъ, относящихся къ области около Θивъ, а по времени ко второй половинѣ II вѣка, эпохи правленія Евергета II, какъ и тебтунисскіе папирусы Фаюма [1]). Контрагентами этой серіи, являются, наряду съ нѣсколькими жрецами, лица, положеніе которыхъ не квалифицируется ближе и, наконецъ, загадочные Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς [2]). М. И. Ростовцевъ полагаетъ, что въ военномъ происхожденіи этихъ Πέρσαι сомнѣваться нельзя, а потому можно сравнивать положеніе ихъ съ положеніемъ прочихъ клеруховъ и считать земли ихъ входящими въ составъ γῆ κληρουχική [3]). Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς извѣстны намъ не только изъ Θиваиды, но и изъ другихъ областей Египта, и изъ другихъ временъ, чѣмъ конецъ царства Евергета II: изъ Фаюма времени правленія Евергета I [4]), а также перехода отъ II къ I вѣку [5]),

---

[1]) См. перечисленіе ихъ у *М. И. Ростовцева,* l. c. 25 прим. 1—6. Здѣсь они перечислены по тѣмъ различнымъ сдѣлкамъ, которыя производятся въ нихъ надъ γῆ σιτόφορος. На стр, 25—26 перечисляются всѣ прочіе папирусы, упоминающіе сдѣлки надъ остальнымъ недвижимымъ имуществомъ, домами, садами, виноградниками.

[2]) См. перечисленіе ихъ у *М. И. Ростовцева,* l. c. 25.

[3]) *М. И. Ростовцевъ,* l. c. 12 прим. 1.

[4]) P. Petrie, III, 21 g.

[5]) P. Tebt. I. 104, 105, 109, 110 и 156.

изъ Оксиринха или Гераклеополиса середины III в. [1]), изъ Александріи августовскаго времени [2]). Наряду съ ними въ текстахъ III вѣка попадаются многочисленные представители самыхъ различныхъ греческихъ городовъ и племенъ и варварскихъ народностей, съ опредѣленіемъ τῆς ἐπιγονῆς. Мы имѣемъ 'Αλεξανδρεύς [3]), 'Αθηναῖος [4]), Συρακούσιος [5]), Κυρηναῖος [6]), Καρδιανός [7]), изъ представителей греческихъ племенъ, Μακεδών [8]), Βοιώτιος [9]), Κρής [10]), изъ варварскихъ народностей Θρᾷξ [11]), Μυσός [12]), Λίβυς [13]) и 'Ιουδαῖος [14]), кромѣ названныхъ персовъ. Это все элементы, изъ которыхъ составлялись разношерстныя наемническія войска діадоховъ [15]). Стоятъ они также въ какой-то связи

---

1) P. Hibeh, 93.
2) *Schubart, Archiv,* V, 106 сл.
3) P. Petrie, III 6a, 11, 21, 13.
4) P. Petrie, III 21 g.
5) P. Petrie, III 21 d.
6) P. Hibeh, 34, 52, 86, 90, 124. P. Petrie, III, 14.
7) P. Petrie, III, 6 a, 21 f.
8) P. Petrie, III, 11, 13 a, 21 b.
9) P. Hibeh, 96.
10) P. Hibeh, 92.
11) P. Hibeh, 30, 37, 92; P. Petrie, III, 21 a, 58 d.
12) P. Hibeh, 32, 129.
13) P. Petrie, III, 1, 61 h.
14) P. Petrie, III 21 g.
15) Въ текстахъ II вѣка P. Tebt. I и Гебеленской серіи мы имѣемъ лишь или Μακεδόνες τῆς ἐπιγονῆς, или же Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς. Можетъ быть, это объясняется мѣстной особенностью. Въ тѣхъ мѣстахъ происхожденія названныхъ документовъ могли не существовать иныхъ разрядовъ τῆς ἐπιγονῆς. Сравнительную многочисленность Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς въ Гебеленѣ можно еще, пожалуй, объяснить себѣ тѣмъ, что въ составъ ихъ попали и клерухи персидскаго времени, составлявшіе гарнизонъ Гебелена и превращенные Птолемеями изъ активныхъ солдатъ въ извѣстный разрядъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, подобно тому, какъ это сдѣлало римское правительство съ птолемеевскими клерухами. Но причина исчезновенія другихъ категорій τῆς ἐπιγονῆς, кромѣ Μακεδόνες и Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς можетъ быть и временная особенность. Правительство могло во II в. слить всѣхъ τῆς ἐπιγονῆς въ 2 большія группы—всѣхъ грековъ въ Μακεδόνες τῆς ἐπιγονῆς а всѣхъ варваровъ въ Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς, сохранивъ въ силѣ подраздѣленіе по національностямъ лишь по отношенію къ активному военному классу. Это предположеніе наиболѣе вѣроятно и мнѣ кажется его можно подкрѣпить свидѣтельствами нѣкоторыхъ текстовъ. Изъ Tebt. P. I, 32 (145 г. до Р. Х.) мы узнаемъ, что одинъ ἔφοδος, являющійся какъ таковой Μακεδών, сдѣлавшись κάτοικος ἱππεύς причисляется къ πολίτευμα τῶν Κρητῶν. Ἔφοδοι были не настоящими военными, а полицейскими и, будучи не военными, они могли быть только Μακεδόνες (τῆς ἐπιγονῆς), или Πέρσαι (τῆς ἐπιγονῆς). Попадая же

съ клерухами: они берутся послѣдними въ качествѣ свидѣтелей при своихъ сдѣлкахъ [1]), иной разъ являются арендаторами клеровъ [2]). Но, съ другой стороны, ни у одного изъ этихъ τῆς ἐπιγονῆς не упоминается о его κλῆρος, или объ его военномъ положеніи. Наоборотъ, какъ это замѣтилъ U. Wilcken, ни одинъ изъ сотенъ извѣстныхъ намъ дѣйствительныхъ клеруховъ не названъ τῆς ἐπιγονῆς [3]). Мы имѣемъ даже текстъ, который, очевидно, противопоставляетъ клеруховъ лицамъ τῆς ἐπιγονῆς, и на который указываетъ Grenfell-Hunt, а именно Tebt. P. I, 105, 52 слѣд., гдѣ одному Μακεδών противопоставлены пять Μακεδόνες τῆς ἐπιγονῆς. Мы видимъ, такимъ образомъ, что, съ одной стороны, лица τῆς ἐπιγονῆς стоятъ въ извѣстной связи съ клерухами, съ другой—противопоставляются имъ. Что же такое представляютъ собою эти τῆς ἐπιγονῆς? До сихъ поръ понимали подъ ἐπιγονή новое поколѣніе, которое еще не получило, но получитъ, по смерти отцовъ своихъ, κλῆρος [4]). Мнѣ казалось бы подобное пониманіе τῆς ἐπιγονῆς мало вѣроятнымъ. Въ такомъ случаѣ лица τῆς ἐπιγονῆς должны были быть моложе 40 лѣтъ (P. Petrie, III, 4, 2; 6 a, 42; Grenfell, Greek Papyri, II, 20, 11), 45 лѣтъ (Grenfell, Greek Papyri, II, 23 a, 5—6; 32, 4), 50 лѣтъ (P. Petrie, III, 6 a, 44) и 56 лѣтъ (P. Petrie, III, 7, 21). Кромѣ того, это пониманіе τῆς ἐπιγονῆς оставляетъ безъ вниманія ту часть потомства клеруховъ, которое вообще не по-

---

въ число военныхъ они причисляются къ той національности, къ которой они, дѣйствительно, принадлежали. Fayûm Papyri, XI, 6 и XII, 3 знакомитъ насъ съ аналогичной метаморфозой, но не Μακεδών, а Πέρσης τῆς ἐπιγονῆς. Въ первомъ изъ нихъ (115 г. до Р. Х.) нѣкто фигурируетъ, какъ Πέρσης τῆς ἐπιγονῆς, а во второмъ (103 г. до Р. Х.) оно является Μυσὸς τῆς τετάρτης ἱππαρχίας (ἑκατον ἀρουρος). За эти 12 лѣтъ онъ успѣлъ сдѣлаться активнымъ воиномъ и какъ таковой былъ причисленъ по своей національности. До открытія новаго матеріала этотъ вопросъ лучше оставить открытымъ.

[1]) Напр. въ серіи завѣщаній P. Petrie, III 1—20.

[2]) Напр. P. Hibeh, 90.

[3]) *U. Wilcken*, l, c. 384.

[4]) *Grenfell-Hunt*, Tebt. P. I, 557. Съ нимъ соглашается *U. Wilcken* въ прим. 3 къ стр. 384. l. c. По мнѣнію *Schubart* (*Archiv*, V, 107 сл., Alexandrinische Urkunden aus der Zeit des Augustus), подъ лицами τῆς ἐπιγονῆς надо понимать позже переселившихся представителей какой-либо народности, по сравненію со старымъ ядромъ ея, пришедшимъ въ Египетъ съ первыми Лагидами, см. возраженія U. Wilcken'a, l. c. ibidem. Мнѣ тоже кажется предположеніе Schubart'a, мало вѣроятнымъ, ибо всѣ эти македоняне, критяне, персы и прочіе приходили въ Египетъ, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ военной службы, а къ таковой лица τῆς ἐπιγονῆς совсѣмъ не причастны, на что указываетъ самъ же Schubart.

лучало κλῆρος, но которое также, надо полагать, выдѣлялось изъ прочей массы населенія. Въ виду этого я предложилъ бы иное болѣе широкое значеніе τῆς ἐπιγονῆς.

На это новое значеніе ἐπιγονή въ употребленіи τῆς ἐπιγονῆς наводитъ меня то значеніе слова, происходящаго отъ того же корня, что и ἐπιγονή — ἐπίγονος, которое мы находимъ въ греческомъ словарѣ, хотя бы Pape: dazu danach geboren по сравненію съ чѣмъ-нибудь. Подъ ἐπιγονή въ такомъ случаѣ надо было бы понимать то, что къ чему-то, или послѣ чего-то родилось. Этимъ „что-то" могло, конечно, быть и предшествующее поколѣніе, по отношенію къ которому послѣдующее является „прирожденіемъ", но могло оно и обозначать старшихъ членовъ поколѣнія, по отношенію къ которымъ болѣе младшіе являются чѣмъ-то прирожденнымъ [1]). Потому я и предложилъ бы понимать подъ лицами τῆς ἐπιγονῆς всѣхъ тѣхъ, которые родились у лица, владѣющаго въ данный моментъ клеромъ, будь то старшій сынъ по отношенію къ еще не умершему отцу клеруху, или еще тѣ братья какой-либо семьи клеруховъ, которые родились къ первому, или послѣ перваго сына, получавшаго κλῆρος отца, и оставались потому безъ земельнаго надѣла, ибо κλῆρος, по понятію своему, не былъ дѣлимъ. Подобное пониманіе τῆς ἐπιγονῆς объяснило бы намъ и фактъ равнаго соціальнаго положенія лицъ τῆς ἐπιγονῆς, и фактъ отсутствія у нихъ признаковъ военнаго положенія, а также ихъ сравнительно пожилой возрастъ, и охватывало бы все потомство клеруха. Эти лица τῆς ἐπιγονῆς могли, конечно, стать такими же землевладѣльцами, какъ и старшій ихъ, получившій κλῆρος отца. Они могли взять въ аренду κλῆρος (см. выше), или участокъ γῆ βασιλική; они могли себѣ купить, наконецъ, въ наслѣдственную аренду кусокъ земли изъ βασιλικόν [2]). Въ такомъ случаѣ они превращались въ ἰδιοκτήμονες (см. выше), а, какъ таковые, и могли войти по желанію въ составъ клеруховъ, судя по предписанію вышеназваннаго P. Tebt. I, 124, 32: ἕτεροι δὲ ἐξ ἰδιοκτη(μόνων) καὶ ἐξ ἄλλων εἰδῶν μεταβεβή(κασιν) εἰς τὴν κα(τοικίαν) κτλ. Такъ, вѣроятно, посту-

[1]) Что ἐπίγονος могли обозначаться члены одного и того же поколѣнія по сравненію другъ съ другомъ, доказывается опредѣленіемъ Платона (Legg. V, 740) значенія этого слова, служащаго опредѣленіемъ сына второго брака, по сравненію съ сыномъ перваго брака: εἰ δὲ καὶ ἐκ διαφόρων μητέρων εἶεν, ἐπίγονος ἂν ὁ δεύτερος τῷ προτέρῳ ὀνομάζοιτο.

[2]) Они могли, пожалуй, стать землевладѣльцами и въ области ἱερὰ πρόσοδος, напр., храма Гаторы въ Гебеленѣ, см. *P. M. Meyer* къ Giessen. P. № 37, II, 3.

пали многіе изъ нихъ, чтобы платить вмѣсто тяжелыхъ τὰ ἐκφόρια ἐπιγεγραμμένα болѣе льготные платежи, которыми была обложена γῆ κληρουχική. Ἰδιοκτήμονες, не превратившіеся еще въ κληροῦχοι, были и Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς Gebelen-серіи, по крайней мѣрѣ, землевладѣніе ихъ не подходитъ ни подъ одинъ изъ другихъ болѣе извѣстныхъ намъ видовъ γῆ ἐν ἀφέσει. Что касается права владѣнія этихъ персовъ на ихъ участки пахотной и садовой земель, то и М. И. Ростовцевъ въ своемъ исчерпывающемъ разборѣ папирусовъ Gebelen-серіи на стр. 12 — 13, 25 — 27 и 37 l. c. приходитъ къ выводу, что они, какъ и прочіе контрагенты названной серіи, пользуются столь же широкимъ правомъ владѣнія на свои участки γῆ σιτόφορος, какъ и на дома, виноградники и сады, принадлежащіе имъ [1]). Но установивши этотъ фактъ, подрывающій въ корнѣ, казалось бы, его тезисъ, о строгомъ различеніи правъ владѣнія садами и γῆ σπόριμος, М. И. Ростовцевъ пытается умалить цѣнность этого тожества правъ владѣнія обѣими категоріями земель въ Гебеленскихъ папирусахъ указаніемъ на его лишь мѣстное значеніе. Если, дѣйствительно, разсуждаетъ онъ, для Ѳиваиды доказывается Гебеленскими папирусами, столь же полное право на пахотную землю, какъ и на ἀμπελῶνες и παράδεισοι, то причина этого явленія та, что въ Ѳиваидѣ, древнемъ центрѣ фараоновскаго Египта, Птолемеи не имѣли полной свободы въ регулированіи отношеній владѣнія. Здѣсь могло образоваться уже въ до-птолемеевское время частное владѣніе пахотной землей, которое Птолемеямъ пришлось волей неволей признать [2]). Фаюмъ же, гдѣ безпрерывно въ теченіе столѣтій отвоевыва-

---

[1]) На стр. 12 l. c. М. И. Ростовцева поражаетъ, правда, то обстоятельство, что γῆ σιτόφορος нигдѣ не завѣщается, но въ виду того факта, что пахотная земля разъ названа πατρική (Gr. Pap. I, 33), онъ приходитъ на 39 стр. l. c. къ выводу, что „Die verebpachteten Saatländereien (къ нимъ онъ въ данномъ случаѣ причисляетъ и земли Гебеленской серіи) stehen im Vollbesitze ihrer Pächter. Sie dürfen dieselben vermachen, verkaufen, verpfänden und verpachten. Этотъ выводъ тѣмъ болѣе необходимъ, что мы имѣемъ прямое свидѣтельство завѣщанія Гебеленскими контрагентами пахотной земли. Въ *Archiv* I (1901 г.) были изданы *Grenfell-Hunt*'омъ „Ptolemaic papyri in the Gizeh Museum". Среди нихъ имѣется одинъ Гебеленскій папирусъ отъ 123 г. до Р. Х., содержаніемъ котораго служитъ завѣщаніе нѣкоего Пахнубиса въ пользу жены своей, соціальное положеніе которой опредѣлено, какъ Περσίνη. Онъ отказываетъ ей, наряду со скотомъ и домомъ, также и γῆς ἠ[πείρ]ου σιτ[οφόρο]υ (ἀρούρας) δεκαδύω.

[2]) Отъ IX в. до Р. Х. дошла до насъ стела одного изъ верховныхъ жрецовъ Амона, закрѣпляющая завѣщаніе его. На основаніи его мы можемъ заключить, что уже тогда въ Ѳиваидѣ существовали землевладѣльцы, у которыхъ завѣщатель скупилъ свои земли,

лась новая земля у пустыни [1]), господствовали иныя отношенія. Эту точку зрѣнія на Фаюмъ, какъ на „новь", М. И. Ростовцевъ подкрѣпляетъ установленіемъ различія аграрныхъ условій, рисуемыхъ намъ тебтунисскими папирусами времени Евергета II, съ аргарными условіями, о которыхъ свидѣтельствуютъ гебеленскіе тексты эпохи того же царя. Въ Тебтунисѣ, или въ деревняхъ вблизи него, первую роль играютъ γεωργοὶ βασιλικοί, и лишь на второмъ планѣ стоятъ клерухи, а на третьемъ жрецы. Въ Θиваидѣ, наоборотъ, γεωργοὶ βασιλικοί упоминаются рѣдко, и преобладающимъ элементомъ среди землевладѣльцевъ являются клерухи и жрецы. Въ Θиваидѣ при этомъ клерухи, съ которыми М. И. Ростовцевъ отожествляетъ Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς (см. выше), представляютъ настоящихъ землевладѣльцевъ, и о κλῆρος ихъ не говорится ни слова, въ Фаюмѣ же они, наоборотъ, настоящіе клерухи безъ владѣнія съ прекарнымъ κλῆρος. О землевладѣніи на землю пахотную, съ которымъ насъ знакомитъ гебеленская серія, мы ничего не узнаемъ изъ тебтунисскихъ папирусовъ. Παράδεισοι и ἀμπελῶνες перечисляются въ большомъ количествѣ лишь въ Магдолѣ, а въ Фаюмѣ преобладаетъ арендованная γῆ σιτόφορος [2]). Эти два положенія М. И. Ростовцева: 1) Фаюмъ

см. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*, 1897, 22 (*Adolf Erman*, Zu den Legrain'schen Inschriften). Тамъ же Эрманъ перечисляетъ еще нѣсколько другихъ текстовъ подобнаго характера изъ приблизительно того же времени.

[1]) Вѣрнѣе у озера, ибо главнымъ образомъ на счетъ этого послѣдняго расширялась площадь плодородной земли Фаюма, а не на счетъ окружающей пустыни. См. *Grenfell-Hunt*, Fajûm towns and their papyri, I часть введенія. The ancient geography of the Fajûm.

[2]) *М. И. Ростовцевъ*, I. c. 29. Та же мысль о совершенно особомъ положеніи Фаюма среди прочихъ номовъ Египта была, вѣроятно, исходнымъ пунктомъ соображеній М. И. Ростовцева, когда онъ, несмотря на свидѣтельство XIV Eleph. P. воспользовался для рѣшенія вопроса о правѣ владѣнія на различные виды, купленныхъ изъ βασιλικόν земельныхъ угодій, испорченнымъ текстомъ Tebt. P. I, 99—101. Онъ разсуждалъ, надо полагать, такъ: въ виду яснаго свидѣтельства P. Eleph. XIV продажа пахотной земли была, конечно, введена въ оригинальныя προστάγματα Евергета II. Въ копіи этого текста, дошедшей до насъ въ Tebt. P. 5 она могла быть опущена по небрежности, но она могла также отсутствовать въ данномъ текстѣ, будучи пропущена писцомъ копіи сознательно, за ненадобностью. Въ Фаюмѣ, въ которомъ почва завоевывалась для культуры усиліями государства, господствовали, конечно, иные порядки, чѣмъ въ прочихъ областяхъ Египта. Одною изъ этихъ особенностей было отсутствіе частновладѣльческой γῆ σπόριμος. Поэтому она и отсутствовала среди прочихъ объектовъ продажи изъ βασιλικόν, ибо изъ послѣдняго продавались, на правахъ частнаго владѣнія, лишь земли, бывшія и раньше въ частномъ владѣніи (l. c. 18). При такомъ предположеніи сохранялась за свѣдѣтельствомъ P. Tebt. I. 5, 99—101 все же извѣстная цѣнность.

птолемеевской эпохи—Neuland и 2) особыя условія землевладѣнія въ Фаюмѣ, а также та причинная связь, въ которую онъ ставитъ ихъ между собой, вызываетъ недоумѣніе, которое требуетъ тщательнаго изслѣдованія данныхъ вопросовъ. Изслѣдованіе это выводитъ меня за рамки обсуждаемаго вопроса о положеніи садовой и пахотной земли въ одномъ изъ подраздѣленій γῆ ἰδιόκτητος, въ области земли гебеленскихъ папирусовъ, но оно необходимо.

Названные взгляды М. И. Ростовцева могутъ внѣдриться въ научной литературѣ и обусловить ходъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области аграрной исторіи птолемеевскаго Египта, что̀ было бы нежелательно, ибо уже первое изъ положеній М. И. Ростовцева „Фаюмъ времени Птолемеевъ—Neuland“ является неисторичнымъ, по крайней мѣрѣ, какъ онъ его формулировалъ. На это указывалъ Б. А. Тураевъ уже въ 1908 г. на диспутѣ М. М. Хвостова, придерживающагося той же точки зрѣнія на положеніе Фаюма, что и М. И. Ростовцевъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ птолемеевскій Фаюмъ въ видѣ „Neuland“, коль скоро мы имѣемъ свѣдѣнія объ этой области Египта отъ времени около 2700 г. до Р. Хр. Одинъ вельможа царя этой эпохи Снофру упоминаетъ въ описаніи своей чиновничьей карьеры и то, что онъ былъ назначенъ номархомъ восточнаго Фаюма [1]). Богъ Собкъ въ Крокодилополисѣ, метрополіи Фаюма, пользуется славой также уже въ древнее царство. Онъ упоминается въ надписяхъ Неусерре, царя V династіи, и въ текстахъ пирамидъ [2]). О Фаюмѣ переходной эпохи отъ древняго къ среднему царству мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. Въ эпоху IX и X династій, когда Гераклеопольскій номъ сталъ господствующей областью Египта, цари гераклеопольскихъ династій заботились, конечно, и о благосостояніи сосѣдняго родному ихъ ному Фаюма [3]). Обильны свѣдѣнія о дѣятельности царей XII династіи въ Фаюмѣ. Они переносятъ сюда свою столицу, чтобы быть вблизи тѣхъ грандіозныхъ работъ, которыя производятся ими въ этой мѣстности. Приливъ воды регулируется шлюзомъ у Иллахуна, а долина Нила защищается отъ наводненія большою дамбой. Они увеличиваютъ ареалъ плодородной земли по подсчетамъ Brown'а, изслѣдо-

---

[1]) *J. H. Breasted*, Ancient Records of Egypt, I, 174.

[2]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, § 293 A и *Maspero*, Le Fayoûm et le lac Moëris (Bibliothèque égyptologique, XXVIII, 137—145).

[3]) На мѣстѣ самого Гераклеополиса, являющагося центромъ страны въ теченіе IX—X династій, найдены какъ самые древніе остатки прошлаго, памятники XII дин.

вавшаго положеніе и исторію Фаюмскаго озера, на 27.000 акровъ [1]). Они украсили Фаюмъ великолѣпными сооруженіями, одно изъ которыхъ лабиринтъ, былъ еще предметомъ восхищенія греческихъ и римскихъ туристовъ.

Слѣды дѣятельности XII династіи дошли до насъ изъ самыхъ различныхъ мѣстъ Фаюма. Изъ Иллахуна и Гавара, при входѣ въ Фаюмъ, изъ области вокругъ Крокодилополиса, изъ юга, деревни Тебтуниса, и изъ сѣвера, Диме [2]). И новое царство даетъ намъ матеріалы по исторіи Фаюма. У входа его возникаетъ новый городъ на мѣстѣ современнаго Мединетъ Гуробъ [3]). Гробницы этой эпохи имѣются въ Тебтунисѣ. Слѣды жизни новаго царства сохранились, кажется, и въ Urum el 'Atl на сѣверо-востокѣ Фаюма [4]). Въ большомъ папирусѣ Гарриса царя Рамзеса IV упоминаются среди прочихъ боговъ, одаренныхъ отцомъ царя Рамзесомъ III и боги Фаюма [5]). При царѣ Піанхи Фаюмъ имѣетъ своего царя, какъ и прочіе номы [6]). Въ персидское время Фаюмъ также не забывается. Изъ ошибочнаго предположенія Геродота объ искусственномъ происхожденіи Фаюмскаго озера можно заключить о существованіи дамбъ, ограждающихъ завоеванныя у озера поля и въ его время, ибо только, видя эти дамбы, онъ могъ придти къ подобному предложенію. Изъ существованія дамбъ онъ долженъ былъ заключить, что одно изъ двухъ, или озеро или поля, которыя находятся по обѣимъ сторонамъ ихъ, должны быть искусственнаго происхожденія. Ему показалось первое предположеніе, искусственное происхожденіе озера, болѣе вѣроятнымъ, въ виду того громаднаго значенія, которое играло въ Египтѣ искусственное орошеніе, и поэтому сооруженіе такого громаднаго запаснаго резервуара ему представлялось особенно заманчивымъ. Фаюмъ сохранилъ бы намъ еще больше памятниковъ до-птолемеевскаго періода [7]), если бы не начинающійся

---

[1]) *Grenfell-Hunt*, Fayûm Towns and their papyri, 6.

[2]) *Grenfell-Hunt*, l. c. ibidem.

[3]) *Fl. Petrie*, Kahun, Gurob a. Hawara, 32 сл. и *Fl. Petrie*, Illahun, Kahun and Gurob.

[4]) *Grenfell-Hunt*, l. c. 8.

[5]) *J. H. Breasted*, l. c. IV 369.

[6]) *J. H. Breasted*, l. c. IV 818 n. g.

[7]) Я не претендую на то, чтобы мое собраніе матеріала по исторіи до-птолемеевскаго Фаюма было исчерпывающимъ. Для моей цѣли оно показалось мнѣ достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что въ ближайшемъ будущемъ появится трудъ И. М. Волкова, монографія о богѣ Собкѣ Фаюмскомъ, въ которомъ онъ дастъ полнѣйшій сводъ всѣхъ свѣдѣній, имѣющихся у насъ о Фаюмѣ.

съ VII в. процессъ перенесенія центра тяжести съ юга на сѣверъ. Въ то время, какъ югъ все больше и больше хирѣетъ, сѣверъ процвѣтаетъ [1]). Надъ городами юга не появляются новыя поселенія, разрушающія старыя, а на сѣверѣ, наоборотъ, старые города, или деревни зарастаютъ новыми, пользующимися строительными матеріалами своихъ предшественниковъ [2]). Но для нашей цѣли, именно для доказательства невозможности представлять себѣ номъ Арсинои въ видѣ „Neuland“, Фаюмъ сохранилъ достаточно свѣдѣній о своемъ до-птолемеевскомъ періодѣ.

Изъ этихъ свѣдѣній я, конечно, не хочу сдѣлать того вывода, что Птолемеи ничего не сдѣлали для Фаюма, что они совсѣмъ не являются тѣми великими колонизаторами, которыхъ мы привыкли въ нихъ видѣть. Такому выводу противорѣчили бы свидѣтельства о грандіозныхъ оросительныхъ работахъ Птолемеевъ [3]), а также и обиліе въ Фаюмѣ деревень съ греческими именами [4]). Поэтому я хочу ограничиться разсмотрѣніемъ положенія Фаюмъ—Neuland для эпохи Лагидовъ, въ отношеніи пространства. Дѣло въ томъ, что Фаюмъ не является площадью равномѣрной по уровню во всѣхъ своихъ пунктахъ. Наоборотъ, онъ представляется путешественнику, смотрящему на него внизъ изъ пустыни около Нила въ видѣ „of a crescent-shaped plate, deepening very gradually as it reaches the outer rine, and halding in the bottom of this curved depression the water of the lake“ [5]). Причина этого явленія та, что центральная часть области образуется изъ трехъ плоскостей съ наклономъ къ низу въ сѣверо-западномъ направленіи. Самая высокая изъ плоскостей полоса, тянущаяся отъ Иллахуна (25 метр. надъ уровнемъ моря) вплоть до Мединета эль Фаюма, вблизи древняго Крокодилополиса (22,5 метр. надъ уровнемъ моря). За послѣднимъ первая плоскость быстро переходитъ во вторую, на внѣшнемъ краю которой расположены Сенурисъ и Абукса (10 метровъ надъ уровнемъ моря). За этой полосой начинается третья плоскость,

---

[1]) *Niebuhr*, Geschichte Ägyptens въ III т. Helmolts Welgeschichte, 664.

[2]) Причина была еще и та, что памятники фараоновскаго времени лежали столь глубоко, что уничтожались подземной водой. Копатели себбаха, начавшіе свою дѣятельность уже въ императорское время, тоже предали многое забвенію.

[3]) *U. Wilcken*, l. c. B. I H. I, 332.

[4]) *U. Wilcken*, l. c. B. I H. I, 332, хотя онъ и самъ соглашается въ прим. 3 къ этой страницѣ, что нѣкоторыя изъ деревень съ греческими именами, являются лишь новыми поселеніями на землѣ древнихъ египетскихъ деревень.

[5]) *J. T. Mahaffy*, The empire of the Ptolemies, 174.

быстро спускающаяся къ уровню озера, которое къ марту 1892 г. было на 43 метра ниже уровня моря [1]). Въ виду такого состоянія поверхности Фаюма нельзя представить себѣ, чтобы область эта могла быть колонизована въ одну какую-либо эпоху. Колонизація ея распредѣлялась на цѣлый рядъ тысячелѣтій, въ теченіе которыхъ рука объ руку съ сознательной дѣятельностью человѣка шло естественное постепенное уменьшеніе озера, дающее возможность выступать одной за другою тремъ вышеназваннымъ плоскостямъ надъ поверхностью воды.

Это Фаюмское озеро, лежащее теперь, какъ уже было сказано, на 43 метра ниже уровня моря и занимающее поэтому сравнительно маленькую площадь оазиса, въ древности было даже выше уровня нильской долины и занимало собою почти весь оазисъ. Первая изъ плоскостей, лежащая между Иллахуномъ и Крокодилополисомъ, находилась надъ уровнемъ озера уже въ древнее царстяо. Цари XII династіи отвоевали у озера бо́льшую часть второй плоскости [2]). Остатки ея, наконецъ, послѣ долгаго затишья въ дѣлахъ меліораціи области, были присоединены къ сушѣ, вѣроятно, однимъ изъ персидскихъ царей [3]). Птолемеи, въ лицѣ Филадельфа, а можетъ быть и Сотера, энергично принялись за расширеніе ареала плодородной земли, вступая и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ на пути, предначертанные имъ великими изъ ихъ туземныхъ предшественниковъ. На ихъ долю выпала осушка третьей плоскости. Они преуспѣли въ ней, но не надо, однако, преувеличивать результатовъ, достигнутыхъ ими. Надо кое-что оставить и наслѣдникамъ Лагидовъ, римскимъ императорамъ, тоже положившимъ много заботъ на меліорацію страны. Пожалуй даже, нѣкоторыя части третьей плоскости можно было осушить лишь въ римскій періодъ: вѣдь между началомъ его и началомъ птолемеевскаго лежали почти три столѣтія, а за это время уровень озера успѣлъ упасть вновь на нѣсколько метровъ [4]). Въ этой связи характеренъ и тотъ фактъ, что главная масса папирусовъ птолемеевскаго времени

---

[1]) *Grenfell-Hunt*, Fayûm towns and their papyri, 2.

[2]) *Grenfell-Hunt*, l. c. 5.

[3]) *Grenfell-Hunt*, l. c. 15.

[4]) Швейнфуртъ нашелъ для римскаго времени ясныя указанія, что уровень озера былъ тогда на 40 метровъ выше современнаго, т. е. приблизительно за 1800 лѣтъ уровень уменьшился на 40 метровъ, что соотвѣтствуетъ одному метру на 45 лѣтъ, и поэтому уровень озера въ началѣ птолемеевской эпохи былъ приблизительно на 6 метровъ выше уровня начала римскаго времени.

дошла до насъ отъ селеній первой плоскости (Крокодилополиса) и второй (Тебтуниса). Изъ селеній же третьей плоскости дошли до насъ папирусы, главнымъ образомъ, періода императорскаго [1]). Выходитъ, такимъ образомъ, что Птолемеи являются колонизаторами лишь одной части Фаюма, да и тутъ, надо полагать, славу имъ приходится дѣлить съ римскими императорами. Въ виду этого и надо ограничить положеніе „номъ Арсинои—Neuland" для птолемеевской эпохи въ пространственномъ отношеніи.

Необходимо ограничить его также и во временномъ отношеніи. По мнѣнію М. И. Ростовцева, колонизація Фаюма продолжалась безпрерывно въ теченіе чуть ли не всего птолемеевскаго періода [2]); доказательство того, что колонизація эта продолжалась, по крайней мѣрѣ, вплоть до послѣдней четверти II в. онъ видитъ въ тебтунисской серіи папирусовъ. Данные тексты, относящіеся къ времени правленія Евергета II и его ближайшихъ преемниковъ свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, что еще и тогда главной заботой правительства въ Фаюмѣ была не регулярно орошенная почва, а завоеваніе новой плодородной земли и сохраненіе ея за собою [3]). Предположеніе подобной заботы у правительства Евергета II казалось бы уже a priori мало вѣроятнымъ. Колонизація Фаюма, если таковая была въ дѣйствительности, должна была отойти въ былое вмѣстѣ съ золотымъ временемъ первыхъ трехъ Птолемеевъ. Вѣдь только у нихъ были и время и средства для разрѣшенія этой великой задачи. Уже съ конца III в., съ началомъ правленія четвертаго Лагида, начинается упадокъ, усиливающійся все болѣе и болѣе съ приближеніемъ конца періода Птолемеевъ. Временемъ же весьма интенсивнаго упадка была эпоха царствованія Евергета II. Съ перваго дня его правленія несчастья не переставали обрушиваться на многострадальную страну. Онъ вступаетъ на престолъ Египта въ тотъ моментъ, когда войска Антіоха IV залили Египетъ и былъ взятъ въ плѣнъ его старшій царствующій братъ (171 г.). На слѣдующій же годъ Антіохъ возобновляетъ свое вторженіе, и Египетъ спасается отъ сирійцевъ лишь благодаря вмѣшательству Рима (168 г.).

---

[1]) Я не хочу этимъ сказать, что эти деревни совсѣмъ не существовали въ птолемеевскій періодъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ упоминаются въ P. Petrie III в. до Р. Хр., но я все же думаю, что обиліе папирусовъ какъ разъ римскаго времени указываетъ на большее значеніе этихъ поселеній въ эту эпоху, благодаря увеличенію ареала ихъ меліораціонными работами императоровъ.

[2]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 29.

[3]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 30.

Почти тотчасъ за избавленіемъ отъ этой опасности вспыхиваетъ туземное возстаніе на сѣверѣ, подъ начальствомъ одного изъ сановниковъ египетскаго происхожденія, Діонисія Петосириса. Возстаніе охватываетъ и Ѳиваиду, причемъ главнымъ очагомъ его здѣсь былъ Панополисъ. Возстаніе подавляется благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ Филометора (165 г.). Но лишь, наконецъ, страна замирена, начинается борьба между обоими царствующими братьями и тянется вплоть до 154 г. закончившись отказомъ Евергета II отъ престола Египта. Тогда династическую борьбу смѣняютъ внѣшнія войны. Филометоръ втягивается въ борьбу претендентовъ на сирійскій престолъ и гибнетъ въ 146 г. на полѣ битвы. Со смерью его вступаетъ Евергетъ II снова на престолъ Египта, не безъ борьбы съ населеніемъ Александріи. Наступаетъ нѣкоторое затишье, но, во всякомъ случаѣ, и теперь страна держится въ извѣстномъ напряженіи вслѣдствіе его благожелательной политики къ туземцамъ и враждебному отношенію къ эллинамъ, доходящему до произведенной его солдатами рѣзни александрійскаго населенія [1]). Можетъ быть, подобный курсъ его внутренней политики отчасти и вызвалъ возстаніе, начавшееся въ 39 году его царствованія (131 г.). Во главѣ мятежниковъ стала его сестра и жена Клеопатра. Возстаніе охватило и сѣверъ и югъ. Продолжается оно еще и въ 52 г.; напр., въ Панополисѣ, главномъ очагѣ возстанія 165 г., еще не все благонадежно [2]). Но царь надѣется въ этомъ году эдиктомъ милости затушить послѣднія искры мятежа и замирить окончательно страну. Эдиктъ 52 г. Евергета II дошелъ до насъ въ пятомъ тебтунисскомъ папирусѣ. На такое значеніе даннаго папируса указалъ впервые Preisigke [3]). Онъ первый уяснилъ эту связь между политическими событіями, предшествующими 118 г., и προστάγματα Tebt. P. I, 5 и могъ поэтому написать нѣсколько интереснѣйшихъ страницъ объ этомъ текстѣ. Но онъ упустилъ изъ виду, что и большинство прочихъ тебтунисскихъ папирусовъ стоятъ въ такой же тѣсной связи съ предшествующей революціей и еще болѣе ранними событіями правленія Евергета II, какъ и разобранный имъ пятый тебтунисскій папирусъ. Они даютъ намъ частный примѣръ того общаго упадка страны послѣ годовъ революціи, о которомъ мы можемъ заключить на основаніи προστάγματα. Они развертываютъ передъ нами

[1]) *Mahaffy*, The empire of the Ptolemies.

[2]) *Fr. Preisigke*, Die Friedenskundgebung des Königs Euergetes II (*Archiv f. Papyrusforschung*, V), 301—302.

[3]) *Fr. Preisigke*, l. c.

весьма непривлекательную картину экономическаго положенія одной изъ деревень Фаюма, Керкеосириса. Хозяйственной разрухой закончились здѣсь послѣдніе годы Евергета II. Къ этой деревнѣ были приписаны всего 4.700 аруръ земли (Tebt. P. I, 60, 3). Изъ нихъ выпадало на долю γῆ βασιλική 2.427$^1/_2$ $^1/_{16}$ $^1/_{32}$ аруръ съ номинальнымъ платежомъ въ размѣрѣ 12.330$^1/_2$ артабъ (Tebt. P. I, 60, 47). Въ 118 г. оказываются засѣянными лишь 1139$^1/_4$ аруръ (Tebt. P. I, 60, 55), и лишь съ нихъ ἐκφόριον являлся дѣйствительно ἀπηγμένον, т. е. внесеннымъ [1]). Составлялъ онъ 4642$^1/_{12}$ артабъ (Tebt. P. 61b, 249). При этомъ часть изъ этихъ 1139$^1/_4$ аруръ платила меньше положеннаго, что̀ составляло 823$^1/_{12}$ артабъ. Этотъ минусъ въ доходахъ правительства назывался ἐν συγκρίσει (Tebt. P. 61b, 250) [2]). Сдача же въ аренду за эти уменьшенные ἐκφόρια называлась μίσθωσις ἐξ ἀξίας, т. е. согласно реальной цѣнности земли. О μίσθωσις ἐξ ἀξίας говорится много въ Tebt. P. I, 61b и 72; тутъ же приводятся причины, вслѣдствіе которыхъ данныя земли уже не въ состояніи выплачивать нормальную аренду (τὰ ἐπιγεγραμμένα ἐκφόρια). Такъ Tebt. P. 61b, 29 слѣд., указываетъ, какъ на причину захудалости земли, сдаваемой въ виду этого въ μίσθωσις ἐξ ἀξίας, прямо на

---

[1]) Мнѣ кажется, что значеніе „внесенный", scil. ἐκφόριον дѣлаетъ понятнымъ намъ „необъясненное", по словамъ М. И. Ростовцева (l. c., 47) до сихъ поръ названіе ἀπηγμένον. М. И. Ростовцеву помѣшало подойти къ вѣрному пониманію этого термина мысль, что ἀπηγμένον служило названіемъ одной части γῆ βασιλική, а не относилось къ доходу, ἐκφόριον съ этой земли. Доказательствомъ же того, что глаголъ ἀπάγω въ этихъ документахъ употреблялся, какъ разъ по отношенію къ доходу земли, а не къ самой землѣ, можетъ служить Tebt. P. I, 60, 51 сл.: ἐσπαρμένης (ἄρουραι) Ἀρκβδʹ (ἀρτάβαι) Ἀφνθς∠γʹ ιβʹ, | καὶ ἀσπόρου βεβρε(γμένης ἧς τὰ ἐκφόρια{ι} | ἀπῆ(κται) ἀπὸ τοῦ πλεί(ω) ἐξ εἰκασίας | (ἄρουραι) ιζ (ἀρτάβαι) πγ∠δʹ.; Tebt. P. I, 61a, 221: ὧν ἐκφόριον τὸ καὶ ἀπη(γμένον) ἀπὸ τοῦ κτλ. (ср. также Tebt. P. I, 67, 55, 60, 71) Tebt. P. I, 72, 223: ἀπη(γμένον) ἐκφόριον αʹ ἔτους. Употребленіе же глагола „ἀπάγω" въ смыслѣ „вносить какой-нибудь платежъ" извѣстно намъ изъ любого греческаго словаря. У Pape (изд. 1849 г.), напр., третье изъ перечисленныхъ значеній ἀπάγω „abtragen, was man zu bringen verpflichtet ist, z. B. φόρον"; ср. тамъ же іонійскій эквивалентъ ἀπάγω—„ἀπαγινέω bes. vom Abtrageu des Tributs χρυσίου, ἀργύριου, φόρου".

[2]) Tebt. P. I, Appendix I, § 8. *Grenfell-Hunt*, правда оставляютъ вопросъ о томъ, приходили ли всѣ артабы ἐν συγκρίσει на счетъ засѣянной земли (l. c., p. 571) открытымъ, но я думаю, что слова Tebt. P. I, 61 (b) 249 сл.: ἀπη(γμένου) Ἀρλθδʹ [(ἀρτάβαι) Ἀχμβ ιβʹ, ἀπη(γμένου)] αʹ (ἔτους) ἐκφόριον ι [ἀρτάβαι) μ]θδʹ | κεχω(ρισμένης) πρ(οσόδου) ις∠ [(ἀρτάβαι) πγςʹ], ἐν συ(κρίσει) ωκγ[ιβʹ | ὑπολόγου Ἀ[αή) (ἀρτάβαι) Ἐ[δ∠]γʹ ιβʹ не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія и поэтому противорѣчіе, къ которому пришли Grenfell-Hunt въ вопросѣ объ ἐν συγκρίσει вызвано какимъ-то пропускомъ комограмматевса, на возможность чего они сами указываютъ.

революцію: ἠξίου[ν] ἑτέροις [ἐ]πιγραφῆναι διὰ τὸ τὴν μὲν | .... | εὐτελεῖ εἶναι ‹τ›ὴν δὲ καὶ κεχερσῶσθαι ἐν τῆι ἀμειξίαι καὶ ἔτι οὔσης κτλ., а въ Tebt. P. 72 эти земли распредѣляются прямо на группы, сообразно тому, до революціи ли 40 г., или послѣ нея они стали малоцѣнными: 39 сл. (ἄρουραι) κδ, ὧν ἦν ριθς′ ἀνθ' ὧν [ἐ]κ τῆς ἀξί(α)ς ἀν(ὰ) α κδ, | διάφορον ϙες′ | σπόρος νομῶν διὰ τῶν κατὰ μέρος γεωρ(γῶν). τῶν ἀπὸ τοῦ μ′ (ἔτους) ρκαγ′ίβ′. | καὶ τῶν ἕως τοῦ λθ′ (ἔτους) πρὸ τῶν τῆς ἀμειξίας | χρόνων κτλ. Кромѣ названныхъ 1139¼ аруръ правительство получало еще доходъ съ 16½ аруръ въ видѣ такъ называемой κεχωρισμένη πρόσοδος (Tebt. P. I, 61b, 250) въ 83⅙ артабъ [1]). Всѣ же прочія 1262½ ¼ аруръ, т. е. больше половины всего ареала государственной земли, не даютъ дохода и причисляются къ ὑπόλογον. Правда, 261¹/₁₆ аруръ и не называются ὑπόλογον, а γῆ ἐν ἐπιστάσει καὶ ἐν ἀπολογισμῷ, но, въ концѣ концовъ, оказывается, что онѣ являются ὑπολόγου τοῦ ἕ[ως] τοῦ ιβ′ (ἔτους) κειμ[ένο]υ ἐν ταύτηι τῆι τάξε[ι] (Tebt. P. I, 72, 428—429), т. е. землею, вышедшей изъ состава плодородной земли уже со времени, предшествующаго 12-му году правленія Евергета II [2]). Причинами запустѣнія ихъ, надо полагать, были вторженія Антіоха и возстанія туземнаго населенія 167—165 гг. [3]). При перечисленіи прочихъ 1001 ½ ⅛ ¹/₁₆ аруръ ὑπόλογον указанъ точно годъ, когда тотъ или другой комплексъ аруръ превратился въ ὑπόλογον, и вотъ на долю годовъ послѣдней революціи 131—118 г. выпадаютъ 727½ ⅛ ¹/₁₆ аруры, а на все время между 158—117 г., когда былъ написанъ Tebt. P. I, 61, приходится 1001½ ⅛ ¹/₁₂ аруръ (Tebt. P. I, 61b, 110—247), т. е. почти отъ половины всей царской земли, входящей въ составъ угодій деревни Керкеосирисъ, государство за этотъ срокъ лишилось какого-либо дохода. И въ прочихъ разрядахъ земель дѣло обстояло весьма неутѣшительно. Изъ 291½¼⅛ аруръ γῆ ἱερά оказываются засѣянными только 150¼⅛ аруръ (Tebt. P. I, 60, 15). На 1564½ ⅛ ¹/₁₆ ¹/₃₂ аруръ γῆ κληρουχική приходится засѣянной земли лишь 757½ ¼ ⅛ аруръ (Tebt. P. I, 60, 17—35). Всѣ 175¼ ⅛ аруръ пастбища, сдаваемыхъ въ аренду за деньги, занесены пескомъ (Tebt. P. I, 60, 41—42). 21¼ аруры садовъ въ деревнѣ и въ предѣлахъ γῆ ἱερά запустѣли (Tebt. P. I, 60, 39—40). Взявъ отъ

---

[1]) Tebt. P. I, въ Append. I, § 7, см. также и § 6 ἀπηγμένον α′ ἔτους ἐκφόριον.

[2]) Tebt. P. I, Append. I, § 10.

[3]) Тяжелыя послѣдствія этихъ бѣдственныхъ годовъ для Египта отразились и въ извѣстномъ P. Par. 63 отъ 164 г., знакомящимъ насъ со способами правительства залечивать раны страны аналогично способамъ тебтунисскихъ папирусовъ.

общей суммы аруръ, приписанныхъ къ области деревни Керкеосириса аруры, входящія въ составъ земельныхъ разрядовъ, не дающихъ урожая, а именно $69^{1}/_{2}$ аруръ усадебной земли и $169^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{16}$ аруръ ὑπόλογον ἄφορον, мы получаемъ слѣдующую таблицу.

Разряды земель.	Число аруръ по земельнымъ разрядамъ.	Число аруръ засѣянныхъ, засаженныхъ.	Число аруръ незасѣянныхъ, незасаженныхъ.
1. γῆ βασιλική	$2.417\,{}^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{16}\,{}^{1}/_{32}$ [1])	$1.155\,{}^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{4}$	$1.261\,{}^{1}/_{2}$
2. γῆ κληρουχική	$1.564\,{}^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{4}\,{}^{1}/_{16}\,{}^{1}/_{32}$	$757\,{}^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{4}\,{}^{1}/_{8}$	$806\,{}^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{4}\,{}^{1}/_{8}\,{}^{1}/_{16}\,{}^{1}/_{32}$
3. γῆ ἱερά	$291\,{}^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{4}\,{}^{1}/_{8}$	$150\,{}^{1}/_{4}\,{}^{1}/_{8}$	$141\,{}^{1}/_{2}$
4. νομαί	$175\,{}^{1}/_{4}\,{}^{1}/_{8}$	—	$175\,{}^{1}/_{4}\,{}^{1}/_{8}$
5. παράδεισοι	$21\,{}^{1}/_{4}$	—	$21\,{}^{1}/_{4}$
Итого. . .	$4.470\,{}^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{4}\,{}^{1}/_{8}\,{}^{1}/_{16}$	2.064	$2.406\,{}^{1}/_{2}\,{}^{1}/_{16}\,{}^{1}/_{32}$

Больше половины земель Керкеосириса не давали, такимъ образомъ, урожая въ 118 г. до Р. Хр., а на основаніи προστάγματα Евергета II, сохранившихся въ Tebt. P. I, 5, мы можемъ заключить, что это безотрадное экономическое положеніе Керкеосириса не было какимъ-то исключительнымъ, но наоборотъ весьма обычнымъ явленіемъ въ предѣлахъ Египта конца царствованія Евергета II. Сами издатели тебтунисскихъ папирусовъ видятъ въ этомъ стремительномъ упадкѣ земледѣлія Керкеосириса „a sign of the general deminution of prosperity in the second century B. C. [2]). Было надъ чѣмъ призадуматься правительству, и оно пыталось бороться съ этимъ ужаснымъ для него явленіемъ, грозившимъ государственнымъ банкротствомъ. Но изъ тебтунисскихъ папирусовъ мы не узнаемъ болѣе о тѣхъ грандіозныхъ работахъ, которыя предпринимало и организовало само же правительство на свои средства и съ которыми насъ знакомятъ P.

[1]) Я исключилъ изъ общей суммы аруръ γῆ βασιλική тѣ 10 арурь ἀπηγμένου α' ἔτους ἐκφορίου, ибо они въ кадастрѣ сосчитаны 2 раза, въ области γῆ βασιλική и въ области γῆ κληρουχική, см. Tebt. P. I, App. I, § 6.

[2]) Tebt. P. I, 575.

Petrie III в. [1]). Правительство Евергета II сваливаетъ всю тяжесть борьбы съ запустѣніемъ и захудалостью земель на плечи отдѣльныхъ лицъ, корпорацій, или своихъ γεωργοὶ βασιλικοί [2]), или же своихъ чиновниковъ [3]). Если эта борьба и не стоила большихъ затратъ правительству, то зато она и не была особенно успѣшна [4]). Но въ особенности ярко подчеркиваетъ отказъ правительства Евергета II отъ великихъ колонизаціонныхъ традицій своихъ предковъ тотъ фактъ, что оно перестаетъ смотрѣть на клеруховъ исключительно, какъ на средство меліораціи страны. Правило выдавать клерухамъ ихъ надѣлы исключительно изъ неплодородной земли начинаютъ обходить въ смутные годы революцій, и правительство въ своихъ декретахъ по этому поводу начинаетъ мириться съ этимъ фактомъ. Въ 47 году правленія Евергета II діойкетъ постановляетъ въ случаѣ полученія клерухами σπόριμος вмѣсто χέρσος взиманіе съ нихъ ἐκφόριον отъ одного года, оставленіе ихъ во владѣніи этой землей, но подъ условіемъ сдачи имъ въ аренду равнаго количества земли изъ χέρσος (Tebt. P. I, 61b, 225—229) [5]). Въ προστάγματα 52 г. было постановлено, что всѣ клерухи и прочіе владѣльцы γῆ ἐν ἀφέσει, захватившіе и γῆ βασιλική, являющейся плодородной землей κατ' ἐξοχήν, могутъ оставаться владѣльцами ея, послѣ уплаты ἐκφόριον одного года (Tebt. P. I, 5, 36—43) [6]). По отношенію къ μάχιμοι, низшему классу клеруховъ, рекрутировавшемуся изъ туземцевъ, было даже, кажется, правиломъ во время Евергета II выдавать имъ надѣлы ихъ изъ γῆ σπόριμος [7]), Эти же μάχιμοι были разсажены въ эпоху названнаго царя

---

[1]) *U. Wilcken*, l. c., 333.

[2]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 30—35.

[3]) Tebt. P. I, 575.

[4]) Tebt. P. I, ibidem.

[5]) Для клеруховъ μερὶς Ἡρακλείδου постановленіе это было облегчено въ томъ отношеніи, что въ извѣстныхъ случаяхъ они освобождались отъ уплаты ἐκφόριον ἑνὸς ἐνιαυτοῦ, но требованіе приарендованія равнаго по величинѣ участка χέρσος оставался и для нихъ въ силѣ. Это послѣднее постановленіе въ особенности любопытно. Оно является интересной параллелью къ институту, развившемуся столь пышно въ въ римское время, ἐπιβολή. Государство допускаетъ развитіе частнаго землевладѣнія, но обязываетъ въ то же время счастливаго владѣльца къ приведенію въ доходное состояніе извѣстнаго куска государственной земли (см. *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 200—201).

[6]) Tebt. P. I прим. *Grenfell-Hunt*'а къ стр. 38 пятаго тебтунисскаго папируса *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 5 и прим. 1 къ той же страницѣ.

[7]) Tebt. P. I, 554 и прим. къ стр. 27—28 60-го тебтунисскаго папируса.

въ большомъ количествѣ [1]), и правительство лишилось поэтому колонизаціонной помощи клеруховъ для довольно значительнаго ареала земли. Подобное измѣненіе взгляда на роль клеруховъ, а также и тотъ фактъ, что борьба за культурную землю, которая велась правительствомъ, по свидѣтельству тебтунисскихъ папирусовъ, была не борьбой аггрессивной, а исключительно дефенсивной противъ запустѣнія, вызваннаго революціей и притомъ борьбой безъ какой-либо широкой организаціи, дѣйствительно, намъ доказываетъ, что о какой-либо энергичной колонизаціонной, или меліораціонной дѣятельности правительства Евергота II и рѣчи не было.

Въ виду всего этого мы и въ правѣ требовать ограниченія положенія—„Фаюмъ колонизованъ Птолемеями", какъ въ пространственномъ, такъ и во временномъ отношеніи. Не весь Фаюмъ завоевывается для земледѣлія Птолемеями, а лишь часть его, притомъ, какъ разъ Тебтунисъ, папирусы котораго, главнымъ образомъ, даютъ намъ свѣдѣнія о птолемеевскомъ Фаюмѣ, является старой культурной почвой. Не всѣ Птолемеи завоевывали у Фаюмскаго озера новую землю, а, вѣроятно, только первые трое Птолемеевъ. По крайней мѣрѣ, Евергетъ II, ко времени котораго тебтунисскіе папирусы относятся, колонизаціей не имѣлъ времени заниматься. Тебтунисскіе папирусы, правда, говорятъ о разныхъ попыткахъ превратить ὑπόλογον въ плодородную землю, но этотъ ὑπόλογον не новь, а запустѣвшая въ тяжелые годы Евергета II плодородная земля. Подобное явленіе было обычнымъ для всего Египта того времени, а не для одного Фаюма, ибо причины его были не мѣстныя, а временныя.

Переходя теперь къ вопросу объ особомъ правѣ владѣнія, которое создали яко бы Птолемеи для Фаюма, я долженъ замѣтить слѣдующее. Даже предположивъ, что Фаюмъ для Лагидовъ былъ „Neuland" и они имѣли въ немъ возможность регулировать права владѣнія по своему усмотрѣнію, все-таки право владѣнія, которое они создали бы въ такомъ случаѣ, не было бы столь суровымъ, какъ представляетъ его себѣ М. И. Ростовцевъ (см. выше). Въ птолемеевскомъ Египтѣ существовали два права владѣнія, не созданныхъ царствую-

[1]) Tebt. P. I, 551—554. Эти разселенія μάχιμοι стояли въ связи съ революціей, ибо они произведены были, главнымъ образомъ, тотчасъ же послѣ начала революціи въ 41 и 42 годахъ. Евергету II въ этотъ моментъ необходимы были солдаты, а не колонизаторы, и поэтому, чтобы эти μάχιμοι могли успѣшнѣе нести свою воинскую повинность, онъ обезпечиваетъ ихъ надѣлами земли, которая могла съ момента же перехода въ ихъ руки давать имъ доходъ.

щей династіей, но признаваемыхъ ею. Одно изъ нихъ было египетское, господствующее въ χώρα, а другое греческое, признаваемое Птолемеями лишь въ области немногихъ греческихъ городовъ Египта. Первое изъ нихъ отрицало собственность на землю, признавая собственникомъ всей земли исключительно царя, а второе допускало земельную собственность. На своей родинѣ Птолемеи не могли познакомиться съ другимъ какимъ-нибудь правомъ, которое или подчеркивало бы право собственности царя еще сильнѣе, чѣмъ египетское, или же расширяло право собственности частныхъ лицъ еще болѣе греческаго [1]). Если поэтому Лагиды, дѣйствительно, пытались бы, чтó весьма мало вѣроятно, создать свое собственное право, то оно должно было быть синтезомъ названныхъ двухъ правъ, извѣстныхъ имъ и признаваемыхъ ими. Право владѣнія ихъ могло быть только болѣе мягкимъ, чѣмъ египетское, и болѣе суровымъ, чѣмъ греческое, но отнюдь не могло еще болѣе усиливать суровость туземнаго права. Для Фаюма это было бы тѣмъ болѣе невѣроятнымъ въ виду того, что онъ былъ новью (какъ это предполагаетъ М. И. Ростовцевъ) и былъ посвященъ любимой сестрѣ и женѣ Филадельфа, Арсиноѣ. Въ областяхъ, вновь созданныхъ, какъ это само собой понятно, право владѣнія на землю населенія обыкновенно шире, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ культурная земля является наслѣдіемъ вѣковъ [2]). Кромѣ того, Фаюмъ былъ посвященъ Арсиноѣ, а города, посвященные какому-либо члену царскаго дома, пользовались скорѣе привилегіями въ правѣ своего владѣнія, по сравненію съ населеніемъ прочей страны, а не ограниченіемъ [3]). Причины же, почему провинція въ данномъ случаѣ находилась въ исключительномъ положеніи по сравненію съ городами одной съ ней категоріи, я не вижу. Мы имѣемъ даже текстъ, который прямо говоритъ объ

[1]) *J. Kaerst*, Geschichte des Hellenistischen Zeitalters, I, 119—133.

[2]) Если и въ III в. бóльшую часть работы по меліораціи брало на себя правительство, то и тогда все же клеруху, получавшему кусокъ нови приходилось больше работать надъ нимъ, чѣмъ клеруху надѣленнаго участкомъ старой культурной земли и поэтому было бы несправедливо право владѣнія перваго урѣзывать по сравненію съ правомъ владѣнія второго.

[3]) Интересна въ этомъ отношеніи забота царя объ одной деревнѣ Ἀρσινόη около Аполлинополиса (др. егип. Эдфу) въ недавно изданномъ Papyrus Halensis 1 (Δικαιώματα herausgegeben von der Graeca Halensis. 1913), 279—285. Словами μάλιστα δὲ π[ρονό]ησον Ἀρσινόης начинается требованіе царя смотрѣть за освобожденіемъ названной деревни отъ постоя солдатъ. Ср. также положеніе Πτολεμαΐς въ птолемеевскомъ и положеніе Антинооподиса въ римскомъ Египтѣ.

извѣстныхъ привилегіяхъ одного изъ классовъ населенія Фаюма, по сравненію съ соотвѣтствующимъ классомъ одного изъ сосѣднихъ номовъ (см. ниже).

Въ виду этого, мнѣ думается, и нельзя объяснять особенности тебтунисскихъ папирусовъ изъ существованія какого-то особаго фаюмскаго права, созданнаго Птолемеями, а надо пытаться объяснить ихъ инымъ способомъ. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше особенностей условій аграрнаго быта Керкеосириса являются лишь кажущимися. Если въ Gebelen Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς представляютъ собою настоящихъ землевладѣльцевъ и о клеросѣ ихъ не говорится ни слова, въ Фаюмѣ же клерухи—настоящіе держатели военныхъ земельныхъ надѣловъ, то это еще ничего не говоритъ объ особомъ положеніи клеруховъ въ Гебеленѣ, ибо Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς ничего общаго съ клерухами не имѣетъ. Если въ Керкеосирисѣ почти отсутствовали ἀμπελῶνες и παράδεισοι, то изъ этого факта будетъ рискованно сдѣлать заключеніе, что въ Фаюмѣ, въ противоположность прочимъ областямъ Египта, преобладала арендованная γῆ σιτόφορος. Этому противорѣчитъ тотъ фактъ, что Фаюмъ перечисляется еще подъ своимъ старымъ названіемъ Λίμνη въ Revenue Laws 31,12 наряду съ прочими номами, въ связи съ регулированіемъ адераціи ἀπόμοιρα, въ случаѣ если γεωργοί не могутъ доставить ее натурою [1]). Объ ἀμπελῶνες и παράδεισοι говорится много въ P. Petrie, III [2]). Въ самихъ же тебтунисскихъ папирусахъ говорится много о садовой землѣ въ остаткахъ кадастра Магдолы, деревни сосѣдней Керкеосирису [3]). Противорѣчатъ этому, наконецъ, археологическія данныя, добытыя Fl. Petrie въ Иллахунѣ и Гавара. Въ гробницахъ Иллахуна, восходящихъ ко времени XII династіи, найдены многочисленные слѣды существованія фруктовыхъ деревьевъ въ Фаюмѣ уже столь отдаленной эпохи. Въ гробницахъ Гавара, относящихся ко времени позднему, греко-римскому періоду, найдено еще большее обиліе растеній, плодовъ самыхъ различныхъ деревьевъ, оливъ, фигъ, винограда и проч. Newberry, разбиравшій эти растенія,

---

[1]) Денежный платежъ за извѣстную мѣру фаюмскаго превышалъ даже платежъ за ту же мѣру вина Θиваиды, что указываетъ, очевидно, на бо̀льшую цѣнность вина первой мѣстности.

[2]) См. Index къ P. Petrie III, 366 и 380.

[3]) Въ области γῆ βασιλική изъ $156^{1}/_{8}$ аруръ приходятся на ея долю $31^{1}/_{2}{}^{1}/_{8}$ аруръ (Tebt. P. I, 80, 32—33). Въ области γῆ ἱερά 150 χέρσος ἀμπελῖτις составляли ареалъ храмовой земли бога Собка (Tebt P. I, 83, 3—4) и въ области γῆ κληρουχική имѣлись участки ея (Tebt. P. I, 83, 77—78).

полагаетъ, что этотъ замѣчательный кладъ садовой флоры въ Hawara, иллюстрируетъ прекрасно описаніе Фаюма Страбономъ въ его „Географіи“ (p. 809): ἔστι δ' ὁ νομὸς οὗτος ἀξιολογώτατος τῶν ἁπάντων κατά τε τὴν ὄψιν καὶ τὴν ἀρετὴν καὶ τὴν κατασκευήν. ἐλαιόφυτός τε γὰρ μόνος ἐστὶ μεγάλοις καὶ τελείοις δένδρεσι καὶ καλλικάρποις, εἰ δὲ συγκομίζοι καλῶς τις, καὶ εὐέλαιος· ὀλιγωροῦντες δὲ τούτου πολὺ μὲν ποιοῦσι ἔλαιον, μοχθηρὸν δὲ κατὰ τὴν ὀδμήν· ἡ δ' ἄλλη Αἴγυπτος ἀνελαιός ἐστι πλὴν τῶν κατ' Ἀλεξάνδρειαν κήπων, οἳ μέχρι τοῦ ἐλαίαν χορηγεῖν ἱκανοί εἰσιν, ἔλαιον δ' οὐχ ὑπουργοῦσιν· οἶνόν τε οὐκ ὀλίγον ἐκφέρει σῖτόν τε καὶ ὄσπρια καὶ τὰ ἄλλα σπέρματα πάμπολλα [1]).

Другая особенность тебтунисскихъ папирусовъ, по сравненію съ гебеленской серіей, поставленная М. И. Ростовцевымъ въ первую голову, а именно фактъ весьма частаго упоминанія γεωργοὶ βασιλικοί въ Керкеосирисѣ, въ то время какъ въ Гебеленѣ они почти отсутствуютъ, дѣйствительно, является характерной и чрезвычайно важной для полнаго пониманія аграрнаго строя Керкеосириса съ одной стороны, а Гебелена—съ другой. М. И. Ростовцевъ допускаетъ объясненіе этого явленія отчасти и случайнымъ моментомъ. Большинство изъ документовъ Θиваиды являются частными сдѣлками и куплями изъ βασιλικόν въ частное владѣніе, или, по крайней мѣрѣ, актами изъ государственнаго банка; Тебтунисскіе папирусы, напротивъ, сохранили намъ архивъ κωμογραμματεύς'а. Я согласенъ съ М. И. Ростовцевымъ, что этимъ однимъ моментомъ еще не объясняются всѣ безъ исключенія особенности тебтунисскихъ папирусовъ по сравненію съ серіей гебеленскихъ текстовъ (l. c., 29). Но я думаю также, что нельзя ихъ объяснять окончательно и тѣмъ, что въ Фаюмѣ господствовали иныя условія, чѣмъ въ Θиваидѣ. Уже не говоря о томъ, что подобный взглядъ на исключительное положеніе Фаюма, какъ мы выше видѣли, надо принимать cum grano salis, объясненіе имъ названной противоположности тебтунисскихъ и гебеленскихъ текстовъ вызываетъ еще слѣдующее затрудненіе. На основаніи его вытекаетъ, что γεωργοὶ βασιλικοί, а вслѣдствіе этого и γῆ βασιλική, имѣлись въ большомъ количествѣ лишь въ Фаюмѣ, въ другихъ же областяхъ Египта,

---

[1]) *Fl. Petrie*, Kahun, Gurob and Hawara, Chaptre VII. The ancient botany. Но независимо отъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ М. И. Ростовцевъ самъ долженъ не только допустить существованіе виноградниковъ въ Фаюмѣ, но и уступить имъ здѣсь первенствующее значеніе, коль скоро Фаюмъ птолемеевскаго времени представляется ему новью, а развитіе виноградной культуры было одной изъ задачъ аграрной политики Лагидовъ (l. c., 38).

являющихся издревле культурными, они имѣлись въ ничтожномъ количествѣ. Такимъ образомъ Фаюмъ являлся бы исключеніемъ въ той же мѣрѣ, какъ и греческіе города Египта, а въ виду этого становится иллюзорнымъ взглядъ М. И. Ростовцева, исходившаго въ своихъ „Studien zur Geschichte des römischen Kolonats" изъ того, что желающій познакомиться съ земельной арендой долженъ „keineswegs mit der Privatpacht, sondern durchaus mit der Staatspacht den Anfang machen" (l. c. 2), и что наряду съ частнымъ землевладѣніемъ продолжалъ существовать „der Königsgrundbesitz, als Grundlage der ganzen ptolomäischen Wirtschaft ungeschmälert weiter (l. c., 81) [1]. Поэтому надо найти другое объясненіе названнаго явленія, и если его нельзя искать въ особенностяхъ Фаюма, взятаго въ его цѣломъ, не наталкиваясь на непреоборимыя трудности, то уже намъ придется искать его въ особенностяхъ одного Тебтуниса. Ставъ на этотъ путь, мы приходимъ къ единственно возможному объясненію особенностей двухъ названныхъ группъ текстовъ, и оно весьма простое. Тебтунисскіе папирусы даютъ намъ свѣдѣнія о большихъ государственныхъ имѣніяхъ, въ составъ которыхъ входятъ цѣлыя κῶμαι, Тебтунисъ, съ окружающими деревнями Керкеосирисъ, Магдола и т. д. Этотъ взглядъ на аграрный строй Керкеосириса объясняетъ намъ присутствіе столь большого количества γῆ βασιλική въ ея области. Онъ же объясняетъ и фактъ обилія въ области этихъ деревень γῆ κληρουχική. Изъ своихъ государственныхъ имѣній и черпали Птолемеи земельное жалованье своимъ клерухамъ [2]. Кромѣ γῆ βασιλική и γῆ κληρουχική должно было

---

[1]) Возможно было бы допустить предположеніе объ ограниченіи Фаюмомъ существованія γῆ βασιλική и придерживаться, несмотря на это, еще взгляда на колоссальное значеніе доменовъ царя для хозяйства страны только при допущеніи необычайныхъ размѣровъ Фаюма. Но съ этимъ врядъ ли можно согласиться. Отношеніе между ареалами плодородной земли Фаюма и прочаго Египта, надо полагать, не особенно разнилось отъ того отношенія, которое господствуетъ теперь. На долю современнаго Фаюма приходятся 1317 кв. км., а на долю прочихъ провинцій Верхняго Египта 11.662,1 кв. км.; ареалъ Нижняго Египта исчисляется 15.898,2 кв. км.

[2]) Клерухи попадаются часто въ текстахъ другихъ областей Фаюма, напр., въ P. Petrie, III. Вотъ это указываетъ, намъ кажется, на то, что Фаюмъ находился, дѣйствительно, въ нѣсколько иномъ положеніи, чѣмъ прочіе номы. Въ немъ, можетъ быть, и было, правда, большее количество доменовъ, чѣмъ въ прочихъ номахъ. Съ этимъ, можно, пожалуй, и согласиться, но нельзя ни въ коемъ случаѣ дѣлать слишкомъ рѣзкаго различенія въ этомъ отношеніи между условіями, господствующими въ Ἀρσινοΐτης, и условіями прочихъ номовъ. Мы, вѣдь, знаемъ о существованіи клеруховъ и въ Оксиринхскомъ номѣ (P. Hibeh) и въ Гераклеополитскомъ номѣ (B. G. U. N., № 1186). Эти государственныя имѣнія лишь частью были созданы самими Птолемеями,

имѣться въ государственныхъ имѣніяхъ, по крайней мѣрѣ, столь обширныхъ, какъ въ данномъ случаѣ, и извѣстное количество γῆ ἱερά, которую даровали храмамъ, обслуживающимъ религіозныя нужды многочисленнаго населенія доменовъ. Тотъ же взглядъ на Керкеосирисъ, какъ на доменъ, объясняетъ намъ также и отсутствіе γῆ ἰδιόκτητος среди земель, приписанныхъ къ нему. Вѣдь само собой понятно, что государство неохотно согласилось бы допустить въ своихъ имѣніяхъ развитіе права частнаго землевладѣнія, столь же широкаго, какъ и право контрагентовъ гебеленской серіи, которое дѣлало бы призрачнымъ непосредственное право владѣнія государства данными землями.

Перейдемъ теперь къ особенности гебеленской серіи папирусовъ, къ упоминанію исключительно одной лишь частновладѣльческой земли. Если особенности тебтунисскихъ папирусовъ приходится объяснять условіями аграрнаго строя мѣстности, къ которой они относятся, то особенности гебеленскихъ текстовъ надо искать въ особенностяхъ того учрежденія, въ которомъ они издавались. Государственный банкъ вѣдалъ только частновладѣльческой землей, и поэтому акты его и могутъ дать намъ свѣдѣнія лишь о γῆ ἰδιόκτητος, даже и въ томъ случаѣ, когда бы въ области, къ которой они относятся, находились государственныя имѣнія. Поэтому и на основаніи названныхъ текстовъ нельзя построить полной и всесторонней картины аграрнаго строя Ѳиваиды, въ предѣлахъ которыхъ они были найдены. Столь же мало могутъ дать для возсозданія аграрныхъ условій того нома, въ области котораго они были найдены, а именно Фаюма, тебтунисскіе папирусы, коль скоро Керкеосирисъ и окружающія его деревни являлись государственными имѣніями [1]). Вѣдь въ такомъ случаѣ осо-

засушившими третью плоскость Фаюмской котловины (см. выше), частью же были получены ими, надо полагать, въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ. По предположенію Breasted'а, Фаюмъ, или, вѣрнѣе, та часть его, которая была колонизована XII династіей, сдѣлался государственнымъ имѣніемъ названной династіи (*Breasted*, A History of Egypt, 194). Съ этимъ согласуется и тотъ фактъ, что въ Кахунѣ XII дин. и въ Гуробѣ XVIII дин. мы имѣемъ поселенія жителей Эгейскихъ острововъ, которые назначались сюда правительствомъ, вѣроятно, въ качествѣ солдатъ (*Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 291). Интересно отмѣтить это постоянное стремленіе жителей Греціи къ данной области Египта въ теченіе уже нѣсколькихъ тысячелѣтій, ибо и теперь, судя по Baedecker (стр. 183), среди населенія Мединетъ-эль-Фаюма греческій элементъ представленъ весьма сильно. Изъ этихъ большихъ доменовъ кое-что еще и получилось, вѣроятно, на долю Птолемеевъ, которые, въ свою очередь, колонизуя Фаюмъ, по примѣру предшественниковъ своихъ, увеличивали область своихъ доменовъ.

[1]) Я даже сказалъ бы, пожалуй, еще большее. Если въ тебтунисскихъ папиру-

бенности аграрнаго строя Керкеосириса нельзя считать чѣмъ-то специфически фаюмскимъ. Онѣ были общими во всѣхъ пунктахъ Египта, гдѣ имѣлись государственныя имѣнія, будь то Фаюмъ, или Дельта, или Ѳиваида. Поэтому изъ факта отсутствія частновладѣльческой пахотной земли въ области Керкеосириса нельзя дѣлать вывода, что въ Фаюмѣ, въ противоположность Ѳиваидѣ, не существовало права владѣнія на γῆ σιτόφορος. Въ другихъ мѣстностяхъ Фаюма, гдѣ не было государственныхъ имѣній, γῆ ἰδιόκτητος, конечно, существовала, какъ наоборотъ и въ Ѳиваидѣ, въ области какого-нибудь домена царя она не существовала. Указаніе на то, что и въ Фаюмѣ могло существовать право владѣнія на пахотную землю, и притомъ одинаковое тому, что и на сады и виноградники, мы находимъ въ тѣхъ же тебтунисскихъ папирусахъ, но написанныхъ не греческихъ письмомъ, а демотическимъ и изданныхъ и переведенныхъ Spiegelberg'омъ. М. И. Ростовцевъ не воспользовался богатымъ демотическимъ матеріаломъ, который существовалъ уже до времени появленія его труда [1]). Онъ относился, вѣроятно, еще съ извѣстнымъ недовѣріемъ къ цѣнности его, какъ историческаго источника [2]). Но отъ этого недовѣрія надо

сахъ передъ нами, дѣйствительно, архивъ комограмматевса государственнаго имѣнія, то тогда будетъ весьма рискованнымъ строить на основаніи ихъ какіе-либо выводы, которые были бы обязательными для всѣхъ земельныхъ категорій, существовавшихъ въ Египтѣ. Вѣдь въ области доменовъ долженъ былъ господствовать совсѣмъ иной укладъ аграрной жизни, чѣмъ въ области прочей земли, не входящей въ составъ государственныхъ имѣній. Такъ, напр., можетъ быть, подраздѣленіе земель на γῆ ἐν ἀφέσει и γῆ βασιλική не охватываетъ всѣхъ земель Египта, но примѣнимо лишь въ области доменовъ. Подобное предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ современныхъ тебтунисскимъ папирусамъ гебеленскихъ текстахъ мы ни разу не встрѣчаемъ упоминанія о γῆ ἐν ἀφέσει, однимъ изъ разрядовъ которой должны же были быть и владѣнія контрагентовъ названной серіи документовъ. Подобный скепсисъ, или, вѣрнѣе, возможность скепсиса, къ всеобъемлющему значенію дѣленія земель на γῆ ἐν ἀφέσει и γῆ βασιλική вызываетъ, въ свою очередь, сильное сомнѣніе въ вѣрности рѣшенія вопроса о собственности на землю въ птолемеевскомъ Египтѣ.

[1]) *Spiegelberg,* Demotische Papyrus aus den Königl. Museen zu Berlin, 1902. Die Demotischen Papyrus der Strassburger Bibliothek, 1902—4; Die Demotischen Inschriften, 1904 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire); Demotische Papyrus von der Insel Elephantine, 1908; Die Demotischen Papyrus, 1908 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire); Die Demotischen Papyrus des Musées royaux du cinquantenaire, 1909. *F. Ll. Griffith,* Catalogue of the demotic Papyri in the John Rylands Library in Manchester, 1909.

[2]) *М. И. Ростовцевъ* упрекнулъ W. Otto въ своей критикѣ на книгу послѣдняго „Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten" въ построеніи важныхъ

отказаться. Демотическіе папирусы теперь существуютъ не только въ переводѣ легкомысленнаго иной разъ Revillout, хотя и онъ уже не такъ плохъ [1]), но и въ переводѣ такихъ ученыхъ, какъ Griffith и Spiegelberg. На переводы послѣднихъ, поскольку они сами даютъ ихъ безъ какого-либо колебанія, можно спокойно полагаться, и поэтому ими можно и даже необходимо пользоваться при построеніяхъ въ области исторіи птолемсевско-римскаго Египта, ибо „die Geschichte dieses zweisprachigen Landes ist ohne sie nicht zu verstehen“, говоритъ Wilcken [2]).

выводовъ на основаніи демотическаго матеріала, но вѣдь это „dem. Urkunden, welche von Revillout übersetzt werden“ (*G. G. A.*, 1909, 624).

[1]) *М. И. Ростовцевъ* самъ даже пользуется демотическимъ папирусомъ въ переводѣ Revillout (стр. 213—14 l. c.).

[2]) *Archiv*, IV (1908), 245, рецензія *Wilcken*'а на изданіе Шпигельбергомъ демотическихъ надписей Каирскаго музея. См. также рецензію *Wilcken*'а на изданіе тѣмъ же авторомъ демотическихъ папирусовъ Каирскаго музея. *Archiv*, V (1913), 229, въ которой онъ признаетъ этотъ вновь изданный демотическій матеріалъ равнымъ по цѣнности, какъ историческій источникъ, съ греческими папирусами. Весьма интересно сравнить это его мнѣніе о возможности и необходимости для историка пользоваться и демотическимъ матеріаломъ, высказанное имъ въ 1908 г. (*Archiv*, IV, 245) и въ 1913 г. (*Archiv*, 229) со словами его отзыва на „Die Demotischen Papyrus der Strassburger Bibliothek, 1902“ *Spiegelberg*'а: Immerhin ist bei dem Stande dieser Forschungen Vorsicht für die Benutzung geboten (*Archiv*, II, 1903, 142). За какіе-нибудь 5 лѣтъ, такимъ образомъ, U. Wilcken успѣлъ перемѣнить свое отношеніе къ пользованію демотическими папирусами и сумѣлъ пойти наравнѣ съ развитіемъ папирологической науки. Въ своемъ „*Archiv*“ въ отдѣлѣ библіографіи онъ съ тѣмъ же вниманіемъ отмѣчаетъ каждое появленіе новаго матеріала въ области демотики, какъ и появленіе новыхъ греческихъ текстовъ. Если же подобную гибкость духа находимъ въ не совсѣмъ уже молодомъ ученомъ, то тѣмъ болѣе обидна становится отсталость во взглядахъ на цѣнность демотической литературы у только что начинающаго ученаго автора появившейся въ 1913 г. книгѣ „Aegyptisches Vereinswesen zur Zeit der Ptolemäer u. Römer, I B.“ *J. Mariano San Nicolò*. Онъ не использовалъ для своей работы матеріала, написаннаго на туземномъ языкѣ, и объясняетъ это пренебреженіе слѣдующимъ образомъ въ своемъ введеніи (стр. 2): „Leider musste ich wegen meiner noch sehr geringen Kenntnisse der ägyptischen Sprache auf die Benutzung der national-ägyptischen Denkmäler verzichten und zwar sowohl der demotischen, als auch der koptischen Texte. Bloss mit Transscriptionen oder Übersetzungen aber wollte u. durfte ich, schon angesichts der Kontroversen unter den Kennern selbst, nicht arbeiten“. Эти слова автора не могутъ не вызвать полнаго недоумѣнія. Дѣйствитетьно, если правда, что между знатоками демотическихъ и коптскихъ текстовъ существуютъ контроверсы въ пониманіи ихъ, то какую бы цѣнность имѣло тогда пониманіе ихъ San Nicolò, и въ такомъ случаѣ онъ ими бы также пользоваться не могъ. Но кромѣ того, какъ я уже выше сказалъ, подобный взглядъ на пониманіе демотическихъ текстовъ теперь уже устарѣлъ (по отношенію къ копт-

Изданы были демотическіе папирусы изъ Тебтуниса Шпигельбергомъ въ „Die demotischen Papyrus" Каирскаго музея [1]), въ которомъ они хранятся наряду съ папирусами и изъ иныхъ мѣстъ. Среди многочисленныхъ текстовъ самаго различнаго содержанія, введенныхъ въ научный обиходъ этимъ изданіемъ Шпигельберга, наиболѣе интересны для занимающаго насъ вопроса о правахъ владѣнія землями пахотной и виноградной въ области γῆ ἰδιόκτητος Фаюма, папирусы, закрѣпляющія сдѣлку такъ называемаго γάμος ἄγραφος [2]). Они отмѣчены подъ №№ 30607 и 30608 (30609) Каирскаго музея. Они найдены, какъ уже сказано, въ Тебтунисѣ. Первый изъ нихъ датированъ 129/8 г. до Р. X. Мужчина говоритъ женщинѣ [3]): Du hast mein Herz zufrieden gestellt mit 21 Silber (deben) den Teilen des Hauses des Ptah gegossen—$20+\frac{9+{}^5/_6+{}^1/_{10}+{}^1/_{30}+{}^1/_{16}+{}^1/_{60}}{10}$ Silber (deben)—wiederholt 21 Silber (deben) den Teilen vom Schatzhaus des Ptah gegossen, deiner Alimentation. Den Kindern, welche du mir gebierst, gehört alles und jedes, was mir (gegenwärtig) gehört und was ich (noch) erwerbe, Haus, Acker, Gehöft, Grundstück, Weingarten (σωμ), Baumgarten (ω∠νн), Mauern, senḫ, Sklave, Sklavin, Ochsen, Esel,...... jegliches Kleinvieh, (und) jede Sache....... der Welt. Второй папирусъ [4]) датированъ 124/3 г. до Р. X.: Du hast mein Herz и т. д..... Den Kindern, welche du mir gebierst, gehört alles und jedes, was mir (gegenwärtig) gehört und was ich (noch) erwerben werde an Haus, Acker, Hof, Grundstück, Weingarten, Baumgarten, Mauer, senḫ, Sklave, Sklavin, Ochse, Esel... | jegliches Kleinvieh, jede Schrift (und) jede Gerichtsentscheidung (стр. 2 сл.). Изъ словъ этой формулы съ очевидностью вытекаетъ, что и пахотное поле могло стать имуществомъ гражданина наряду съ прочимъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ, и могло, какъ и все прочее его

скимъ документамъ же онъ просто не допустимъ). Надо только надѣяться, что такое несправедливое пренебреженіе демотическимъ матеріаломъ отойдетъ вскорѣ уже въ область преданія, и ученые будутъ пользоваться для своихъ историческихъ построеній и демотическими папирусами, наравнѣ съ греческими. Всю плодотворность сліянія демотическаго и греческаго матеріала доказалъ *Sethe* въ своемъ трудѣ „Sarapis" 1913 г. Только благодаря привлеченію демотическихъ папирусовъ ему удалось, наконецъ, разрѣшить темный и неразрѣшенный эллинистами вопросъ о κάτοχοι Мемфисскаго Серапеума.

[1]) Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire.

[2]) См. статью *Spiegelberg*'а о γάμος ἄγραφος въ *Rec. d. trav.* 28, 30 сл.

[3]) По своему соціальному положенію мужчина, кажется, являлся купцомъ.

[4]) Мужчина принадлежитъ къ жреческому сословію.

достояніе перейти къ дѣтямъ. Эта формула извѣстна мнѣ пока изъ названныхъ двухъ тебтунисскихъ папирусовъ, что̀, конечно, является случайностью, и мы найдемъ ее и въ γάμοι ἄγραφοι Ѳиваиды, если судьба подаритъ намъ таковые [1]. Но какъ бы то ни было, для насъ весьма важенъ тотъ фактъ, что эта формула, доказывающая равенство правъ владѣнія садовой и пахотной землями, нашлась и въ Фаюмѣ, области Египта, для которой М. И. Ростовцевъ отрицалъ право владѣнія на землю пахотную, по крайней мѣрѣ, въ томъ объемѣ, въ какомъ оно существовало на ἀμπελῶνες и παράδεισοι. Указаніе на существованіе γῆ ἰδιόκτητος и въ Фаюмѣ сохранилъ намъ, кромѣ этихъ демотическихъ папирусовъ, еще уже выше названный P. Tebt. I, 124, являющійся прошеніемъ на имя царя группы клеруховъ Арсиноитскаго нома, къ которому были присоединены текстъ декретовъ φιλάνθρωπα, трактующихъ о клерухахъ. Въ одномъ изъ этихъ φιλάνθρωπα и упоминаются катэки, вошедшіе въ этотъ разрядъ клеруховъ изъ числа ἰδιοκτήμονες (стр. 32 и 39), т. е. владѣтелей γῆ ἰδιόκτητος. Если бы въ Фаюмѣ ихъ совсѣмъ не было, то врядъ ли бы они были и приведены въ текстѣ, составленномъ для фаюмскихъ клеруховъ.

Резюмируемъ теперь вкратцѣ все то, что̀ мы установили о правѣ владѣнія землею пахотной, съ одной стороны, и ἀμπελῶνες и παράδεισοι— съ другой въ области γῆ ἰδιόκτητος. Въ предѣлахъ земли, купленной изъ βασιλικόν—право владѣніями обѣими категоріями земель оказалось одинаковымъ. Одинаково оно было также и во владѣніяхъ контрагентовъ гебеленской серіи времени Евергета II. Предположеніе же что Фаюмъ является въ какомъ-то особомъ положеніи, что въ немъ не

---

[1]) Зато изъ Ѳиваиды дошли до насъ брачные контракты, образцовъ которыхъ изъ Фаюма не имѣются. Въ брачныхъ контрактахъ III в. входитъ въ составъ ихъ формула, очень похожая на процитированную въ текстѣ формулу γάμοι ἄγραφοι; такъ въ текстѣ 2-го года Александра IV (*Griffith*, Catalogue of the demotic papyri X, 3) изъ Ѳивъ: My eldest son is thine eldest son, the owner of all of everything that belongeth to me and of those things that I shall gain, of house, land, revenue (?), slave, female slave, silver, copper, clothing, ox, ass, small cattle, property in any chamber (?) Слова этой формулы доказываютъ намъ, что, по крайней мѣрѣ, въ Ѳиваидѣ уже въ концѣ IV в. существовало наслѣдственное право на землю вообще. Ср. также соотвѣтствующую формулу брачнаго контракта 231/30 г. до Р. Х. неизвѣстнаго происхожденія, изданнаго *Шпигельбергомъ* въ „Die Demotischen Papyrus“ Каирскаго музея подъ № 30601. Во II в. эта формула упрощается такъ напр. въ брачномъ контрактѣ этого времени изъ Гебелена (*Griffith*, l. c. XVI, 6): Thy eldest son (is) my eldest son amongst the children that thou shalt bear to me (and?) the owner of all of everything that belongeth unto me, and that I shall acquire.

существовало совсѣмъ частновладѣльческихъ правъ на пахотную землю, не имѣетъ основанія. Наоборотъ, мы имѣемъ прямое свидѣтельство демотическихъ текстовъ изъ Фаюма, что право владѣнія какъ γῆ σπόριμος, такъ и ἀμπελῶνες и παράδεισοι, было одинаково. Въ виду этого можно установить, что въ области γῆ ἰδιόκτητος, или вѣрнѣе тѣхъ двухъ разрядовъ земли, которыя я причислилъ къ ней, право владѣнія обѣими разбираемыми категоріями земель было тожественно для всего Египта, причемъ для частнаго владѣнія, основаннаго на куплѣ изъ казны это доказано уже съ III в., а для частнаго владѣнія неизвѣстнаго намъ происхожденія, лишь со II в.

Перейдемъ теперь къ γῆ κληρουχική. Въ области ея ἀμπελῶνες и παράδεισοι играли, очевидно, не послѣднюю роль. Въ Revenue Laws III в. клерухи перечисляются въ первую голову среди обладателей садовой земли: col. 36, 12 сл. καὶ τ[οὺ]ς κ[ληρο]ύχους τοὺς ἔχοντας <τοὺς> ἀμπελῶ[νας] | ἢ παρα[δείσ]ου[ς ἐ]ν τοῖς κλήροις οἷς εἰλήφασι παρὰ τ[ο]ῦ βα|σιλέως καὶ τοὺς λοιποὺς πάντας τοὺς κεκτημένους | κτλ. Въ царскомъ декретѣ начала I в., при перечисленіи облегченій въ платежахъ клерухамъ, поставлены также на первомъ мѣстѣ владѣтели садовъ и виноградниковъ: B. G. U. IV, № 1185, 19 сл.: καὶ τοὺς ἀμπελῶνας καὶ παραδείσους | ὧν τετελέκασι εἰς τὴν τοῦ κα∠ γεωμετρίαν δύς|βροχον δ[ι]ὰ τὸ
ει
λείαν ὑψηλὴν εἶναι καὶ εἰς ἀμπέλου καὶ παραδείσων φυτ[[η]]αν καὶ ἄλλα αὐτὰ
εί
μόνον|τα ἀργυρικὰ καὶ σιτικὰ ἀτελ[[η]]ας καὶ ταύταις μερι|σθείσης. Вопросъ объ объемѣ правъ на эти ἀμπελῶνες и παράδεισοι по сравненію съ объемомъ правъ на пахотныя поля клеросовъ довольно сложенъ и теменъ, и поэтому придется на немъ остановиться. Отъ 22 г. Евергета I (P. Petrie, III, 19 c) дошло до насъ завѣщаніе одного клеруха. Въ немъ завѣщается, между прочимъ, и ἀμπελών. На основаніи этого папируса, а также и Rev. Laws 24, 4 сл.: παρὰ δὲ τῶν [κληρούχων] | [κα]ὶ τῶν στρατευομένων και τοὺ[ς ἑαυτῶν] | κλήρους πεφυτευκότων....... τὴν δεκάτην М. И. Ростовцевъ дѣлаетъ выводъ, что клерухи имѣли право засадить свой κλῆρος, или часть его, сдѣлать его такимъ образомъ частнымъ владѣніемъ и завѣщать его, что для прочихъ κλῆροι было воспрещено. Онъ допускаетъ, что для φυτεύειν требовалось разрѣшенія правительства [1]). Я считаю это неправдоподобнымъ. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ получалось бы большое неудобство для государства. Мы знаемъ изъ P. Petrie, III, 104—106 и P. Lille, 14, что надѣлы

[1]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 17.

клеруховъ въ началѣ правленія Евергета I находились въ постоянномъ движеніи, и что государство сильно подчеркивало прекарное владѣніе клеруховъ. А въ то же время оно бы допускало, что эти же самые клерухи превращали надѣлы въ свое наслѣдственное владѣніе засадкой ихъ и этимъ лишали бы государство свободы распоряжаться ими. Это неудобство усугублялось бы еще тѣмъ, что κλῆροι, предназначенные для болѣе экстенсивнаго использованія, связаннаго съ запашкой и, благодаря этому довольно обширные (самые маленькіе по размѣрамъ 7 аруръ), врядъ ли могли бы засаживаться цѣликомъ, и поэтому получилась бы большая черезполосица. Эту часть надѣла государство можетъ отдать по смерти клеруха другому солдату, чтобы онъ могъ съ него нести свою военную тяготу, а другая остается уже въ наслѣдственномъ владѣніи семьи умершаго, вслѣдствіе чего теперешнему владѣльцу клера необходимо дать, взамѣнъ этого оторваннаго куска его надѣла, другой какой-нибудь участокъ земли. Поэтому, я думаю, лучше еще разъ просмотрѣть имѣющіяся данныя; можетъ быть, они и не потребуютъ отъ насъ вывода, рисующаго столь невозможное для государства положеніе. Въ P. Petrie, III, 19 с, гдѣ завѣщается ἀμπελών, нигдѣ не говорится, чтобы этотъ виноградникъ входилъ въ составъ надѣла завѣщателя, полученнаго имъ отъ царя. Надо при этомъ имѣть въ виду, что въ серіи завѣщаній, изданныхъ въ P. Petrie, III, 1—19 отмѣчается имущество клеруха, данное ему изъ βασιλικόν, такъ въ P. Petrie 6a, 31 сл.: κατα[λείπω] | [καὶ τὸν στ]αθμὸν [ὃν] ἔλαβον ἐγ βασι[λικοῦ] κτλ. То же самое указано относительно завѣщаемаго σταθμός и въ P. Petrie 12, 19 [1]). Въ виду этого мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ предположить относительно виноградника P. Petrie, III, 19, что клерухъ его пріобрѣлъ вполнѣ независимо отъ государства, будучи ἐν ἐξουσίᾳ подобно στρατηγοί P. Par. 63, 34—35. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ Rev. L. 36, 11 сл. подчеркивается принадлежность παράδεισοι и ἀμπελῶνες къ κλῆροι клеруховъ: καὶ τοὺς κ[ληρο]ύχους τοὺς ἔχοντας [(τοὺς)] ἀμπελῶ[νας] | ἢ παρα[δείσ]ου[ς ἐ]ν τοῖς κλήροις, οἷς εἰλήφασιν παρὰ τ[ο]ῦ βασιλέως καὶ τ[οὺ]ς λοιποὺς πάντας τοὺς κεκτημένους | ἀμπελῶνας ἢ παραδείσους. Очевидно, существовали еще иные клерухи, которые владѣли виноградниками и садами, не входившими въ составъ ихъ κλῆροι и причислявшіеся поэтому къ οἱ λοιποὶ πάντες οἱ κεκτημένοι. Поэтому вслѣдствіе весьма вѣ-

[1]) Если въ P. Petrie, III, 31 σταθμός приводится безъ указанія на то, что завѣщатель получилъ его изъ βασιλικόν, то это доказываетъ, что онъ самъ получилъ его уже не изъ казны, а въ наслѣдство отъ своего отца.

роятнаго предположенія о непринадлежности виноградника P. Petrie, III, 19 къ надѣлу, я считаю рискованнымъ пользоваться даннымъ текстомъ, какъ основаніемъ для вывода о положеніи παράδεισοι и ἀμπελῶνες въ области γῆ κληρουχική. А изъ Rev. L. 24, 10 сл., въ связи съ свидѣтельствомъ col. 36, 10 сл., можно получить совсѣмъ иной выводъ о правѣ владѣнія обѣими категоріями земель въ области γῆ κληρουχική. Соглашаясь съ U. Wilcken'омъ и М. И. Ростовцевымъ въ пониманіи выше приведенныхъ словъ R. L. 24, 4 сл., какъ облегченія уплаты ἀπόμοιρα (лишь δεκάτη) клерухамъ, засадившимъ сами свои надѣлы, придется допустить существованіе и другихъ клеруховъ, которые не сами засадили свои κλῆροι, а получили ихъ уже таковыми, и платили поэтому ἀπόμοιρα въ полномъ ея размѣрѣ, т. е. шестину. Спрашивается, отъ кого получали эти клерухи свои ἀμπελῶνες и παράδεισοι, по завѣщанію отъ отцовъ своихъ, или же отъ царя. Отвѣтъ на это даетъ Rev. L. col. 36, 10 сл.: ὡσαύτω[ς] δὲ καὶ τ[οὺς] κ[ληρο]ύχους τοὺς ἔχοντας [[τοὺς]] ἀμπελῶ[νας] ἢ παρα[δείσ]ου[ς ἐ]ν τοῖς κλήροις οἷς εἰλήφασι παρὰ τ[ο]ῦ βασιλέως, т. е. въ III в., во время правленія Птолемея II, надѣлы, превращенные въ сады и виноградники, передавались клерухамъ царемъ наравнѣ съ надѣлами, засѣянными хлѣбными злаками, а не на основаніи завѣщанія ихъ отцовъ. Въ послѣдующее время, въ особенности во II в., право на κλῆροι владѣльцевъ ихъ расширяется. Клерухи имѣютъ право дарить земли свои въ храмы [1]). Государство обезпечиваетъ себѣ добросовѣстное исполненіе литургическихъ обязанностей клеруховъ надѣлами ихъ [2]). Клерухи пріобрѣтаютъ теперь также право завѣщать свои κλῆροι [3]) наравнѣ со σταθμοί, которые они имѣли право завѣщать, судя по свидѣтельству P. Petrie, III 6 a и 12, уже во время правленія Евергета I [4]). На

---

[1]) Tebt. P. I, 60, 10—11 и стр. 543.

[2]) Tebt. P. I, 27, 47—52 и *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 80—81.

[3]) *U. Wilcken*, l. c. B. I. H. I, 385—6. Отсутствіе надѣла (κλῆρος) въ завѣщаніи извѣстнаго Дрютона (*Grenfell*, Gr. Pap. I, 21, ср. 12 [126 до Р. X]) еще ничего не доказываетъ. Дрютонъ называетъ себя κρὴς τῶν διαδόχων καὶ τοῦ ἐπιτάγματος ἵππαρχο[ς ἐπ' ἀνδρῶν и былъ поэтому военный, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ и былъ клерухъ, ибо существовали солдаты, получавшіе одинъ лишь σταθμός, а надѣлъ замѣняло имъ жалованье (Δικαιώματα, 100). Тѣ же 35 артабъ пшеницы, которыхъ жена Дрютона отдаетъ въ долгъ (*Grenfell*, Gr. Pap. I, 18), могли быть взяты и изъ жалованья мужа, и изъ какой-либо приарендованной земли, или же вообще пріобрѣтены какимъ-либо способомъ.

[4]) Если σταθμός клеруха сталъ раньше наслѣдственнымъ имуществомъ, чѣмъ его κλῆρος, то это не является параллелью къ общему развитію собственности, которое развивалось яко бы сперва по отношенію къ дому, а потомъ къ пахотной землѣ,

рубежѣ II—I в. царь даже отказывается отъ тѣхъ военныхъ надѣловъ, владѣльцы которыхъ умерли безъ завѣщанія. Познакомилъ насъ съ этимъ постановленіемъ папирусъ B. G. U. IV № 1185, содержаніемъ котораго служили προστάγματα въ пользу клеруховъ Гераклеопольскаго нома. Слова, устанавливающія данное постановленіе въ названномъ папирусѣ I стр. 16 сл.: ἐὰν δέ τινες ἐξ αὐτῶν τελευτήσωσι ἀδιάθετοι, ἔρχεσθαι τοὺς κλήρους τούτων εἰς τοὺς ἔγγιστα γένους καθότι καὶ ἐπὴ (= ἐπὶ) τῶν Ἀρσινοειτῶν ἐστιν интересны еще своимъ указаніемъ на то, что это право было ново лишь по отношенію къ клерухамъ Гераклеопольскаго нома, клерухи же Фаюма его уже имѣли. Это подтверждаетъ мнѣніе М. И. Ростовцева объ извѣстной обособленности правъ владѣнія Арсинойскаго нома отъ права владѣнія, установленнаго въ прочихъ номахъ. Но только, судя по свидѣтельству даннаго папируса, обособленность эта шла въ иномъ направленіи, чѣмъ предполагаетъ это М. И. Ростовцевъ. Право владѣнія населенія Фаюма было не уже прочаго, господствующаго въ прочихъ номахъ, но, наоборотъ, шире его, какъ это и a priori уже вѣроятно (см. выше). Всѣ только что перечисленныя права, достигнутыя клерухами въ II в. на свои надѣлы, причемъ клерухи Арсинои достигли ихъ по всей вѣроятности раньше прочихъ, относились къ клеросамъ, какъ засаженнымъ, такъ и засѣяннымъ, подобно тому, какъ въ эпоху Филадельфа права на клеросъ обѣихъ категорій были одинаково прекарны.

Положеніе садовъ и виноградниковъ въ области γῆ ἐν δωρεᾷ для насъ неизвѣстно за отсутствіемъ матеріала. Мы знаемъ только, что таковыя имѣлись въ названной категоріи земель, ибо владѣльцы ἐν δωρεᾷ упоминаются наряду съ клерухами и государственными арендаторами въ числѣ владѣльцевъ ἀμπελῶνες и παράδεισοι. Кромѣ этого указанія мы ничего не имѣемъ; но въ виду того, что γῆ ἐν δωρεᾷ является въ сущности γῆ κληρουχική en gros [1]), я думаю, что положеніе садовой земли въ области ея не отличалось отъ положенія въ κλῆροι военныхъ держателей, т. е. было одинаково съ положеніемъ пахотныхъ полей, входящихъ также въ составъ ея.

какъ это предполагаетъ *U. Wilcken* (l. c. I. B. I H., 386—387) а причина тому просто скаредность правительства. Σταθμοί не были взимаемы изъ казны, а давались населеніемъ, клеросъ же выкраивался изъ доменовъ, и правительству было поэтому легче отказаться отъ σταθμοί своего посредственнаго имущества, чѣмъ отъ клероса, своего непосредственнаго имущества.

[1]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c., 42—45 и *U. Wilcken*, l. c. B. I H. I, 284.

Перейдемъ теперь къ γῆ ἱερά. Тутъ вопросъ о правахъ владѣнія землями пахотной и садовой обстоитъ довольно ясно. Rev. L. col. 36, 3 слѣд.: τ[οὺς κατὰ τὴν χ]ώραν βασιλικοὺς γραμματεῖς | τῶ[ν νομῶν ἀπ]ογράφειν ἕκαστον οὗ νομοῦ γραμ|μα[τεύει τό τ]ε πλῆθος τῶν ἀρουρῶν τῶν ἀμπέ∠λο[υ καὶ] παρ[αδ]είσων καὶ τὰ ἐκ τούτων γενήματα κα[τὰ] γεωρ[γὸ]ν ἀπὸ τοῦ κβ∠ διαστέλλοντας | τὴ[ν ἱ]ερὰν γ[ῆν] καὶ ταῦτα ἐκ ταύτης γενήματα | ἵνα [ἡ] λοιπὴ κτλ. доказываетъ намъ, что сады и виноградники храмовъ причислялись правительствомъ въ III вѣкѣ къ γῆ ἱερά, а въ виду этого и трактовались имъ наравнѣ съ пахотными полями, входящими въ составъ храмовой земли. Въ одномъ изъ кадастровъ деревни Керкеосирисъ, мы встрѣчаемъ то же причисленіе ἀμπελῶνες и παράδεισοι къ области γῆ ἱερά, а именно въ P. Tebt. I, 64 a, 1—3: ἱερᾶς γῆς· Σούχου θεοῦ μεγάλου [μεγάλου ρμα∠] | τούτων· ἀμπέλου ἐρήμ[ου κ], σιτοφόρου ἐμβρόχου [ρκαδ′ χέρσος. Это, конечно, не мѣшаетъ тому, что въ иныхъ документахъ γῆ ἱερά и сады отличаются другъ отъ друга, сообразно болѣе узкому значенію γῆ — пахотная земля [1]), напр. въ россетскомъ декретѣ, 29 стр. сл.: ἀπέλυσεν δὲ τὰ ἱερὰ καὶ τῆς ἀ[ποδιδο?]μένης ἀρτάβης τῆι ἀρούραι τῆς ἱερᾶς γῆς καὶ τῆς ἀμπελίτιδος ὁμοί[ως | τὸ κεράμιον τῆι ἀρούραι. Но эти же самыя слова россетскаго декрета доказываютъ намъ, что государство столь мало различало между виноградной и пахотной землями храмовъ, что платежи ихъ свело подъ одинъ знаменатель, требуя съ аруры или одну артабу зерна, или одинъ керамiонъ вина. Изъ кадастра города Арсинои Tebt. P. I, 86, 14 мы узнаемъ объ особомъ обозначеніи садовъ, входящихъ въ составъ γῆ ἱερά, которое подчеркиваетъ и ихъ принадлежность храмамъ и ихъ отличіе отъ пахотныхъ полей, а именно ἱερὰ παράδεισος. Въ пользу неразличенія права владѣнія садовой и пахотной землями въ области τῆ ἱερά говоритъ и то обстоятельство, съ которымъ насъ знакомятъ уже выше названные демотическіе папирусы Каирскаго музея [2]), то, что на пахотныхъ поляхъ храмовъ, росли и фруктовыя деревья, насаженныя, вѣроятно, въ узкихъ полосахъ между отдѣльными участками γῆ σιτόφορος, или же на неподходящихъ для хлѣбной культуры мѣстахъ посрединѣ ихъ. Такъ, въ № 30631, являющемся „Lehnvertrag" между однимъ жрецомъ и жреческой коллегіей, мы читаемъ: 15 стр. сл. Die obigen Ackeraruren gehören dir. Du pflügst sie, du bewirtschaftest sie mit jeder Landarbeit,

[1]) *U. Wilcken*, l. c. B. I H., 304.

[2]) *Spiegelberg*, Die demotischen Papyrus (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire).

|deine Äcker (und) deine..... Du nimmst | ihre Bäume und ihre Früchte von | dem Wuchs des Jahres 33 an. | [1]). Если мы теперь представимъ себѣ, что садовая земля трактовалась всегда по иному праву, чѣмъ γῆ σιτόφορος, то изъ этого получится при наличности указаннаго обстоятельства большая черезполосица. Другой фактъ, тоже говорящій противъ трактованія земель пахотной и виноградной съ двухъ различныхъ правъ владѣнія, является тотъ, что иной разъ храмы переводили свой виноградный χέρσος не обратно въ ἀμπελών, а въ пахотное поле. Такъ поступили, напр., жрецы деревни Магдолы, засѣявъ изъ 150 аруръ ἀμπελῖτις χέρσος части аруръ хлѣбными злаками (Tebt. P. I, 82, 36 [2]). Если бы, дѣйствительно, право владѣнія обѣими категоріями земель столь строго различалось другъ отъ друга, причемъ право на землю пахотную было болѣе ограничено, то такое переведеніе виноградной земли въ γῆ σπόριμος было бы весьма неправдоподобно.

Въ области γῆ βασιλική существовали, какъ это мы видѣли уже выше, ἀμπελῶνες и παράδεισοι, но въ общемъ матеріалъ, на основаніи котораго мы могли бы судить о правахъ владѣнія царскими пахотной и виноградной землями, довольно-таки скуденъ. Изъ Tebt. P. I, 80, обрывка кадастра деревни Магдолы, мы узнаемъ, что съ фискальной точки зрѣнія эти обѣ категоріи земли трактовались одинаково. Сады и виноградники вносили свои платежи не деньгами, какъ это было принято до сихъ поръ думать о садовой землѣ [3]), но натурою, подобно арурамъ пахотной земли. Въ конечномъ итогѣ названнаго папируса число аруръ садовой и число аруръ пахотной земли сведены въ одну общую сумму аруръ, составляющихъ одинъ разрядъ земли деревни Магдолы, относительно котораго я предполагаю, что это γῆ βασιλική, и это сведеніе παράδεισοι, ἀμπελῶνες и пахотныхъ полей въ одну общую сумму говоритъ за трактованіе ихъ всѣхъ на основаніи одного и того же права владѣнія.

---

[1]) Ср. также и № 31079, являющимся арендным договоромъ двухъ жрецовъ между собою.

[2]) Указаніе на подобное переведеніе садовой земли въ пахотную сохранилось, кажется, и для γῆ κληρουχική, по крайней мѣрѣ въ Tebt. P. I, 62, 41 сл.. перечисляющемъ владѣнія клеруха Διονυσίου τοῦ Πυρρίχου ιηδ΄ή, Ἰσιείου συ(μπεριειλημμένου?) | [[γεω(μετρία)]] ∠ις΄λ΄β΄, παρα(δείσων) ἐρή(μων) δ΄ή, περιστε(ρῶνος) ἐρή(μου) λ΄β΄ | α | κα(ταλείπονται) ιζδ΄ή, | (πυρῶι) ι φα(κῶι) ζδ΄ή", въ 119—8 г. до Р. Х., а въ P. Tebt. P. I, 63, 45 слѣд. перечисляющемъ владѣнія того же клеруха въ 116—115 г. до Р. Х., причемъ ареалъ вполнѣ идентиченъ) мы встрѣчаемъ лишь засѣянную землю и ὑπόλογον ἔμβροχον.

[3]) *U. Wilcken*, l. c. B. I. H. I, 171.

Кромѣ Tebt. P. I, 80 мы можемъ обогатить нашъ матеріалъ по вопросу положенія садовой земли въ области γῆ βασιλική привлеченіемъ пресловутыхъ 92—98 строкъ пятаго тебтунисскаго папируса. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, думается, что изъ этихъ строкъ текста можно заключить о томъ классѣ землевладѣльцевъ, къ которому обращался Евергетъ II съ этимъ предписаніемъ и также найти указаніе на то, что они продолжали оставаться въ этомъ классѣ и послѣ произведенія καταφύτευσις и что классомъ этимъ являлись γεωργοὶ βασιλικοί. Дѣйствительно, вѣдь Евергетъ II обращается съ этимъ предписаніемъ къ τοὺς γεω(ργοῦντας) κα[[ί]]τὰ τὴν χώραν γ[ῆν ἀ]μπελῖτιν [ἢ] παραδείσους, а γεωργεῖν, какъ и γεωργοί, употреблялось въ эллинистическомъ Египтѣ, да и вообщс въ эллинистическихъ странахъ обыкновенно въ смыслѣ „арендовать" или „арендаторъ" [1]). Указаніе же на то, что эти γεωργοῦντες остаются и послѣ καταφύτευσις государственными арендаторами, я вижу въ томъ фактѣ, что они, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, платятъ всѣ φόροι, согласно всѣмъ прочимъ владѣльцамъ земли, приносящей φόρος. Φόρος же, какъ мы видѣли, являлся платежомъ съ виноградной и садовой земли, аналогичнымъ ἐκφόριον съ γῆ σπόριμος, т. е. арендной платой. И, дѣйствительно, предположеніе, что это [φ]όριμος указываетъ на особый родъ садовой земли, а именно арендованной, или въ простую, или въ наслѣдственную аренду, дѣлаетъ намъ понятнѣе слова предписанія: ἀπὸ δὲ τοῦ θ' (ἔτους) πάντας τελεῖν καθὰ καὶ οἱ ἄλλοι [οἱ] τὴν [φό]ριμον κεκτημένοι, чѣмъ предположеніе, что φόριμος γῆ обозначало садовую землю всѣхъ категорій. Въ такомъ случаѣ καθὰ καὶ οἱ ἄλλοι [οἱ] τὴν [φό]ριμον κεκτημένοι было бы лишено всякаго конкретнаго содержанія, такъ какъ мы знаемъ, что садовая земля различныхъ категорій трактовалась различно съ различныхъ точекъ зрѣнія [2]). Предложеніе Tebt. P. I, 5,

---

[1]) *М. И. Ростовцевъ*, l. c. 238; онъ самъ же при интерпретаціи часто цитированной мною 37 col. Rev. L. γεωργοῦντες καθ' ὁντινοῦν τρόπον понималъ какъ арендаторовъ государственной земли (l. c., стр. 14.: Es werden also drei Reihen Wein-und Gartenlandbebauer angeführt . . . . , und die γεωργοῦντες—die Staatspächter), а почему онъ для γεωργοῦντες 97 стр. пятаго Тебтунисскаго папируса дѣлаетъ исключеніе (l. c. стр. 16: Die Okkupanten sind οἱ γεωργοῦντες γῆν ἀμπελῖτιν καὶ παραδείσους, und zwar in der χώρα, also tatsächliche Bearbeiter des Wein-und Gartenlandes; ob sie Pächter oder Besitzer dieses Landes sind, wird nicht gesagt, denn in dem Worte γεωργεῖν allein ist das Besitzrecht nicht ausgedrückt), для меня не совсѣмъ ясно.

[2]) Tebt. P. I, 80 (γῆ βασιλική). Eleph. P. XIV (γῆ ἰδιόκτητος); россетскій камень (γῆ ἱερά) и B. G. U. 1185 (γῆ κληρουχική),

97 сл. является, такимъ образомъ, μίσθωσις ἐξ ἀξίας въ области садовой земли царя, параллельной упомянутой уже мною μίσθωσις ἐξ ἀξίας въ предѣлахъ царской γῆ σπόριμος, съ которой знакомили насъ Tebt. P. I 61 b и 72. Въ προστάγματα Евергета II о ней также, кажется, говорится въ испорченныхъ строкахъ 103—109 [1]), почти непосредственно за предписаніемъ стр. 97 сл., что́ тоже указываетъ на тѣсную связь обоихъ этихъ институтовъ. Единственное различіе, существующее между устанавливаемыми προστάγματα правилами эмфитевзиса пахотной и садовой земель, то, что эмфитевтъ пахотной земли не освобождался совсѣмъ отъ уплаты ἐκφόριον, подобно эмфитевту садовой земли, освобождающемуся отъ несенія какого-либо φόρος на 5 лѣтъ, Это облегченіе по отношенію къ послѣднему разряду эмфитевтовъ весьма понятно и справедливо, ибо приведеніе вновь въ доходное состояніе запустѣвшаго виноградника и сада связано съ большей затратой капитала и времени, чѣмъ меліорація пахотнаго поля. Что же касается какого-либо различія въ правахъ владѣнія на основаніи предписанія Tebt. P. I, 5, 92 сл., то о немъ и рѣчи быть не можетъ. Этимъ предписаніемъ προστάγματα Евергета II, да еще Tebt. I, 80 и исчерпывается тотъ матеріалъ, на основаніи котораго мы можемъ говорить о положеніи садовой и пахотной земель въ области γῆ βασιλική. Но и изъ этого скуднаго матеріала мы узнаемъ кое-что рѣшающее для нашего вопроса. Сады и виноградники γῆ βασιλική вносятъ платежи свои, подобно прочимъ землямъ царя, натурою, и являются исключеніемъ изъ того правила, что παράδεισοι и ἀμπελῶνες платятъ деньгами. Въ кадастрѣ, въ конечныхъ итогахъ, счисляются въ общія суммы и аруры садовой и пахотной земель, и артабы, выплачиваемыя обѣими категоріями земель. Права владѣнія эмфитевтовъ какъ γῆ σπόριμος, такъ и παράδεισοι и ἀμπελῶνες были одинаковы. И уже на основаніи этихъ немногихъ данныхъ можно сдѣлать заключеніе, что въ области γῆ βασιλική, какъ и въ области прочихъ выше разобранныхъ земельныхъ категорій, о какомъ-либо различіи права владѣнія землями пахотной и виноградной рѣчи быть не можетъ, по крайней мѣрѣ, съ II в., къ которому относятся названные тебтунисскіе папирусы.

Я прихожу къ концу моихъ соображеній. Результатъ ихъ я формулировалъ бы слѣдующимъ образомъ. Для дѣленія земель птолемеевскаго Египта по принципу размѣра права на нихъ ихъ владѣльцевъ можетъ служить лишь классификація ихъ на γῆ ἐν ἀφέσει и ея

---

[1]) *М. И. Ростовцевъ*. l. c. 31.

подраздѣленія γῆ ἱερά, γῆ κληρουχική (γῆ ἐν δωρεᾷ), γῆ ἰδιόκτητος, γῆ βασιλική. Классификаціей же земель на ἀμπελῶνες и παράδεισοι съ одной, γῆ σπόριμος—съ другой стороны, можно пользоваться лишь въ случаѣ дѣленія ихъ по образу обработки, но отнюдь не по размѣру правъ на нихъ ихъ владѣльцевъ. Съ вопросомъ о правахъ владѣнія землями пахотной и садовой стоитъ въ связи вопросъ о возникновеніи и развитіи частнаго землевладѣнія въ птолемеевскомъ Египтѣ, а поэтому новое рѣшеніе мною перваго вопроса требуетъ иного рѣшенія и второго вопроса. Изъ факта единообразія права владѣнія παράδεισοι, ἀμπελῶνες и γῆ σπόριμος вытекаетъ съ логической необходимостью, что частное землевладѣніе не могло возникнуть и развиться сперва въ области садовой, а потомъ лишь пахотной земли, какъ это устанавливаетъ М. И. Ростовцевъ, но что оно возникло и развивалось одновременно въ предѣлахъ обѣихъ названныхъ категорій земель. Правительство Лагидовъ смотрѣло вообще на все имущество, движимое, и недвижимое своихъ подданныхъ, какъ на свою собственность, которую оно представило владѣльцамъ ея лишь въ пользованіе, не отказываясь при этомъ отъ своихъ непосредственныхъ правъ владѣнія на нее. Домà оно требовало на σταθμός, скотъ требовался для работъ въ государственныхъ имѣніяхъ. На самую личность подданнаго правительство накладывало свою тяжелую руку. Съ привилегированныхъ классовъ оно требовало литургіи, съ непривилегированныхъ физическаго труда. Той же точки зрѣнія, какъ на собственность съ оставленіемъ за собой непосредственныхъ правъ владѣнія на нее, Птолемеи придерживались сперва и по отношенію ко всѣмъ земельнымъ угодьямъ, безразлично будь это садъ, или виноградники, или пахотное поле. Когда же, съ ослабленіемъ правительственной власти, государство начинаетъ отказываться все больше и больше отъ своихъ непосредственныхъ правъ на земельныя угодья, оно отказывается отъ нихъ и по отношенію къ пахотному полю, какъ и саду, точно такъ же, какъ въ римское время, когда понятіе земельной собственности, созданное греко-римскимъ міромъ, нашло доступъ и въ Египтѣ, эта собственность возникла тоже одновременно и въ области пахотной и въ области садовой земли.

В. Струве.